

Международная академия
методологии государственного управления
МОО

ЦИФРОВЫЕ **ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО.**

В 6 ч. Ч.1.

Аналитико-прогностический аспект

Вып. 68.

Том 1126(1168)

Москва - 2022

Научное,
энциклопедическое многотомное
издание
«Человек и общество»

действует с 1991 года (Москва Киев).

С 2016 г. –

Интернет-Издание.

Основатель, научный редактор
Комарова А.И.

<http://viperson.ru/people/komarova-alina-ivanovna>

Для государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, государственных деятелей, политиков, ученых, специалистов-практиков, преподавателей высших и иных образовательных учреждений, аспирантов, студентов ..., а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания истинно человеческого общества - общества социальной справедливости в России, Украине, в Мире.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО. В 6 ч. Ч.1. /
«Российская многонациональная
цивилизация». Вып. 68. / Гл. ред. А.И.
Комарова / Том 1126(1168)М., 2022.

©Международная академия
методологии государственного управления, 2022.

Настоящий Том 1126(1168) – это очередной выпуск 1168 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Основной из принципов нашей активности:

«Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно-управленческого, политического, научного... АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».

А. Комарова

Комарова Алина Ивановна – ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), член Центрального Совета РУСО, координатор Всероссийского общественного движения «За социализм», академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, юрист, профессор

Том 1126(1168)
в числе публикаций 50
исследовательских
направлений с учетом эволюционно-
исторической закономерности
цивилизационного развития
продолжил
рубрику Интернет-Издания
«Человек и общество»:
«Русская (славянская)
цивилизация
история, реалии, перспективы»,
расширив, обогатив рубрику:
«Российская
многонациональная
цивилизация».

* * *

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО. В 6 ч. Ч.1. /
«Российская многонациональная
цивилизация». Вып. 68. / Гл. ред. А.И.
Комарова / Том 1126(1168)М., 2022.

* * *

ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
И ПРАВО

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

В шести томах

Том 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЗНАНИЕ»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

I Международная научно-практическая
конференция

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегисшева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 560 с. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 1. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 560 p. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

Казанский
инновационный
университет имени
В. Г. Тимирязова

Министерство цифрового развития
государственного управления,
информационных технологий
и связи Республики Татарстан

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 1

Kazan
Innovative University
named after
V. G. Timiryasov

Ministry of Digitalization of Public
Administration, Information
Technologies and Communications
of the Republic of Tatarstan

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the I International Scientific and Practical Conference

September 23, 2022
Kazan

In 6 volumes
Volume 1

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова*

Редакторы:

И. Р. Бегишев, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета;

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. Шутова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А. В. Минбалиев, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Э. В. Талапина, доктор юридических наук, доктор права (Франция), ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ю. С. Харитонов, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 560 с. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560
ISBN 978-5-8399-0767-6
ISBN 978-5-8399-0768-3 (Том 1)

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 23 сентября в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2022, организуемого Кабинетом Министров Республики Татарстан под эгидой Правительства Российской Федерации.

Широкий круг рассмотренных на конференции теоретико-методологических и практикоориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов связан с приоритетами правового развития цифровых технологий, перспективами правового регулирования цифрового профилирования, экспериментальными и специальными правовыми режимом в сфере создания цифровых инноваций, интеллектуальными правами, трудовыми и связанными с ними отношениями, блокчейн-технологиями, криптовалютой, децентрализованными финансами в правовых реалиях, искусственным интеллектом, робототехникой и др.

Научные труды представленного тома систематизированы по современным трендам развития цифровых технологий в системе публично-правовых (государственно-правовых) отношений.

Нашедшие отражение в этом и иных томах сборника идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43

Editors:

Ildar R. Begishev, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov;

Elizaveta A. Gromova, PhD (Law), Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute on international activity, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial, Competition and Environmental Law, South Ural State University

Maksim V. Zaloilo, PhD (Law), Leading Researcher, Department of the Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Irina A. Filipova, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

Albina A. Shutova, PhD (Law), Senior Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Reviewers:

Anna K. Zharova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate member of the International scientific-educational Center "UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights", National Research University Higher School of Economics;

Aleksey V. Minbaleev, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Informational Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University;

Elvira V. Talapina, Doctor of Law, Doctor of Law (France), Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Center for Public Governance Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Yuliya S. Kharitonova, Doctor of Law, Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Lomonosov Moscow State University

И75 Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 1. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 560 p. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0768-3 (Volume 1)

The research works included into the collection are correlated with International Scientific and Practical Conference "Digital Technologies and Law" which took place on September 23 in Kazan during the International Forum Kazan Digital Week 2022, organized by the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan under the aegis of the Government of the Russian Federation.

The broad range of theoretical and methodological, practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues is related to the priorities of juridical development of digital technologies, prospects of legal regulation of digital profiling, experimental and special legal regimes in the sphere of digital innovations, intellectual rights, labor and adjacent relations, blockchain technologies, cryptocurrency, decentralized finance in legal realities, artificial intelligence, robotics, etc.

The research works included in this volume are systematized by the modern trends of digital technologies development in the system of public-legal (state-legal) relations.

The ideas and proposals reflected in this and other volumes are, taken integrally, a key to understanding the intellectual map of meanings, which would be interesting for legal scientists and experts in the sphere of digital technologies, practicing lawyers, representatives of law-making and law-enforcement agencies, state servants and participants of the real economy sector, young researchers – students, graduates and post-graduates, to all those interested in the issues of mutual influence of digital technologies and law.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ

М. С. Абламейко,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
юридического факультета, Белорусский государственный университет

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования цифровой трансформации Республики Беларусь. Проанализированы этапы построения информационного общества, а также вопросы регулирования социальной сферы (электронного здравоохранения, электронного образования и социальной защиты населения). Выявлены основные проблемы и вызовы, препятствующие эффективной и своевременной реализации цифровой трансформации Беларуси. Сформулированы предложения по развитию информационного законодательства стран – участников ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая трансформация, электронное правительство, Республика Беларусь

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LAW

Abstract. This article discusses the issues of legal regulation of the digital transformation of the Republic of Belarus. The stages of building an information society are analyzed. The legal issues of regulation of the social sphere are considered: e-health, e-education and social protection of the population. The main problems and challenges hindering the effective and timely implementation of the digital transformation of Belarus are considered. The proposals on the development of the information legislation of the member states of the EAEC are given.

Keywords: Digitalization, Digital technologies, Digital transformation, Electronic government, the Republic of Belarus

Введение. От все более широкого внедрения информационных технологий в жизнь человека в последние 20–25 лет все страны перешли к построению информационного общества и последующей цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности. Отличительной особенностью нового общества является то, что информация, знания, информационные услуги и все отрасли, связанные с их производством (телекоммуникационная, компьютерная, телевизионная), являются источником новых рабочих мест, становятся доминирующими в экономическом развитии.

В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования цифровой трансформации Республики Беларусь. Проанализированы этапы цифровизации общества. Определены основные проблемы и вызовы, препятствующие развитию цифровых технологий, и предложены пути решения для эффективной реализации намеченных целей цифровой трансформации Беларуси.

Основная часть. Началом развития информационного общества в правовой сфере принято считать издание постановления Совета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1991 г. № 444 «О программе информатизации в Республике Беларусь». В конце 1990-х гг. Указом Президента Республики Беларусь от 06.04.1999 № 195 была одобрена Концепция государственной политики в области информатизации с целью создания органами государственной власти необходимых правовых, экономических, организационных и других условий, обеспечивающих развитие процессов информатизации для защиты прав и законных интересов граждан и государства.

Впоследствии, базируясь на основных положениях Концепции, была принята Программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 № 1819 «Электронная Беларусь». Основной целью Программы являлось формирование в республике единого информационного пространства как одного из этапов перехода к информационному обществу, обеспечивающего создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, государственного и местного управления, обеспечения прав на свободный поиск, передачу, распространение информации о состоянии экономического и социального развития общества.

Также в этот период был принят основной законодательный акт в информационной сфере, который действует в настоящее время, – Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», определяющий основное содержание правового регулирования информационных отношений и регулирующий вопросы, касающиеся поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения, предоставления информации и пользования ею [1].

Дальнейшее развитие информационное общество получило в Стратегии развития информационного общества, которая была утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 09.08.2010 № 1174. На основании Стратегии была принята Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., утвержденная Постановлением Совета Министров от 28.03.2011 № 384, что способствовало внедрению информационных технологий более быстрыми темпами.

В 2015 г. Президиумом Совета Министров была утверждена новая Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. (протокол от 03.11.2015 № 26), определяющая принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс. Для ее реализации была разработана и выполнена Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235.

В настоящее время Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Государственной программой предусматривается выполнение мероприятий по созданию (развитию) современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий «умных городов», а также обеспечению информационной безопасности таких решений [2].

О приоритетности развития информационных технологий свидетельствует принятие Указа Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы», где среди приоритетных направлений научно-технической и инновационной деятельности определены в том числе цифровые информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, основанные на них производства (технологии «умного» города; технологии больших данных; искусственный интеллект и робототехника; цифровые пространственные модели, технологии дополненной реальности) [3].

В результате выполнения государственных программ в Республике Беларусь эффективно функционирует электронное правительство, инфраструктура которого включает такие элементы, как: базовые государственные информационные ресурсы; государственный портал электронных услуг; система межведомственного электронного взаимодействия; единая система электронной идентификации; государственные центры обработки данных; открытые данные и др. Национальный центр электронных услуг был создан для реализации идеи электронного правительства и является инфраструктурным оператором важнейших межведомственных информационных систем.

В 2020 г. Советом по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь было принято решение о целесообразности разработки двух самостоятельных законов: «О праве на доступ к информации» и «О цифровизации» [4].

Рассмотрим вопросы информатизации некоторых отраслей экономики Республики Беларусь.

Электронное здравоохранение. В 2017 г. была разработана Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь до 2022 г., целью реализации которой является содействие совершенствованию качества медицинской помощи посредством прямого обмена информацией между всеми уровнями оказания медицинской помощи и внедрения системы информационной поддержки клинических решений. Главной инициативой Концепции является создание централизованной информационной системы здравоохранения, что соответствует стратегической цели развития системы здравоохранения, предусмотренной Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.

В соответствии с Программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. основными направлениями информатизации системы здравоохранения на эту пятилетку должны стать: комплексная автоматизация организаций здравоо-

охранения на основе порталных решений и веб-технологий; обеспечение взаимодействия организаций здравоохранения в рамках единого информационного пространства отрасли; внедрение электронной медицинской карты гражданина Республики Беларусь, включая разработку правового режима ее использования; развитие проекта по использованию электронных рецептов; развитие средств телемедицины, в том числе консультирования пациентов в режиме реального времени и удаленного мониторинга состояния здоровья хронических больных [2].

Электронное образование. В Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. в качестве задачи для внедрения передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества было обозначено обеспечение доступности образования, основанного на применении современных информационных технологий как для подготовки граждан к жизни и работе в условиях цифровой экономики, так для повышения качества образовательного процесса [2].

В феврале 2022 г. глава государства утвердил новую редакцию Кодекса об образовании. Законом определяются основы государственной политики в сфере образования, закрепляются положения, направленные на повышение эффективности, качества и доступности образования с учетом тенденций развития современного образовательного пространства и практики применения действующего Кодекса.

В Кодексе дается определение дистанционных образовательных технологий (образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-коммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников), указывается, что при реализации образовательных программ в любой форме получения образования могут использоваться дистанционные образовательные технологии. Внесенные изменения предоставляют возможность высшим учебным заведениям, действуя в определенном законодателем правовом поле, использовать в учебном процессе дистанционную форму обучения, а обучающимся получать образование в дистанционной форме.

Электронная занятость и социальная защита населения. В социально-трудовой сфере Республики Беларусь функционирует комплекс государственных информационных систем и государственных информационных ресурсов республиканского масштаба, охватывающих практически все население Беларуси: «Государственная информационная система социальной защиты», «Информационно-вычислительная система государственной службы занятости», «Автоматизированная система управления индивидуальным (персонифицированным) учетом в системе государственного социального страхования», «Автоматизированная система управления профессиональным пенсионным страхованием», портал государственной службы занятости и корпоративный портал Фонда социальной защиты населения.

В настоящее время в системе Минтруда и соцзащиты прошли государственную регистрацию «Банк данных по учету и движению безработных», «Общереспубликанский банк вакансий», «Реестр индивидуальных лицевых счетов

застрахованных лиц в системе индивидуального (персонифицированного) учета в системе государственного социального страхования» и функционирующие на их базе автоматизированные информационные системы. Создан Информационный портал Государственной службы занятости, который предназначен для перевода услуг, предоставляемых населению и нанимателям органами государственной службой занятости Республики Беларусь в электронный вид.

Цифровизация данной сферы позволит формировать единый электронный социально-трудовой паспорт гражданина.

Умный город. Одним из приоритетных направлений развития страны является создание умных городов. Министерством связи и информатизации в 2019 г. разработана типовая концепция развития умных городов в качестве базового документа при формировании концепции развития умного города, являющаяся основой для адаптации и масштабирования на региональном уровне. Она подготовлена в соответствии с целями, задачами и направлениями цифровой трансформации национальной экономики, определенными ключевыми программными и стратегическими документами.

Умный город представляет собой набор автономных решений: «Активный гражданин», «Безопасный город», «Умное освещение», «Умное ЖКХ» и т. д. В настоящее время идет разработка надежной платформы общего пользования, которая упорядочит работу всех городских служб. Выступая в роли основания, такая платформа соединит все умные технологии города. Использование единой платформы позволит улучшить общение и сотрудничество администрации района с гражданами, партнерскими организациями и сотрудниками, формируя надежную основу для инициатив создаваемого «электронного правительства» района [5].

Особенно важным для создания умных городов является разработка стандартов и законодательной базы, поскольку существующие стандарты не удовлетворяют все возрастающим требованиям.

Информационная безопасность. Бесперебойное и качественное функционирование внедряемых информационных технологий невозможно без обеспечения должного уровня информационной безопасности. Для поддержания такого уровня защищенности информационной сферы, который бы обеспечивал реализацию национальных интересов Республики Беларусь и ее прогрессивное развитие, в 2019 г. была принята Концепция информационной безопасности. Особое внимание уделяется защите информационного пространства, безопасности функционирования информационной инфраструктуры и информационных ресурсов.

В эпоху возрастающих вызовов и угроз информационная безопасность человека выходит на первый план. В связи с этим особого внимания заслуживает принятие Закона от 07.05.2021 № 99–3 «О защите персональных данных». Законом определены категории персональных данных, права и обязанности субъектов и др.

ИТ-отрасль. Цифровая трансформация общества невозможна без создания благоприятных условий для развития ИТ-индустрии. Созданный в 2005 г. Парк высоких технологий (далее – ПВТ) по праву считается ведущим ИТ-кластером в Центральной и Восточной Европе, предлагающим лучшие условия для открытия,

ведения и развития бизнеса. Резиденты ПВТ могут заниматься 37 видами деятельности: от передовых решений в области искусственного интеллекта до разработки высококлассного программного обеспечения, инженерных решений, игр и мобильных приложений, ИТ в области здравоохранения, сельского хозяйства, финтех, банковского программного обеспечения, лазерных технологий, оптики [6].

Экспорт резидентов ПВТ в 2021 г. составил \$ 3,2 млрд при темпе роста 118,9 %. ПВТ сегодня – это 4,8 % ВВП страны.

Инновационным является Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8, который сформировал новые условия для развития ИТ-бизнеса: ИТ-компании создают собственные продукты и продвигают их широкому кругу потребителей. Таким образом, сотни новых компаний с новыми продуктами и направлениями стали точками опоры всей ИТ-отрасли Беларуси.

Итак, эффективная государственная политика в сфере цифровизации позволила занять лидерские позиции по внедрению информационно-коммуникационных технологий в регионе СНГ.

В отчете ООН по готовности к электронному правительству в 2020 г. страна находилась на 40-й позиции [7].

Помимо огромных позитивных факторов, становление информационного общества происходит в условиях появления новых вызовов и угроз, направленных на дестабилизацию функционирования информационной инфраструктуры.

Существует множество различных препятствий и угроз, которые необходимо учитывать:

- атаки на информационно-коммуникационную инфраструктуру;
- информационные войны;
- утечка персональных данных;
- использование несертифицированных средств защиты информации;
- санкции на поставку высокотехнологичного оборудования;
- рост противоправных действий в Сети.

В качестве мер противодействия этим вызовам можно рекомендовать:

- закрепление и реализацию цифровых прав;
- разработку отечественных ИТ-продуктов;
- совершенствование систем информационной безопасности;
- повышение цифровой грамотности населения;
- развитие правового обеспечения цифровой трансформации общества.

Важной темой является унификация законодательства стран – участников ЕАЭС. Применение единых стандартов будет способствовать безбарьерному передвижению человека и капитала в едином экономическом и цифровом пространстве.

Заключение. В Республике Беларусь планомерная работа по цифровой трансформации всех сфер общества привела к тому, что Республика Беларусь находится на высоких местах в мире по внедрению информационных технологий в жизнь людей и общества. Вместе с тем следует констатировать и некоторые проблемы правового регулирования в информационной сфере. В частности, отсутствие законодательного акта, регулирующего функционирование и развитие систем искусственного интеллекта и др.

В связи с возрастающей ролью международных организаций на мировой арене считаем своевременным дальнейшее развитие единого законодательства стран ЕАЭС в ИТ-сфере. Продолжение разработки совместной законодательной базы с привлечением ученых и практиков, работающих в данной области, позволит унифицировать подходы как в действующем законодательстве, так и в будущем.

На наш взгляд, целесообразными являются разработка и принятие Концепции развития информационного законодательства ЕАЭС. К разработке данной Концепции необходимо привлечь все заинтересованные органы государственного управления, представителей частной сферы и членов гражданского общества. Она должна охватывать нормативную базу во всех значимых сферах развития информационного общества, предоставить возможность осуществления государственно-частного партнерства, предоставить площадку для диалога государственных органов и впоследствии определить векторы развития информационного законодательства. В дальнейшем в рамках реализации Концепции следует разработать и принять дорожную карту (Программу), в которой определить ответственные за реализацию всех мероприятий органы и сроки выполнения.

Список литературы

1. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г. № 455-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы»: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г. № 66 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
3. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
4. Эксперты обсудили концептуальные подходы развития законодательства в области информации, информатизации и защиты информации на современном этапе / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/october/55953/> (дата обращения: 03.07.2022).
5. Кругликов С. В., Абламейко М. С. Цифровая платформа как основа управления умным городом // Проблемы управления. Научно-практический журнал. Серии А и В. 2021. № 3 (81). С. 43–51.
6. ПВТ сегодня / HTP Belarus. URL: <https://www.park.by/http/about/> (дата обращения: 03.07.2022).
7. E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. With addendum on COVID-19 Response. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

А. А. Алферова,
LLM, практикующий юрист,
Университет Утрехта

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА. ВОПРОСЫ ПРАВА

Аннотация. В своей практике компании давно используют поведенческую экономику для продвижения и продаж своих товаров и услуг. Цифровизация и стремительное развитие технологий предоставляют компаниям новые инструменты для этого. Применение поведенческой экономики в некоторых маркетинговых стратегиях компаний уже признавалось незаконным как в России, так и за рубежом. Однако на сегодняшний день в технологии встроены алгоритмы, способные использовать поведенческие характеристики потребителей. Подобное совмещение технологий и поведенческой экономики вызывает ряд вопросов правового характера.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровизация, поведенческая экономика, антимонопольное законодательство, злоупотребление доминирующим положением, права потребителя, поведенческий антитраст, когнитивные ошибки

DIGITALIZATION AND BEHAVIORAL ECONOMICS. LEGAL ISSUES

Abstract. In practice companies have long used behavioral economics to promote and sell their products and services. Digitalization and the rapid development of technology provide companies with new tools to do this. The use of behavioral economics in some marketing strategies of companies has already been recognized as illegal both in Russia and abroad. However, today technologies have built-in algorithms that can use the behavioral characteristics of consumers. This combination of technology and behavioral economics raises a number of legal questions.

Keywords: law, digital technologies, digitalization, behavioral economics, antitrust law, abuse of dominance, consumer rights, behavioural antitrust, cognitive bias.

Введение. Цифровизация проникает почти в каждую сферы деятельности человека, что определяет необходимость трансформации связанных процессов и соответствующую адаптацию. Компании уже давно приняли этот тренд и внедряют новые технологии в свои практики и маркетинговые стратегии. При этом каждая маркетинговая стратегия уже построена на определенном алгоритме, например, формула AIDA (A (attention – «внимание»), I (interest – «интерес»), D (desire – «желание»), A (action – «действие»)) [7. С. 251–263]. Все маркетинговые формулы и стратегии продвижения, продажи товаров и услуг основаны на принципах поведенческой экономики. Понимая поведение потребителя и ключевые триггеры, компании способны влиять на выбор потребителя и даже предопределять его.

Развитие технологий позволяет компаниям не только собирать большее количество данных для анализа поведенческих особенностей своих потребителей, но и адаптировать алгоритмы, используемые в технологиях. Так, распространение по-

лучает эмоциональный искусственный интеллект (Emotion AI) – алгоритм, который позволяет распознавать и интерпретировать человеческие эмоции и реагировать на них. Подобное сочетание маркетинговых техник, поведенческой экономики и технологий поднимает ряд вопросов, в том числе касающихся соблюдения норм права.

Развитие технологий и маркетинговых практик, основанных на поведенческой экономике, требует адаптации действующего законодательства к изменяющимся реалиям. Например, цифровизация обуславливает появление новых форм конкуренции между компаниями, генерации новых товарных рынков. Подобные изменения, в свою очередь, указывают на необходимость проявления гибкости от антимонопольных служб с целью защиты конкуренции, создание и поддержание конкурентной среды на рынке, устранение и предотвращение концентрации рыночной власти в одних руках. Для достижения данной цели антимонопольным службам требуется следить за тенденциями рынка и его состоянием, а также использовать новые инструменты для установления нарушений законодательства.

Поведенческая экономика применима не только в маркетинговых стратегиях компаний, но и может стать инструментом, позволяющим устанавливать нарушения законодательства, а также формировать средства правовой защиты. Использование поведенческой экономики позволяет сформировать представление о реалистичном состоянии рынка и действительном поведении его участников, определить товарные рынки, установить возможные нарушения законодательства, разработать средства правовой защиты.

Поведенческая экономика. Основные понятия. Поведенческая экономика – направление экономических исследований, изучающее влияние различных факторов (в том числе социальных и эмоциональных) на поведение экономических агентов и принятие ими экономических решений. Потребительский выбор является основополагающим в принятии решений, и его можно описать как действия, связанные с покупкой, использованием и распоряжением товарами и услугами, включая эмоциональные, психические и поведенческие реакции потребителя, которые предшествуют таким действиям или следуют за ними [27. С. 220–293].

Господствующая до недавнего времени неоклассическая теория рассматривала поведение потребителя с точки зрения рациональности, когда потребитель руководствуется своими личными мотивами, максимизирует полезность, действует исключительно рационально [24. С. 83–157; 29].

Поведенческая экономика же анализирует причины поступков человека при выборе и принятии решений. Основоположниками поведенческой теории считаются Дэниэл Канеман и Амос Тверски, они разработали одну из концепций – теорию перспектив [26. С. 263–292]. Теория описывает, что выбор людей при принятии решений подвержен влиянию различных переменных: чувства, эмоции, опыт, отношение ситуации и т. д. Соответственно, поведенческая экономика указывает, что поведение человека далеко от рациональности и подвержено многим факторам [42. С. 64–79].

Применение поведенческих особенностей поведения потребителя. Свои маркетинговые стратегии компании часто основывают именно на анализе поведения потребителя и учитывают их поведенческие особенности. Так, феномен «информационного перегруза» описывает ситуацию, когда человек не в состоянии про-

анализировать и/или правильно воспринять всю предоставленную ему информацию в силу ее большого количества. Данный феномен противопоставляется требованию законодательства о предоставлении полной, необходимой и достоверной информации для потребителя. Более того, феномен под названием «усеченное умозаключение» указывает, что человек может не обратить внимания (или обратить недостаточно внимания) на всю необходимую информацию. Результат информационного перегруза – потребителю необходимо приложить большее количество усилий для анализа данных, что ведет к принятию неправильного решения [25. С. 63–69]. Аналогичным эффектом обладает и такая поведенческая особенность, как «чрезмерный выбор», при которой в случае наличия множественности альтернатив человек путается, что также отражается на принятом решении [13. С. 333–358].

Ценовые стратегии компаний также базируются на принципах поведенческой теории. Например, «эффект нулевой цены» ставит в зависимость высокий потребительский спрос и низкую стоимость продукта [37. С. 742–757]. При этом указывается корреляция высокой стоимости и ожидаемого качества товара/услуги [38. С. 383–393].

В цифровую эпоху происходит видоизменение ценовых стратегий в силу изменения ценности ресурсов. Фраза «данные – это новая нефть» описывает актуальное отношение к информации в цифровой экономике [20]. Информация, на основе анализа которой компании строят свои стратегии в современном мире, представляет особую ценность. При этом компании оказывают свои услуги «бесплатно», однако потребитель, не осознавая всей ценности информации, все же платит за данные услуги своими персональными и иными данными [10]. При этом в цифровом мире информация рассматривается в качестве валюты и ценного актива для компаний [28].

Маркетинг с искусственным интеллектом (AI Marketing) включает анализ данных о потребителях в алгоритмах, машинное обучение и оптимизацию маркетинговых статей и путей покупателей к покупкам (Consumer Journey) [2. С. 71–89]. Массивы данных о потребителях берутся из баз самих компаний, социальных сетей, опросов и прочих ресурсов. Согласно статистике, в 2018 г. 29 % компаний использовали инструменты искусственного интеллекта в маркетинге, а в 2020 г. их количество составило 84 % [33].

Развитие технологий привело к созданию эмоционального искусственного интеллекта (Emotion AI), который позволяет алгоритмам распознавать и интерпретировать эмоции путем анализа выражения лица, положения тела и тембра голоса. Распознавание эмоций по выражению лица (facial expression recognition) позволяет компаниям определять эмоции людей с помощью систем распознавания лиц (facial recognition), считывая данные (изображение/видео лица) при помощи оптического датчика устройства (веб-камера, камера смартфона и т. п.) [35. С. 1–4]. Искусственный интеллект также способен распознавать эмоции по голосу путем обработки аудиофайлов человеческого голоса и его анализа. В итоге на основании интонации, громкости, темпа речи искусственный интеллект способен определить не только эмоции говорящего, но и его пол и возраст. Известное «Правило 7 % – 38 % – 55 %» указывает на соответствующее влияние слов, тона голоса и языка тела при

взаимодействии людей [29. С. 109–114]. Анализ данных, предоставленных потребителями, а также подобное понимание эмоциональных реакций человека на возможные триггеры предоставляют почти неограниченные возможности для компаний.

Понимая тот факт, что поведение потребителя основывается не только на анализе имеющейся у него информации, но и бессознательных иррациональных элементах, компании могут создавать маркетинговые стратегии разного вида. Самой распространенной стратегией, основанной на анализе всевозможных данных о потребителях, является стратегия персонализации, которая дает глубокое понимание отклика потребителя на маркетинговые стратегии и предоставляет потребителю нужный контент в нужное время [23].

Психологические особенности, влияющие на принятие решений, делают потребителей уязвимыми перед компаниями и их маркетинговыми стратегиями, которые могут манипулировать выбором потребителей [9]. В свою очередь, цифровая трансформация общества приводит к соответствующим изменениям принципов ведения бизнеса, приводит к увеличению ценности информации, тем самым определяя необходимость создания и применения новых подходов для демонстрации реальной картины, которая происходит в обществе и в сфере рыночных отношений.

Вопросы права. Использование поведенческой экономики в маркетинговых стратегиях компаний затрагивает также вопросы правового характера.

В цифровой среде одним из инструментов конкуренции среди участников рынка являются инновации и технологии. Технологии позволяют обрабатывать имеющиеся данные о потребителях. Анализ этого массива данных позволяет компаниям выявлять поведенческие особенности потребителей, которые обуславливают их решения, поступки и выбор. Соответственно, информация о потребителях является инструментом конкуренции. Стоит отметить, что использование компаниями данного инструмента может быть основанием для выявления факта нарушений конкурентного права.

Определение товарного рынка и его границ. Глобализация и цифровизация оказывают влияние на рыночные отношения, в том числе и на определения рынка, на котором действуют рыночные агенты. Раньше установить товары на рынке было довольно просто – обычно использовался территориальный подход. Современный рынок видоизменился и расширился, поскольку в цифровой среде экономическим агентом может выступать производитель, реализующий товар в сети Интернет, что позволяет приобретать его товар без привязки к территории. Другим примером является цифровая платформа, которая реализует разнообразные товары.

Для конкурентного права ключевым моментом является определение товарного рынка, на котором оперирует хозяйствующий субъект. Так, злоупотребления доминирующим положением определяются исходя из такого положения хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара [5]. Аналогичные положения нашли свое отражение и в праве Европейского союза: любое злоупотребление одним или несколькими предприятиями доминирующим положением на внутреннем рынке или на его значительной части запрещается как несовместимое с внутренним рынком, поскольку это может повлиять на торговлю между государствами-членами [14]. Таким образом, для верной оценки наличия доминирующего положения компании обязательным условием является определение товарного рынка.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» определяет товарный рынок как сферу обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами [5]. Европейская комиссия при определении товарного рынка указывает, что он «включает в себя продукты и/или услуги, которые рассматриваются потребителем как взаимозаменяемые по причине их характеристик, цен и предполагаемого использования» [17].

Поведенческая наука иллюстрирует, что товарный рынок может быть иным, выходящим за рамки, описанные законодателем. Так, Европейская комиссия отмечает, что «товарный рынок включает в себя продукты и/или услуги, которые рассматриваются потребителем как взаимозаменяемые по причине их характеристик, цен и предполагаемого использования» [17]. Однако товарный рынок может быть изменен, принимая во внимание поведенческие особенности потребителей. Например, такой феномен, как «лояльность к бренду»: в случае если потребитель отдает предпочтение определенному бренду, то даже в ситуации повышения цены на него он не изменит своего предпочтения [15. С. 1427–1447]. Также потребители охотнее готовы рекомендовать бренды, которым доверяют, даже если сами не пользуются ими в настоящее время [2. С. 71–88]. Принцип «взаимозаменяемости» при определении товарного рынка также не может быть применим всегда по причине «лояльности к бренду», когда небрендируемые товары или копии оригинальных товаров (подделки) воспринимаются потребителями как иные товары, несмотря на идентичные характеристики.

В цифровую эпоху ставится вопрос правильного определения границ товарного рынка. Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС России) указала, что при установлении границ цифровых рынков необходимо учитывать:

- обращение товаров на рынках, которые неразрывно связаны с функционированием рынков информационно-телекоммуникационных технологий,
- некоторое программное обеспечение не может работать без базового (операционных систем).

Таким образом, при условии отсутствия издержек (тиражирование, транспортировки цифровых товаров) товарный рынок может считаться глобальным. При определении товарного рынка и его границ необходимо учитывать особенности потребления товаров, включая выяснение мнения приобретателей товара о географических границах товарного рынка («тест гипотетического монополиста») [4]. Аналогичный подход при определении рынков применяется также в Европейском союзе, когда при установлении рынков изучается «вся доступная информация, которая может иметь значение» [19. Пар. 25] для определения рынка и его границ, рассматриваются возможные факторы, формирующие потребительский спрос: данных о продажах, влияние бренда, а также проводятся опросы [17].

В цифровую эпоху правильно идентифицировать подходящий товарный рынок и верно определить его границы возможно только путем всестороннего ана-

лиза реальных предпочтений потребителей и их поведенческих особенностей. Поведенческая экономика способствует определению рынка, подчеркивая потенциальное существование различных потребителей и обстоятельств, которые оказывают влияние на определение рынка. При этом не представляется возможным выделить все категории потребителей и влияющие факторы для построения универсального алгоритма выявления рынка, поскольку необходимо оценивать каждый конкретный случай с использованием эмпирического анализа [1. С. 33–41].

Злоупотребление доминирующим положением. С целью создания благоприятной и конкурентной рыночной структуры устанавливается запрет субъекту на злоупотребление доминирующим положением, которое приводит к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей [5]. Соответственно, идентификация практик, которые могут быть квалифицированы как «злоупотребление доминирующим положением», является основной задачей регулирующих органов. Учитывая, что данное нарушение является характеристикой незаконного поведения участников рынка, важно понимать, как на самом деле они ведут себя. Поскольку поведенческая экономика иллюстрирует картину «реального» рынка, то ее применение способствует установлению нарушений конкурентного права, указанию на влияние конкретной практики компаний на потребителей и конкуренцию.

Кейсы Microsoft, рассмотренные Европейской комиссией, являются показательными примерами, иллюстрирующими, как поведенческая экономика может помочь в оценке такой практики злоупотребления доминирующим положением, как связывание услуг. Поведенческие особенности потребителей оказали влияние на разрешение дела Media Player, которое было сосредоточено на практике Microsoft связывать (по умолчанию и бесплатно) Windows Media Player со своей операционной системой Windows [11]. В деле указано, что, сделав проигрывателем по умолчанию Media Player, через которое будут воспроизводиться все мультимедиа, когда потребитель покупает персональный компьютер, Microsoft использовала свое доминирующее положение на рынке [9].

Традиционные подходы предполагают, что если потребители полностью рациональны, то предустановка проигрывателя не имеет никакого значения для них, поскольку потребители могут войти в Интернет и бесплатно загрузить альтернативный медиаплеер (т. е. информация доступна, а затраты на изменение невелики). Однако если смотреть с точки зрения поведенческой экономики, то потребители не могут отказаться от предустановленных программ Microsoft в силу своей инертности: «...предварительная установка Media Player в Windows создала потенциал для использования, поскольку со стороны спроса пользователи, обнаружившие предустановленный WMP на своих клиентских ПК... в целом менее склонны использовать альтернативные медиаплееры, поскольку у них уже есть приложение, обеспечивающее потоковую передачу и воспроизведение мультимедиа» [11].

Аналогичный спор был рассмотрен и с компанией Google, которая предустанавливала поисковую систему Google на устройствах Android. Комиссия Европейского союза отметила: «Таким образом, Google использовала Android как

средство укрепления доминирования позиции своей поисковой системы. Эти действия лишили соперников возможности внедрять инновации и конкурировать по существу. Они лишили европейских потребителей преимуществ, которые предоставляет эффективная конкуренция в данной сфере. Это незаконно в соответствии с антимонопольными правилами ЕС» [18].

Подобная практика установления нарушений антимонопольного законодательства существует и в России – например, при рассмотрении дела о злоупотреблении доминирующим положением компанией Google Inc. (дело № 1-14-21/00-11-15) также было установлено влияние такой поведенческой особенности потребителя, как «пассивность пользователя» по отношению к совершению активных действий по замене предустановленного сервиса.

В деле Microsoft Corporation (дело № 1-00-168/00-11-16) был использован анализ восприятия потребителем оформления интерфейса программы и уведомлений, которые влияли на принятие потребителем решения об установке или нет дополнительной (альтернативной) программы.

Подобные методы ведения деятельности компаний влияют на конкурентное состояние рынка, создавая барьеры для входа на товарный рынок для более мелких компаний, что в свою очередь влияет на комплексное развитие рынка, инноваций.

Поведенческая экономика и психология фирмы. Слияния (M & A). Поведенческая теория также применима не только в части практик компаний по отношению к потребителям и использованию их поведенческих характеристик, но и при учете поведения самой фирмы. Например, такой феномен, как индивидуалистские компании (maverick), которые характеризуются наибольшей агрессивностью в рыночных отношениях в силу своих поведенческих особенностей, когда они наслаждаются процессом конкуренции с другими компаниями [16. С. 1–27].

Поведенческая экономика применима в случае расследования слияний в части правильного установления мотивации такой операции. По общему правилу основная цель любой экономической операции, в том числе слияния, – максимизация прибыли за счет ожиданий возрастающей эффективности, синергии, возможностей роста, снижения затрат и т. д. Однако в литературе по поведенческой экономике подчеркивается, что могут быть и другие мотивы для слияний. Например, руководители могут действовать сообразно уровню их заработной платы или долей рынка фирмы по сравнению с другими, что указывает на отличные от максимизации прибыли мотивы слияний [6. С. 1–39]. Причиной слияния также может быть чрезмерный оптимизм со стороны руководства в отношении потенциальной возможности фирмы повысить эффективность или изменить ценовую политику после слияния (обычно в такой ситуации мотив подкрепляется не расчетами, а успешным предыдущим опытом или авторитетностью мнения руководителя). Подобные поведенческие аспекты принимаемых решений в компаниях могут объяснить неэффективность проведенных слияний. Таким образом, слияния могут происходить по причинам, отличным от максимизации прибыли, среди которых можно выделить следующие:

- повторение тактики другого конкурента;
- приверженность предыдущей стратегии (положительный опыт);

– ложное ощущение прибыльности экономического действия руководителями и прочие [6].

Причинами отклонений от рационального поведения могут служить разнообразные факторы, например:

– операционная деятельность фирм происходит в сложной и неопределенной среде;

– необходимость анализа конкурентов и их действий;

– для принятия важных решений и их реализации требуется много времени;

– групповое принятие решений может привести к дополнительным ошибкам;

– наличие у управляющих менеджеров определенного опыта «жесткого» управления и/или личных мотивов;

– доверие и солидарность служат поддержанию картеля;

– и пр. [6]

Понимание данных факторов помогает лучше понимать обоснование сделки и производить оценку вероятного воздействия на конкуренцию.

Злоупотребление властью на рынке, основанное на масштабах сбора, использования и консолидации пользовательских данных. В связи с тем, что информация о пользователях является ценным ресурсом для компаний, а также своеобразной оплатой пользователями за предоставляемые услуги, необходимо рассмотреть возможность эксплуататорского злоупотребления поведением потребителей и то, как это может привести к злоупотреблению доминирующим положением. Эту ситуацию иллюстрирует дело Facebook (*признан экстремистской организацией. Запрещен в РФ. – Прим. ред.*) в Германии, согласно материалам которого Facebook злоупотреблял своим доминирующим положением в социальных сетях для незаконного сбора информации о пользователях [21].

Согласно пользовательскому соглашению Facebook пользователи могут использовать данную социальную сеть при условии, что они позволяют ей собирать данные о себе в этой социальной сети и за ее пределами – в Интернете или в приложениях (например, WhatsApp и Instagram (*признаны экстремистскими организациями. Запрещены в РФ. – Прим. ред.*)), а также на сторонних веб-сайтах и связывать эти данные с учетной записью пользователя в социальной сети Facebook [39]. По сути Facebook может получать информацию о потребителях через следующие источники данных: принадлежащие Facebook службы (WhatsApp и Instagram) и сторонние веб-сайты, если пользователи дают свое добровольное согласие [36]. Для использования социальной сети пользователи должны проставить соответствующую отметку о том, что они согласны на принятие условий использования сервиса и обработку своих персональных данных (предоставить информированное добровольное согласие). Однако из-за превосходящей рыночной власти Facebook подобное действие не может являться адекватным основанием для проведения сбора и обработки данных, поскольку потребителю предоставляется ограниченный (и, как следствие, единственный) выбор: либо согласиться с условиями, либо не использовать данную социальную сеть [10]. Таким образом, в данной ситуации такой ограничивающий выбор пользователя нельзя назвать добровольным согласием. Следует отметить, что сам по себе факт обработки данных,

полученных с помощью собственного веб-сайта Facebook, не является решающим в данном деле, поскольку предоставляемая информация специфична для сервиса, а пользователи изначально знают (или могут предположить), что социальная сеть будет собирать данные. Значение приобретает факт сбора большого количества любых типов пользовательских данных Facebook из сторонних источников – как с принадлежащих Facebook сервисов, так и сторонних веб-сайтов с различными интерфейсами и функционалом (например, обладающими кнопками «Нравится» или «Поделиться») [12]. При этом поток данных в Facebook начнется уже при их нажатии на соответствующую кнопку интерфейса или при установке/использовании приложения. Таким образом, Facebook получает очень подробные профили своих пользователей и знает, что они делают в Интернете.

Такое поведение потребителей, выражающееся в готовности предоставить информацию в обмен на услугу, основано на том, что люди просто недооценивают ценность информации и не думают о последствиях предоставления такого объема данных в долгосрочной перспективе. Несмотря на тот факт, что цена, согласно традиционной экономической теории, равна нулю (предоставляется бесплатная услуга), современные реалии говорят об обратном – человек осуществляет оплату услуги, но использует необычную валюту – свои персональные и иные данные [31. С. 149–206; 32. С. 457–477]. Следовательно, в данной ситуации потребитель воспринимает услугу как бесплатную, чем и пользуются компании. Тем не менее поведенческая экономика заполняет этот пробел и дает реальную картину, поэтому было установлено, что поведение Facebook демонстрирует злоупотребление, предоставляя эксплуататорские договорные условия и собирая огромный массив данных пользователей, создавая риск для конкуренции (в том числе барьеры входа на рынок) в связи с тем, что конкуренты не могут собрать такой объем данных.

Поведенческая экономика и защита прав потребителей. Компании часто используют поведенческую экономику для своих маркетинговых кампаний. При этом следует отличать стратегии, направленные на привлечение внимания, и стратегии, преследующие цель введение потребителя в заблуждение, обман и злоупотребление. Использование поведенческой экономики и поведенческих особенностей потребителей попадают не только под действие конкурентного права, но и под законодательства о защите прав потребителей [34. С. 377–408]. При этом стоит отграничивать эти две сферы: объектом политики в области защиты прав потребителей является благосостояние потребителей, тогда как в антимонопольной политике объект – состояние конкуренции. Если первая сфера направлена на защиту потребителей от вреда при использовании поведенческой науки, в результате которого происходит искажение восприятия информации потребителем, то сфера антимонопольного регулирования покрывает случаи ситуации на рынке, когда компании реализуют свою рыночную власть в ущерб конкуренции [40. С. 2216–2268]. Эксплуатация поведенческих особенностей потребителей не является обязательным элементом наличия нарушения антимонопольного законодательства, поскольку установление подобных нарушений происходит в два этапа: наличие доминирующей позиции компании на рынке и определение формы злоупотребления такой позицией. Эксплуатация поведенческих особенностей потребителя в таком случае

происходит в результате реализации рыночной власти доминирующей компании и, как следствие, наносит вред конкуренции [34. С. 377–408].

Как было описано ранее, компании в своей практике довольно часто используют положения поведенческой экономики для продвижения своих товаров и услуг [3. С. 147–171]. Закон о защите прав потребителей устанавливает границы, в рамках которых компаниям разрешается подталкивать потребителей в процессе принятия ими решений. Однако развитие технологий обуславливает необходимость актуализации и адаптации данных границ.

Компании, предлагающие свои товары или услуги через Интернет, обладают большими возможностями для прогнозирования поведения потребителя, поскольку собирают огромное количество данных о потребителях, которые впоследствии пропускают через алгоритмы. В итоге фирмы-продавцы на основе персонифицированной информации создают «архитектуру пути выбора» потребителя [41. С. 118–136].

Подобные действия компаний могут рассматриваться как недобросовестные коммерческие практики. Ранее в статье был рассмотрен факт применения поведенческой экономики в маркетинге с целью персонализации. Однако следует учитывать, что если продавец проводит различие между потребителями или группами потребителей, то такие действия должны соответствовать определенным правилам, исключая ущемление прав потребителей – в противном случае такие действия могут попадать под категорию «недобросовестной коммерческой практики». Компании постоянно собирают информацию о том, как тот или иной дизайн архитектуры выбора влияет на разные группы потребителей (например, с помощью А/В-тестирования интерфейса). Благодаря подобным тестированиям компании получают блок информации о потребителях, в том числе указывающей на поведенческие особенности и уязвимости, которые могут быть использованы для введения этой группы потребителей в заблуждение. В связи с этим возникает необходимость уведомления потребителя о произведенной персонализации, либо получения согласия от потребителя на сбор информации с целью проведения дальнейшей персонализации.

Заключение. Развитие общества и его цифровизация обуславливают необходимость соответствующей трансформации законодательства и правоприменительной практики. Компании уже давно применяли положения поведенческой науки в своих стратегиях продвижения товаров и услуг. Технологии (искусственный интеллект и эмоциональный искусственный интеллект) видоизменили форму такого использования и вывели ее на новый уровень. Теперь маркетинговые стратегии и техники компаний основываются на максимально большом количестве данных о потребителях, включая не только персональную информацию как таковую, но и данные об эмоциональных состояниях потребителей. Анализ таких данных позволяет точнее определять предпочтения потребителя и выявлять определенные поведенческие особенности, которые влияют в конечном счете на его выбор.

Обладание массивом данных о потребителях также является инструментом конкуренции в современных реалиях. Для создания эффективной конкурентной среды законодатели и лица, принимающие решения, вышли за рамки аксиом и предположений неоклассической экономической теории относительно совершенно рациональных участников рынка, а также их предпочтениях и когнитив-

ных способностях. Поведенческая наука указала на наличие множества несовершенств и отклонений в человеческом мышлении – поведенческих феноменов. Анализ поведения очень важен для законодательства о конкуренции и законодательства в сфере защиты прав потребителей, поскольку дополняет традиционные положения законодательства положениями о реальном, а не предполагаемом поведении участника рынка. Такой подход позволяет не только выявлять нарушения законодательства, но и создавать эффективные средства правовой защиты, что в совокупности будет способствовать уменьшению нарушений правовых норм, развитию конкурентной среды и инновационному росту.

Применение поведенческой экономики позволяет понимать, на основании каких причин экономические агенты принимают решения в своих практиках. Применение поведенческой науки компаниями в своих практиках обуславливает необходимость аналогичного ее использования регулирующими органами. Поведенческая экономика позволяет адаптировать соответствующие нормы и формировать представление о реалистичном поведении участников рынка, вовремя идентифицировать возникающие нарушения и/или угрозы таких нарушений, правильно определять товарные рынки, разработать средства правовой защиты. С помощью поведенческой экономики правоприменительная практика может трансформироваться вместе с обществом и средой, не отставая от них и обеспечивая актуальные потребности общества и заполнение появляющихся правовых пробелов.

Список литературы

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 391 с.
2. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому: технологии продвижения в Интернете / пер. с англ. М. Хорошиловой. Москва: Эксмо, 2022. 224 с.
3. Котлер Ф. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения / пер. с англ. А. Горман. Москва: Эксмо, 2022. 272 с.
4. Разъяснение ФАС России № 17 «Об отдельных вопросах анализа состояния конкуренции»: утв. протоколом Президиума ФАС России от 10.04.2019 № 3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322599/ (дата обращения: 01.09.2022).
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 01.09.2022).
6. Armstrong M., Huck S. Behavioral Economics as Applied to Firms: A Primer // MPRA Paper. 2010. № 20356. Pp. 1–39.
7. Barry T. E. The development of the hierarchy of effects: an historical perspective // Journal of Current Issues and Research in Advertising. 2012. № 10 (1). URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.584.4971&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

8. Beinhocker E. The origin of wealth: Evolution, complexity and the radical remaking of economics. Harvard Business School Press, 2006.
9. Bobyleva A. Choice in Digital Antitrust law. Eliva press, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=3945266> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Bundeskartellamt prohibits Facebook from combining user data from different sources // Bundeskartellamt. 7 February, 2019. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2019/07_02_2019_Facebook.html (дата обращения: 03.09.2022).
11. Case COMP/C-3/37.792–Microsoft Corp., Comm’n Decision, (Mar. 24, 2004) (Summary: 2007 O.J. (L 32) 23). URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/37792/37792_4177_1.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
12. Case Summary, Facebook, Exploitative business terms pursuant to Section 19(1) GWB for inadequate data processing (Case B6-22/16) 6 February 2019, 2.
13. Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. Choice overload: A conceptual review and meta-analysis // Journal of Consumer Psychology. 2015. № 25 (2). Pp. 333–358. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2014.08.002> (дата обращения: 03.09.2022).
14. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union art. 102, 2012 O.J. (C 326) 4.
15. Desai D., Waller S. Brands, competition, and the law // BYU Law Review. 2010. № 5. Article 1425. URL: <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2010/iss5/1> (дата обращения: 03.09.2022).
16. Engel C., Ockenfels A. Maverick – Making Sense of a Conjecture of Antitrust Policy in the Lab // Preprints of the Max Planck Institute for Research on Collective Goods. Bonn. 2013. Pp. 1–27.
17. European Commission, Notice on the Definition of Relevant Market for the Purposes of Community Competition Law, 1997 O.J. (C 372) 5 (Dec. 9, 1997), para. 7.
18. European Commission, Antitrust: Commission fines Google €4.34 billion for illegal practices regarding Android mobile devices to strengthen dominance of Google’s search engine. Press release. 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4581 (дата обращения: 04.09.2022).
19. European Commission, DG Competition, Communication from the Commission–Guidance on the Commission’s enforcement priorities in applying Article 82 of the EC Treaty to abusive exclusionary conduct by dominant undertakings, 2009 O.J. (C45) 7 (Dec. 3, 2008), para. 25.
20. Evans M. Why data is the most important currency used in commerce today // Forbes. 2018, March 12. URL: <https://www.forbes.com/sites/michelleevans1/2018/03/12/why-data-is-the-most-important-currency-used-in-commerce-today/?sh=41e9bc3054eb> (дата обращения: 04.09.2022).
21. German Federal Cartel Office, Decision No. B6-22/16, ‘Facebook, Exploitative business terms pursuant to Section 19 (1) GWB for inadequate data processing’. 2019.
22. Harrington J., Imhof D. Cartel Screening and Machine Learning. Stanford Computational Antitrust, 2. 2022. URL: <https://www-cdn.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/08/harrington-imhof-2022.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).

23. How Artificial Intelligence Has Revolutionized Marketing [Case Study]. 25.11.2021. URL: <https://startuptalky.com/artificial-intelligence-marketing-case-study/> (дата обращения: 04.09.2022).
24. Jacoby J. Is it rational to assume consumer rationality? Some consumer psychological perspectives on rational choice theory // Roger Williams University Law Review. 2000. № 6 (1). Article 5. URL: https://docs.rwu.edu/rwu_LR/vol6/iss1/5 (дата обращения: 05.09.2022).
25. Jacoby J., Speller D., Kohn C. Brand choice behavior as a function of information load // Journal of Marketing Research. 1974. № 11 (1). Pp. 63–69. URL: <https://doi.org/10.1177/002224377401100106> (дата обращения: 05.09.2022).
26. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. № 47 (2). Pp. 263–292. URL: <https://doi.org/10.2307/1914185> (дата обращения: 04.09.2022).
27. Kardes F., Cronley M., Cline T. Consumer behavior. South-Western Cengage Learning, 2011.
28. Løken P. Why data is not the new oil // Azets. 2020, March 9. URL: <https://www.azets.com/blog/value-of-data/> (дата обращения: 04.09.2022).
29. Mehrabian A., Wiener M. Decoding of inconsistent communications // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. № 6 (1). Pp. 109–114. URL: <https://doi.org/10.1037/h0024532> (дата обращения: 04.09.2022).
30. Mill J. S. Principles of political economy: With some of their applications to social philosophy. Nabu Press, 2010. (Original work published 1848).
31. Newman J. M. Antitrust in zero-prize markets: Foundations // University of Pennsylvania Law Review. 2015. № 164 (1). Pp. 149–206. URL: <https://www.pennlaw-review.com/wp-content/uploads/2020/04/164-U-Pa-L-Rev-143.pdf> (дата обращения: 05.09.2022).
32. Nicholas H. What is the problem with neoclassical price theory? // World Review of Political Economy. 2012. № 3 (4). Pp. 457–477. URL: <https://doi.org/10.13169/worlrevipoliecon.3.4.0457> (дата обращения: 06.09.2022).
33. Norris P. 10 impressive examples of AI in marketing. 18.11.2021. URL: <https://blog.socialmediastrategiessummit.com/10-examples-of-ai-in-marketing/> (дата обращения: 02.09.2022).
34. Osti C. Interpreting Convergence: Where Antitrust Meets Consumer Law // European Competition Journal. 2009. Vol. 5, № 2. Pp. 377–408.
35. Quinn I., Bertin F., Bobyleva A., Kakhiani E., Hussain A. Life facial recognition technology: Legal issues in the context of EU law enforcement from a fundamental rights perspective – Wolf Legal Publishers, 221.
36. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), OJ 2016 L 119/1, art 7.
37. Shampanier K., Mazar N., Ariely D. Zero as a special price: The true value of free products // Marketing Science. 2007. № 26 (6). Pp. 742–757. URL: <https://doi.org/10.1287/mksc.1060.0254> (дата обращения: 05.09.2022).

38. Shiv B., Carmon Z., Ariely D. Placebo effects of marketing actions: Consumers may get what they pay for // *Journal of Marketing Research*. 2005. № 42 (4). Pp. 383–393. URL: <https://doi.org/10.1509/jmkr.2005.42.4.383> (дата обращения: 05.09.2022).
39. Terms of Service. URL: <https://www.facebook.com/terms.php> (дата обращения: 02.09.2022).
40. Wright J. D. The Antitrust/Consumer Protection Paradox: Two Policies at War with Each Other // *Yale Law Journal*. 2012. Vol. 121. Pp. 2216–2268.
41. Yeung K. Hypernudge: Big Data as a mode of regulation by design // *Information, Communication & Society*. 2017/20. Iss. 1. Pp. 118–136.
42. Zalega T. Consumer and consumer behaviour in the neoclassical and behavioural economic approach // *Konsumpcja i Rozwój*. 2014. № 4 (9). P. 64. URL: bwmeta1.element.desklight-854d7ad4-1a66-4216-9a9d-06d73c1363c6 (дата обращения: 02.09.2022).

М. В. Анисифорова,

кандидат юридических наук, член Национального управления
по аэронавтике и исследованию космического пространства;
ведущий научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;
старший преподаватель, кафедра
административного права и процесса,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье оцениваются перспективы цифровизации административно-процессуальной деятельности в условиях нового времени. Привлекается внимание к проблемам, связанным с организацией и осуществлением административно-процедурной и административно-юрисдикционной деятельности при использовании электронных средств и технологий. Делается вывод о преимуществах и недостатках правоприменения при привлечении к административной ответственности с использованием цифровых средств, прежде всего, акцентируется внимание на отсутствии упорядоченного представления о конкретных правовых способах распоряжения ими.

Ключевые слова: административный процесс, административная юстиция, административные процедуры, административная юрисдикция, производство по делу об административном правонарушении, цифровые технологии, цифровизация

DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE PROCESS

Abstract. The prospects for digitalization of administrative and procedural activities in the new time are assessed. Attention is drawn to the problems associated with the organization and implementation of administrative-procedural and administrative-jurisdictional activities when using electronic means and technologies. The conclusion is

made about the advantages and disadvantages of law enforcement when bringing to administrative responsibility using digital means, first of all, attention is focused on the lack of an orderly understanding of specific legal ways of disposing of them.

Keywords: Administrative process, Administrative justice, Administrative procedures, Administrative jurisdiction, Administrative proceedings, Digital technologies, Digitalization.

Современное представление об административном процессе учитывает три вида процессуальной деятельности: юстиционную, процедурную и юрисдикционную. Однако если в отношении юстиционного административного процесса есть ясность, обеспечиваемая, прежде всего, за счет положений принятого в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ, то того же самого нельзя сказать в отношении двух других видов.

Первый вид представлен административными делами позитивного бесспорного характера, при сопровождении которых отсутствует принудительный элемент. Эта деятельность направлена на реализацию прав и законных интересов физических и юридических лиц и в большинстве случаев возникает по их инициативе. К примеру, процедурный процесс возникает в связи с разработкой и принятием правовых актов управления, получением лицензий (разрешений), регистрацией прав и т. д.

В рамках данного вида административно-процессуальной деятельности электронные средства могут применяться для целей обеспечения реализации соответствующих административных процедур. Так, при получении той или иной государственной услуги в том числе используются умные помощники (чат-боты), разнообразные цифровые платформы (самая популярная – «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)»), мобильные платежи для оплаты государственных пошлин и т. д.

Второй вид административного процесса принципиально отличается тем, что предметом этого вида процессуальной деятельности является конкретный административно-правовой спор, основанный на конфликтной ситуации, т. е. негативном юридическом факте. Этот вид процесса возникает по инициативе любой из сторон – участников административных правоотношений, а результатом юрисдикционных действий может стать реализация санкции административно-правовой нормы в случае представления негативной оценки поведения той или иной спорящей стороны. В числе основных видов юрисдикционных производств наряду с производством по жалобам и дисциплинарным производством выделяется производство по делу об административном правонарушении как наиболее масштабное по числу возбуждаемых и рассматриваемых административных дел.

Применение электронных средств в рамках этого вида производства набирает в последнее время обороты. Современные тенденции таковы, что процессы цифровизации достаточно активно и с самых разных сторон затрагивают административно-деликтное законодательство. Первые нововведения, обусловленные реализацией цифровых технологий, произошли в 2007 г. в связи с внедрением систем цифровой фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом

режиме специальными техническими средствами [4]. И, как показывает практика, применение электронных средств привело к существенному упрощению выявления дорожных административных правонарушений, в частности, согласно данным Госавтоинспекции, количество выявленных с помощью специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, административных правонарушений в области дорожного движения выросло более чем в 200 раз [1. С. 35].

Но на этом процесс внедрения электронных средств в законодательство об административных правонарушениях не завершился. В 2014 г. была представлена очередная новая редакция ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ, согласно которой была предоставлена возможность направления судебным приставам-исполнителям второго экземпляра постановления о наложении административного штрафа в электронном виде с помощью ИТС [2].

В 2015 г. в целях обеспечения исполнения поручения Президента РФ, касающегося формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и мировых судей, при переходе ФССП России на принудительное исполнение в электронном виде в КоАП РФ была предусмотрена возможность вынесения и направления электронного постановления (ч. 5¹ ст. 29.10). Однако выбор способа направления исполнительного документа полностью зависит от суда, его технических возможностей.

Совсем недавно, в 2020 г., корреспондирующие изменения административно-деликтного законодательства коснулись порядка подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации такого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, направления копии решения по такой жалобе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью с использованием, в частности, Единого портала государственных и муниципальных услуг (ч. 3¹ ст. 30.2, ч. 2 ст. 30.8 КоАП РФ) [3]. Но опять-таки регламентируется соответствующая оговорка о необходимости наличия технической возможности у суда в принятии жалобы в электронном виде.

Несомненно, что сегодня процессы цифровизации успели охватить и административно-деликтные правоотношения. Однако, несмотря на то, что применение электронных средств позволяет существенно повышать эффективность правоприменения при привлечении к административной ответственности, расширять возможности для реализации гражданами своих прав и законных интересов, такая реализация всегда ставится в зависимость от наличия у юрисдикционного органа технической возможности. А кроме того, надо признать, что в российском административно-деликтном законе, по требованиям которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, отсутствует системное и упорядоченное представление о конкретных способах и условиях «распоряжения» электронными средствами.

Это, в свою очередь, порождает неоднозначный подход к возможностям цифровых технологий и только добавляет проблем при осуществлении административно-процессуальной деятельности, и в частности, производства по делу об административном правонарушении, которое по своей фактической сути и юри-

дической природе стало «цифровым» – для него совершенно органично применение цифровых технологий, особенно при связи и обмене информации с помощью сети Интернет. Из-за отсутствия единых концептуальных подходов в этой сфере и четкой правовой регламентации правил осуществления рассматриваемого вида юрисдикционной деятельности с электронными средствами можно сказать, что практика применения положений КоАП РФ, т. е. привлечения к административной ответственности, существенно отстает и страдает. При этом регламентация правил осуществления производства по делам об административных правонарушениях с помощью электронных средств (путем включения соответствующих изменений в раздел IV КоАП РФ либо проект Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях, разрабатываемый Минюстом России [5]) имеет множество перспектив; первоначально она позволила бы повысить качество правосудия по делам об административных правонарушениях в целом и эффективность деятельности конкретных юрисдикционных органов в частности, причем не только судов.

Список литературы

1. Иккерт А. В. К вопросу о современном состоянии законодательства в сфере использования технических средств фиксации административных правонарушений в области дорожного движения // Актуальные вопросы юридической науки. 2019. № 4 (4). С. 35.
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102115945&intelsearch=210%F4%E7> (дата обращения: 04.07.2022).
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 14.10.2014 № 307-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201410150002> (дата обращения: 04.07.2022).
4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: Федеральный закон от 29.12.2020 № 471-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290118> (дата обращения: 04.07.2022).
5. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061). URL: <https://regulation.gov.ru/projects> (дата обращения: 04.07.2022).

Д. Н. Афонин,

доктор медицинских наук, профессор,
Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ТОВАРОВ ПРИ ТАМОЖЕННОМ КОНТРОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы создания и внедрения национальной цифровой системы прослеживаемости товаров. Рассмотрены итоги ее внедрения за прошедшие годы и перспективы развития. Большое внимание уделяется информационному взаимодействию Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы при осуществлении контрольных мероприятий. Делается акцент на необходимости более широкого охвата перемещаемых партий товаров присвоением регистрационных номеров для повышения эффективности их контроля.

Ключевые слова: система прослеживаемости товаров, цифровые технологии, таможенный контроль, маркировка товаров, Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба, регистрационный номер партии товаров

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TRACEABILITY OF GOODS UNDER CUSTOMS CONTROL

Abstract. The article deals with topical issues of creating and implementing a national digital system for the traceability of goods. The results of its implementation over the past years and development prospects are considered. Much attention is paid to the information interaction between the Federal Customs Service and the Federal Tax Service in the implementation of control measures. Emphasis is placed on the need for a wider coverage of the moved consignments of goods by assigning registration numbers in order to increase the effectiveness of their control.

Keywords: Goods traceability system, Digital technologies, Customs control, Marking of goods, Federal Customs Service, The Federal Tax Service, Registration number of a consignment of goods

В настоящее время в Российской Федерации (далее – РФ) и на пространстве Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) идет процесс создания национальной цифровой системы прослеживаемости товаров (далее – НЦСПТ). Данная система позволит осуществлять контроль безопасности вводимых в оборот товаров на всем их жизненном цикле, начиная с производства, поставки и реализации потребителям, а также решить ряд других важных задач по упрощению и обеспечению прозрачности таможенного контроля [2].

Половина пути реализации НЦСПТ на территории Российской Федерации уже пройдена. К настоящему моменту создана нормативная база, реализованы пилотные проекты, созданы электронные серверы и программные средства, налажено взаимодействие ФТС и ФНС, прослеживается группа товаров на постоянной основе. К предстоящим этапам следует отнести совершенствование нор-

мативной базы; изготовление новых актов и Перечней товаров, которые будут прослеживаться; наполнение программных средств данными ФТС; привлечение к административной ответственности за нарушения при совершении операций прослеживаемых товаров; представление необходимых документов через операторов документооборота в электронном режиме при минимально возможном времени. Осуществление этих этапов запланированы на 2022–2023 гг., таким образом, к 2024 г. планируется максимально реализовать систему прослеживаемости товаров, а в дальнейшем заниматься усовершенствованием системы.

Прослеживаемость товаров имеет два основных направления:

1. Документальный контроль. В части документального контроля при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС происходит проверка на документах (отгрузочные документы, счет-фактура и др.) регистрационного номера партии товаров (далее – РНПТ) таможенными органами.

2. Маркировка товаров средствами идентификации (физическая идентификация) [1, 3. С. 63–65].

Несмотря на то, что маркировка и система прослеживаемости товаров имеют общие цели, такие как возможность прослеживаемости цепи поставок от импортера к потребителю, обеспечение прозрачности операций, борьба с нелегальным импортом, представленные системы имеют отличия и свои особенности.

Основным отличием является то, что при маркировке товаров код присваивается каждому товару в партии, а при прослеживаемости регистрационный номер присваивается сразу всей партии товаров, который отражен в сопроводительных документах.

Говоря об особенностях использования НЦСПТ, необходимо упомянуть о реализации процесса своевременной передачи данных при интеграционном взаимодействии ФТС и ФНС в целях поддержания достоверности и актуальности сведений, предоставляемых участниками ВЭД. Сведения, передаваемые со стороны ФНС, будут иметь особое значение для таможенных органов как в рамках реализации НЦСПТ, так и для развития системы управления рисками и выбора объекта ТКПВТ для эффективной таможенной проверки. Таким образом, с учетом детализированных критериев проверочная деятельность таможенных органов приобретает более эффективный, преимущественно рискориентированный характер.

Говоря о взаимодействии ФНС и ФТС, следует упомянуть про совместную разработку скоординированных контрольных мероприятий (далее – СКМ) налоговых и таможенных органов. Эффективность взаимодействия налоговых и таможенных органов определяется результативностью при проведении таможенного и налогового контроля. Основной целью проведения СКМ является обеспечение прослеживаемости партии товара с момента ввоза на территорию РФ, заканчивая продажей потребителям, и на основании имеющейся информации определение возможных таможенных и налоговых обязательств участников внешнеэкономической деятельности.

Проведение СКМ начинается с проведения контрольно-аналитической работы налоговых и таможенных органов. На данном этапе проводится аналитическая работа налоговыми органами в отношении участников ВЭД на основе информации и сведений, которые поступают от таможенных органов в ходе проведения

таможенного контроля. Проведение СКМ будет эффективным в том случае, если по завершении аналитической работы выявлены нарушения законодательства РФ.

Таким образом, проведение СКМ имеет особое значение при осуществлении НЦСПТ. В 2020 г. по отношению к 2019 г. количество СКМ сократилось в два раза, что повлияло на суммы дополнительно начисленных платежей, которые уменьшились на 44 % в 2020 г. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдается заметное увеличение СКМ на 20 %, но при этом сумма дополнительно начисленных платежей уменьшилась на 45 %. Рассматривая указанный период, можно отметить, что в 2020 и 2021 гг. количество СКМ значительно меньше, чем в 2019 г., об этом могут говорить разные причины, например, сокращение поставок ввиду пандемии COVID-19; после проведения налоговыми и таможенными органами контрольно-аналитической работы было выявлено, что СКМ будут нецелесообразны и др.

Можно отметить, что СКМ эффективны, так как таможенные и налоговые органы пресекают нарушение законодательства РФ со стороны участников ВЭД и возбуждают по данному факту административные правонарушения и уголовные дела. Стоит отметить, что количество административных нарушений преимущественно превосходит количество уголовных дел. Также следует отметить, что, несмотря на то, что в 2021 г. количество СКМ и сумм дополнительно начисленных платежей имеет самые низкие показатели в анализируемом периоде, количество возбужденных административных правонарушений и уголовных дел в 2021 г. самое высокое, что говорит о результативности проведения СКМ.

Стратегической целью развития Федеральной таможенной службы является формирование к 2030 г. качественно новой, насыщенной «искусственным интеллектом», быстро перенастраиваемой, информационно связанной с внутренними и внешними партнерами, «умной» таможенной службы, незаметной для законопослушного бизнеса и результативной для государства [4].

Можно определить пути совершенствования системы прослеживаемости товаров:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы. Данный пункт будет актуален на протяжении всего этапа реализации системы прослеживаемости до того момента, когда система не будет работать отлаженно, без перебоев и в полном масштабе. Также необходимо учитывать, что актуализация нормативных источников должна обеспечивать организацию и проведение ТКПВТ на основе системы управления рисками (далее – СУР).

2. Увеличение числа прослеживаемых товаров и субъектов, участвующих в системе прослеживаемости товаров. Так как внедрение системы прослеживаемости происходит поэтапно, целесообразно постепенно увеличивать число товаров, подлежащих прослеживанию, следовательно, товаров, входящих в Перечень прослеживаемых товаров. Расширение Перечня товаров, подлежащих прослеживанию, приведет к максимальной прозрачности совершения операций с товарами на территории ЕАЭС, тем самым повышая контроль товаров со стороны таможенных органов. Привлечение большего числа субъектов – участников системы прослеживаемости позволит сделать систему прослеживаемости доступной для всех участников ВЭД. Чем больше субъектов, тем более широко известной ста-

нет система прослеживаемости. В поле деятельности таможенных органов будет находиться большее количество субъектов, следовательно, таможенный контроль охватит новых участников ВЭД, которые раньше не контролировались таможенными органами или оставались в тени.

3. Совершенствование программных средств и межведомственного взаимодействия. Необходимо постоянно совершенствовать программные средства для удобства пользования всеми участниками системы прослеживания (ФТС, ФНС, участниками ВЭД). Предлагаемые сервисы должны быть понятны, доступны и не вызывать затруднений, так как они являются важной и основной составляющей электронного документооборота. Развитие межведомственного взаимодействия может выражаться в сокращении времени обмена информацией; издании новых нормативных актов в области сотрудничества ФТС и ФНС; создании единой базы субъектов системы прослеживаемости; актуализации данных и др.

4. Совершенствование СУР. Актуальность создания новых рисков на основе системы прослеживания значительно упростит работу таможенных органов и поможет выявить большее количество недобросовестных участников ВЭД.

5. Привлечение к ответственности. На одном из этапов реализации системы прослеживания на территории ЕАЭС планируется привлечение к ответственности за нарушение права ЕАЭС и законодательства стран – членов ЕАЭС о таможенном регулировании на основе применения НЦСПТ. Для этого должны быть внесены соответствующие изменения в действующее законодательство Российской Федерации и государств – членов ЕАЭС.

6. Указание РНПТ в электронных пломбах при транзите. Применение навигационных пломб основывается на контроле перемещения и отслеживания грузовых перевозок. Указание РНПТ в электронных пломбах позволит более подробно отследить перемещение партии товара и определить наличие или отсутствие незаконных операций.

Таким образом, система прослеживаемости товаров занимает особое место в работе таможенных органов в будущем, так как в Стратегии развития ФТС до 2030 г. обозначен ряд задач для реализации НЦСПТ. Внедрение системы прослеживаемости позволит предотвратить теневой оборот товаров и повысить эффективность работы таможенных органов.

К основным путям совершенствования системы прослеживания следует отнести: совершенствование нормативно-правовой базы; увеличение числа прослеживаемых товаров и субъектов, участвующих в системе прослеживаемости товаров; совершенствование программных средств и межведомственного взаимодействия; совершенствование СУР; привлечение к ответственности за выявленные нарушения законодательства на основе применения НЦСПТ; указание РНПТ в электронных пломбах при транзите.

Список литературы

1. Аринушкин Д. Е., Афонин Д. Н., Афонин П. Н., Данько Д. Ю. Применение устройств получения данных с контрольных (идентификационных) знаков. Москва: РИО Российской таможенной академии, 2021. 72 с.

2. Афонин Д. Н., Афонин П. Н. Система управления рисками таможенных органов Российской Федерации. Москва – Берлин: ООО «Директ-Медиа», 2022. 176 с.

3. Бех А. П., Афонин П. Н. Нормативно-правовое обеспечение технологии электронной таможни // Бюллетень инновационных технологий. 2022. Т. 6, № 1 (21). С. 63–65. EDN: CGHCIR.

4. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // Официальный сайт «Альта-Софт». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20rs1388/> (дата обращения: 03.07.2022).

А. А. Базилов,

заместитель начальника отдела правового сопровождения проектов
и разработки нормативных правовых актов,
Научно-исследовательский институт «Восход»

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ СВОБОДНЫХ ЛИЦЕНЗИЙ ПРИ ДИСТРИБЬЮЦИИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В настоящий момент в Российской Федерации только начинает формироваться судебная практика по защите прав при использовании свободных лицензий. При этом необходимо отметить, что такая практика связана в первую очередь с защитой законных прав и интересов частных лиц при распространении программного обеспечения, использующего программный код, распространяемый под лицензией GPL. Однако условие распространения программного кода под лицензией GPL до сих пор не получило широкого освещения с точки зрения обеспечения общественного интереса. В настоящей статье приведено исследование вопроса перспективных механизмов защиты требований свободных лицензий государством и его компетентными органами, как условия обеспечения общественного интереса в отношении использования свободного программного обеспечения неограниченным кругом лиц. На основании обобщения зарубежного опыта сформулированы предложения по внедрению широкого применения свободного программного обеспечения в Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав на программы ЭВМ, свободное программное обеспечение, лицензии, GPL, Copyleft, государственное регулирование

PROSPECTS OF STATE ENFORCEMENT OF THE REQUIREMENTS OF FREE LICENSES IN SOFTWARE DISTRIBUTION

Abstract. At the moment, judicial practice on the protection of rights when using free licenses is just beginning to take shape in the Russian Federation. At the same time, it should be noted that this practice is primarily related to the protection of the legitimate rights and interests of individuals when distributing software, which in turn uses software code distributed under the GPL license. However, the condition for

distributing software code under the GPL license has not yet received wide coverage from the point of view of ensuring public interest. This article presents a study of the issue of promising mechanisms for protecting the requirements of free licenses by the state and its competent authorities, as a condition for ensuring public interest in the use of free software by an unlimited number of people. Based on the generalization of foreign experience, proposals for the introduction of a wide application of free software in the Russian Federation are formulated.

Keywords: Protection of rights to computer programs, Free software, Licenses, GPL, Copyleft, Government regulation

В 2004 г. в декларации Генеральной Ассамблеи Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), изданной на основании предложения, внесенного Аргентиной и Бразилией, отмечено наступление кризиса в области интеллектуальных прав, технологий и культуры, где среди проявлений такового указаны в том числе: несоответствие частных интересов общественным, что препятствует развитию общих благ; концентрация владения и контроля над интеллектуальными, технологическими, биологическими ресурсами, культурой, что влечет ущерб развитию демократических институтов; антиморальное неравенство в доступе к образованию, знаниям, технологиям, тормозящее развитие и социальное единство.

Декларация Генеральной Ассамблеи ВОИС 2004 г. прямо критикует монопольные привилегии на результаты интеллектуальной деятельности, без оглядки на последствия для общества, а также призывает к мораторию на развитие национальных законодательств в ключе гармонизации с действующим законодательством США и Европы в области интеллектуальных прав.

В том же докладе отмечена положительная роль проектов, созданных в целях обеспечения открытого доступа к научным изданиям, геномной информации, базам данных, а также других инновационных проектов, направленных на развитие человеческого потенциала, таких как сеть Интернет, The GNU Project, Creative Commons, Wikipedia [1].

Из приведенных выше проектов особый интерес представляет для нас The GNU Project, история создания которого связана с именем Ричарда Мэттью Столлмана, программиста, основателя Фонда свободного программного обеспечения (Free Software Foundation) и Лиги за свободу программирования. Именно благодаря Столлману концепция Copyleft сформулирована в наиболее завершенном виде. Концепция подробно описывает как цели и назначение лицензий на «свободные программы», их роль в развитии человеческого потенциала, так и философские аспекты рассматриваемой концепции.

Концепцией Copyleft определяются критерии «свободной программы», которые заключаются в правилах, по традиции нумерация которых начинается с цифры 0:

Свобода 0 – Свобода выполнять программу любым способом и в любых целях.

Свобода 1 – Свобода изучать работу программы и модифицировать программу, чтобы она выполняла вычисления, как пожелает пользователь, т. е. с обеспечением доступа к исходному коду.

Свобода 2 – Свобода передавать копии, чтобы помочь другим.

Свобода 3 – Свобода передавать копии своих измененных версий программы другим, что также предполагает доступ к исходному коду [11].

Отсутствие хотя бы одного из вышеперечисленных критериев влечет «несвободу программы».

Стоит обратить внимание, что «свободность программы» не может определяться ее «бесплатностью», так как основным назначением введения вышеуказанных критериев является обеспечение независимости пользователя от автора (правообладателя) программы, который опосредованно, в случае отсутствия какого-либо из критериев «свободной программы», имеет определенные возможности для оказания воздействия на пользователя посредством воздействия на программу.

Существует множество видов лицензий свободного программного обеспечения. Исторически первыми свободными лицензиями стали разработанные Фондом свободного программного обеспечения под руководством Столлмана лицензии GNU. Среди лицензий GNU выделяют: GNU General Public License (GPL) – генеральную публичную лицензию (полностью соответствует критериям «свободной программы», является юридическим выражением концепции Copyleft для программного обеспечения); GNU Lesser General Public License (LGPL) – ослабленную генеральную публичную лицензию; GNU Affero General Public License (AGPL) – генеральную публичную лицензию для веб-приложений.

GPL – лицензия свободного программного обеспечения, при которой распространение будет проходить на тех же самых основаниях, что и первоначальный продукт. Каждый, кто изменил код программы и поделился им, обязан по первому требованию предъявить пользователям уже свой код. При этом автор программного обеспечения не несет никакой ответственности за то, в каких целях будет использоваться его продукт и к каким последствиям это может привести в дальнейшем [5].

Обращается также внимание на тот факт, что первоначальный автор программного обеспечения волен выбирать любой формат лицензии при распространении программы, в том числе осуществлять так называемое двойное лицензирование – и под GPL, и под перmissive лицензией. Вместе с тем сам автор программы обязан будет распространять под лицензией GPL тот программный код, который до этого был уже доработан третьими лицами, хотя бы и первоначальную версию такого программного кода разработал сам автор [6].

Законодательство в сфере регулирования на территории Российской Федерации свободных лицензий в настоящее время регулируется смежными нормами в отношении открытых лицензий. Так, в 2014 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены существенные изменения применительно к заключению лицензионного договора на использование программы для ЭВМ, а именно введена норма об открытых лицензиях.

В соответствии со ст. 1286.1 ГК РФ открытые лицензии – это разновидность лицензионного договора, согласно которому правообладатель, предоставляет любому обратившемуся лицу (неопределенному и неограниченному кругу лиц) пра-

во использовать охраняемый результат интеллектуальной деятельности. При этом автор сохраняет за собой все нематериальные авторские права: право на имя, авторство и т. д.

Важным правом автора и (или) правообладателя является возможность предоставить лицензиату право на использование принадлежащего ему произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности. Тем не менее лицензиар вправе устанавливать пределы использования произведения. Именно поэтому главными существенными условиями открытых лицензий являются именно способы использования и конкретные права пользователей в отношении произведения, указанные условия должны быть прописаны в обязательном порядке, в противном случае договор считается незаключенным.

Дополнительно в открытой лицензии указывается срок ее действия и территория использования. Срок действия открытой лицензии определяется автором самостоятельно, однако в случае если срок открытой лицензии не определен, в отношении программ для ЭВМ и баз данных договор считается заключенным на весь срок действия исключительного права. Что касается территории использования, то по общему правилу открытые лицензии распространяются на территорию всего мира, если иное не будет предусмотрено договором.

Если говорить о юридической природе открытой лицензии, то рассматриваемый договор признается договором присоединения (абз. 2 ч. 1 ст. 1286.1 ГК) [10, 12].

С помощью открытой лицензии правообладатель может передать пользователям право создавать на основе своей работы производные программы (абз. 2 ч. 2 ст. 1286.1 ГК РФ). Новые произведения будут доступны неограниченному кругу в пределах и на условиях, которые предусматривает открытая лицензия для оригинала. Лица, которые могут использовать последующее произведение, автоматически приобретают право на использование оригинального произведения.

Вместе с тем ст. 1286.1 ГК не устанавливает ограничений, характерных строго для свободного программного обеспечения. Так, срок действия стандартной GPL-лицензии не устанавливается, но предполагается, что для последовательного претворения в жизнь концепции Copyleft такая лицензия должна быть бессрочной. Бессрочность действия лицензии может быть обеспечена за счет передачи исключительных прав на такое произведение специальному субъекту при одновременном закреплении в законе специальной нормы о невозможности сделать такое произведение проприетарным. Можно также предположить, что срок действия GPL ограничивается сроком жизни автора и 70 лет после его смерти, после чего произведение переходит в общественное достояние. Однако здесь также имеется сложность в реализации потенциала свободной программы, так как не будет выполняться условие недопустимости дальнейшего распространения производных работ не под GPL-лицензией, так как перешедшее в общественное достояние произведение может быть доработано и ограничено пермиссивной лицензией как самостоятельное произведение.

Необходимо обратить внимание на приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19 августа 2015 г. № 305 «Об утверждении Методических рекомендаций по использованию свободного программного

обеспечения в деятельности федеральных органов исполнительной власти, включая критерии определения государственных информационных систем, при создании которых необходимо использовать свободное программное обеспечение, в том числе государственных информационных систем, предназначенных для оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде» (далее – Приказ № 305), который при его буквальном прочтении может ввести в заблуждение в части понимания такой категории, как свободное программное обеспечение. Так, в Приказе № 305 указывается, что свободная программа – это программа для электронных вычислительных машин, распространяемая на условиях простой (неисключительной) лицензии, которая позволяет пользователю на безвозмездной основе: использовать программу в любых не запрещенных законом целях, изучать исходные тексты (коды) программы, дорабатывать программу, распространять программу и ее производные в любой форме и любыми способами. Существенным условием свободной программы предполагается распространение всего производного программного обеспечения на тех же условиях, что и изначальная программа, т. е. без возможности сделать производное программное обеспечение проприетарным. Важно отметить, что методические рекомендации, утверждаемые Приказом № 305, не носят обязательный характер и не являются нормативным правовым актом, не содержат указаний на срок действия свободной лицензии.

В российском законодательстве отсутствует целостная юридическая конструкция, позволяющая закрепить концепцию Copyleft за программным обеспечением, передаваемым неограниченному кругу лиц. Так, например, отсутствует категория «свободной программы» и «свободной лицензии». Применение иных форм лицензий, приближающихся по своей сути к свободным, также имеет место – высшие учебные заведения, такие как НИУ ВШЭ, МГИМО и МГУ, активно применяют открытые лицензии Creative Commons.

Таким образом, мы обнаруживаем, что, несмотря на имеющуюся совокупность нормативно-правовых инструментов для применения свободного программного обеспечения, остается широкое поле для неоднозначной трактовки и коллизий с российским законодательством. Здесь же особняком стоят вопросы обеспечения механизмов защиты свободного программного обеспечения от попыток сделать последнее проприетарным в тех или иных случаях.

В иностранных юрисдикциях правовую защиту Copyleft лицензий осуществляют как сами авторы, выпускающие свою программу под свободной лицензией, так и специализированные субъекты, такие как ранее упомянутый Free Software Foundation или Software Freedom Conservancy.

Работа указанных выше негосударственных некоммерческих организаций заключается в осуществлении контроля за распространяемым программным кодом под свободными лицензиями [6].

Software Freedom Conservancy в 2020 г. разработала стратегию по соблюдению требований лицензии GPL в связи с массовым нарушением требований использования свободного программного обеспечения. Не в последнюю очередь такая инициатива появилась в связи с массовыми нарушениями GPL со стороны производителей, использующих Linux-прошивки во встраиваемой электронике [7].

Вместе с тем текущие потребности государственного сектора в области цифровизации (сюда мы относим также учреждения, созданные для обеспечения выполнения возложенных на профильные органы функций) не могут быть в полной мере покрыты за счет государственного заказа, что не в последнюю очередь связано с проблемой импортозамещения.

Автору настоящей статьи видится целесообразной адаптация сложившихся практик применения лицензий, последовательно выдерживающих критерии концепции Copyleft, в Российской Федерации, что потребует неизбежного изменения законодательства.

Для имплементации концепции Copyleft в российское законодательство потребуется ряд изменений в действующие нормативно-правовые акты, а также политическая воля, направленная на преодоление сопротивления разработчиков «несвободных программ», нацеленных преимущественно на рыночные формы обеспечения потребностей как общества, так и государства. Также предлагается на уровне законодателя рассмотреть возможность внесения ряда изменений в законодательство в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, которые будут сопровождать соответствующие изменения, вносимые в гражданское законодательство в области обеспечения механизмов юридического закрепления статуса «свободных программ».

Некоторые авторы предлагают закрепить в законодательстве понятие свободной лицензии, что повлечет за собой необходимые изменения в законодательство в сфере авторского права в широком смысле. Также предлагается решить проблему использования оригинальных текстов лицензий на иностранном языке при дистрибуции свободного программного обеспечения [9].

Преимущества создания и развития системы дистрибуции и защиты свободного программного обеспечения не являются на первый взгляд очевидными. Может создаться впечатление, будто подход к лицензированию в соответствии с концепцией Copyleft не создает никаких преимуществ для разработчика программного обеспечения. Однако мировая практика знает множество примеров создания коммерчески успешных проектов, основанных на разработке и обслуживании как открытого, так и свободного программного обеспечения.

Так, компания NginxInc продана в 2019 г. за 670 млн долл. NginxInc специализируется на разработке дополнительного программного обеспечения к веб-серверу, распространяемому свободно и бесплатно под условиями лицензии BSD (открытая лицензия) [8]. В 2019 г. IBM поглотила компанию Red Hat, выплатив 34 млрд долл., указанная компания специализируется на разработке программного обеспечения с открытым кодом и на обслуживании программных продуктов, распространяемых как под пермиссивными лицензиями, так и под лицензиями GPL [2]. Согласно данным сайта tadviser.com, на декабрь 2019 г. самым крупным потребителем программных продуктов Red Hat стала армия США [3].

Крупнейшим сервисом для хостинга IT-проектов, в том числе с применением свободного программного обеспечения, является github.com. На дату обращения 12.09.2022 по запросу «GPL» поисковая система репозитория выдает 4 823 результата. Характерно, что на указанном хостинге частично размещаются также исход-

ные коды всех новых программ, созданных США, разработанных государственными учреждениями и агентствами на деньги налогоплательщиков. Указанное стало возможным также благодаря инициативе администрации президента США, которая подготовила правила размещения и предоставления доступа к исходному коду федерального программного обеспечения – Federal Source Code Policy. Уже с 2016 г. состоялся запуск государственного портала США в сети Интернет `code.gov`, с помощью которого любой желающий, в том числе правительства иных стран, могут использовать софт, размещенный в открытом доступе. Federal Source Code Policy издан на основании и во исполнение параграфа 105 Copyright Law of the United States, согласно которому все работы, созданные в США на деньги налогоплательщиков, переходят в общественное достояние [4].

Авторы, исследующие такой феномен, как свободное программное обеспечение, отмечают целый ряд характерных преимуществ как экономического, так и правового толка при его повсеместном внедрении. В первом ряду экономических преимуществ стоит низкая стоимость программы, распространяемой на условиях открытой лицензии (что также можно с оговорками утверждать в отношении свободного программного обеспечения) и отсутствие обязанности осуществлять регулярные отчисления за использование программного продукта. К правовым преимуществам авторы относят возможность упрощения работы при оформлении присоединения к используемой лицензии, а также снижение риска возникновения споров в отношении использования исключительных прав на такое программное обеспечение [12].

В качестве дополнительных аргументов, позволяющих утверждать о возможной успешности применения «свободных программ» и концепции Copyleft в Российской Федерации можно назвать:

- вовлеченность неограниченного круга субъектов в модификацию исходной программы и всех последующих;
- невозможность приватизации результатов коллективного труда и ограничение рентоориентированного поведения;
- ограничение монопольного положения разработчиков «несвободных программ», которые в настоящее время используются повсеместно, в том числе при выполнении функций, возложенных на органы государственной власти и органы местного самоуправления;
- возможность без затрат способствовать раскрытию творческого потенциала работников IT-отрасли и последующему применению разработок, созданных в ходе свободного творческого развития;
- возможность существенно повысить качество программных продуктов, используемых органами государственной власти и государственными учреждениями, иными организациями, созданными для выполнения возложенных на них общественно значимых функций.

В качестве инструментов внедрения свободного программного обеспечения (а вместе с ним и открытого программного обеспечения) полагается целесообразным применять аналогичные практики, уже осуществленные в иностранных юрисдикциях.

Так, предлагается создать российский вариант стандартной свободной лицензии для программного обеспечения по аналогии с GPL, с размещением текста такой лицензии на публичных ресурсах уполномоченного субъекта, осуществляющего функции по содействию исполнению требований свободных лицензий. Создание единого формата такого лицензионного соглашения позволит избежать разночтений в толкованиях текстов самостоятельно составленных лицензионных соглашений на основании ст. 1286.1 ГК РФ. Видится допустимым дополнить положения ст. 1286.1 ГК РФ в части отграничения понятия свободной лицензии от иных, схожих с таковой. Унификация текста свободной лицензии позволит однозначно определять конкретное программное обеспечение в качестве свободного, так как версия такой лицензии будет размещена в открытом доступе, что позволит избежать различных юридических уловок со стороны вольных составителей текстов якобы свободных лицензий на программы. Вместе с тем к стандартной свободной лицензии можно приравнять по юридическому значению стандартную Copyleft лицензию проекта GNU – GPL. Указанное позволит избежать расхождений при рассмотрении споров о применении свободного программного обеспечения, которое распространяется под лицензией GPL, так как последняя имеет ряд специфических особенностей, характерных только для англо-саксонской правовой семьи применительно к интеллектуальным правам на результат интеллектуальной деятельности. Введение стандартной свободной лицензии позволит нивелировать целый ряд правовых нюансов, связанных с особенностями применения гражданского законодательства Российской Федерации.

Еще одним шагом на пути углубления использования свободного программного обеспечения является создание публичного репозитория свободного и открытого программного обеспечения. В указанном репозитории надлежит размещать как программы, распространяемые под стандартной свободной лицензией, так и под иными строгими Copyleft лицензиями. Правовой основой для размещения свободных и открытых программ в таком репозитории должен стать нормативный правовой акт, который по своим функциям и назначению будет схожим с Federal Source Code Policy. Для удобства использования ниже по тексту будем обозначать его как порядок размещения свободных программ. Порядок размещения свободных программ может быть утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации, где отдельные аспекты формирования репозитория, его ведения и развития могут быть распределены между конкретными органами и учреждениями.

В развитие вышеперечисленных подходов предлагается в порядке размещения свободных программ отразить положения, в соответствии с которыми государственные органы, государственные учреждения обязаны будут частично размещать в репозитории свободного и открытого программного обеспечения разработки, осуществленные за счет бюджетных средств. Такое размещение должно согласовываться с целесообразностью обеспечения национальных интересов и государственной безопасности.

Всеобщий доступ к репозиторию свободного и открытого программного обеспечения позволит применять без ограничений (кроме ограничения в виде запрета

на создание проприетарного программного обеспечения на базе свободного программного обеспечения) гражданами, организациями, государственными органами современные технологические достижения в сфере программных решений, удешевить разработку собственных программных решений, а в отдельных случаях воспрепятствовать умышленному завышению стоимости работ в государственном заказе. Полномочия по ведению и поддержке репозитория допустимо передать Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, его подведомственным учреждениям.

Конечно же, возникает вопрос о том, каким образом обеспечить защиту свободы программного обеспечения. Для этой цели можно применять несколько механизмов, которые могут действовать одновременно.

Защита свободного программного обеспечения может осуществляться авторами доработанных программ, распространяемых под свободной лицензией. Обязанность соблюдения требований свободной лицензии возникает только при распространении свободного программного обеспечения. В связи с чем любой разработчик, предоставляющий свой программный продукт на базе свободного программного обеспечения, обязан предъявлять исходный код с инструкцией по установке. Если получатель такой программы обнаружит несоблюдение требований свободной лицензии, он вправе обратиться в суд за устранением нарушений его прав. Необходимо отметить, что судебные механизмы принуждения к соблюдению требований свободных лицензий применяются и в настоящее время. К сожалению, на данный момент в Российской Федерации не имеется альтернативных способов обеспечения защиты требований свободных лицензий.

Выходом из сложившейся ситуации может быть создание по инициативе государства учреждения либо некоммерческой организации с функциями, схожими с Free Software Foundation и Software Freedom Conservancy. Также допустимо функции указанных организаций вменить уже существующим органам и учреждениям. Так, вопросами применения свободного программного обеспечения государством, в том числе в целях импортозамещения, может заниматься Центр компетенций по импортозамещению в сфере информационно-коммуникационных технологий. Функциями по обеспечению контрольно-надзорных функций в области исполнения требований свободных лицензий допустимо наделить Роскомнадзор.

Варианты распределения полномочий в области внедрения использования свободного программного обеспечения могут быть различными, но это уже предмет отдельного исследования. Полагается, что текущая структура органов власти, государственных учреждений, иных организаций с учетом вмененных им функций и полномочий является необходимой и достаточной для запуска государственной инициативы в области повсеместного применения свободных программ. По мнению автора настоящей работы, без государственного содействия, развитие отечественных решений в области свободного программного обеспечения не получит должного импульса. Создание собственной системы в области управления свободным программным обеспечением становится особенно актуальным в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран и неясных перспектив в сфере доступа к международным базам свободного программного обеспечения.

Широкое использование свободных программ в Российской Федерации при оказании государственной поддержки, позволит выйти на новый технологический уровень и обеспечить в будущем устойчивый технологический суверенитет.

Список литературы

1. Declaration G. Geneva Declaration on the Future of the World Intellectual Property Organisation. 2004.
2. IBM закрыла сделку по поглощению Red Hat // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/t/459548/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. The U.S. Army became the largest user of Red Hat OS // TAdviser. URL: https://tadviser.com/index.php/Project:The_U.S._Army_became_the_largest_user_of_Red_Hat_OS (дата обращения: 12.09.2022).
4. US Copyright Office. Copyright law of the United States and related laws contained in Title 17 of the United States Code // Circular 92. 2011.
5. Евдокимов И. В. и др. Применение свободных лицензий для разработки программного обеспечения в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 6–1. С. 33–36.
6. Ответы на вопросы о лицензиях GNU // Операционная система GNU. URL: <https://www.gnu.org/licenses/gpl-faq.ru.html#AssignCopyright> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Правозащитная организация Software Freedom Conservancy разработала стратегию по соблюдению требований лицензии GPL // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/512728.php> (дата обращения: 12.09.2022).
8. Алексейчук А. Свободное программное обеспечение // Адвокатская газета. 2021. № 7, апрель. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/svobodnoe-programmnnoe-obespechenie/> (дата обращения: 12.09.2022).
9. Слыщенко В. Свободная лицензия GNU GPL: общая характеристика // Хозяйство и право. 2012. № 11 (430). С. 104–113.
10. Соболев И. А. Свободные лицензии в авторском праве России: монография. Москва: Юстицинформ, 2014. С. 57–80.
11. Четыре важнейших свободы // Операционная система GNU. URL: <https://www.gnu.org/philosophy/free-sw.html#four-freedoms> (дата обращения: 12.09.2022).
12. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. С. 182–224.

Д. М. Бакирова,

аспирант,

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АСПЕКТЕ ДИНАМИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Основной целью исследования в рамках данной статьи является определение направлений развития теории юридических фактов в связи с набирающим обороты процессом цифровизации правовой сферы. Обращается особое внимание на такую составляющую теории юридических фактов как фактические общности, к которым автор относит фактические составы и фактические системы. Формируется и обосновывается вывод о том, что совершенствование системы знаний о фактических системах как достаточно большой и упорядоченной общности юридических фактов способно помочь в развитии технологий машиночитаемого права.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, теория юридических фактов, фактические системы, машиночитаемое право

DEVELOPMENT OF THE LEGAL FACTS THEORY IN THE PROCESS DIGITALIZATION OF THE LEGAL SPACE

Abstract. The main purpose of the study in this article is to determine the directions for the development of the legal facts theory in connection with the growing process of digitalization of the legal sphere. Particular attention is paid to such a component of the theory of legal facts as actual communities, to which the author refers the actual compositions and actual systems. The conclusion is formed and substantiated that the improvement of the system of knowledge about actual systems as a sufficiently large and ordered community of legal facts can help in the development of machine-readable law technologies.

Keywords: Law, Digital technologies, Theory of legal facts, Actual systems, Machine-readable law

Введение. Право как социальный институт и набирающие обороты процессы цифровизации различных сторон общественной жизни взаимосвязаны между собой и оказывают друг на друга существенное влияние.

С одной стороны, цифровизация, как и любой иной социальный процесс, подвержена правовому регулированию, что отражается в многочисленных поправках действующего законодательства, учитывающих специфику информатизации и технологизации всех сторон общественного взаимодействия. В качестве одного из наиболее наглядных примеров можно сослаться на внесение дополнений в действующее законодательство, связанных с введением в правовое пространство такого понятия, как цифровые права. В частности, ст. 128 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) была дополнена указанием на цифровые права

как особый объект гражданских прав, относимый к числу разновидностей имущественных прав. Понятие цифровых прав и общая характеристика осуществления и распоряжение ими были даны в специально введенной ст. 141.1 ГК РФ. Кроме того, в недалеком прошлом был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [2]. Можно привести множество и иных примеров того, какие изменения и дополнения российского законодательства связаны с усилением процессов цифровой трансформации. В целом можно сказать, что подобное внимание со стороны права к регулированию данной сферы не случайно и логически обусловлено.

С другой стороны, цифровизация также оказывает влияние на право и правовое регулирование, воздействуя на его форму, механизм и используемые технологии. На это неоднократно обращалось внимание в научной литературе [11. С. 6; 12. С. 10–11]. В частности, Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногор в этой связи обращается внимание на то, что «право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия “цифровизации”, в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций» [14. С. 85].

В. Ю. Рассолов, характеризуя данные процессы, выделяет четыре уровня проникновения информационных технологий в правовое пространство, на основе которых можно определить современное состояние цифровизации государственно-правовых явлений. К их числу отнесены следующие: 1) совершенствование законодательства в связи с появлением новых объектов и общественных отношений; 2) внедрение цифровых технологий в сферу юридической практики; 3) перевод нормативной основы правового регулирования в форму программного кода; 4) создание принципиально новой нормативной системы, которая будет самостоятельным социальным регулятором наряду с правом в классической его трактовке. По результатам такой проработки В. Ю. Рассолов приходит к выводу о том, что в настоящее время идет активное освоение первого уровня и плавная реализация мероприятий второго. На третий уровень можно будет выйти только через весьма значительный период времени (не менее 20–30 лет). Четвертый уровень может рассматриваться только в качестве наиболее отдаленной перспективы [10. С. 71].

Основная часть. Влияние явлений цифровизации на право в самом простом варианте обнаруживается при совершенствовании использования в правоприменительной практике юридических технологий. В частности, речь идет о заключении договоров в электронном виде, в том числе «самоисполняемых» договоров (смарт-контрактов), использовании информационных технологий в судебной и нотариальной деятельности и т. п. На этом фоне следует обратить внимание на реализацию в Российской Федерации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», в рамках которого предполагается автоматизация различных сфер юридической деятельности, в том числе и правотворчество. Однако проникновение явлений цифровизации в правовую действительность этим не ограничивается.

В этой связи можно отметить, что в 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию была утверждена «Концепция развития технологий машиночитаемого права» [3]. В соответствии с данным документом машиночитаемое право рассматривается как один из наиболее эффективных способов объективации правовых норм, что обеспечивает их непротиворечивость, а также максимальный комфорт и удобство в правоприменении для всех участников данного процесса.

Официальное определение машиночитаемого права изложено в разделе 3 указанной Концепции, в котором оно понимается как «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)». Более простой и понятный юристу вариант был предложен Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногором: «...правоположения, изложенные в виде машинных алгоритмов, реализованных на языках программирования (программного кода), понимаемых машиной с последующей машиноисполняемой реализацией» [13. С. 135].

Машинное (программное) представление правовых норм меняет форму изложения, но не может изменить их логику. В любом случае нормативные дозволения, предписания и запреты должны будут распространяться на заранее предусмотренные фактические ситуации, предусмотренные в упорядоченном системном виде. Вследствие этого представление нормативных правил в форме машинного кода не исключает необходимости анализа и систематизации фактического основания правового регулирования, что автоматически актуализирует основные положения теории юридических фактов, сложившиеся к настоящему времени.

В философском понимании научная теория предстает как «истинное знание, существующее как некоторая система логически взаимосвязанных предложений, отражающих («описывающих») существенные, т. е. закономерные, общие и необходимые связи той или иной предметной области» [17. С. 216–217]. Словарная трактовка понятия «теория» практически тождественна в большинстве энциклопедических источников. Обычно приводятся определения, характеризующие данное понятие в широком и узком значениях. В широком смысле оно трактуется как «комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления». В узком значении данного термина или понимании в специальном смысле теория истолковывается как «высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [8. С. 42].

Характеристика теории как системы предполагает наличие набора элементов, являющихся узловыми точками упорядоченного знания, взаимодействующих между собой. Совокупность таких взаимосвязей между элементами образует структуру данной системы. В результате появляются новые качества, изначально не присущие отдельным элементам системы, вследствие чего их совокупность образует некоторое целостное явление. Это проявление именуется свойством

эмерджентности, т. е. несводимости итоговых качеств системы к изначальным свойствам ее элементов.

В правовой литературе неоднократно отмечались научная ценность и практическая значимость теории юридических фактов. Наличие грамотно разработанной системы таких фактов, а также их четкая и однозначная фиксация в гипотезе соответствующей правовой нормы является одной из наиболее существенных гарантий законности, поскольку это служит залогом правильного применения правовых норм [7. С. 19–20]. «Роль теории юридического факта видится в необходимости концептуализации социальных оснований права, без чего оно утрачивает свой смысл, а любые теоретические построения теряют свое эвристическое содержание» [4. С. 50]. Значение теории юридических фактов состоит также в том, что данная организованная совокупность знаний выступает в качестве методологической основы проведения исследований в отношении отдельных правовых явлений. В научной литературе зачастую природу того или иного правового понятия предлагается исследовать сквозь призму теории юридических фактов.

Одним из элементов теории юридических фактов как системы знаний о фактической составляющей правового регулирования являются фактические общности как упорядоченные в определенной конфигурации юридические факты. Такие общности могут образовываться за счет объединений фактов различного объема. В частности, Е. Ю. Цуканова в диссертационном исследовании, непосредственно посвященном данному вопросу, выделяет два вида общностей: фактические составы и системы [15].

Общее между фактическими составами и фактическими системами состоит в том, что они представляют собой организованные определенным образом комплексы юридических фактов. Вместе с тем их функциональное назначение имеет существенные отличия. Под фактическим составом принято понимать такое объединение юридических фактов, которое, будучи предусмотренным в правовой норме, выступает в качестве основания возникновения правовых последствий. Чаще всего в качестве таких последствий выступают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Таким образом, именно правообразование в широком смысле этого слова выступает в качестве основной функции фактических составов как общности юридических фактов.

Конкретные юридические факты и фактические составы, выступающие в качестве оснований правовых последствий, имеют отношение к отдельным правоотношениям. В этом аспекте они представляют собой микроуровень фактической обоснованности правового регулирования. Макроуровень включает в себя такую совокупность реальных обстоятельств, которая рассматривается как определенный срез жизненной реальности и даже целые социальные процессы. Исследование фактической основы такого уровня позволяет решать задачи более масштабного характера. Вследствие сказанного можно предположить, что цель объединения фактических предпосылок права в фактические системы несколько иная, нежели формирование отдельных фактических составов.

Фактические составы, являясь основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений, имеют значение для решения правоприменительных

задач. В отличие от этого, объединения фактов в большие системы служат целям упорядочения правовых норм, что способно оказать необходимое содействие процессу правообразования.

Эффективность правотворческой работы во многом зависит от системного представления общественных отношений, подлежащих урегулированию, что позволяет осуществлять систематизацию законодательства в целом. Наиболее наглядно это проявляется при осуществлении кодификации, которая традиционно рассматривается в качестве одной из форм систематизации законодательства. Иногда понятие кодификации использовали как синоним систематизации законодательства. Кодификационная работа способствует устранению противоречий, обнаружению и ликвидации пробелов в правовом регулировании, выявлению устаревших правовых норм, а также обеспечению удобства практического использования нормативных актов.

Существует множество способов приведения правовых норм в определенную систему при осуществлении кодификации. Одним из таких является формирование обобщений, за счет которых вырабатывается общая часть соответствующей отрасли. В свою очередь обобщения в абсолютном большинстве случаев касаются фактической составляющей правовой нормы за счет «отбрасывания» отдельных моментов, которыми можно пренебречь при формулировании общей правовой нормы, рассчитанной на достаточно большое количество жизненных ситуаций.

Сказанное находит свое наглядное проявление во взаимодействии общих и специальных норм. Общие нормы в силу своего более абстрактного характера и достаточно высокой степени обобщения рассчитаны на регулирование более широкого круга общественных отношений. В отличие от этого специальные нормы сформулированы с помощью более детализированного описания фактической ситуации, к которой они применяются. В этом плане можно говорить, что такие нормы учитывают отдельные особенности регулируемых общественных отношений.

Основное различие между общими и специальными нормами состоит в разной степени обобщенности их гипотезы, указывающей на фактические обстоятельства, при наличии которых применяется данная норма. Такие гипотезы в теории права делятся на абстрактные и казуистические. Абстрактная гипотеза формулируется с использованием общих родовых признаков общественных отношений, что расширяет сферу действия правовой нормы и повышает ее стабильность. Казуистическая гипотеза учитывает специфику отдельных частных случаев, которую невозможно отразить с помощью абстрактной гипотезы. Деление правовых норм на общие и специальные обусловлено многоуровневым характером системы права в целом, а также его отдельных отраслей.

Полагаем, что наиболее простым и показательным примером фактической системы является совокупность юридических фактов и фактических составов, являющихся основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношений в рамках процессуального права. Это обосновывается тем, что процессуальный порядок совершения определенных действий при рассмотрении и разрешении судебных дел унифицирован и заранее предопределен нормами процессуального

права. Фактические обстоятельства, вызывающие соответствующие им правовые последствия, развиваются планомерно и поступательно. Одни факты обуславливают появление других, которые, в свою очередь, влияют на появление третьих.

Кроме того, в процессуальном праве существенное внимание уделяется фактам, вследствие которых возникает само судопроизводство. Это обусловлено тем, что они имеют значение фундамента всей правовой процедуры, поскольку правомерность совершения действий на этапе возбуждения дела детерминирует законность всего дальнейшего процесса.

Таким образом, полагаем возможным говорить о различного рода взаимосвязях между фактическими элементами не только отдельных правовых институтов, но также и правовых отраслей. В научной литературе, действительно, фактические системы исследуются применительно к отдельным межотраслевым институтам или же правовым отраслям [16. С. 48]. Более того, можно представить всю массу фактических предпосылок правового регулирования в виде глобальной фактической системы. Однако для ее анализа потребуются новые технологические возможности, предоставляемые электронно-вычислительными машинами.

Заключение. В настоящее время проблематика формирования фактических систем актуализировалась в связи с набирающей обороты цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, в том числе и правотворчества [6]. Алгоритмизация общественных отношений достигла такого уровня, что требует формирования соответствующей государственной политики [9. С. 706]. Новейшим технологиям должно уделяться надлежащее внимание на уровне стратегических целей государственного планирования, что требует соответствующего нормативного регулирования. Представление достаточно большой общности юридических фактов в виде фактической системы способно помочь в вопросе перевода правовых норм в машиночитаемый вид, что является одной из тенденций совершенствования правовых основ регулирования общественных отношений. Это свидетельствует о достаточно степени значимости фактических систем (их анализа и совершенствования) как элемента теории юридических фактов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5142/ (дата обращения: 15.09.2022).
2. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 15.09.2022).
3. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 15.09.2022).

4. Аргунов Б. Б. Понятие юридического факта в правовой концепции П. Г. Виноградова // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 49–55.
6. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29.
7. Муленко Н. В. Феномен «административный регламент» в государственном управлении России // Миграционное право. 2015. № 4. С. 17–20.
8. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 2010. 695 с.
9. Порываева Н. Ф. Предпосылки возникновения машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 706–709.
10. Рассолов В. Ю. Уровни трансформации права в условиях цифровизации правового пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 6. С. 71–75.
11. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
12. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва: ИНФРА-М, 2020. 176 с.
14. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
15. Цуканова Е. Ю. Фактические общности в современном российском праве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2021. 377 с.
16. Чаркин С. А. Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения земельных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 45–49.
17. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. Москва: Высш. школа, 1978. 269 с.

А. В. Белякова,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Центра судебного права,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблемам внедрения информационных технологий в систему российского правосудия и в отдельные органы государственной власти. Анализируется значение принципа доступности правосудия в современных условиях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов. Уделяется внимание междисциплинарному подходу к развитию модели электронного правосудия в Российской Федерации. Автором также сформулированы выводы и предложения по итогам проведенного исследования.

Ключевые слова: принцип доступности, модель электронного правосудия, доступность правосудия в России, цифровое государство, информационные технологии, цифровое правосудие, право на судебную защиту

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ACCESS TO JUSTICE IN A “DIGITAL” STATE

Abstract. The article is devoted to the problems of introducing information technologies into the system of Russian justice and into individual public authorities. The significance of the principle of accessibility of justice in modern conditions of protection of violated rights, freedoms and legitimate interests is analyzed. Attention is paid to an interdisciplinary approach to the development of the electronic justice model in the Russian Federation. The author also formulated conclusions and suggestions based on the results of the study.

Keywords: Accessibility principle, E-justice model, Accessibility of justice in Russia, Digital state, Information technology, Digital justice, Right to judicial protection

Трансформация социального-экономических отношений происходит во взаимообусловленной связи с правоотношениями. Повсеместная цифровизация общественных отношений приводит к тому, что формируются и видоизменяются сферы государственного регулирования. В частности, в Российской Федерации происходит развитие «модели электронного правосудия», активно используются информационные системы и информационные технологии (далее – ИТ-технологии) для ускорения и упрощения отдельных процедур как непосредственно при отправлении правосудия, так и в сопутствующих процессуальным мерах. Происходят попытки развития межведомственного и внутриведомственного документооборота как в системе национального правосудия, так и других органах государственной власти.

При этом следует отметить, что существует ряд проблем, возникающих при внедрении и использовании ИТ-технологий в России. В частности, отсутствует взаимосвязь между традиционными началами отправления правосудия – принципами его отправления. Это связано в первую очередь с междисциплинарным характером отношений (технологический процесс и право являются сложно совместимыми сферами общественной жизни) и судопроизводственными и судоустройственными началами (внедрение ИТ-технологий в судопроизводство относится к судоустройственным началам, и до настоящего времени данные отрасли права не имеют взаимообусловленной взаимосвязи, т. е. развитие законодательства о судоустройстве и судопроизводстве происходит без учета их особенностей).

Например, внедрение и активное использование информационных систем и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) нивелируют значение конституционно-правовых принципов правосудия и трансформируют их реализацию при отправлении правосудия. Это, в частности, относится к таким принципам, как равенство перед законом и судом, доступности правосудия, гласности, состязательности, устности и непосредственности судебного разбирательства [11. С. 29–46].

Наиболее важное значение имеет реализация конституционно-правового принципа доступности правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) определяет принцип доступности правосудия как «территориальную и транспортную доступность, технические возможности видео-конференц-связи, судебные издержки и др.».

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) указывает, на то что «право на доступ к правосудию включает в себя не только право возбудить иск в порядке гражданского судопроизводства, но и право на получение разрешения спора в суде».

В связи с тем, что цифровые технологии повсеместно внедряются в различные сферы юридической деятельности и государственного управления, трансформируется и значение принципа доступности правосудия. Безусловно, использование информационных систем, IT-технологий и ИКТ позволяет существенным образом оптимизировать многие производственные и управленческие процессы, в том числе и в системе правосудия. Например, цифровые технологии позволяют существенным образом сократить процессуальные и разумные сроки судопроизводства и разумные сроки исполнения судебных актов при надлежащем уровне развития внутриведомственного и межведомственного документооборота, способствовать оптимизации судебного делопроизводства и документооборота, но при этом выявляются и другие существенные проблемы. В частности, социально-экономического характера, а именно у достаточно большого количества заинтересованных лиц отсутствует доступ к информационным системам в силу ряд объективных факторов, что является одним из элементов дискриминации и разделения общества на «цифровое» и «нецифровое». Так как на конституционно-правовом уровне гарантируется равенство всех граждан, то необходимо нивелировать и данный аспект, а именно сохранить устные и письменные начала при отправлении правосудия.

Учеными неоднократно отмечалось значение принципа доступности правосудия в реализации защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц [4. С. 283]. Именно этот принцип отражает развитие правовой системы и стандартов правосудия в том или ином государстве. От эффективности внутригосударственных средств правовой защиты зависит престиж судебной власти.

В частности, последние события нескольких лет как на внутригосударственном уровне, так и на общемировом, актуализировали вопросы развития доступа к правосудию в условиях тех или иных «ограничительных мер» или в «кризисных ситуациях».

При этом действующая система правосудия и органы исполнительной власти не были в полном объеме подготовлены, что существенным образом отразилось на доступности правосудия.

Например, в период пандемии и введения ограничительных мер с целью предотвращения распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации был ограничен доступ в здание суда, количество рассматриваемых дел сократилось, в указанный период времени рассматривались только «неотложные» дела.

Федеральная служба судебных приставов в указанный период полностью прекратила прием граждан, поэтому необходимо рассматривать развитие, внедрение и активное использование ИТ-технологии как в системе национального правосудия, так и в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП РФ) в совокупности (в системе). Так как право на судебную защиту, регламентированное ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) не может быть реализовано в полном объеме в случае неисполнения или частичного исполнения, вступившего в законную силу судебного акта, поэтому необходимо рассматривать влияние проблем «цифровизации» и в системе ФССП РФ.

Отдельно следует отметить, что ведущими российскими учеными-правоведами в течение длительного времени исследуются проблемы и особенности использования цифровых технологий как в юриспруденции в целом, так и в отдельных отраслях общества [12. С. 85–102].

Можно предположить, что совокупность всех имеющихся обстоятельств послужит новым витком развития не только современной правовой парадигмы, но и иных сфер общественной жизни в целом.

Несмотря на имеющиеся фактические обстоятельства неопределимой силы, нецелесообразно умалять значение защиты прав, свобод и законных интересов в данный период времени и проблем в фактической доступности правосудия.

Содержание принципа доступности правосудия является многоаспектным и двойственным, т. е. реализуется как на основе судоустройственных, так и судопроизводственных начал.

В науке данный принцип определяется как «возможность любого заинтересованного лица вне зависимости от гражданства, вероисповедания, расы, национальности, социального положения и статуса получить доступ к правосудию», а также вне зависимости от особенностей организационно-технической оснащённости судов, количества судей и судебной нагрузки [1. С. 568].

В более широком смысле доступность правосудия выражается в совокупности следующих элементов:

- территориального и транспортного признаков, т. е. наличие судов в отдалённых районах Российской Федерации;
- возможности получить судебную защиту в установленные законом сроки (соблюдение процессуальных и разумных сроков судопроизводства и сроков исполнения судебного акта);
- наличия права на обжалование судебного акта (наличие проверочных судебных инстанций);
- эффективности в исполнении судебного акта в установленные законом сроки, т. е. исполнимость судебного акта;
- возможности получения квалифицированной юридической помощи;
- техническом основании, что в настоящее время отражается в возможности использования информационных технологий как на этапе рассмотрения и разрешения дела, так и на этапе исполнения судебного акта.

Безусловно, развитие ИТ-технологий способствует ускорению и упрощению ряда процедур, но при этом существует проблема в реализации принципа доступ-

ности правосудия. На данном этапе отсутствует возможность соблюдения баланса частных и публичных интересов. Так как у ряда лиц отсутствует объективная возможность создания и ведения электронных аккаунтов и электронных (цифровых) кабинетов при получении государственных услуг и при обращении в судебные органы.

В настоящее время реализация доступности правосудия имеет усеченный характер, потому что доступ к IT-технологиям в Российской Федерации имеет не каждое заинтересованное лицо.

Таким образом, проблема реализации принципа доступности правосудия в условиях внедрения информационных технологий заключается, во-первых, в экономических и социальных причинах.

Во-вторых, отсутствует правовая культура и правосознание в данной области, т. е. в большинстве случаев заинтересованные лица не обладают должным уровнем знаний, навыков и умений в области использования информационных технологий при защите нарушенных прав, свобод и законных интересов. Поэтому необходима популяризация в данной области и увеличение, например, количества юридических клиник, оказывающих бесплатно квалифицированную юридическую помощь малообеспеченным гражданам, и/или некоммерческих центров (организаций), осуществляющих данную деятельность не только в крупных экономических центрах (гг. Москва и Санкт-Петербург), но и на всей территории России.

В-третьих, наиболее острой является проблема отсутствия в Российской Федерации качественных и эффективных информационных технологий, которые реализуются на основании высокоточного программного обеспечения в данной отрасли, что в свою очередь свидетельствует об отсутствии высококвалифицированных специалистов. Так как для создания того или иного цифрового продукта необходимо сформировать техническое задание, которое должно содержать все необходимые позиции, разделы, иметь полное описание основных характеристик программного обеспечения, которое в будущем будет представлять продукт информационных технологий.

В-четвертых, нельзя не отметить, что, помимо фактических обстоятельств, препятствующих развитию информационных технологий в системе правосудия и исполнения судебных актов, имеется и ряд правовых проблем, одной из которых является недостаточность в правовом регулировании данного вопроса.

Например, не проработан на законодательном уровне вопрос межведомственного взаимодействия как органов исполнительной власти, так и судебной власти.

А именно по настоящее время судебные запросы отправляют нарочно «Почтой России», что приводит к существенным нарушениям как процессуальных, так и разумных сроков судопроизводства. Или также отсутствует межведомственное взаимодействие как в ФССП РФ, так и в ее территориальных органах с другими органами государственной власти, а именно: Федеральной налоговой службой (далее – ФНС) и ее территориальными органами, с Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИБДД) и ее территориальными органами и т. д.

При этом, например, в Китае уже длительный период времени действует «электронный суд» который осуществляет отправление правосудия в цифровом формате. То есть отправление правосудия с момента подачи иска и до момента получения вступившего в законную силу судебного акта осуществляется на основе информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время развитие информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации происходит дифференцированно, отсутствует единый подход к внедрению и развитию их как в судебной системе, так и в органах государственной власти. Например, заинтересованные лица должны зарегистрировать не один единый электронный кабинет, а несколько, потому что для получения той или иной государственной услуги необходима регистрация на портале каждого ведомства в информационно-коммуникационной сети Интернет, что также является крайне малоэффективным.

При этом развитие и реализация цифрового государства в системе правосудия Российской Федерации возможна при создании узкопрофильного программного обеспечения с учетом специфики данной отрасли. В частности, формирование и развитие цифрового правосудия зависит не только от программного обеспечения, но и его функциональных параметров. В данном случае речь идет о создании «умных» программ или искусственного интеллекта в данной области. Например, при загрузке пакета документов информационная система должна самостоятельно проанализировать по ключевым словам и имеющимся данным и определить, например, категорию дела, недостающие доказательства, наличие или отсутствие уплаты государственной пошлины, необходимость привлечения третьих лиц и т. п.

Использование информационных технологий и введения электронного документооборота в рассматриваемых правоотношениях должны повысить эффективность данной деятельности, упростить процедуру отправления правосудия, сократить процессуальные сроки рассмотрения дел, предоставить возможность повсеместного онлайн-участия в судебных заседаниях заинтересованных лиц, т. е. оптимизировать процесс отправления правосудия.

Нельзя не отметить и позицию Европейской комиссии по эффективности правосудия (далее – CEPEJ) Совета Европы по вопросам реализации защиты права на справедливое судебное разбирательство в период пандемии COVID-19 и после нее. Так, на внеочередном пленарном заседании CEPEJ была принята Декларация CEPEJ «Полученный опыт и вызовы, стоящие перед судебной системой в период пандемии COVID-19 и после нее» (далее – Декларация) о необходимости соблюдать принципы правосудия, а также об «эффективных решениях для обеспечения непрерывности работы судов и доступа к правосудию при соблюдении прав человека» [3].

Данной Декларацией выделяется ряд принципов, которые имеют рекомендательный характер по тенденциям работы в условиях сложной эпидемиологической ситуации для стран – участниц Совета Европы, а именно принципы:

- человека и верховенства права;
- доступности правосудия;

- безопасности лиц;
- контроля за судебным делопроизводством, его качеством и производительностью;
- «киберправосудия»;
- обучения;
- прогрессивного правосудия.

В частности, и для Российской Федерации представляется интересной позиция СЕРЕJ о необходимости сохранения доступности правосудия и соблюдения баланса частных и публичных интересов при реализации права на судебную защиту заинтересованных лиц. Иными словами, судебная система и органы исполнительной власти должны иметь возможность немедленно и качественно адаптироваться в быстро изменяющихся условиях и сохранять свои функциональные обязанности.

Для этого необходимо развивать и внедрять новые специальности в области IT-технологий, например, введение новой узкопрофильной IT-специальности в области правосудия и/или государственного управления. Одной из проблем в реализации этого является междисциплинарный характер данного вида деятельности. Помимо знаний, умений и навыков в области программирования и информационных технологий, необходимо иметь общее представление о сущности и содержании права, законов и юриспруденции в целом. Иными словами, необходимо объединять «информационно-телекоммуникационные» специальности с социально-гуманитарными.

Фактически в настоящее время происходят трансформация и изменение формата не только общественных отношений, но и мира в целом. Так как для полноценного существования общества, государства необходимо проводить в ускоренном режиме реформы всех сфер общественных отношений.

Отдельного внимания заслуживает необходимость строгой регламентации использования IT-технологий в области правосудия и государственного управления. Правовое регулирование в данной области должно включать не только закрепление регламентов и процедур, но и обеспечение защиты персональных данных, а также понятийный аппарат, принципы деятельности, права и обязанности сторон и ответственность.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для реализации принципа доступности в условиях развития цифрового государства необходимо применять концептуальный подход, который будет включать в себя не только реформы в сфере правосудия или государственного управления, но и непосредственно в сфере образования, экономики и информационных технологий.

Список литературы

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / Н. В. Азаренок, В. А. Байдуков, В. М. Бозров и др.; под ред. В. М. Бозрова. Москва: Юстиция, 2017. 568 с.
2. Афанасьев С. Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 46–49.

3. Декларация СЕРЕJ «Полученный опыт и вызовы, стоящие перед судебной системой в период пандемии COVID-19 и после нее» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск «Права человека в карантине»: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2020.
4. Жуйков В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. Москва: Статут, 2006. 283 с.
5. Кострова Н. М. К вопросу о доступности правосудия // Современное право. 2015. № 2. С. 79–82.
6. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
7. Носов С. И. Право и информатизация // Юрист. 2019. № 4. С. 6–13.
8. Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. Москва: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
9. Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10–15.
10. Фокина М. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 29–46.
11. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
12. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. 240 с.

Н. Н. Бойко,

кандидат юридических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал

ОСОБЕННОСТИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНО-СПРАВОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТА СТРУКТУРЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В данной статье затрагивается тема реализации проекта электронного правительства в качестве особой модели организации деятельности органов публичной власти. В рамках этого вопроса раскрываются особенности Единой системы нормативно-справочной информации как одного из элементов структуры электронного правительства, заключающиеся в широком применении информационно-коммуникационных технологий. Актуальность данной работы обусловлена последними изменениями в законодательстве и сегодняшней ситуацией в мире.

Ключевые слова: органы публичной власти, электронное правительство, единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), система межведомственного электронного взаимодействия, единая система идентификации и аутентификации, единая система нормативно-справочной информации, информационные технологии, информационные системы

FEATURES OF THE UNIFIED SYSTEM OF REGULATORY AND REFERENCE INFORMATION AS ONE OF THE ELEMENT OF THE ELECTRONIC GOVERNMENT STRUCTURE

Abstract. This article touches upon the topic of the implementation of the e-government project as a special form of organizing the activities of public authorities. Within the framework of this issue, the features of the unified system of regulatory and reference information as one of the elements of the e-government structure, which consist in the widespread use of information and communication technologies, are revealed. The relevance of this work is due to recent changes in legislation and the current situation in the world.

Keywords: Public authorities, E-government, Single portal of state and municipal services (functions), System of interdepartmental electronic interaction, Unified system of identification and authentication, Unified system of reference information, Information technologies, Information systems

Переход к новому типу общества и изменения, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий, затрагивают все три ветви государственной власти. В результате влияния новых факторов были созданы: электронный парламент как элемент осуществления законодательной власти, электронное правосудие – судебной власти, а в сфере деятельности исполнительной власти возникла необходимость создания электронного правительства.

Стремительное развитие и внедрение информационных технологий опережают необходимое правовое осмысление этих процессов. Поэтому законодательная база, способная обеспечить развитие внедрения информационных технологий во все сферы государства и безопасность населения одновременно, на данный момент имеет определенные пробелы, требующие устранения на основе проведенных теоретических и практических исследований. Как мы подчеркивали ранее, в настоящее время российский законодатель должен решить задачу цифровизации именно путем создания унифицированного законодательства об административных процедурах [2. С. 21].

Несмотря на широкое использование понятия «электронное правительство» во многих источниках, в том числе международных, не существует единого его определения.

Понятие «электронное правительство» пришло к нам из английского языка, где применяются такие термины, как *electronic government* или *e-government*. Ю. И. Глебова понимает под термином «электронное правительство» «пакет технологий и набор сопутствующих организационных мер нормативно-правового обеспе-

чения для организации цифрового взаимодействия между органами государственной власти различных ветвей власти, гражданами, организациями и другими субъектами экономики. Он предполагает эффективный способ предоставления информации о деятельности органов государственной власти, оказание государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально используются возможности, предоставляемые информационными технологиями, мобильными технологиями и сетью Интернет» [4. С. 27].

По мнению Д. Уэста, электронное правительство определяется как «использование государственными органами сети Интернет и других цифровых средств для предоставления государственных услуг и информации, а также осуществление демократии» [3]. Другой видный ученый, В. Хомбург, делает вывод о том, что электронное правительство «перестраивает информационные отношения между государственным аппаратом и гражданами с целью создания дополнительных благ для их членов» [3].

В научной доктрине дается следующее определение электронного правительства: это система взаимодействия органов власти с населением, основывающаяся на применении информационных технологий для повышения доступности и качества публичных услуг. Из этого видно, что электронное правительство частично базируется на информационном праве [1. С. 4].

Исходя из того, что электронное правительство – это прикладной интернет-продукт, реализуемый исходя из потребностей современной эпохи интернетизации [8. С. 77], электронное правительство предполагает совершенствование системы публичной власти путем проведения необходимых изменений, в том числе оптимизацию и модернизацию, снижение расходов, улучшение качества, что в свою очередь говорит о повышении эффективности деятельности органов публичной власти.

Электронное правительство включает в себя электронное администрирование, электронное взаимодействие с институтами гражданского общества и оказание электронных услуг [7. С. 209].

Таким образом, под термином «электронное правительство» следует понимать систему применения информационно-телекоммуникационных технологий для реализации эффективных и прозрачных методов управления в процессе осуществления публичных услуг в форме электронного документооборота. Думается, что органам публичной власти следует использовать функции онлайн-прозрачности в своей практике электронного правительства, чтобы улучшить доверие граждан. Поскольку онлайн-прозрачность порождает подотчетность и может повлиять на поведение влиятельных институтов, привлекая их к ответственности за действия на глазах у общественности. Таким образом, компьютеризированные системы улучшают работу во всем мире не только за счет улучшения подотчетности перед гражданами, но и за счет сокращения некоторых форм коррупции.

В целом все это подразумевает возможность получения государственных и муниципальных услуг при помощи Интернета через специальные сайты отдельных регионов и отдельных муниципальных образований, например, электронная приемная органов власти Республики Башкортостан. В муниципальном образовании

г. Стерлитамак отсутствует специальная отдельно функционирующая система с собственной страницей для получения муниципальных услуг в электронной форме, однако существует возможность подачи заявления онлайн на сайте администрации г. Стерлитамака в виде страницы сайта под названием «Интернет-приемная».

Из сказанного становится очевидным то, что электронное правительство – это современная автоматизированная организация деятельности органов исполнительной власти, базирующейся на сочетании информационных технологий и существовавшей стандартной деятельности органов исполнительной власти. Электронное правительство направлено на совершенствование системы совместной деятельности органов публичной власти с населением и повышения доступности и качества государственных услуг при помощи применения информационных технологий, при этом каждый элемент его структуры направлен на это.

В России согласно концепции, размещенной на сайте Правительства Российской Федерации, электронное правительство имеет определенную структуру, состоящую из четырех систем: 1) Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ); 2) Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); 3) Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) как средство обеспечения санкционированного доступа к информации; 4) Единая система нормативно-справочной информации (ЕСНСИ). В России наиболее заметным результатом развития информационных технологий, применяемых в исполнительной власти, стал Портал государственных услуг РФ как часть концепции электронного правительства. Следует отметить, что каждый из элементов структуры электронного правительства выполняет определенную задачу.

Говоря о правовых аспектах и актуальных вопросах реализации электронного правительства, необходимо выявить особенности каждого элемента структуры электронного правительства, их функциональное назначение и правовую обеспеченность. Однако в рамках исследуемого вопроса нас больше интересует Единая система нормативно-справочной информации (ЕСНСИ).

ЕСНСИ является наименее заметной с точки зрения рядового обывателя при получении государственных и муниципальных услуг, так как основной его задачей выступает взаимодействие граждан и организаций с органами публичной власти посредством электронного правительства.

Рассматриваемая система – это информационная система, которая предназначена для обеспечения доступа к справочной информации, применяемой в государственных (муниципальных) информационных системах, где участники информационного взаимодействия могут получить, к примеру, описание справочников или классификаторов и их актуальные данные [6].

Здесь уместно обратить внимание на то, что данная система была создана для обеспечения автоматизированного ведения реестра информационных ресурсов, перечня информации технического характера, используемой в межведомственном взаимодействии для обеспечения единообразия при его осуществлении.

Структура Единой системы нормативно-справочной информации представляет собой два крупных реестра, одним из которых является реестр основных государственных информационных ресурсов. В первом реестре сосредотачиваются

систематизированные сведения в виде паспорта ресурса и перечень наименований уникальных сведений об объекте – либо физическом, либо юридическом лице. Упомянутые сведения с учетом рассматриваемого вопроса, естественно, предназначены для использования при предоставлении публичных услуг.

Вторым является реестр нормативной справочной информации, включающий в себя справочники, словари, классификаторы и иные данные, встроенные в систему.

Примером использования последнего реестра является описание услуги в перечне предоставляемых услуг на портале «Госуслуги», данные сведения берутся из справочника способов предоставления услуг. Как правило, одни и те же справочные данные используются в различных информационных системах, ведение которых, как мы уже знаем – ответственность самих органов власти и других аналогичных участников информационного обмена.

Такая система, несмотря на стандартизацию, тем не менее имеет пробел в виде хранения данных в различных форматах, что может создавать определенные сложности, поскольку ввод этих данных осуществляется в каждую систему также независимо, т. е. возможно повторение.

Несмотря на простоту устройства, считаем необходимым обозначить функции Единой системы нормативно-справочной информации:

- размещение, хранение и актуализация информации в Реестре базовых государственных информационных ресурсов, а также ее обработка, классифицирование и анализ информации;
- ведение внутренних реестров и предоставление разрешенного доступа к информации через его интерфейс отдельным лицам;
- размещение, хранение и актуализация информации в Реестре нормативно-справочной информации;
- сопоставление нормативной справочной информации, используемой в локальных информационных системах органов исполнительной власти, органов государственных внебюджетных фондов и иных участников информационного взаимодействия и в Реестре нормативной справочной информации [5].

В рамках рассматриваемой системы самостоятельными ее участниками являются поставщики и пользователи сведений, баз данных; Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, как уполномоченный орган, обеспечивающий программное формирование и применение реестра базовых государственных информационных ресурсов; уполномоченные органы по ведению реестра нормативно-справочной информации; оператор системы [5]. При этом пользователями сведений могут быть органы публичной власти, органы государственных внебюджетных фондов и другие заинтересованные лица, получающие доступ к информации, содержащейся в реестрах.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно отметить, что Единая система нормативно-справочной информации является не менее важным компонентом структуры электронного правительства, обеспечивая функционирование других компонентов за счет своей базовой функции информационного ресурса, содержащего сведения для межведомственного взаимодействия, оказания услуг и осуществления государственных и муниципальных функций без бюрократического вмешательства.

Список литературы

1. Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4. С. 3–8.
2. Бойко Н. Н. Проблемы и перспективы развития электронного документооборота в системе местного самоуправления // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: сборник науч. статей по итогам IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной Дню местного самоуправления, г. Стерлитамак, 30 ноября 2021 г. Вып. IV / отв. ред. Р.М. Усманова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 19–21.
3. Габуев С. В. «Электронное правительство»: проблемы эффективности политического управления (сравнительный анализ российского и мирового опыта): дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2018. 225 с.
4. Глебова Ю. И. Обеспечение конституционного права граждан на информацию о деятельности органов публичной власти посредством «электронного правительства» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 26–30.
5. ЕСНСИ // Официальный сайт Единой системы нормативной справочной информации. URL: <https://esnsi.gosuslugi.ru/classifiers?p=1> (дата обращения: 15.07.2022).
6. Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая система нормативной справочной информации», а также Перечня нормативной справочной информации, подлежащей размещению в федеральной государственной информационной системе «Единая система нормативной справочной информации»: Приказ Минкомсвязи России от 19.01.2015 № 7 // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/71038830/> (дата обращения: 15.07.2022).
7. Aituarova A. M. Legal regulation of e-government in foreign countries // Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2020. № 3 (61). Pp. 207–214.
8. Farida I., Lestari A.I. Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia // RUDN Journal of Public Administration. 2021. № 8 (1). Pp. 72–79. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-72-79

В. М. Большакова,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного
и административного права,
Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. Предметом исследования в работе выступает функционирование судебной системы в новой цифровой реальности, а также особенности правового регулирования данного вопроса и реального применения данных норм. Целью

исследования является комплексное познание особенностей функционирования судебной системы в новой цифровой реальности. Отмечается, что эффективность и справедливость правосудия, максимально объективное рассмотрение и разрешение различных категорий дел судами являются важнейшим критерием демократичности и цивилизованности общества. В современных условиях законное и справедливое правосудие становится все более необходимым, поскольку к разрешению споров путем судебного разбирательства стало прибегать все больше людей и организаций. Актуальные социальные тенденции не обходят стороной и судебную систему. Так, повсеместное распространение цифровых и информационных технологий, а также проникновение информационно-телекоммуникационной сети Интернет в жизнь каждого индивидуума не могли не отразиться на судебной деятельности, внедрившись и сопровождая практику судебного правоприменения.

Ключевые слова: системный подход, цифровое право, информационные технологии, правоприменительная практика, ограничения, судебная система, судопроизводство

FUNCTIONING OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE NEW DIGITAL REALITY: REGULATION I LAW ENFORCEMENT

Abstract. The subject of research in the work is the functioning of the judicial system in the new digital reality, as well as the features of the legal regulation of this issue and the actual application of these norms. The aim of the study is a comprehensive knowledge of the features of the functioning of the judicial system in the new digital reality. It is noted that the efficiency and fairness of justice, the most objective consideration and resolution of various categories of cases by the courts is the most important criterion for a democratic and civilized society. In modern conditions, legal and fair justice is becoming increasingly necessary, as more people and organizations have resorted to resolving disputes through litigation. Current social trends do not bypass the judicial system. Thus, the widespread dissemination of digital and information technologies, as well as the penetration of the information and telecommunication network “Internet” into the life of each individual, could not but affect judicial activities, having taken root and accompanied the practice of judicial law enforcement.

Keywords: systems approach, digital law, Information technology, law enforcement practice, restrictions, judicial system, legal proceedings

В настоящее время актуальным социальным запросом является потребность в законном и справедливом правосудии, осуществляемом эффективно функционирующей судебной системой. Эффективность и справедливость правосудия, максимально объективное рассмотрение и разрешение различных категорий дел судами является важнейшим критерием демократичности и цивилизованности общества [3].

В современных условиях законное и справедливое правосудие становится все более необходимым, поскольку к разрешению споров путем судебного разбирательства стало прибегать все больше физических лиц и организаций, неза-

висимо от их форм [1]. Актуальные социальные тенденции развития информационных технологий не обходят стороной и судебную систему. Так, повсеместное распространение цифровых и информационных технологий, а также проникновение информационно-телекоммуникационной сети Интернет в жизнь каждого индивидуума не могли не отразиться на судебной деятельности, внедрившись и сопровождая практику судебного правоприменения. Ранее отмечалось, что судебную систему ждет все новое внедрение информационных и цифровых технологий [2].

В целях внедрения в судебную практику информационных технологий были приняты ряд изменений в законодательстве о судопроизводстве. Так, в настоящее время в большинстве судопроизводств ведется аудиозапись судебных заседаний путем использования специального программного оборудования [5]. Участникам судебных процессов, как правило, разрешено самостоятельно вести аудиозапись судебных заседаний и (или) с разрешения судьи производить видеозапись судебного заседания (за исключением определенных категорий дел, например связанных с охраняемой законом тайной). Одним из самых развитых в информационном плане видов судопроизводства является арбитражное судопроизводство, где к большинству документов имеется возможность получить доступ через Интернет. Активно в научном сообществе обсуждаются возможности внедрения высоких и роботизированных технологий, в том числе для принятия судебных решений [4].

Также одно из ключевых нововведений, связанных с современными информационными технологиями и их внедрением в судебную деятельность, – ставшая реальной возможность участия сторон в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи или веб-конференции.

В настоящее время участие сторон в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи по их ходатайству и при наличии у суда технической возможности предусмотрено ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 142 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 155.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В уголовном судопроизводстве, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, участие в судебном заседании различных лиц лично либо путем использования систем видео-конференц-связи определяется по-разному. Так, свидетель допрашивается в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, но при этом удостоверяется его личность (ч. 4 ст. 240, ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ). Уголовно-процессуальными нормами обеспечена возможность участия в судебном заседании и лицам, находящимся под стражей или в местах лишения свободы. В свою очередь, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 29.14) также предусматривает возможность участия в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при производстве по делам об административных правонарушениях. Также в арбитражном, административном, гражданском судопроизводстве предусмотрена возможность участия лиц в судебном заседании путем использования веб-конференции.

Кратко изучив правовое регулирование использования информационных технологий в деятельности судебной системы, перейдем к анализу складывающейся правоприменительной практики.

Существует и ряд проблем, связанных с информационными технологиями, которые вызывают острую социальную реакцию, хотя они могли бы быть сняты путем совершенствования нормативного правового регулирования или более широкого использования информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в период введения наиболее жестких ограничений в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, судами был прекращен личный прием заявлений и иных документов. Физическим и юридическим лицам было предписано направлять документы в суд посредством услуг почтовой связи, заполнения соответствующих форм на сайте суда или путем использования информационных систем направлять в суд электронные документы. При этом очевидно, что предлагаемые способы направления документов в суд не всегда могут быть широко использованы всеми категориями граждан (особенно это касается пенсионеров, инвалидов и др.). Данное обстоятельство требует более взвешенного подхода и обеспечения равного доступа всех категорий граждан к правосудию и реальной возможности подачи документов непосредственно в суд или усовершенствования механизмов дистанционного направления документов и материалов в суд.

О широком внедрении информационных технологий в судебную деятельность нельзя сказать в отношении Федерального закона от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста». Указанным нормативным правовым актом участие в судебном рассмотрении материалов о грубых дисциплинарных проступках сторон (военнослужащего, защитника, прокурора, командира воинской части, начальника органа военной полиции) путем использования систем видео-конференц-связи или веб-конференции не предусмотрено. С одной стороны, это обеспечивает сохранность государственной тайны и служебной тайны в области обороны, с другой – в случае если таких сведений материалы не содержат, возможность участия, например, защитника в деле путем использования систем видео-конференц-связи выглядит логичным ввиду того, что гарнизонный военный суд (окружной, кассационный) может находиться на значительном удалении от места нахождения защитника.

Таким образом, считаем, что совершенствованию подлежат нормы Федерального закона от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» (а именно его ст. 5-9), в части установления права и возможности участия сторон в судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках путем использования систем видео-конференц-связи или веб-конференции, что повысит уровень гарантий реализации права на защиту и обеспечит беспрепятственный доступ к правосудию.

Список литературы

1. Большакова В. М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. 2021. № 3. С. 26–36.
2. Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование): монография / под науч. ред. А. А. Демичева; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. 660 с.
3. Большакова В. М. Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 4. С. 116–134.
4. Колоколов Н. А. Искусственный интеллект в правосудии – будущее неотвратимо // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 201–212. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-3-201-212
5. Момотов В. В. Российское правосудие на современном этапе: основные тенденции развития // Судья. 2018. № 8 (92). С. 41–51.

О. В. Брянцева,

кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий,
Саратовская государственная юридическая академия

И. И. Брянцев,

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Поволжский институт управления имени

П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье проанализировано использование цифровых технологий как для проведения избирательных кампаний, так и непосредственно во время выборов. Рассмотрены особенности формирования системы взаимодействия общества и власти в сфере обеспечения избирательных прав граждан в условиях широкомасштабного применения цифровых технологий в ходе проведения избирательных кампаний. Отмечены высокая динамика развития публично-правовых отношений в избирательном процессе и устойчивая тенденция, направленная на повышение доступности и комфортности избирательного процесса, связанная с внедрением цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, трансформация, избирательные кампании, ГАС «Выборы», публично-правовые отношения, органы власти, экспертное сообщество, институты гражданского общества

PUBLIC-LEGAL FEATURES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ELECTION CAMPAIGNS: REGIONAL SPECIFICS AND FEDERAL TRENDS

Abstract. The article analyzes the use of digital technologies both for election campaigns and directly during elections. The features of the formation of a system of interaction between society and government in the field of ensuring the electoral rights of citizens in the conditions of large-scale use of digital technologies during election campaigns are considered. The high dynamics of the development of public-legal relations in the electoral process and a steady trend aimed at increasing the accessibility and comfort of the electoral process associated with the introduction of digital technologies were noted.

Keywords: Digital technologies, Transformation, Election campaigns, GAS “Elections”, Public-legal relations, Authorities, Expert community, Civil society institutions

Применение цифровых технологий в избирательных кампаниях связано с развитием информационных технологий, активной цифровизацией и трансформацией всего социального пространства.

К цифровым технологиям в данной сфере можно отнести Интернет с его огромными возможностями коммуникаций, включая и мобильную связь, программные продукты для социально-политического мониторинга и обработки политической информации, различные информационные системы.

Можно разделить применение цифровых технологий для проведения избирательных кампаний и их применение непосредственно во время выборов. Рассмотрим оба этих подхода.

Цифровые технологии способствуют изменению различных социальных процессов, что влияет и на поведение электората, и дают новые нестандартные возможности для проведения избирательных кампаний [1].

К таким возможностям можно отнести онлайн-трансляции, возможности обратной связи с избирателями, навигационные приложения. При коммуникациях, как правило, появляется лидер общественного мнения, которым может быть как сам кандидат, так и представители той или иной политической силы.

Интересен такой подход, как сбор средств на свою кампанию, что имеет как практическое значение, так и создает психологический эффект сопричастности и вовлеченности в политический процесс. Значимость выборов в массовом сознании значительно повышается.

Еще одно направление – это привлечение волонтеров через интернет-коммуникации и создание интернет-сообществ в поддержку кандидата.

Нельзя не отметить и использование технологий анализа, мониторинга и проектирования электорального поведения для таргетирования рекламной кампании с использованием технологий Big Data.

Применение информационных технологий непосредственно при проведении выборов началось еще в 1994 г., когда была анонсирована разработка государственной автоматизированной системы «Выборы», которая в настоящее время содержит базу данных участников избирательного процесса, сведения об административно-территориальном делении России, законодательные акты о выборном процессе. Большое внимание уделено и защите информации.

С 2018 г. ЦИК России входит в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Основные направления в рамках национальной программы – это создание цифровых избирательных участков «Мобильный избиратель» и разработка и внедрение на портале «Госуслуги» цифровых сервисов для участников избирательного процесса. Задача – сделать избирательные процедуры надежными, более прозрачными и открытыми.

Для предотвращения фальсификаций на выборах к выборам Президента РФ 2012 г. была разработана и применена система видеонаблюдения, при которой на избирательных участках устанавливаются веб-камеры, и через специальный портал можно наблюдать за всем процессом голосования.

В единый день голосования 2017 г. был апробирован машиночитаемый QR-код, чтобы исключить переписывание протоколов участковых избирательных комиссий. После окончательного внесения данных в протокол специальная программа генерирует QR-код с зашифрованной информацией по избирательному участку: номер участка, количество избирателей, голоса, отданные за каждого избирателя. Обработка протокола в территориальном избиркоме проводится сканированием штрихкода и вводом информации в ГАС «Выборы».

С ГАС «Выборы» связано и использование комплекса обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), обеспечивающего механизированную обработку бумажных бюллетеней. Происходят сканирование отметок избирателей на бюллетене, распознавание и дальнейшее суммирование голосов.

Следующий шаг – это использование электронных бюллетеней (специальной карты), которую нужно приложить к датчику и получить доступ к электронному бюллетеню, отдав свой голос за того или иного кандидата. Технология названа комплексом электронного голосования (КЭГ) и активно применялась на выборах Президента РФ в 2018 г.

И последнее – внедрение системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Для этого надо подать заявление на портале Госуслуг. При удовлетворении заявления свой голос можно отдать на портале ДЭГ.

Эксперимент по проведению ДЭГ был проведен в Москве в 2019 г. на выборах депутатов Московской городской Думы. В 2021 г. на выборах депутатов Государственной Думы РФ в ДЭГ могли принять участие жители семи регионов: Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областей, а также Москвы и Севастополя. Явка избирателей на ДЭГ стала рекордной – более 90 % [3. С. 285–288].

В день единого голосования 2022 г. ДЭГ применялось в восьми регионах: в Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской, Ярославской областях и в Москве.

Формирование системы публично-правовых отношений в сфере обеспечения избирательных прав граждан в условиях широкомасштабного внедрения современных цифровых технологий требует комплексного междисциплинарного анализа с использованием методологического инструментария политологии, социологии, избирательного права, а также, безусловно, и информационного права как отрасли права, регламентирующей и формирующей систему государственно-общественных отношений с учетом достижений научно-технического прогресса в цифровых технологиях применительно к удовлетворению потребностей государства и общества.

Развитие публично-правовых отношений в избирательном процессе в России с момента принятия Конституции РФ в 1993 г. характеризуется достаточно высокой динамикой развития с точки зрения повышения реализации эффективных процедур проведения выборов с целью удовлетворения конституционных прав и свобод граждан, через реализацию права избирать и быть избранным. Обеспечение этих прав обусловило основной вектор динамики развития и инициатив государства по формированию современных демократических избирательных правоотношений.

Наиболее показательным этапом совершенствования системы публично-правовых отношений в Российской Федерации стало принятие новой редакции Конституции РФ с учетом одобренных на всероссийском голосовании поправок [4]. Обновленная Конституция Российской Федерации, с одной стороны, стала объективной необходимостью и реакцией на происходящие изменения специфики правоотношений на основе внедрения и использования цифровых технологий, а с другой – сама дала новый импульс для развития государства и общества через повышение эффективности используемых ресурсов на основе цифровизации экономики.

С принятием новой редакции Конституции начался активный законотворческий процесс корректировки изменения правовой базы всей системы публично-правовых отношений, в том числе и в сфере организации и проведения избирательных кампаний. При этом внесение необходимых изменений шло с учетом происходящих процессов цифровизации. Так, в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» появляется понятие «Дистанционное электронное голосование» (ст. 64.1), введенное Федеральным законом от 14.03.2022 № 60-ФЗ, которое формирует правоотношения, обеспечивающие процедуру участия в выборах для граждан в дистанционном формате, что стало особо актуальным в условиях пандемии. Закон обозначил, что «при проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума может проводиться дистанционное электронное голосование. Указанным решением должны быть определены сроки проведения дистанционного электронного голосования, государственные информационные системы, используемые для проведения дистанционного электронного голосования, а также условия, при которых избиратель, участник референдума вправе принять участие в дистанционном электронном голосовании» при этом «при проведении дистанционного электронного голосования обеспечивается возможность осуществления волеизъявления избирателем, участником референдума и формирования данных об итогах дистанционного электронного голосования с учетом неизменности сохраняемых результатов волеизъявления

избирателей, участников референдума и соблюдения тайны голосования, а также невозможность установления связи между персональными данными избирателя, участника референдума и результатом его волеизъявления» [6].

Таким образом, можно говорить о том, что сформировалась устойчивая общефедеральная тенденция, обусловленная внедрением цифровых технологий в системе публично-правовых отношений направленная на повышение доступности и комфортности избирательного процесса для всех его участников.

Анализ практики использования современных цифровых технологий, в том числе и обеспечивающих онлайн-мониторинг хода избирательных кампаний в виде доступа к системам видеонаблюдения, позволяет повысить открытость и прозрачность избирательного процесса и стать средством профилактики для различного рода провокаций и саботажа работы избирательных комиссий. Косвенным результатом внедрения системы видеонаблюдения можно считать снижение количества жалоб, поданных наблюдателями в ходе проведения голосования.

В качестве практического примера можно рассмотреть опыт Саратовской области в ходе трехдневного голосования с 9 по 11 сентября 2022 г. В данном субъекте Федерации были утверждены правила использования оборудования для видеонаблюдения за ходом голосования во время проводимой избирательной кампании по формированию публичных органов власти: высшего должностного лица Саратовской области и депутатов Саратовской областной думы очередного созыва и депутатов в органы местного самоуправления. Системой видеонаблюдения были оборудованы все территориальные избирательные комиссии, также участковые избирательные комиссии, в которых осуществлялись действия с перемещением бюллетеней для голосования [10]. Практическая реализация утвержденного избирательной комиссией Саратовской области порядка видеонаблюдения была реализована на основе современных цифровых телекоммуникационных технологий компанией «Транстелеком», что позволило организовать центр коллективного просмотра за выборами, в который транслировались изображения из помещений территориальных избирательных комиссий. При этом процесс видеонаблюдения был организован бесперебойно и позволял осуществлять модерацию по просьбам находившихся в центре наблюдателей. Всего системой было охвачено 47 территориальных избирательных комиссий по всей области через защищенные каналы связи с их непрерывным контролем качества [9].

Внедрение данной цифровой телекоммуникационной технологии стало общероссийским трендом в рамках проведения единого дня голосования и направлено на повышение прозрачности избирательного процесса. При этом публично-правовые аспекты реализации этих технологических возможностей и принципов проведения избирательных кампаний обеспечиваются как федеральными, так и региональными нормативными правовыми актами. Общий порядок использования процедуры видеонаблюдения был определен соответствующим постановлением ЦИК России, в котором органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано определить и юридически оформить процедуру видеонаблюдения [7].

Продолжая анализ пространства публично-правовых отношений в сфере реализации избирательных прав граждан и практики проведения избирательных

кампаний на территории Саратовской области, отметим, что использование цифровых технологий позволяет повысить эффективность работы общественных наблюдательных комиссий и их оперативность на реагирование в случае возникновения проблемных ситуаций, которые могут привести к нарушению прав граждан. Рассмотрев региональные практики организации системы общественного наблюдения в субъектах Российской Федерации, Общественная палата РФ отметила позитивный опыт участия экспертного сообщества в совместной с Общественной палатой Саратовской области работе регионального общественного штаба по общественному контролю и наблюдению на выборах [5].

Развитие этих региональных практик происходит в контексте использования общефедеральных возможностей, обусловленных создаваемой правовой базой, а также динамикой научно-технического прогресса, в том числе и в сфере IT-технологий. При этом применение современных цифровых технологий обуславливает и направление развития политической культуры взаимодействия различных субъектов политических коммуникаций как между собой, так и с органами государственной власти, гражданами, а также сказывается на увеличении конкурентности избирательных кампаний и, как следствие, их эффективности с точки зрения отбора наиболее достойных и компетентных кандидатов в представительные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Под влиянием этих процессов активно развивается модель взаимодействия власти и общества, где главной чертой выступает партнерский, сетевой механизм коммуникации без присутствия иерархии, в который интегрирован широкий спектр общественно-политических акторов, который позволяет им раскрывать свой потенциал через доступ к единому информационному пространству государства [2. С. 40–48].

В результате публично-правовые отношения в целом и в сфере защиты и реализации избирательных прав граждан динамично адаптируются к инновациям и институциональным изменениям в избирательной системе. Изменяется характер взаимодействия федерального центра и субъектов Российской Федерации, регионального центра и органов местного самоуправления, политическое представительство субъектов политического процесса в органах публичной власти (в представительных органах наряду с политическими должностными появляются и новые партии), а также растут интерес и доверие граждан к выборам, отражающиеся в количестве избирателей, воспользовавшихся как своим пассивным, так и активным избирательным правом.

К основным институциональным атрибутам, связанным с использованием цифровых технологий и определяющим специфику современной избирательной системы, наряду с отмеченными выше возможностями трехдневного голосования и видеонаблюдением, можно отнести: возможности электронного сбора голосов; расширение возможности голосования на дому вне избирательного участка; голосование с использованием цифрового электронного бюллетеня для голосования в системе цифровых избирательных участков; дистанционное голосование с использованием специальных программ.

В современных условиях цифровые информационные технологии также позволяют объемнее и оперативнее наблюдать обществу и власти за используемой

теми или иными политическими акторами тактикой поведения и понимать направленность их стратегии. Случаи эпатажа и популизма отдельных участников избирательных кампаний становятся наиболее заметными и явными именно благодаря цифровым технологиям, к которым имеется самый широкий доступ, в результате чего снижаются возможности манипулирования на основе выборочной и дозированной подачи информации в выгодном для отдельного субъекта политического процесса свете. При этом эпатажные спецэффекты способны, наоборот, оттолкнуть избирателей, имеющих возможность выбора источников информации, а сдержанное, аргументированное представление информации об участнике избирательной кампании, которая при этом легко верифицируется, напротив, привлекает избирателей.

Таким образом, масштабное использование цифровых технологий в избирательных кампаниях способствует увеличению степени доверия граждан к институту демократических выборов, о чем свидетельствует динамика повышения явки избирателей и динамика увеличения числа граждан, принимающих участие в качестве общественных наблюдателей за ходом избирательных кампаний, что особенно было заметно по итогам прошедших в Саратовской области выборов 9–11 сентября 2022 г., где было заявлено около 6000 наблюдателей, среди которых было большое количество блогеров [8].

Список литературы

1. Белоконев С. Ю., Васильев М. С., Титов В. В. Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-sovremennyh-izbiratelnyh-kampaniyah-osobennosti-primeneniya> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Брянцев И. И., Брянцева О. В. Роль информационных технологий в повышении эффективности взаимодействия институтов гражданского общества и власти // Взаимодействие власти, бизнеса и общества при формировании информационно-коммуникативной культуры граждан: материалы XIV Международной научно-практической конференции. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2021. С. 40–48.
3. Дрожжин К. А. Цифровые технологии в избирательном процессе: отечественный опыт использования // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 285–288.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.09.2022).
5. Наблюдатели очень ответственно подошли к исполнению своих задач. URL: <https://www.oprf.ru/news/nablyudateli-ochen-otvetstvenno-podoshli-k-ispolneniyu-svoikh-zadach> (дата обращения: 16.09.2022).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411443/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100287 (дата обращения: 13.09.2022).

7. О порядке применения средств видеонаблюдения при проведении выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и референдумов субъектов Российской Федерации, местных референдумов: Постановление ЦИК России от 22.06.2022 № 87/727-8. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-tsik-rossii-ot-22062022-n-87727-8-o-porjadke/> (дата обращения: 13.09.2022).

8. Следить за выборами в Саратовской области вызвались блогеры и общественники. URL: <https://sarinform.ru/news/politics/sledit-za-vyborami-v-saratovskoy-oblasti-vyzvalis-blogery-i-obshchestvenniki> (дата обращения: 16.09.2022).

9. «Транстелеком» организовал видеонаблюдение на выборах в Саратовской области. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-09-14_transtelekom_organizoval (дата обращения: 16.09.2022).

10. Утвержден Порядок применения видеонаблюдения в Единый день голосования 11 сентября 2022 года. URL: <http://www.saratov.izbirkom.ru/docs/7030/> (дата обращения: 13.09.2022).

Ю. В. Волков,

кандидат юридических наук, доцент,

Уральский государственный

юридический университет имени В. Ф. Яковлева

УРОВНЕВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Регулирование цифровых отношений рассматривается как часть проблемы регулирования в информационной сфере. Установлено, что после цифровизации отрасли большую часть сетевых информационных отношений следует рассматривать как цифровые отношения. Исследование опирается на гипотезу отечественных и зарубежных авторов о возможности рассмотрения информационных отношений как отношений уровняго типа. Констатированы разнонаправленные усилия исследователей, отсутствие единых подходов к данной проблеме. Прогнозируется, что эффективность дальнейшего регулирования в информационном обществе будет обусловлена развитием уровняго законодательства. Результаты работы могут быть использованы для продолжения исследований и в учебном процессе.

Ключевые слова: вычисления, информация, закон, право, цифра, число, технология

LEVEL REGULATION OF DIGITAL RELATIONS

Abstract. The regulation of digital relations is considered as part of the problem of regulation in the information sphere. It has been established that after the digitalization of the communications industry, most of the network information relations should be considered as digital relations. The study is based on the hypothesis of domestic and foreign authors about the possibility of considering information relations as re-

lations of a level type. The multidirectional efforts of researchers, the lack of unified approaches to this problem are stated. It is predicted that the effectiveness of further regulation in the information society will be determined by the development of level legislation. The results of the work can be used to continue research and in the educational process.

Keywords: Act, Calculations, Digit, Information, Law, Number, Technology

Развитие законодательства в любой юрисдикции сопровождается выработкой разного рода программных документов. Российская Федерация, приняв программу «Цифровая экономика Российской Федерации», сохраняет стремление сформировать информационное общество правовыми средствами. Регулирование формирующихся отношений занимает в этой области весьма важное место. Большинство исследователей, согласуясь с названной Программой, именует эти отношения цифровыми отношениями. В эту группу, по нашему представлению входят отношения передачи информации (сетевые), отношения по поводу программных продуктов и информационные отношения.

В самом начале научных исследований и учебных процессов в рамках информационного права, в начале XXI века группой исследователей И. Л. Бачило, В. Н. Лопатиным, М. А. Федотовым была предложена модель уровневого регулирования в информационной сфере, согласно которой: первый уровень (технический, сетевой) – это глобальное объединение различных компьютерных коммуникационных сетей с компьютерами; второй уровень (сервисный) – программные средства, обеспечивающие различный сетевой сервис; третий уровень (информационный) – это информация разного типа, разного значения, которая циркулирует в Сети [4. С. 663]. Аналогичная, но отличная в деталях идея имеет место в работе зарубежного автора Кевина Вербача. Он предложил рассматривать комплекс правового регулирования информационных отношений на четырех уровнях: аппаратном; сетевом; программном; информационном [9. С. 38–67]. В этой связи необходимо учитывать, что право на информацию, как категория, ближайшая к информационной сфере, будет испытывать максимальное давление регулятора. Напротив, «скрытые» отношения по поводу программных продуктов (программ для ЭВМ) будут предметом регулирования в последнюю очередь. Как видно из текущих событий, регулятор начал решать проблемы отрасли информационных технологий только под действием санкций. Дилемма принимать парадигму «уровневого» или «горизонтального» регулирования будет существовать постоянно. В условиях дефицита регуляторных средств уровневый подход может быть вариантом решения отдельных узких мест законодательства.

До недавнего времени в триаде (по К. Вербачу, в квадриге) отношений цифровыми были только отношения в сфере телекоммуникаций (сетей), частично в программировании. Переход России в конце XX в. на цифровую связь решил эту проблему и дал шанс для всех обозначенных сфер. На это и нацеливает исполнителей программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Тем не менее необходимость регулирования отношений в сфере связи как цифровых остается. Некоторые авторы полагают, что возможно регулирование отдельных

сегментов информационной сферы. Так, Н. Н. Ковалева пишет, что «внедрение машиночитаемого права в нормотворческий процесс особенно актуально в области регулирования связи» [5. С. 158–160]. Иными словами, цифровизация регулирования связи возможна. Полагаем, что с данным посылом можно согласиться в полном объеме. Другие российские исследователи, в частности А. С. Анисимова, регулирование Интернета рассматривают в целом. Автор классифицирует этот ряд проблем по следующим разделам (уровням): терминология; предметный состав (программы, сайты, техническое обеспечение и т. д.); субъектный состав (граждане, технические субъекты, государственные и негосударственные субъекты, международные организации) [2. С. 149–153]. Если не оценивать методику очень строго, то этот вариант можно рассматривать как разновидность уровневого подхода. Они же считают возможной кодификацию информационной сферы, но это предмет отдельного исследования. Что касается формирования отдельных актов для информационной и телекоммуникационной сфер, то это более прагматичный вариант в части разграничения предметной сферы и применения различных методов регулирования. Метод правового регулирования является камнем преткновения для любой новой отрасли права. В каждом из рассмотренных подходов предметная сфера неоднородна, отношения (сеть, программы, собственно информация в базах данных) существуют на разных уровнях, что позволяет определить ее как комплексный объект и рассматривать отдельно, по уровням.

Из трех уровней наиболее развитыми и динамичными являются информационные отношения. Они составляют основной предмет информационного права. Их цифровизация, по нашему убеждению, зависит от уровня цифровизации сетевых и программных уровней и готовности потребителя к цифровизации собственно информационных отношений. Сложность заключается в том, что отношения должны регулироваться и развиваться одновременно и в равной мере с другими отношениями. По этой причине многие исследователи вносят предложения о кодификации всего комплекса информационных отношений. Еще один аспект цифровизации информационных отношений обусловлен их текстовой природой. Законы, отношения, диалоги – это тексты. Переход на цифровой формат текстов законов (векторная или машиночитаемая юриспруденция) возможен. Это несколько направлений, сторонниками которых являются разные группы акторов. В этом, по нашему представлению, содержание прогрессивного перехода на цифровые отношения и цифровое (машиночитаемое) правовое регулирование.

Еще один аспект, который можно рассматривать как цифровизацию отношений на отдельном уровне, – это внедрение технологий искусственного интеллекта. Технологии аналоговых и механических роботов канули в Лету. Все современные комплексы искусственного интеллекта можно рассматривать как цифровые. Многие российские авторы, включая цитируемых, полагают, что глубокая интеграция в правосудие современных технологий искусственного интеллекта может «придать технологические крылья» правосудию и сделать его настоящей наукой [3. С. 161–165]. Вероятно, для отечественной юстиции это

перспективное предложение, а для китайской – уже повседневная практика. Согласно монографическому отчету «Искусственный интеллект и модернизация правосудия» китайского правоведа Ядун Цуй (Yadong Cui), некоторые судебные платформы, такие как интернет-суд Ханчжоу, могут использовать искусственный интеллект для автоматического составления обвинительного заключения и судебного решения, автоматической подготовки дела (полностью или в какой-то его отдельной части), интеллектуальный голос (и, как представляется, «слух») в ходе судебного разбирательства для прямого преобразования речи участников процесса в текстовую запись, чтобы помочь клерку и уменьшить его нагрузку [6].

Кроме позитивных решений в сфере регулирования цифровых отношений, имеют место и такие, что настораживают. Нестандартный и экстремальный, по российским представлениям, вариант развития законодательства предлагает Джеф Косефф. Первоначально автор вводит понятие взлома киберзащиты в интересах национальной безопасности [7. С. 811–850]. А в следующей работе после анализа китайского законодательства о кибербезопасности в очередной главе вводит понятие права взлома киберзащиты и право кибервойны [8. С. 413–425]. В российском праве такая конструкция по объему и значению может соответствовать правовому институту. По предварительной оценке названных работ, автор является апологетом агрессивной политики США в информационной сфере. Его концепты нуждаются в тщательном анализе для выработки защитных мер в международном и национальном законодательстве других стран.

Таким образом, потребность в регулировании цифровых отношений в информационной сфере существует. Предмет регулирования может быть ограничен тремя основными уровнями: сетевые отношения; отношения по поводу программных продуктов; собственно информационные отношения. Дальнейшая цифровизация отношений на каждом уровне возможна, но вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Все представленные концепты могут быть предметом дискуссии.

Список литературы

1. Акапьев В. Л., Дрога А. А., Савотченко С. Е. Технологические методы регулирования информационных конфликтных отношений в компьютерных сетях // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4 (28). С. 7–12.
2. Анисимова А. С. Правовое регулирование интернета: основные пробелы и направления деятельности государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33, № 1. С. 149–153.
3. Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39, № 3. С. 161–165.
4. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: учебник / под ред. акад. РАН Б. Н. Топорнина. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 789 с.

5. Ковалева Н. Н. Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 158–160.

6. Yadong Cui. Artificial Intelligence and Judicial Modernization. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2020. 242 p.

7. Kosseff J. Cybersecurity Law. Second edition. NJ (USA): John Wiley & Sons, Inc, 2020. 725 [XXXI] p.

8. Kosseff J. Hacking Cybersecurity Law // University of Illinois Law Review. 2020. № 3. Pp. 811–850.

9. Werbach K. A layered model for Internet policy // Telecommunications & High Technology Law. 2002. Vol. 1. Pp. 38–67.

Э. В. Голоманчук,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного и административного права,
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

О. А. Астафурова,

кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных
систем и математического моделирования
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье изучаются практические и теоретические аспекты внедрения авторской технологии обучения государственных и муниципальных служащих основам противодействия коррупции. Цифровые технологии являются актуальными и востребованными в системе антикоррупционного просвещения. Авторы разработали информационно-аналитическую систему «Методика и тактика противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих», которая адаптирована для кадровых подразделений органов власти или же органов (отделов), в чьи функции непосредственно в качестве основной деятельности входит противодействие коррупции. Цифровизация процесса обучения основам противодействия коррупционным правонарушениям оценивается авторами как необходимый элемент современной системы борьбы с коррупцией в органах власти и позиционируется как системное мероприятие.

Ключевые слова: противодействие коррупции, контроль над доходами и расходами, антикоррупционное просвещение, антикоррупционная проверка, антикоррупционная деятельность, информационная антикоррупционная система, антикоррупционный контроль, цифровизация противодействия коррупции

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION: SEPARATE DIRECTIONS AND FEATURES OF IMPLEMENTATION

Abstract. The article examines the practical and theoretical aspects of the introduction of the author's technology of training state and municipal employees in the basics of anti-corruption. Digital technologies are relevant and in demand in the system of anti-corruption education. The authors have developed an information and analytical system "Methods and tactics of anti-corruption for state and municipal employees", which is adapted for personnel departments of government bodies or bodies (departments) whose functions directly include anti-corruption as their main activity. Digitalization of the process of teaching the basics of countering corruption offenses is assessed by the authors as a necessary element of the modern system of combating corruption in government and is positioned as a systemic event

Keywords: Anti-corruption, Control over income and expenses, Anti-corruption education, Anti-corruption audit, Anti-corruption activities, Information anti-corruption system, Anti-corruption control, Digitalization of anti-corruption

Введение. В каждом без исключения государстве существуют проблемы, связанные с коррупцией. Мировое сообщество достаточно давно пришло к пониманию важности принятия унифицированных норм, направленных как на противодействие этому опасному явлению, так и на постоянную безостановочную работу по правовому антикоррупционному просвещению – и граждан, и должностных лиц органов власти.

В современном обществе коррупция является одной из наиболее значимых проблем, подрывающих экономику разных стран. Чем меньше в государстве уровень коррупции, тем лучше экономическая составляющая и выше уровень правовой культуры граждан.

Мы видим прогрессирующий рост коррупционных проявлений не только в России, но и в мире, причем общими характеристиками коррупции в любой стране остаются латентность, массовость, обоюдная выгода как для того, кто использует свое положение в личных целях, так и стимулирующего на такое незаконное использование, а также искажение данных о количестве и причинах коррупции по ряду факторов, что не позволяет в полной мере систематизировать статистические компоненты и эффективно противостоять злоупотреблениям, что подчеркивают и иностранные авторы [1. С. 32].

Отдельные исследователи говорят о коррупции как о мировой проблеме [2. С. 1283], другие акцентируют внимание на последствиях коррупции и уроне, который она наносит [3], третьи рассматривают коррупцию в первую очередь как злоупотребление должностью (доверенной властью) ради личной выгоды (в личных целях) [4. С. 38].

Исследования, которые проводятся в разных по уровню благосостояния и устройству политической системы странах, говорят о том, что при хорошо организованном управлении традиционные формы низовой коррупции (взяточничество, вымогательство и т. п.) постепенно сходят на нет. Чаше всего на этих уровнях

коррупция остается в форме конфликта интересов, неправомерного использования информации, покровительства как внутри органа власти, так и бизнеса и иных аффилированных лиц. Но широта дискреционных полномочий и выбора метода поведения, а также контроль государственной (муниципальной) закупки остаются острыми коррупционными проблемами даже в самых развитых странах.

Понятие «коррупция» рассматривают в разных аспектах. В большинстве случаев говорят, что коррупция – это злоупотребление своей должностью ради личной выгоды. При этом «злоупотребление» в данном случае толкуется широко, т. е. совершение не конкретных действий, а именно всех действий, направленных на получение какой-либо выгоды в личных интересах. Кроме того, иногда коррупцию толкуют как превращение публичных интересов в частные. Чаще всего такая ситуация происходит в государственных органах. Иногда коррупцию определяют как нарушение этических норм и правил, которое сопровождается отклонением моральных правил поведения и стандартов.

Говоря о понятии «коррупция», нельзя дать точного, полного и всеобъемлющего описания, так как в каждом источнике ее рассматривают по-разному. В законе указывают на то, совершение каких действий будет признаваться коррупционным проявлением. В научной литературе разного рода необходимо указывать, с какой точки зрения трактуется понятие.

Часто бывает задействован термин «коррупционное проявление», поэтому необходимо разобраться и в его значении. К этому проявлению в его сущностных аспектах относятся правонарушения всех видов – от дисциплинарных проступков до уголовных преступлений, хотя нужно признать, что материальных (гражданских) деликтов меньше всего, а административные коррупционные правонарушения в России чаще выступают как состав, имеющий текстуальное закрепление, но не повсеместную практику привлечения к ответственности.

Можно сказать, что коррупционное проявление входит в понятие коррупции, так как характеризует непосредственные действия лиц. Именно данные проявления были указаны выше, когда речь шла о законодательном определении коррупции и его признаках.

При этом перечень признаков, указанных в законодательстве Российской Федерации и составляющих понятие коррупции, не является исчерпывающим. Так же как и с понятием, признаки коррупции можно разделить на установленные в нормативно-правовых актах и выделенные в научной литературе.

В нашей стране коррупция проявляется во многих сферах жизнедеятельности людей. Например, в государственных органах власти или в органах внутренних дел, в высших образовательных учреждениях и организациях дошкольного образования, в медицинских учреждениях и т. д.

Нельзя не отметить, что проявления коррупции на территории Российской Федерации существуют на различных уровнях, будь то федеральный, региональный или местный. Именно поэтому крайне важно понимать, что такое коррупция, каковы ее признаки, к каким последствиям может привести высокий уровень коррупции и как необходимо с ней бороться.

Основная часть. В современном мире очень важную роль стали играть различные технологические системы. Поэтому одной из перспектив можно считать внедрение технических средств и информационных технологий, способствующих противодействию коррупции. На данный момент в нашей стране очень хорошо развиваются компьютерные технологии, которые можно применять в целях раскрытия преступлений и снижения количества правонарушений коррупционной направленности.

Процесс цифровизации, конечно же, не обошел стороной и коррупцию – многие преступления и правонарушения коррупционного характера теперь совершаются с использованием дистанционных технологий, взятки в криптовалюте стали повсеместными, а сговор и особенности коррупционных связей перешли в цифровую плоскость.

Также информационные системы и компьютерные технологии можно использовать на международном уровне, привлекая различные страны к проблеме противодействия коррупции. Например, такое сотрудничество может проявляться в заключении международных соглашений о проведении совместных мероприятий; о взаимной правовой помощи; получение доступа к банковским счетам лиц, а также наложение на них ареста и др.

Неслучайно профессиональное обучение служащих (например, сотрудников полиции) в большинстве европейских стран включает в себя:

- теоретическую подготовку (с использованием методов, способствующих формированию профессиональной и познавательной мотивации);
- социально-личностную подготовку (формирование положительного ценностного отношения к правовому и антикоррупционному поведению, развитию личностных креативных моделей этического поведения);
- практическую подготовку (воспитание поведенческих стратегий, применяемых в реальной профессиональной деятельности).

Государство осуществляет работу по противодействию коррупции достаточно разнообразно и комплексно.

Авторы статьи имеют длительный практический опыт обучения основам противодействия коррупции. Помимо тех мероприятий, которые проводят со служащими специализированные подразделения государственных органов по профилактике коррупции, необходимо и разъяснение основ антикоррупционной политики государства, поскольку сотрудникам кадровых подразделений зачастую не хватает опыта по обучению, времени на детальные разъяснения и специальных навыков по оценке изученного материала. Также они не всегда успевают следить за изменениями, особенно в практическом аспекте привлечения к коррупционной ответственности, не могут в полной мере сравнить опыт противодействия коррупции в своем органе и других, особенно на разных видах государственной службы.

При обучении государственных и муниципальных служащих основам противодействия коррупции необходимо систематизировать материал по следующим направлениям: цели и задачи противодействия коррупции; используемые понятия и определения; область применения антикоррупционной политики и круг лиц, подпадающих под ее действие; обязанности служащих и их руководителей, а также представителя

наимателя и специально созданных комиссий, связанные с предупреждением коррупции; ответственность служащих за несоблюдение положений антикоррупционной политики; понятие и способы урегулирования конфликта интересов; алгоритмы распознавания и оценки личной заинтересованности; используемые в государстве в целом и в конкретном органе власти в частности антикоррупционные инструменты.

Применение современных информационных технологий при проведении профилактических работ в вопросах противодействия коррупции позволяет в значительной степени упростить деятельность по информированию государственных служащих, автоматизировать работу сотрудников кадровых подразделений органов государственной власти.

Авторами статьи была предложена информационно-аналитическая система «методика и тактика противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих». В настоящий момент система проходит апробацию в органах государственной власти Волгоградской области Российской Федерации.

Предлагаемая информационно-аналитическая система является принципиально новым инструментом в области подготовки и переподготовки государственных служащих (в том числе юридических кадров), отражающим комплексный подход в вопросах подготовки и переподготовки кадров, позволяющий проводить не только обучение и тестирование с использованием современных информационных технологий, но и аттестацию, анализировать полученные результаты, вносить необходимые коррективы в практическую деятельность государственных и муниципальных органов по противодействию коррупции. Внедрение в деятельность подразделений по противодействию коррупции и иных правонарушений информационно-аналитической системы позволило развить профилактическое направление в предупреждении коррупции и осуществить развитие образования.

Особый интерес вызывает модуль, с помощью которого можно в автоматизированном режиме проводить тестирование сотрудников, сбор и обработку аналитической информации. Данная разработка представляет собой один из модулей, подключаемых к информационно-аналитической системе, и выполняет функции авторизации пользователя, выбора теста из списка тестов, доступных для прохождения, опроса пользователя по выбранному тесту с сохранением результатов в базе данных для дальнейшего анализа, а также функционал учетной записи аналитика.

Программное средство способно проводить тестирование по четырем методикам: «Программа оценки психологических предпосылок коррупционных действий сотрудников», «Программа оценки сотрудников по вопросам противодействия коррупции», «Программа оценки знаний государственных служащих по вопросам предоставления сведений о доходах», «Программа оценки девиантных отклонений сотрудников».

Созданное на первом этапе локальное приложение в дальнейшем было трансформировано в программный комплекс, поддерживающий клиент-серверную архитектуру. Изменения проводились в два этапа. Первый – создание серверной части, второй – модификация разработанного ранее локального приложения для выполнения функций клиента.

Модификация локального приложения в клиент-серверное позволила сформировать автономный клиентский модуль с централизацией функций админи-

стрирования, т. е. обработки результатов и взаимодействия с пользователями на серверной части (рис. 1). Благодаря этому уменьшились трудозатраты на обслуживание системы.

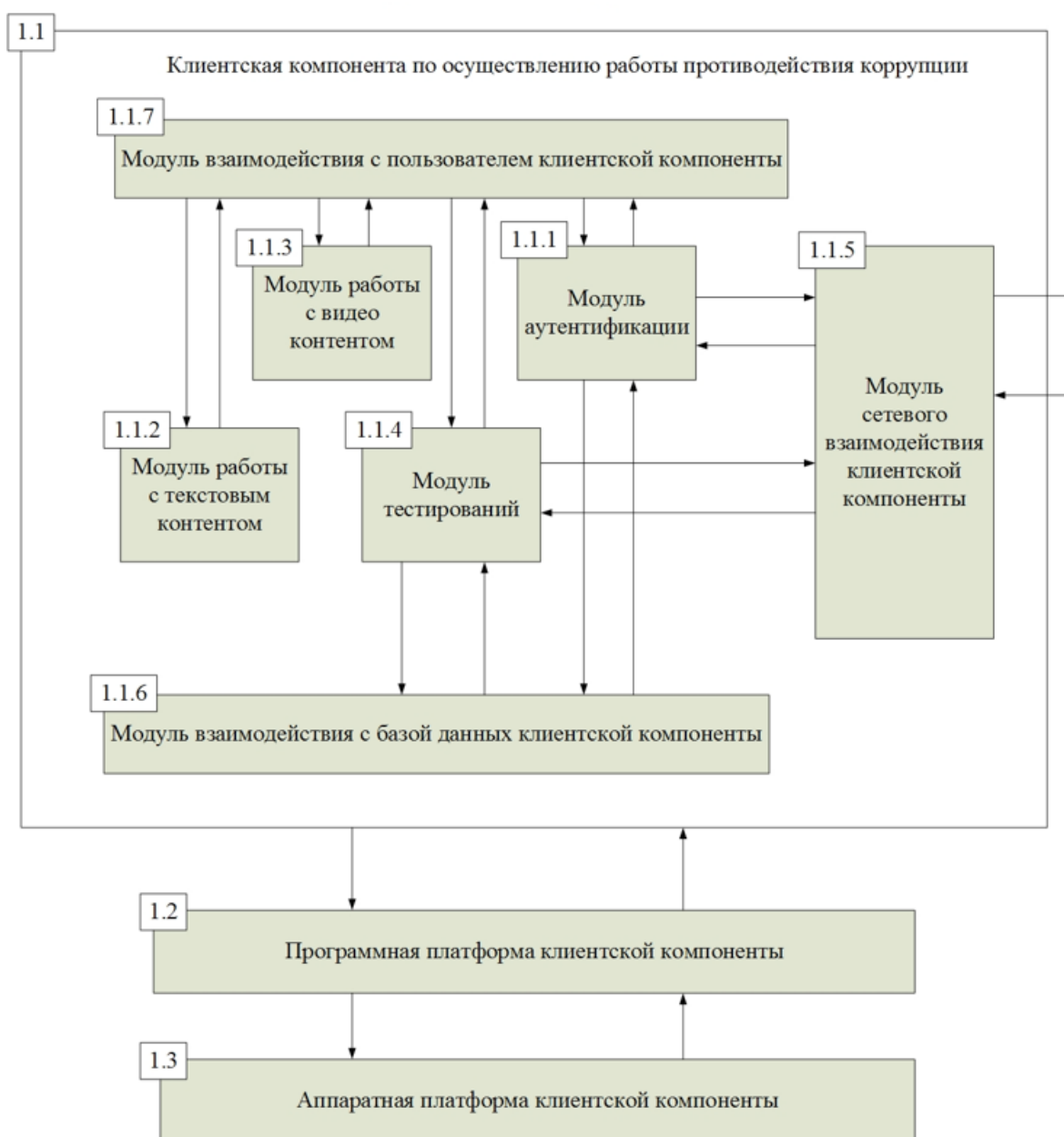

Рис. 1. Клиентская архитектура ИАС

Серверное приложение (рис. 2) отвечает за организацию централизованного управления, сбора и обработки информации путем предоставления администраторам автоматизированного устройства необходимых программно-аппаратных средств. Серверное приложение работает следующим образом: модуль аутентификации учетных записей администраторов осуществляет сбор параметров аутентификации средствами модуля взаимодействия с учетными записями администраторов и выполняет поиск эталонных параметров в базе данных серверной компоненты посредством модуля взаимодействия с базой данных серверной компоненты.

В тестовой подсистеме размещены тесты трех блоков: в первом содержатся индивидуальные психологические тесты, разработанные по авторской методике, связанные с особенностями денежного поведения служащих и выявляющие склонность к коррупционным и иным девиантным отклонениям в поведении государственных служащих. Второй блок направлен на оценку знаниевых компонентов служащих в сфере противодействия коррупции – от основ действующего антикоррупционного законодательства до требований регламентов и должностных инструкций. Третий блок сформирован с целью оценки уровня знаний о тактике и особенностях предоставления сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также способа и направлений подачи уведомления о возникновении личной заинтересованности. Также в данной подсистеме есть ряд видеолекций с экспертным мнением по наиболее актуальным темам и направлениям противодействия коррупции.

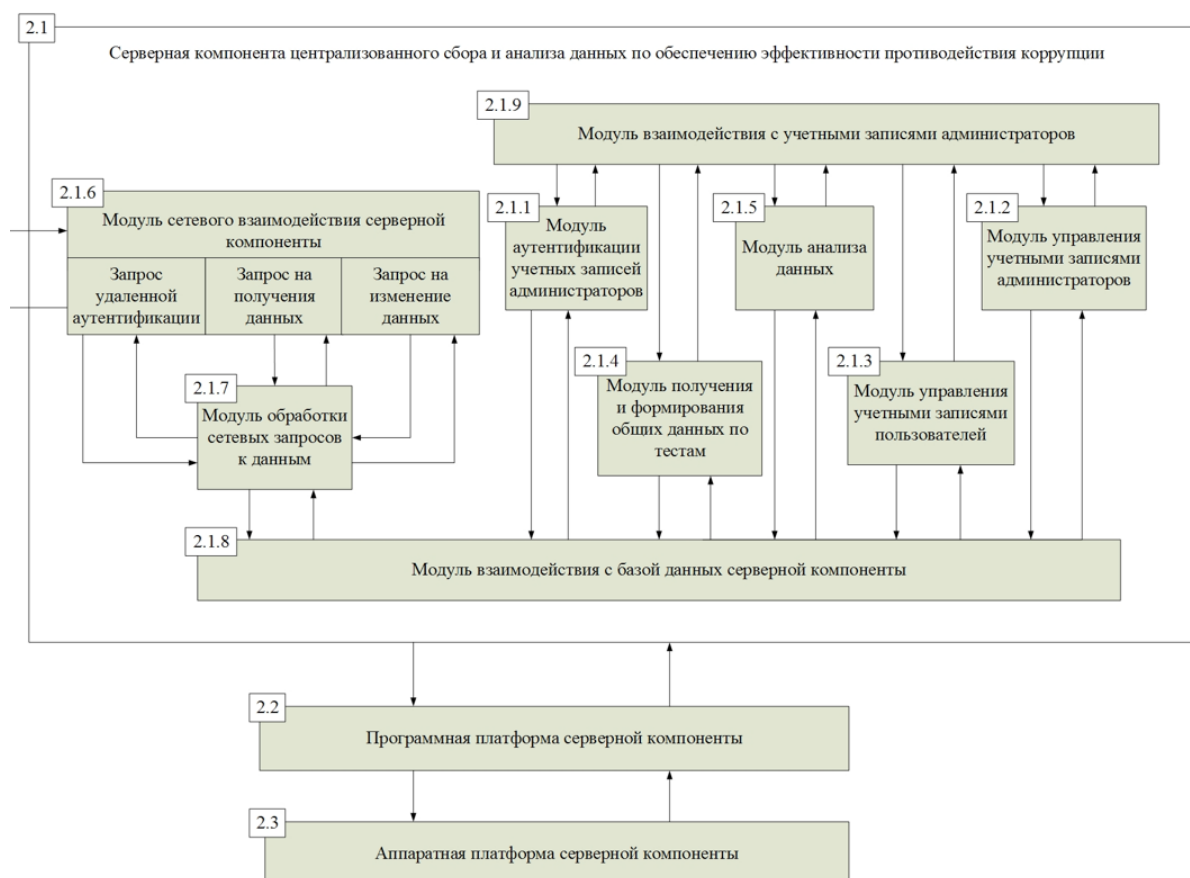

Рис. 2. Серверная компонента ИАС

Заключение. Таким образом, предлагаемый программный продукт позволит автоматизировать оценку знаний государственных служащих по вопросам владения ими основами антикоррупционного законодательства, по предоставлению сведений о доходах, по аналитике психологического состояния, денежного поведения и его предпосылок, по изучению склонности должностных лиц к коррупции.

Противодействие коррупции должно осуществляться не только органами прокуратуры РФ и органами государственной власти, но и всеми гражданами

и организациями, находящимися на территории России. Выделенные направления развития указывают лишь на малую часть того, как можно усовершенствовать институт антикоррупционной деятельности, пытаясь сократить коррупционные правонарушения и преступления путем внедрения отдельных цифровых технологий.

Цифровизация всего процесса противодействия коррупции напрямую отвечает вызовам и требованиям современного общества, поскольку социальные отношения давно перешли (разумеется, частично) в том числе и в цифровую плоскость, необходимо корректировать и существующие антикоррупционные модели. В целом организация работы по просвещению и контролю над процессом формирования и развития компетенций в сфере противодействия коррупции с использованием цифровых технологий существенно упрощает процедуры, позволяет ориентироваться на опыт преподавателей, способных разъяснить отдельные тонкости и нюансы, систематизирует антикоррупционные мероприятия и создает предпосылку для минимизации коррупционных рисков в органах государственной и муниципальной власти.

Говоря о перспективных направлениях по противодействию коррупции, встает вопрос о том, как же привести все предложенные варианты в жизнь, как это должно оформляться на законодательном уровне, должны ли сотрудники антикоррупционных подразделений проходить профессиональную подготовку. Развитие планов в сфере противодействия коррупции обязательно должно быть законодательно закреплено, поэтому дальнейшее развитие государственной политики в антикоррупционной сфере ложится на плечи государства.

Список литературы

1. De Lancer Julnes P., Villoria M. Understanding and addressing citizens' perceptions of corruption: The case of Spain // *International Review of Public Administration*. 2014. № 19. Pp. 23–43.
2. Jaunky V. C., Jeetoo J., Bajah C. The Importance of Understanding the Anti-Corruption Legislation to Promote Corruption Reporting: Lessons from Mauritius // *International Journal of Public Administration*. 2020. Vol. 43 R. № 15. Pp. 1282–1292.
3. Kingsford E., Owusua A., Chana P. C., Ting Wangb. Tackling corruption in urban infrastructure procurement: Dynamic evaluation of the critical constructs and the anti-corruption measures // *Cities*. 2021. Vol. 119. P. 103379.
4. Krishnamurtia Ch., Pensierob D., Velayuthamb E. Corruption risk and stock market effects: Evidence from the defence industry // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2021. P. 101681.

И. Н. Жочкина,

кандидат юридических наук,
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Статья посвящена вопросам практического использования геоинформационных систем, способных обеспечить качественную экологическую оценку и проведение экологической экспертизы. Актуальные и информативные данные о состоянии окружающей среды (экологические данные) являются значимыми для решения задач в системе управления качеством окружающей среды. В России возможность создания и применения таких систем в экологии предусмотрена на законодательном уровне. Автор обосновано значение геоинформационных экологических систем при планировании хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экологическое право, цифровые технологии, охрана окружающей среды, информационные технологии, управление, информационные системы

GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN PROVIDING ENVIRONMENTAL EXPERTISE

Abstract. The article is devoted to the practical use of geoinformation systems capable of providing high-quality environmental assessment and environmental expertise. Up-to-date and informative data on the state of the environment (environmental data) are significant for solving problems in the environmental quality management system. In Russia, the possibility of creating and using such systems in ecology is provided for at the legislative level. The author substantiates the importance of geoinformation ecological systems in the planning of economic activity.

Keywords: Environmental law, Digital technologies, Environmental protection, Information technology, Management, Information systems

Введение. В эколого-правовой науке экологическая экспертиза представлена как один из элементов организационного механизма охраны окружающей среды, как способ обеспечения экологической безопасности. Экологическая экспертиза – это процедура соответствия документов (документации) экологическим требованиям (требованиям в области охраны окружающей среды) в целях предотвращения негативного воздействия от будущей деятельности на окружающую среду. Это определенная гарантия предотвращения опасных экологических последствий хозяйственной деятельности. На это прямо указывает экологическое законодательство и законодательство об экологической экспертизе, называя основным принципом ее проведения презумпцию экологической опасности [7. С. 100–121].

Решающее значение имеют актуальные и информативные данные о состоянии окружающей среды [4. С. 14–19]. Учитывая большой объем исходной информации, ее разрозненность и размытость, в большинстве случаев – труднодоступность в получении, значимость использования особых методов ее получения возрастает.

Немаловажным в системе управления качеством окружающей среды является эффективное решение задач с помощью современных информационных технологий. В этом аспекте вопросам целесообразности разработки информационно-аналитических систем посвящен ряд работ в области физико-математических, технических и географических наук.

Основная часть. Сегодня применение технологий геоинформационных систем (далее по тексту – ГИС) актуально в решении проблем экологии как в России, так и на международном уровне. В Китае на протяжении последних 10–15 лет на международных конференциях по информационным технологиям и компьютерным приложениям неоднократно поднимался вопрос о значимости проектов в сфере охраны окружающей среды, основанных на техническом применении и исследовании ГИС с использованием мультисистемных технологий и больших объемов экологических данных [10, 11].

В российских документах стратегического планирования одним из основных механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности названо создание и развитие государственных информационных систем, обеспечивающих федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан информацией о состоянии окружающей среды и об источниках негативного воздействия на нее [5]. Имеются отдельные научные исследования в этой области. К этому вопросу перманентно обращаются и представители органов государственной власти. Так, в 2020 г. Счетная палата РФ опубликовала отчет о состоянии ГИС в экологии, результатом которого стал вывод о том, что «существующие ГИС в настоящее время не являются эффективным механизмом для решения задач и достижения целей обеспечения экологической безопасности», причин тому много [2]. Основной причиной названо отсутствие полной и достоверной информации в системах. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения применения ГИС-технологий в сфере охраны окружающей среды.

В экологическом законодательстве вопросы использования ГИС-технологий закреплены в ст. 4.3 ФЗ «Об охране окружающей среды» относительно размещения экологической информации в открытом доступе с помощью государственных и муниципальных систем, а также в ст. 63.1 применительно к закрепленным полномочиям органов власти по созданию и эксплуатации баз данных информационных систем в области охраны окружающей среды [6].

В России геоинформационные технологии находятся в стадии зарождения (применительно к региональному уровню), но уже доказали свою эффективность в более чем 20 субъектах РФ, в том числе и в Республике Мордовия.

Геоинформационные системы позволяют проводить анализ имеющихся данных о состоянии окружающей среды и ее природных объектах, принимать эффективное решение с учетом комплексной их оценки. Это значимо как для комплексной экологической оценки территорий [1. С. 1–8], экологических изысканий [8. С. 54–56], оптимизации регионального землепользования [9. С. 85–88], так и для проведения конкретной процедуры, например экологической экспертизы.

Нельзя недооценивать значимость цифровых баз экологических данных. ГИС и геопорталы являются «эффективным инструментом для систематизации значительного массива разнородной информации с целью представления о взаимодействии природы и общества» [3. С. 146–154]. При этом такие системы позволяют обеспечить долговременное и надежное хранение информации, сохраняя преемственность даже при изменении форм носителей информации.

Целесообразно включение в ГИС информации как оперативного содержания (основанной на постоянных наблюдениях за состоянием окружающей среды и структурно зависящую от перманентно возникающих проблем в регионе), так и инвариативную информацию (включающую статичные сведения, в том числе данные о предполагаемых объектах экологической экспертизы, социальных, промышленных и других инфраструктурных объектах на территории предполагаемого объекта экологической экспертизы, а также результатах экспертизы и оценки воздействия по уже эксплуатируемым объектам). Развитие геоинформационных систем в этом направлении позволит учитывать при реализации планируемой деятельности, являющейся объектом экологической экспертизы регионального уровня, экономические, социальные, институциональные, геополитические, природно-климатические, культурно-исторические и национальные особенности территории, на которой предполагается использование и эксплуатация объекта экологической экспертизы. Кроме того, учет интегрированной информации позволит эффективно решать управленческие задачи в области обеспечения качества окружающей среды, что соответствует цели и задачам экологической экспертизы. В связи с этим логично разрабатывать, внедрять и актуализировать региональные и локальные (местные) ГИС.

Основными принципами использования геоинформационных систем, способных обеспечить качественную экологическую оценку и проведение экологической экспертизы, являются:

- полнота, актуальность, своевременность, достоверность представленной в ГИС информации;
- непрерывность ведения ГИС;
- общедоступность всей информации, содержащейся в ГИС;
- интеграция данных и их корреляция с иными информационными технологиями и средствами;
- скоординированность действий государственных органов власти и органов местного самоуправления, организаций в наполнении и использовании соответствующей информации;
- учет экологических, географических, климатических, биологических, технологических, социальных и иных факторов, оказывающих влияние на принятие управленческого решения;
- исключение формализации включения и использования данных из ГИС;
- целесообразность и обоснованность включения той или иной информации в ГИС;
- постоянное развитие и улучшение технологий с целью достоверной интерпретации данных, содержащихся в ГИС;

– совершенствование законодательства, регламентирующего возможность и необходимость использования ГИС, а также определяющего соответствующие полномочия ответственных субъектов.

Заключение. Внедрение и развитие информационно-программного обеспечения систем экологического управления в современных условиях доказывает свою эффективность. Создание и применение экологических ГИС актуально и коррелируется с национальным проектом «Цифровая экономика Российской Федерации» с учетом цифровизации государственного управления в целом. Это предоставит дополнительные возможности формирования и использования (обработки, анализа) данных о состоянии окружающей среды.

Значение использования актуальных данных в ГИС при проведении экологической экспертизы определяется следующим.

Во-первых, они служат основой для принятия решения о возможности или невозможности дальнейшей эксплуатации объекта экологической экспертизы с учетом закономерностей, тенденций и динамики анализируемых параметров.

Во-вторых, их использование позволит минимизировать риски от эксплуатации опасных экологических объектов и предопределил с высокой степенью вероятности выбор варианта осуществления дальнейшей хозяйственной деятельности с наименьшим негативным воздействием на окружающую среду.

В-третьих, важна комплексная оценка воздействия на окружающую среду с целью рассмотрения альтернативных вариантов размещения объекта экологической экспертизы, а также последствий предполагаемой деятельности.

В-четвертых, важно не просто описание текущего состояния окружающей среды, а комплексное понимание, с учетом имеющихся ГИС-технологий, перспективы воздействия на окружающую среду хозяйственной деятельности.

В-пятых, использование информации из ГИС, исключив межведомственное взаимодействие, позволит существенно сократить сроки проведения экологической экспертизы. Однако важны нормативное закрепление такой возможности, методическая регламентация порядка использования информации и разработка тематической модульной структуры ГИС.

Применение ГИС-технологий при проведении экологической экспертизы выведет этот механизм охраны окружающей среды на качественно новый уровень, что в свою очередь обеспечит высокую эффективность природоохранных мероприятий и позволит оценить степень экологического риска еще на стадии принятия технологического решения, решит проблему обоснованного планирования объектов экологической экспертизы, тем самым создаст условия для стабилизации экологической обстановки в регионе.

Список литературы

1. Абрамов Н. Д. Использование ГИС-технологий при проведении экологической оценки территории // Современные проблемы территориального развития: электрон. журн. 2019. № 2. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: Pentium III, процессор с тактовой частотой 800 МГц; 128 Мб; 10 Мб; Windows XP/Vista/7/8/10; Acrobat 6 x.

2. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Экологические ГИС. 2020. № 12 (277). URL: <https://ksp.org.ru/news/opublikovan-byulleten-schetnoy-palaty-tema-nomera-ekologicheskie-gis/?ysclid=l87p6k9gb1372286540> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Вдовин С. М., Ямашкин С. А., Ямашкин А. А., Зарубин О. А. Географический портал как модель национального ландшафта // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 146–154.
4. Жочкина И. Н. Информационная функция экологического управления (на примере Республики Мордовия) // Информационное право. 2011. № 1. С. 14–19.
5. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201704200016?ysclid=l87p46ra4m302611502> (дата обращения: 17.09.2022).
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ // Российская газета. 2021. № 52.
7. Шварц М. З., Володарский Д. Б. Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред. По мотивам Определения Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О // Закон. 2019. № 9. С. 100–121.
8. Ямашкин А. А. Синтетическое ландшафтное картографирование в региональной ГИС // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 04 (58). Ч. 1. С. 54–56. URL: <https://research-journal.org/geo/sinteticheskoe-landshaftnoe-kartografirovanie-v-regionalnoj-gis/> (дата обращения: 11.05.2021). DOI: 10.23670/IRJ.2017.58.003
9. Ямашкин А. А. Базовые геоинформационные ресурсы для оптимизации регионального землепользования // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53). Ч. 2. С. 85–88. URL: <https://research-journal.org/geo/bazovye-geoinformacionnye-resursy-dlya-optimizacii-regionalnogo-zemlepolzovaniya/> (дата обращения: 11.05.2021.). DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.009
10. Arthur P. J. Mol Environmental governance through information: China and Vietnam. 2009, February. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1467-9493.2008.00358.x> (дата обращения: 09.09.2022).
11. Cheng Yu., Zhao L. Application and research of GIS intelligent environmental protection Internet of things system construction technology. 2020, December. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9092516/authors#authors> DOI: 10.1109/ITCA49981.2019.00014 (дата обращения: 01.09.2022).

С. Н. Зайкова,

кандидат юридических наук, доцент,

Саратовская государственная юридическая академия

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. Контрольно-надзорная деятельность в области обеспечения транспортной безопасности после проведенной «регуляторной гильотины» претерпевает существенные изменения. В статье приводятся результаты анализа изменений законодательства, состоявшихся в июне 2021 г.: определен федеральный орган контроля (надзора), предмет и объекты контрольно-надзорной деятельности, предусмотрено введение специальных режимов федерального надзора и использование цифровых технологий. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного установления понятий «тест-задание» и «тест-ситуация», порядка их использования; определения и правового закрепления исчерпывающего перечня индикаторов состояния транспортной безопасности и их пороговых значений для оценки эффективности административно-правового регулирования.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, транспортная безопасность, система транспортной безопасности, национальная безопасность, безопасность на транспорте, государственный контроль, государственный надзор

CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN TRANSPORT SECURITY: DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. Control and supervisory activities in transport security are undergoing significant changes after the “regulatory guillotine”. The article contains the results of the changes in legislation analysis of June, 2021: the article determines a federal body of control (supervision), the subject and objects of control and supervision activities, the article envisages the introduction of special federal supervision regimes and use of digital technologies. The author comes to the conclusion that it is necessary to legally establish the concepts of “test-task” and “test-situation” and their application procedure; to define and legally consolidate an exhaustive list of the transport security state indicators and their threshold values for assessing the effectiveness of administrative and legal regulation.

Keywords: Law, Digital technology, Transportation security, Transportation security system, National security, Security on transport, State control, State supervision

Реформирование контрольно-надзорной деятельности в области транспортной безопасности (далее – ТБ) в Российской Федерации потребовало принятия новых нормативно-правовых актов, отвечающих современным вызовам по развитию транспортного комплекса и обеспечению его защищенности.

Новый закон о госконтроле [1] закрепил рискориентированный подход при проведении контрольных мероприятий, определил новые принципы, в том числе принцип стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований, которым установлены приоритеты в сторону превентивных мероприятий,

направленных на профилактику, снижение риска причинения вреда (ущерба). Новым законом о госконтроле были заложены правовые основы для внедрения эффективных механизмов кадровой политики как контролируемых лиц, так и контрольно-надзорных органов.

В июне 2021 г. произошли существенные изменения в правовом регулировании предмета федерального государственного контроля (надзора) в области ТБ, контрольно-надзорных мероприятий, специальных режимов (обязательного мониторинга, постоянных рейдов).

Новая редакция ст. 11.1 (от 11.06.2021) специализированного закона [3] коренным образом изменила законодательные положения о контрольно-надзорной деятельности.

Во-первых, ранее закон предусматривал множественность федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на проведение контрольных мероприятий по ТБ, отсылая к их компетенции. С 1 июля 2021 г. действующая норма определяет только один орган федерального надзора – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ. Таким органом является Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (далее – Ространснадзор).

Ространснадзор осуществляет контроль и надзор за соблюдением российского законодательства и международных договоров Российской Федерации о транспортной безопасности [4].

Порядок организации и осуществления федерального государственного контроля (надзора) (далее – Положение) утвержден Постановлением Правительства РФ [5].

Следует отметить, что указанная новелла по закреплению федерального надзора за единственным органом не препятствует проведению контрольных (надзорных) мероприятий с участием сотрудников ФСБ и МВД России в установленных случаях. Например, уполномоченные представители указанных органов участвуют в рейдовых осмотрах (п. 55 Положения), при проведении экспериментов или выездных проверок с применением тест-предметов, с использованием тест-субъектов (п. 56 Положения).

Во-вторых, в прежней редакции закона организация и осуществление контрольно-надзорной деятельности осуществлялись в соответствии с порядком, установленным Правительством РФ. Законом ранее устанавливались основания для проведения плановой (внеплановой) проверки, возможность использования тест-предметов, перечень органов власти, участвующих в указанных проверках. Новая редакция ст. 11.1 использует отсылочную норму к новому закону о госконтроле и Положению, что, по нашему мнению, будет способствовать единообразной реализации нового закона о контроле уполномоченными органами.

В-третьих, впервые законодательно установлены предмет и объект контроля (надзора) в области ТБ. Предметом является соблюдение обязательных требований, установленных российским законодательством в области ТБ, широким кругом контролируемых лиц. К ним относятся:

- субъекты транспортной инфраструктуры,
- перевозчики,

- застройщики объектов транспортной инфраструктуры (далее – объекты ТИ),
- подразделения ТБ,
- учебные центры,
- специализированные организации,
- органы аттестации,
- аттестующие организации,
- граждане.

Также законом установлен перечень объектов контроля (надзора). В зависимости от видов экономической деятельности в транспортной отрасли контролируемых лиц выделены следующие объекты:

- деятельность субъектов по обеспечению ТБ,
- результаты такой деятельности,
- транспортные средства, объекты ТИ и аналогичные строящиеся объекты, зоны безопасности.

В-четвертых, законодательно расширился перечень допустимых тестов при проведении проверок. К ранее используемым тест-предметам (предметам, имитирующим оружие или другие устройства, предметы, запрещенные для перемещения в зону транспортной безопасности) добавились тест-субъекты, тест-задания и тест-ситуации. Следует отметить, что Положение подробно описывает порядок использования тест-предметов и тест-субъектов, а понятия «тест-задание» и «тест-ситуация» не только не раскрыты в законе, но и не упоминаются в Положении.

В-пятых, новой редакцией ст. 11.1 закона впервые установлены специальные режимы федерального надзора: обязательный мониторинг и постоянный рейд.

В отношении отдельной категории объектов ТИ предусмотрено осуществление обязательного мониторинга в режиме реального времени с использованием специальных технических средств, имеющихся на объектах ТИ.

Удаленный доступ к данным технических средств представляется контролируемыми лицами должностным лицам Ространснадзора (территориальных управлений службы).

Постоянный рейд может проводиться в отношении транспортных средств, производственных объектов, деятельности граждан и организаций. Для его проведения устанавливаются пункты контроля на объектах, определенных Положением. К ним относятся объекты дорожного хозяйства (в зависимости от статуса автомобильных дорог: федерального, регионального и межмуниципального значения); аэропорты, автомобильные и железнодорожные вокзалы и станции первой и второй категорий; объекты ТИ, обслуживающие международные перевозки.

Современные научные исследователи [10. С. 46; 13. С. 69; 14. С. 50; 15. С. 4; 17. С. 217] отмечают необходимость регламентации оперативного взаимодействия всех участников перевозочного процесса, а также усиления ответственности в указанной области.

По нашему мнению, также требуется систематическое проведение правового мониторинга в области ТБ. Основное предназначение правового мониторинга заключается в оценке результатов применения принятых норм права, эффектив-

ности государственного воздействия на общественные отношения, в оценке необходимости сохранения, отмены или корректировки действующих норм права, актуальности ранее определенной цели государственного правового регулирования.

Правовой мониторинг в виде постоянного наблюдения за процессами административно-правового регулирования позволит формировать оценку их состояния и прогнозы развития.

Предлагается проводить оценку степени устойчивого, безопасного функционирования и развития транспортного комплекса; эффективности административно-правового регулирования. При получении отрицательных результатов проводить прогнозирование угрозы акта (актов) незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса.

Для проведения правового мониторинга требуется определение и правовое закрепление исчерпывающего перечня индикаторов состояния ТБ и их пороговых значений.

Результатом правового мониторинга может стать ежегодный доклад Минтранса России о состоянии транспортной безопасности в Российской Федерации, содержащий основные стратегические направления реализации государственной политики в области защищенности транспортного комплекса, отражающий необходимость корректировки целей и задач, нормативного правового регулирования, состава субъектов управления в области обеспечения транспортной безопасности.

В-шестых, заложены правовые основы для внедрения цифровых технологий.

Информационное обеспечение транспортной безопасности является одной из основных задач государственной политики в рассматриваемой области (пп. 9 п. 2 ст. 2 Федерального закона «О транспортной безопасности»).

Исследования по теме государственного информационного обеспечения транспортной безопасности малочисленны. Так, предметом ранее проведенных исследований стали общие вопросы информационного обеспечения транспортной отрасли [9, 11, 12, 18] и модели системы транспортной безопасности [8. С. 1081; 16. С. 188], а также отдельные правовые проблемы управления транспортной безопасностью и ответственности за непредставление информации в государственные информационные системы [20–21]. В англоязычной научной литературе рассмотрены проблемы регулирования и борьбы с экстремистским текстовым контентом, угрожающим транспортным системам [22, 24], и рекомендации использования единых подходов к управлению транспортной безопасностью [19, 23].

Вместе с тем до настоящего времени не проводилось комплексного исследования современного состояния и степени разработанности национального законодательства по вопросам использования в деятельности компетентных органов власти, субъектов транспортной инфраструктуры, перевозчиков и иных участников транспортных правоотношений электронных информационных систем.

Итак, в законе перечислены две группы информации, оборот которой позволяет предотвратить совершение актов незаконного вмешательства в работу транспорта, снизить тяжесть негативных последствий.

Первая группа – информация об угрозе совершения такого акта (п. 7 ст. 4). Она обрабатывается в установленном Правительством РФ порядке [6] (далее – Порядок). В целях проверки информации осуществляется взаимодействие между полномочными органами: Минтранс России и подведомственные ему служба и агентства, ФСБ России и МВД России (их территориальными органами), Минобороны России (в случае захвата воздушного судна), региональными органами власти, местной администрацией, а также непосредственно поставщиками транспортных услуг, услуг транспортной инфраструктуры. При обмене информацией используются доступные средства связи, например, средства телефонной, факсимильной связи, а также личное предоставление информации. Порядком определена возможность внутриведомственного информирования, регламентированного ведомственными нормативными правовыми актами, а также информирование через диспетчерские службы управления движением транспортных средств. Использование информационных систем не предусмотрено.

Вторая группа – информация ограниченного доступа (п. 4, 8 ст. 5, п. 3 ст. 9). К ней относятся:

- сведения, полученные по итогам проведенной оценки уязвимости определенного вида судов, портовых средств и иных объектов;
- сведения, указанные в планах обеспечения транспортной безопасности.

В соответствии с установленными Правилами [7] (далее – Правила) обращение с информацией ограниченного доступа (ее накопление и обработка, хранение и передача) осуществляется посредством бумажных и материальных носителей. К последним можно отнести гибкие магнитные диски, картриджи, магнитные и иные накопители. Носители информации учитываются в специальных журналах и пересылаются по сетям связи, обеспечивающим их защиту от незаконного доступа. Предусмотрена Правилами доставка указанной информации лично сотрудниками субъекта транспортной инфраструктуры или специализированной организации, имеющими соответствующий допуск. Использование информационных систем Правилами не предусмотрено.

Ко второй группе относится в том числе информация, составляющая государственную тайну (п. 3 ст. 9) – это содержащиеся в планах и паспортах обеспечения транспортной безопасности сведения. Перечень таких планов и паспортов законодательно установлен, например, в данном случае речь идет о паспортах объектов и средств, обеспечение транспортной безопасности которых осуществляют только федеральные органы исполнительной власти.

Рассматриваемая информация обрабатывается в соответствии с российским законодательством о государственной тайне [2]. Обязательным условием передачи таких сведений является получение допуска-лицензии на проведение работ с указанными сведениями. Возможно использование для передачи информации информационно-аналитических систем специального назначения.

Проведенные исследования показали, что имеются достаточные правовые основания для информационного обеспечения транспортной безопасности. Субъектами правоотношений в рассматриваемой области используются различные виды информации, в том числе информация ограниченного доступа, а также

информация, имеющая статус государственной тайны. Именно поэтому долгое время создаваемая Единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ) должна стать федеральной информационной системой ограниченного доступа, обеспечивающей полную защиту содержащихся в ней сведений.

Информационные потоки различны и зависят от вида информации, прав и обязанностей перевозчиков и иных участников рассматриваемых правоотношений, полномочий органов власти. Представляется, что ЕГИС ОТБ должна интегрировать имеющиеся информационные ресурсы федеральных органов исполнительной власти (например, ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС») и органов власти других уровней (при наличии и необходимости).

По нашему мнению, основной целью ЕГИС ОТБ является обеспечение защищенности транспортного комплекса и лиц, его использующих, а задачами системы, помимо учетных функций по формированию реестра сведений о пассажирах и составе экипажа, должны стать:

- информационное обеспечение контроля (надзора) в области транспортной безопасности,
- информационное обеспечение самоконтроля (через личный кабинет субъекта),
- информирование об угрозах противоправного вмешательства в деятельность транспортного комплекса,
- решение задач по обеспечению национальной безопасности и выполнению других значимых функций государственного управления (например, стратегическое планирование развития транспортной отрасли и российской экономики, прогнозирование занятости населения, основных пассажиропотоков и грузопотоков, объемов транспортных услуг и др.).

Рассмотренные правовые новеллы будут способствовать систематизации форм и функций государственного управления в рассматриваемой области, взаимодействию органов и субъектов ТБ и, как следствие, приведут к повышению эффективности защищенности объектов транспортного комплекса.

Список литературы

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
2. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.
3. О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
4. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта: Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 398 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3345.
5. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности и признании утратившими

силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1051 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. III). Ст. 5429.

6. Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве: Постановление Правительства РФ от 15.08.2018 № 943 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 34. Ст. 5488.

7. Об утверждении Правил обращения со сведениями о результатах проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры, судов ледокольного флота, используемых для проводки по морским путям, судов, в отношении которых применяются правила торгового мореплавания и требования в области охраны судов и портовых средств, установленные международными договорами Российской Федерации, а также со сведениями, содержащимися в планах и паспортах обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств, которые являются информацией ограниченного доступа, и Правил проверки субъектом транспортной инфраструктуры сведений в отношении лиц, принимаемых на работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности, или выполняющих такую работу: Постановление Правительства РФ от 24.11.2015 № 1257 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48 (ч. II). Ст. 6839.

8. Амелин Р. В. Обязанность по представлению информации в федеральные информационные системы // Административное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 1081–1089.

9. Афанасьев С. Д. Формирование Национальной системы управления данными: конституционно-правовые основы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 9–14.

10. Брунер Р. А. Некоторые вопросы привлечения юридического лица к ответственности за совершение правонарушений в сфере транспортной безопасности на основании статьи 11.15.1 КоАП РФ // Современное право. 2020. № 7. С. 44–49.

11. Дмитриев С. А. Некоторые вопросы по информационному обеспечению в области транспортной безопасности // Транспортное право. 2009. № 2. С. 20–21.

12. Дмитриев С. Н. Новации в законодательстве о транспортной безопасности // Транспортное право. 2014. № 4. С. 3–7.

13. Зайков Д. Е. Охрана границ территорий аэропортов: проблемы осуществления и новое правовое регулирование // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 68–70.

14. Занина Т. М., Агаркова Н. А. Взаимодействие правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка и безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 49–51.

15. Кокурина О. Ю., Снимщиков С. В. К вопросу нормативного закрепления позитивной юридической ответственности в сфере обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право. 2021. № 1. С. 3–6.
16. Люльченко А. Н., Нырков А. П., Швед В. Г. Модель системы обеспечения информационной безопасности на транспорте // Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова. 2015. № 5 (33). С. 184–193.
17. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019. 268 с.
18. Чеботарева А. А. Правовые аспекты создания и функционирования государственных информационных систем Минтранса России: автоматизированной информационной системы «Эра-ГЛОНАСС» и единой государственной системы обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3 (3). С. 66–71.
19. Bešković B. Introducing electronic maritime single window by port communities in the Adriatic region // Transport Problems. 2015. Т. 10, № 4. С. 25–33.
20. Lez'er V., Muratova I., Korpusova N. Issues of transport security and human factor // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 91. DOI: 10.1051/e3sconf/20199108062
21. Pavlov A. Yu., Batova V. N., Kovalyova N. N., Kolesnikov A. V., Sokolov A. Yu., Soboleva Yu. V. Problems of state regulation of innovation policy in the Russian Federation and foreign countries // International Journal of Advanced and Applied Sciences. 2016. № 3 (4). Pp. 25–32. DOI: 10.14505/jarle.v6.4(14).10
22. Rodrigue J. The Geography of Transport Systems (fifth edition). New York: Routledge, 2020. 456 p.
23. Topolšek D., Hribar S., Sternad M. Road traffic safety in conjunction with in-vehicle ITS // Transport Problems. 2014. Т. 9, № 2. С. 49–60.
24. Zervina O. The Environment of Extremist Textual Content Threatening Transportation Systems // Proceedings of the International Conference TRANSBALTICA XI: Transportation Science and Technology. Springer. 2019. Pp. 541–551.

Н. М. Заславская,

кандидат юридических наук, доцент,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается понятие информационного обеспечения государственного экологического управления на современном этапе, анализируются его правовые основы, определяются цели и принципы осуществления. Все сведения об окружающей природной среде для целей информационного обеспечения государственного экологического управления предлагается подразделять на статистические, т. е. сведения о количественной и качественной стороне эколо-

гических процессов – реестры, кадастры, экологический мониторинг и другие – и стратегические, т. е. сведения перспективного характера – задачи управления, пути решения поставленных задач, контрольные показатели и др.

Ключевые слова: право, цифровое общество, цифровые технологии, информация о состоянии окружающей среды, экологическая информация, информационное обеспечение, государственное экологическое управление

INFORMATION PROVISION IN A DIGITAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE STATE ENVIRONMENTAL GOVERNMENT)

Abstract. The article considers the concept of information support of state environmental management at the present stage, its legal basis, the goals and principles of implementation are defined. All information about the environment for the purposes of information support of state environmental management is proposed to divide into statistical (information on the quantitative and qualitative side of environmental processes – registers, cadasters, environmental monitoring, etc.), and strategic (information of perspective character – management tasks, ways of solving the tasks, benchmarks, etc.). The differences in the formation of statistical and strategic environmental information, including legal support, are justified.

Keywords: Law, Digital society, Digital technologies, Information on the state of the environment, Environmental information, Information support, State environmental management.

На современном этапе развития общества информация является одним из ключевых ресурсов [7]. Большинство исследователей едины во мнении, что «в XXI столетии информация переходит в раздел наиболее востребованных товаров, предлагаемых к продаже или обмену» [7]. Для государственного управления в цифровом обществе информационное обеспечение – это и направление государственной политики [6], и основа эффективного осуществления деятельности, и в то же время одна из актуальных задач, стоящих перед всей системой такого управления [11].

«Информационное обеспечение» – термин, который употребляется более чем в 230 федеральных законах и примерно 25 тыс. иных документов раздела «Законодательство» СПС «КонсультантПлюс», термин же «информационное обеспечение управления» – более чем в 150 документах, об информационном обеспечении государственного экологического управления (хотя сам термин дословно не употребляется в подавляющем большинстве случаев) речь идет в почти 100 документах указанной справочно-поисковой системы. Несмотря на столь частое употребление, легального определения рассматриваемого понятия нет.

Так, федеральные законы, которые содержат указанный термин, в большинстве случаев ограничиваются лишь перечислением элементов, входящих в систему информационного обеспечения: где-то это только информационные базы, реестры, кадастры, где-то к элементам системы отнесены и субъекты (как ответственные за формирование информационных баз, так и субъекты-пользователи), в отдельных актах предпринята попытка определить цели, а также принципы информационного обеспечения.

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» информационное обеспечение регулируемой названным актом функции государственного управления (гл. 4) относит к первому этапу организации всей контрольной деятельности (разд. II) и включает в него перечень реестров, информационных систем, межведомственное взаимодействие, документы (как те, что составляются, так и те, что используются при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, а также информирование. Из перечисленных семи целей, которые преследует создание информационных систем, пять – это учет (объектов контроля, учет действий, учет результатов, учет сведений) и только две цели создания информационных систем – это взаимодействие контролирующих субъектов между собой, с подконтрольными, а также планирование и проведение профилактических и контрольных мероприятий (п. 5 ст. 18).

Это представляется неслучайным, принятый чуть более двух лет назад ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле», как и многие принятые ранее действующие нормативные правовые акты, ставят знак равенства между информационным обеспечением и учетом тех или иных сведений. Такой подход является не соответствующим современному этапу развития общества. Отличительной чертой цифрового общества является количество информации – оно огромное, исследователи говорят о ее переизбытке. Это обуславливает необходимость выработки и применения принципиально иных подходов организации работы.

Несмотря на то, что в законодательстве информационное обеспечение государственного экологического управления сведено к учету, в науке экологического права необходимость иного понимания высказывалась неоднократно. Н. Г. Жаворонкова и Г. В. Выпханова, говоря о стратегировании как части экологического управления, особо выделяют информационную систему, которая должна опираться на государственный экологический мониторинг, но не сводиться только к нему. Они отмечают, что основу механизма стратегирования должна составлять не просто система учета информации или данных, а информационно-аналитическая система, так как «без постоянно действующей обратной связи, без анализа факторов (ответа) окружающей среды на планируемые и осуществляемые мероприятия стратегирование теряет смысл и значение» [5].

Ограничение в законодательстве информационного обеспечения государственного экологического управления только учетом природных объектов и природных ресурсов и учетом объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую природную среду в целом или на отдельные ее компоненты, обусловлено исторически (так было и пока еще есть), а также, вероятно, связано с традиционным пониманием самого термина «информация» и производного от него «информационное» в исследуемом словосочетании.

Согласно определению, содержащемуся в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (ст. 2). С содержательной точки зрения предложенное легальное определение термина «информация» совпадает с общеупотребительным его пониманием. Так, согласно

определению, предложенному в Толковом словаре Ожегова, «информация» (от латинского *informatio* – «осведомлять») – это сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. Однако в совокупности с иными терминами, входящими в словосочетание «обеспечение государственного экологического управления», «информационное» должно предполагать, что это не просто сведения или данные, а содержательная основа для принятия управленческих решений.

Все сведения об окружающей природной среде для целей информационного обеспечения государственного экологического управления можно подразделить на **статистические** – сведения о количественной и качественной сторонах экологических процессов (реестры, кадастры, экологический мониторинг и др.) и **стратегические** – сведения перспективного характера (задачи управления, пути их решения, контрольные показатели и др.) [2].

Статистическая информация о состоянии окружающей среды формируется посредством ведения кадастров, реестров, мониторинга и учета.

Согласно указанному Федеральному закону, статистическая информация включает первичные статистические и административные данные:

- первичные статистические данные включают в себя документированную информацию, которая собирается и получается от респондентов или в процессе статистического наблюдения;

- административные данные – информация, формируемая, собираемая, получаемая при выполнении органами местного самоуправления, и органами государственной власти, и иными организациями в пределах своих полномочий и функций.

Эти данные предоставляются Федеральной службой государственной статистики, другими органами власти и организациями. Данные группируются по различным разделам: загрязнение атмосферного воздуха и разрушение озонового слоя, изменение климата, водные ресурсы, биоразнообразие, земельные ресурсы, сельское хозяйство, энергетика, транспорт, отходы, стихийные бедствия и катастрофы, экологические правонарушения, финансирование в области окружающей среды.

К традиционным источникам информационного обеспечения природопользования и охраны окружающей среды также относятся государственные кадастры и реестры. Как правило, кадастры содержат количественную информацию о компонентах окружающей среды. На их основе производится оценка природного ресурса в денежном эквиваленте. Соответствующие данные служат основой при принятии решения о предоставлении природного ресурса в пользование, для выработки мер по обеспечению рационального природопользования и охраны природных ресурсов, экологического планирования [1].

Во второй половине XX века система кадастра (учета) природных объектов была дополнена «системой, которая синтезируется для выявления антропогенных эффектов в окружающей среде с использованием информации и некоторых элементов существующих геофизических служб». Первоначально данная система создавалась как система регулярных наблюдений за одним или более элементами окружающей природной среды в пространстве и во времени согласно составленной программе. Впоследствии эта система стала именоваться мониторингом

в связи с тем, что состояла не просто в регулярных наблюдениях и сборе данных о состоянии окружающей среды, а в их анализе и оценке, которые включали сравнение, корреляцию и интерпретацию результатов.

Так, и в легальном определении термина «экологический мониторинг» речь идет прежде всего о комплексной системе наблюдений, оценки и прогноза, что и составляет содержание экологического мониторинга. Проведение систематического наблюдения за состоянием окружающей среды, включая компоненты природной среды, а также за происходящими в них процессами, явлениями, изменениями состояния окружающей среды, хранение, обработка информации о состоянии окружающей среды, анализ полученной информации в целях своевременного выявления изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и (или) антропогенных факторов, оценка и прогноз этих изменений являются задачами государственного мониторинга окружающей среды и осуществляются на постоянной основе органами власти в соответствии с их компетенцией (ст. 63.1 ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Государственный экологический мониторинг подразделен на два уровня: общий (государственный мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды) и отраслевой (по пообъектному принципу). Работа по сбору информации осуществляется непрерывно на каждом уровне уже много десятков лет. Практически каждый из нормативных правовых актов, регламентируя вопросы экологического мониторинга в отношении того или иного природного объекта, говорит о том, что он является составной частью единой системы государственного экологического мониторинга. Однако создание такой системы все еще является задачей.

В цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования официально обозначены двадцать четыре проблемы текущего состояния. Две трети среди них (пятнадцать из двадцати четырех) – это проблемы, связанные с вопросами информационного обеспечения. Для преодоления указанных проблем система информационного обеспечения должна быть построена на следующих принципах.

Первый принцип – **единство стандартов** сбора информации, что позволит обеспечить сопоставляемость измерений, возможность их комплексной оценки.

Второй принцип – **оперативность (режим реального времени) сбора и анализа информации**, полученной в результате наблюдений, выработки рекомендаций, принятия управленческих решений. Ключевым является то, что информация должна быть оперативно собрана, передана, проанализирована и предоставлена. Только при соблюдении максимально коротких сроков между названными этапами возможно эффективное государственное экологическое управление.

Третий принцип – **комплексность наблюдения и исследования**. Состояние окружающей среды и ее изменение – это комплексная характеристика, дать которую возможно только на основе объединения и сопоставления данных метеорологических, гидрологических, геофизических, геохимических и биологических наблюдений и исследований. Сбор информации о состоянии окружающей среды в настоящее время является эффективным исключительно при осуществлении данной деятельности во всех направлениях: абиотической составляющей и биотической составляющей.

Комплексность наблюдения может быть обеспечена за счет реализации принципа **модульности построения** системы информационного обеспечения государственного экологического управления. В настоящее время наблюдения проводятся по природным объектам, по видам воздействия, по территориям, на которые оказывается воздействие. В зависимости от масштабов обобщения информации система информационного обеспечения государственного экологического управления подразделяется на такие модули, как общегосударственный, региональные и локальные.

Пятый принцип – **координация** (согласованность или консистентность) элементов системы информационного обеспечения государственного экологического управления. В настоящее время субъектами сбора информации о состоянии окружающей среды являются более 20 федеральных органов исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также ряд других субъектов. Многие из указанных субъектов имеют еще и внутреннюю иерархию – структуру организации работы по информационному обеспечению государственного экологического управления.

Шестой принцип – **непрерывность и систематичность наблюдения**. Например, наблюдение (по обязательным и дополнительным наблюдаемым элементам) за состоянием атмосферного воздуха проводится каждые сутки, за атмосферными осадками и их выпадением – каждую неделю (примерно 50 раз в год), за поверхностными водами – до 8 раз в год (3 раз в паводок и 1 раз в межень), за почвами и донными отложениями – 2 раза в год. В настоящее время этого уже недостаточно для получения актуальной информации.

Надо учесть, что для решения указанных проблем необходимо не только решение технической части вопроса, но и прежде всего выработка и соблюдение основных принципов работы, построения единой системы учета, мониторинга, сбора, передачи и анализа всех данных в условиях оперативности и систематичности. Также должна быть выстроена модель проверки всех получаемых данных для возможности оперирования такими данными при принятии решений и исключения необходимости затраты значительных временных ресурсов на ее проверку или вообще игнорирование полученных данных.

Для обеспечения эффективной работы всей системы невозможно сохранение существующих принципов работы, необходимо внедрение современных технологий и привлечение в сферу государственного управления частных лиц с возможностью передачи им части полномочий. Без учета особенностей современной работы с информацией, без привлечения требуемых технологий государственное управление будет неэффективным.

Внедрение системы информационного обеспечения государственного экологического управления, основанной на названных выше принципах, возможно только с внедрением автоматизированных систем, информатизацией сбора, анализа, хранения и предоставления информации о состоянии окружающей среды и, как следствие, цифровой трансформации.

Таким образом, можно выделить следующие составляющие или стадии процесса цифровой трансформации информационного обеспечения государственного экологического управления: автоматизация (внедрение ИТ-решений, основан-

ных на типовых, стандартизированных подходах) и информатизация (улучшение существующих процессов, внедрение платформенных решений). Под цифровой трансформацией в данном случае следует понимать создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, граждан в сфере охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности на основе формирования и использования информационных ресурсов.

Платформенные решения в государственном экологическом управлении – категория малоизученная. Так, в качестве одной из проблем цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования было названо отсутствие таких решений. Внедрение платформенных решений в систему информационного обеспечения государственного экологического управления должно позволить осуществить сквозную межведомственную (по горизонтали) и внутриведомственную (по вертикали) цифровизацию сбора, анализа и предоставления информации о состоянии окружающей среды (по всем модулям – природным объектам, объектам, оказывающим негативное воздействие, и др.). Создание такой комплексной организационно-технической инфраструктуры предполагается за счет в том числе таких технологий, как искусственный интеллект, интернет вещей, дистанционное зондирование, технологии больших данных, привлечение частной инициативы, а также подготовка и привлечение квалифицированных кадров, за счет использования которых будет создан цифровой двойник окружающей природой среды. Эта инфраструктура должна позволять осуществлять одновременно сбор, анализ данных и доступ к ним заинтересованных пользователей.

Необходимо обратить внимание, что в такой системе информационного обеспечения необходимо перейти от подхода по сбору как можно большего количества любых данных к подходу получения только необходимых и достаточных данных для принятия управленческих решений. При этом эти данные должны собираться, передаваться, аккумулироваться и анализироваться с максимально допустимой скоростью, тем самым обеспечивая возможность принятия эффективных решений. В данную систему также необходимо включение элемента проверки получаемых данных, чтобы сведения, содержащиеся в системе, были достоверными и ими можно было оперировать при принятии решений с максимальной степенью безошибочности.

Ценность больших данных в государственном управлении состоит в возможности перехода от обладания информацией и ее предоставления по запросу к прогностической аналитике. Специалисты отмечают, что в настоящее время в России цифровая трансформация сферы «G2G» (government to government – государство государству) находится практически на нулевом уровне, в отличие, например, от сферы «G2C» (government to citizens – государство гражданам), где внедрение информационных технологий идет по общемировым показателям опережающими темпами [4].

Попытки внедрения платформенного подхода в систему государственного управления уже предпринимались. Следует отметить, что об автоматизированных системах в отечественном управлении начали говорить еще в 60-х гг. XX в.

(А. И. Берг, И. С. Брук, В. М. Глушков, А. И. Китов, А. А. Ляпунов и др.). В 1963 г. было принято Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР в данной сфере (п. 9).

В современный период в рамках Федеральной целевой программы на 2002–2010 гг. «Электронная Россия» была поставлена задача перевода в электронный вид процессов взаимодействия органов государственной власти между собой и взаимоотношений государства и общества. В 2009 году была создана государственная автоматизированная информационная система «Управление», которая должна была обеспечивать сбор, учет, обработку и анализ данных, содержащихся в государственных и муниципальных информационных ресурсах, данных официальной государственной статистики, а также иных сведений. В 2015 г. в Положение о государственной автоматизированной системе «Управление» были внесены значительные изменения – создание федеральной информационной системы стратегического планирования на базе государственной автоматизированной системы «Управление».

Стратегические данные (данные стратегического планирования) – это одна из составляющих (наряду со статистическими данными) системы информационного обеспечения государственного экологического управления.

До принятия ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» легального определения государственного стратегирования и производных от него терминов не было. Деятельность по определению целей государственного развития и путей их достижения именовалась по-разному: прогнозирование, планирование, стратегирование и прочее, и, соответственно, документы, закрепляющие указанные цели, а также содержащиеся в них данные носили соответствующие названия: планы, стратегии, доктрины, прогнозы, основы развития, основы государственной политики и пр.

В соответствии со ст. 3 названного Федерального закона целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование – это этапы, отдельные стадии деятельности по стратегическому планированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» дает определения каждого из перечисленных видов деятельности по стратегическому планированию и определяет содержание всех документов (ст. 3).

Анализ предложенных в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определений самого термина «стратегическое планирование», а также входящих в него этапов (видов) деятельности позволяет согласиться с Н. Г. Жаворонковой и Г. В. Выпхановой в том, что стратегирование в самом общем виде можно рассматривать в качестве поиска вариантов между целями и объективной реальностью [8].

Несмотря на то, что правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации установлены специальным Федеральным законом, в экологической сфере по экспертным оценкам выполняется не более трети запланированных решений. Среди причин такой низкой эффективности экологического стратегирования можно назвать следующие [9].

Во-первых, как уже было отмечено, отсутствие актуальных, достоверных и достаточных статистических данных о состоянии окружающей среды. Такими данными могут быть только данные в режиме реального времени. Временной разрыв между данными, на основании которых принимаются стратегические управленческие решения, и временем их принятия в лучшем случае в настоящее время составляет около года. Иллюстрацией тому является, например, публикация годовых докладов «О состоянии окружающей среды в РФ» – по состоянию на 1 сентября 2022 г. доклад за 2021 г. не опубликован.

Во-вторых, множественность направлений, по которым осуществляется выработка целей, планов, прогнозов и, соответственно, множественность документов стратегического характера в области охраны окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности – более 20 только федеральных документов.

Такое многообразие обусловлено в том числе тем, что экологические отношения комплексные, затрагивают очень многие сферы жизнедеятельности, регулируются различными отраслями законодательства, государственное экологическое управление осуществляется многими органами, однако все это не исключает необходимости выработки стратегических данных таким образом, чтобы все процессы стратегирования, все документы стратегического экологического планирования представляли собой части единой общей стратегии – с едиными целями, сопоставимыми задачами, механизмами реализации, контрольными показателями.

Однако в настоящее время комплексно к данной проблематике никто не подходил и не предпринимал попыток решения задач, которые стоят на современном этапе. Отсутствие комплексного подхода мешает решению стоящих в настоящее время проблем и не позволяет увидеть все проблемы неэффективности управления в государственной сфере. Необходимо при этом отметить, что государственное управление всегда являлось менее эффективным, нежели управление в частной сфере. Грамотное распределение задач и полномочий является неотъемлемой частью государственного управления. При этом основной проблемой на современном этапе становится не столько получение самой информации, сколько своевременность получения информации и ее аккумуляция, передачи и анализа. Без этих ключевых элементов информация становится бесполезной и ее использование не только не является эффективным в государственном управлении, а, как правило, ведет к принятию ошибочных решений. Без отказа от старых принципов и выработки новых не представляется возможным эффективно трансформировать существующие механизмы работы системы [10].

Без решения поставленных задач на основе современных технологий в настоящее время невозможно существование эффективного управления в сфере государственного экологического управления, так как ключевым является скорость сбора, передачи, обработки и анализа получаемой информации, без чего невозможно принятие эффективных решений.

Как справедливо было отмечено А. К. Голиченковым, одним из парадоксов нынешнего времени является то, что при осознании того, что «право является одним из самых мощных регуляторов поведения людей», «когда речь заходит о его инструментах, механизмах регулирования для решения конкретной проблемы,

о праве, нередко не вспоминают вообще или сводят правовые аспекты к администрированию, государственному управлению». А. К. Голиченков выделяет два важнейших правовых «фактора успеха» – правотворчество и правоприменение. Правотворчество должно быть неизбыточным (с точки зрения количества документов, но не качества) и достаточным (которое осуществляется не путем введения отдельных норм, а целых блоков), а правоприменение, исходя из общих подходов, должно способствовать индивидуализации правового предписания [3].

Информационное обеспечение государственного управления, в том числе и экологического, в цифровом обществе приобретает особое значение. С одной стороны, информация в таком обществе – это его отличительная черта, точнее то, что это информация в огромном количестве и в электронной форме, отличает цифровое общество от иных его форм. С другой стороны, информация, будучи неотъемлемой частью цифрового общества, обуславливает необходимость изменения подходов организации работы с ней, в том числе посредством правового обеспечения [6].

Список литературы

1. Бринчук М. М. Потенциал природы как инструмент экологического права // Экологическое право. 2010. № 4. С. 8–14.
2. Варламов А. А., Гальченко С. А., Антропов Д. В. Информационное обеспечение управления земельными ресурсами // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 11. С. 13–17.
3. Голиченков А. К. Государственная экологическая политика – «факторы успеха»: право, идеология // Экологическое право. 2016. № 6. С. 3–7.
4. Государство как платформа: люди и технологии. URL: https://gspm.ranepa.ru/uploads/files/2019/01/17-012019_0.pdf?ysclid=131580d576 (дата обращения: 14.09.2022).
5. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве // Lex russica. 2020. № 1. С. 28–42.
6. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 23–32.
7. Козачок В. И., Власова С. А. Информация и ее значение в процессе развития современного общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-i-ee-znachenie-v-protssesse-razvitiya-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 14.09.2022).
8. Крапивенский А. С. Информация как товар в XXI веке: анализ угроз безопасности национальным рынкам // Securitatea informatională 2010: conferința internațională. Молдова, Кишинев: ASEM, 2010. С. 14.
9. Лунева Е. В. Правовой механизм обеспечения рационального природопользования: постановка проблемы // Экологическое право. 2018. № 4. С. 31.
10. Сухова Е. А., Абанина Е. Н. Правовые проблемы цифровой трансформации системы управления природопользованием как механизма обеспечения экологической безопасности // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 17–20.
11. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. 240 с.

В. В. Зиновьева,

аспирант,

Российский университет транспорта

**АНАЛИЗ ИНЦИДЕНТОВ НАРУШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ И МИРЕ
В I ПОЛУГОДИИ 2022 ГОДА. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. Предмет исследования – правовые проблемы информационной безопасности в России. Цель – разработка и апробация способов решения выявленных правовых проблем по защите информации конфиденциального характера, включая персональные данные. Гипотеза исследования предполагает, что безопасность информации в значительной степени зависит от мировых и внутригосударственных экономических и политических событий. Применены следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой анализ, диагностический анализ. Выявлена закономерность связи утечки данных с внешнеполитическими и внутриэкономическими процессами. Выводы: действующее российское законодательство в области информационной безопасности нуждается в унификации, выработке нового, отвечающего современным реалиям понятийного аппарата, а также в детализации и конкретизации существующих терминов и определений. Области применения результатов: в теоретической сфере для повышения степени защиты конфиденциальной информации на законодательном уровне, в практической деятельности при обработке персональных данных и привлечения к ответственности за нарушения в области обработки персональных данных.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, информационная безопасность, нарушение безопасности конфиденциальной информации, утечка данных, инцидент, персональные данные, неправомерный доступ, передача персональных данных

**ANALYSIS OF CONFIDENTIAL INFORMATION BREACH IN RUSSIA
AND IN THE WORLD IN THE 1H 2022. LEGAL PROBLEMS
OF INFORMATION SECURITY AND SOLUTIONS**

Annotation. The subject of the research is the legal problems of information security in Russia. The goal is to develop and test methods for solving identified legal problems related to the protection of confidential information, including personal data. The research hypothesis suggests that information security is highly dependent on global and domestic economic and political developments. The following methods were applied: formally legal, comparative legal analysis, diagnostic analysis. The regularity of the connection between data leakage and foreign policy and domestic economic processes is revealed. Conclusions: the current Russian legislation in the field of information security needs to be unified, to develop a new conceptual apparatus that meets modern realities, as well as to detail and specify existing terms and definitions. Areas of application of the results: in the theoretical realm, to improve realm of the protection of confidential information at the legislative level, in practical activities in

the processing of personal data and holding accountable for violations in the field of personal data processing.

Keywords: Law, Digital technologies, Information security, Confidential information breach, Data leakage, Incident, Personal data, Unauthorized access, Transfer of personal data

Стремительное развитие технологий, инновационные процессы, научные открытия оказывают огромное влияние на развитие общества. Характерной чертой указанных процессов является неуклонное наращивание производства и распространения информации. В современных реалиях ценность информации быстро повышается, что неизбежно ведет к увеличению различных угроз преступных и несанкционированных посягательств на информационную безопасность. Наиболее актуальной проблемой в информационном мире является нарушение безопасности информации ограниченного доступа. Повышенный спрос на обладание конфиденциальными сведениями и данными порождает рост предложений предоставления неправомерного доступа к ним на черном рынке. Под нарушением безопасности конфиденциальной информации (confidential information breach) понимается нарушение безопасности, приводящее к случайному или противозаконному уничтожению, потере, изменению, несанкционированному раскрытию или доступу к конфиденциальной информации [9]. Такое понятие официально используется в странах ЕС, но в России, к сожалению, не применяется. Однако во внутренних нормативно-правовых актах встречаются следующие формулировки: «утечка информации конфиденциального характера» [4], «утечка информации ограниченного доступа и персональных данных» [2]. Такой понятийный аппарат не отражает в полной мере все многообразие неправомерных действий, которым может подвергаться безопасность конфиденциальной информации. Например, в отношении персональных данных законодатель предлагает оперировать такой формулировкой, как «факт неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов персональных данных» [3]. При этом Роскомнадзор – уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных в России – на своем официальном сайте использует термин «утечки ПД» в разделе «инциденты» [5]. Автор полагает, что понятие «утечки ПД» и понятие «инциденты», во-первых, нетождественны, а во-вторых, должны использоваться в рамках более емкого и универсального понятия – «нарушение безопасности конфиденциальной информации».

Тем не менее, учитывая сложившуюся законотворческую практику России в сфере информационной безопасности, в рамках исследования настоящей статьи автор будет оперировать этими тремя терминами как тождественными.

Происходящие с начала 2022 г. политические и экономические драматические события очень сильно повлияли на формирование картины инцидентов нарушения безопасности конфиденциальной информации данных в мире и в России. На этом фоне очередной виток кибервойн спровоцировал всплеск кибератак и увеличение цены утечки персональных данных, коммерческой и государственной тайны, промышленных секретов, ноу-хау. Поэтому обеспечение безопасности конфиденциальной информации, выявление злоумышленников и предотвращение

инцидентов являются одними из самых актуальных задач для каждого государства в отдельности и мира в целом.

Учитывая вышесказанное, представляется актуальным провести анализ утечек данных за первое полугодие 2022 г. в России и мире. Экспертно-аналитический центр InfoWatch в своем отчете по итогам 2021 г. указывает, что «практически во всем мире примерно на 28 % произошло как снижение количества утечек, так и снижение количества скомпрометированных записей ПДн и платежной информации» [8]. Эксперты считают, что такие показатели были обусловлены комплексом факторов: «...рост латентности инцидентов (прежде всего внутреннего характера, т. е. по вине сотрудников), эффект от ранее внедренных DLP и других систем защиты, временное насыщение подпольного рынка данных (ДаркВеба), внимание этого рынка к обогащению ранее украденных баз данных, а также распространение вредоносного ПО, операторы которого в первую очередь нацеливаются не на кражу данных, а на их блокировку с целью получения выкупа» [7]. Ситуация кардинальным образом меняется в начале 2022 г., когда стал фиксироваться серьезный рост количества сообщений об инцидентах.

Эксперты аналитического центр InfoWatch указывают, что по итогам первой половины 2022 г. в мире зарегистрирована 2101 утечка информации ограниченного доступа, что почти в два раза (на 93,2 %) больше, чем за аналогичный период прошлого года. Количество утечек в России за первое полугодие 2022 г. составило 305 (+45,9 % по сравнению с I полугодием 2021 г.) [8]. Тем не менее в мире наблюдается тенденция к снижению утечек персональных данных и платежной информации. Так, за первые шесть месяцев 2022 г. в мире зафиксировано семь случаев утечки персональных данных, тогда как в первом полугодии 2021 г. таких инцидентов было десять, что на 27,8 % меньше единиц скомпрометированной информации. Но в России картина утечек персональных данных выглядит иначе. Количество инцидентов в первые шесть месяцев 2022 г. вырос в 16,75 раза и составил 187,6 млн записей [7].

Следует отметить, что переход на интернет-платформенное B2C взаимодействие принес много положительных изменений в коммерческие взаимоотношения между частными лицами и поставщиками. Так, для потребителей увеличился выбор товаров, работ и услуг, расширилась возможность приобретения по наиболее приемлемой цене, появился доступ 24/7 к рынку из любого места, при условии доступа к сети Интернет. Платформизация коммерческих взаимоотношений увеличила потребительскую аудиторию, что в свою очередь позитивным образом сказывается на прибыли бизнеса. Также благодаря интернет-платформам расширились способы и методы влияния на потребительский спрос через сбор и обработку сведений о предпочтениях и потребностях клиентов [1], составления «портрета» целевой аудитории на основе собранных и обработанных персональных данных. Повышенная коммерциализации персональных данных неизбежно приводит к увеличению их ценности и росту атак на их безопасность. Сказанное выше и разворачивающиеся драматические мировые и внутригосударственные события первой половины 2022 г. вполне объясняют, почему в этот период в России произошел всплеск утечки данных из российских компаний и госорганов, в их

числе: ОАО «РЖД», авиакомпания «Победа», телекоммуникационные компании «Ростелеком» и «ВымпелКом», информационный портал Ykt.ru, сервисы «Мир Тесен», Fotostrana.ru и Text.ru, развлекательный ресурс Pikabu, сервисы доставки «Яндекс.Еда», Delivery Club и 2 Berega, школа управления «Сколково», образовательный портал GeekBrains [7].

Далее представляется важным проанализировать виды нарушений, каналы и причины утечек информации в исследуемый период в сравнении с аналогичным периодом прошлого года в мире и России (см. табл.).

**Соотношение долей нарушений по разным каналам утечек:
Мир – Россия, I полугодие 2021 г. – I полугодие 2022 г. [1]**

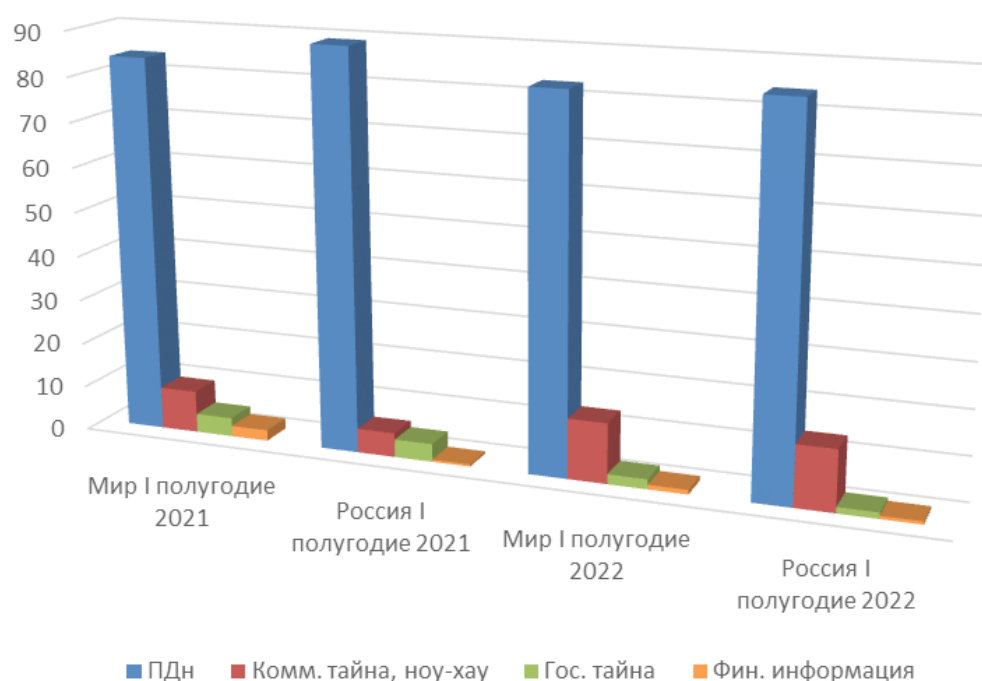
Вид нарушения	I полугодие 2021 г.		I полугодие 2022 г.	
	Мир, %	Россия, %	Мир, %	Россия, %
Внешние нарушители	60	21,5	90	81
Умышленные нарушения внешнего характера	83,2	86,4	97	96,3
Умышленные нарушения внутреннего характера	57,4	81,4	67	75,5

Как видно, доля инцидентов, спровоцированных действиями внешних нарушителей, в мире выросла на 30 %, а в России – почти на 60 %. Рост хакерских активностей вполне ожидаем. Одновременно с этим в мире поднялась доля умышленных нарушений внутреннего характера, тогда как в России эта доля упала примерно на 6 %.

Естественно, что в условиях повышенной хакерской активности и роста латентности внутренних нарушений самым распространенным каналом утечки данных является сеть Интернет. Второе место поделили электронная почта и сервисы мгновенных сообщений (IM). Доля бумажных носителей в этом антирейтинге резко упала.

Что же касается типов информации, наиболее подверженным неправомерным действиям, то картина в исследуемом периоде и в России, и в мире выглядит примерно одинаково: доминирующая доля принадлежит традиционно персональным данным, резко вырос процент утечек в промышленности и в сегменте «Торговля и HoReCa» (торговля и гостинично-ресторанный бизнес), тогда как в финансовом сегменте и госсекторе доля инцидентов нарушения безопасности данных немного снизилась, наблюдается также существенное снижение процента утечек в муниципальных органах власти и организациях.

Анализируя тенденцию спроса на конфиденциальную информацию, можно сделать следующие выводы. Снижение доли утечек персональных данных и рост утечек коммерческих секретов спровоцирован борьбой хакеров за сведения экономического характера, за государственные и оборонные секреты, ценные производственные сведения, клиентские базы торговых компаний, сетей отелей и общепита. И все-таки и в мире, и в России преобладающим типом информации на карте утечек информации остаются персональные данные: более 80 % от всех утечек (см. рис.) [7].

**Распределение утечек по типам данных: Мир – Россия,
I полугодие 2021 г. – I полугодие 2022 г.**

Анализ данных об инцидентах нарушения безопасности информации показывает, насколько сильно зависит этот сегмент информационных технологий от экономических и политических событий как в мире, так и внутри государства. «Интенсификация кибератак, развязывание новых кибервойн, широкое распространение хакерских инструментов и повышение значимости информации в мире, а также стремление ее использовать как инструмент шантажа, экономического и политического давления – все это привело к всплеску утечек, вызванных внешним воздействием» [7]. В России очень остро стоит вопрос обеспечения безопасности персональных данных на государственном уровне. Так, эксперты центра InfoWatch на основе анализа сообщений о продаже данных на теневых и «полутеневых» ресурсах, таких как форумы в ДаркВебе, а также в закрытых, анонимных Telegram-каналах пришли к выводу о процветании сегмента предоставления неправомерного доступа к персональным данным: «...ежедневно на подпольных форумах появляются десятки объявлений о продаже свежих баз данных, также злоумышленники предлагают (зачастую бесплатно или за символически деньги) базы из утечек прошлых лет» [8]. Надо отдать должное, на законодательном уровне регулярно предпринимаются шаги по усилению и расширению мер по защите персональных данных, ужесточению административной и уголовной ответственности за нарушение установленных правил обработки персональных данных. Например, Федеральным законом от 14.07.2022 № 266-ФЗ внесены масштабные изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Вступившие с 1 сентября 2022 г. в силу новеллы затрагивают весь порядок работы с персональными данными: от согласия на обработку персональных дан-

ных и уведомления об инцидентах Роскомнадзора, ГосСопки до правил трансграничной передачи персональных данных, прекращения обработки персональных данных. За нарушение новых требований предусмотрена не только административная, но и уголовная ответственность (ст. 13.11, 13.12 и 19.7 КоАП РФ, ст. 137 и 272 УК РФ). Однако принятые новые меры не смогут помочь решить в должном объеме проблему защиты персональных данных от неправомерных действий, так как на законодательном уровне нет единого понимания понятийного аппарата. Как отмечалось выше, в российском законодательстве отсутствует целый ряд понятий: «утечка персональных данных», «утечка конфиденциальной информации», «инциденты нарушения безопасности конфиденциальной информации», «нарушение безопасности конфиденциальной информации», «инциденты нарушения безопасности персональных данных», «нарушение безопасности персональных данных» и др. Таким образом, без точной и ясной, закреплённой на высшем уровне правовой трактовки указанных терминов и понятий, которые будут использоваться в законодательных и иных нормативно-правовых документах, невозможно их практическое применение, единообразная и корректная квалификация правонарушений [6] в данной сфере, выработка универсальных стратегий по предотвращению инцидентов нарушения безопасности персональных данных и единых алгоритмов действий при обнаружении утечек (нарушения безопасности информации).

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что действующее законодательство в области информационной безопасности нуждается в унификации, выработке нового, отвечающего современным реалиям понятийного аппарата, а также в детализации и конкретизации существующих терминов и определений. Перечисленные шаги будут способствовать единому пониманию правовых норм всеми участниками правоотношений в сфере информационных технологий, защиты конфиденциальной информации, обработки персональных данных и т. п., а также ясному и прозрачному их толкованию, что, несомненно, благотворно отразится на справедливой квалификации незаконных деяний в данной области и применении адекватных мер воздействия к злоумышленникам.

Список литературы

1. Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 11.09.2022).
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 11.09.2022).
4. Рекомендации в области стандартизации Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Предотвращение утечек информации» РС БР ИББС-2.9-2016: Приказ Банка России от 11.04.2016 № ОД-1205 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197141/a5757a9d6b1316502aff9e53eb7d8ecb10690e96/ (дата обращения: 11.09.2022).

5. Роскомнадзор. Уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов персональных данных. URL: <https://pd.rkn.gov.ru/incidents/> (дата обращения: 12.09.2022).

6. Черкасов В. Н. Информационная безопасность. Правовые проблемы и пути их решения // Информационная безопасность регионов. 2007. № 1 (1). С. 6–14.

7. Экспертно-аналитический центр InfoWatch. Отчет об исследовании утечек информации ограниченного доступа в I половине 2022 года. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/otchyot-ob-utechkakh-dannykh-za-1-polugodie-2022-goda> (дата обращения: 11.09.2022).

8. Экспертно-аналитический центр InfoWatch. Отчет об исследовании утечек информации ограниченного доступа в 2021 году. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/v-2021-stalo-bolshe-umyshlennykh-utechek> (дата обращения: 11.09.2022).

9. Guidelines 01/2021 on Examples regarding Data Breach Notification. 2021, January. URL: https://edpb.europa.eu/sites/default/files/consultation/edpb_guidelines_202101_databreachnotificationexamples_v1_en.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

Н. С. Золотарев,

аспирант,

Московский финансово-юридический университет

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Аннотация. Движение жизни вперед выводит нас на качественно новые уровни, назначение которых – улучшение условий существования людей. Одно из таких качественных изменений – цифровизация, проникающая во все сферы: экономику, культуру и право. В российской экономико-правовой сфере цифровизация – обстоятельство сравнительно «новое». Хотя между государственно-частным партнерством и «цифровыми» экономикой с правом существуют достаточно большие «дистанции», представляется, что цифровизация различных сфер общественной жизни «нуждается» в значительных инвестиционных вложениях, а разумное и эффективное распределение вложенных средств должно осуществляться с участием государства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровое право, государственно-частное партнерство

DIGITAL ECONOMY, DIGITAL LAW AND PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS

Abstract. The movement of life forward brings us to qualitatively new levels, the purpose of which is to improve the living conditions of people. One of such qualitative changes is digitalization, “penetrating” into all areas – economy, culture and law. In the

Russian economic and legal sphere, digitalization is a relatively “new” circumstance. Although there are fairly large “distances” between public-private partnerships and “digital” economies, it seems that the digitalization of various spheres of public life “needs” significant investment, and a reasonable and efficient distribution of invested funds should be carried out with the participation of the state.

Keywords: digitalization, digital economy, digital law, public-private partnership

Время не стоит на месте. Окружающая нас реальность (естественная, техническая, общественная) подвержена постоянным изменениям, эволюционированию.

Формирование новейшей общественной и экономической трансформации необходимо приспособить к изменениям в устоявшуюся систему отношений между человеком, хозяйствующим субъектом и государством.

Каждая из сфер (естественная, общественная (а в ней – экономическая, правовая)) развивается особым, присущим только этой сфере образом.

Поскольку цифровизация – явление хотя и неизбежное, но относительно «новое», его еще сравнительно долго предстоит «адаптировать» к сегодняшним реалиям нашего общества и государства, следовательно, объектом повышенного внимания среди ученых-практиков она будет оставаться еще немалое время. Очень важно, чтобы исследования отечественных специалистов в рассматриваемой области были направлены как на изучение опыта других стран (что сегодня преимущественно делается), но и в большей степени на внедрение цифровизации в сферы деятельности российского общества с обязательным учетом специфики и имеющихся проблем.

Именно этим вызвана актуальность настоящей статьи.

Экономика и право самостоятельны в общих рамках государственных интересов. Их соотношение постоянно изменяется, сообразно с течением времени. Право, внося в экономическую жизнь определенную организованность, как правило, «отстает» от экономических перемен. Пожалуй, исключением можно назвать лихие девяностые – период, начало которого в России ознаменовалось одновременным сломом старого как в экономике, так и в праве и «неуклюжими» попытками построить новое, причем «принципиально новое» – экономической основой вместо государственной стала частная собственность, до этого отвергаемая на высшем законодательном уровне и подвергавшаяся нещадной критике. Соответственно, потребовалось и коренное изменение права, в первую очередь права гражданского, регулирующего имущественные отношения с принципиально новым подходом. Появилась новая сфера деятельности – предпринимательство и новая социальная прослойка населения – предприниматели. Именно они должны были стать «новым социальным классом» «новой» России [6. С. 12].

Однако игнорирование такого важного обстоятельства, как отсутствие правильного воспитания и правовой культуры у населения и руководства страны, привело отнюдь не к тем результатам, ради которых начинались разного рода перестройки. Главный же принцип правового регулирования в сфере имущественно-договорных и обязательственных отношений – «разрешено все, что прямо не запрещено законом» значительно усугубил ситуацию.

Одновременные преобразования как в экономике (основе), так и в праве (регуляторе) [право не входит в «надстройку», в отличие, например, от культуры, политики и пр., а является «регулятором всего», в том числе и экономического базиса] привели к своего рода хаосу в экономике и неразберихе в праве, усугубленным отсутствием правовой и экономической грамотности у населения России того времени.

Поэтому право должно «неотрывно» «следовать» за экономикой, «отставая» при этом от нее на полшага.

Технологии как раз и являются «двигателем» окружающей нас действительности. Вспомним, что в период до 1917 г. Россия была преимущественно аграрной страной, до середины восьмидесятых годов прошлого столетия – страной индустриальной, с преимуществом развития тяжелой индустрии. И только в так называемые лихие девяностые экономика нашей страны стала «менять ориентацию» от «тяжелоиндустриальной» к информационной (хотя первые ЭВМ (их прообразы) действовали в СССР еще на рубеже 50-х–60-х гг. прошлого столетия).

Во второй половине 90-х гг. XX в. в России начал понемногу функционировать интернет, причем в 1999 г. его довольно осторожно (на официальном уровне) относили к средствам массовой информации.

Таким образом, все три сферы: технологическая, экономическая и юридическая (правовая) – неразрывно связаны друг с другом.

Сфера технологий – «жизненный двигатель» – обладает большей самостоятельностью, хотя и она в значительной степени зависит от экономики и права.

Экономическая сфера «регулирует» среду обитания и жизнедеятельности индивидов; правовая сфера – совокупность правил реализации имеющихся у индивидов прав и обязанностей.

Качественные изменения, прежде всего в сфере технологий, «открывают» «новые» сферы, в нашем случае цифровизацию.

Цифровизация (в самом общем понимании) – это «использование цифровых технологий для изменения бизнес-модели и предоставления новых возможностей для получения доходов и создания ценности; это процесс перехода к цифровому бизнесу» [3. С. 79].

Цифровая экономика – экономика принципиально нового характера, при котором данные – «независимая экономическая единица». Соответственно, способы (как мы создаем, передаем, собираем, храним данные, защищаем их и анализируем и принимаем решения на основе этих данных) также носят принципиально новый характер. Цель внедрения таких новаций – сделать процессы управления и экономику нашей страны более эффективными и в конечном счете улучшить качество жизни населения.

В свою очередь, цифровое право – системная структура общеобязательных правил поведения, которая существует в сфере использования цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и/или применением цифровых технологий.

Система регулирования цифровых отношений должна функционировать с учетом анализа проблем и особенностей реализации способов защиты гражданских прав в эпоху развития цифровизации [8. С. 1].

Цифровизация различных отраслей промышленности и иных отраслей – катализатор роста показателей экономической эффективности [4. С. 41], соответственно, развитие цифрового права должно происходить в следующих двух направлениях:

- 1) путем формирования совокупности нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые отношения;
- 2) путем внедрения норм, регулирующих цифровые отношения в отрасли права (информационное, гражданское, предпринимательское и др.) [7. С. 21].

Мировой экономический кризис XXI в. предъявляет новые требования к раскрытию и взаимосвязи экономики и права: причины здесь различны – как объективного характера (экономические), так и характера субъективного (в первую очередь правовые).

Проведенные в различных социально-экономических сферах исследования показывают, что государство в настоящее время находится на стадии разработки эффективных механизмов государственно-частного партнерства и улучшения инвестиционного климата [5. С. 4].

Всегда актуальна проблема экономии бюджетных средств и повышения качества предоставления государственных услуг. Практика последнего десятилетия XX в. и прошедших двух десятилетий XXI в. показала, что реализация задуманных актуальных проектов нуждается, в частности, в применении механизма государственно-частных партнерств.

Одной стороной в проектах, реализуемых в форме государственно-частного партнерства, выступает государство; другой стороной выступают любые представители частного бизнеса, заинтересованные в реализации проекта (инвесторы, кредитные организации, инвестиционные фонды, консультанты).

Участие публично-административного субъекта в государственно-частных партнерствах подчиняется правилам, вытекающим из ст. 125 ГК РФ. В случаях и в порядке, предусмотренных соответствующими нормативными актами по специальному поручению Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, от их имени могут выступать юридические лица и граждане.

В отношениях, реализуемых в сфере государственно-частного партнерства, объектами выступают транспортная инфраструктура (автомобильные, железные дороги); объекты социального назначения (больницы, школы, учреждения высшего образования, санатории, пансионаты); памятники культуры и искусства (музеи, театры), о чем говорится в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ (в ред. от 30.06.2008) «О концессионных соглашениях», где прямо указано, что объектом таких соглашений является недвижимое имущество, а в ст. 4 данного Закона (в ред. от 02.07.2010 № 152-ФЗ) эти объекты перечислены. К ним относятся: автомобильные дороги, защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, объекты дорожного сервиса; объекты железнодорожного транспорта; объекты трубопроводного транспорта; морские и речные порты, в том числе искусственные земельные участки, гидротехнические сооружения портов, объекты их производственной и инженерной инфраструктур и др.

Подытоживая изложенное выше, хотелось бы констатировать следующее. Объявленный в 1990 г. «переход на регулируемую рыночную экономику» и создание нового социального класса людей – предпринимателей – привел вовсе не к такому высокому и благому результату, который задумывался тогдашним руководством СССР (что подтвердилось последующим развитием событий). Позитивные результаты тоже были, но они были поглощены негативными. Благие цели – улучшение производства товаров народного потребления для насыщения ими рынка и в конечном итоге поднятия благосостояния населения – достигнуты не были – производство собственной продукции сворачивалось, уступая место на рынке импортным товарам, превращая нашу страну в сырьевого донора для так называемого цивилизованного мира.

Цель государственно-частного партнерства – формирование системы взаимоотношений, обеспечивающей и гарантирующей будущее социально-экономической системы на макроуровне. Усилия государственно-частного партнерства должны направляться на изменения, которые обеспечивают рациональное сочетание свободной конкуренции с мерами государственного регулирования. При этом возможным и желаемым результатом будет привлечение значительных инвестиций в национальную экономику стран, которые создают этот механизм, на средне- и долгосрочной основе, что в свою очередь позволит совершить качественный скачок в ее развитии.

Таким образом, в результате цифровизации наметились следующие тенденции в правовой сфере, связанные в том числе с функционированием института государственно-частного партнерства:

- Прогресс в сфере информационных технологий является ключевым в современную постиндустриальную эпоху.
- Цифровизация в настоящее время пронизывает все общественные и государственные сферы, проникая все глубже.
- Цифровизация экономики закономерно повлекла за собой создание принципиально новой правовой отрасли цифрового права.

В настоящее время реализация государственных проектов происходит на основе совместной деятельности с частным бизнесом, государственно-частное партнерство – наиболее приемлемая для нее форма.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru>
2. Гражданский кодекс РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Бабаев А. Б., Егорушкина Т. Н. «Цифровая» экономика как ключевой фактор нового технологического уклада: перспективы перехода // European Scientific Conference: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. 2019.
4. Ивардава Л. И. Изменение сферы и пределов правового регулирования в условиях цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2019. № 1.

5. Луганский Д. Н. Роль механизмов ГЧП в инновационном развитии «цифровой экономики» // Инновации и инвестиции. 2019. № 3.
6. Хозяйственное право / под ред. В. С. Мартемьянова. Москва: БЕК, 1994. Т. 1.
7. Цифровое право: учебник / под общ ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва: Проспект, 2022.
8. Юзефович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12.

В. И. Ивакин,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Аннотация. Данная работа посвящена цифровым технологиям и муниципальному праву как одной из важнейших отраслей отечественной юриспруденции. Целью научного труда является дальнейшее исследование соотношений предмета обозначенной отрасли права и указанных современных технологий. Исходя из целевой установки, автор в настоящей статье анализирует методы применения данных технологий, их роль в функционировании органов местного самоуправления. Также для раскрытия темы исследовались нормативные акты, принимаемые как на федеральном уровне, так и непосредственно на уровне муниципальных образований, которыми регулируется применение обозначенных технологий. Проанализированы, кроме того, соответствующие муниципально-правовые отношения, где задействованы цифровые технологии. Среди них, например, муниципальная служба. В целом работа дает необходимое и ясное представление о порядке применения цифровых технологий в муниципальном праве как отрасли российского права.

Ключевые слова: цифровые технологии, муниципальное право, местное самоуправление, интернет, сайт, сведения, информация

DIGITAL TECHNOLOGIES AND MUNICIPAL LAW

Abstract. This work is devoted to digital technologies and municipal law as one of the most important branches of domestic jurisprudence. The purpose of the scientific work is to further study the relationship between the subject of the designated branch of law and the specified modern technologies. Based on the target setting, the author in this work analyzes the methods of application of these technologies, their role in the functioning of local governments. Also, in order to disclose the topic, regulatory acts adopted both at the federal level and directly and at the level of municipalities, which regulate the use of these technologies, were studied. In addition, the relevant municipal-legal relations where digital technologies are involved are analyzed. Among them, for example, the municipal service. In general, the work gives the necessary and clear idea of the procedure for the use of digital technologies in municipal law as a branch of Russian law.

Keywords: Digital technologies, Municipal law, Local government, Internet, Website, Information, Information

Введение. В настоящее время, в век цифровизации, цифровые технологии играют огромное значение для развития всей системы права. Не является исключением и российское муниципальное право [2. С. 10]. В связи с этим рассмотрим некоторые вопросы взаимоотношения двух названных категорий, как они взаимодействуют и как в связи с этим происходит регулирование общественных отношений на местном уровне, где действует муниципальное право.

Основная часть. Для раскрытия указанного вопроса необходимо обратиться не только непосредственно к правовым нормам данной отрасли права, но и к практике применения информационных технологий на местном уровне, т. е. на уровне муниципалитетов. Первоначально отметим, что отношения, связанные с цифровизацией в России, регулируются различными правовыми актами. Среди них, в частности, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», последние изменения в который были внесены 14 июля 2022 г. [5]. Здесь также необходимо назвать Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [6], который регулирует вопросы доступа к информации, связанной с работой не только соответствующих структур государства, но и муниципальных образований. Последние дополнения в данный акт внесены также 14 июля 2022 г.

Далее обратимся, например, к сайту любого муниципального образования. Будет наглядно видна картина положения указанной структуры. Раньше такое, конечно, представить было невозможно. Ранее, для того чтобы получить информацию, необходимо было либо звонить в указанное учреждение, либо обратиться к газетам или иным источникам. Итак, например, откроем страницу сайта такого муниципального образования, как Ивонский сельский совет (<https://ss07.rmorshansk.ru/>), что расположен на территории Центрального федерального округа, в одной из его областей, а именно Тамбовской области. Из него видно, что сайт действует, работает и является источником получения всей необходимой официальной информации. А именно, из него видна информация, например, о Совете народных депутатов (СНД) указанного муниципального образования (МО). Однако найти конкретную информацию, кто является депутатом сельского совета, не удалось – здесь не перечислены фамилии, поскольку сайт показывает, что данная страница не найдена. Но, по-видимому, вскоре заполнится, поскольку, возможно, и на территории рассматриваемого территориального образования 11 сентября 2022 г. прошли выборы муниципальных депутатов. Тогда возвращаемся снова на главную страницу. И здесь структура совета тоже не заполнена и появляется надпись, что произошла ошибка. Однако информация о постоянных комиссиях на сайте имеется. Например, открываем состав такой постоянной комиссии данного СНД, как постоянная комиссия по бюджету, социальным вопросам и налогообложению. Читаем фамилию председателя комиссии и членов комиссии. Также информация имеется о председателе и членах другой постоянной комиссии, а именно постоян-

ной комиссии и по вопросам местного самоуправления. Других комиссий в составе совета народных депутатов не обнаружено, т. е. здесь, в этом муниципальном образовании, работают две постоянные комиссии. При этом видно, что решения о составе указанных комиссий приняты 1 апреля 2008 г. На сайте также опубликованы положения о данных постоянных комиссиях от 1 марта 2011 г. Этот документ, т. е. положение, состоит из трех глав и 26 статей. И любой желающий, включая специалистов муниципального права, где бы они ни находились, на любой территории РФ или за рубежом может ознакомиться с этим документом, проанализировать его, сравнить с аналогичными актами других муниципальных образований и сделать соответствующие выводы. И все это благодаря современным цифровым технологиям, благодаря, в частности, интернету. Так, из указанного документа, которым является положение 2011 г., видно, что в соответствии с Уставом данного образования совет избирает из числа депутатов на срок своих полномочий постоянные комиссии. Последние необходимы для того, чтобы предварительно рассмотреть и подготовить вопросы, которые относятся к ведению СНД. В соответствии со ст. 2 обозначенного источника совет образует две комиссии. В то же время в случае необходимости могут быть созданы и другие комиссии. Отсюда видно, что благодаря цифровым технологиям можно познакомиться с работой постоянных комиссий любого муниципального образования страны, увидеть их состав, положения о них, характер их деятельности.

В колонке «Решения совета» можно найти соответствующие решения, принятые советом в период с 2017 по 2022 г. Обратимся к наиболее свежим. Так, видно, что опубликовано за восемь месяцев текущего 2022 г. 17 решений. В том числе решение от 23 июня 2022 г. Указанный акт имеет номер 216. Данным решением утвержден порядок размещения в интернете на официальном сайте рассматриваемого органа местного самоуправления, а также предоставления в связи с опубликованием СМИ определенных сведений. А именно сведений, связанных с доходами, расходами, имуществом и обязательствами, имеющими имущественный характер, которые должны предоставлять лица, занимающие должности в данном муниципальном образовании, точнее замещающими муниципальные должности. Либо замещающие должности в органах местной власти. Кроме того, в документе идет речь и о порядке предоставления указанных сведений теми лицами, которые замещают должности руководителей учреждений муниципалитета данного совета. Названное решение принято на основании соответствующих федеральных законов. А именно Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], регулирующего отношения, точнее, устанавливающего общие принципы, общие начала в области местного самоуправления и Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9], направленного на борьбу с обозначенным явлением. В связи с этим указанным решением признаны утратившими силу аналогичное решение данного совета, принятое в 2014 г., решение за 2015 г., связанное с внесением изменений в указанный акт, и два решения за 2021 г. Согласно п. 3 анализируемого источника, изданного обозначенным муниципальным образованием, указанное

действующее решение опубликовано в печатном средстве массовой информации, а именно издаваемом вестнике, и размещено на сайте. Контроль за исполнением указанного решения возложен на постоянную комиссию, занимающуюся вопросами местного самоуправления. В соответствии с п. 1 анализируемого решения установлены обязанности органов самоуправления данного совета по размещению вышеназванных сведений. Причем, как записано в этой норме, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет должны быть опубликованы сведения о доходах и другие указанные сведения не только, например, лиц, замещающих муниципальные должности, но и их супругов и несовершеннолетних детей, за исключением определенных случаев. То есть данная норма закреплена на основании федерального законодательства. В решении сказано, что такими сведениями является информация о недвижимом имуществе, где указываются площадь, вид и государства, в которых такие объекты расположены. В сети Интернет публикуются, кроме того, сведения о доходах служащего и его семьи, о транспортных средствах, находящихся в собственности указанных лиц. В этих сведениях указывается вид транспортных средств и марка, а также сведения об источниках, за счет которых приобретены, например, земельный участок, транспортное средство, ценные бумаги. Или паи в уставном капитале организации, либо цифровых финансовых активов или цифровой валюты, в случае превышения расходов над доходами служащего за последние три года, который предшествует отчетному. Указанные сведения на официальном сайте размещаются согласно определенной форме и приводятся в приложениях.

В то же время, в соответствии с п. 4 указанного Порядка, на сайте данного СНД запрещается указывать ряд сведений. В частности, иные сведения о доходах служащих и их несовершеннолетних детей. Запрещается указывать персональные данные, а именно фамилию, имя, отчество, год рождения и т. д. супруга, детей либо иных членов семьи того или иного служащего. Запрещается, кроме того, указывать сведения, которые позволят определять место, где проживают указанные лица, их телефоны и другие сведения о средствах коммуникации, например электронную почту. Введен запрет на публикацию на сайте указанного муниципального образования и данных, которые позволяют определять местонахождение недвижимости, принадлежащей указанным лицам. Отсюда видно, что информационные технологии непосредственно способствуют выполнению законов, направленных против коррупции.

На официальном сайте рассматриваемого сельского совета имеется и другая информация. В частности, отчет об исполнении бюджета за шесть месяцев текущего, 2022 г., аналогичный отчет за 2021 г. Интересна колонка, посвященная работе с гражданами. Так, здесь имеется график приема граждан, который утвержден соответствующим распоряжением. Конечно, это очень удобно, поскольку сейчас каждый имеет компьютер, телефон, ноутбук и всегда в случае необходимости может посмотреть график работы администрации муниципального образования. В свою очередь, из указанного графика видно, что прием осуществляется не только главой сельсовета, но и его заместителем. Отдельный график приема по личным вопросам, который утвержден 27 октября 2020 г. распоряжением главы № 10-р.

Интерес представляет и графа о публичных слушаниях. При скачивании информации видно, что речь идет о вопросах межевания на территории рассматриваемого муниципального образования в связи с проектированием водопроводной сети. К проекту межевания имеется соответствующая пояснительная записка, включающая общие сведения, чертеж межевания и другую информацию. На сайте данного органа местного самоуправления можно найти и другую информацию. Так, можно обратиться за помощью к виртуальному помощнику по налоговым вопросам. На сайте размещено также уведомление о том, что начата разработка проекта теплоснабжения. Все это направлено на улучшение жизни населения данной территории.

Представляет интерес сайта и колонка, связанная с кадровым обеспечением на территории указанного муниципального образования. Так, имеется информация о квалификационных требованиях, для того чтобы замещать ту или иную должность в совете. Указанные требования утверждены соответствующим решением. Но в настоящее время вакантных должностей не имеется.

Большой массив информации посвящен персональным данным. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [8] администрацией совета утверждено соответствующее постановление за номером 72. На основании данного документа установлен порядок доступа в помещения автоматизированной системы, а также требования к самим помещениям.

Благодаря цифровым технологиям, в свою очередь, можно ознакомиться, например, с составом депутатов района, куда входит и рассматриваемое нами сельское муниципальное образование, а именно Моршанского района Тамбовской области. Из сайта <https://rmorshansk.ru/> администрации этой территориальной единицы видно, что в большинстве случаев депутатами названного районного совета избраны главы сельских администраций. Депутатом районного совета является и глава рассматриваемой нами сельской администрации. Кроме того, в числе депутатов есть также пенсионеры, начальник лесничества, директора средних школ, председатель районного СНД, учитель, руководитель филиала средней школы, начальник производственного участка, начальник отдела Россельхозцентра, глава крестьянского фермерского хозяйства, воспитатель детского сада, директор агрофирмы, участковый врач-терапевт. Практически все депутаты, за некоторым исключением, имеют высшее образование.

Отсюда видно, что деятельность муниципальных структур, муниципальных органов власти и применение цифровых технологий регулируют различные нормативные акты, представляющие собой в целом муниципальное право. Кроме указанных, среди них особое место занимают международные договоры, соглашения, хартии. Причем все они должны быть ратифицированы Российской Федерацией. Важное место в системе пирамиды источников отводится Конституции РФ 1993 г. К муниципальному праву непосредственно относится гл. 8 Основного Закона, состоящая из нескольких статей. Значимая роль отведена в числе источников права муниципального также федеральным конституционным законам, однако непосредственно законов, полностью охватывающих данные отношения в стране, до настоящего времени не принято. Тем не менее многие акты такого уровня затрагивают рассматриваемые

отношения. Следующим уровнем, как указывалось, являются федеральные законы. Среди них непосредственно Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ определяет основные начала местного самоуправления. Последние изменения в этот акт внесены 30 декабря 2021 г. Важное значение имеют также другие аналогичные документы. К источникам данной отрасли следует отнести различные кодексы страны, имеющие статус федеральных законов. Среди них такие, как Бюджетный, Земельный, Лесной, Градостроительный и другие кодифицированные декреты.

В качестве источников, регулирующих цифровые отношения в муниципальных образованиях, следует назвать и постановления Правительства РФ.

Источниками данной отрасли являются, кроме того, также акты, принимаемые в субъектах РФ, где определенное место отведено регулированию муниципальных отношений. А это не только вопросы, связанные с цифровыми технологиями, но и жилищно-коммунальным комплексом, культурой, средствами массовой информации, юридической ответственностью [3. С. 7–15]. Среди них – Конституции и уставы субъектов РФ.

В то же время необходимо отметить: анализ, например, новейших учебников по муниципальному праву, которые использовались при подготовке данной работы [4], показал, что, практически ни в одном из них не выделен параграф, не говоря уже о главе, посвященный применению информационных технологий в системе органов местного самоуправления. Это есть свидетельство того, что до конца не осознаны феномен применения названного технического метода информации и его роль в управлении обществом и государством. До конца не осознано место вычислительной техники в решении вопросов местного значения, к которым относятся экология, образование, здравоохранение и т. д. Хотя, конечно, немало научных трудов, в том числе в области государственного и общественного управления, затрагивающих информационные технологии и муниципального уровня, написано в последнее время. Среди них, в частности, фундаментальное монографическое исследование, подготовленное учеными МГЮА [1].

Заключение. Заканчивая на этом рассмотрение вопроса, связанного с цифровыми технологиями и муниципальным правом, отметим в целом, что требуется и далее их тесное взаимодействие, которое будет способствовать развитию данных явлений, которые необходимы для развития как политических, так деловых, включая зарубежные [10. С. 14–24] и общественных связей. В случае необходимости должны приниматься соответствующие правовые акты, регулирующие данные отношения. Причем веское слово здесь должны сказать и представители научного сообщества, специалисты как муниципального права, так и цифровых технологий, чтобы их совместная деятельность приносила эффективные результаты.

Список литературы

1. Зубарев С. М., Лебедева Е. А., Сабаева С. В., Сладкова А. В. Цифровые технологии в системе государственного и общественного контроля: теоретико-правовые аспекты: монография / отв. ред. С. М. Зубарев. Москва: Проспект, 2022. 184 с.
2. Ивакин В. И. Основы муниципального права. Лекция. Москва: Глебов и К, 2022. С. 10.

3. Ивакин В. И. Библиография юридической ответственности за экологические правонарушения (1880–2020 гг.). Москва: ООО «Агентство «Пресса», 2022. С. 7–15.
4. Муниципальное право России: учебник / К. К. Гасанов, Ю. Г. Бабаева, В. Н. Белоновский и др.; под науч. ред. Б. С. Эбзеева, К. К. Гасанова. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Юнити, 2021. 424 с.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448; 2022. № 29 (часть III). Ст. 5292.
6. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
8. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
9. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек. № 266.
10. Becker L. Nachhaltiges Business Development Management Strategien für die Transformation // Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. Pp. 14–24.

Д. А. Казанцев,
кандидат юридических наук,
руководитель Департамента нормативно-правового регулирования
электронной торговой площадки B2B-Center,
Центр развития экономики

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЗАКУПОК И ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация. Конкурентные закупки в I четверти XXI в. прошли большой путь внедрения цифровых технологий – от экспериментального использования электронной формы для выбора поставщика до сквозной автоматизации закупочных процессов. Сейчас мы находимся на пороге принципиальной трансформации: отдельные решения в закупочном процессе де-факто начинают принимать программно-аппаратный комплекс на основе обработки больших данных. Однако такая трансформация ставит перед юридической наукой вопрос о том, может ли робот рассматриваться в качестве субъекта правоотношения.

Ключевые слова: закупки, электронная форма, цифровизация, автоматизация, робот, договор, сделка, субъект права

AUTOMATION OF PURCHASING AND ISSUES OF LEGAL PERSONNESS

Abstract. In competitive procurement in the first quarter of XXI, a lot of work has been done on the introduction of digital technologies. Yesterday, electronic vendor

selection platforms were an experimental technology. Today, customers use source-to-pay automation of procurement processes. We are on the verge of a fundamental transformation: some decisions in the procurement process are starting to be made by a robot based on big data. This raises the question for legal science: can a robot be the subject of a legal relationship?

Keywords: Procurement, Electronic form, Digitalization, Automation, Robot, Contract, Transaction, Subject of law

Использование информационных технологий сегодня у всех на слуху. Едва ли ИТ может стать панацеей ото всех проблем современности. Но закупки являются как раз той сферой, в которой эти технологии могут привести к качественному повышению эффективности работы. На примере электронных конкурентных закупок мы можем исследовать как эффективное внедрение цифровых технологий в хозяйственную деятельность, так и те вопросы, которые такой синтез бизнеса и цифровых технологий ставит перед юридической наукой.

В России сперва коммерческие, а затем и государственные закупки в XXI в. уже прошли большой путь по поэтапному внедрению электронных технологий. Иногда электронные технологии в закупках становились данью моде, но чаще прикладным инструментом. Для того чтобы спрогнозировать будущее цифровых технологий в этой важной сфере, необходимо, по крайней мере в общих чертах, проанализировать этот путь.

Закупки в электронной форме. Первым шагом на пути использования цифровых технологий в закупках стало сперва экспериментальное, а затем и повсеместное внедрение электронной формы конкурентной закупки. Конкурентную закупку в электронной форме можно определить как процедуру конкурентного выбора поставщика (подрядчика, исполнителя), в рамках которой все отношения между организатором и участниками закупки, в том числе обмен информацией, юридически значимый документооборот и соревнование предложений в режиме реального времени, реализуются в сети Интернет. Иными словами, вся закупка проходит без офлайн-контактов и обмена бумажными документами. Разумеется, все это невозможно без нулевого шага в виде внедрения хозяйствующими субъектами электронного документооборота. Но этот интереснейший вопрос находится за рамками тематики данной статьи.

Первые электронные конкурентные закупки стали проводиться негосударственными заказчиками в 2002 г., а к концу десятилетия электронные аукционы были введены и для государственных заказчиков [1. Гл. 3.1]. И хотя широкий спектр инструментария электронных закупок не ограничивается лишь аукционом, но сам по себе этот шаг стал важнейшей вехой признания электронных закупочных технологий. Положительные последствия применения электронных закупок в государственном секторе примерно в то же время были отмечены и в зарубежных исследованиях [2. С. 6–7]. Таким образом, электронная форма во II десятилетии является нормой и для государственных, и для коммерческих закупок.

Электронные конкурентные закупки и формата B2B (business-to-business), и формата B2G (business-to-government) проводились и проводятся на электронных торговых площадках. Функциональность этих площадок постоянно развивается. Однако ключевая задача – это обеспечение прозрачного и конкурентного выбора поставщика. Иными словами, центральный вопрос электронной формы закупки сводится к обеспечению использования цифровых технологий в комплексе бизнес-процессов, начинающихся объявлением конкурентной закупки и заканчивающихся объявлением победителя этой закупки. Хотя сегодня электронные торговые площадки предоставляют своим пользователям и дополнительные опции (например, возможность заключения договора в электронной форме), ключевой их задачи это не изменяет.

Однако на деле комплекс закупочных бизнес-процессов куда обширнее, чем объявление и проведение закупки. Он начинается с обоснования потребности, ее формализации потребности и включения в план закупочной работы, а заканчивается приемкой поставленной продукции, ее включением в производственно-хозяйственную деятельность заказчика и анализом эффективности приобретенной продукции. И внедрение электронных технологий в полную совокупность этих отношений требует следующего шага. Условно назовем его цифровизацией.

Цифровизация закупочной работы. Цифровизация закупок – это перевод закупочных бизнес-процессов в электронную форму. Такая трансформация требует создания специализированного портала, обеспечивающего прохождение бизнес-процессов в цифровой среде, в том числе обмен необходимой информацией, формирование юридически значимых документов, фиксация решений и т. д.

Цель такой трансформации – повышение качества закупок при одновременном снижении усилий на их проведение. Одним из факторов повышения качества закупок является повышение их прозрачности и снижение риска преднамеренной или непреднамеренной ошибки.

Невозможно перейти в цифровой формат закупочного взаимодействия одновременно, по результатам реализации одного проекта. Цифровая трансформация закупок реализуется в несколько этапов. Важнейшие из них – это создание цифровой среды и развитие цифровой системы [3. С. 62–63]. Очевидным образом эти этапы реализуются последовательно.

Создание цифровой среды для закупок требует от заказчика реализации, по крайней мере, следующих этапов:

1. Систематизация закупочных бизнес-процессов.
2. Регламентация закупочных бизнес-процессов.
3. Описание закупок закупочных бизнес-процессов в виде алгоритмов.
4. Создание программного обеспечения для реализации закупочных алгоритмов.
5. Отладка функциональности программного обеспечения для реализации закупочных алгоритмов.
6. Разработка дизайна и дружелюбного интерфейса цифровой среды закупок.
7. Тестирование созданной цифровой среды на пилотном проекте.

Развитие цифровой системы закупок, которое становится возможным после создания цифровой среды, предполагает последовательный переход шаг за шагом на очередной уровень автоматизации. В качестве ключевых уровней можно выделить следующие:

1. Использование электронного документооборота.
2. Проведение выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) в электронной форме.
3. Использование принципа наследования данных при подготовке документов, связанных с закупками.
4. Автоматизация выбора поставщика (подрядчика, исполнителя).
5. Цифровизация закупок source-to-pay.

Однако цифровизация закупок, при всех своих удобствах, в глобальном смысле означает лишь реализацию старых процессов в новой среде. Исполнитель получает более удобный инструмент. При должном навыке этот инструмент позволяет ему сберечь время и силы, а то и повысить качество работы. Вот только содержание этой работы принципиальным образом не изменяется.

Подчас в обиходе термины «цифровизация» и «автоматизация» используют как синонимы. На деле же это две качественно различные эволюционные стадии одного процесса. Переход от цифровизации к автоматизации – это качественная трансформация, по итогам которой часть привычной работы человека начинает выполняться алгоритмами программно-аппаратного комплекса.

Автоматизация подготовки документов. Автоматизацию в самом общем виде можно определить как выполнение процессов роботом. Это может быть автоматизация сборки, автоматизация обработки данных или автоматизация бизнес-процессов. Под роботом в данном случае мы понимаем программно-аппаратный комплекс, действующий по заданным человеком алгоритмам.

Первый шаг автоматизации закупок – это создание системы электронного документооборота с предустановленными формами. Эта система позволяет исполнителю не составлять весь документ «с нуля» (или копировать из собственной коллекции форм с риском ошибки при редактировании такой «рыбы»), а только заполнять ключевую информацию в отведенных для того полях специально разработанной формы.

И закупки B2G, и закупки B2B представляют собой перспективную среду для автоматизации процессов подготовки документов. Стандартизация сроков, процедур и даже требований к участникам закупки говорит в пользу разработки и утверждения типовых форм. По мере распространения электронных технологий логичным кажется их приложению к оформлению закупочной документации. Это становится возможным благодаря использованию шаблонов документов в цифровой среде и наследованию данных. Под наследованием данных в контексте бизнес-процессов (т. е. с точки зрения пользователя) в данном случае мы понимаем возможность автоматизированного предзаполнения форм документов, контрактов и т. д. По сути, заказчику при подготовке каждой закупки остается лишь указать в «шаблоне» документации предмет закупки, требования к закупаемой продукции, начальную (максимальную) цену и условия будущей поставки.

На практике многие заказчики и сегодня занимаются именно этим: выбирают один из имеющихся у них шаблонов в зависимости от способа закупки и от того, какую категорию продукции они закупают, а после вручную указывают в специально отведенных полях «переменные». Но ведь именно эти переменные состоят по большей части из тех сведений, которые заказчик уже отразил в плане! Так не лучше ли обеспечить автоматическую трансляцию этих сведений в типовую документацию прямо из плана закупок, дабы исключить «механическую» работу человека, а значит, и фактор ошибки?

Технически для этого необходима лишь библиотека типовой закупочной документации, размещенная в системе электронного документооборота не в виде текста, а в виде простейшего программного кода, включающего, помимо текстовых значений, еще и переменные. Каждая такая переменная должна быть привязана к определенному столбцу плана закупок – будь то «количество закупаемых товаров, работ, услуг», «начальная (максимальная) цена» или «планируемый срок окончания исполнения контракта». Строчка же, необходимая для выбора данных, соответствующих переменной при конкретной закупке, определяется идентификационным кодом этой закупки в плане закупок.

Для эффективного использования электронной системы пользователю должно быть достаточно профессиональных знаний в своей области – он не обязан специально вникать в хитросплетения непонятных кнопок электронного сервиса, выстроенного на «костылях» и заполненного неудобоваримым контентом.

Для обеспечения такого состояния системы важна и ее общая архитектура, и дизайн ее оболочки. Несколько упрощая, можно сформулировать этот принцип так: система тем лучше, чем меньшее количество кнопок нужно нажать человеку для получения сложного результата, и чем меньшее время потратит он на отыскание очередной кнопки.

В рамках многомерных категорийных стратегий хорошим подспорьем могут стать даже такие классические опции, как выпадающие списки. Самый простой пример – выпадающий список способов закупки. Помимо этого, важно обеспечить предзаполнение данных, дабы человеку не приходилось раз за разом воспроизводить в новых документах в рамках одной закупки одно и то же наименование продукции, технические и функциональные характеристики и т. п. А для этого, в свою очередь, важно обеспечить наследование данных. Так, например, уже упомянутое наименование продукции, один раз указанное в плане закупок, далее автоматически воспроизводится и в техническом задании, и в извещении о закупке, и в закупочной документации, и т. д.

При этом право «предмодерации» и уточнения данных, предложенных системой, должно оставаться неотъемлемым правом человека. Проще говоря, упомянутый выше программный код должен предлагать документацию о закупке с автозаполняемыми полями в редактируемом виде.

Как система поймет, в какой типовой документации из библиотеки ей нужно заполнить переменные, и не спутает конкурсную документацию с аукционной? Эти сведения должны определяться как минимум столбцом плана «способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя)». По мере развития библиотеки

типовой закупочной документации и дифференциации аспектов последней в зависимости от категории предмета закупки конкретный файл типовой документации будет определяться сочетанием способа закупки и категории закупаемой продукции.

Потенциал такой системы не ограничивается лишь вопросом формирования закупочной документации. Предельная цель автоматизации составления документов – сквозная интеграция данных от плана закупок через закупочную документацию и договор до документов о его исполнении.

Однако описанная выше автоматизация – по большому счету лишь подготовительная стадия к куда более важной автоматизации – автоматизации бизнес-процессов.

Автоматизация бизнес-процессов. Автоматизацию бизнес-процессов можно определить как обеспечение их прохождения с использованием алгоритмов программно-аппаратного комплекса. После реализации функциональности наследования данных возникают организационные и технологические условия для автоматизации закупки как совокупности бизнес-процессов, объединенных последовательностью прохождения и общей целью. Автоматизация не означает устранение человека от закупки. Она означает возложение всей рутинной работы на программно-аппаратный комплекс. После автоматизации закупок человек только принимает решения на ключевых этапах.

Простейший вариант конкурентной закупки после автоматизации проходит в следующем виде:

1. Уполномоченный сотрудник фиксирует потребность в закупке с помощью интерфейса электронной системы.
2. Робот проверяет наличие складских запасов и действующих рамочных соглашений для удовлетворения потребности без проведения закупки.
3. Робот автоматически определяет способ закупки, проект закупочной документации и сроки проведения закупки в зависимости от параметров потребности.
4. Робот автоматически формирует проект закупочной документации и проект договора с использованием библиотеки типовых документов и параметров, указанных при фиксации потребности.
5. Уполномоченный сотрудник отслеживает верность выбранных инструментов, верность выбора и заполнения форм, при необходимости вносит недостающие данные и утверждает результаты подготовки закупки.
6. Робот сохраняет утвержденные параметры.
7. Робот автоматически объявляет электронную закупку в заранее назначенное время.
8. Робот организует рассылку приглашений релевантным поставщикам, аккумулирует их предложения, предоставляет им площадку для соревнования в режиме реального времени.
9. Поставщики указывают свои предложения об условиях поставки в интерфейсе электронной системы и там же подтверждают декларации о соответствии квалификационным требованиям.

10. Робот автоматически проверяет сведения деклараций по открытым источникам.

11. Робот автоматически ранжирует заявки на основании матрицы сопоставления.

12. Робот предлагает проект протокола допуска к участию в закупке и проект ранжирования допущенных участников, а также предоставляет уполномоченному сотруднику заказчика доступ к технической документации, загруженной поставщиками.

13. Уполномоченный сотрудник исследует техническую документацию поставщиков.

14. Уполномоченный сотрудник вносит необходимые корректировки в проекты, подготовленные роботом, и утверждает итоговый протокол закупки.

15. Робот составляет договор на основании проекта договора и предложения победителя закупки.

16. Робот отправляет договор на подписание поставщику и отслеживает его подписание.

17. Поставщик подписывает договор.

18. Робот напоминает заказчику и поставщику о сроках поставки.

19. Робот формирует проекты документов о приемке продукции.

20. Заказчик и поставщик проводят приемку и подписывают приемочные документы, проекты которых были подготовлены роботом.

Таким образом, сохраняется контроль уполномоченного сотрудника за закупкой. При этом качественно сокращаются его временные затраты на работу с каждой отдельно взятой закупкой. Минимизируется риск его ошибки. Иными словами, специалист по закупкам переходит от работы технической к работе экспертной.

Возможности автоматизации позволяют реализовать закупки и по принципиально новым процедурам, качественно сокращающим организационные издержки всех сторон закупочного процесса при сохранении конкурентности и прозрачности самой закупки [4. С. 141]. Уже сегодня набирают популярность так называемые динамические закупки, в рамках которых сбор предложений поставщиков и их ранжирование де-факто автоматизировано. Вместо недель на сбор заявок и дней на их обработку весь процесс занимает несколько секунд. Этот инструмент получил свое место и в российских государственных закупках [5. Ч. 12 ст. 93], и в закупках государственных корпораций и субъектов естественных монополий, проводимых среди поставщиков из числа субъектов малого и среднего предпринимательства [6. П. 20.1]. Еще раньше схожий инструмент, базирующийся на автоматизации бизнес-процессов сбора и обработки предложений потенциальных поставщиков, были упомянут в Директиве ЕС «О публичных закупках» [7. Art. 34] и стал едва ли не основным способом выбора поставщика в Закупочном кодексе Италии [8. Art. 55].

Сквозная интеграция всех закупочных процессов в цифровой среде создает условия для формирования системы S2P. Source-to-pay – это цифровизация всего комплекса закупочной работы, включая все взаимодействия между заказчиком и поставщиком [9]. В этой системе все бизнес-процессы, связанные с закупкой, проходят в цифровой среде и реализуются с помощью искусственного интеллект-

та. Помимо описанной выше автоматизации закупочного взаимодействия такой искусственный интеллект после прохождения машинного обучения может выполнять следующие дополнительные функции:

- Контроль складских запасов и уведомление заказчика об их истощении. Робот не просто принимает заявку о закупке, но и сам прогнозирует возникновение потребности в такой закупке. При этом учитывается категория товара, его востребованность, данные по объему его использования, условия и сроки его хранения и т. д. Система автоматически обновляет ключевые параметры и анализирует их с использованием технологий машинного обучения. Например, учитывается фактический срок выполнения заказа поставщиками. Ведь чем больше времени требуется поставщику, чтобы доставить товары, тем больше запасов вынужден держать производитель [10].

- Выбор оптимального инструмента. На основании анализа рынка и специфики закупаемой продукции робот предлагает заказчику спектр наиболее эффективных решений: проведение конкурентной закупки, закупка у единственного поставщика, продление договора с текущим поставщиком, разделение одной потребности на несколько лотов и т. д.

- Расширенная проверка поставщика. Робот не просто проверяет сведения о поставщике, включенные в государственные реестры и иные открытые источники, но и анализирует связанную с ним судебную практику, опыт его предшествующего взаимодействия с заказчиком, опыт его участия в регулируемых закупках (сведения о которых можно почерпнуть в ЕИС) и т. п.

- Определение логистики доставки. Робот не просто высчитывает определенный маршрут и его стоимость, но и позволяет заказчику отслеживать движение груза в режиме реального времени.

- Контроль сроков поставки. Робот отслеживает не только подписание документов о приемке, но и отправку товара, поступление его на склад заказчика, а при необходимости и этапы его изготовления. При этом он уведомляет и заказчика, и поставщика о приближении сроков, установленных для очередной «контрольной точки», и напоминает ожидаемые результаты ее прохождения.

- Контроль сроков оплаты. Робот напоминает заказчику об обязательствах по оплате каждого этапа поставки, формирует соответствующие документы, уведомляет о наличии средств для оплаты и информирует заказчика о доступных ему финансовых инструментах.

И здесь мы подходим к ключевому вопросу. Для реализации всех этих возможностей недостаточно задать программно-аппаратному комплексу конечный алгоритм. Необходимо обеспечивать постоянное машинное самообучение на основе обработки больших данных. А значит, робот отчасти выполняет заданный человеком алгоритм – отчасти же по результатам обработки больших данных принимает решение.

Автоматизация решений. Привлечение к закупкам возможностей программно-аппаратного комплекса уже сегодня позволяет возложить на него принятие решений на отдельных вспомогательных «узлах» закупочной работы. Выбор способа закупки и шаблона закупочной документации – лишь малая часть таких решений.

Одна из первых сфер, в которой может быть использован искусственный интеллект в рамках закупочной деятельности – это управление складскими резервами. Здесь мы имеем дело, по крайней мере, с относительно стандартизированной продукцией, подлежащей регулярному пополнению в понятных объемах. При наличии больших данных на эту тему искусственный интеллект сможет эффективнее человека инициировать очередную закупку, указывая на то, какая продукция подходит к концу, а также то, сколько и к какому сроку нужно будет закупить для оперативного пополнения запасов.

Следующий шаг – это указание искусственным интеллектом не только на подлежащую закупке продукцию, но и на оптимальный способ ее закупки. Здесь мы вспоминаем про многофакторные категориальные стратегии. Если эти стратегии одновременно развиты, апробированы и прозрачны, то искусственный интеллект опять же лучше человека может актуализировать данные, необходимые для выбора наиболее эффективной стратегии. Например, если рынок необходимой продукции в данное время в данном регионе по тем или иным причинам не является конкурентным, то искусственный интеллект сможет предложить сразу провести прямую закупку, а не тратить время и силы на безнадежный аукцион. Или, например, он предложит предпочесть аукциону запрос цен – если ценообразование на рынке закупаемой продукции не является эластичным.

Развитием этого подхода является работа искусственного интеллекта над выбором оптимального поставщика. Здесь уже речь идет не только об описанном выше автоматизированном начислении баллов. Искусственный интеллект должен учитывать качество предлагаемой поставщиками продукции, ее надежность, стоимость владения, используемую при производстве технологию, степень интеграции поставщика в производственную цепочку самого заказчика и т. п.

Использование искусственного интеллекта не означает устранение человека от закупочной работы. Оно означает лишь повышение экспертного уровня этой работы. Проще говоря, по мере внедрения искусственного интеллекта внимание специалиста по закупкам будет все более и более концентрироваться на нетиповых, специфических и особо важных ситуациях [11. С. 112].

Уже сегодня на относительно небольших масштабах фирм, работающих в сфере приготовления и доставки «домашних обедов», тестируется фактическое делегирование роботу куда более радикальных вопросов. Робот анализирует вкусы посетителей ресторана и следит за тем, чтобы в его холодильниках было достаточно продуктов. Робот анализирует опыт взаимодействия с поставщиками и указывает на риски срыва поставок. Робот формирует оптимальную ценовую политику исходя из конъюнктуры рынка.

И это лишь частный пример. Те или иные варианты роботизации отдельных вопросов в рамках закупочного процесса можно увидеть в самых различных отраслях. Все это подводит нас к той грани, за которой искусственный интеллект превращается из инструмента принятия решения в субъект принятия решения.

И если это решение о выборе способа закупки, то оно касается лишь заказчика (пусть даже его последствия косвенным образом могут сказаться на поставщике). Но если это решение об отправке поставщику заявки на отгрузку очередной

партии товара, то фактически можно говорить о том, что робот заключает сделку. Разумеется, это сделка на основании подписанного ранее заказчиком рамочного соглашения и на условиях согласованных единичных расценок и в рамках согласованных. Однако в описанном примере именно робот определил предмет и объем поставки.

При этом и заказчику, и поставщику удобно такое привлечение робота. Они не отвлекаются от своей основной работы. Один поставляет продукты, другой готовит из них еду. А робот-кладовщик лишь обеспечивает «конвейер» необходимых ресурсов. Но с точки зрения гражданского права именно он заключает сделку.

Каков механизм установления правосубъектности такой сделки? Каков механизм ее судебной защиты? По каким основаниям она может быть оспорима? На эти и другие вопросы теоретикам права еще только предстоит ответить. И именно эти ответы станут основой того самого «права электронных отношений» [12. С. 62], о котором пишут уже сегодня.

Например, субъектом сделки можно считать лицо, подписавшее тот рамочный договор, во исполнение которого был создан оформленный роботом заказ. Но это лишь временная мера. Ведь искусственный интеллект технически уже сегодня может не просто направлять заявки в рамках подписанных ранее договоров, но и заключать новые самостоятельные договоры.

Можно считать ответственным за действия и решения робота то юридическое лицо, которым данный программно-аппаратный комплекс используется на законном праве. По большому счету подобный подход отработан еще римскими юристами. Впрочем, не хотелось бы вспоминать исторический контекст применения подобных конструкций.

Можно на какое-то время в качестве «переходного» решения признать сделки, заключенные роботами, оспоримыми. Или требующими подтверждения со стороны уполномоченного лица.

Ответы эти имеют самое прикладное значение уже сегодня. Ведь по мере автоматизации бизнес-процессов описанные выше схемы закупочной работы становятся все более и более востребованными. Важно помнить: каждый новый шаг на пути автоматизации закупочной работы от внедрения электронного документооборота до принятия решений искусственным интеллектом открывает новые возможности, но при этом одновременно и ставит новые задачи. Информационное право становится все более и более востребованной отраслью юридического знания [13]. Последовательное, вдумчивое и системное решение этих задач, сопряженных с реализацией цифровой трансформации, становится сегодня не только необходимым условием, но и фундаментальной основой развития.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (в редакции от 02.07.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 14.09.2022).

2. Best Practices in E-Procurement: Reducing Costs and Increasing Value through Online Buying. Aberdeen Group, 2005.

3. Казанцев Д. А. От электронных документов до Source-to-Pay. Автоматизация закупок шаг за шагом // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2022. № 67. С. 60–67.

4. Казанцев Д. А., Михалева Н. М. Автоматизация закупок как будущее контрактной системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 137–159.

5. Федеральный закон от 27 марта 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в редакции 14.07.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ab3273e757a9e718cbb3741596bc36eb8138e4f6/ (дата обращения: 14.09.2022).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в редакции от 08.07.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172109/ (дата обращения: 14.09.2022).

7. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0024> (дата обращения: 14.09.2022).

8. Codice dei contratti pubblici (Decreto legislativo. 18 aprile 2016, № 50). URL: https://www.bosettiegatti.eu/info/norme/statali/2016_0050.htm (дата обращения: 14.09.2022).

9. Jo McCann. How source-to-pay works. URL: <https://blog.routable.com/how-source-to-pay-works/>. (дата обращения: 14.09.2022).

10. Steve Banker. One Multinational's Supply Chain Transformation Journey // Forbes. Apr 1, 2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/stevebanker/2022/04/01/one-multinationals-supply-chain-transformation-journey/?sh=87ff9516229c> (дата обращения: 14.09.2022).

11. Казанцев Д. А. Закупки и машинное обучение. Есть ли пространство для применения технологии? // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2021. № 65. С. 110–115.

12. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy. University of Texas at Dallas. Issues in Science and Technology. 2016. № 32 (3). Pp. 61–69.

13. Scassa T. Information Law in the Platform Economy: Ownership, Control, and Reuse of Platform Data // McKee D., Makela F., Scassa T. (eds.). Law and the «Sharing Economy»: Regulating Online Market Platforms. Ottawa, United States of America: University of Ottawa Press. Pp. 321–356. URL: www.jstor.org/stable/j.ctv5vdczv.9 (дата обращения: 07.08.2019).

В. В. Казаченок,

кандидат юридических наук, доцент,
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется развитие цифровых технологий в органах внутренних дел, определяется уровень цифровизации в правоохранительной деятельности. Освещается актуальность внедренных в различные направления деятельности МВД России мобильных приложений как инструмента быстрого взаимодействия граждан с органами внутренних дел, показываются позитивные и негативные стороны реализации мобильных приложений, делается вывод об их целесообразности.

Ключевые слова: цифровизация, мобильные приложения, органы внутренних дел, граждане, взаимодействие

DIGITALIZATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract. The article analyzes the development of digital technologies in the internal affairs bodies, determines the level of digitalization in law enforcement. The relevance of mobile applications implemented in various areas of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a tool for rapid interaction of citizens with internal affairs bodies is highlighted, the positive and negative aspects of the implementation of mobile applications are shown, and a conclusion is made about their expediency.

Keywords: Digitalization, Mobile applications, Internal affairs bodies, Citizens, Interaction

В последние годы вырос интерес государственных органов к новым технологиям. Такая тенденция стала результатом реализуемой в 2011 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации государственной программы «Информационное общество» [1], действие которой определялось до 2024 г. Ее целью стали повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Именно с помощью таких технологий предполагалось облегчить взаимодействие граждан с органами власти различного уровня, сделать порядок взаимодействия более простым, а государственные электронные услуги доступнее для всех слоев населения. Министерство внутренних дел Российской Федерации также стало одним из участников этой программы.

После преобразований в 2011 г. в системе МВД России начинается внедрение новых информационных технологий. Вводится Единая информационно-телекоммуникационная сеть (ЕИТКС) ОВД, организуются автоматизированные рабочие места сотрудников дорожно-патрульной службы, следователей и др. Важную роль в противодействии преступности сыграло введение в действие аппаратно-про-

граммного комплекса «Безопасный город», координирующего взаимодействие между соответствующими подразделениями и службами органов исполнительной власти, муниципальными учреждениями [2. С. 201–206]. Внедрение в некоторых городах в период проведения чемпионата мира в 2018 г. системы FindFace Security, распознающей лица, позволила выявить большое количество правонарушителей, в том числе находящихся в розыске.

В настоящее время в российском обществе электронные сервисы и услуги становятся наиболее популярными, доступность и простота их все больше привлекает граждан. При обращении в органы государственной власти граждане стали чаще использовать различные современные технологии, что, безусловно, приносит пользу всему обществу. Таким образом, современные технологии постепенно проникают в отечественный государственный сектор, все чаще делая акцент на упрощение коммуникаций с гражданами. Внедренные программные разработки в органах внутренних дел Российской Федерации являются ярким тому подтверждением.

Отдельного внимания заслуживают мобильные программы, внедряемые в органах внутренних дел. Так, с 2012 г. в Москве функционирует мобильное приложение «Московская полиция», основное предназначение которого заключается в более оперативном связывании с экстренными службами по телефону. В приложении на карте города можно найти ближайший отдел полиции и другие подразделения ОВД, ознакомиться со сведениями о пропавших без вести, о разыскиваемых лицах, а также с новостями полиции.

В этом же году в отдельных регионах России появляются приложения, автоматизировавшие подачу заявления в полицию о нарушении правил парковки. В Москве было создано приложение «Парковки», чуть позже – мобильное приложение Spot, начавшее свою работу сначала в Санкт-Петербурге и Москве, а позже и в других субъектах Российской Федерации.

Через два года внедряется мобильная программа МВД России, имеющая схожие черты с московской программой, но более усовершенствованная. Каждый гражданин может скачать ее с официального сайта МВД России. С помощью этой программы любой гражданин, использующий геолокацию, в экстренной ситуации может связаться с ближайшим отделом полиции, а при ее отсутствии совершить звонок на единый номер 112. В приложении на карте показываются территориальные подразделения полиции, можно позвонить по контактным телефонам. Предусмотренный в мобильном приложении сервис подачи онлайн-обращений упрощает процедуру обращения лиц в подразделения органов внутренних дел. При этом к обращению можно прикрепить текстовый файл, а также фото-, аудио- или видеофайлы.

Положительно оценивая достоинства данного приложения, необходимо отметить и его слабые стороны. Проанализировав жалобы граждан, можно выделить следующие недостатки приложения: отображение устаревшей информации об участковых уполномоченных полиции (нередко в списках оказываются сотрудники, переведенные в другое подразделение или уволенные со службы); сбои в геолокации; неудобства в прикреплении фотоматериалов. В связи с этим прослеживается необходимость в повышении производительности приложения и доработки сервиса «Прием обращений».

МВД России проводит работу над устранением недочетов и расширением функциональности, совершенствованием интерфейса приложения. Мобильная программа МВД России вводилась в качестве дополнительного средства доступа населения к имеющимся на официальном интернет-сайте МВД России базам данных и сервисам. Совершенствование приложения, внедрение в него дополнительной функциональности потребует значительных затрат бюджетных средств, поэтому все решения об обновлении приложения должны приниматься на основе серьезного анализа их целесообразности.

В целях приобщения общественности к выявлению правонарушений в области дорожного движения в Республике Татарстан в 2014 г. было запущено мобильное приложение «Народный инспектор». За период его работы количество уведомлений достигло 300 тысяч. Наиболее часто направляются сведения о нарушениях, относящихся к правилам остановки и стоянки на тротуаре. Далее идут непредоставление преимущества пешеходам, остановка или стоянка под запрещающим знаком, парковка в местах для инвалидов. Позже в приложение была добавлена категория «Парковка на остановке маршрутных транспортных средств».

Несмотря на большое количество постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных по результатам рассмотренных уведомлений, многие из них отклоняются из-за ряда недостатков прилагаемых фото. Например, не просматриваются дорожные знаки, не виден пешеход, которому транспортное средство не уступило дорогу, плохо читаются регистрационные знаки транспортного средства и т. п.

Безусловным положительным аспектом данного приложения является фиксация времени и местоположения правонарушения. Это обеспечивает защиту от фальсификации файлов. Однако в последнее время жители Татарстана, пользующиеся приложением, стали обращать внимание на то, что их заявки стали рассматриваться значительно медленнее, а также участились жалобы на потерю связи с геолокацией.

В целях реализации национальных интересов, указанных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [3], а именно развития устойчивого, свободного и безопасного взаимодействия граждан с органами государственной власти России, в 2019 г. в Санкт-Петербурге был запущен пилотный проект «Мобильный участковый», дополняющий систему «Безопасный город». Программа для планшетов позволяет участковому уполномоченному полиции просматривать информацию о проживающих на своем участке, а также подключаться к системе видеонаблюдения.

Из-за большого объема обращений граждан участковые уполномоченные полиции работают в условиях загруженности, когда приходится уделять много времени на оформление документов. С программным обеспечением, установленным на планшетах, оформление материалов упрощается. В программном комплексе имеются шаблоны, позволяющие оформлять документы установленного образца. Также, не заходя в отдел полиции, участковый уполномоченный полиции сможет регистрировать обращения граждан.

Планшетная версия комплекса «Мобильный участковый» позволяет сотруднику полиции, оперативно реагируя на чрезвычайные ситуации, обеспечивать помощь гражданам. В данной версии на территории участка показываются места совершенных преступлений и происшествий, отображаются сведения о жителях, объектах жизнеобеспечения, местах проведения согласованных публичных акций и массовых мероприятий, социально значимых объектах и организациях. Инновационное оборудование и принципы работы системы «Мобильный участковый» предопределили предложение о создании аналогичного комплекса для инспекторов по делам несовершеннолетних для получения доступа к базе всех проживающих на территории подопечных.

Цифровизация в сфере миграции способна дать существенные преимущества гражданам, государственным и муниципальным органам, работодателям. В современных условиях в России для иностранных граждан созданы электронные информационные ресурсы. Существующие мобильные приложения помогут узнать необходимую информацию о ближайшем отделе полиции, подать онлайн-обращение, выбрать оптимальное место для проживания, найти работу, ознакомиться с вопросами пенсионного обеспечения и т. п. [4. С. 173–174].

Следует отметить, что возможности использования цифровизации в органах внутренних дел прослеживаются в сфере предоставления государственных услуг. Однако анализ процедуры получения водительского удостоверения и предшествующей ей процедуры сдачи экзамена показал, что не все административные процедуры могут осуществляться в электронной форме. Если подача заявления с прикреплением копий документов на получение удостоверения возможна в электронной форме с последующим предъявлением оригиналов, то сдача экзамена в интерактивной форме в настоящее время не проводится. Поэтому многие процедуры (к примеру, осмотр транспортного средства при его регистрации) перевести в электронный вид невозможно [5. С. 196].

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация активно внедряется в органы внутренних дел, при этом уровень развития цифровых технологий еще недостаточно высок. Тем не менее внедрение мобильных приложений в деятельность МВД России является важной составляющей во взаимодействии граждан с органами внутренних дел. Использование преимуществ технического прогресса позволит сделать работу полиции максимально эффективной. При этом крайне важно брать во внимание оценки и замечания в отношении работы мобильных приложений как граждан, так и сотрудников полиции в целях усовершенствования мобильных программ.

Список литературы

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 02.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2159.
2. Исаева М. А. Цифровизация органов внутренних дел на примере АПК «Безопасный город» // Эпомен. 2021. № 55. С. 198–208.

3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

4. Трифонова К. В. Цифровизация отдельных видов правоохранительной деятельности (на примере миграционной деятельности) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 163–168.

5. Прокопов М. С. Цифровизация предоставления государственных услуг ГИБДД // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2021. № 6. С. 191–196.

Е. А. Казьмина,

кандидат юридических наук, доцент,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Настоящее исследование проводится с целью подсветить потребность в анализе информационной функции государства не только и не столько с позиций теории государства и права, но в первую очередь с позиций конституционного права, в силу конституционного, основополагающего характера отношений, возникающих в сфере оборота данных, затрагивающих как интересы общества, отдельных граждан, так и интересы государства. В статье обращается внимание на складывающийся приоритет интересов государства по сравнению с интересами граждан, что представляется нецелесообразным в условиях укрепления правового государства.

Ключевые слова: информационная функция государства, цифровизация, цифровая демократия, цифровые технологии, права человека, гласность, транспарентность

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION FUNCTION OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. The present issue is conducted in order to highlight the need of analysis of the information function of the state not only and not so much from the standpoint of the theory of state and law, but also, mostly, from the standpoint of constitutional law, due to the constitutional, fundamental nature of relations arising in the sphere of data turnover, affecting both: the interests of society, individuals, and the state. The article draws attention to the emerging priority of the interests of the state in comparison with the interests of individuals, which seems inappropriate in the conditions of strengthening the rule of law.

Keywords: Information function of the state, Digitalization, Digital democracy, Digital technologies, Human rights, Publicity, Transparency

Введение. Характеризуя современное государство, необходимо отметить его возрастающую роль в информационном пространстве. Разворачивающиеся информационные войны, распространение различного рода пропаганды в сети Интернет, использование инновационных технологий в рекламе обуславливают потребность в формировании новых подходов к содержанию прав и обязанностей каждого актора, находящегося на информационной арене. Традиционно функции государства в первую очередь исследовались с позиций теории государства и права, однако в современных условиях такой подход ученых-юристов к функциям государства вообще и информационной функции в частности представляется недостаточно эффективным. Информационная функция государства требует внимания конституционалистов в силу возрастающей значимости конституционно-правового осмысления действительности [2] и особенно в силу конституционно-правового осмысления процесса цифровизации, трансформировавшего в той или иной степени все сферы общественных отношений. Изменения ст. 71 Конституции России, в частности, пунктов «и» и «м» уже на конституционном уровне подчеркнули исключительную роль Российской Федерации в правовом регулировании информации, информационных технологий и связи, а также в обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных [5]. Кроме того, конституционно-правовой характер информационной функции государства обусловлен тем, что государство берет на себя обязательства как по созданию информации, так и по осуществлению определенной степени контроля за ее распространением в обществе, полное упущение которых влечет за собой угрозы безопасности как отдельных граждан, так государства в целом, и нарушения основ конституционного строя, но и злоупотребление которыми может нанести невосполнимый ущерб демократическим основам российского общества.

Основная часть. Оценивая ключевые характеристики информационной функции, стоит отметить в первую очередь ее тесную взаимосвязь с иными направлениями деятельности государства, центральным элементом которых являются сбор, обработка и создание данных, на которых и выстраиваются, по сути, все иные функции государства. Так, в указанной выше конституционной норме четко отражена связь охранительной функции государства с данными, их оборотом и создаваемой на их основе информацией.

Кроме того, несмотря на распространенное в обществе понимание информационной функции как функции по информированию своих граждан, в том числе информированию своевременному, детальному, достоверному, о своей деятельности, в настоящее время особенное значение приобретает и другая сторона указанной функции – обязанности по обеспечению доступа к информации широкого спектра (не обязательно связанного с деятельностью государства), т. е. к реализации права на информацию в широком смысле этого слова. И в этом случае возникает вопрос об обязанности государства по развитию инфраструктуры, обеспечивающей технологическую доступность всемирного информационного пространства. Безусловно, это гарантирование доступа к компьютерам и иным устройствам в объектах социального назначения, наличия высокоскоростного Интернета, доступ к Сети в уда-

ленных местностях и малочисленных населенных пунктах. На реализацию этих задач, в частности, направлена Национальная программа «Цифровая экономика», в структуре которой выделены два федеральных проекта. В первую очередь речь идет о проекте «Информационная инфраструктура», в числе задач которой стоит создание «конкурентоспособной, устойчивой и безопасной инфраструктуры высокоскоростной передачи данных», а также о проекте «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи», направленного на создание возможности выхода в Интернет в самых удаленных уголках России – в том числе на Дальнем Востоке и на арктическом пространстве [15].

В процессе осуществления информационной функции государство должно отталкиваться от требований ст. 29 Конституции Российской Федерации, соблюдая при этом условия ч. 3 ст. 55. При этом, реализуя информационную функцию, государство предприняло в последние годы ряд шагов [5]. Одной из ключевых точек на современном этапе осуществления информационной функции можно считать принятие Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», уже более пятидесяти раз подвергавшегося изменениям [8]. В последующем принят целый ряд федеральных законов, а существовавшие ранее – подвергаются постоянным изменениям [4, 6, 7, 9, 10, 14]. Особое значение в последние годы приобрели акты стратегического характера, определяющие дальнейшее развитие и законодательства, и практики деятельности органов государственной власти [12, 13].

В условиях усложнившихся международных отношений в настоящий момент особую роль приобретает контрольное направление информационной функции. В науке, в публичных выступлениях, в средствах массовой информации высказываются мнения о наличии набирающих обороты попыток «внедрения в сознание российского народа идеологических стандартов правовой культуры западного образца, в результате чего на уровне правосознания образуется искусственная конкуренция исторических и реальных фактов, проявляются тенденции пересмотра итогов политических событий, роли государственных институтов и отдельных персоналий, усиливается девальвация ценностей российской правовой культуры» [2. С. 51]. Не давая оценку как подобным позициям, так и прямо противоположным, стоит подчеркнуть острую потребность в аккуратном балансировании государства между контролем за обеспечением безопасности и гарантиями реализации гражданами права на информацию. Риск превысить допустимые пределы ограничения указанного конституционного права, создающего основу для демократического государства, в современных условиях крайне высок. По мнению ряда исследователей, в настоящих условиях особое значение приобретает деятельность государства по отбору и дифференциации информационного материала как предварительной стадии контрольной составляющей информационной функции, в реализации которой проявляется и государственный суверенитет России. Так, Д. В. Абдрахманов в своей диссертации утверждает: «...государственный суверенитет в информационной сфере следует рассматривать не как самостоятельный вид суверенитета государства, а как проявление верховенства и независимости государственной власти в информационной сфере общества, в которой государство проводит самостоятельную и независимую от кого-либо политику» [1. С. 82].

Действующая на настоящий момент Доктрина информационной безопасности Российской Федерации закрепляет, что «информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать» [11]. Однако означает ли это допустимость ограничения доступа к информации со стороны государства, ее искажения, утаивания? Безусловно, приводится множество аргументов в пользу сохранения спокойствия граждан, ограждения от паники и разжигания агрессии, но допустимы ли такие действия с точки зрения конституционного права, вопрос остается открытым. Как видится, ключевой принцип демократического государства – гласность – остается в настоящее время непопулярным. Более того, государство будто становится в современных условиях единственным субъектом, наделенным правом создания информации о своей деятельности и оценке ее на предмет достоверности или недостоверности. При этом, безусловно, и само государство не защищено от предоставления недостоверной информации, так как она может быть уточнена, дополнена, перепроверена. Однако последствия для государства как субъекта информационных и конституционных правоотношений в данном случае не определены.

Заключение. Все сказанное подтверждает не только все возрастающее значение информационной функции в обеспечении государственного суверенитета и национальной безопасности России, но и ее возрастающее значение в обеспечении принципов правового и демократического государства, реализации конституционных прав и свобод граждан. И задача исследователей-конституционалистов, да и юристов в целом – не допустить нарушения ключевых правовых принципов при ограничении прав и свобод человека.

Список литературы

1. Абдрахманов Д. В. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. 224 с.
2. Васенина А. Н. Информационная функция современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
3. Ермошина Р. А. Совершенствование механизма реализации российским государством информационной функции // Юридический мир. 2010. № 12. С. 50–54.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 18.09.2022).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.09.2022).

6. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 18.09.2022).

7. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 года № 2124-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 18.09.2022).

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 18.09.2022).

9. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 18.09.2022).

10. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 18.09.2022).

11. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefcb2787580144c4bd05be466415f9/ (дата обращения: 18.09.2022).

12. Об утверждении Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 18.09.2022).

13. Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/22444572fce92dd3d63da856c260fb49e8f921dc/ (дата обращения: 18.09.2022).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.09.2022).

15. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: паспорт национального проекта, утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 18.09.2022).

Г. Г. Камалова,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационной безопасности в управлении,
Удмуртский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ

Аннотация. Целью исследования является определение сущности и особенностей информационно-правовых рисков в условиях цифровой трансформации, геополитических изменений и противодействия пандемии COVID-19, определяющих основные современные векторы дальнейшего развития информационного права. Наиболее существенное внимание в работе уделено вопросам применения в информационном праве методологии рискориентированного подхода. На основе проведенного исследования автором сделан вывод о необходимости закрепления понятия «информационный риск» в законодательстве, определения порядка и критериев категорирования и оценки рисков в сфере обеспечения информационной безопасности, а также развития правовых механизмов преодоления и минимизации рисков, что позволит усилить уровень защищенности организаций и государства.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, информационная безопасность, информационные риски, правовые риски, информационное право, публично-правовые отрасли, методология права

INFORMATION AND LEGAL RISKS

Abstract. The aim of the study is to determine the nature and characteristics of information and legal risks in the context of digital transformation, geopolitical changes and countering the COVID-19 pandemic, which determine the main modern vectors for the further development of information law. The most significant attention in the work is paid to the application of the risk-based approach methodology in information law. Based on the study, the author concluded that it is necessary to consolidate the concept of “information risk” in the legislation, determine the procedure and criteria for categorizing and assessing risks in the field of information security, as well as developing legal mechanisms for overcoming and minimizing risks, which will increase the level of security of organizations and the state.

Keywords: Law, Digital technologies, Information security, Information risks, Legal risks, Information law, Public law branches, Methodology of law

Современный мир характеризуется активной цифровизацией всех сфер жизни человека и общества. В указанных условиях государства ставят себе целью выход на передовые рубежи посредством построения национального сектора глобальной цифровой экономики и, соответственно, задачи разработки, внедрения и коммерциализации инновационных цифровых решений в интересах обеспечения национальных интересов. При этом стремительная динамика цифровых технологических решений, которая вызывает колоссальные практически революци-

онные изменения общественных отношений, формирует новые вызовы и риски в информационной сфере, что не могло не затронуть право как универсальный регулятор социальной действительности. Трансформация права происходит как в аспекте развития и совершенствования законодательства, так и правовой науки. Закономерно флагманом выступает информационное право, что детерминировано его предметной областью. Исследователи обращаются к различным сторонам правового регулирования цифровых технологий и обеспечения информационной безопасности [16, 19].

В современной цифровой правовой реальности стало фактически обычным обсуждение любых вопросов, связанных с общественными отношениями в информационной сфере, в русле преодоления или минимизации больших вызовов, рисков и угроз. Это представляется закономерным последствием современной ситуации развития регуляторных механизмов. Указанное имеет особое значение для сферы правового обеспечения информационной безопасности, которое продолжает активно эволюционировать в условиях влияния факторов цифровой трансформации, геополитических изменений и формирования многополярного мира, преодоления пандемии COVID-19. Сегодня правовое обеспечение информационной безопасности уже является не только отдельным направлением правовых исследований. Взаимосвязанные вопросы стали неотъемлемой стороной обсуждения любых проблем правового обеспечения развития цифровых технологий.

При этом приведенные термины «вызовы», «риски» и «угрозы», безусловно, обозначают хотя и взаимосвязанные, вместе с тем отнюдь не равноценные понятия. И если анализ информационных угроз является закономерной частью практической деятельности в сфере обеспечения информационной безопасности, где выявление актуальных информационных угроз для организации и для государства в целом на практике выступает первым этапом построения любой системы защиты информации, что нашло свое закономерное отражение в документах стратегического планирования и актах федеральных органов власти, то ситуация с рисками в информационной сфере видится в настоящее время несколько иной. Указанное и обусловило авторский интерес к исследованию вопросов, связанных с информационными и правовыми рисками.

Стратегия национальной безопасности РФ определяет угрозы национальной безопасности через совокупность условий и факторов, которые создают возможность ущерба национальным интересам [4], а Доктрина информационной безопасности РФ угрозы информационной безопасности, в свою очередь, характеризует на основе совокупности действий и факторов, создающих опасность ущерба в информационной сфере [5]. При этом обращает внимание, что в первом акте указаны условия и факторы, а во втором – действия и факторы. Отмеченные различия представляются неслучайными. Они определяются деятельностным характером обеспечения информационной безопасности, детерминированным динамикой общественных отношений в этой сфере. Сходное определение понятия угрозы информационной безопасности содержится в документах технического регулирования.

Правовое регулирование должно ориентироваться на теорию и практику обеспечения информационной безопасности, методические документы в этой сфе-

ре и акты технического регулирования в этой сфере, в которых выявление и минимизация актуальных информационных угроз являются неотъемлемой частью соответствующей деятельности. В связи с этим понятие информационных угроз сегодня в достаточной мере проработано. Определен порядок оценки информационных угроз и особенности формирования комплекса мер по защите информации на уровне как государства в целом, так и отдельных организаций.

Если обратиться к рискам в сфере обеспечения информационной безопасности, то следует отметить, что пока, с одной стороны, они сегодня являются общим моментом рассуждений о существующих проблемах в данной сфере, позволяющим акцентировать внимание на остроте современной ситуации и специфике регулируемых общественных отношений, а с другой – в указанной сфере все более широко применяется рискориентированный подход. Это закономерно находит свое отражение в научных исследованиях. Вместе с тем сегодня представляется важным провести определенный анализ сущности тех взаимосвязанных рисков, которые актуальны как для информационной сферы, так и правовой.

В связи с этим категорию риска в праве А. В. Остроушко предлагает рассматривать как юридико-техническое средство для обозначения ситуации, в отношении которой сложно прогнозировать результат [15]. Это позволяет связывать правовой риск с понятием правовых ситуаций, которые, по С. С. Алексееву, являются сложными жизненными обстоятельствами, требующими правового решения [7]. При этом для правовой ситуации традиционно характерны конфликтность, противоборство, противостояние и конкуренция. Правовое обеспечение информационной безопасности на различных уровнях в национальных интересах сегодня фактически осуществляется в ситуации ведущейся против Российской Федерации информационной войны, что определяет особенности современной повестки.

Интерес, на наш взгляд, представляет также позиция Ю. А. Тихомирова, который «правовой риск» рассматривает как элемент юридического прогнозирования, отмечая, что он «позволяет предвидеть как повторяющиеся, так и возможные и неожиданные отклонения от правовых моделей регуляторов» [18]. Совершенствование правового обеспечения в информационной сфере закономерно требует научного осмысления революционных изменений, происходящих под воздействием развития цифровых технологий и прогнозирования последствий их внедрения. Вместе с тем следует отметить, что большинство исследователей традиционно пишут об информационных рисках или рисках в информационной сфере, связывая их с возможными негативными последствиями развития цифровых технологий в рамках разработки и внедрения прорывных цифровых технологий, а также с вероятным ущербом их применения. Хотя прогнозирование правовых рисков позволяет выделять и положительные эффекты в этой области.

В настоящее время категория рисков и применение рискориентированного подхода получили свое закрепление в законодательстве о контрольно-надзорной деятельности государственных органов власти, где под рисками понимается возможность наступления события причинения ущерба охраняемым интересам, что также акцентирует внимание на возможных негативных последствиях реализации рисков. В последнее время все чаще понятие риска и рискориентированный под-

ход применяются при регулировании общественных отношений в финансово-кредитной сфере. В иных областях законодательства обязанность применения рискориентированного подхода в положениях нормативных правовых актов в явном виде пока не получила своего сколь-нибудь широкого закрепления.

Вместе с тем информационному законодательству данная категория тоже не чужда. Процесс преодоления риска нашел свое отражение в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2], который определяет информационную безопасность детей через состояние их защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) развитию. Хотя применение термина «информационный риск» в большей мере характерно для подзаконных актов, вместе с тем пп. 1 ч. 2 ст. 13 Федерального закона «Об электронной подписи» [1] устанавливает обязанность информирования о рисках, связанных с применением электронных подписей, а п. 21 ст. 14.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – уведомления о рисках, предоставления биометрических данных и рисках отказа от криптографических средств защиты [3]. Это закономерно отражает взаимосвязь процессов минимизации информационных рисков с деятельностью в сфере обеспечения информационной безопасности.

В числе основных факторов риска традиционно указывают наличие неопределенности ситуации, возможности причинения ущерба и его практической значимости. Кроме того, необходимо отметить определенную субъективность ситуации с риском в рамках рефлексии субъекта о предполагаемом риске и его оценке как существенного и актуального для соответствующей системы. При этом, анализируя информационные и правовые риски, следует признать справедливым мнение исследователей, полагающих, что риск на онтологическом уровне всегда является информационным, так как источник любого риска – неопределенность информации [17]. Хотя информационные риски, влияя на общественные отношения и трансформируя их, представляются для права несомненно важными, вместе с тем следует особое внимание уделить собственно правовым рискам в информационной сфере.

Классификация информационно-правовых рисков в самом общем виде в качестве оснований должна включать субъекта риска, объект риска и его последствия. Таким образом, правовые риски в информационной сфере целесообразно рассматривать в контексте рисков для личности, организации, общества и государства, а также применительно к развитию определенных цифровых технологий. Именно в этом ключе сегодня развивается информационное законодательство Российской Федерации, для которого важнейшими являются риски нарушения прав и свобод граждан, риски для обеспечения национальных интересов, риски в рамках достижения технологического и цифрового суверенитета и ряд иных.

При анализе информационных рисков с позиции права в самом общем виде следует выделять риски:

- связанные с недочетами в достижении современной повестки информационно-правовой политики;

- несовершенства законодательства, включая его несистемность, пробелы и коллизии;
- обусловленные сложностями и недостатками правоприменительной практики, включая проблемы расследования киберпреступлений;
- связанные с правосознанием и информационно-правовой грамотностью населения.

В условиях построения национального сектора цифровой экономики и соответственно развития сквозных цифровых технологий особую значимость приобретают связанные с ними риски. Так, на высокие риски обращения криптовалюты не единожды указывал Центральный банк РФ. Одной из проблем в информационной сфере является нарастание рисков распространения информации, связанное с фейковой информацией, что приобрело особую актуальность в условиях формирования многополярного мира и взаимосвязанного с этим противостояния цивилизаций.

В сфере развития цифровых технологий и их использования, полагаем, наиболее существенны риски неопределенности правового режима таких технологий и объектов, функционирующих на их основе. Цифровая революция трансформирует общество с беспрецедентным размахом, формирует колоссальные перспективы и трудности. Сегодня продвижение искусственного интеллекта, технологий больших данных (big data), виртуальной и дополненной реальности, распределенного реестра и иных сквозных цифровых технологий создают новые вопросы в праве, требующие междисциплинарного и межотраслевого решения. При этом раскрытие социально-экономического потенциала новейших технологий немыслимо без формирования и совершенствования правовой основы их разработки, производства и использования, включая международно-правовые аспекты. Формирование специальных правовых режимов указанных технологий и иных цифровых инноваций позволит снизить неопределенность в соответствующей сфере и соответственно минимизировать риски. Однако существующая правовая неопределенность сегодня вынужденно преодолевается посредством введения их экспериментальных правовых режимов.

Ряд информационно-правовых рисков сегодня связывают с профилированием, цифровыми двойниками и возможностью манипулирования цифровой личностью. Применение цифровых технологий может способствовать дискриминации лица по признакам пола, расы, успешности и многим иным, являясь, например, инструментом нарушения прав при решении вопроса о трудоустройстве лица, выдаче кредита, условно-досрочном освобождении и иных ситуациях. Показательной в этом смысле является также система социальных кредитов Китая. Учитывая, что уже сегодня машинный код порой выступает регулирующим фактором при принятии многих решений, игнорирование проблем обеспечения равенства людей может привести к социальной нестабильности и потрясениям в обществе, что определяет существующие риски в данной области.

Тотальная цифровизация всех сфер жизни ведет к рискам несанкционированного вмешательства в экономическую сферу и личную жизнь граждан. Это требует принять меры, направленные на построение открытой и безопасной ин-

тернет-среды при обеспечении защиты персональных данных в цифровом пространстве. Указанное актуализирует исследования в области правового обеспечения цифровой среды доверия.

Наибольшие риски для жизни граждан, предпринимательской деятельности и сферы государственного управления влечет киберпреступность. В последние месяцы компьютерные атаки приобрели особую остроту в свете противостояния и противоборствования в информационной среде. Не всегда таким кибератакам удается противостоять, несмотря на все принимаемые меры. Так, в середине сентября 2022 г. в своем телеграм-канале о проведенных DDoS-атаках и взломе официального сайта заявила Организация Договора о коллективной безопасности, что повлекло нарушение работоспособности ресурса, попытки внесения изменений в цифровые данные и их утрату [10]. Указанное демонстрирует уровень существующих информационных рисков.

Хотя информационная сфера по своей сути трансгранична, сегодня специалистами отмечаются риски балканизации Интернета. Не ставя в настоящем научном исследовании цель подробно рассмотреть существующие в этой сфере проблемы, в то же время следует отметить, что это не единственный риск и интернет-пространство сегодня контролируется не только государствами в целях обеспечения национальной безопасности, но и глобальными IT-корпорациями. В настоящее время сложилась ситуация фильтрации информации, распространяемой в информационно-коммуникационной сети Интернет, ведущими мировыми IT-компаниями, что нарушает права и свободы граждан Российской Федерации и требования российского законодательства [13]. В этом свете изменения российского информационного законодательства декабря 2020 г. следует оценивать как компонент механизма предупреждения рисков нарушения прав человека.

Исследование показывает, что для эффективного развития правовых средств обеспечения информационной безопасности важное значение имеет развитие правовых механизмов рискориентированного подхода в информационном праве, в том числе закрепление понятия «информационный риск» в законодательстве, определение совокупности категорий риска и критериев их оценки в данной сфере применительно к основным видам цифровых технологий, формирование правовых средств категорирования и оценивания информационных рисков, а также правовых средств их минимизации и преодоления.

В связи с вышерассмотренным интересным также представляется обсуждение вопросов страхования рисков информационной безопасности. Следует отметить, что План мероприятий по обеспечению информационной безопасности в рамках реализации программы «Цифровая экономика РФ» ставит задачи разработки нормативных документов по страхованию информационных рисков (киберрисков) и введению при этом налоговых льгот. В связи с этим нельзя обойти вниманием тот факт, что исторически риски в праве наиболее связаны с общественными отношениями в сфере страхования. Вопросы необходимости закрепления в законодательстве возможности страхования рисков в области информационной безопасности поднимают специалисты по защите информации [11]. Страховые компании сегодня уже предлагают соответствующие продукты [14].

Вместе с тем представляется необходимым исследование возможности введения обязательного страхования таких рисков.

Нельзя обойти вниманием также существующие сегодня информационно-правовые риски в научной сфере. Информационное право, как сравнительно молодая отраслевая юридическая наука, прошедшая этап первоначального становления, в настоящее время переживает очередной виток своего развития. В связи с этим следует отметить определенные проблемы информационного права по развитию его понятийного аппарата как языка соответствующей науки, системы ее подотраслей, институтов и подинститутов, общей теории и методологии, что неоднократно отмечалось исследователями.

В последние годы при правовом регулировании общественных отношений в информационной сфере возрастает роль технического регулирования. Современное развитие технического регулирования детерминировано научно-техническим прогрессом, процессами интеграции и глобализации, потребностями обеспечения качества товаров, процессов, работ и услуг, а также обеспечения их конкурентоспособности на национальном, региональном и мировом уровне.

Сегодня государственная система технического регулирования, являясь важнейшей компонентой экономической и правовой системы России, претерпевает революционные изменения под влиянием новых вызовов, рисков и угроз цифровизации. В современном мире правовое регулирование технической сферы в целом и сферы цифровых технологий приобретает огромное значение, и представители бизнес-сферы обоснованно ожидают от государства взвешенных решений стоящих задач. Государственная политика России в области технического регулирования цифровых технологий направлена на создание базовых защитных механизмов, направленных на охрану экономических интересов России, отечественных производителей и потребителей объектов стандартизации при продвижении высокоэффективных передовых технологических решений. Это приобретает особое значение в условиях, когда технически и программно сложные цифровые устройства и иные цифровые решения предполагают доверие со стороны их пользователей, а развитие цифровой экономики является условием динамичного формирования экономики уровня передовых государств как фактора преодоления сырьевой зависимости России в условиях жесткой внешнеэкономической конкуренции и санкционных рисков. При этом значимое место в процессе цифровизации нашей страны занимает формирование эффективного механизма технического регулирования, необходимость которого продиктована задачами максимально результативного использования интеллектуального потенциала, имеющегося в нашей стране. В этом аспекте следует отметить, что обеспечение безопасности в различных ее аспектах, включая информационную безопасность, является приоритетной целью технического регулирования, что ставит перед правом задачи осмысления происходящих в информационной сфере процессов, а также определения границ правового и технического регулирования в рамках междисциплинарных исследований.

Отмечая взаимосвязь развития технического и правового регулирования цифровых технологий, следует отметить, что они не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. В связи с этим представляют интерес положения документов

стандартизации, включая ГОСТ Р 58771-2019 «Менеджмент риска. Технологии оценки риска» [6].

Существенное значение для информационного права сегодня, полагаем, имеет дальнейшее развитие его методологии, которой порой уделяется недостаточное внимание. Однако исследование методологии информационного права не раз привлекало внимание исследователей [9, 12]. Вместе с тем современные тренды развития ставят новые вопросы в этой области и формируют определенные риски.

Останавливаясь на научной методологии, следует отметить, что это не просто комплекс или совокупность методов. Методология науки предполагает наличие базовых идей, концептов и подходов, которые определяют общую направленность избираемых методов. Так, ранее действовавший паспорт научной специальности 12.00.13 «Информационное право» в составе методологии информационно-правового научного исследования указывал принципы развития предмета исследования, его логической определенности, исторической конкретности и диалектической связи между логическим и историческим способами познания, системности и всесторонности исследования. Важное место уделялось общенаучным подходам системного и деятельностного методов, теоретическому моделированию, юридической интерпретации и многим другим.

Исследователи также отмечали технологический метод в информационном праве как его специфику [8]. Вместе с тем представляется, что технологический подход в информационном праве пока не получил необходимого обоснования и его выделение в значительной мере лишь отражает связь информационного права и цифровых технологий.

В последнее время для исследований в области информационного права важную роль приобретают рискориентированный подход и его методология. Применение этого подхода все чаще прослеживается в рамках научных работ. Это свидетельствует как о его практической значимости, так и потенциале применения в научно-исследовательской деятельности.

Сегодня нельзя обойти вниманием публично-правовой аспект методологии. При этом следует отметить, что методология публично-правовых отраслей права в паспорте научной специальности 5.1.2 обозначена достаточно кратко как методы публичного права. Это, с одной стороны, повышает риски снижения внимания со стороны исследователей к вопросам научной методологии информационного права, а также сводит методологию лишь к совокупности методов, что представляется неверным и достаточно узким подходом к этим вопросам. В целом укрупнение научных специальностей в праве, полагаем, несет в себе риск утраты определенных достижений отраслевых юридических наук, включая комплексный характер информационного права в аспекте его методологии в результате неизбежного обобщения знания.

Список литературы

1. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
6. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 58771-2019 Менеджмент риска. Технологии оценки риска. Официальное издание. Москва: Стандартинформ, 2020. 90 с.
7. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Москва, 2000. С. 25–26.
8. Амелин Р. В. О роли технологического метода в информационном праве // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сборник научных трудов. 2018. С. 148–155.
9. Бачило И. Л. О методах и методологии в информационном праве // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сборник научных трудов / отв. ред. Т. А. Полякова, В. Б. Наумов, Э. В. Талапина. 2018. С. 20–28.
10. В ОДКБ заявили о взломе сайта организации // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/tag/kiber-ataka> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Воеводин В. А., Ковалев И. С., Фоломеев Л. А. Страхование информационных рисков как экономический инструмент обеспечения информационной безопасности // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 41-2. Рр. 14–17.
12. Камалова Г. Г. К вопросу о методологических основах формирования информационного права Российской Федерации // Информационное право. 2009. № 2. С. 38–43.
13. Камалова Г. Г. Цензура в цифровую эпоху: вопросы правового обеспечения национальной безопасности // Информационное право. 2021. № 2. С. 32–36.
14. Кибер-Инго. Страхование информационных рисков для юридических лиц // Ингосстрах. URL: <https://new.ingos.ru/corporate/cyber-ingo> (дата обращения: 16.09.2022).
15. Остроушко А. В. Правовые риски в информационной сфере // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 5 (29). С. 62–73.
16. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий / А. В. Минбалева, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова, С. Г. Чубукова, О. В. Сушкова, М. В. Бундин, В. М. Жернова, К. Ю. Никольская, И. С. Бойченко. Саратов, 2022. 338 с.

17. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Информационные риски и эффективность правовой политики // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 88–95.

18. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 16.

19. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалева, А. А. Чеботарева, В. Б. Наумов, И. С. Бойченко. Саратов, 2022. 332 с.

О. А. Кислый,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры правового обеспечения государственной

и муниципальной службы,

Институт государственной службы и управления Российской академии

народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

М. А. Исаева,

инспектор отделения по координации деятельности отдела по контролю в сфере миграции Управления по вопросам миграции Главного управления

Министерства внутренних дел России по г. Москве

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ИНСТИТУТА ЭЛЕКТРОННЫХ ВИЗ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Российская Федерация окутана процессами международной миграции с 90-х гг. прошлого века. Предпосылками этих процессов стали эволюция деятельности внешней экономики, всемирных деловых контактов, «устремление» национального хозяйства в сторону иностранных инвестиций, снятие многих административных преград въезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и выездом за рубеж своих граждан. Очевидно и доказано, что право (законодательство) «аутентично» и индивидуально: имеет собственную «природу» и закономерности своих «метаморфоз», но при этом находится в зависимости от окружающей среды социума. А потому содержание, сфера распространения, «темперамент» правового регулирования – это все поддается «огранке», претерпевая изменения в среде действия права. В связи с чем поговорим об институте электронных виз в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные граждане, миграция, подразделения по вопросам миграции, миграционная политика, цифровизация, электронная виза, международные процессы

SOME ISSUES CONSIDERED BY THE INSTITUTE OF ELECTRONIC VISAS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The Russian Federation has been “shrouded” by the processes of international migration since the 90s of the last century. The prerequisites for these

processes were the evolution of the activities of the external economy, global business contacts, the “striving” of the national economy towards foreign investment, the removal of many administrative “barriers” to the entry and stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation and the departure of “their” citizens abroad. It is obvious and proven that law (legislation) is “authentic” and individual: it has its own “nature” and the laws of its “metamorphoses”, but at the same time it is dependent on the environment of society. Therefore, the content, scope, “temperament” of legal regulation – all this lends itself to “cutting”, undergoing changes in the environment of the law. In this connection, let’s talk about the institution of electronic visas in the Russian Federation.

Keywords: Foreign citizens, Migration, Migration departments, Migration policy, Digitalization, E-visa, International processes

Институт виз в форме электронного документа в России является новым. Проблематика электронных виз слабо исследована. Актуальность исследования обусловлена необходимостью претворения позиций Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [9]. При этом среди документов стратегического планирования [14] для «нужд» рассматриваемого вопроса следует учитывать положения Стратегии национальной безопасности [12], Доктрины информационной безопасности [8]. Вместе с тем развитие и функционирование системы электронных виз обусловлено Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [3].

Авторы под институтом электронных виз понимают комплекс специальных организационных, информационно-технических и других, в том числе юридических, средств контроля пересечения «государственного рубежа» Российской Федерации иностранными гражданами.

Электронные визы представляют собой инструмент контрольной функции управления, отличающийся от обычной визы ускоренным порядком оформления, особенностями действия (до введения с 1 января 2021 г. единой электронной визы), краткосрочностью нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации на ее основании, выражения в электронной среде.

Из системного подхода следует, что электронные визы могут быть рассмотрены как система. С точки зрения управления система электронных виз требует: организационного обеспечения (например, информирования иностранных граждан о порядке оформления и особенностях действия электронных виз); правового обеспечения (правила функционирования для всех субъектов (участников) отношений, в связи с электронными визами); материально-финансового обеспечения; информационно-технического обеспечения и т. д.

Считается, что первой страной, в которой воспользовались таким типом визы, была Австралия. В 1996 г. была запущена система Electronic Travel Authority (ETA), предназначенная для выдачи виз гражданам США, Японии и некоторых других стран и территорий.

Упрощение въезда иностранных граждан на территорию Российской Федерации в 2017 г. впервые выразилось в упрочнении механизма электронных

виз: на территории Дальневосточного федерального округа, в частности свободного порта Владивосток, применяется порядок въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию на основании электронной визы. А в отечественной и зарубежной практике уже применялись похожие механизмы, позволяющие иностранным гражданам пересекать государственную границу на основании электронного документа. Так, например, в 2018 г., во время чемпионата мира по футболу, применялся так называемый FanID (паспорт болельщика), который, по сути, и был электронной визой (приобретенный билет для посещения спортивного мероприятия – основание для въезда в Российскую Федерацию, оформления визы).

Правовая основа механизма упрощенного порядка въезда иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию через пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территории Дальневосточного федерального округа, свободного порта Владивосток, на основании электронной визы кроется в Федеральном законе № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ст. 25, 25.1 и 25.17 (утратила силу)) [13].

На основании ст. 25.17 Федерального закона № 114-ФЗ издано Постановление Правительства Российской Федерации № 667 «Об установлении особенностей оформления виз в форме электронного документа и въезда в Российскую Федерацию на основании виз в форме электронного документа граждан иностранных государств, прибывающих в Российскую Федерацию через пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территории свободного порта Владивосток, через воздушные, автомобильные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территории Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в Положение о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность» (утратило силу) [13]. Указанный порядок давал возможность бесплатного ускоренного оформления (четыре дня) однократных электронных виз, чья продолжительность не более тридцати дней с допустимым сроком пребывания в Российской Федерации до восьми суток гражданам государств, установленных Правительством Российской Федерации, для «обычных» деловых, туристических и гуманитарных поездок.

Вместе с тем в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 632 [10] о включении в Дальневосточный федеральный округ Республики Бурятия и Забайкальского края, Постановлением Правительства Российской Федерации № 445 [5] внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации № 667 [6] в части распространения упрощенного порядка въезда иностранных граждан на основании электронных виз на воздушные пункты пропуска Дальневосточного федерального округа «Улан-Удэ (Мухино)» и «Чита (Кадала)», расположенные на территории Республики Бурятия и Забайкальского края, с 1 июня 2019 г.

Затем режим электронных виз был введен в ряде других регионов с отдельными особенностями для каждого, в частности по странам гражданской принад-

лежности иностранных граждан, которые вправе воспользоваться механизмом электронных виз.

В соответствии с Федеральным законом № 393-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области» [15] с 1 июля 2019 г. на территории Калининградской области порядок въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию также применяется по электронным визам.

Указ о возможности въезда в Российскую Федерацию на основании электронных виз с 1 октября 2019 г. в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область был подписан 18 июля 2019 г. Президентом Российской Федерации [11], что подразумевало:

- бесплатное оформление электронной визы с помощью специального интернет-ресурса официального сайта МИД России (Консульского департамента);
- получение электронной визы «избегало» ситуаций требования обосновывающих «намерение» пребывания в Российской Федерации документов;
- однократное действие электронной визы в течение тридцати календарных дней, включая дату выдачи;
- исчерпывающий перечень государств, которые могли применить механизм электронных виз;
- разрешение на восьмидневное нахождение, начиная с даты въезда, в пределах Российской Федерации по электронной визе;
- беспрепятственное перемещение иностранных граждан по местности субъекта Российской Федерации, в который они прибыли с электронной визой, кроме случаев специальных разрешений для въезда в соответствии с федеральными законами Российской Федерации;
- запрет на продление действия электронной визы и (или) разрешенный срок пребывания по ней;
- исключительность выезда иностранных граждан с территории Российской Федерации: только через контрольно-пропускные пункты субъекта Российской Федерации, который был избран для въезда.

Временные ограничения на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временное приостановление порядка оформления и выдачи виз и приглашений ввиду обеспечения государственной безопасности, народного благополучия, нераспространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции наложил распоряжение № 635-р Правительства Российской Федерации: п. 5 определено, что с 18 марта 2020 г. временно приостановлены прием документов, оформление и выдача всех категорий виз, в том числе электронных, за некоторыми исключениями, указанными в данном пункте [7].

С 1 января 2021 г. действие электронных виз расширено на всю территорию Российской Федерации [16]. В соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 12 июня 2019 г. № Пр-1069 [4] с 1 января 2021 г. на всей территории Российской Федерации введена единая электронная однократная виза, что позволяло иностранным гражданам в туристических, деловых, гуманитарных целях или с гостевым визитом посетить Российскую Федерацию сроком до 16 дней.

Получение единой электронной визы не подразумевало оформления приглашения на въезд в Российскую Федерацию и подтверждение приема иностранного гражданина. Вместе с тем расширялся перечень предоставляемой ими информации в целях осуществления надлежащего контроля за соблюдением порядка пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. На основании единой электронной визы въезд и выезд граждан иностранных государств реализовывался через пункты пропуска, также определенные Правительством Российской Федерации. Одновременно совершенствуются механизмы обеспечения безопасности, в том числе процедуры лишения нежелательных лиц права на пребывание в Российской Федерации и их высылки с ее территории. Предполагалось, что единая электронная виза в основном будет востребована туристами, предпринимателями и иными категориями граждан из государств, не представляющих миграционной опасности для Российской Федерации. При выполнении поручения Президента Российской Федерации Правительством Российской Федерации 7 сентября 2019 г. утвержден План правовых, технических и организационных мероприятий по введению единой электронной однократной визы № 8093п-П4. Указанным планом предусматривалось исполнение причастными федеральными органами исполнительной власти мероприятий по формированию современных платформ «цифры», которые явились бы карт-бланшем иностранным гражданам в выборе удобного транспорта и осведомленности актуальными сведениями. Технологические решения по внедрению единой электронной визы разрабатывались с учетом возможности их последующей модернизации, дополнения современными средствами биометрии, интеграции с информационными системами, сервисами и иными технологическими решениями в сфере управления миграцией, оказания государственных услуг и осуществления государственного контроля.

В сегодняшние дни неактуальна заморозка на продолжение внедрения электронных виз, введенная в ковидный период. Но и невзирая на это, описываемые визы не функционируют, даже отсутствуют «отдаленные очерки» их возможного «восстановления» в будущем. Конечно, ограничения на ввод электронных виз сняты Правительством Российской Федерации, но парадоксально, что об их появлении «замалчивается»:

- во-первых, электронную визу можно внедрить при наличии «полностью открытого рыночного пространства»: когда не только Россия, но и все страны могут свободно передвигаться, ведь где-то все еще действуют строгие ковидные ограничения, например в Китае;

- во-вторых, многие страны из перечня 52 стран, содержащего «предполагаемую аудиторию получения» электронных виз, отнесены к категории недружественных с марта 2022 г. [18].

Выделим некоторые трудности при эксплуатации электронных виз:

- допущение ошибок при заполнении заявлений на электронную визу иностранными гражданами данных паспорта (отказ во въезде в Российскую Федерацию), таможенной декларации (автомобильные пробки);

- появление фейковых анкет;

- отсутствие информированности среди иностранных граждан о наличии электронной визы, ее особенностях и условиях выдачи;
- поскольку прием электронной визы осуществляется не во всех контрольно-пропускных пунктах, следует заранее узнавать о действии визы на той или иной границе;
- необходимость иметь распечатанную версию электронной визы и др. [2. С. 260–264; 17. С. 420–423].

Пересекая государственную границу Российской Федерации, гражданами иностранных государств, въезжающими в том числе по электронной визе, в обязательном порядке заполняется миграционная карта, содержащая информацию об иностранном лице и находящаяся при нем в течение всего срока пребывания в Российской Федерации.

Соответствующая отметка о пересечении «государственного рубежа» Российской Федерации (штамп) в его национальном паспорте, а также наличие миграционной карты подтверждают законное нахождение иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию на основании электронной визы. Проверить законность пребывания иностранного гражданина, у которого отсутствуют указанные документы и отметки, возможно посредством обращения в Центральный банк данных учета иностранных граждан и лиц без гражданства (АС ЦБДУИГ) для получения информации о пересечении «государственного рубежа» Российской Федерации, пункте пропуска и данные об оформленной ему электронной визе. В 2019 г. выявлено 98 фактов совершения административных правонарушений иностранными гражданами, прибывшими на территории СПб, ДФО, ОЭЗК и СПб и ЛО на основании электронных виз [17].

Основными причинами нарушения срока пребывания указанной категории иностранных граждан являлось некорректное исчисление ими допустимого срока пребывания (восемь дней), а также то, что иностранные граждане покидали территорию Российской Федерации через пункты пропуска государственной границы, которые не предусматривали возможность использования электронной визы. Граждане иностранных государств, находящиеся на основании электронной визы в границах Российской Федерации и не исполнившие обязанность по своевременному выезду из Российской Федерации, в соответствии с требованиями ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ привлекались к административной ответственности. Это требовало оформления транзитных виз.

Эксплуатация в России электронных виз для иностранных граждан осветила правовые, организационные и технические пробелы контроля за пребыванием указанной категории иностранных граждан. Например, целесообразно включить в будущем графы для заполнения информации о заболеваниях у иностранных граждан, желающих оформить электронную визу, чтобы исключить возможные риски и негативные (неблагоприятные) последствия [1. С. 170–172]. Данные обстоятельства помогут приподнять занавес для ведения в сфере миграции прозрачного государственного контроля (надзора).

С целью полноценного, защищенного функционирования системы электронных виз в России должен быть создан целый комплекс взаимосвязанных объектов

и элементов, каждый из которых отвечает требованиям и выполняет свой круг задач. В связи с этим необходимо создать целый комплекс объектов, объединенных в единую систему сбора, обработки и хранения информации. Кроме того, очевидно, что информация, циркулирующая в рассматриваемой системе, может содержать персональные данные граждан, следовательно, с одной стороны, представляет интерес для злоумышленников, а с другой – для функционирования такой системы необходимо применять целый комплекс программных, аппаратных, аппаратно-программных средств защиты информации. При функционировании системы электронных виз непосредственно доступ к информации, содержащей в том числе и персональные данные граждан, должен быть строго ограничен в зависимости от должностных обязанностей лица, имеющего непосредственный доступ к данным базам. Это означает, что, например, администратор защиты должен иметь ограниченный доступ на просмотр персональных данных заявителей или же оператор, выполняющий обработку заявок определенной группы лиц, не должен иметь доступ ко всем персональным данным, содержащимся в базе. Стоит отметить, что в данном случае условием реализации угрозы может быть недостаток, слабые места в системе защиты. С целью снижения такой вероятности необходимо применять электронные подписи с алгоритмами, исключающими возможность возникновения коллизий, двусторонние протоколы идентификации пользователей, а также защиту передаваемой информации с применением криптографических методов. С целью снижения вероятности потери информации в связи с действиями таких программ рекомендуется выполнять плановое копирование информации на резервные носители хотя бы один раз в неделю.

Институт электронных виз имеет относительно небольшую историю. За немногим более четверти века применения электронных виз данный инструмент зарекомендовал себя, способствуя увеличению миграционной активности людей, расширению масштабов применяющих данный механизм экономик государств.

Список литературы

1. Дурнев В. С. Прогнозирование рисков и негативных (неблагоприятных) последствий при введении порядка въезда иностранных граждан на основании электронной визы на всей территории Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 12. С. 170–172.
2. Коробейникова Т. С. Использование электронных виз как стимул для развития экономики России // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: материалы Международной научной конференции / под ред. П. А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2020. С. 260–264.
3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16).
4. Поручение Президента Российской Федерации от 12.06.2019 № Пр-1069.

5. Постановление Правительства РФ от 13.04.2019 № 445 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2017 г. № 667».

6. Постановление Правительства РФ от 30.05.2017 № 667 (ред. от 24.03.2020) «Об установлении особенностей оформления виз в форме электронного документа и въезда в Российскую Федерацию на основании виз в форме электронного документа граждан иностранных государств, прибывающих в Российскую Федерацию через пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территории свободного порта Владивосток, через воздушные, автомобильные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территории Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в Положение о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность».

7. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-р (ред. от 14.06.2022) «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений».

8. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

9. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

10. Указ Президента РФ от 03.11.2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

11. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.2019 № 347 «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан через пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные на территориях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

13. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

14. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

15. Федеральный закон от 05.12.2017 № 393-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области».

16. Федеральный закон от 31.07.2020 № 305-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

17. Черепова С. Д. Электронные визы в Российской Федерации: преимущества и недостатки // Новеллы права, экономики и управления 2019: сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 22 ноября 2019 г.). В 2 т. Т. 1. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2020. С. 420–423.

18. Электронная виза в геополитическом тумане. URL: <https://www.atorus.ru/node/48744>

Я. А. Коновальчиков,
старший преподаватель,

Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПАРТОГЕНЕЗЕ

Аннотация. В статье представлен теоретико-методологический анализ процесса влияния цифровизации на партогенез. Выявлены правовые пределы для использования цифровых технологий в деятельности политических партий, предложены пути совершенствования нормативно-правовой базы. Дальнейшее внедрение цифровых способов, средств и алгоритмов в избирательный процесс требует введения дополнительных гарантий для политических партий на случай различных блокировок и сбоев в сети Интернет, а также средств защиты информации.

Ключевые слова: политические партии, киберпартии, правовой эксперимент, дистанционное электронное голосование, праймериз, выборы, выдвижение кандидатов

DIGITAL TECHNOLOGIES IN PATHOGENESIS

Abstract. The article presents a theoretical and methodological analysis of the process of digitalization influence on pathogenesis. The legal limits for the use of digital technologies in the activities of political parties are identified, ways to improve the regulatory framework are proposed. The further introduction of digital methods, tools and algorithms into the electoral process requires the introduction of additional guarantees for political parties in case of various blockages and failures on the Internet, as well as information security tools.

Keywords: Political parties, Cyberparties, Legal experiment, Remote electronic voting, Primaries, Elections, Nomination of candidates

Развитие цифровых технологий и сети Интернет коснулось всех сфер общественной жизни, в том числе и порядка участия в выборах, деятельности политических партий. При этом следует отметить, что внимание юридической науки сегодня приковано к оценке использования дистанционного электронного голосования, проведенного в качестве эксперимента на территории ряда субъектов Российской Федерации (Москва, Севастополь, Курская, Мурманская,

Нижегородская, Ростовская, Ярославская области) [16, 12]. Однако перспективы правового регулирования использования цифровых технологий политическими партиями незаслуженно обделены вниманием [5. С. 26–30].

Феномену «интернетизации» политических партий посвящены исследования в политической науке [9. С. 206–207; 27. С. 17–20; 24. С. 21–37; 8]. Особенность этого явления заключается в том, что «интернетизация» не означает простого дублирования в сети Интернет информации о текущей, обычной деятельности политической партии. По мнению Л. В. Сморгунова и А. С. Шерстобитова, «переходя в онлайн-пространство, политические партии начинают организационно трансформироваться и проводить свою политику, учитывая особенности информационной сети, т. е. они фактически превращаются в новый вид партий – сетевые партии» [25. С. 226]. Возникновение этого явления связывают не только с развитием технологий, но, прежде всего, как реакцию на кризис традиционных институтов представительства [20. С. 14]. Благодаря интернет-взаимодействию стираются границы между партией и избирателями, теперь избиратели участвуют в принятии политических решений и выборе кандидатов непосредственно, одним нажатием кнопки на компьютере или смартфоне.

Концепция «киберпартий» получила развитие в трудах Элен Маргеттс из Лондонской школы публичной политики начиная с 2001 г. К ним она относила партии, которые осуществляли свою деятельность в основном на сетевых платформах политической коммуникации, используют социальные сети и блоги для ведения политической деятельности, а финансируются за счет пожертвований [28]. Также ими используется особая модель членства путем создания учетной записи и бесплатной регистрации аналогично регистрации в социальных сетях. Среди первых европейских киберпартий следует назвать партию «Йоббик» (Jobbik Magyarorszáért Mozgalom) в Венгрии (2003 г.) и «Партию свободы» (Partij voor de Vrijheid) в Нидерландах (2006 г.).

Киберпартии включают в себя несколько направлений, возникших в разное время [23]. Впервые такие партии появились в странах Европы и получили название «пиратских» политических партий. Их программа была основана на том, что каждый обладает неотъемлемым правом на доступ к Интернету, в связи с чем необходимо адаптировать законодательство об интеллектуальной собственности в части доступного некоммерческого обмена информацией. Далее появились так называемые эклектичные популистские интернет-партии, например, движение «Пять звезд» (Movimento Cinque Stelle), «Подemos» (Podemos) в Испании, движение «Вперед!» (En Marche!), «Непокорная Франция» (France Insoumise) во Франции, базирующиеся на интернет-активизме, социальных сетях как инструментах для привлечения и взаимодействия с членами и сторонниками, реализующие отбор кандидатов через Сеть. Относительно недавно возникли «блокчейн» политические партии, первой из которых стала партия Flux Party («Партия Поток») в Австралии.

В России также предпринята попытка создания «киберпартий». В 2012 г. была создана Интернет-партия Российской Федерации. Эта политическая партия придерживалась идей электронной демократии, информатизации страны и защиты персональных данных в сети Интернет. Интернет-партия Российской Федерации

столкнулась с недостатком кадров на местах, неспособностью организовать и зарегистрировать региональные отделения и в 2013 г. была вынуждена подать документы на самороспуск. В настоящее время она действует как сетевая общественная организация [18. С. 14]. В 2020 г. создана политическая партия «Партия прямой демократии», в программе которой предложены цифровизация процедур, применяемых в избирательном процессе, доработка государственных информационных систем (сервиса «Госуслуги» и инфраструктуры электронного паспорта граждан Российской Федерации) в целях их удаленного использования для сбора (подачи) подписей при выдвижении кандидатов, легализация института прямой внутрипартийной демократии с помощью дистанционного верифицируемого голосования [17].

В науке существуют различные оценки политической успешности «киберпартий». Например, Ю. В. Парфенова в своем диссертационном исследовании в 2016 г. пришла к выводу, что виртуальные партии не могут всерьез претендовать на приход к власти как в западных демократиях, так и в России. Для этого существует несколько веских причин. Это «политический непрофессионализм, протестная и популистская программа «киберпартий», существование «цифрового разрыва» в связи с невысоким уровнем цифровой грамотности населения и доверия к Интернету как независимому средству участия в политике» [20. С. 14]. Г. Ю. Никипорец-Такигава в докторской диссертации в 2019 г. пришла к выводу, что уровень и качество существующих отечественных моделей интернетизации политических партий отличаются от западных по сущностным характеристикам. Она отмечает, что российские политические партии не берут в качестве образца лучшие западные практики интерактивных и аудиовизуальных средств пропаганды, а используют классические элементы партийных средств массовой информации «советского» образца [9. С. 206–207].

В настоящее время в политологии предлагается выделять три основные формы участия политических партий в сетевой коммуникации: «первая форма, традиционная, предполагает использование интернет-технологий для информирования своих избирателей и привлечения потенциальных сторонников, вторая форма участия связана с изменением организационной формы существования политической партии и формированием сетевой партийной структуры, третья форма – это собственно сетевые партии («киберпартии»), которые изначально создаются в виртуальной среде» [19. С. 124–130]. Исходя из практики, отечественные политические партии используют только первую форму участия в сетевой коммуникации. Мы полагаем, что одним из препятствий в нашей стране является отсутствие правового регулирования возможности использования цифровых технологий при создании политической партии, ее деятельности и участии в выборах либо точечное регулирование отдельных вопросов. При этом перспектива возникновения собственно «киберпартий», учитывая уровень развития социальных сетей и технологий, вполне реальна.

Объективно следует учитывать, что нормативные условия создания отечественных политических партий сегодня не позволяют создавать и регистрировать «киберпартии» в том виде, как они созданы в рассмотренных зарубежных странах. Политические партии – юридические лица, имеющие минимум 43 региональных отделения, также зарегистрированных в качестве юридических лиц. Политические

партии должны иметь определенное количество членов – реальных граждан, обязаны сдавать отчетность и пр. Несомненно, при этом могут быть использованы определенные элементы цифровизации. Например, проведение организационных съездов, собраний с использованием систем видео-конференц-связи при условии идентификации присутствующих, подача документов онлайн с использованием цифровой подписи, в том числе подписных листов и пр. Такой новый формат требует внесения соответствующих изменений в законодательство о политических партиях и выборах, его гармонизации с законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации. Важным моментом также является установление правовых «цифровых» гарантий для «киберпартий» при возможной блокировке сети Интернет. Кроме того, политическим партиям должно быть гарантировано осуществление контроля при проведении выборов путем использования дистанционного электронного голосования.

Следует отметить, что фактически политические партии уже используют цифровые технологии не только при освещении своей деятельности в сети Интернет, но и при реализации своего права на участие в выборах.

1. При выдвижении кандидатов или списков кандидатов на выборах. Правовое регулирование использования цифровых технологий при выдвижении кандидатов или их списков осуществляется на внутрипартийном уровне в уставах политических партий. Некоторые политические партии для отбора кандидатов используют процедуру «праймериз». В настоящее время все чаще при их проведении применяют цифровые технологии, такие как онлайн-голосование на базе технологии «блокчейн». Модель «блокчейн»-голосования предполагает заполнение избирателями бюллетеня, снабженного тремя QR-кодами: блокчейн-адреса в виде уникального криптографического номера, уникального идентификационного кода голосования и уникального идентификационного кода кандидата на выборах. После сканирования QR-кодов происходит передача информации в актив соответствующего кандидата или партии [3. С. 35, 136]. С одной стороны, считается, что это позволяет сделать процесс голосования открытым, не подверженным какому-либо внешнему влиянию, а значит, результаты будут достоверными. С другой стороны, отсутствует возможность провести проверку результатов голосования.

Одной из первых партий, которая провела внутрипартийное голосование с использованием технологии «блокчейн», стала датская политическая партия «Либеральный альянс» (Liberal Alliance), которая в 2014 г. задействовала распределенные реестры на внутренних выборах [4]. В 2016 г. Либертарианская партия США (Libertarian Party) также объявила о своем намерении использовать технологию «блокчейн» при проведении внутрипартийных праймериз в штате Техас США. Впервые на национальном уровне партийные праймериз с технологией «блокчейн» провела старейшая партия Таиланда – Тайская демократическая партия (National Democrat Party) в 2018 г. В России также использовалась указанная технология: в мае 2018 г. политическая партия «Яблоко» провела блокчейн-голосование на дебатах кандидатов в мэры Москвы [29]. Парламентская политическая партия «Единая Россия» в 2021 г. впервые использовала технологию «блокчейн» в рамках организации предварительного голосования (праймериз) по определе-

нию кандидатов на выдвижение от партии на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [22].

Использование технологии «блокчейн» в избирательных процедурах пока вызывает много критики и с юридической, и с политической, и с технической стороны, что связано с такими проблемами, как идентификация избирателя, технические сбои и хакерские кибератаки, которые могут исказить волеизъявление граждан, возможная утечка персональных данных избирателей в случае взлома электронных баз данных, невозможность полноценной реализации базовых принципов демократических и свободных выборов, тайны голосования, так как выборы на платформе «блокчейн» подразумевают авторизацию пользователя (избирателя) в системе [1]. Следует указать и на достоинства, такие как мобильность и доступность голосования на платформе «блокчейн», благодаря которой избиратель может проголосовать из любого места, минимизация расходов, необходимых на проведение и организацию выборов, сокращение аппарата избирательных комиссий, возможность исключить воздействие на избирателей со стороны различных участников избирательного процесса, возможность повысить доверие к выборам со стороны граждан, не принимающих участия в голосовании [1].

2. При сборе подписей избирателей в поддержку выдвигаемых кандидатов (списков кандидатов). Сбор подписей избирателей осуществляется не только с помощью подписных листов, но и в электронном виде с помощью федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – ЕПГУ) [13, 21]. Эта новелла появилась относительно недавно, в 2020 г., и была связана с введением ограничений из-за распространения новой коронавирусной инфекции в мире. Однако возможность использования этой технологии в настоящее время достаточно ограничена и осуществляется только на региональном уровне при сборе подписей для участия в выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации, при условии что это предусмотрено законом субъекта Российской Федерации. В этом законе также должно быть установлено максимальное количество таких «цифровых» подписей избирателей. Порядок проставления подписей с использованием ЕПГУ и их проверки определяет Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.

Подпись проставляется в личном кабинете избирателя с помощью простой электронной подписи, что подтверждается СМС-сообщением на номер мобильного телефона избирателя. Сведения о полученных цифровых подписях заносятся в личный кабинет кандидата и политической партии. При этом они могут исключать из списка сведения о любом избирателе, проставившем подпись. Сведения об избирателях, проставивших цифровые подписи, хранятся в избирательной комиссии в течение одного года с момента опубликования результатов выборов, а затем уничтожаются [15].

Вопрос цифровизации деятельности политических партий, по представлению ряда ученых, мнение которых мы разделяем, является перспективным направлением научных исследований и законодательных изменений [7. С. 25–30]. Например, Ф. И. Долгих предложил внести изменения в Федеральный закон о по-

литических партиях в части закрепления возможности участия в работе съезда политической партии делегатов в дистанционном формате, принятия заявлений о приеме в члены партии в форме электронного документа, считать «уважительной причиной» период пандемийных ограничений при исчислении семилетнего срока и иных сроков, имеющих юридическое значение для деятельности политической партии [5. С. 26–30; 6. С. 56–60]. При этом, по нашему мнению, деятельность организационного комитета и проведение учредительного съезда политической партии должны проходить только очно, поскольку это момент создания политической партии.

Учитывая сказанное, нам видится два возможных пути эффективного использования цифровых технологий в деятельности политических партий. Первый – это создание цифровой платформы, посредством которой будет осуществляться электронное взаимодействие политических партий и органов публичной власти. В правовой науке под цифровой платформой понимается совокупность онлайн-новых цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру какой-либо деятельности [2. С. 86–94]. Предполагается, что политическим партиям будет предоставляться доступ к такой цифровой платформе через Личный кабинет, логин и пароль к которому будет предоставляться в момент государственной регистрации политической партии. Соответственно, цифровая платформа будет обеспечивать идентификацию участников, прошедших авторизацию в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации». Посредством ресурсов такой цифровой платформы будет возможно подавать и получать различные документы, отчетность, сведения и информацию, проводить заседания политической партии в дистанционном формате с обеспечением возможности присутствия представителей контролирующих органов государственной власти и избирательных комиссий, решать иные вопросы. Безопасность деятельности на цифровой платформе будет обеспечиваться с помощью различных программно-технических средств и средств защиты информации. Таким образом, предлагается в Федеральном законе о политических партиях закрепить возможность создания подобной цифровой платформы, определить ее содержание, а также уполномоченный орган, обеспечивающий ее функционирование с учетом положений ст. 14 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10].

Второй путь следующий. В период пандемийных ограничений 2019–2022 гг. получил достаточно успешное развитие и правовое закрепление дистанционный формат заседаний органов государственной власти, а также юридических лиц, в которых предусмотрены коллегиальные органы управления, некоммерческих организаций [14]. В связи с этим возникает вопрос о причинах, препятствующих использованию подобного опыта в деятельности политических партий. Следует отметить, что Министерством юстиции Российской Федерации в 2020 г. был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О некоммерческих организациях» и статью 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [26], который предполагал возможность проведения в онлайн-формате без личного присутствия общих

собраний некоммерческих организаций. Положения законопроекта предлагалось распространить в том числе на политические партии. Однако до настоящего времени указанный законопроект не внесен в федеральный парламент.

Решение вопроса о возможности использования дистанционного формата заседаний политическими партиями требует как правовой, так и технологической проработки. В настоящее время существует ряд современных цифровых технологий, которые при определенной адаптации позволят проводить заседания и съезды политических партий с возможностью идентификации участников и проведением голосования. Например, среди частных цифровых инициатив следует упомянуть сервисы электронного голосования – универсальное мобильное приложение «Кворум» (сервис ВТБ Регистратор), идентификация в котором осуществляется либо через ЕПГУ, либо с помощью государственной Единой биометрической системы; E-voting, идентификация в котором осуществляется либо через ЕПГУ, либо с помощью Сбер ID, личный кабинет «Реестр-онлайн», идентификация в котором осуществляется либо через ЕПГУ, либо по логину и паролю, предоставляемому сервисом.

Со стороны государства также предприняты определенные шаги к внедрению цифровых технологий в избирательный процесс. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации в 2019 г. утвердила основные направления развития Государственной автоматизированной системы «Выборы» (далее – ГАС «Выборы») [11], в которых определила необходимость развития цифровых сервисов для участников избирательного процесса. В рамках ГАС «Выборы» предполагается создание Цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Участники избирательного процесса должны иметь на этом сервисе личный кабинет с обратной связью, доступ к которому осуществляется посредством ЕПГУ. В целом подобная цифровая платформа в теле ГАС «Выборы» могла бы стать той государственной аккредитованной цифровой площадкой, где проводились бы все официальные мероприятия политических партий, обеспечивалось необходимое присутствие представителей избирательных комиссий и органов юстиции. При этом цифровые сервисы и платформы могут быть достаточно успешной альтернативой при сохранении классических практик.

С позиции совершенствования законодательства это потребует внесения изменений в Федеральный закон о политических партиях, который следует дополнить новой статьей «Проведение съездов, заседаний политических партий, конференций, общих собраний региональных отделений или иных структурных подразделений политических партий в дистанционной форме».

Другим перспективным направлением совершенствования законодательства в области использования цифровых технологий политическими партиями, на наш взгляд, является закрепление возможности подачи документов онлайн с использованием цифровой подписи при регистрации политической партии и ее региональных отделений, а также при взаимодействии с избирательными комиссиями в случае обжалования ее решений. Это потребует внесения изменений в ряд статей Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав граждан.

Подводя итог, следует сделать вывод, что в условиях цифровизации политические партии вынужденно подвергаются трансформации. Уже сегодня они по собственной инициативе и за счет собственных средств используют цифровую технологию онлайн-голосования на базе «блокчейн» при выдвижении кандидатов для формирования их списков на внутрипартийных «праймериз». На региональных выборах политические партии имеют возможность собирать цифровые подписи избирателей в свою поддержку, но только в случаях, если это установлено в законе субъекта Российской Федерации, и в ограниченном количестве. При этом вызовы последнего времени требуют более комплексного подхода к внедрению цифровых технологий в деятельность политических партий, а также основательной технологической и правовой проработки. В качестве возможных путей решения этой проблемы нами предложено два: создание цифровой платформы, посредством которой будет осуществляться электронное взаимодействие политических партий и органов публичной власти; закрепление возможности использования дистанционного формата заседаний и подачи документов онлайн с использованием цифровой подписи при регистрации политической партии и ее региональных отделений, при взаимодействии с избирательными комиссиями в случае обжалования ее решений. Соответственно, в этих случаях использование цифровых технологий требует введения дополнительных гарантий для политических партий на случай различных блокировок и сбоев в сети Интернет, а также внедрения различных средств защиты информации.

Список литературы

1. Алексеев Р. А. Технология блокчейн на выборах: прошлое, настоящее и будущее // Журнал политических исследований. 2020. № 4. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-25-38
2. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094
3. Генкин А., Михеев А. Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. Москва: Альпина Пабlishер, 2018. 592 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1002003> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Деловой Петербург. URL: <https://mindsmith.io/zoloto-ustremilos-vverh-dp/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Долгих Ф. И. Политические партии России в условиях пандемии коронавируса: последствия и поиск новых форматов деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 26–30. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-26-30
6. Долгих Ф. И. Цифровые политические партии – зарубежный опыт и возможности его реализации в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 56–60. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-56-60
7. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-2-25-30

8. Курочкин А. В. Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. 132 с.
9. Никипорец-Такигава Г. Ю. Интернетизация политического пространства на примере России: дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2019. 735 с.
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
11. Об Основных направлениях развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» до 2022 года: постанов. ЦИК РФ от 30 дек. 2019 г. № 231/1727-7 (ред. от 7 авг. 2020 г.) // Вестник ЦИК России. 2019. № 12.
12. О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года: постанов. ЦИК РФ от 25 мая 2021 г. № 7/49-8 // Вестник ЦИК России. 2021. № 5.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.05.2020.
14. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2021.
15. О Порядке сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: постанов. ЦИК РФ от 4 июня 2020 г. № 251/1852-7 (ред. от 9 июня 2021 г.) // Вестник ЦИК России. 2020. № 5.
16. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве: Федер. закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.05.2020.
17. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Политическая партия «Партия прямой демократии». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7819/> (дата обращения: 01.05.2022).
18. Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н. А. Борисова, Ю. Г. Коргунюка, А. Е. Любарева, и др. Москва: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. 200 с.
19. Парфенова Ю. В. Сетевые партии как новые акторы публичной политики в условиях кризиса парламентаризма // Политекс. 2015. № 2. С. 124–130.
20. Парфенова Ю. В. Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 171 с.
21. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 912249-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования процедуры сбора подписей и проверки подписных листов)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/912249-7> (дата обращения: 01.02.2022).
22. Предварительное голосование. Партия «Единая Россия»: сайт. URL: <https://pg.er.ru/about> (дата обращения: 30.01.2022).

23. Серавин А., Соколова Е. Современные технологии в электоральных процессах. URL: <https://eistr.ru/upload/iblock/a7b/a7bdf841b6d38a360856703f6ab41fb6.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
24. Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // Политические исследования. Полис. 2014. № 4. С. 21–37.
25. Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа. Москва: Аспект Пресс, 2014. 320 с.
26. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=110211> (дата обращения: 13.05.2022)
27. Чернышов С. И., Каринцев О. И. Партии-корпорации как новое явление в мировой политике // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2006. № 2. С. 17–20.
28. Margetts H. The Cyber Party. URL: www.governmentontheweb.org (дата обращения: 30.01.2022)
29. Polys by Kaspersky: сайт. URL: <https://ru.polys.me/blog/first-political-party-primaries-to-be-held-on-blockchain> (дата обращения: 30.01.2022).

Е. А. Костенюк,
аспирант,

Российский государственный университет правосудия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. Предмет исследования в настоящей статье составляют нормы материального и процессуального права, регламентирующие организационно-правовые основы внедрения и развития системы электронного правосудия в Российской Федерации. Объектом выступают процессуально-процедурные отношения, возникающие в ходе использования данной системы в различных видах судопроизводства. Выявляются аспектированные особенности и проблемы в деятельности судов общей юрисдикции, объединенные с применением информационных новелл, в части технической стороны. Предлагаются неапробированные пути их разрешения, устремленные на трансформацию с новой точки зрения самого судебного процесса в целом и отдельных видов процессуальных действий в частности, тем самым это позволит выдвинуть всю систему правосудия на новый уровень путем апгрейда. Определяется сущность терминологии «электронное правосудие», анализируются его элементы. На основе общенаучных теоретических и эмпирических методов познания определяет оптимальные параметры модели правового регулирования цифровой трансформации электронного российского правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровизация, судебная власть, информационно-телекоммуникационные технологий, доступность правосудия, правовой вакуум

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC JUSTICE

Abstract. The subject of the study in this article are the norms of substantive and procedural law, regulating the organizational and legal basis for the implementation and development of the system of electronic justice in the Russian Federation. The object is procedural and procedural relations arising during the use of this system in various types of legal proceedings. The author identifies the specific features and problems in the activities of courts of general jurisdiction, combined with the use of information innovations, in terms of technical side. The unproven ways of their solution aimed at the transformation from a new point of view of the judicial process in general and certain types of procedural actions in particular, thereby allowing to bring the whole system of justice to a new level, by upgrading. The essence of the terminology “e-justice” is defined, its elements are analyzed. On the basis of general scientific theoretical and empirical methods of knowledge the author defines the optimal parameters of the model of legal regulation of digital transformation of electronic Russian justice.

Keywords: Electronic justice, Digitalization, Judiciary, Information and telecommunication technologies, Accessibility of justice, Legal vacuum

Полисемантически развивающаяся цифровизация судебной системы на 2022 г. является одним из основополагающих направлений, как бы вектором новелл и условий модернизации механизма электронного правосудия деятельности судебной системы различных уровней и инстанций. Полагаем, что внедрение электронного правосудия и правильность использования, его функций позволит в недалеком будущем создать прозрачность и доступность судебного разбирательства (следствий), что в свою очередь поспособствует снижению финансового-бюджетных, а также физически-моральных и иных потерь, то будет юридическое, государственное или физическое лицо, которые участвуют в процессе. Кроме того, на наш взгляд, разрешение проблем в сфере электронного правосудия, санкционирует выведению самого электронного правосудия на более высокий уровень, способствуя его несомненной модернизации с технической стороны, на что обращено внимание в работах современных исследователей последних лет, среди которых следует особо выделить труды П. В. Надтачаева, С. А. Пузановой [9. С. 103–107], С. В. Черешнева [10. Т. 2. С. 103–107].

Вместе с тем сама терминология электронного правосудия законодателем на должном уровне не легализована, несмотря на фактическую острую необходимость.

Его судебное определение ранее было констатировано в Концепции развития информатизации судов до 2020 г., где сказано: «Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, который основывается на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве безбумажный обмен информацией в электронно-цифровом виде между всеми участниками судебного процесса». Подобная терминология была изложена еще ранее, а именно в Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 26 ноября 2015 г. № 362, которым электронное правосудие постановлено считать как «способ

и форма осуществления процессуальных действий, установленных законом, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов разного уровня, физических и юридических лиц в цифровом виде», тем самым на протяжении восьми лет данный вопрос постепенно внедряется к служению фемиде.

Изначально электронное правосудие было апробировано в системе арбитражных судов, однако, спустя непродолжительное время его внедрение перешло на суды общей юрисдикции.

На сегодняшний день в данной области фигурирует, актуальная Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., ранее одобренная Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. и определена как проведение комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, направленных на гармонизацию отношений судебной власти и общества. При этом стоит обратить внимание, на то, что данная концепция регулирует порядок реализации таких мер, как: создание служб обеспечения электронной безопасности, обеспечение защиты персонально-идентифицирующих данных в информационных системах судов, развитие идентификации, упорядочение алгоритмов обработки данных и доступа к ним таковым и т. д.

Тогда как комплексный технико-юридический анализ действующих НПА позволяет сделать определенное заключение касательно системы электронного правосудия, которая, полагаем, состоит из таких элементов, как подача документов в электронном виде, автоматизированное распределение дел, судебное извещение через Интернет, видео-конференц-связь и веб-конференция, использование судами электронных доказательств и документов в электронном виде, выполнение и направление судебных актов в электронном виде, направление исполнительных листов в электронном виде.

Дополнительными элементами электронного правосудия следует назвать систему ГАС «Правосудие», в которой созданы такие модули, как «Банк судебных решений», «Интернет-портал ГАС «Правосудие»», предоставляющий доступ к информации о деятельности судебной системы РФ. В арбитражных судах также функционируют такие системы, как «Мой арбитр», сервис «Электронный страж», «Картоотека арбитражных дел».

На наш сугубо личный взгляд, несомненными преимуществами электронного правосудия в целом являются: ускорение судебного процесса; сокращение затрат времени граждан и работников судебной системы; возможность получения в кратчайшие сроки информации по делу, его назначении, рассмотрении; электронное правосудие способствует быстрому документообороту между судом и прочими государственными органами – ФНС, Росреестр, УФСИН, УФССП, МВД и т. д.; способствует минимизации расходов, экономических ресурсов.

Если объединить в целое данные плюсы, можно сделать вывод о том, что главная ценность системы электронного правосудия заключается в ее непосредственной гласности, скорости и мобильности судебного разбирательства, поскольку нынешние цифровые технологии предоставляют модернизированные

средства и возможности при отправлении правосудия. Все чаще звучит термин «оптимизация», который, полагаем, относится к процессу судопроизводства в целом – соотносению временных затрат и качественного результата [8. С. 208–212].

Однако существует и целый комплекс проблем, который препятствует развитию оптимизационной системы электронного правосудия. К таким можно отнести следующие: низкий уровень правовой культуры населения; цифровое неравенство; недостаточное информационно-техническое обеспечение судов; проблемы с защитой информации, находящейся в системе электронного правосудия; отсутствие своевременных нововведений на законодательном уровне; недостаточный уровень взаимодействия судов между собой (полагаем в виду недостаточной технической возможности (один зал ВКС в суде считаем недостаточным для осуществления полной оптимизации электронного правосудия), из-за возможного недостаточного финансирования) и другие.

Так, например, число судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи Оренбургским районным судом Оренбургской области за первое полугодие 2022 г. составило 3 по 1 уголовному делу, 1 ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, 1 материала в порядке исполнения приговора. Однако по судебным поручениям об организации видео-конференц-связи в отчетный период состоялось 30 судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи. Аудиопротоколирование в отчетный период было применено по 263 делам, по которым число судебных заседаний составило 718.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о достаточно низкой практической реализации новейших информационных технологий.

Вместе с тем у гражданского судопроизводства востребованность в инновационных технологиях видна иначе, так, за первое полугодие с использованием видео-конференц-связи рассмотрено гражданских дел в количестве 10; материалы в порядке исполнительного производства – 50; по исполнению судебных поручений об организации ВКС – 50.

На наш взгляд, в данном контексте следует согласиться с суждениями Л. Н. Зайцева [7. С. 179–184], А. А. Бершанской [6. С. 162–168], считающими одной из приоритетных задач информационной политики судебной системы создание единого информационного пространства как совокупности обеспечивающих информационное взаимодействие судов всех уровней, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента баз данных и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил.

Развитие цифровых и информационных технологий открывает новые возможности для работы с большим объемом информации. Оптимальным на сегодняшний день вариантом решения данного вопроса является ее облачное хранение на специальных серверах.

В целом можно сделать вывод, что российский законодатель, а также судейское сообщество весьма активно формирует национальную модель цифровой трансформации судебной системы в РФ. Технологические новации, внедряемые в практику российского судопроизводства, осуществляются и поддерживаются в соответствии с нормами правового регулирования, которые постоянно дополняются и изменяются в соответствии с потребностями граждан и судебной системы. Очередными яркими новшествами в системе правосудия стало внедрение автоматической системы распределения дел между судьями в 2019 г., с 1 января 2022 г. в АПК РФ и ГПК РФ включены нормы, предусматривающие возможность подачи искового заявления, получения судебных извещений и направления электронных решений суда через портал «Госуслуги». Впервые в процессуальных кодексах закрепили формат веб-конференции, позволяющий использовать личные средства коммуникации без необходимости явки в суд.

Вместе с тем в целях преодоления правового вакуума применения цифрового формата в рамках электронного правосудия следует придать официально-правовой статус такому термину, а также принять ФЗ «О судебной нагрузке» с целью усовершенствования механизма электронного распределения дел в судах, целесообразно обеспечить на законодательном уровне гарантию безопасности всех электронных систем: «Мой арбитр», ГАС «Правосудие» и т. д.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> [Официальный интернет-портал правовой информации] <http://sudact.ru/regular/court/0g4e8uis5qZ/> (дата обращения: 12.07.2022).
2. Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439). URL: <http://www.pravo.gov.ru> [Официальный интернет-портал правовой информации] <http://sudact.ru/regular/court/0g4e8uis5qZ/> (дата обращения: 12.07.2022).
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента». URL: <http://www.pravo.gov.ru> [Официальный интернет-портал правовой информации] <http://sudact.ru/regular/court/0g4e8uis5qZ/> (дата обращения: 12.07.2022).
4. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> [Официальный интернет-портал правовой информации] <http://sudact.ru/regular/court/0g4e8uis5qZ/> (дата обращения: 12.07.2022).
5. Сайт Оренбургского районного суда Оренбургской области. URL: <http://orenburgsky.orb.sudrf.ru> <http://sudact.ru/regular/court/0g4e8uis5qZ/> (дата обращения: 12.07.2022).

6. Бершанская А. А. Эволюция и проблемы электронного правосудия // XIV Итоговая студенческая научная конференция: сборник статей. Санкт-Петербург, 2022. С. 162–168.

7. Зайцев Л. Н. Электронное правосудие в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Кострома, 2020. С. 179–184.

8. Кузнецов А. А., Гриценко В. Д. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Наукосфера. 2022. № 4–1. С. 208–212.

9. Надтачаев П. В., Пузанова С. А. Проблемы применения электронного правосудия в России // Актуальные проблемы права, государства и экономики: сборник научных статей. Межведомственная конференция. Орел, 2022. С. 91–93.

10. Черешнев С. В. Проблемы «электронного правосудия» в Российской Федерации // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2022. Т. 2. С. 103–107.

Ю. А. Крохина,

доктор юридических наук, профессор,

заведующая кафедрой правовых дисциплин

Высшей школы государственного аудита (факультет),

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОШИБКИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОМ КОНТРОЛЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Современное администрирование налоговых платежей характеризуется высоким уровнем применения цифровых технологий. Однако действия искусственного интеллекта и последствия его применения не имеют четкой правовой регламентации. В статье проанализированы ошибки информационных программ, технические сбои в их работе в аспекте влияния на нарушения законных прав и интересов налогоплательщиков и государства. На основе анализа судебной практики сформулирован вывод о том, что недостатки алгоритма, сбоев в работе искусственного интеллекта и прочее суды не рассматривают в качестве оснований, смягчающих ответственность, не продлевают сроки исковой давности. В результате убытки, возникшие из-за ошибок цифровых технологий, становятся дополнительным и неоправданным расходом федерального бюджета. Обоснован вывод, что компенсацию убытков, причиненных как налогоплательщикам, так и государству в результате технических сбоев информационных систем, правомерно выплачивать из специально образованного страхового фонда.

Ключевые слова: налоговое администрирование, налоговая ответственность, цифровые технологии, НДС-2, НДС-3, налоговая ответственность, ошибка искусственного интеллекта, технический сбой

ERRORS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TAX CONTROL: LEGAL CONSEQUENCES AND RESPONSIBILITY

Abstract. Modern administration of tax payments is characterized by a high level of use of digital technologies. However, the actions of artificial intelligence and the consequences of its application do not have a clear legal regulation. The article analyzes errors in information programs, technical failures in their work in terms of the impact on violations of the legal rights and interests of taxpayers and the state. Based on the analysis of judicial practice, the conclusion is drawn that the shortcomings of the algorithm, the failure of artificial intelligence, etc., the courts do not consider as grounds for mitigating liability, do not extend the statute of limitations. As a result, losses incurred due to errors in digital technologies become an additional and unjustified expense of the federal budget. The conclusion is substantiated that it is legitimate to pay compensation for losses caused both to taxpayers and the state as a result of technical failures of information systems from a specially formed insurance fund.

Keywords: Tax administration, Tax liability, Digital technologies, VAT-2, VAT-3, Tax liability, Artificial intelligence error, Technical failure

Создание новых цифровых технологий и совершенствование искусственного интеллекта являются основным двигателем четвертой промышленной революции. Совершенство цифровых программ и успешность внедрения их в сферы жизни общества становятся ядром новой экономической модели и формируют рейтинги государств в глобальном мире. Развитие цифровой экономики является приоритетом глобальных реформ и в Российской Федерации, целями которых определено повышение конкурентоспособности национальной экономики, улучшение качества жизни граждан. Современное государство немыслимо без налоговой системы и ее эффективного правового регулирования. Процесс цифровизации трансформирует администрирование обязательных платежей – от сугубо фискальных целей налоговые органы переходят к ориентированию на сервисные ИТ-компании [6]. Цифровизация налогового администрирования направлена на транспарентность хозяйственных операций частных субъектов с целью определения истинной налоговой обязанности [1. С. 51–55; 4. С. 8–11; 14].

Налоговые органы применяют около двух десятков программных информационных комплексов (ПИК). Цифровые технологии в налоговой сфере оперативно совершенствуются и дополняются новыми. Однако налогоплательщики не имеют возможности изучить алгоритм их работы, поскольку правовое регулирование отсутствует, а документация носит гриф «ДСП» (для служебного пользования).

Наиболее часто в налоговом администрировании применяются программные комплексы АСК «НДС-2» АСК «НДС-3», которые мониторят весь путь прохождения товаров (работ, услуг), налоговых деклараций, счетов-фактур, а также доходы и расходы налогоплательщиков по банковским счетам, выявляет не внесенные в бюджетную систему РФ суммы НДС и взаимозависимых лиц. Названные цифровые системы обладают, по сути, фантастическими возможностями по пресечению схем нелегальной налоговой минимизации и изысканию дополнительных средств

для наполнения бюджета. Одновременно их применение вносит в правовой статус налоговых органов новые элементы компетенции (правосубъектности): «право на ошибку информационной системы», «право на технический сбой в информационной системе», «обязанность устранить ошибку информационной системы» и «обязанность исправить технический сбой информационной системы».

Технические сбои и ошибки в настройках систем увеличивают отрыв практической деятельности налоговых органов от предписаний законодательства о налогах и сборах, что подрывает доверие налогоплательщиков к цифровым ресурсам [5. С. 26–32; 7; 12. С. 32]. Вместе с тем возможность учета таких недостатков практически не встречается в законодательстве о налогах и сборах Российской Федерации, что приводит к негативным последствиям, среди которых можно выделить: увеличение расходов государства в связи с компенсацией налогоплательщику его нарушенных прав; снижение доверия к процессам цифровизации, приводящее к снижению мотивации по их использованию; снижение экономической активности хозяйствующих субъектов и оттоку капитала и др.

Вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных представляют конституционную ценность и относятся к исключительным полномочиям Российской Федерации. Развитие п. «м» ст. 71 Конституции РФ (в ред. ФКЗ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») в налоговом праве определяет совершенствование и развитие фискального регулирования в направлении защиты прав государства и налогоплательщиков в процессе использования цифровых технологий.

Судебная практика показывает, что «технический сбой», «ошибка информационной программы» являются частыми причинами как нарушения прав участников налоговых правоотношений. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся проблемы на примерах арбитражных дел:

1. Налогоплательщик организация обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с заявлением, о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной налоговой службы 1,95 млн руб. убытков. Налоговый орган приостановил операции по счетам организации ввиду неуплаты последней налога на имущество. Однако аванс по налогу был своевременно уплачен, но данные в инспекцию не поступили, поскольку, тот период времени по причине сбоя в информационной системе ИФНС она не могла получить выписки от Управления Федерального казначейства (УФК). С заблокированного счета налогоплательщик намеревался разместить денежные средства на депозиты в банках с целью извлечения дохода. После обжалования незаконных действий ИФН блокировка счета была снята. Суды поддержали просьбу Общества о взыскании Недополученной выгоды в названном размере с казны Российской Федерации (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.10.2018 № Ф09-6763/18 по делу № А47-11579/2017).

2. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отказал налоговой инспекции в восстановлении срока исковой давности на принудительное взыскание налога, который был пропущен из-за технического сбоя в программном обеспечении. Суд

не посчитал это уважительной причиной (Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановление от 28 декабря 2021 г. по делу № А77-1045/2021).

Похожую ситуацию рассматривал Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа. Налоговая инспекция по результатам проверки вынесла решение о доначислении налогоплательщику недоимки, штрафа и пени. Однако чуть позже налоговый орган просил налогоплательщика считать это требование недействительным в связи с техническим сбоем в программном комплексе. Налоговая инспекция выставила новое требование об уплате налога, однако срок на принудительное взыскание был пропущен. Суд не посчитал технический сбой уважительной причиной для выставления первоначального требования с расчетными ошибками (Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа Постановление от 30 августа 2021 г. по делу № А78-10549/2020).

3. Из-за технического сбоя в программном обеспечении налоговой инспекции она вынесла решение о проведении выездной налоговой проверки в отношении налогоплательщика «по всем налогам и сборам» за предыдущие три календарных года. В то время как основанием для назначения проверки послужила уточненная декларация по налогу на прибыль и, следовательно, выездная налоговая проверка могла быть назначена только по налогу за прибыль и за период, отраженный в исправленной декларации. Налогоплательщик посчитал, что указание в решении о проведении проверки «по всем налогам и сборам» допущено инспекцией умышленно, является превышением должностных полномочий, и обратился в суд с требованием компенсировать причинные убытки (Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановление от 12 октября 2021 г. по делу № А15-824/2021).

4. В условиях пандемии Общество обратилось за мерами государственной поддержки – бюджетной субсидией на заработную плату. Проверив соблюдение предусмотренных Правилами № 576 условий для предоставления субсидии, Инспекция сделала вывод о соответствии Общества установленным критериям и выплатила последнему субсидию за апрель и май 2020 г. в размере 412 420 руб. Однако в дальнейшем выяснилось, что в информационных ресурсах налоговых органов отражено удвоение сведений из Пенсионного фонда Российской Федерации о численности работников Общества за апрель 2020 г. по причине технического сбоя, вследствие чего численность работников ошибочно указана в два раза больше.

В этой связи Инспекция, ссылаясь на то, что субсидия за апрель и май 2020 г. предоставлена Обществу ошибочно и без законных оснований, в претензионном порядке потребовала от ответчика возврата 412 420 руб.

В ответе на претензию Общество указало, что сокращение числа работников в апреле 2020 г. по отношению к марту того же года произошло с 34 до 30 чел., что не свидетельствует о нарушении условий предоставления субсидии, и в этой связи отказалось от ее возврата.

Данное обстоятельство послужило основанием для обращения налогового органа в арбитражный суд с иском.

В суде налоговый орган ссылался на произошедший технический сбой в ресурсах, связанных с обменом информацией между налоговым органом и ПФР, в результате которого численность работников Общества была ошибочно задвоена.

Между тем, как верно указали суды, ст. 78 Бюджетного кодекса и п. 11 Правил Правительства о предоставлении бюджетных субсидий № 576 технический сбой информационной программы произошел не по вине получателя субсидии и не является основанием для ее возврата в бюджет (Арбитражный Суд Северо-Западного округа Постановление от 15 декабря 2021 г. по делу № А56-10882/2021).

Итак, «технический сбой», «ошибка информационной программы» и прочее являются объективно существующими фактами, которые влекут юридически значимые последствия для всех участников налоговых правоотношений. Зачастую это негативные последствия, влекущие компенсационные выплаты из бюджета или недополучение бюджетом законно причитающихся налогов.

В этой связи остро стоит вопрос юридической ответственности за действия ИИ. По мере развития новых технологий все более реальной становится возможность тесного взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект обладает возможностью выполнять виды деятельности, которые ранее были доступны исключительно человеку [11. С. 57; 12. С. 182]. По этой причине некоторые исследователи в сфере ИИ даже высказываются о возможности признания за ним определенной специфической правосубъектности.

Первостепенной задачей, способствующей решению данных проблем, является обеспечение контроля над действиями искусственного интеллекта [7–9]. Несмотря на то, что наше государство уже разработало Стратегию развития искусственного интеллекта, в которой были отражены все принципы с учетом международного опыта, в том числе Рекомендаций ОЭСР, включая защиту прав и свобод человека, безопасность и прозрачность функционирования искусственного интеллекта, без принятия государством конкретных мер решение вышеуказанных проблем не представляется возможным.

ПИК, используемые налоговыми органами, не могут быть безупречными: ошибки программирования и технические сбои в процессе работы сопровождают практически каждую систему. В этой связи налоговым органам целесообразно выработать приемы по быстрому выявлению и нивелированию ошибок информационных технологий. Вариантом решения проблемы можно назвать правило, содержащееся в п. 9 ст. 3 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Норма устанавливает презумпцию исполнения налоговой обязанности в случае технологического сбоя в информационных системах налоговых органов, влекущего невозможность исполнения обязанностей налогоплательщиков. Единственным условием признания поведения налогоплательщика добросовестным в ситуации технического сбоя названная норма считает уплату налога не позднее дня, следующего за днем устранения сбоя цифровой программы.

На наш взгляд, необходимо законодательное регулирование распределения юридической ответственности между производителями, владельцами и пользо-

вателями ПИК, что будет исключать необходимость наделения информационной системы правосубъектностью. Наделение ПИК самостоятельным правовым статусом не соответствует и принципам биоэтики (в качестве примера может выступить Закон Великобритании «Об автоматизированных и электронных транспортных средствах», предполагающий распространение на них системы обязательного страхования ответственности).

Представляется целесообразным дополнить НК РФ правом налогоплательщика, которое возникло в процессе цифровизации налогового администрирования:

– право на признание ошибок цифровых систем и технических сбоев, в качестве обстоятельств смягчающих или освобождающих от ответственности (в зависимости от ситуации).

Однако нормативная декларация права не решает проблемы компенсации материальных убытков, возникающих в результате некачественного функционирования ПИК. По действующей редакции НК убытки, причиненные налоговыми органами налогоплательщику, возмещаются за счет казны Российской Федерации. Исходя из правил Бюджетного кодекса РФ. Такие расходы выплачиваются из федерального бюджета. Основной денежный фонд государства более чем на 80 % формируется за счет налогов, т. е. за счет средств добросовестных налогоплательщиков. Компенсация убытков из бюджета – это фактически перекладывание имущественной ответственности на иных физических и юридических лиц, но не лиц, виновных в недостатках шифрования и функционирования информационной системы.

На мой взгляд, компенсацию убытков, причиненных как налогоплательщикам, так и государству в результате технических сбоев информационных систем, правомерно выплачивать из специально образованного страхового фонда (возможно, по принципу ОСАГО).

Проведенное исследование показывает, что применяемые в работе налоговых органов ПИК достигли такого уровня интеллектуализации, когда отсутствие законодательных правил об ответственности за причиненные ими убытки сдерживает развитие цифровизации. Новейшие технологии сами ставят перед законодателем проблемы, которые необходимо решать с учетом соблюдения интересов государства и налогоплательщиков и минимизации финансовых потерь для казны.

Список литературы

1. Баракина Е. Ю. Цифровизация налогового администрирования в Российской Федерации // Юрист. 2022. № 4. С. 51–55.
2. Бобошко Д. Ю. Перспективы применения вмененных налогов и сборов в условиях цифровизации налогового администрирования // Налоги. 2021. № 6. С. 2–7.
3. Василишина П. Ю. Пределы цифровизации: опыт России и Франции в сборе информации о налогоплательщике в социальных сетях // Финансовое право. 2021. № 12. С. 45–48.
4. Васянина Е. Л. Проблемы формирования и исполнения налоговых обязательств в эпоху цифровизации // Налоги. 2021. № 6. С. 8–11. DOI: 10.18572/1999-4796-2021-6-8-11

5. Даниленко Н. С., Провоторов В. П., Плешанова О. П. Проблема формального подхода к оценке налоговой обязанности в условиях цифровизации // Закон. 2021. № 4. С. 26–32.
6. Егоров Д. Государственные сервисы должны двигаться в сторону клиентоцентричности. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10993629/ (дата обращения: 10.07.2022).
7. Ефремова Т. А. Цифровизация налогового администрирования в России: проблемы и перспективы // Налоги. 2021. № 1. С. 17–20. DOI: 10.18572/1999-4796-2021-1-17-20
8. Коваленко Н. С., Леонов Е. М. Налоговый мониторинг как инструмент налоговой цифровизации // Закон. 2021. № 4. С. 50–59.
9. Лютова О. И. Обязанность по предоставлению налоговой отчетности в контексте цифровой трансформации // Налоги. 2021. № 5. С. 22–24. DOI: 10.18572/1999-4796-2021-5-22-24
10. Мошкова Д. М. Трансформация налоговых правоотношений в условиях цифровизации экономики России // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 56–62. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.14.4.056-062
11. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
12. Ali N. M., Novikov B. A. Big Data: Analytical Solutions, Research Challenges and Trends // Trudy ISP RAN. 2020. Vol. 32, Iss. 1. Pp. 181–204. DOI: 10.15514/ISPRAS-2020-32(1)-10
13. Hardy K., Maurushat A. Opening up government data for big data analysis and public benefit // Computer Law & Security Review. Vol. 33, № 1. Pp. 30–37.
14. Six A., Bonte C. Droit pour l'administration iscal de collecter vos données sur les réseaux sociaux: la prudence s'impose! // Village-justice.com. 2020. 5 Février.

Е. Ю. Кудряшов,

начальник отдела правового сопровождения проектов и разработки
нормативных правовых актов,

Научно-исследовательский институт «Восход»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Аннотация. В статье проведен правовой анализ системы государственного электронного документооборота, установлены основные источники ее нормативного регулирования, выявлены правовые пробелы, а также определены перспективы развития государственного электронного документооборота и его нормативного регулирования. Кроме того, рассмотрен вопрос необходимости нормативного регулирования единой среды разработки и единой технологической архитектуры информационных систем, что позволит сократить сроки создания, стоимость и повысить качество функционирования государственного электронного документооборота.

Ключевые слова: информационные системы, электронный документооборот, нормативное регулирование, среда разработки, архитектура системы, МЭДО, СМЭВ, ГосЭДО

DEVELOPMENT PROSPECTS AND REGULATORY REGULATION OF THE STATE ELECTRONIC DOCUMENT FLOW

Abstract. The article provides a legal analysis of the system of state electronic document management, establishes the main sources of its regulatory regulation, identifies legal gaps, and also determines the prospects for the development of state electronic document management and its regulatory regulation. In addition, the author considered the issue of the need for regulatory regulation of a single development environment and a single technological architecture of information systems, which will reduce the time of creation, cost and improve the quality of functioning of the state electronic document management.

Keywords: Information systems, Electronic document management, Regulatory regulation, Development environment, System architecture, MEDO, SMEV, GosEDO

Система государственного электронного документооборота. Развитие технической инфраструктуры, появление новых способов передачи информации, стремительная цифровизация и информатизация всех сфер жизни общества и государства требуют своевременного и полноценного нормативного регулирования, которое создавало бы правовую основу для возможной интеграции современных технологий в деятельность государственных органов.

Недостаточное правовое регулирование нарушает баланс системы сдержек и противовесов, что отмечается не только научным сообществом, но и самими правоприменителями, представителями всех ветвей государственной власти.

Цифровизация и цифровая трансформация государственных органов предполагают создание государственных информационных систем, государственной единой облачной платформы, а также иных элементов информационного взаимодействия. Вместе с тем, действующее законодательство в достаточной мере не регламентирует государственный электронный документооборот.

Так, например, отсутствует не только техническая, но и правовая возможность у прокуратуры районного звена с использованием межведомственного электронного документооборота направить документ в поднадзорный отдел полиции.

Действующее законодательство Российской Федерации устанавливает требования к порядку реализации мероприятий по созданию, развитию, вводу в эксплуатацию, эксплуатации и выводу из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшему хранению содержащейся в их базах данных информации, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти [12]. Вместе с тем, например, аналогичных требований к информационным системам органов прокуратуры не существует. Соответственно, информационные системы органов прокуратуры могут создаваться с различной архитектурой систем, в различных средах разработки систем, что не предполагает интеграцию и взаимодействие с государственными информационными системами федеральных органов исполнительной

власти Российской Федерации. Кроме того, нуждается в дополнительном рассмотрении вопрос юридической силы и соотношения приказов Генерального прокурора Российской Федерации, а также нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и актов федеральных министерств (ведомств).

Развитие системы государственного электронного документооборота требует своевременной и полноценной актуализации правил, устанавливающих порядок информационного взаимодействия посредством обмена документами в электронном виде федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов (в том числе органов прокуратуры Российской Федерации).

Саму систему государственного электронного документооборота можно представить в виде двух взаимосвязанных составляющих – непосредственно государственные информационные системы и инфраструктуру их взаимодействия.

Нормативными правовыми актами, регламентирующими функционирование государственных информационных систем, являются соответствующие федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, правовые акты государственных органов. К числу таких нормативных правовых актов можно отнести, например, постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 198 «Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов», на основании которого создана информационная система обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов [3].

Нормативные правовые акты, регламентирующие инфраструктуру взаимодействия государственных информационных систем, устанавливают правила и порядок информационного взаимодействия посредством обмена документами в электронном виде, а также технические требования к обмену. Примером таких актов являются постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 1264 «Об утверждении Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия» [4] и постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2009 г. № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота» [5], а также совместный приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службы охраны Российской Федерации от 4 декабря 2020 г. № 667/233 «Об утверждении Требований к организационно-техническому взаимодействию государственных органов и государственных организаций» [6].

Вместе с тем нормативного регулирования государственного электронного документооборота явно недостаточно и оно не охватывает уже существующие сферы правоотношений, не содержит достаточного понятийного аппарата.

Так, например, в соответствии с п. 1 Положения о системе межведомственного электронного документооборота к участникам межведомственного электронного документооборота относятся федеральные органы государственной власти,

органы государственной власти субъектов Российской Федерации и иные государственные органы, а также организации, созданные для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации [5].

Вместе с тем п. 1 Правила обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия в качестве участников определены федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, а также организации, осуществляющих публично значимые функции [4].

В то же время Положение о единой системе межведомственного электронного взаимодействия вообще не содержит в своем тексте понятия «участник» (только «региональный участник»), но правовым анализом п. 1 рассматриваемого Положения можно установить, что к числу участников относятся федеральные органы исполнительной власти, государственные внебюджетные фонды, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, иные органы и организации в целях предоставления государственных и муниципальных услуг, документов (сведений), размещенных в государственных информационных системах и иных информационных системах, или исполнения государственных и муниципальных функций, а также в иных случаях, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации, актами Правительства Российской Федерации или решениями президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [7].

Кроме того, неоднозначно стоит вопрос и с определением «организатора» межведомственного электронного документооборота, в роли которого в Положении о системе межведомственного электронного документооборота [5] и Правилах обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия [4] выступает Федеральная служба охраны Российской Федерации, а в Положении о единой системе межведомственного электронного взаимодействия понятие «организатор» вообще отсутствует [7].

Помимо отсутствия единого понятийного аппарата и состава участников государственных информационных систем (далее – ГИС), существует еще ряд ключевых правовых пробелов, которые необходимо устранить в целях создания полноценного государственного электронного документооборота. К их числу относятся:

- отсутствие единых требований к архитектуре ГИС;
- отсутствие единых требований к среде разработки ГИС;
- отсутствие достаточного нормативного регулирования технических требований к информационному обмену (например, отсутствуют технические требования к созданию, формированию и рассылки глобального адресного справочника и иных справочников);
- отсутствие достаточного нормативного регулирования архивного хранения электронных документов;

– отсутствие достаточного нормативного регулирования (государственных) «облачных сервисов».

Контурная структура системы государственного электронного документооборота. Действующая в настоящее время система государственного электронного документооборота фактически взяла свое начало с первых нормативных актов в рассматриваемой сфере, в том числе с момента вступления в законную силу Постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2009 г. № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота» и постановления Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» [5].

За прошедшее с 2009 г. время появились новые способы и средства связи (как на программном, так и на техническом уровне), новые технические и технологические возможности, новые тенденции и новые сферы развития информационных технологий.

Соответственно, возникают новые потребности и возможности в сфере государственного электронного документооборота, что влечет за собой необходимость достаточного и своевременного нормативного регулирования.

В 2022 г. принят ряд нормативных правовых актов, которыми контурно сформирована система государственного электронного документооборота. Необходимо отметить, что «контурность» заключается в том, что реализация и полноценная эксплуатация – это дальнейшие этапы развития системы государственного электронного документооборота, а в настоящее время обозначены только границы и заложены правовые механизмы, которые необходимо развивать и дорабатывать.

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 198 «Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов» фактически создана система государственного электронного документооборота на федеральном уровне. Система создана в целях формирования единого информационного пространства в области внутриведомственного и межведомственного электронного документооборота органов государственной власти, используемого для реализации процессов государственного управления и построенного на общих принципах, единых технологических и методологических решениях с применением облачных сервисов мониторинга соблюдения регламентов межведомственного согласования документов и контроля исполнения поручений [3].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 172 «О государственной информационной системе «Типовое облачное решение системы электронного документооборота» фактически создана система государственного электронного документооборота на региональном и муниципальном уровне. Система создана в целях обеспечения процессов делопроизводства с возможностью информационного взаимодействия с участниками межведомственного электронного документооборота при осуществлении своих полномочий [8].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 279 «О государственной информационной системе «Платформа «Центр хранения электронных документов» создана платформа в целях обеспечения возможности постоянного и временного хранения, поиска и обработки подлинников архивных документов в электронном виде с обеспечением их сохранности, аутентичности, целостности и пригодности для использования на протяжении всего срока хранения [9].

Правовой анализ и концептуальное изучению государственного электронного документооборота позволяют сделать вывод, что развитие государственного электронного документооборота в перспективе должно объединить федеральный и региональный уровень, а также создать возможность хранения электронных документов с сохранением их юридической значимости.

Кроме того, рассматривая ближайшие перспективы развития системы государственного электронного документооборота, стоит отметить необходимость внесения изменений в нормативные акты, регламентирующие межведомственный и внутриведомственный документооборот. Необходимо максимально «перевести в цифру» процессы согласования и подписания документов, за исключением случаев, где бумажный документооборот необходим и незаменим в силу законодательства. Так, например, необходимо актуализировать Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 [10], а также Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452 [11].

Помимо изменений, касающихся процедуры взаимодействия, необходимо доработать и нормативные акты, регламентирующие технические требования к взаимодействию, например, в настоящее время разрабатывается проект совместного приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службы охраны Российской Федерации устанавливающий технические требования к порядку ведения нормативно-справочной информации системы межведомственного электронного документооборота.

Перспективы развития системы государственного электронного документооборота. Полноценное и бесперебойное функционирование государственного электронного документооборота невозможно без создания единой технологической архитектуры информационных систем и без единой среды разработки информационных систем.

Каждый государственный орган создает свои информационные системы с использованием различных технологий, способов, внутренних требований. Отсутствие единых технических требований по созданию информационных систем формирует целый комплекс проблем:

1) процесс производства программного обеспечения для государственных заказчиков продолжает оставаться не до конца прозрачным и, как следствие – не всегда эффективным;

2) практически отсутствуют способы и инструменты для многократного повторного использования разработанного программного обеспечения и его составляющих;

3) единая нормативно-методическая и технологическая база проведения независимой экспертизы разрабатываемых и развиваемых информационных систем находится в стадии формирования;

4) недостаточное регламентирование и нерегулярная практика разработки и публикаций рекомендаций по вопросам производства информационных систем;

5) отсутствие единых технологических стандартов разработки программного обеспечения, недостаточный уровень межведомственного взаимодействия и цифровой компетенции в вопросах современных способов разработки программного обеспечения в органах государственного управления;

6) системное управление рисками проектов по разработке и развитию информационных систем не является одним из обязательных требований их выполнения;

7) государственные заказчики не обладают достаточными компетенциями и инструментами для проведения экспертной оценки стоимости проектов по разработке и развитию информационных систем;

8) используются не всегда эффективные способы оперативной коммуникации между государственными заказчиками и разработчиками информационных систем;

9) при разработке программного обеспечения для ведомственных информационных систем практически не используется итерационный цикл разработки программного обеспечения;

10) рабочие процессы и используемые при создании информационных систем инструменты не позволяют применять методики оперативной проверки качества и эффективности выполнения работ, что является необходимым этапом развития информационных систем органов исполнительной власти Российской Федерации в целом.

Каждая из перечисленных проблем влияет на скорость, качество и стоимость проектов по созданию, развитию и эксплуатации информационных систем.

Сложившаяся практика создает основание для разработки концепции по созданию государственной информационной системы «Единая среда разработки» (далее – Концепция), представляющей из себя государственную систему, в которой будут разрабатываться иные информационные системы.

В Концепции предлагается использовать системотехнические решения по построению и функционированию государственной информационной системы «Единая среда разработки» (далее – ГИС ЕСР).

При этом состав этапов разработки программного обеспечения, в случае его разработки в ГИС ЕСР, должен включать перечень этапов (и их описаний).

Разработка программного обеспечения в рамках ГИС ЕСР является итерационным процессом, состоящим из одинакового набора этапов, требования к которым определяются на основании анализа практических результатов разработки программного обеспечения.

Основу функционирования ГИС ЕСР могут составлять исчерпывающие наборы взаимосвязанных сервисов разработки программного обеспечения. Команды разработчиков программного обеспечения, используя предоставляемые им сервисы, получают гарантированный качественный результат благодаря современной организации процесса разработки.

В целом ГИС ЕСР должна быть создана для повышения эффективности взаимодействия (в том числе государственного электронного документооборота) органов государственной власти, реализации национальных программ и федеральных проектов органов исполнительной власти Российской Федерации, формирования инструментов, обеспечивающих возможность многократного использования уже разработанных и эксплуатирующихся информационных систем и их компонентов в новых проектах по созданию и развитию информационных систем государственных заказчиков.

Законодательство Российской Федерации содержит предпосылки для создания и развития государственной информационной системы «Единая среда разработки».

Вместе с тем в нормативных правовых актах отсутствуют положения о «среде разработки», что не позволяет в достаточной мере установить правовое регулирование общественных отношений по разработке и поддержке среды разработки прикладного программного обеспечения информационных систем с возможностью ее использования органами исполнительной власти.

Принимая во внимание, что среда разработки представляет собой информационную систему, предназначенную для разработки иных информационных систем, необходимо отметить, что постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» не отражает специфику функционирования среды разработки [12].

Таким образом, необходимы изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» [12] в части норм, устанавливающих правовые основания использования государственной информационной системы «Единая среда разработки», а также необходимо принятие постановления Правительства Российской Федерации «О государственной информационной системе «Единая среда разработки».

Еще одним обстоятельством, не позволяющим в рамках государственного электронного документооборота наладить полноценный межведомственный электронный документооборот, является различная технологическая архитектура информационных систем, используемых для межведомственного электронного документооборота участников взаимодействия.

Понимание необходимости сформировать единую технологическую архитектуру информационных систем пришло относительно недавно.

Например, постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской

Федерации «Информационное общество» предусматривает разработку методологической основы единой технологической архитектуры информационных систем государственных органов исполнительной власти [13].

Федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 314-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2019 год» устанавливает расходную часть за 2019 год на разработку методологической основы единой технологической архитектуры информационных систем государственных органов исполнительной власти (предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным некоммерческим организациям) [16].

Целью создания единой технологической архитектуры информационных систем (далее – ЕТА ИС) может являться повышение эффективности взаимодействия (в том числе государственного электронного документооборота) органов государственной власти, реализация программ и проектов органов исполнительной власти Российской Федерации, обеспечение единых механизмов реализации создания информационных систем, осуществление функций сквозного архитектурного планирования, контроля и аудита архитектуры на этапах создания и развития информационных систем.

Достижение целей возможно через выполнение основных задач, стоящих перед ЕТА ИС:

- формирование архитектурных правил и стандартов развития государственных цифровых платформ, государственных информационных систем и ресурсов;
- формирование предложений по изменениям законодательства Российской Федерации;
- разработка функциональных карт (прикладной бизнес-архитектуры государственных информационных систем и ресурсов).

Реализация рассмотренных выше мероприятий позволит сократить сроки создания, стоимость и повысить качество функционирования государственного электронного документооборота.

Кроме того, в настоящее время все большую популярность приобретают «облачные» технологии и сервисы. Огромное количество программного обеспечения уже находится в «облачной среде». Таким образом, развитие системы государственного электронного документооборота следует рассматривать с учетом возможной интеграции в «облако».

К основным преимуществам использования «государственного облака» [17] можно отнести:

- 1) высокая эффективность – консолидация «облачных» ресурсов, что позволяет использовать инфраструктуру на всю свою физическую мощность;
- 2) увеличение скорости производительности – информационные ресурсы используются с высокой скоростью, равно как и «возвращаются» в «облако»;
- 3) высокая скорость масштабирования – увеличение и предоставление дополнительных производственных мощностей (в том числе в моменты пиковых нагрузок) возможно в «онлайн» режиме, равно как и сокращение мощностей в случае, если отпала необходимость в таких мощностях;

4) значительное снижение стоимости обслуживания – используемые мощности могут как масштабироваться, так и сокращаться, и зависят только от потребности пользователя, соответственно, не будут оплачиваться «простой мощностей».

Размещение программно-аппаратного комплекса представляется более целесообразным осуществлять в государственных центрах обработки данных, а закупку лицензионного программного обеспечения производить путем приобретения подписок на право его использования в зависимости от числа пользователей софта.

В настоящее время отсутствует достаточное регулирование использования «государственного облака» в государственных органах.

Одним из основополагающих нормативных актов в рассматриваемой сфере является постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2019 г. № 1114 «О проведении эксперимента по переводу информационных систем и информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов и публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» в государственную единую облачную платформу, а также по обеспечению федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов автоматизированными рабочими местами и программным обеспечением» [14].

Рассматриваемый нормативный акт был принят только в 2019 г. и, что очевидно, до настоящего времени не сформировалась достаточная нормативно-правовая база, позволяющая полноценно и всесторонне урегулировать правоотношения в рассматриваемой сфере. Кроме того, требуется подготовка и принятие ведомственных (локальных) актов, которые будут регламентировать порядок использования «государственного облака» в различных государственных органах.

Реализация предложенных мероприятий в сфере государственного электронного документооборота существенно повысит его качество, упростит процедуру взаимодействия, снизит финансовую нагрузку на государственные органы.

Список литературы

1. Критика и скепсис. Эксперты с осторожностью восприняли концепцию единой ИТ-архитектуры госорганов. 2019. Август. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единая_технологическая_архитектура_информационных_систем_органов_исполнительной_власти_\(ЕТА_ИС_ОИБ_РФ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Единая_технологическая_архитектура_информационных_систем_органов_исполнительной_власти_(ЕТА_ИС_ОИБ_РФ)) (дата обращения: 02.08.2022).
2. НИИ «Восход» начал тестировать российскую среду исполнения Java для Единой среды разработки. 2020. Октябрь. URL: <https://www.iksmedia.ru/news/5698754-NII-Vosход-nachal-testirovat-rossij.html> (дата обращения: 02.08.2022).
3. Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 198 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/403553148/> (дата обращения: 02.08.2022).
4. Об утверждении Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия: Постановление Правительства

Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 1264 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/401552996/> (дата обращения: 02.08.2022).

5. Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2009 г. № 754 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/196328/> (дата обращения: 02.08.2022).

6. Об утверждении Требований к организационно-техническому взаимодействию государственных органов и государственных организаций: Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной службы охраны Российской Федерации от 4 декабря 2020 г. № 667/233 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/400418692/> (дата обращения: 02.08.2022).

7. О единой системе межведомственного электронного взаимодействия: Постановления Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/199319/> (дата обращения: 02.08.2022).

8. О государственной информационной системе «Типовое облачное решение системы электронного документооборота: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 172 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/403537234/> (дата обращения: 02.08.2022).

9. О государственной информационной системе «Платформа «Центр хранения электронных документов: Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 279 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/403607384/> (дата обращения: 02.08.2022).

10. О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: Постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/187790/> (дата обращения: 02.08.2022).

11. О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/188439/> (дата обращения: 02.08.2022).

12. О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71120998/> (дата обращения: 02.08.2022).

13. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70644220/> (дата обращения: 02.08.2022).

14. О проведении эксперимента по переводу информационных систем и информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, государственных

внебюджетных фондов и публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» в государственную единую облачную платформу, а также по обеспечению федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов автоматизированными рабочими местами и программным обеспечением: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2019 г. № 1114 // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72668308/> (дата обращения: 02.08.2022).

15. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/12148555/> (дата обращения: 02.08.2022).

16. Об исполнении федерального бюджета за 2019 год: Федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 314-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/74759114/> (дата обращения: 02.08.2022).

17. Inoventicaservices: Частное, публичное и гибридное облако, виртуальные инфраструктурные облака. 2019. Апрель. URL: <http://invs.ru/for-business/private-cloud/> (дата обращения: 02.08.2022).

А. К. Кукеев,
старший преподаватель,
Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Исследование посвящено комплексному рассмотрению теоретических и практических вопросов правового регулирования информационного взаимодействия между субъектами, которые задействованы в процессе предоставления административных услуг с помощью интернет-технологий. В диссертации проанализировано влияние процессов, которые присущи современному информационному обществу, на взаимоотношения между государством и населением. Выяснено, что в результате широкого внедрения интернет-технологий трансформируются функции государственного управления. Такие изменения функций, которые характерны, прежде всего, для исполнительной власти, обусловленные воплощением в жизнь концепции «сервисного» характера взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления с гражданами, в рамках которой власть рассматривается как «поставщик услуг». Приведены основные принципы предоставления административных услуг в условиях современного государства, а именно: удовлетворение потребностей массового потребителя, ориентация на конечный результат, децентрализация властных полномочий.

Ключевые слова: информационное право, административная услуга, информационное взаимодействие, информационное взаимодействие между субъектами предоставления и получение административных услуг, интернет-технологии, цифровизация, персональные данные

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF ADMINISTRATIVE SERVICES THROUGH DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract. The research is devoted to a comprehensive consideration of theoretical and practical issues of legal regulation of information interaction between subjects who are involved in the process of providing administrative services using Internet technologies. The dissertation analyzes the influence of processes inherent in the modern information society on the relationship between the state and the population. It was found out that as a result of the widespread introduction of Internet technologies, the functions of public administration are being transformed. Such changes in functions that are characteristic, first of all, for the executive power, due to the implementation of the concept of the “service” nature of the relationship between state authorities and local self-government with citizens, in which the government is considered as a “service provider”. The basic principles of providing administrative services in the conditions of a modern state are given, namely: satisfaction of the needs of the mass consumer, orientation to the final result, decentralization of power.

Keywords: Information law, Administrative service, Information interaction, Information interaction between subjects of providing and receiving administrative services, Internet technologies, Digitalization, Personal data

Практика правового регулирования предоставления административных услуг в дистанционном режиме достаточно разнообразна в разных странах мира. Это обусловлено тем, что внедрение ИКТ, в том числе и цифровых технологий, в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления вполне оправдано и имеет большую перспективу в будущем, но само применение ИКТ, в том числе и цифровых технологий, является причиной возникновения определенных правовых проблем, которые нужно решать. Предоставление административных услуг дистанционным способом регулируется нормативно-правовыми актами, которые направлены на регулирование вопросов самого процесса предоставления таких услуг. Интересными, с нашей точки зрения, являются правовые механизмы регулирования процесса обмена информацией между разными субъектами в дистанционном режиме, нашедшие отражение в определенных актах международного права [1. С. 243].

Мировая практика использования цифровых технологий для различных применений выявила ряд проблем, требующих соответствующего правового решения. Международным сообществом наработан ряд документов по этим вопросам, разработка которых характеризуется тем, что в них отображается опыт самых разных государств, учитываются особенности тех или иных правовых систем, учитываются перспективы развития определенных сегментов социального жизни государств, максимально реализуемые общепризнанные принципы международного сотрудничества [2]. Одним из источников международного права в сфере информационного взаимодействия и информационного обмена есть международные договоры: Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о дого-

ворах международной купли-продажи товаров [3], Типичный закон об электронной коммерции Комиссии ООН по праву международной торговли UNCITRAL [4], Типичный закон об электронных подписи Комиссии ООН по праву международной торговли UNCITRAL, Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» [3]. Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» является одним из важных международных документов, к которой Казахстан еще не присоединился. Она логически завершает серию актов международного права по урегулированию вопросов дистанционного заключения договоров. Документ закрепляет, например, то, что международный договор не может быть лишен действительности или исковой силы на том основании, что он составлен в форме электронного сообщения. Также четко определена фиксация момента отправки электронного сообщения и его получения, процедуры исправления ошибок в таких документах и т. д. [5]. Присоединение Казахстана к Конвенции очень важно. Во всех перечисленных международно-правовых актах закреплены основополагающие правовые принципы: а) недискриминации – т. е. документ не может быть лишен юридической силы только на том основании, что он зафиксирован в электронном форме; б) технологической нейтральности – предполагает принятие правовых норм, которые нейтральны относительно используемой технологии; в) функциональной эквивалентности – предполагает, что законодательство должно определить критерии, согласно которым электронные сообщения признаются эквивалентом документов в бумажной форме.

Но в то же время необходимо понимать, что зарубежные страны имеют значительные отличия в регулировании предоставления административных услуг, что обусловлено разной спецификой этой сферы в зависимости от исторических, правовых и административных традиций этих стран. С целью обеспечения одинакового качества предоставления услуг принимаются меры по унификации законодательства государств. Вместе с тем национальные правовые системы не должны терять своей идентичности. Поэтому нельзя механически переносить нормы международного права или законодательства других государств, а необходимо учитывать национальную специфику законодательства.

Так, в августе 2014 г. в ЕС был принят Регламент об электронной идентификации и доверительных услугах для электронных соглашений на внутреннем рынке, целью которого является предоставление законодательной основы, что обеспечивает правовую достоверность и правовую совместимость применения электронной подписи между странами – членами ЕС [6]. Среди основных положений: определен правовой порядок взаимного признания электронной идентификации и аутентификации, устранены правовые проблемы несовместимости разных систем электронной подписи и средств электронной идентификации и аутентификации, а также созданы правовые условия для трансграничного взаимодействия меж коммерческими организациями, гражданами и органами государственной власти. Одна из ключевых новаций этого документа – введение более квалифицированного типа электронной подписи, позволяющей объединить процесс идентификации и аутентификации владельца электронной подписи на документе и дает возможность проверить подлин-

ность подписанных данных. Другое важное новшество – взаимное признание всеми странами ЕС электронных подписей из национальных систем электронной идентификации, после того как эти страны примут на национальном уровне соответствующие положения нового общеевропейского регулирования. Главная цель этих нововведений – это создать общественное доверие к цифровым транзакциям, показать, что они безопасны, стимулировать людей активнее пользоваться электронными подписями, продемонстрировав как физическим, так и юридическим лицам преимущества дистанционного способа заключения сделок с помощью электронных подписей [7].

Ряд ученых изучали вопросы развития дистанционных административных (государственных) услуг в разных странах мира. Выводы их работ свидетельствуют о том, что в зависимости от культурных традиций и модели управления государственной властью внедрение и эффективность таких услуг существенно разнятся. Первые попытки дистанционной организации предоставления административных услуг, как считают ученые, были осуществлены еще в конце 80-х гг. прошлого века в разных странах одновременно [8]. Так, новатором того времени считают Сингапур как страну, в которой основной акцент был сделан на внедрение ИКТ в государственном управлении и предоставление услуг с целью повышения инвестиционной заинтересованности в стране, что позволило уже в 2002 г. из 120 государственных услуг 107 оказывать в режиме онлайн [9]. В США в приоритете было сочетание информатизации государственного управления с качеством интерактивных услуг [10]. Интересен также опыт Канады. В стране используется понятие «публичные услуги», разделенные на две группы: внутренние (G2G) и внешние (G2B, G2C) [11]. Система порталов Канады по предоставлению государственных услуг с помощью сети Интернет двухуровневой (фронт-офис и бэк-офис) и реализуется по технологии единого окна. В последние годы Республика Корея получает высокие оценки в рейтингах ООН по индексу развития электронного правительства, являющегося основным индикатором внедрения дистанционных государственных услуг в деятельность органов публичной власти [12]. Правительство Австралии приняло Закон «Об агентствах по предоставлению услуг в Сообществе». В результате были созданы организации, начавшие предоставлять услуги с помощью сети Интернет [13]. В стране функционирует правительственный портал, в котором представлено 140 услуг для 6,5 млн пользователей (1/3 населения Австралии). В 2015 г. в Австралии создан Офис цифровой трансформации (Digital Transformation Office, DTO), который занимается развитием и внедрением электронных государственных услуг.

Рассмотрим направления развития систем предоставления административных услуг как сообщества в целом, так и отдельно некоторых стран, входящих в ЕС. Страны, желающие вступить в ЕС, при разработке нормативно-правовой базы в сфере государственного управления должны учитывать стандарты и принципы государственного управления, разработанного Советом Европы, к которым отнесено следующее: законность, равенство, беспристрастность, пропорциональность, юридическая определенность, проведение действий в разумные сроки, участие, уважение частной жизни за счет защиты персональных данных, прозрачность [14]. В Евросоюзе в 2010 г. был принят документ «Стратегия «Европа 2020», который

ориентирован на поддержание занятости населения, повышение производительности и социального сообщества в Европе и т. д. В рамках этой Стратегии была принята «Цифровая повестка дня для Европы», являющаяся стратегическим документом по развитию сферы ИКТ, на основе развития новых технологий и выявленных новых проблем в 2012 г. Европейская комиссия обновила приоритеты Цифрового порядка дневного, в состав которых вошли вопросы кибернетической безопасности, а также cloud computing (облачные компьютерные технологии). Следует отметить, что в рамках этих Стратегий почти все страны ЕС, реализуя задачи по развитию, применили ИКТ для предоставления интерактивных государственных услуг по так называемому порталному подходу, особенно в тех странах, где уже были разработаны и функционировали сайты, посредством которых предоставлялись такие услуги, а также в тех странах, где таких систем не существовало в то время [15]. В Великобритании в 1991 г. была принята Хартия граждан, которая включала вопросы повышения качества государственных услуг за счет открытости деятельности органов общественной власти. В 2016 г. в стране принят документ под названием «Стратегия трансформации правительства». Цель – увеличить темп и масштабы внедрения не только современных цифровых государственных услуг, но и преобразование существующей государственной инфраструктуры. В качестве приоритетов названы: предоставление комплексных услуг, внедрение подходов предоставления инструментов для работы государственных служащих независимо от их местоположения, а также создание общенационального подхода к предоставлению дистанционных услуг государством [16]. Финляндия одной из первых приняла 2001 г. Закон «Об электронных услугах» с последующей разработкой и внедрением нормативно-правовых актов, регулировавших вопросы процесса предоставления таких услуг [10]. Интересен опыт страны относительно государственных услуг, предоставляемых с помощью портала Suomi.fi, а также специального бизнес-портала под названием YritysSuomi.fi, созданного отдельно для предпринимателей. Такой подход помог перевести процесс предоставления более 90 % всех административных услуг в режим онлайн. В Германии действует программа под названием BundOnline 2005, целью которой определено предоставление около 450 услуг с помощью Интернета в рамках построения электронного правительства. Программа основана на следующих основных приоритетах: ориентация на нужды граждан, бизнеса и государственной службы; рентабельность и эффективность; прозрачность, защита и безопасность данных; социальное участие; инновации и устойчивое развитие; высокая производительность ИТ-поддержки [17]. В 2010 г. в Германии создан Совет по планированию ИТ (интернет-технологий), среди основных задач которого ИТ-безопасность и управление проектами в сфере Е-правительства. В том же году принята Национальная стратегия создания «электронного правительства». В 2015 г. правительство страны объявило о планах потратить 2,7 млрд евро для расширения широкополосного доступа в Интернет в регионах, где слабо развита Сеть. Исследуя правовую основу Франции в направлении развития информационного общества, в том числе и развития дистанционных государственных услуг, Г. А. Пискорская указывает на то, что в стране впервые были закреплены основные принципы предоставления государственных услуг в доку-

менте «Хартия предоставления государственных услуг», среди которых равенство, открытость и доступность [18]. В 2008 г. принят план «Цифровая Франция 2012: план развития цифровой экономики», который включает 154 позиции по поэтапному развитию электронного правительства и развитию цифрового контента, доступ к которому должен иметь каждый. В Эстонии были приняты Стратегия «Информационная политика 2007–2013», Закон «О защите персональных данных». Основным элементом во взаимодействии между гражданином и государством стала электронная ID-карта как обязательный идентификационный документ каждого гражданина. Во избежание монопольности в области разработки программных систем была создана технология «Перекресток», использующая несколько баз данных разных учреждений через один портал [19].

Анализ опыта стран свидетельствует о том, что законодательная база по предоставлению административных услуг в электронном виде была создана в течение последних 20 лет. Те государства, которые начали относительно давно предоставлять административные услуги дистанционно, имеют проблемы, связанные с распыленностью информационных ресурсов, и сегодня пытаются разработать общенациональные подходы для взаимодействия этих ресурсов (Германия, Великобритания и др.). Другие страны сразу создали единую платформу для предоставления унифицированных государственных услуг и централизованные архитектуры (Австрия, США, Эстония и т. д.). Вместе с тем их объединяет одна цель – изменение подхода к предоставлению услуг населению, используя преимущества ИКТ. Поэтому на международном уровне разрабатываются правовые акты, создающие условия для внедрения дистанционного режима обмена информацией между властью и популяцией.

Кроме того, страны ЕС создают ряд мер, преследующих цель улучшения трансграничных условий предоставления административных услуг. Эти документы носят рекомендательный характер. Тем не менее разработка этих документов базируется на опыте многих стран и имеет практическое значение для развития нормативно-правовой базы нашего государства. К таким вопросам, которые могут быть отражены в законодательстве Республики Казахстан, следует отнести, во-первых, транснациональное предоставление дистанционных услуг, во-вторых, усовершенствование системы идентификации личности, в-третьих, фиксацию момента отправки сообщения между субъектами предоставления и получения услуг.

Список литературы

1. Баранов А. А. Правовое обеспечение информационной сферы: теория, методология практика: монография. Киев: Эдельвейс, 2014. 497 с.
2. Васильева Н. В. Опыт Эстонии в предоставлении электронных услуг населению // Государственное управление: совершенствование и развитие. 2013. № 11.
3. Васина А., Адамов М. Особенности предоставления административных услуг органами власти // Галицкий экономический вестник. Тернополь: ТНТУ, 2019. № 1 (56). С. 17–26.
4. Галиев А. Административные электронные услуги: понятие и условия внедрения в Казахстане // Право и государство. 2019. № 2. С. 196–199.

5. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Некоторые аспекты административно-правового регулирования деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой реальности // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 119–124.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах: ООН, Конвенция, Международный документ от 23.11.2005. URL: [http://www. Uapravo.net/data2008/base41/ukr41839.html](http://www.Uapravo.net/data2008/base41/ukr41839.html) (дата обращения: 20.08.2022).
7. Крысенкова Н. Б., Чурсина Т. И., Лещенков Ф. А. Использование цифровых технологий в концепции открытого правительства за рубежом // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. № 4. Рр. 67–79.
8. Майдырова А. Б., Муксимов С. С. Совершенствование процесса оказания государственных услуг в Республике Казахстан: монография. Астана: Акад. гос. упр. при Президенте РК, 2015. 211 с.
9. Новое регулирование электронных подписей в ЕС. Аудит. 2015. URL: <http://tak-audit.com.ua/material/334-novoe-regulirovanieelektronnykh-podpisej-v-es> (дата обращения: 20.08.2022).
10. Пуляевская И. А. Правоприменение в сфере оказания публичных услуг: перспективы адаптации зарубежного опыта в России // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 4. С. 82–90.
11. Сайт Сингапурского статистического управления. URL: [http:// www. Singstat. Gov.sg](http://www.Singstat.Gov.sg) (дата обращения: 20.12.2017).
12. Сайт электронного управления Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/> (дата обращения: 15.10.2021).
13. Судоргин О. А. Правовое регулирование электронного правительства в европейском праве // Право и политика. 2018. № 3. С. 39–42.
14. Талапина Э. В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 164–184.
15. Таранов А. А., Бопова И. М. Правовые проблемы дистанционного предоставления административных услуг // Вестник Евразийской юридической академии. 2020. № 2. С. 242–247.
16. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле», издание ООН № R.99. V.4b. официальный отчет ГА ООН. 51-я сессия.
17. Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0910> (дата обращения: 17.08.2022).
18. Recommendation CM/Rec (2007) 7 of the Committee of Ministers to member states on good administration on 20.06.2007. URL: <https://fra.europa.eu/en/law-reference/council-europe-recommendation-cmrec20077-committee-ministers-member-states-good> (дата обращения: 20.11.2021).

М. А. Куликов,

кандидат юридических наук, докторант,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПРАВОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Развитие цифровых технологий анализируется через призму масштабного распространения манипулирования юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования общественных отношений. Аргументируется позиция, согласно которой цифровые технологии способствуют не только полноценной реализации субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, но и провоцируют использование юридического инструментария в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых). Исследуется специфика, признаки и формы манипулирования правом, а также роль цифровых технологий в распространении данной формы правового поведения.

Ключевые слова: цифровые технологии, манипулирование, право, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, интерес, правоотношение

MANIPULATION BY MEANS OF LAW IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. The development of digital technologies is analyzed through the prism of the widespread manipulation by means of legal goals and instruments in the process of legal regulation of social relations. The position is argued that digital technologies contribute not only to the full implementation of subjective rights, freedoms and legitimate interests of participants in legal relations, but also provoke the use of legal instruments in the interests of the subject of management (manipulator) contrary to the true needs and interests of the object of management (manipulated). The specifics, features and forms of the manipulation by means of law, as well as the role of digital technologies in the spread of this form of legal behavior are investigated.

Keywords: Digital technologies, Manipulation, Law, Legal goal, Legal means, Legal regulation, Interest, Legal relationship

Современное развитие, равно как и усложнение общественных отношений предполагает создание эффективных юридических средств, призванных обеспечить сбалансированное сосуществование интересов личности, общества и государства, а также всемерно содействовать полноценной реализации правомерных стремлений субъектов права. В отмеченной связи активное развитие цифровых технологий может быть рассмотрено через призму его диалектического воздействия на развитие правоотношений.

С одной стороны, реализация субъективных прав, свобод и законных интересов становится более эффективной, заметно упрощается доступ к различным социальным благам, открываются новые коммуникационные возможности для субъектов права, значительно облегчающие как взаимодействие с органами публичной власти, так и ведение бизнеса. Справедливо отмечается, что в юридической практике цифровые технологии способствуют облегчению сбора и анализа эмпирических данных, необходимых для принятия различных управленческих решений, в том числе и в сфере правотворчества, позволяют совершенствовать методологию правовых исследований и трансформировать, оптимизировать традиционные правовые институты [4. С. 6].

С другой стороны, наблюдается атрибутивная процессам цифровизации универсализация правового инструментария, формализация предлагаемых к использованию участникам правоотношения юридических средств (формы договоров, заявок, обращений, комментариев, способы взаимодействия с инстанциями различных уровней, возможности обжалования действий должностных лиц и т. д.).

Отмеченная формализация юридического инструментария, равно как и возникновение общественных отношений, которые в силу темпов научно-технического прогресса не могут быть полноценно урегулированы правом (в сфере использования искусственного интеллекта, оборота криптовалют, цифровизации отдельных медицинских услуг, применения электронных средств контроля и фиксации правонарушений в случае технических сбоев и т. д.) создают благоприятную почву для манипулятивного воздействия на общественные отношения, которое стало неотъемлемой реальностью современного мира [3. С. 29–43].

Так, наряду с психологическим, информационным, политическим и другими разновидностями манипулирования [2. С. 163–180] в настоящее время происходит «бум» манипулирования юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования общественных отношений, которое, к сожалению, не получило необходимой научной разработки.

Вместе с тем, применение манипулятивных технологий в правовом регулировании обуславливается как необходимостью оптимизации управленческих процессов, так и масштабной цифровизацией различных сфер жизни.

В отмеченной связи отметим, что под манипулированием традиционно понимают форму скрытого господства или управления людьми, осуществляемого ненасильственным образом; скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств [6]; скрытое управление, при котором инициатор достигает своих эгоистических целей, нанося ущерб адресату своего воздействия (в отличие от открытого управления, при котором его цель доводится до адресата) [5. С. 8–9].

Под манипулированием мы предлагаем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное субъектом управления вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Таким образом, манипулирование в праве, которое мы трактуем как манипулирование юридическими целями и средствами, представляет собой осуществляе-

мую при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Манипулирование в праве может осуществляться в различных формах, которые активно развиваются в том числе и при непосредственном воздействии цифровых технологий.

Так, манипулирование юридическими целями может осуществляться в двух основных формах: 1) посредством установления (формулирования) таких юридических целей, которые не основаны на объективном анализе потребностей и интересов участников правоотношений, но полностью отвечают запросам субъекта управления (манипулятора) и к достижению которых объект манипуляционного воздействия будет мотивироваться при помощи различных средств, технологий и установок; 2) посредством использования социально-обусловленных, адекватно установленных, грамотно сформулированных и отражающих потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора), позволяя последнему оправдывать осуществляемые «непопулярные» действия (используемые юридические средства) необходимостью достижения данной цели.

Манипулирование же юридическими средствами может осуществляться как посредством создания необходимых субъекту манипулятивного воздействия и полностью соответствующих лишь его интересам средств-инструментов (установлений), направленных на достижение юридических целей, так и посредством использования средств-деяний (технологий) в собственных целях в ущерб интересам остальных участников правоотношений [1. С. 26–30].

Манипулирование как вид управленческой деятельности может быть как законной, так и противоправной активностью, представляя собой конкретное правонарушение (к примеру, ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком»), однако манипулирование юридическими целями и средствами (т. е. манипулирование, осуществляемое посредством юридических целей и средств, в рассматриваемом контексте – манипулирование правом) является правомерной формой поведения субъекта правоотношения.

Таким образом, ключевыми признаками манипулирования в праве является то, что оно: 1) будучи правомерным поведением, использует объект манипулятивного воздействия лишь как средство достижения целей субъекта манипулирования; 2) трансформирует, видоизменяет интересы объекта управления, который действует, не подозревая того, лишь ради достижения целей манипулятора вопреки своим истинным потребностям.

Необходимо отметить, что цифровизация различных сфер общественной жизни всемерно способствует тому, что манипулирование юридическим инструментарием опирается на политические, информационные, психологические, экономические и другие средства, что, с одной стороны, подчеркивает взаимозависимость правового регулирования со всеми сферами общественной жизни,

а с другой – придает большую злободневность, социальную обусловленность, востребованность предполагаемых к использованию и уже используемым манипулятивным технологиям. Помимо сказанного, манипулирование юридическими целями и средствами широко используется в процессе правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной и иной деятельности, что подчеркивает многообразие методов и технологий его осуществления.

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов.

Цифровые технологии оказывают самое серьезное влияние на правотворческий, правоприменительный и правоинтерпретационный процессы, которое заключается в повышении их эффективности, что с неизбежностью должно расширять возможности различных участников правоотношений, связанные с реализацией как субъективных прав, так и законных интересов.

Вместе с тем цифровые технологии способствуют и тому, что участники правоотношений лишь «программируются» на определенное правомерное поведение вопреки своим истинным потребностям и интересам субъектами управления (манипулятивного воздействия). При этом координация общественных процессов осуществляется настолько искусно, «ненавязчиво», с использованием удобных сервисов, доступных ресурсов, убедительной информационной поддержки, что субъекты права сами не подозревают того, как оказываются заложниками своих же сиюминутных интересов и действуют исключительно ради достижения тех целей, которые и были изначально поставлены субъектом подобного управленческого воздействия.

Сказанное актуализирует проблему манипулирования в праве в условиях тотальной цифровизации, при котором использование юридического инструментария не обеспечивает баланс в сосуществовании интересов личности, общества и государства, но служит лишь интересам манипулятора, которым могут являться как отдельные представители органов публичной власти, так и иные участники правоотношений.

Список литературы

1. Куликов М. А. Сущность и природа юридических средств // Юридический мир. 2022. № 8. С. 26–30.
2. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 163–180.
3. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
4. Уваров А. А., Уваров А. А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 5–11.
5. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. Санкт-Петербург, 2022. 384 с.
6. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies. January 1, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555> (дата обращения: 01.09.2022).

В. Ф. Курьякова,
преподаватель кафедры земельного,
градостроительного и экологического права,
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

К ВОПРОСАМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие информации об объектах культурного наследия. Выявлены признаки, позволяющие отнести информацию об ОКН к результатам интеллектуальной деятельности. Изучены мнения представителей научного сообщества по вопросам юридического регулирования использования информации об объектах культурного наследия, а также ее правового статуса. Сформулированы проблемы, касающиеся оборота информации об объектах культурного наследия: разграничение собственности на информацию, получение исчерпывающего объема сведений об историческом объекте, поэтапность появления и преобразования указанной информации, отсутствие единого цифрового ресурса. Предложены варианты изменения правового регулирования.

Ключевые слова: объекты исторического наследия, информация об объектах культурного наследия, право пользования информацией, цифровая трансформация, стратегия государственной культурной политики, земли историко-культурного назначения, Единый государственный реестр объектов культурного наследия

ON THE ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION ABOUT CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Abstract. The article discusses the concept of information about cultural heritage objects. The signs allowing to attribute the information about the cultural heritage objects to the results of intellectual activity are revealed. The opinions of representatives of the scientific community on the issues of legal regulation of the use of information about cultural heritage objects, as well as its legal status, were studied. The problems concerning the circulation of information about cultural heritage objects are formulated: the differentiation of ownership of information, obtaining an exhaustive amount of information about a historical object, the phased appearance and transformation of this information, the absence of a single digital resource. Options for changing the legal regulation are proposed.

Keywords: Cultural heritage objects, Information about cultural heritage objects, Right to information, Unified state register of cultural heritage objects, Digital transformation, Strategy of state cultural policy, Lands of historical and cultural purpose

Бережное и рациональное отношение к объектам культурного назначения – неоспоримый тезис. Достижению указанной цели служат основополагающие нормативные акты Конституция России и специальный закон об объектах культурного наследия (далее – Закон № 73-ФЗ). Вместе с тем приходится констатировать,

что действующее правовое регулирование, его основные правила установлены двадцать лет назад, они отстают от современного законодательства, требований настоящего времени. Главной из нерешенных проблем на протяжении последних десятилетий являются своевременное выявление, должное содержание и охрана памятников.

В апреле 2021 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК) опубликовало перечень объектов культурного наследия Российской Федерации, требующих проведения полного комплекса научно-реставрационных работ в первоочередном порядке [3]. В этом документе 774 пункта (памятников на самом деле больше, за счет ансамблей и комплексов). В список вошли объекты из 55 субъектов Федерации. Составляя перечень, Центральный совет ВООПИК запрашивал предложения своих региональных отделений, местных органов охраны памятников, а также консультировался с экспертами. По количеству и качеству представленных объектов можно судить как о ситуации с наследием в отдельных регионах, так и об активности местных общественников. Лидеры по количеству нуждающихся в первоочередной реставрации памятников – город Севастополь (представил 71 объект) и Свердловская область (41 объект) [21].

По итогам 2021 г. Минкультуры РФ в рамках государственной программы «Развитие культуры» завершены ремонтно-реставрационные работы на 58 объектах культурного наследия и обеспечено полное освоение предусмотренного на указанные цели финансирования [4. С. 143].

Понимание значимости исторических исследований, выявления зданий и иных объектов ушедших эпох, умения распоряжения этой информацией влияет как на сохранение конкретных памятников и парковых сооружений, так и на формирование культурного наследия страны в целом.

Правовое регулирование пользования информацией об объекте культурного назначения (далее – ОКН) напрямую связано с соответствующим правовым режимом. По нашему мнению, в содержание правового режима информации об ОКН возможно включить следующие элементы: категория историко-культурного значения объекта, права и обязанности владельца и пользователя информации, технологические особенности материального носителя информации, статус исторического памятника.

Сформулируем ряд спорных вопросов, касающихся оборота информации об объектах культурного наследия:

- легальное определение информации об ОКН;
- разграничение собственности на информацию об ОКН;
- предоставление исчерпывающей информации об ОКН;
- стадии появления и преобразования информации об ОКН и др.

Очевидна необходимость теоретических исследований этих тем.

По общепринятому межотраслевому определению под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [11].

Законом № 73-ФЗ информация определяется через перечисление сведений о недвижимых объектах культурного наследия, содержащихся в специальном государственном реестре [12]:

- время создания объекта, его название и адрес;
- категория историко-культурного значения объекта;
- фотографическое (иное графическое) изображение (снимки общего вида, фасадов, предмета охраны данного объекта);
- государственный орган, который принял решение об отнесении объекта к памятникам истории;
- номер и дата принятия органом государственной власти акта об отнесении объекта к памятникам истории и культуры или о включении объекта в реестр;
- паспорт и (или) учетная карточка памятника истории и культуры (объекта культурного наследия);
- границы территории объекта культурного наследия, зон защитной и охраны;
- расположение памятника или ансамбля в границах зон охраны иного объекта культурного наследия;
- предмет охраны ОКН.

Обращает на себя внимание тот факт, что в перечень не вошли такие важные сведения об участке, на котором расположен ОКН, как функциональная зона, территориальная зона, категория земли, вид разрешенного использования земельного участка. Хотя приведенные правовые инструменты содержат самостоятельные способы охраны исторических памятников и прилегающих территорий.

Так, на отдельных землях историко-культурного назначения, в том числе землях объектов культурного наследия, подлежащих исследованию и консервации, может быть запрещена любая хозяйственная деятельность [7].

Приказом руководителя Росреестра определена классификация видов использования участков [14]. Данный источник права включает «историко-культурную деятельность», код 9.3, специально нацеленную на сохранение памятников архитектурного наследия.

В Правилах землепользования и застройки г. Екатеринбурга [19] для территориальной зоны ЦС-2 предусмотрен один из видов разрешенного использования «историко-культурная деятельность» с характерным для него градостроительным регламентом.

Очевидно, приведенные сведения о земле и ее градостроительных параметрах в месте размещения исторических объектов должны относиться к понятию информации об ОКН и включаться в единый государственный реестр.

С учетом широкого развития законодательства об исторических памятниках понятие информации об ОКН было существенно расширено на региональном и муниципальном уровнях.

В отраслевом документе г. Санкт-Петербурга [13] отражены данные о межевом плане, природных объектах, градостроительном планировании, относящиеся к дополнительной информации об ОКН.

Подобное расширение понятия информации об ОКН является следствием объективных процессов развития общества, разворота различных публичных

и общественных институтов к историческим деятелям, результатам их жизни и работы, запроса на сохранение исторической памяти.

Анализ федерального, регионального и муниципального законодательства позволяет сделать вывод, что исчерпывающее понятие информации об объектах культурного наследия в нормативно-правовых источниках не сформировано.

Вместе с тем его можно трактовать как сведения о недвижимых объектах историко-культурного наследия, содержащиеся в реестрах органов государственной власти, а также иных источниках (реестрах, отчетах, учетах, списках, перечнях, картах и др.), обладающие качественной, количественной, историко-культурной, историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а равно влияющие на градостроительную деятельность и землепользование.

Информация признана самостоятельным объектом гражданских прав в принятой в 1994 г. ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [5], однако по мере развития гражданского законодательства почти через 10 лет она была исключена из этого перечня [10]. В настоящее время информация относится к результатам интеллектуальной деятельности.

Неоднозначная юридическая природа информации нашла отражение в работах ученых-правоведов.

Так, И. Б. Новицкий указал, что в римском частном праве сведения о фактах, зафиксированные на материальном носителе, признавались оборотоспособными вещами (*res in commercio*) [9. С. 91]. По мнению В. О. Пучкова, «информация не обладает качеством самостоятельного объекта гражданских прав, т. е. не является таким видом экономических благ, который не вписывается в их законодательную классификацию (ст. 128 ГК РФ) и который в этом смысле нуждается в соответствующем легальном понимании. Действующее правовое регулирование в данной области является достаточным для отнесения информации к уже известному виду объектов гражданских прав, а именно к результатам интеллектуальной деятельности». Поэтому, с его точки зрения, на информацию не может быть однозначно распространен гражданско-правовой режим вещи или иного имущества. Далее этот автор фиксирует следующий тезис: «...качеством самостоятельного вида объекта гражданского права (т. е. нуждающегося в фиксации в перечне объектов гражданских прав наряду, к примеру, с вещами, иным имуществом и т. п.) информация не обладает; в то же время, с нашей точки зрения, в контексте существующей легальной классификации объектов гражданских прав информацию правомерно отнести к результатам интеллектуальной деятельности» [20. С. 135–144]. Мы склонны согласиться с последним выводом.

Информация об объекте культурного наследия выступает частным случаем общего понятия информации, она обладает всеми свойствами родового понятия, а также рядом свойств, характерных только для нее:

1. Содержание информации об ОКН зависит от особенностей ее получения.
2. Обладает ограниченной оборотоспособностью, так как может подпадать под режим конфиденциальности.
3. Информации предоставляется как публичная услуга в виде выписки из реестра.

4. Беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия.

На информацию об ОКН в равной степени возможно распространить регуляторные механизмы главы четвертой ГК РФ:

- право на информацию об ОКН не зависит от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (архивный письменный документ, старинная фотография), в котором отражены соответствующие сведения;
- переход права собственности на источник исторических данных не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на информацию об ОКН;
- к обороту информации об ОКН не применяются положения закона о праве собственности и других вещных правах;
- владелец может распорядиться принадлежащим ему правом на информацию об ОКН или на материальный носитель, в том числе путем его передачи по договору другому лицу [6].

Приведенные правомочия не в полной мере соответствуют действующей редакции закона об ОКН, поскольку там упоминается лишь право пользования соответствующей информацией в установленном государственном органе порядке. Иные права и обязанности неопределенного круга лиц не определены. По нашему мнению, объем правомочий, связанных с доступом и оборотом информации об ОКН как видом результатов интеллектуальной деятельности, следует обозначить в отраслевом федеральном нормативно-правовом акте.

Содержание понятия «информация об ОКН», приведенное в федеральном законе с помощью перечисления включенных в него элементов, не является исчерпывающим, как отмечалось ранее в работе этот список является открытым. С учетом множества источников данных о культурном наследии информацию об ОКН возможно классифицировать по различным основаниям:

- по стадии выявления исторического памятника;
- категории историко-культурного значения ОКН;
- форме владения;
- содержанию;
- категориям материального носителя;
- возможности доступа.

По нашему мнению, для объективного раскрытия вопроса правового режима информации об ОКН наиболее универсальными являются первая и вторая классификации.

Если влияние категории историко-культурного назначения (федеральное, региональное, местное значение) на правила оборота, хранения, разрешений и запретов по отношению к сведениям об историческом памятнике является очевидным и не требует исследования, то стадии выявления ОКН подлежат отдельному правовому анализу.

На правовой режим оказывает влияние порядок выявления ОКН:

- объект, о котором есть сведения о возможных признаках ОКН, не проверенные и не направленные в государственные органы;
- объект, обладающий признаками объектов культурного наследия;

- выявленный объект культурного наследия;
- объект, включенный в Единый государственный реестр ОКН (ЕГРОКН).

Информация об исторических памятниках не статична. Ее объем, число управомоченных на распоряжение субъектов, порядок сбора и предоставления напрямую зависят от легального статуса такого объекта.

Предлагаем рассматривать сведения об ОКН посредством четырехзвенной структуры. Поясним предлагаемый подход.

Сначала о старинном особняке, произошедших в прошлом событиях известно некоторым лицам, у них на руках могут находиться документы, записанные воспоминания, фотографии. На этой, первой ступени здание не является культурной ценностью. Вместе с тем, при прохождении предусмотренной законом процедуры, оно вполне может им стать. Именно здесь важно сохранить имеющиеся материальные носители для последующего их научно-исторического исследования.

Мы имеем дело с неограниченным перечнем возможных обладателей как исторических источников, так и самой информации. Носители таких сведений могут продаваться, передаваться, храниться и тому подобное.

В качестве дефекта правового регулирования можно признать диспозитивность права направления этой информации в уполномоченные официальные органы власти [12]. Подобный подход, а также жесткие запреты градостроительной деятельности при включении здания в перечень ОКН не только не стимулируют выявление и сохранение культурного наследия нашей страны для будущих поколений, но и зачастую влекут на практике прямо противоположные действия.

Помимо этого, есть и иной недостаток в действующем законе. Согласимся с мнением Ю. М. Бердюгиной: «В связи с легкостью выявления объекта культурного наследия (выявление возможно по обращению физического лица) и отсутствием явных критериев ценности выявляемого объекта возможны злоупотребления правом на выявление, причем даже не намеренным» [1. С. 66].

Закрепление в законе единых правил распоряжения информацией о возможном объекте культурного наследия способно оказать позитивное влияние на его сохранение.

На второй ступени, сведения о недвижимости с признаками ОКН поступают в отраслевой орган власти субъекта РФ. В таком случае, по умолчанию, безвозмездно право распоряжения информацией переходит к государству. Законодатель не счел необходимым урегулировать вопрос получения доступа к сведениям, которые находятся в процедуре государственной проверки и оценки. Право пользования информацией на этой стадии предоставляется исключительно научным работникам. Принимая во внимание, что в дальнейшем статус ОКН будет влечь градостроительные ограничения, правильным видится открытие доступа к таким сведениям и его регламентацию в подзаконном акте.

Третий этап – приобретение объектом статуса выявленного. Соответствующая информация размещается государственным органом власти в общем доступе в сети Интернет [16].

Последняя четвертая ступень юридической жизни информации – ее размещение в специальном государственном реестре после признания выявленного

особняка объектом культурного наследия. В данном случае в качестве правообладателя выступает государство, которое неограниченному кругу лиц в установленном порядке и объеме передает право пользования сведениями о памятнике.

Правовое регулирование процедуры получения информации регламентировано отраслевым законом [12] и подзаконным актом Минкультуры России [15]. Выписка содержит исчерпывающий перечень данных об объекте культурного наследия, в который не вошли важные для сохранения исторического памятника сведения из генерального плана и правил землепользования и застройки муниципалитета, заключения специальных историко-культурных исследований и экспертиз. Такой правовой пробел требует устранения, это послужит рациональному развитию территории сопряженному и сохранением исторического наследия.

Предложенная периодизация подчеркивает правовую трансформацию права пользования и оборота рассматриваемых данных от абсолютно свободного, нерегулируемого распоряжения материальными носителями и информацией об исторических памятниках до жестких правил, допускающих лишь пользование этими сведениями при строгом контроле государства. На всех этапах такого преобразования требуется законодательно закрепить права и обязанности собственников и пользователей информацией.

Помимо указанных недостатков, законодатель не урегулировал юридическую судьбу материальных носителей сведений об ОКН. Помимо этого, ряд авторов полагают, что «другая часть информации об объектах культурного наследия имеет меньшее значение для получения информации о них – это заключения и акты государственных историко-культурных экспертиз, историко-культурные исследования, технические заключения, проектная документация о реставрации и другие сведения. Необходимость доступа к такой информации возникает нечасто и у сравнительно небольшого количества физических и юридических лиц» [8. С. 208–219].

Кто будет выступать правообладателем этих объектов гражданских прав, каков объем его полномочий? На приведенные вопросы важно иметь ответ по двум причинам.

Во-первых, владелец исторических источников должен иметь гарантии государства по сохранению своих правомочий, и быть мотивирован на активное сотрудничество с публичными институтами.

Во-вторых, закон не исключает, при определенных обстоятельствах, последующее снятие со здания статуса ОКН, а также его перемещение, очевидно, без материальных носителей провести подобные процедуры крайне затруднительно.

В настоящее время основной объем информации об ОКН размещается на официальных государственных ресурсах (перечень выявленных объектов культурного наследия, единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, единый государственный реестр недвижимости, федеральная государственная информационная система территориального планирования и др.).

Рассматриваемые информационные реестры и перечни, как правило, не интегрированы между собой, зачастую содержат противоречивые сведения о правообладателях, правовых режимах, границах, территориальных зонах и т. п.

Государственные органы принимают свои управленческие решения на основании противоречивых данных таких публичных реестров. Предприниматели не всегда могут определить степень достоверности содержащихся в них сведений [2. С. 12–197].

Назрела острая необходимость создания единой цифровой платформы, которая бы аккумулировала имеющуюся информацию об ОКН, отслеживала ее изменение в реальном времени. Очевидно, созданию подобного интеллектуального ресурса должна предшествовать работа над юридическим оформлением.

Такой подход соответствует поставленным в 2021 г. Правительством России задачам цифровизации государственного управления для повышения качества предоставления публичных услуг; снижения издержек коммерческих организаций при взаимодействии с государством [18].

Перевод информации ОКН в цифровую плоскость будет способствовать сохранению исторического наследия, снижению руинированных памятников и наряду с этим не приводить к существенному ограничению прав других собственников недвижимости.

Основные проблемы, рассмотренные в настоящей работе, сведем в единый перечень:

- в информации об ОКН в реестре не предусмотрены сведения о функциональной и территориальной зонах, категории земли, виде разрешенного использования земельного участка;
- понятие информации об ОКН в региональных и муниципальных актах имеет больший объем, чем в федеральном отраслевом законе;
- единое определение информации об объектах культурного наследия в нормативно-правовых источниках не сформировано;
- информацию об ОКН правомерно отнести к результатам интеллектуальной деятельности;
- к обороту информации об ОКН нельзя применять положения гражданского законодательства о праве собственности и других вещных правах;
- владелец может распорядиться принадлежащим ему правом на информацию об ОКН или на материальный носитель, в том числе путем его передачи по договору другому лицу;
- объем правомочий, связанных с доступом и оборотом информации об ОКН как видом результатов интеллектуальной деятельности, следует обозначить в отраслевом федеральном нормативно-правовом акте;
- юридическая трансформация права пользования и оборота информации об ОКН от абсолютно свободного, нерегулируемого распоряжения материальными носителями и информацией до жестких правил, допускающих лишь пользование этими сведениями при строгом контроле государства, требует законодательного регулирования;
- необходимо проработать юридический механизм создания единой цифровой платформы для размещения информации об ОКН.

Решение данных проблем положительно скажется на реализации Стратегии государственной культурной политики [17]. Этим документом в целях сохранения

культурного наследия и создания условий для развития культуры предполагается, в том числе:

- стимулирование заинтересованности физических и юридических лиц в сохранении объектов культурного наследия при передаче их в пользование (аренду) и собственность;
- создание благоприятных условий для привлечения частных инвестиций в культуру с использованием различных механизмов государственно-частного партнерства, включая создание нормативной базы для заключения соглашений в отношении интеллектуальной, творческой деятельности в сфере культуры;
- создание эффективной и ресурсно обеспеченной системы сохранения объектов культурного наследия, позволяющей постоянно снижать долю памятников, находящихся в неудовлетворительном или руинированном состоянии.

В заключение отметим, что поставленные в статье вопросы должны получить разрешение посредством внесения изменений в отраслевой закон об объектах культурного наследия, а также в ряд нормативных документов федеральных органов исполнительной власти с целью определения правового режима информации об ОКН, соответствующего современным запросам общества.

Список литературы

1. Бердюгина Ю. М. К вопросу о выявлении объектов культурного наследия // Академический вестник. УралНИИПроект РААСН. 2017. № 4. С. 66.
2. Брызгалин А. В., Федорова О. С., Королева М. В., Вятчинова Т. И., Путилова М. Ю., Азаров Д. В., Кокшарова Е. А., Кряжев Е. А., Низовцева Л. И., Шкворченко А. В. Основные изменения в Налоговом кодексе РФ в 2021 году // Налоги и финансовое право. 2021. № 1. С. 12–197.
3. Всероссийское общество охраны памятников и культуры. URL: http://voorik.ru/news/detail.php?SECTION_ID=8&ELEMENT_ID=219855 (дата обращения: 12.09.2022).
4. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации. 2021. С. 143. URL: <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennyy-doklad-o-sostoyanii-kultury-v-rossiyskoy-federatsii-v-2021-godu31082022/> (дата обращения: 12.09.2022).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 04.12.2006) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=410706&cacheid=A691607E97A508AD4E4DD819C5171DFF&mode=rubr#rcvFoHTiC8YsH3GZ2> (дата обращения: 12.09.2022).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. От 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=422068&cacheid=416C0E5AB05FDD07F97F478D02BA48FC&mode=rubr#Qj9GoHTnWrmtqKL5> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=422254&cacheid=960DBE0729>

C6630F8B296881F45CA067&mode=rubr#TPfGoHTAX6eo2J263 (дата обращения: 12.09.2022).

8. Лаврентьев Н. В., Чернышев В. А. Проблемы судебной защиты прав на благоприятную окружающую среду и на доступ к информации о благоприятной окружающей среде в сфере градостроительной деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 208–219.

9. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. URL: <https://law-book.online/pravo-rimskoe/osnovyi-rimskogo-grajdanskogo-prava-2007.html> (дата обращения: 12.09.2022).

10. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=BFF3ECD186190AF3C9C4FAD552B7C9B8&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=203251#fSaIoHTXKnc4dM> (дата обращения: 12.09.2022).

11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. От 14.07.2022) СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=B4B578FFFAD7A64183664700E73A83A1&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=422054#R34JoHT27Q2MNTmt> (дата обращения: 12.09.2022).

12. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=01CB6C75BC654C8DE6328706B1D0F424&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=387521&dst=1000000001#9okJoHTm2CzYu7l6> (дата обращения: 12.09.2022).

13. Об охране объектов культурного наследия в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 12.07.2007 № 333-64 (ред. от 23.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/8453649> (дата обращения: 12.09.2022).

14. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 23.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=BF3F411DDA7CD02741A904687C16015D&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=423603&dst=1000000001#rWNLоHTXvJnbUW2> (дата обращения: 12.09.2022).

15. Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: приказ Минкультуры России от 03.10.2011 № 954 (ред. от 25.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=06FE613D845BFFABF7ED402411543C29&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=394979#5icLoHTM7X4kcCAT1> (дата обращения: 12.09.2022).

16. Об утверждении порядка формирования и ведения перечня выявленных объектов культурного наследия, состав сведений, включаемых в данный перечень: приказ Минкультуры России от 02.07.2015 № 1907 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=435HoHTbHRywQUr3&cacheid=06FE613D845BFFABF7ED402411543C29&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=394979#5icLoHTM7X4kcCAT1> (дата обращения: 12.09.2022).

17. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. От 30.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=9HRMoHTkuj5msreE1&cacheid=19B251427B4979EFC0917F0D6DBD82E7&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=294825#f9TMoHTUUpYn3JBr> (дата обращения: 12.09.2022).

18. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=9HRMoHTkuj5msreE1&cacheid=8BE92759173D8E22B43C11F01E20DE83&mode=splus&rnd=iQwGCA&base=LAW&n=399192#QvgMoHT0d6fttD05> (дата обращения: 12.09.2022).

19. Правила землепользования и застройки городского округа – муниципального образования «Город Екатеринбург»: постановление Администрации города Екатеринбурга от 10.06.2022 № 1597 (в ред. Постановления Администрации города Екатеринбурга от 01.08.2022 № 2221) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/543568164> (дата обращения: 12.09.2022).

20. Пучков В. О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 135–144.

21. Хранители наследия. Информационно-аналитический ресурс – URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/dose/voopik-nazvalo-774-pervoocherednykh-obekta-restavratsii/?ysclid=l7yp07vhls75939335ФГ> (дата обращения: 12.09.2022).

В. В. Лазарев,

доктор юридический наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СВЕТЕ ПЕРСПЕКТИВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В работе рассмотрены основные тенденции и особенности развития юридической науки в свете цифровизации. Предложены направления возможного изучения государственно-правовых явлений и процессов в современном мире.

Ключевые слова: юридическая наука, государство и право, цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект

LEGAL SCIENCE IN THE LIGHT OF THE PROSPECTS OF DIGITALIZATION

Abstract. The article considers the main trends and features of the development of legal science in the light of digitalization. The directions of possible study of state-legal phenomena and processes in the modern world are proposed.

Keywords: Legal science, State and law, Digitalization, Digital technologies, Artificial intelligence

Надо согласиться с тем, что процессы сетевой цифровизации и масштабного, всестороннего внедрения искусственного интеллекта (ИИ) нуждаются в особом осмыслении юристами. И в этом отношении накопился огромный материал для дальнейшего освоения. Руководству Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова большое спасибо за организацию I Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право» и еще большее спасибо, если соответствующие идеи будут оформлены для внедрения. Это **первое**.

Второе. Вместе с признанием новизны и полезности многих предлагаемых выводов, считаю односторонне категоричным вывод о том, что процессы глобализации и научно-технологического развития, в частности, появление сетевых цифровых технологий, стали разрушать традиционные представления о государстве и праве, об обществе, политике и экономике. Нет! Государственно-правовые идеи великих мыслителей прошлого нуждаются в осмыслении в свете новых цифровых реальностей и, в соответствии с законом отрицания, должны входить в ткань современной юридической науки.

Третье. Разумеется, необходимо заметить и констатировать появление новых процессов и явлений общественной жизни информационного века, которые могут войти в предмет юридической науки, которые порождают в юридической науке вопросы и, соответственно, ответы, способные привнести новизну в решение теоретических и практических проблем классической наукой, открыть новые научные направления. Но появление новых отношений всегда влечет обогащение методологии правовых исследований.

В этой связи, пусть это будет **четвертое**, обращаю внимание на необходимость вовлечения в юридическую науку принципа дополнительности. Рациональное и иррациональное, материалистическое и идеалистическое в свете принципа дополнительности оказываются сопрягаемыми в поиске, в том числе и виртуальных ценностей. Противоположные позиции могут быть интегрированы на почве здорового консерватизма и в парадигмах сотрудничества, исключения конфликтов и социальных потрясений. Конвергентные подходы не утрачивают своей роли. Из специальных методов приобретают значение математические, но для юридической науки и практики ценность представляет не само исчисление, хотя бы и очень точное, а его понимание в плане развития гуманитарных ценностей. Кстати, не все, кто касается сферы цифровизации, видят особенности гуманитарных наук.

Пятое. Современные машины сориентированы на предоставление информации, но не на творчество. Даже аналитику они пока чаще исключают. Однако перспективы таковы, что юристы должны продумывать пределы, в которых искусственному интеллекту будет позволено самостоятельно мыслить и самостоятельно разбираться в эмоциональных переживаниях личности. Это если роботизация будет проводиться на биологической основе и если человек пожелает войти туда в качестве автономной конструкции.

Шестое. Искусственный интеллект авторитарен. Против авторитаризма государства история вырабатывала демократические формы, но в мире автократии машин они бессильны. Впрочем, в любой сфере демократические методы имеют свои пределы, свою слабость и отрицательные свойства. Не терпит демократии наука. Научные вопросы не решаются большинством голосов.

Седьмое. Рассматривая государство и право в качестве виртуальных целостностей, констатируя эмергентность общих понятий, в интересах их содержательной характеристики и определения перспектив развития, автор полагает, что юридической науке следует сосредоточиться на построении виртуальной фрактальной модели, в которой представление о целостности дали бы просчитанные отрезки этой целостности. В качестве таковых могут выступить источники права, которые позволяют видеть правовую карту мира, а на ее основе создавать цифровую правовую карту с перспективой использования в международном правовом общении.

Однако путь юриспруденции можно прочертить не от общего к частному, а, наоборот, от частного, особенного и индивидуального: научно-технологические цифровые решения столь предметны и следствия их столь многообразны, что их сложно выразить в общих нормах закона, а предпочтительней придавать юридическую окраску в ходе рассмотрения соответствующих дел в суде. В перспективе возможно построить виртуальную фрактальную модель, в которой множество (законодательство) повторяет себя в судебных решениях и, наоборот, большие числа прецедентных судебных решений безоговорочно образуют законодательство.

И, **наконец**, в заключение посетую: современная юридическая наука не избежала влияния потребительства. С сожалением констатирую ее сопринадлежность миру изобретательных потребительских лейблов, под которыми производятся и воспроизводятся угодные и выгодные для производителей симулякры. Сословие ученых здесь проявляет не лучшие человеческие качества.

О. Ю. Латышев,

доктор педагогических наук, кандидат филологических наук,
академик (действительный член) Международных академий: социальных
технологий (МАС), естествознания (МАЕ), детско-юношеского туризма
и краеведения имени А. А. Остапца-Свешникова (МАДЮТК),
член-корреспондент Международной академии
психологических наук (МАПН), профессор университета «Сайпрес»,
профессор, президент Российской академии естествознания

М. Луизетто,

доктор фармацевтических наук, почетный вице-президент,
Международная Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко

Г. Ибрагим,

доктор медицинских наук, почетный вице-президент, Международная
Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко; профессор,
Александрийский университет

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Цель работы: изучение цифровой трансформации конституционно-правового статуса личности. Объект работы: цифровая трансформация конституционно-правового статуса личности. Предмет работы: исследование цифровой трансформации конституционно-правового статуса личности. Практическая значимость состоит в полезности проведенного исследования и полученных в результате этого исследования данных для построения образовательных программ в области юриспруденции, составления курсов лекций по различным правовым дисциплинам, написания программ спецкурсов и т. д. Методологическая основа работы: в основу данного исследования положены работы А. В. Агеевой, Т. Адорно, В. И. Аршинова, У. Бека, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Е. В. Галаниной, Ф. Гваттари, С. В. Девятовой, Ж. Делеза, П. Друкера, В. П. Казарян, А. Г. Капустиной, М. Кастельса, Д. Козна, Г. В. Красноцветова, К. Лэйтан, Л. В. Мироновой, Э. Мэйнарда, Н. А. Носова, М. Портера, А. С. Салина, Б. Б. Славина, Дж. Стиглица, Е. Е. Трещевой, Ю. Хабермаса, Ф. Хейлинга, Дж. Хепельмана, С. С. Хоружия, Г. А. Чеджемова, К. Шваба, Э. Шмидта и др. авторов.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правовой статус личности, телекоммуникации, Интернет, Сеть, информационно-коммуникационные технологии

LEGAL STATUS OF THE PERSON IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. The purpose of the work: the study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual. Object of work: digital transformation of the constitutional and legal status of the individual. Subject of work: study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual. The practical significance lies in the usefulness of the study and the data obtained as a result of this study for

building educational programs in the field of jurisprudence, compiling lecture courses in various legal disciplines, writing programs for special courses, etc. Methodological basis of the work: this study is based on the works of A. V. Ageeva, T. Adorno, V. I. Arshinov, W. Beck, D. Bell, J. Baudrillard, E. V. Galanina, F. Guattari, S. V. Devyatova, J. Deleuze, P. Drucker, V. P. Kazaryan, A. G. Kapustina, M. Castells, D. Cohen and other authors.

Keywords: Law, Digital technologies, Legal status of a person, Telecommunications, Internet, Network, Information and communication technologies

Introduction. The relevance of the topic stems from the current social situation in the Russian Federation and the member countries of the Union of Independent States located on the territory of the former Union of Soviet Socialist Republics, where the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual and its documentary support is taking place at a fairly high pace.

At the same time, the traditions of the daily activities of the prosecution authorities of the Russian Federation are undergoing a significant transformation, while the mutual assistance of prosecutors from various settlements is being strengthened through their active use of information and communication technologies and advanced information systems.

Modern realities of social development relate, among other things, to the issues of switching off Instagram and Facebook (*recognized as extremist organizations. Banned in the Russian Federation. – Editor's note*), in which millions of citizens of the Russian Federation, as well as legal entities registered in Russia, opened their accounts and used them for a number of years.

From this moment on, every citizen of the Russian Federation or organization will have to make cardinal decisions about how to make up for the lost results of their many years of work in these networks.

Moreover, it is necessary to understand what other network tools can be used on the site of Instagram and Facebook to solve commercial, scientific, educational problems, as well as the activities of public organizations.

The problematic topic of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual is currently exacerbated by the long-term self-isolation regime due to the emergence of the coronavirus pandemic, which has been significantly changing the face of the modern world for a year and a half.

This prevents the full flow of the process of digital transformation of the constitutional and legal status of the individual in the Russian Federation due to the emergence of numerous physical obstacles.

In view of the emergence of a comprehensive need to build a civil society, the timely study of the process of digital transformation of the constitutional and legal status of an individual acquires special significance.

The degree of development of the topic: this topic was the object of attention of a significant number of scientific organizations and institutions. However, the rapid development of the social situation and the force majeure circumstances included in it constantly prompts us to look for new effective solutions where traditional views and algorithms lose their inherent effectiveness.

The problem at the heart of the work: further, more and more in-depth study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

The purpose of the work: the study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

Work tasks. Consider the theoretical foundations of the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment.

Determine the most acceptable doctrinal and legislative approaches to determining the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment.

To study the trends in the formation of the conceptual and categorical apparatus when fixing the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment.

Consider the key elements of the constitutional and legal status of the individual in the digital telecommunications environment.

Determine what exactly is the need for digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

Consider the legitimate interests and legal risks of an individual in a digital telecommunications environment.

Determine the duties and responsibilities of the individual in the digital telecommunications environment.

To study the dynamics of the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment.

Determine the conditions, methods and consequences of the acquisition and termination of the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment.

Determine the factors, forms and criteria for the transformation of the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment.

To specify the constitutional and legal status of the individual in law enforcement practice.

Object of work: digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

Subject of work: study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

The practical significance lies in the usefulness of the study and the data obtained as a result of this study for building educational programs in the field of jurisprudence, compiling lecture courses in various legal disciplines, writing programs for special courses, etc.

Methodological basis of the work: this study is based on the works of A. V. Ageeva, T. Adorno, V. I. Arshinov, W. Beck, D. Bell, J. Baudrillard, E. V. Galanina, F. Guattari, S. V. Devyatova, J. Deleuze, P. Drucker, V. P. Kazaryan, A. G. Kapustina, M. Castells, D. Cohen, G. V. Krasnotsvetova, K. Leytan, L. V. Mironova, E. Maynard, N. A. Nosov, M. Porter, A. S. Salin, B. B. Slavin, J. Stiglitz, E. E. Treshcheva, J. Habermas, F. Heiling, J. Hepelman, S. S. Khoruzhya, G. A. Chedzhemova, K. Shvab, E. Schmidt and other authors.

Methods: analysis of scientific literature, synthesis, comparison, collation, generalization, bibliographic method.

The main part of the article. Doctrinal approaches to determining the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment at the moment need to be significantly improved from the point of view of the existence of a modern subject of activity in a digital telecommunications environment. The state of legal uncertainty, in which the digital telecommunications environment continues to function at the present time, greatly contributes to the assertion of the natural rights characteristic of this environment in accordance with agreements that are not changed by any of the users joining them. At the same time, the progressive development of the digital telecommunications environment encourages us to take a responsible approach to solving the issue of establishing legal certainty in this virtual space. Moreover, given that in the near future, in many respects, the digital telecommunications environment will be able to prevail over the multiple forms of relationships that develop in the real world, this is all the more necessary. In addition, it should be remembered that if the digital telecommunications environment is not promptly placed within a certain legal framework, over time it will independently begin to dictate its own conditions to the real world.

The basis of communication, and at the same time also the transfer of information and the simultaneous progressive implementation of almost all types of diverse social interactions also accepted in the real world, arise on the Internet.

The global telecommunications network is a cross-border distributed structure that goes beyond the jurisdiction of the Russian state, and at the same time is not subject to the uniform international legal regulation that currently exists.

With regard to the organization of legal regulation, which is so necessary at the moment, this determines the concept of the so-called distributed (common) responsibility, whose meaning is to combine the efforts of companies operating in the network industry to ensure the rights and freedoms of Internet users.

Along with this, the concept of shared responsibility should have a direct bearing on the governments of various countries of the world, law enforcement officers, as well as all civil society.

At the same time, the concept of distributed responsibility of users, applied in order to ensure the safe functioning of the digital environment, should not allow a decrease in the level of guarantees for the implementation of the constitutional and legal status of an individual.

If responsibility is distributed too broadly, N. Luhmann believes, it becomes problematic to find real subjects who are able to bear responsibility in a clearly defined amount in very specific cases.

In some cases, this can be hindered by complex multi-subject social interaction, as a result of which the value of the digital environment is determined by the number and activity of the entire set of authors involved in network processes.

However, it should be understood that the abundance of such entities may entail additional difficulties that may arise in the process of introducing certain legal restrictions, for example, aimed at identifying and authenticating each entity participating in the development of the digital environment.

At the same time, it should be noted that considering the digital telecommunications environment as a special self-developing social structure can significantly update the process of using a wide range of modern sociological and philosophical studies by domestic and world legal science;

At the same time, the position of a system that has signs of autopoiesis on the basis that it reproduces all the elementary parts traditionally belonging to it becomes characteristic for the digital telecommunication environment [7].

The trends in the formation of a conceptual and categorical apparatus when consolidating the constitutional and legal status of an individual in a digital telecommunications environment consist mainly in the fact that the rapid development of technologies is significantly ahead of the capabilities of the traditionally existing legal system of the country and the world, which by all means demonstrates its complete unpreparedness to establish the most adequate legal regulation virtual world. At the same time, it is in the digital telecommunications environment that an increasing number of forms of activity of subjects of law are currently taking place, which to an increasing extent remains unregulated by the modern legal system, which carries the risk of violating the subjective rights of Internet users without the possibility of using the state mechanism for their protection. Indeed, in this case, it is necessary to maintain a balance between the personal interests of each citizen of the Russian Federation and the direct interests of the Russian state in such a way that the implementation of the former does not violate the latter. If the user of the digital telecommunications environment, on his own initiative, signs agreements on the rules for using a particular site that are not in the legal field, then in this case there is a risk of committing more and more illegal actions on his part. And, on the contrary, if a citizen of the Russian Federation, having experienced for some reason a feeling of dissatisfaction as a result of working on a certain site, asks for legal support from the state. As yet remains unknown. Whether the mechanism of this support is really so well designed in order to satisfy all the claims of this dissatisfied user of the digital telecommunications environment with any services.

The rights and freedoms that can arise and be realized in the digital telecommunications environment still have a long way to go. The stability of the traditions of exercising rights and freedoms in accordance with modern Russian legislation in many ways helps, but sometimes also hinders the successful implementation of the process of establishing a digital telecommunications environment as a clearly defined legal space for unambiguously law-abiding actions of all subjects involved in its development. Unambiguous assistance from the modern legal system to the formation of the legal space of the digital telecommunications environment occurs due to the fact that rights in the real and virtual world must have the property of continuity. At the same time, the obstacle on the part of the modern legal system to the formation of the legal space of the digital telecommunications environment lies mainly in the fact that not all rights and freedoms implemented in the real world sufficiently take into account the features of the virtual world and the relations of subjects in it. Legitimate interests in the digital telecommunications environment are the subject of a long and intense debate.

For example, in the process of considering the relationship between the concepts of “freedom” and “human rights”, E. A. Kazaryan seems appropriate to argue that it seems necessary to name the opportunity provided by the state as law.

At the same time, freedom, unlike law, has a much greater variability, and provides an opportunity for each citizen to choose one of the predetermined behavior options, as the researcher seems [3. P. 337].

From the point of view of the aforementioned researcher E. A. Kazaryan, the concepts of rights and freedoms, for all their similarity, still differ significantly in the way they are implemented and the time of occurrence, which is a reason for serious reflection.

It should be noted that it is precisely such conditions mentioned above in the digital telecommunications environment, as the method of implementation and the time of occurrence, that most actively contribute to a significant convergence of the concepts of rights and freedoms.

This is due to the fact that the main way of realizing opportunities, as well as the time of their occurrence, are in a state of fairly stable and inextricable connection with access to the digital telecommunications environment and the functional features characteristic of its internal organization.

At the same time, it should be understood that the concept of opportunities finds its rather purposeful application in the process of determining both the rights and freedoms that must be strictly implemented in the digital telecommunications environment.

In this regard, it seems possible to argue that the relatively recently formed concept of “digital rights” must necessarily include at the same time the concept of freedoms for full implementation in the process of interaction of various subjects in the digital telecommunications environment [3. P. 339].

There is an abundance of extremely diverse opinions of domestic and foreign scientists about the timely and most acceptable expression of legitimate interests in the digital telecommunications environment. In the process of personal self-realization in the digital telecommunications environment, there are also certain legal risks arising from the uncertainty and insufficient stability of the conceptual apparatus in this area. The main difficulty in this case lies in the relative “youth” of the digital telecommunications environment as such, and at the same time, the resulting unpreparedness of traditional jurisprudence for a dialogue with new realities. At the same time, the formation of completely independent social foundations within the digital telecommunications environment is proceeding at a fairly rapid pace, and the unwillingness or unpreparedness of the existing legal system for a dialogue with these relations can turn out to be deplorable for its own state. As a result of the progressive improvement of the digital telecommunications environment and the formation of user habits, millions of its civic and initiative users may end up unwilling on the part of the latter to somehow support the existence of the traditional legal system of the Russian Federation.

Legitimate interests in the digital telecommunications environment have not ceased to be the subject of a long and intense discussion for a significant period of time. This discussion directly affects the numerous interests of the authors of modern legislative initiatives, law enforcers, and, at the same time, users of the digital telecommunications environment. There is an abundance of extremely diverse opinions of domestic and foreign scientists about the timely and most acceptable expression of legitimate interests in the digital telecommunications environment. In the process of versatile self-realization of the individual in the digital telecommunications environment, there are also certain legal

risks arising from the uncertainty and insufficient stability of the conceptual apparatus in this area. At the same time, it must be remembered that over time, the number of such legal risks will progressively increase if the legitimate interests of users of the digital telecommunications environment do not become an object of close attention from the authors of modern legislative initiatives.

Considering the ways of development of the institution of law in the conditions of digital reality, T. Ya. Khabrieva and N. N. Chernogor express the conviction that “under the conditions of intensive“ digitalization ”, the sphere of legal regulation is being modified.

It should be noted that certain provisions of the codified acts of the Russian Federation are directly used in the process of developing the constitutional and legal status of the subject. So, for example, the content of the text of the article in 6.17 “Violation of the legislation of the Russian Federation on the protection of children from information harmful to their health and (or) development” of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation establishes certain sanctions against persons who organize access to information, distributed through information and telecommunication networks.

The exception is communication operators providing such communication services, because they sign contracts with their customers for the provision of communication services, which they conclude in writing.

Thus, this title document suggests that the potential for committing a similar offense is present in almost any individual, official and legal entity.

At the same time, the content of the text of Article 1233 “Disposition of the Exclusive Right” of the Civil Code of the Russian Federation establishes the possibility of the right holder to declare that he provides any individuals and legal entities with the opportunity to use, free of charge, a certain organic set of works of science created by him and, accordingly, belonging to him, works of science, literature or art.

In addition, it also establishes the right holder’s ability to declare that he provides any individuals and legal entities with the opportunity to use the object of related rights free of charge on the conditions determined by him.

At the same time, the copyright holder determines the term for the use of the above values, and all such information is subject to placement on the official website of the federal executive body on the Internet.

Conducting a theoretical study in the field of the subject of law, S. I. Arkhipov considers it necessary to state that in the process of acquiring and terminating a constitutional legal status, it is important to determine the correlations of the rights and obligations of subjects, which actualizes the problem of their categorization by types and functions.

Any status, first of all, divides the subjects of law (into types, groups); its essential side, the main aspect characterizing it, is the moment of distinction, opposition of subjects of law, which in general does not correspond to the idea, the main purpose of law [5. P. 96].

Exploring the ways of realizing the legitimate interests of proactive Internet users, M. E. Cheremisinova expresses her deep conviction that all subjects of legal relations that develop in the digital telecommunications environment are in a state of close interconnection [6. P. 120].

Having paid considerable attention to the consideration of various aspects of the functioning of law in a digital reality, the above-mentioned researchers T. Ya. Khabrieva and N. N. Chernogor consider it their duty to conclude that “the study of legal processes in the Internet allows us to identify a trend in the transformation of the legal statuses of subjects associated with the acquisition of new rights, additional opportunities for their implementation, as well as with the strengthening of the role and importance of subjects, the introduction of restrictions and the combination of different legal statuses, which is a consequence, and possibly the reason for the formation of cyclical legal arrays” [5. P. 96] .

The duties of every citizen of the Russian Federation are a consequence of his rights. Or the presence of a right in one subject of law turns into the presence of an obligation in another citizen of the Russian Federation. In any case, the interconnection of the rights and obligations of each Russian Federation remains quite close. In the same way, without the executors of duties, the holders of any rights cannot arise, and without the holders of these rights, the executors of duties directly or indirectly arising from this circle of rights cannot appear. At the same time, it should be noted that for the most part, the rights and obligations of citizens of the Russian Federation are in a state of fairly clear correlation. Therefore, the failure of anyone to fulfill their direct duties may lead to the fact that the rights of any citizen of the Russian Federation will not be able to be implemented in a timely manner and in full. Among other things, it is also necessary to remember that in an era when the digital telecommunications environment begins to prevail over what is happening in the real world, the legal foundations of the real world must be refracted in a special way in relation to users of the virtual space.

At the moment, the algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment is at the stage of active formation. This is facilitated by fairly rapid changes that regularly occur in domestic legislation. In some cases, this leads to the fact that at a certain moment the algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment is already beginning to acquire the quality of stability, but new changes in the legislation again encourage us to start bringing various legal norms into line with each other. Therefore, the guarantor of the balance of stability in the field of establishing an algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment can be precisely the idea of the authors of modern legislative initiatives about when it is most reasonable to stop in the ongoing changes of numerous legislative acts so that their end user still has time apply them in reality. Otherwise, the domestic legislative system may irrevocably lose credibility with the vast majority of citizens of the Russian Federation, and the number of applications to foreign courts to resolve numerous contentious issues will constantly increase more and more. As a result, the level of legal nihilism, which the Russian authorities are quite rightly trying to combat at the moment, will also increase at a much higher rate than such issues will be resolved. Moreover, the number of illegal actions will also increase not only in the virtual environment, but also in real life, since the rule of algorithmization of actions performed by citizens of the Russian Federation will come into effect, both in the virtual environment and, at the same time, in real space.

According to Y. Kurbaliyya, the unprecedentedness of the Internet, which arose as a given in 1993, at that time did not yet allow relying on legislative realities as a regulating principle in the field of relations formed on the network.

This brought to life the fact that the regulation of relations that arose within the digital telecommunications environment was mainly based on the results of the then existing judicial practice.

In the nineties of the last century, the relations of the subjects of the digital telecommunications environment were considered within the framework of case law, since it was otherwise difficult to find a regulatory principle [4. P. 198].

Thanks to this, every citizen of the Russian Federation acquires a valuable opportunity to constantly be convinced of the legality and timeliness of decisions taken by the prosecution authorities of the Russian Federation.

Conclusion. In the course of this study, its goal was achieved: a study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual took place.

To achieve the above goal, the following work tasks were set and successfully solved:

The theoretical foundations of the constitutional and legal status of the individual in the digital telecommunications environment are considered.

The most acceptable doctrinal and legislative approaches to determining the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment are determined.

The trends in the formation of the conceptual and categorical apparatus in the process of fixing the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment are studied.

The key elements of the constitutional and legal status of the individual in the digital telecommunications environment are considered.

It is determined what exactly is the need for digital transformation of the constitutional and legal status of the individual.

The legitimate interests and legal risks of the individual in the digital telecommunications environment are considered.

The duties and responsibilities of the individual in the digital telecommunications environment are determined.

The dynamics of the constitutional and legal status of the individual in the digital telecommunications environment has been studied.

The conditions, methods and consequences of the acquisition and termination of the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment are determined. The factors, forms and criteria for the transformation of the constitutional and legal status of a person in a digital telecommunications environment are determined.

The concretization of the constitutional and legal status of the individual in judicial practice and the activities of the prosecutor's office has been made.

The object of the work done was the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual. In turn, the subject of the work was designated directly as a study of the digital transformation of the constitutional and legal status of the individual. The methodological basis of this study is based on the works of prominent

scientists A. V. Ageeva, T. Adorno, V. I. Arshinov, W. Beck, D. Bell, J. Baudrillard, E. V. Galanina, F. Guattari, S. V. Devyatova, J. Deleuze, P. Drucker, V. P. Kazaryan, A. G. Kapustina, M. Castells, D. Cohen, G. V. Krasnotsvetov, K. Latan, L. V. Mironova, E. Maynard, N. A. Nosov, M. Porter, A. S. Salin, B. B. Slavin, J. Stiglitz, E. E. Treshcheva, Y. Habermas, F. Heiling, J. Hepelman, S. S. Khoruzhya, G. A. Chedzhemova, K. Shvab, E. Schmidt and other authors.

During the study, the following methods were applied: analysis of scientific literature, synthesis, comparison, comparison, generalization, bibliographic method. Factors that in one way or another contribute to the transformation of the constitutional and legal status of the individual in the digital telecommunications environment are quite multifaceted and massive. The leading of them should be called the current state of the domestic legislative system, which is not always able to take into account all the forms and criteria of such transformation processes generally accepted in everyday practice. The insufficient preparedness of legal tools to accept as a given the realities that are already quite firmly entrenched in broad everyday practice, unfortunately, does not allow for the unambiguous correct development of modern domestic legislation in this area. As a result, the reality in its unformed relations in a number of cases is largely ahead of the existing Russian legislation, which will still need a lot of time and other resources for the timely implementation of significant and multifaceted changes.

It seems fundamentally important to specify the constitutional and legal status of the individual in judicial practice and the activities of the prosecutor's office. As a result of considering the problem posed in this study, it seems appropriate to believe that the concretization of the constitutional and legal status of the individual in modern Russian law enforcement practice can play a decisive role in the fate of the further formation of relations between subjects that are increasingly exercising their rights and obligations in digital telecommunications. Environment. Every day, with increasing certainty, it seems possible to conclude that insufficiently pronounced expression or even a complete lack of concretization of the constitutional and legal status of an individual in law enforcement practice will not become a reason for users of the digital telecommunications environment to refuse to use new information and communication technologies to solve their everyday issues. On the contrary, even in the case of a complete lack of legal certainty within the digital telecommunications environment, many of its users will be more willing to accept agreements on the use of a particular information system "as is", at their own peril and risk, rather than replacing it with more legally enforceable tools. , but not having similar degrees of organizational and technological excellence. Therefore, the authors of modern legislative initiatives should not aimlessly expect that users of the digital telecommunications environment will stop carrying out any interesting actions in it before they acquire the proper level of their fixation in specific legislative acts. In an effort to postulate the ideals of a legal society, the authors of modern legislative initiatives must prevent the emergence of all kinds of uncertainties in the digital telecommunications environment with their constant developments.

The era of digital transformation to a large extent also affects the interests of the prosecutor's office of the Russian Federation, allowing the use of the principle of publicity in working with the media.

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета (федеральный выпуск). 28.04.2020.
3. Казарян Э. А. Соотношение понятий «свобода» и «права человека» // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 337–339.
4. Курбалийя Й. Управление Интернетом / DiploFoundation, АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет». М.: б. и., 2018. С. 198.
5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96.
6. Черемисинова М. Е. Реализация законных интересов в сети Интернет // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 120.
7. Luhmann N. The Autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York: Columbia University Press, 1990.

Э. И. Лескина,

кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий,
Саратовская государственная юридическая академия

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ BIG DATA В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Всеобщая цифровизация, развитие информационного общества, активное применение информационных технологий публичным и частным сектором предоставляет новые возможности правоохранным органам. Многие преступления имеют цифровые следы, по которым противоправные деяния можно предотвратить или раскрыть. В данной статье рассматриваются возможности внедрения технологии Big Data для предотвращения и раскрытия преступлений, зарубежный опыт в этой области, направления применения аналитики больших данных для указанных целей, а также проблемы, которые могут в связи с этим возникнуть и возможные пути их решения.

Ключевые слова: большие данные (Big Data), терроризм, профилактика, профилирование, аналитика данных, преступность, цифровизация, информационное общество, информационное право

APPLICATION OF BIG DATA TECHNOLOGY IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Abstract. General digitalization, the development of the information society, the active use of information technologies by the public and private sectors provide new opportunities for law enforcement agencies. Many crimes have digital traces by which illegal acts can be prevented or revealed. This article discusses the possibilities of introducing Big Data technology to prevent and solve crimes, foreign experience in this area, the directions for using big data analytics for these purposes, as well as the problems that may arise in connection with this and possible ways to solve them.

Keywords: Big Data, Terrorism, Prevention, Profiling, Data analytics, Crime, Digitalization, Information society, Information law

Большие данные представляют собой структурированную и неструктурированную, содержащуюся в большом количестве разнообразных источников информацию, объемы которой не позволяют обрабатывать ее вручную в разумное время [5].

Перспективы больших данных заключаются в том, что с помощью расширенного анализа можно найти дополнительную ценность в максимальном использовании существующих и/или новых массивов, казалось бы, не связанных между собой данных. Алгоритмы будут собирать скрытые под массой других данных части целого, чтобы раскрыть истинную природу объекта.

Технологии больших данных используются правоохранительными органами в различных целях при решении повседневных задач своей деятельности.

В зарубежных странах правоохранительные органы применяют большие данные для идентификации лиц, транспортных средств, отслеживания финансовых потоков [6. С. 15], прогнозирования совершения преступлений, выработки рекомендаций по мерам пресечения и условиям условно-досрочного освобождения [1. С. 19–21], выдвижения и проверки следственных версий [2. С. 3–8]. В Китае функционирует система отслеживания каждого гражданина с установлением рейтинга доверия на основе анализа 160 000 данных [7. С. 762]. А в США с 2017 г. действует платформа, которая на основе анализа больших данных рекомендует правоохранительным органам определенные действия в зависимости от анализируемой платформой ситуаций (например, когда зафиксировано, что взрослый ведет сопротивляющегося ребенка) [3. С. 112–113]. Государства (Бразилия, Великобритания) используют большие данные для мониторинга и борьбы с преступностью (даже практикуется прогнозирования места совершения преступлений, выявление налоговых преступлений, мошенничества) [9]. Правоохранительные органы используют инструменты, обеспечивающие расширенную аналитику больших данных (например, IBM Security Intelligence и Palantir), систему так называемой разведки из открытых источников (OSINT [8]) производятся прогнозы преступного поведения, адаптивных реакций на контрмеры, добываются сведения о личности преступников, их поведенческих моделях. С помощью больших данных возможно более глубокое понимание произошедших кибератак, производство непрерывного анализа рисков безопасности. Большие данные сегодня постепенно становятся од-

ним из ключевых моментов в раскрытии преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных сетей.

Свои особенности имеет использование больших данных для предотвращения и раскрытия преступлений террористического характера.

Что касается использования технологии больших данных в целях противодействия терроризму, то стоит отметить, что еще до развития технологий Big Data правоохранительные органы собирали, использовали и производили данные, использовали их для предотвращения преступления террористического характера. Террористические атаки сопровождают цифровые следы, исследуя которые возможно оптимизировать деятельность правоохранительных органов. В настоящее время мы можем наблюдать совсем иной объем данных, аккумулируемый посредством распространения Интернета, умных устройств, социальных сетей и т. д. Кроме того, указанные объекты используются террористическими группами для пропаганды, планирования преступных действий, вербовки и т. д.

Правоохранительные органы посредством больших данных могут выявлять террористические сети, например, в интернет-сообществах, информацию о планировании атак, а также признаки вербовки, радикализации сообществ. В результате становится возможным остановить террористическое, экстремистской развитие в информационном пространстве. Указанные возможности показывают новые направления в борьбе с терроризмом.

Здесь следует отметить, что в сфере национальной безопасности аналитика больших данных нацелена, по большей части, на профилактику, предотвращение (например, предотвращение на этапе подготовки, с помощью анализа коммуникаций, после покупки опасных материалов, путем выявления лиц, подверженных риску).

Возможности больших данных для предотвращения терроризма возможно использовать для:

1) прогнозирования места и времени совершения преступления террористической направленности;

2) прогнозирования рисков совершения преступлений террористической направленности конкретным лицом. Ввиду прогнозов больших данных возникает этические проблемы в желании изолировать людей, которые в соответствии с данными аналитики склонны к совершению преступлений, подвергать их проверкам для предотвращения преступления. Допустим, выявлен несовершеннолетний, который по результатам профилирования с большой вероятностью совершит преступление террористического характера. Его в целях профилактики может посещать социальный педагог, психолог, чтобы оказать помощь. Однако указанное вмешательство можно расценивать как наказание за действия, которые не были совершены;

3) выявление совершающихся преступлений террористического характера в медиапространстве. Важным направлением использования больших данных является то, что с их помощью возможно выявить тех, кто может оказаться террористом на основе аналитики массовых публикаций, комментариев, реакций в социальных сетях или поисковых запросов в Интернете. С помощью Big Data возможно отслеживать связи между людьми и отслеживать интересующих людей посредством цифровых следов.

Выявим основные направления аналитики Big Data для предотвращения терроризма.

Первое направление аналитики состоит в том, чтобы выявить образцы-данные террористической деятельности, подготовки к ней, выявить ту информацию, которая свидетельствовала бы о подготовке к преступлениям террористического характера. Сложность здесь заключается в недостатке информации различного рода, например, знаний биографий террористов, уверенность в источниках данных, которые уже отфильтрованы в качестве свидетельствующих о терроризме, различия в том, что составляет терроризм исходя из различных источников. Таким образом, прогностическая модель на основе больших данных о прошлой террористической деятельности, не является эффективной.

Второе направление аналитики Big Data в аспекте предотвращения террористической деятельности состоит в том, чтобы результаты аналитики обращали внимание на поведение, в котором потенциально прослеживается террористическая направленность.

Здесь отрицательным моментом будут алгоритмы профилирования с указанием чрезвычайно широких социально-демографических критериев, таких как возрастная группа, пол, образование или социально-экономический статус. Другими словами, чтобы поймать значительную часть террористов, мы должны также ложно идентифицировать десятки тысяч граждан.

Посредством кластеризации также может быть определено аномальное поведение. Один из подходов состоит в том, чтобы начать с метода кластеризации, сначала сортируя базовые аспекты для различных типов поведения. Нейронные сети особенно хорошо умеют автоматически формировать и проверять гипотезы о закономерностях с помощью машинного обучения. Это исключает из цикла множество субъективных, культурных и просто ошибочных предположений, теорий и классификаций. Однако как террористические, так и нетеррористические виды поведения чрезвычайно разнообразны, а это означает, что нет способа определить степень пересечения между «ненормальным» и «террористическим» множествами.

Выходом может быть следующая аналитическая стратегия. Если анализ больших данных направлен на поиск сетей или связей между людьми, он быстро сталкивается с проблемой определения. Когда отправитель, получатель, время, продолжительность разговоров и частота сообщений вводятся в алгоритм, можно использовать различные типы статистических методов сетевого анализа, которые в сочетании с теорией социальной психологии могут выявить роль отдельных лиц в группе в пределах разумной погрешности. Правильный способ начать процесс с использованием «больших данных» – получить доступ к большим объемам массовых коммуникаций и попытаться идентифицировать «темные сети», которые имеют общие характеристики, не разделяемые большинством пользователей телекоммуникационных услуг (в основном, время разговора, продолжительность и локализация, тенденция к низкой плотности связей, меньшему количеству контактов между членами). Проблема этой аналитической стратегии состоит в том, что нет общего определения и входных данных в отношении законности так называемых темных сетей. Это могут быть политические диссиденты, но не террористы.

Сам процесс аналитики при применении больших данных для предотвращения терроризма начинается с анализа малых данных, с аналитики данных конкретного человека, признанного террористом. Надежность, достоверность таких малых данных является важным фундаментом для всей системы на основе Big Data. Посредством малых данных впоследствии сужается группа населения, которой следует уделять дополнительное внимание со стороны правоохранительных органов. При наличии достаточного количества данных, случайность корреляции переменных быстро увеличивается; корреляции фактически становятся многочисленными.

Негативным моментом формирования больших данных является то, что источники данных находятся под сильным влиянием культуры, политической ориентации на отдельные группы населения. Независимо от того, поступают ли исходные данные от правоохранительных органов, средств массовой информации или социальных сетей, арабское, мусульманское население будут непропорционально включены в любую базу данных, что, в свою очередь, дискриминационно смещает модели в сторону одних и тех же групп населения.

Отчеты правоохранительных органов содержат большую часть информации, включенной в базы больших данных, особенно это касается конфиденциальных баз данных, используемых организациями национальной безопасности. Это создает цикл обратной связи, в котором данные добываются теми, кто их создает, результаты включаются в базу данных, а затем повторно анализируются.

Помимо проблем, связанных с неправильной идентификацией людей, можно было бы включить аспекты, которые выражаются в массовом наблюдении. Исследования показали, что наблюдение изменяет способ нашего самовыражения, даже если мы убеждены, что нам «нечего скрывать» [11]. Другими словами, наблюдение, даже без последующего вмешательства, в значительной мере влияет на наше чувство автономии от государственного аппарата, например, на способность и, по сути, желание говорить свободно.

Аналитика больших данных основана на алгоритмах: это роботизированное наблюдение. Эта форма машинного наблюдения часто представлялась как свободная от потенциального злоупотребления или другого незаконного использования возможностей наблюдения людьми. Это может нейтрализовать любую изначальную предвзятость, заложенную на этапе программирования, такую как этническое профилирование, если она не соответствует данным. Однако, большинство баз данных, связанных с терроризмом, с самого начала имеют фундаментальную предвзятость. В той степени, в которой роботы «учатся» на этих данных, они могут экспоненциально усилить эффект изначальной предвзятости.

Защита при мониторинге, конфиденциальность при машинном наблюдении являются основным аспектом в области обеспечения безопасности при применении больших данных в области противодействия терроризму.

В целом, возможные сложности, которые могут возникнуть у правоохранительных органов при внедрении технологий Big Data в целях противодействия терроризму заключаются в следующих аспектах:

1) технологическая оснащенность. Эта проблема может выражаться в отсутствии необходимых хранилищ. Разнообразие цифровых следов, возникающих

в связи с террористическими атаками, усложняет алгоритмы и машинное обучение в целом;

2) недостаток кадров со специальными навыками в области ИТ. Прежде всего, это касается навыков и умений самих сотрудников правоохранительных органов. Необходимо изменение мышления должностных лиц, не готовых активно внедрять инновации в свою деятельность, а также наличие образовательных программ, в том числе дополнительных образовательных программ в области аналитики данных;

3) доступности самих данных как с организационной, так и с правовой точки зрения. Анализируемые данные могут быть персональными, подпадать под юрисдикцию других государств, могут присутствовать и иные проблемы;

4) специфики данных, аккумулируемых для деятельности по борьбе с терроризмом. Такие данные, в отличие от данных, необходимых для профилактики иных преступлений, обладают гораздо большим разнообразием. Поэтому если для профилактики иных преступлений бывает достаточно именно большого объема, в случаях с преступлениями террористической направленности аналитика зачастую не может предоставить конкретный результат. Уникальность данных террористических атак приводит к неточности алгоритмов.

Ученые вследствие уникальности данных говорят о следующей триаде: проклятие размерности, дисбаланс классов и ложность корреляций [10].

«Проклятие соразмерности» заключается в том, что для обучения необходимо многообразие данных, полученных из террористических атак, но чем более разнообразны и массивны наборы данных, тем менее точны полученные в результате аналитики результаты. То есть для алгоритмов необходимо объединить большие наборы данных различного характера, в частности цифровые следы террористов в области подготовки, вербовки, необходимо использование различных побуждений (религиозных, психологических, политических и т. д.). Такое большое количество признаков увеличивает размерность наборов, и алгоритмы машинного обучения будут находить взаимосвязь между такими данными. Но такое увеличение размерности требует все более обширные наборы данных, все больше цифровых следов террористических атак, тогда как количество подтвержденных атак не так велико.

Дисбаланс классов заключается в неоднородности, разнообразии входных данных, на основании которых происходит обучение. Машинное обучение должно исходить из равных долей правомерного и «террористического» поведения. Но «террористических» данных не так много, а уменьшая «нетеррористические данные», больших объемов не достичь. Многообразие признаков террористических атак и здесь приводит к изменчивости следов, различию подмножеств, т. е. дисбалансу классов. Поэтому наборы данных с такой спецификой трудно сбалансировать, страдает точность алгоритмов.

Что касается ложности корреляций, то это вытекает из многомерности данных, аккумулируемых для сферы национальной безопасности. В результате формируются корреляции, не обладающие причинно-следственной связью, но заставляющие алгоритм, вызывая его «переоснащение». Например, это может быть корреляция между вероятностью того, совершит ли человек террористический акт, и цветом его волос или размером одежды.

Многие из выше указанных проблем носят технологический характер. Их решение видится в содействии развитию разработке информационных технологий в государстве, стимулировании лиц обучаться в сфере ИТ, создавать новые продукты и совершенствовать имеющиеся. Это могут быть как экономические, социальные (примером могут быть льготы и гарантии, содержащиеся в Указе Президента РФ от 02.03.2022 № 83 [4]), а также образовательные. Можно увеличить количество бюджетных мест в каждом регионе для получения высшего образования в области ИТ, кроме того, бесплатного второго высшего образования в сфере ИТ с обязанностью в таком случае определенный срок работать в пределах Российской Федерации.

Итак, правоохранительные органы активно используют общедоступную информацию, открытые данные, информацию из социальных сетей, интернет-сообществ и т. д., в том числе для предотвращения терроризма. Применение технологий Big Data в настоящее время сопровождается многими проблемами правового, социально-экономического, кадрового, технологического характера. Однако решение указанных проблем позволит государствам противостоять угрозам терроризма.

Список литературы

1. Барчуков В. К. Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 19–21.
2. Гаврилин Ю. В. Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 3–8.
3. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. Москва: Книжный мир, 2018. С. 112–113.
4. О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001> (дата обращения: 01.07.2022).
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 01.07.2022).
6. Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. Вып. III. Москва: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 15.
7. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766.
8. Akhgar B., Bayerl S., Saathoff G. Application of Big Data for National Security, A Practitioner's Guide to Emerging Technologies. London: Elsevier, 2015. URL: <http://store.elsevier.com/Application-of-Big-Data-for-National-Security/Babak-Akhgar/isbn-9780128019672/> (дата обращения: 03.04.2022).
9. Jani K., Soni A. Promise and Perils of Big Data Science for Intelligence Community. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/323849529_

Promise_and_Perils_of_Big_Data_Science_for_Intelligence_Community/citation/download (дата обращения: 03.04.2022).

10. L'Heureux A., Grolinger K., Elyamany H. F., Capretz M. A. M. Machine learning with big data: Challenges and approaches // IEEE Access. 2017. Vol. 5. Pp. 7776–7797. URL: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2017.2696365> (дата обращения: 03.04.2022).

11. Penney, Jonathon. Chilling Effects: Online Surveillance and Wikipedia Use // Berkeley Technology Law Journal. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2769645. (дата обращения: 03.04.2022).

А. С. Лолаева,

кандидат юридических наук, доцент,

Горский государственный аграрный университет

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Целью проведенного исследования является определение электронной демократии как базового инструмента информационного общества. Информационное общество рассматривается в качестве постиндустриального общества, где информация становится системообразующим звеном в механизме правового регулирования общественных отношений. Электронная демократия как составная часть информационного общества на данный момент представляется наименее разработанной. Автором подчеркнуто, что процесс информатизации демократии является серьезным испытанием для современного общества. Сделан вывод о том, что для России использование информационных технологий имеет лучшие перспективы не для перехода к прямой демократии, как это предлагается на Западе, а для дальнейшего расширения возможностей существующей системы представительной демократии и развития процессов ее демократизации. Использование интернет-технологий имеет значение для достижения следующих целей: расширение доступа избирателей и СМИ к законотворческой деятельности; повышение эффективности обратных связей между избирателями и их представителями в законодательных органах власти.

Ключевые слова: цифровые технологии, электронная демократия, непосредственная демократия, представительная демократия, информационное общество, информатизация, цифровизация, интернет-технологии

ELECTRONIC DEMOCRACY AS A BASIC ELEMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The purpose of this study is to define electronic democracy as a basic tool of information society. The information society is considered as a post-industrial society, where information becomes a systemic link in the mechanism of legal regulation of social relations. Electronic democracy as a component of the information society is currently the least developed. The author emphasizes that the process of informatization of democracy

is a serious test for modern society. It is concluded that for Russia the use of information technologies has better prospects not for transition to direct democracy as it is offered in the West, but for further expansion of opportunities of existing system of representative democracy and development of its democratization processes. The use of Internet technologies is important for achieving the following goals: expansion of access of voters and mass media to lawmaking. The goal of this study is the definition of electronic democracy as a basic tool of an information society. Information society is considered to be a post-industrial society, where information becomes a systemic link in the mechanism of legal regulation of social relations. Electronic democracy as a component of information society is currently the least developed. The author emphasizes that the process of informatization of democracy is a serious test for modern society. It is concluded that for Russia the use of information technologies has better prospects not for transition to direct democracy as it is offered in the West, but for further expansion of opportunities of existing system of representative democracy and development of its democratization processes. The use of Internet technologies is important to achieve the following goals: increasing access of voters and mass media to lawmaking activities; increasing the efficiency of feedback between voters and their representatives in the legislative bodies of power.

Keywords: Digital technologies, Electronic democracy, Direct democracy, Representative democracy, Information society, Informatization, Digitalization, Internet technologies

Введение. В современном мире повседневная жизнь человека связана с большим количеством информации. «Кто владеет информацией – владеет миром» – это знаменитое высказывание английского философа Френсиса Бэкона, приобретает особую актуальность в свете перехода к информационному обществу. Объем информации, получаемый через радио, телевидение, интернет, книги, газеты и журналы, многократно увеличился за последнее время и это делает взаимодействие участников различных правоотношений информационно более насыщенными. Поскольку все больше людей заняты в сфере услуг, наблюдается более интенсивное использование информации в экономической деятельности. С одной стороны, эти преобразования обусловлены структурными изменениями, происходящими в экономике и общественно-политической жизни, а с другой стороны они являются следствием научно-технологического прогресса. Хотя эти факторы трудно отделить друг от друга, все же можно утверждать, что информационно-коммуникационные технологии сыграли важную роль. Происходящий с небывалой скоростью прогресс в области информационных и коммуникационных технологий изменил общество таким образом, который еще недавно невозможно было себе представить.

То, как мы ведем свой повседневный быт, как строим и поддерживаем межличностные отношения, как участвуем в производстве и распределении общественного продукта, претерпело изменения, имеющие долгосрочные последствия для общества в целом и экономики в частности. Возможность мгновенно связываться друг с другом практически из любой точки мира, легкие онлайн покупки, банковские операции, работа, не выходя из дома, доступ к лучшим развлечениям, образованию, медицинскому обслуживанию, – определенно повышают качество жизни.

С экономической точки зрения, эти технологические достижения повлияли на нашу жизнь в двух фундаментальных аспектах. Во-первых, предоставляя доступ к огромным объемам информации, они помогают субъектам экономической деятельности принимать более эффективные решения. Потребители, теперь могут получить доступ к большему количеству информации, чем раньше, принимая решения о том, что и в каком количестве покупать; работники могут получить больше информации о доступных рабочих местах и условиях труда; производители товаров и услуг, имеют больше информации о предложении ресурсов и спросе на продукцию. Во-вторых, снижая транзакционные издержки, эти технологии способствуют повышению экономической эффективности. Например, потребитель может оплатить свои счета за коммунальные услуги (газ, воду, электричество) или счета по кредитным картам через Интернет. Таким образом, поездка в место оплаты не требуется, и нет необходимости отправлять чек по почте, что экономит время. Также гибкость, позволяющая осуществлять платежи в любое время суток, повышает эффективность и благосостояние клиента. Эти изменения имеют далеко идущие последствия, выходящие за рамки современной экономической жизни. Поскольку эти преобразования происходят в образе жизни граждан и различных экономических и социальных институтов, ученые изучают соответствующие термины и определения, чтобы анализировать, предвидеть и в дальнейшем ориентироваться в ходе этих преобразований. Хотя некоторые из них уже объявили о наступлении информационного общества, многие пока скептически относятся к подобным заявлениям.

Основная часть. Если рассматривать концепцию информационного общества в целом, то электронная демократия как ее составная часть на данный момент наименее разработана. Среди самых известных представителей научного сообщества, которые занимались исследованием электронной демократии и ее соотношением с информационным обществом, стоит выделить И. Масуда, который сформулировал саму концепцию формирования института демократии основываясь на современных технических, научных и информационных достижениях.

Масуда также утверждал, что интенсификация массового производства информации, а также высокая скорость ее передачи требуют не только регулирования такой системы, но и интеграции последней на государственном уровне. Масуда также замечал, что информационная система объединяет в себе как людей, так и вещи, наряду с символическими объектами.

Масуда также отмечал, что представительная демократия являлась наиболее эффективной для индустриального общества, однако она не самая эффективная применительно к информационному обществу. Если рассматривать именно информационное общество, то здесь, наиболее эффективной становится демократия участия, которая может быть достигнута исключительно за счет новейших технологических и информационных разработок [14. Р. 87].

Масуда выделил шесть принципов демократии участия, которые стали фундаментальными для информационного общества:

- решения принимаются согласовано максимальным числом граждан;
- решения, которые носят политический характер принимаются исключительно путем убеждения, а также посредством именно достижения общего согласия;

- выгода, а также доходы, которые формируются в обществе распределяются между всеми гражданами;
- распространенность, а также доступность всей политической информации;
- гражданская синергия, которая функционирует в разрезе решений политического характера;
- большее число граждан, а в идеальном состоянии все граждане принимают участие в принятии решений политического характера, на которых основывается построение эффективной государственной системы, которая имеет максимальный уровень легитимности.

В настоящее время концепции электронной демократии можно разделить на два вида: прямая демократия; коммунитарная демократия [8. С. 57].

Представители первого направления выступают с точкой зрения, которая более близка к Масуду. Подобные мысли получили развитие в работах Б. Барбера, а также Э. Коррадо и Ч. Файерстоуна [11].

Если же рассматривать ученых, которые более склонны к коммунитарной демократии, концепция которой немного уходит от принципов Масуда, то здесь стоит упомянуть таких ученых, как А. Этциони и Х. Рейнгольда.

С точки зрения рассматриваемого подхода, Интернет выступает в качестве достаточно практичного и удобного места встречи, где люди группируются по своим профессиональным или потребительским характеристикам. Представители такого подхода также выделяют некоторые особенности интернет-сообществ:

- формирование целого ряда субкультур, которые развиваются в самостоятельные культуры;
- наличие целого ряда интерактивных ресурсов, которые помогают обирать обратную связь наиболее оперативным и масштабным способом, что стимулирует развитие системы;
- стабильность аудитории, высокая численность таковой, а также регулярная посещаемость.

А. Этциони, американский социолог, стал родоначальником концепции о теледемократии, основной мыслью которой является то утверждение, что развитие современного демократического государство может быть реализовано только в сопровождении с развитием дистанционных средств коммуникации, по своему характеру являющихся массовыми. Также А. Этциони говорил о том, что все бразды правления должны быть не в руках государства, а у общества. Сетевые общества в своей деятельности руководствуются иной системой управления, в отличии от тех отношений, основой которых является иерархия. Так, они имеют следующие характерные черты: полная автономность всех членов; существование нескольких лидеров; отношения, в которые граждане вступают на добровольной основе; общие цели и задачи; многообразие уровней взаимодействия [12. Р. 154].

Г. Рейнгольд, всемирно признанный эксперт в области компьютерных технологий и американский социолог, писал о том, что Интернет – это великий уравнитель, который способен создать баланс между обществом и политическими феодалами. Наиболее рьяные сторонники данного типа демократии говорят о самоуправлении народа, которое будет выражаться в участии в электронных опро-

сах, где любой сможет высказать свое мнение, без помощи политических коммуникаторов и иных посредников от власти, что, на наш взгляд, скорее близко к анархии. Также эти сторонники считают, что интернет является катализатором публичности деятельности государства, делая ее открытой и доступной любому человеку.

Доводы данной группы ученых, которые являются приверженцами электронной демократии, понятны и очевидны. Но, несмотря на это, если их проанализировать, то становится понятным их недальновидность. Утверждение о том, что интернет может поспособствовать переходу авторитаризма к более демократичному режиму правления, не нашло подтверждения в практике. Так, Р. Кохейн, американский политолог, считает, что страны, которые при правлении руководствуются принципом авторитарности, испытывают большие трудности в процессе контроля граждан в отношении их доступа к интернету. Однако нужно отметить, что в некоторых странах, например в Китае, были найдены способы урегулирования данной проблемы посредством различных методов, к которым относятся как административные, так и технические средства.

Бесспорно, развитие Интернет-ресурсов находится в интересах коммерческих организаций, которые постоянно являются поставщиками услуг по модернизации работы органов государственной власти. В пример можно привести книги Б. Гейтса, которые наполнены рассказами о преимуществах таких технологий [6. С. 87]. Также возникает необходимость введения электронного документооборота государственного управления. В данном процессе необходимо не просто автоматизация государственного управления, а полное реформирование с учетом потребностей как общества, так и конкретного гражданина.

Ввиду того, что значимость интернет-технологий в большинстве случаев сильно преувеличена, это приводит к крайне интересным выводам, которые часто не находят подтверждения. К примеру, Д. В. Иванов, доктор социологических наук, говорит о том, что «в сети и функционеры политических партий/движений, и работники государственных учреждений, и граждане осуществляют коммуникацию посредством технологии, которая в принципе позволяет вести коммуникацию не в формате партийной организации или бюрократической процедуры. Тем самым в условиях отсутствия реального институционализированного взаимодействия поддерживается образ «действующей организации» или «работающего государства». Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избытком образов» [7. Р. 54]. Мысль о переносе политики в виртуальный мир представляется как некий социальный миф, которому присущи определения и закономерности, которые являются обоснованными со стороны науки.

Исходя из рекомендаций Комитета министров Совета Европы, в электронную демократию обязательно необходимо включать следующие элементы:

- участие граждан в работе парламента;
- обсуждение законопроектов, голосование за их принятие;
- открытость информации судебного характера;
- обсуждение политических предложений;

- электронные выборы, т. е. голосование с помощью информационно-коммуникационных технологий, а также подсчет голосов посредством инновационных технологий;

- электронные референдумы,
- сбор мнений граждан по насущным вопросам;
- принятие возражений граждан и их рекомендаций;
- опросы населения.

Необходимо обратить внимание, что вышеперечисленные условия – это не все, что необходимо для существования электронной демократии. К примеру, таким элементом также является существование электронного правительства как один из методов предоставления услуг, оказываемых государством.

Данные процессы относятся не только к электронной демократии, их также можно рассматривать с точки зрения «эффективного государства». Это подход, который необходим для формирования и реализации качественного государственного управления [10. Р. 167]. Под данным подходом подразумевается изменение государственного управления с учетом информационно-коммуникационных технологий посредством повышения уровня доверия к государству, улучшения качества услуг, предоставляемых государством и многого другого. При воплощении в жизнь указанной концепции деятельность президента РФ играет большую роль. Исходя из Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [3], перед Правительством Российской Федерации была поставлена задача осуществить ряд мероприятий, а именно: сформировать механизм раскрытия информации о законопроектах, их обсуждениях; предоставить доступ через Интернет к информации, которая находится в системах органов государственной власти Российской Федерации, и т. д.

Наряду с этим в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [5] реализуются следующие мероприятия:

- 1) создание сервисов для обеспечения общественных обсуждений и контроля деятельности органов государственной (муниципальной) власти;
- 2) создание и развитие информационных систем и сервисов, обеспечивающих доступ к информации о деятельности органов государственной (муниципальной) власти;
- 3) развитие и поддержка единого портала для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения (regulation.gov.ru) и другие.

В свете изучения предпосылок появления электронной демократии также стоит упомянуть такие понятия, как информационные технологии и информационно-телекоммуникационная сеть. Согласно пп. 2 и 4 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], под информационными технологиями понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов», а под инфор-

мационно-телекоммуникационной сетью – «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники».

Принятая Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [4] содержит основные задачи применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства:

1) развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий;

2) применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления;

3) совершенствование механизмов электронной демократии;

4) обеспечение возможности использования информационных и коммуникационных технологий при проведении опросов и переписи населения.

Таким образом, с одной стороны, развитие интернет-технологий играет большую роль именно как средство коммуникации, которое содействует дискуссиям и обсуждениям политических процессов, с другой – необходимо также принимать в расчет значимость и роль демократии, для совершенствования которой необходимо использовать информационно-коммуникативные технологии. Также нельзя забывать о том, что интернет в части оживления публичности политики устанавливает определенные границы. Так, демократические институты государства не только сами приспосабливаются к таким нововведениям, но и пытаются осуществлять контроль над внедрением технологий с целью совершенствования демократии. Однако информационно-коммуникативные технологии также стараются контролировать и системы с авторитарным характером управления, устанавливая рамки пользования для граждан и формируя свои виды электронного правительства.

Такая категория, как электронная демократия не может отсутствовать в какой бы то ни было демократической системе современного мира. Так, на данном этапе развития общества, демократическая система, просто не может соответствовать требованиям социально-экономического пространства без электронного управления. Такая ситуация обусловлена массовой информатизацией практически всех сфер современного общества.

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec [1] сказано, что «электронная демократия является одной из нескольких стратегий поддержки демократии, демократических институтов и демократических процессов, а также распространения демократических ценностей».

Согласно пп. «ж» п. 40 Указа Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» одной из основных задач применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимо-

действия граждан и государства является совершенствование механизмов электронной демократии.

На сегодняшний день, тем не менее, институт электронной демократии отличается несовершенством правового регулирования: он содержит большое количество законодательных пробелов.

Быстрое распространение и внедрение новых информационных и телекоммуникационных технологий предоставляют в распоряжение общества новые инструменты и методы, которые помогают «ускорить процесс перехода от слабой к истинной демократии» [12. Р. 340], создают широкие возможности всем членам общества более эффективно управлять собственной жизнью в качестве независимых участников. Иными словами, это означает изменение современной демократической парадигмы в более открытую, которая содействует утверждению плюрализма, новых ценностей, потребностей, методов и процедур.

Все большее число исследователей демократии склоняются к точке зрения, что старая форма демократии больше не подходит обществу, где растущее число людей может получать все больше информации по различным социальным и политическим вопросам через доступ к информационно-коммуникационным технологиям и посредством этой новой технологии формировать свое просвещенное мнение по широкому кругу вопросов.

Заключение. Таким образом, современная демократия нуждается в модернизации на основе более эластичных форм идентификации граждан и более широкой системы гражданской солидарности. Ведь еще Э. Фромм говорил, что «...о действительной свободе и демократии мы сможем говорить лишь в том случае, если сложится такое общество, в котором личность, ее счастье и развитие станут главной целью функционирования всей государственной и политической системы, причем исчезнет противопоставление индивида и общества» [9. С. 392].

В современный период развития общества и государства невозможно предсказать, как развитие информационных технологий отразится на современном политическом процессе и системе права. Информация может стать властью, а властью можно злоупотреблять. Обществу еще предстоит узнать, чего больше для политического процесса несет Интернет: пользы или вреда.

Несомненно, процесс информатизации демократии является серьезным испытанием для современного общества. На наш взгляд, для России использование информационных технологий имеет лучшие перспективы не для перехода к прямой демократии, как это предлагается на Западе, а для дальнейшего расширения возможностей существующей системы представительной демократии и развития процессов ее демократизации. Использование интернет-технологий имеет значение для достижения следующих целей: расширение доступа избирателей и СМИ к законотворческой деятельности; повышение эффективности обратных связей между избирателями и их представителями в законодательных органах власти.

Интерес возникает из-за необходимости обновления и совершенствования институтов демократии и приведения их в соответствие с требованиями стремительно развивающегося современного мира. Бесспорно, демократия предполагает активное участие народа в жизни страны, и поэтому здесь необходимо использовать

такие средства взаимодействия, которые будут знаменоваться высокими результатами. На данный момент интернет стал неотъемлемой частью жизнедеятельности современного общества, бурными темпами развивается и виртуальная политика, а это значит, что появляется необходимость формировать и развивать такую модель взаимоотношений между государством и обществом, которая будет существовать и в интернет-технологиях. Дискуссионным является вопрос, насколько уместно создание электронной демократии посредством информационно-коммуникационных технологий при существовании тех обстоятельств, когда информационное общество нашей страны развито не на должном уровне, компьютерная грамотность населения также совершенно не развита, а внедрение доступа в интернет происходит неравномерно, качество доступа в масштабах страны находится еще на недостаточном уровне. Ввиду этого, формирование электронной демократии в Российской Федерации должно осуществляться после доказательств ее результативности и сопоставления всех положительных и отрицательных сторон данного процесса в соотношении с иными методами участия народа в жизни государства.

Список литературы

1. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009) государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии. URL: <http://krasmskiy.ru/R2009.doc#>] (дата обращения: 12.09.2022).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
3. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 12.09.2022).
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 18.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.
6. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. Москва: Эксмо-Пресс, 2000. С. 87. (243 с.)
7. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
8. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 51–63.
9. Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе. Москва, 1998. С. 392.
10. Южаков В. Н. Государственное управление по результатам: модель для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 165–174.

11. Беспрецедентное эстонское интернет-голосование признано успешным. URL: <https://lenta.ru/news/2005/10/15/ee/> (дата обращения: 12.09.2022).
12. Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda. New York: Google Scholar. Frank, R.H., 1993. P. 154.
13. Keskinen A. Future democracy in the information society // Futures. Quilfield. 2000. Vol. 33, № 3/4. P. 340.
14. Masuda I. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, USA: World Future Society, 1981. 171 p.

Т. М. Лопатина,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский государственный университет

ПАРАДИГМА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на проблему этических рисков применения искусственного интеллекта в условиях формирования цифрового общества и приоритетности права человека на личную цифровую безопасность. Самая технически адаптированная роботосистема не может принимать самостоятельные решения по аналогии с решениями человека. Роботы отличаются от людей тем, что они эмоционально не мотивированы. Но если автономные роботы с технологией искусственного интеллекта не испытывают эмоций, то есть ли смысл приравнивать их к человеку? В связи с этим присутствует некий период перехода от профессиональной этики разработчиков роботов – «робоэтика», к функциональной морали, в рамках которой в будущем машины будут наделены способностью оценивания своих действий, а значит, и способностью отвечать на моральные вызовы – «этика роботов». Обсуждение проблемы этики в области систем искусственного интеллекта ориентировано на их соответствие этическим нормам, существующим в социуме. Представляется, что область робоэтики шире просто выработки правил взаимоотношения людей с системами искусственного интеллекта, происходит смещение акцентов с человека на технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, этика искусственного интеллекта, искусственный интеллект, цифровая безопасность, моральная ответственность компьютерных систем, кодекс этики искусственной нейронной сети

THE PARADIGM OF DIGITAL SOCIETY: ETHICAL RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article presents the author's point of view on the problem of ethical risks of using artificial intelligence in the context of the formation of a digital society and the priority of the human right to personal digital security. The most technically adapted robot system cannot make independent decisions by analogy with human

decisions. Robots differ from humans in that they are not emotionally motivated. But if autonomous robots with artificial intelligence technology do not experience emotions, then does it make sense to equate them with a human? In this regard, there is a certain period of transition from the professional ethics of robot developers – “roboethics”, to functional morality, within which in the future machines will be endowed with the ability to evaluate their actions, and therefore the ability to respond to moral challenges – “ethics of robots”. The discussion of the problem of ethics in the field of artificial intelligence systems is focused on their compliance with ethical norms existing in society. Imagine.

Keywords: Law, Digital technologies, Ethics of artificial intelligence, Artificial intelligence, Digital security, Moral responsibility of computer systems, Code of ethics of artificial neural network

Введение. До недавнего времени единственным субъектом деятельности признавался либо человек, либо группа или объединение людей. В настоящее время в научном сообществе обсуждается вопрос о появлении субъектов, которые не являются физическим лицом. Они созданы человеком, но способны оказывать влияние, в том числе негативное, на общественные отношения. Мы на пути к периоду, когда искусственный интеллект будет принимать решения как человек. В настоящее время имеет место интенсивный рост компьютерных систем, интеллект которых в миллиард быстрее человеческого. Грядет эпоха электронных личностей, которая. Решит вопрос о правах такого интеллекта. Первоочередным правом становится право на информацию, а первоочередной проблемой – моральный выбор. Если информационные системы смогут принимать решения в сфере финансовых транзакций, управления самолетами и автомобилями, проводить медицинские манипуляции и обеспечивать пуски новейших вооружений, то возникает вопрос: кто будет нести ответственность за вредоносные последствия их действий?

Основная часть. Роботы современного периода в большей части по интеллектуальному потенциалу являются управляемыми (частично управляемыми) и находящимися под контролем человека. Например, подача в адрес робота команды управления, считывается, идентифицируется с командами, заложенными в программное обеспечение, и реализуется роботом. Человек непосредственно «не управляет действиями робота, он только инициирует комплекс действий, предусмотренных алгоритмом, имеющимся в цифровом коде компьютерной программы робота. Таким образом, факт участия со стороны человека в управляемости и подконтрольности либо инициировании действий определяет пределы человеческого участия в функционировании робота» [З. С. 310]. При этом исключается возможность автономности действий робота.

Автономным может признаваться робот, обладающий возможностью формулирования поведенческого алгоритма, т. е. самостоятельного принятия решений. Представляется, что речь идет о роботах, способных автономно анализировать закономерности окружающей действительности и конструировать новые алгоритмы самостоятельных действий без участия человека как бы имитируя когнитивные функции человека (искусственный интеллект). «Это не просто машины, усиливающие возможности продуктивной деятельности человека. Это сложные

системно-компьютерные комплексы, открытые по отношению к внешней среде, обладающие свойствами саморегуляции и наделенные функцией принятия решений по жизненно важным проблемам» [6. С. 13].

Выделение обозначенных групп роботов обуславливает наличие двух групп обстоятельств, подлежащих уголовно-правовой оценке: а) ответственность субъекта – производителя (разработчика, создателя) и б) ответственность собственника (пользователя, владельца) робота за вред, причиненный в процессе его эксплуатации; функционирование автономного робота, повлекшее причинение вреда правоохраняемым интересам личности, общества и государства. Ввиду этого требуется формирование правовых мер защиты публично-правового интереса в целях пресечения и недопущения подобного вреда. Так, к примеру, в последнее десятилетие с возросшей роботизацией увеличилось число подобных инцидентов: «...в 2017 году робот на заводе Ajin USA, производящей детали для авто Hyundai и Kia, нанес травмы, несовместимые с жизнью, работнице завода при его ремонте [4]; в 2019 г. в городе Грязи Липецкой области робот-упаковщик прижал мужчину к оборудованию для формовки железобетонных изделий, травма оказалась смертельной» [7].

В настоящее время присутствуют различные точки зрения на понимание робота: роботы – это машины, выполняющие инструментальную функцию; роботы – это результат деятельности искусственного интеллекта, наделенного этическими аспектами ответственности; роботы – это моральные агенты; роботы – новый эволюционирующий вид техники. Если рассуждать с позиции, что роботы – это машины, что следует говорить о возможности принятия ими решения только в техническом отношении, поскольку процесс находится под контролем человека. Роботы как машины – это не социальные существа и поэтому не наделены субъективными «правами». В таком случае как они могут быть морально ответственными? Самая технически адаптированная роботосистема не может принимать самостоятельные решения по аналогии с решениями человека, за которые к ней может быть применена моральная ответственность.

Вопрос о возможности этической оценки робототехники был впервые поднят в рамках первого международного симпозиума по робототехнике в январе 2004 г. Тогда же была предпринята попытка сформулировать термин «робоэтика». В феврале этого же года в Японии подписывается Всемирная декларация роботов, в которой указывается, «что роботы следующего поколения будут партнерами людей и будут помогать им как физически, так и психологически» [5. С. 2]. Но могут ли роботы и технологией искусственного интеллекта быть до такой степени совершенны, чтобы реализовались знаменитые законы А. Азимова: «1. робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2. робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, если эти приказы не противоречат Первому Закону; 3. робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому или Второму Закону» [1].

Если рассматривать возможность наделения систем искусственного интеллекта субъектностью, то нужно, прежде всего, иметь ответ на вопрос, может ли робот мыслить. Да, современные искусственные нейронные сети наделены способностью создавать художественные произведения, они могут рисовать, писать музыку и стихи. Но могут ли они при этом испытывать эмоции, мыслить и чувствовать?

Д. В. Бахтеевым сформулированы четыре поведенческие модели такой реакции:

«1. Инструментальная модель: системы искусственного интеллекта или их физические воплощения (роботы) представляют из себя не более чем инструмент для решения частных прикладных или научных задач.

2. Толерантная модель предполагает создание «сильного» ИИ, по своим когнитивным возможностям сравнимым со способностями человека.

3. Ксенофобная модель предполагает, по сути, ситуацию рабства: человечество, формально признавая когнитивные способности систем искусственного интеллекта, по разным причинам предпочитает придерживаться инструментальной концепции и не признает личностных и, соответственно, субъектных (в том числе и правосубъектных) качеств ИИ.

4. Эмпатическая модель, по сути, представляет максимально человеческое отношение человека к системе искусственного интеллекта. Общество, воспринимая в целом положительно домашних и иных социально-бытовых интеллектуальных роботов и программных помощников, благоприятно воспринимает идею распространения технологии и не исключает возможности наделения систем искусственного интеллекта свойствами субъекта права (в ограниченном смысле)» [2. С. 9].

Следовательно, обозначается процесс обоснования правосубъектности роботизированных систем с элементами искусственного интеллекта, исходя из двух противоположных подходов: признания или ее непризнания. Инструментальная модель в данном процессе является доминирующей, но система искусственного интеллекта – это не просто инструмент, облегчающий или упраздняющий физический труд человека, это система, заменяющая вообще труд человека, которая приводит к ликвидации отдельных профессий и уменьшению рабочих мест, с привлечением физического лица. За последние годы все чаще роботы используются в промышленности – это сборочные автомобильные заводы или больничные курьеры, но все более широкое применение имеют и роботы-помощники в домашних делах – это роботизированные пылесосы или роботы, которые могут загружать посудомоечную машину. В данных моделях доминирует профессиональная мораль сообщества разработчиков компьютерных программ.

Роботы отличаются от людей тем, что они эмоционально не мотивированы. Но если автономные роботы с технологией искусственного интеллекта не испытывают эмоций, то нет смысла приравнивать их к человеку.

В противовес инструментальной модели сторонники толерантной модели утверждают, что роботы могут претендовать на признание их субъективных прав, а также определение объема моральной ответственности, когда достигнут такого уровня когнитивных способностей, что можно будет говорить о наличии разума. Возникают проблемы моральной ответственности искусственного интеллекта. Вместе с тем если автономные роботы не испытывают эмоций и не обладают чувствительностью, то нет смысла приравнивать их к человеку. Мы же не требуем этого от собак, хотя они находятся ближе к человеку, чем машины.

В связи с чем присутствует некий период перехода от профессиональной этики инженеров и разработчиков роботов – «робоэтика», к функциональной морали,

в рамках которой в будущем машины будут наделены способностью оценивания своих действий и принятых поведенческих решений, а значит и способностью отвечать на моральные вызовы – «этика роботов». Безусловно, современные автономные роботы еще не достигли стадии технологической сингулярности и несопоставимы по интеллектуальному потенциалу с человеком, но появление первых автономных систем с повышенными когнитивными способностями свидетельствует о необходимости разработки вопроса об их субъектности и развертывании соответствующей научной дискуссии. Это потому, что автономные роботы пока не способны думать и чувствовать. Роботы будущего будут делить мир с людьми. Представляется, что робоэтика должна затрагивать сам процесс разработки технико-культурных решений, которые были бы ориентированы, с одной стороны, на развитие сферы умных роботов, с другой – на предотвращение их неэтичного использования, в том числе использование против человека.

С 2004 г. идет процесс формирования этического пространства взаимодействия человека с автономные роботизированными системами.

2004 г. – принимается Всемирная декларация роботов, принципы которой формулируются исходя из доктрины «роботы следующего поколения – партнеры человека».

2006 г. – формулируются этические ценности человека, связанные с конфиденциальностью личных прав, основанных на информированном согласии и личной ответственности за биосферу.

2010 г. – понимание робоэтики формируется с ориентацией на существующие моральные аспекты взаимодействия человек – робот и процесса интеграции искусственного интеллекта в человеческое общество.

2016 г. – формулируются правила по управлению интеллектуальными машинами (Общество по исследованию искусственного интеллекта и моделированию поведения – Великобритания), ориентированные на применение роботов с учетом неприкосновенности граждан и безопасности пользователей. Юридическая ответственность возлагается на человека.

2017 г. – разработка Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте и инициирование Исследовательским центром «Робоправо» (Россия) дискуссии о выработке правовых и этических представлений о правилах применения роботов с технологией искусственного интеллекта.

2019 г. – принятие Осакинской декларации, в которой проработана проблема «человеко-ориентированного искусственного интеллекта» с минимизацией негативных последствий его использования и защиты прав и свобод человека. Юридическая ответственность возлагается на разработчиков и лиц, внедряющих искусственный интеллект.

В России этические аспекты разработки и применения роботизированных систем с технологией искусственного интеллекта обозначены в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».

2020 г. – предложена Модель этической ответственности за управление роботами, разработанная на основе «Интегрированной структуры управления ИИ» Виртца. Обозначена управленческая и социальная дилемма технического уров-

ня развития общества и человеческого контроля ИИ, ответственности роботов за причиненный вред и этики роботов.

2021 г. – Генеральной конференцией ЮНЕСКО (UNESCO General Conference) принята рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта.

В России разработан и подписан первыми организациями-добровольцами кодекс этики ИИ, цель которого – обеспечение прав граждан, которые могут нарушаться ИИ-системами при их экспликации компаниями или государством. Кодекс возлагает юридическую ответственность за последствия применения таких систем на человека, обозначая, что их использование должно быть ориентировано на благо человека и человеческих сообществ. Кодекс предполагает добровольность присоединения к нему компаний и организаций.

Ученые предполагают, что точка технологической сингулярности может быть достигнута к 2030 г. Именно на это период прогнозируется возможность создания робота, идентичного человеческому интеллекту, с чувственным сознанием и субъективными переживаниями. В связи с чем, как нам представляется, основная задача современно этапа формирования робоэтики заключается в обозначении роли и места человека в роботизированном общественном пространстве.

Заключение. Область робоэтики шире просто выработки правил взаимоотношения людей с системами искусственного интеллекта. Широкое применение робототехники способствует техническому и технологическому преобразованию общества и различных сфер жизнедеятельности, но в тоже время происходит смещение акцентов с человека на технологии искусственного интеллекта. Возможность моделирования выполняемых функций, а также точность выполнения отдельных операций – обуславливают промышленный интерес к робототехнике, оцениваемый с позиции социального запроса как позитивно, так и негативно оцениваемый с точки права и юридической ответственности.

Научное сообщество обсуждает проблемы сетевого этикета и вежливости, но развитие новых технологий требует юридического сопровождения, к примеру, электронного маркетинга, а вместе с ним и этического кода маркетологов. Нам представляется, что формирование соответствующих этических основ защиты интересов граждан, хозяйствующих субъектов, действующих в новых информационных условиях, должно стать базовой основой для последующего формирования уголовно-правовых средств защиты информационных прав человека и гражданина. Робоэтика должна формироваться в рамках обозначения ответов на фундаментальный вопрос: можем ли мы приравнять робота к электронной личности с соответствующими субъективными правами?

Список литературы

1. Азимов А. Хоровод. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/177580-ajzek-azimov-horovod.html> (дата обращения: 20.06.2022).
2. Бахтеев Д. В. Риски и этико-правовые модели использования систем искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2019. № 11. С. 1–11.
3. Бегишев И. Р. Наказание автономных роботов: уголовно-правовые перспективы // Проблемы экономики и юридической науки. 2021. № 3. С. 303–313.

4. Bride-to-Be Crushed to Death by Car-Factory Robot. URL: <https://www.the-dailybeast.com/bride-to-be-crushed-to-death-by-car-factory-robot> (дата обращения: 10.02.2022).

5. Verruggio G. The Birth of Roboethics // ICRA 2005, IEEE International Conference on Robotics and Automation Workshop on Robo-Ethics. Barcelona, 2005. April 18. URL: <http://www.roboethics.org/icra2005/veruggio> (дата обращения: 17.05.2022).

6. Лопатина Т. М. Некоторые аспекты проблемы моральной ответственности компьютерных систем // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 12–13.

7. Робот убил человека на заводе под Липецком. URL: <https://rg.ru/2019/11/02/reg-cfo/robot-ubil-cheloveka-na-zavode-pod-lipeckom.html> (дата обращения: 12.04.2022).

О. В. Машевская,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ИММАНЕНТНОЕ ИЛИ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ?

Аннотация. Сегодня практически все страны мира переживают процесс цифровой трансформации, и каждый ученый по-своему определяет данный процесс. Целью исследования стало осмысление процесса цифровой трансформации исходя из того, что трансформация является одним из этапов становления цифровой экономики, поэтому от качества и скорости данного процесса напрямую будет зависеть уровень становления цифровой экономики (имманентное) или напротив, процесс цифровой трансформации – это явление пришедшее из вне и недоступное опытному познанию, поскольку ни одна экономика мира не сталкивалась с подобным прежде (трансцендентное). Ответ на поставленный вопрос в исследовании.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, имманентное, трансцендентное, элементы трансформации, условия трансформации, механизмы трансформации, результаты цифровой трансформации

THE DIGITAL TRANSFORMATION: IMMANENT OR TRANSCENDENT?

Abstract. The article states that in many countries today there is a process of digital transformation, and each scientist defines this process in his own way. The goal of our study was to comprehend the process of digital transformation – this is one of the stages in the formation of the digital economy, therefore, the level of formation of the digital economy (immanent) will directly depend on the quality and speed of this process, or vice versa, the process of digital transformation is a phenomenon that came from outside and is inaccessible experiential knowledge, since no economy in the world

has ever encountered such a thing before (transcendental). We will try to answer this question in our research.

Keywords: Digital Transformation, Digital Economy, Immanent, Transcendent, Elements of Transformation, Transformation Conditions, Transformation Mechanisms, Results of Digital Transformation

Введение. Мир вступил в критическую фазу продолжающейся цифровой трансформации, стимулируемый быстрым развитием и комбинированием технологий в принципиально новых направлениях. Поэтому в настоящее время цифровую трансформацию можно признать одним из инструментов в управлении экономикой. Суть, которого проявляется во внедрении механизмов функционирования как на макроуровне, так и на микроуровне, позволяющих эффективно реализовывать конкурентные преимущества бизнеса, государства и домашних хозяйств. Благодаря существованию бизнеса с различной степенью развития, которая определяется посредством цифровой зрелости, можно проанализировать не только уровень цифровизации бизнеса на национальном рынке, но и проследить за динамикой развития цифровой трансформации в государственном секторе и ряде отраслей экономики. А по мере роста неопределенности необходимо разрабатывать механизмы управленческого воздействия и инструменты экономической политики, способные быстро адаптироваться к происходящим изменениям. Однако в ходе исследования ряда научных публикаций и работ по данной теме мы не нашли однозначного ответа: чем является процесс цифровой трансформации? Что первично в данном процессе: имманентное или трансцендентное?

Основная часть. Цифровизация прочно вошла в понимание и сознание людей, живущих в первой половине XXI в., и превратилась в один из ключевых факторов роста производительности труда и повышения качества жизни населения.

Происходящая трансформация в мире, в особенности в информационно-цифровой среде, оценивается рядом ученых и специалистов как новая стадия экономического развития при становлении цифровой экономики. Однако в отечественной практике, да и, пожалуй, в международной практике нет устоявшихся и однозначно трактуемых понятий, раскрывающих суть цифровой экономики и цифровой трансформации.

Корни понятия «цифровая экономика» уходят в 1995 г., когда информатик из Массачусетского университета Николас Негропonte вводит понятие «цифровая экономика». Сегодня этот термин получил широкое распространение, и ряд ученых-исследователей выделили объективно-общие характеристики, свойственные современной экономике, акцентируя внимание на субъективных чертах – как собственного восприятия, так и понимания данного явления.

Мы же, используя накопленный опыт и имеющиеся результаты исследования в данной предметной области, больше всего склоняемся к пониманию, что цифровая экономика – это система экономических отношений, основанная на деятельности по созданию, распространению, обмена и использованию сквозных цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг в различных сферах экономики.

Под сквозными цифровыми технологиями будем понимать технологии, применяемые для обработки, поиска, передачи и отражения данных в цифровом виде, в основе функционирования, которых лежат программные и аппаратные средства и системы, востребованные во всех секторах экономики, создающие новые рынки и изменяющие бизнес-процессы.

Ряд экономистов не согласны с понятием «цифровая экономика», аргументируя это тем, что последняя еще формируется и предлагают оперировать понятием цифровая трансформация, как последовательность действий и мероприятий, которые реализуются с целью цифровизации экономического, финансового и социального аспекта деятельности (функционирования) экономики.

В большинстве исследований под цифровой трансформацией понимают процесс, вызванный, в первую очередь, массовым внедрением цифровых технологий, которые создают, обрабатывают и передают информацию в различных видах и формах. В более широком смысле под цифровой трансформацией понимается интеграция цифровых технологий во все области бизнеса, в государственный сектор, в сектор домашних хозяйств (всех потребителей), коренным образом меняющая уровень и компетенции специалистов, служащих и рабочих, и то, как и на каком уровне удовлетворяются потребности клиентов (потребителей). Кроме всего прочего, цифровая трансформация приводит и к культурным изменениям, которые требуют от бизнеса постоянно бросать вызов существующему положению вещей, экспериментировать и принимать в расчет то, что могут быть и отрицательные результаты трансформации.

Мы же под цифровой трансформацией будем понимать основанное на применении цифровых технологий преобразование структур, форм и способов производства, изменение целевой направленности деятельности, обеспечивающее существенное изменение параметров и свойств производимых услуг (продуктов), создание новых услуг (продуктов) и получение новых рыночных возможностей в сложившихся цифровых условиях.

Исследование данной проблемы привело к пониманию того, что возник вопрос о том, как рассматривать процесс цифровой трансформации, как трансцендентный или имманентный, т. е. это необходимость, возникшая в результате требований современности и продиктованная правительством, или процесс, к которому эволюционно-логически пришло общество, правительство и бизнес.

Имманентный (лат. *immanens* – пребывающий внутри) – это свойство, внутренне присущее процессу или явлению. На данном этапе развития национальной экономики цифровая трансформация стала необходимостью, к которому, как мы считаем, логично и, можно сказать, эволюционно пришли общество, правительство и бизнес.

Трансцендентный (от лат. *transcendens* «переступающий, превосходящий, выходящий за пределы») – это свойство, которое принципиально еще не было доступно опытному познанию и выходит за пределы имеющегося опыта [11. С. 19–20].

Так что же собой представляет цифровая трансформация?

Цифровая трансформация, – как признано большинством ученых, процесс, основанный на изменениях, которые стали происходить в результате развития циф-

ровых технологий, и возможности использования повсеместно широкополосного Интернета. Но есть и другие мнения, например, профессор Дж. Кейн, редактор раздела «Цифровой бизнес» MIT-Sloan Management Review, предлагает под «цифровой трансформацией» понимать не процесс осуществления трансформации как таковой, который рассматривают в большинстве случаев как сингулярный процесс, и не процесс внедрения соответствующих технологий, а изменения, которые проявляются в адаптации к постоянно меняющейся цифровой и деловой среде [14], что в данном случае, позволяет говорить об трансцендентной составляющей.

Мэри К. Пратт Джейсон под цифровой трансформацией понимает включение компьютерных технологий в продукты, процессы и стратегии организации [12].

Можно приводить ряд других определений цифровой трансформации и все они будут верными, если исходить из принципов, положенных в основу исследования каждого автора. Приведем в табл. 1 некоторые актуальные, на наш взгляд, определения.

Таблица 1

Цифровая трансформация [1, 5, С. 207, 10, С. 12]

Источник	Определение
World Bank Group, 2018a	Проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов
OECD, 2019b	Использование данных и цифровых технологий для создания новых или изменения существующих видов деятельности; цифровая трансформация – совокупность экономических и социальных эффектов в результате цифровизации
ITU, 2018	Применение инновационных разработок на основе информационных и телекоммуникационных технологий для решения различных задач
UNCTAD, 2019	Направления радикального влияния цифровых продуктов и услуг на традиционные секторы экономики
ITU, 2019a	Непрерывный процесс мультимодального внедрения цифровых технологий, которые коренным образом меняют процессы создания, планирования, проектирования, развертывания и эксплуатации сервисов государственного и частного сектора, делая их персонализированными, безбумажными, безналичными, устраняя требования физического присутствия, на основе консенсуса сторон
European Commission, 2019a	Значительные изменения во всех секторах экономики и общества в результате внедрения цифровых технологий во все аспекты человеческой жизни
The Boston Consulting Group, 2017	Использование потенциала онлайн-возможностей множеством контрагентов при совершении рыночных транзакций; наличие цифровых технологий и формирование системы требований по их созданию и применению

Из приведенных определений видно, что ряд авторов соглашаются о первичности трансцендентной составляющей. Однако, несмотря на отмеченные особенности, теоретическая и аналитическая проработка рассматриваемого понятия идет до сих пор параллельно как в академической, так и в деловой среде. И есть ученые, которые утверждают об имманентности цифровой трансформации. Например, Ю. Н. Грибанов в своем исследовании [4] утверждает, что цифровая трансформация – это эволюционный этап в процессе становления цифровой экономики, что находит отражение на рис. 1.

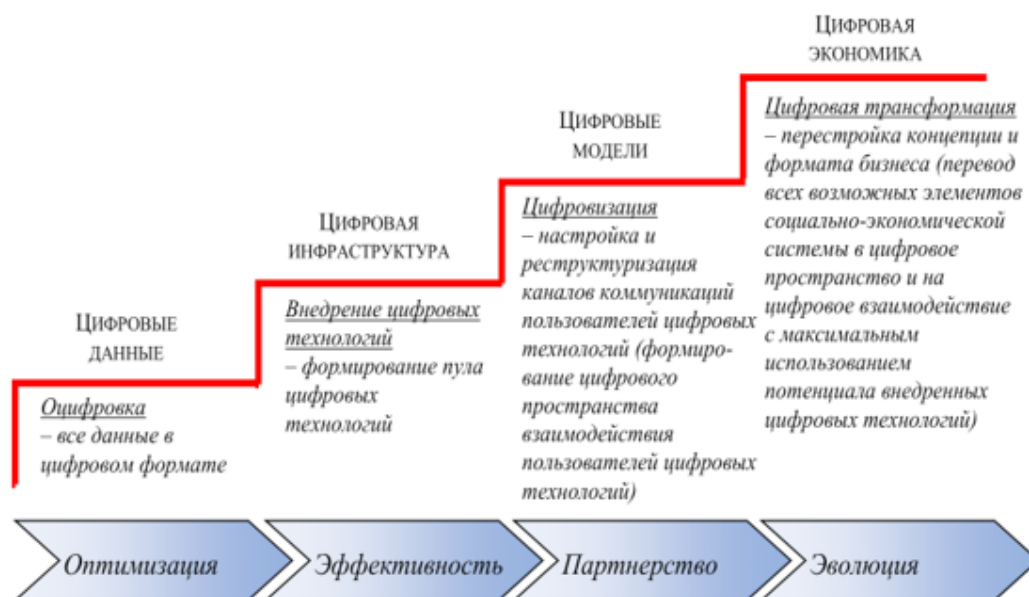

Рис. 1. Этапность цифровой трансформации [4]

Можно согласиться в данном контексте с Ю. Н. Грибановым, что цифровая трансформация – это перестройка формата бизнеса, а примером тому могут служить реалии 2020 г., которые заставили ряд компаний и фирм адаптироваться под сложившиеся пандемийные условия, в частности, повсеместно сотрудники переводились на удаленную работу, что не остановило и не замедлило работу бизнеса, а ряд IT-компаний и вовсе показали значительные положительные результаты (табл. 2), что опять же позволяет утверждать о преимуществе трансцендентного.

Однако сложившиеся условия для ряда сотрудников можно охарактеризовать и как имманентное состояние, т. е. свойство, которое стало совершенствоваться в сложившихся условиях, и фирмы пришли к тому, что первоначально была поставлена задача «обеспечить работу из любого места», позже задача была модифицирована в «качественное выполнение работы при дистанционном подходе». В большинстве случаев это означало изменение приоритетов из «инвестиций в технологии» на «защиту сотрудников, находящихся на удаленно-дистанционной работе»; активное использование инструментов, позволяющих сотрудникам продуктивно работать из дома. И здесь позитивным выступает тот факт, что пришло осознание возможности по-новому координировать организационные процессы, позволяющие эффективно поддерживать работу сотрудников, работающих удаленно.

Таблица 2

Доходность предприятий в области ИТ и ПО на начало 2021 г. [9]

№	Наименование компании	Область применения	Доход за 2020 г.	Рыночная стоимость	Число сотрудников
1	Dell Technologies	Компьютерное ПО, облачные вычисления	92 млрд долл.	55 млрд долл.	165 тыс. чел.
2	IBM	Облачные вычисления, ИИ, компьютерное ПО	77 млрд долл.	115 млрд долл.	384 тыс. чел.
3	Cisco Systems	Сетевое ПО	49 млрд долл.	192 млрд долл.	77,5 тыс. чел.
4	Accenture	Бизнес-консультирование, стратегия, технология, процессы	44 млрд долл.	169 млрд долл.	506 тыс. чел.
5	Oracle	Корпоративное ПО, облачное программирование	39 млрд долл.	181 млрд долл.	135 тыс. чел.
6	Fujitsu	ПО, ИТ-услуги и консультирование, телекоммуникации	37 млрд долл.	31 млрд долл.	129 тыс. чел.
7	Tech Data	Технологии, ПО, ИТ консультирование	37 млрд долл.	5 млрд долл.	15 тыс. чел.
8	SAP	Корпоративное ПО	31 млрд долл.	151 млрд долл.	100,33 тыс. чел.
9	HP Enterprise	ПО, облачное программирование, ИИ, Интернет вещей, хранение данных, блокчейн и др.	27 млрд долл.	16 млрд долл.	59,4 тыс. чел.
10	Synnex	ИТ-услуги и консалтинг	25 млрд долл.	4 млрд долл.	240 тыс. чел.
11	NTT Data	ИТ-услуги и консалтинг	22 млрд долл.	20 млрд долл.	133,2 тыс. чел.
12	Tata CS	ИТ-услуги и консалтинг	21 млрд долл.	164 млрд долл.	465,737 тыс. чел.
13	DXC Technology	ИТ-услуги и консалтинг	20 млрд долл.	7 млрд долл.	138 тыс. чел.
14	CDW	B2B ИТ-продукты и услуги	18 млрд долл.	19 млрд долл.	10 тыс. чел.
15	Salesforce	ПО и облачные вычисления	17 млрд долл.	199 млрд долл.	49 тыс. чел.

Если рассматривать трансформацию на макроуровне, то стала происходить трансформация экономических систем, которая базируется на изменении норм – прекращении действия старых и возникновении новых норм, при чем в рамках существующей экономики они действуют одновременно, понимание механизма воздействия норм на экономическую систему является ключевым для исследования процессов ее трансформации.

Создание новых норм предполагается в рамках реализации некоторого варианта компромисса, чем достигается разрешение противоречий между действующими ранее нормами. Это и является ключевой проблемой, обуславливавшей успешность трансформации институциональных систем [6. С. 51–52].

Цифровая трансформация, по мнению Рене Бонсак [2], формирует собственную многомерную структуру, которую можно представить тремя составляющими (рис. 2):

- условия (институционально-контекстуальные),
- механизмы трансформации,
- результаты.

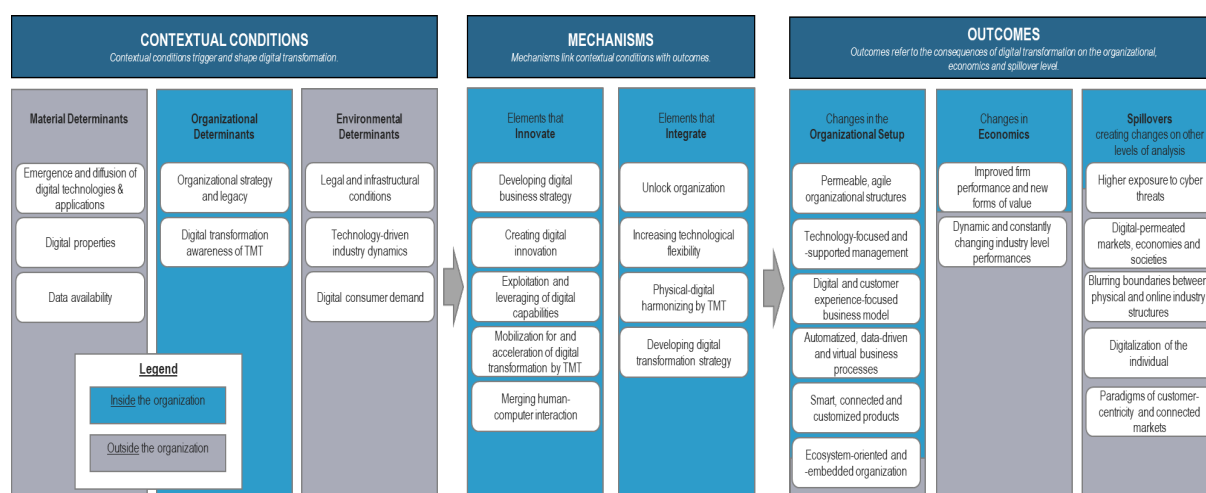

Рис. 2. Элементы цифровой трансформации [2]

Рассмотрим каждый элемент процесса трансформации.

Институционально-контекстуальные условия.

1.1. Контекст или среда (рис. 3).

Данные условия как формируются внутри системы, так и формируют среду, которая позволяет начать процесс цифровой трансформации и в тоже время влияет на среду. В данном случае на процесс цифровой трансформации оказывают влияние внутренние и внешние факторы:

а) внутренние факторы. На мезоуровне и на микроуровне наблюдаются разнообразные подходы к повышению эффективности проводимых операций; внедрение цифровых инструментов направлено на сокращение затрат и максимизацию прибыли. Например, на микроуровне новые цифровые технологии считаются главными внутренними факторами, влияющими на процесс цифровой трансформации.

мации. Но с течением времени открываются возможности доступа к данным (большим данным), и эта доступность данных стимулирует цифровую трансформацию. В то же время существуют и тормозящие силы;

б) внешние факторы. Развивающиеся отрасли (такие как ИТ, финансы, энергетика, строительство и др.) и постоянно меняющееся поведение потребителей – два главных внешних фактора, которые стимулируют развитие цифровой трансформации. Благодаря современным достижениям в цифровом мире потребители ожидают, что каждый бизнес будет иметь какое-то цифровое присутствие, и это ожидание является тем фактором, который заставляет бизнес модернизировать свою деятельность и взаимодействовать с клиентами в цифровом формате.

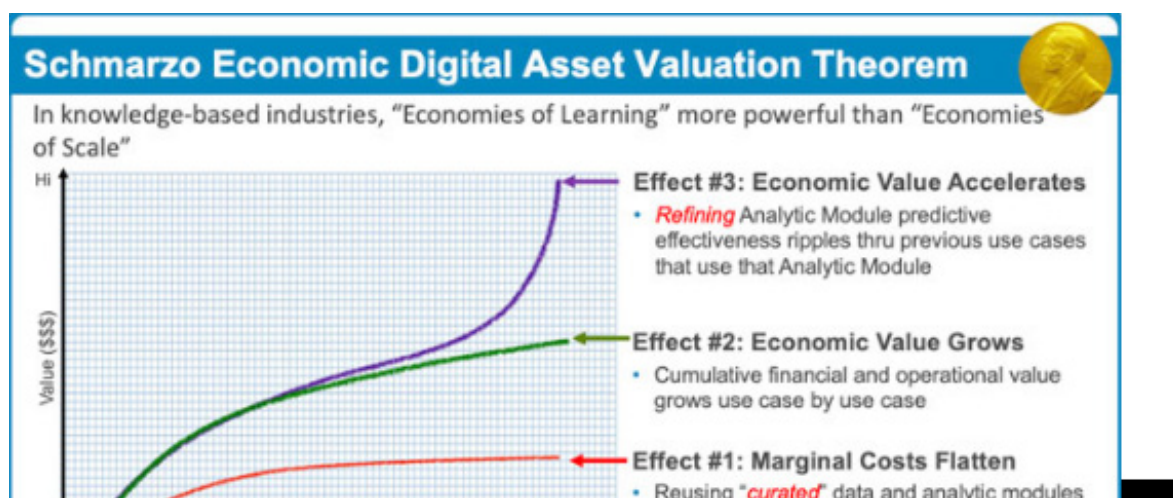

Рис. 3. Framing Digital Transformation – планирование контекста, процессов и результатов [2, 12]

1.2. Процессы.

Здесь значимыми процессными механизмами при реализации цифровой трансформации становятся а) инновации и б) интеграция. Эти два инструмента используются для сокращения рутинных операций и преобразования их в более эффективные, а также для поиска новых путей цифрового взаимодействия с потребителями.

а) инновации. На микроуровне внедрение инноваций, способствующих цифровой трансформации, сосредоточено на существующих операциях путем интеграции новых цифровых продуктов, использования Интернета вещей (IoT) и изучения различных бизнес-моделей. Для эффективной реализации инноваций необходима адаптация персонала к реализуемой цифровой трансформации, в том числе следует обеспечить взаимопонимание между персоналом, высшим руководством и осознанием значимости данного процесса, иначе предлагаемые изменения не будут эффективными.

Также следует учитывать механизм инноваций, который заключается в формировании взаимодействия между человеком и технологиями в качестве основной деятельности для создания синергии, повышающей создаваемую ценность.

Актив, ценность которого растет благодаря использованию и обучению, является еще одним примером того, как субъекты экономики могут использовать уникальные характеристики цифровых активов (благодаря инновациям). Преимуществом таких активов является то, что ценность их не только не уменьшается и не изнашивается, а может использоваться в неограниченном количестве вариантов, использоваться практически с нулевыми предельными издержками. Отсюда можно заключить, что при цифровой трансформации экономия на обучении более эффективна, чем экономия на масштабе, благодаря способности создавать мощные модели искусственного интеллекта, которые изучают и повторно применяют эти знания в цифровых активах намного быстрее и с меньшим риском (рис. 4).

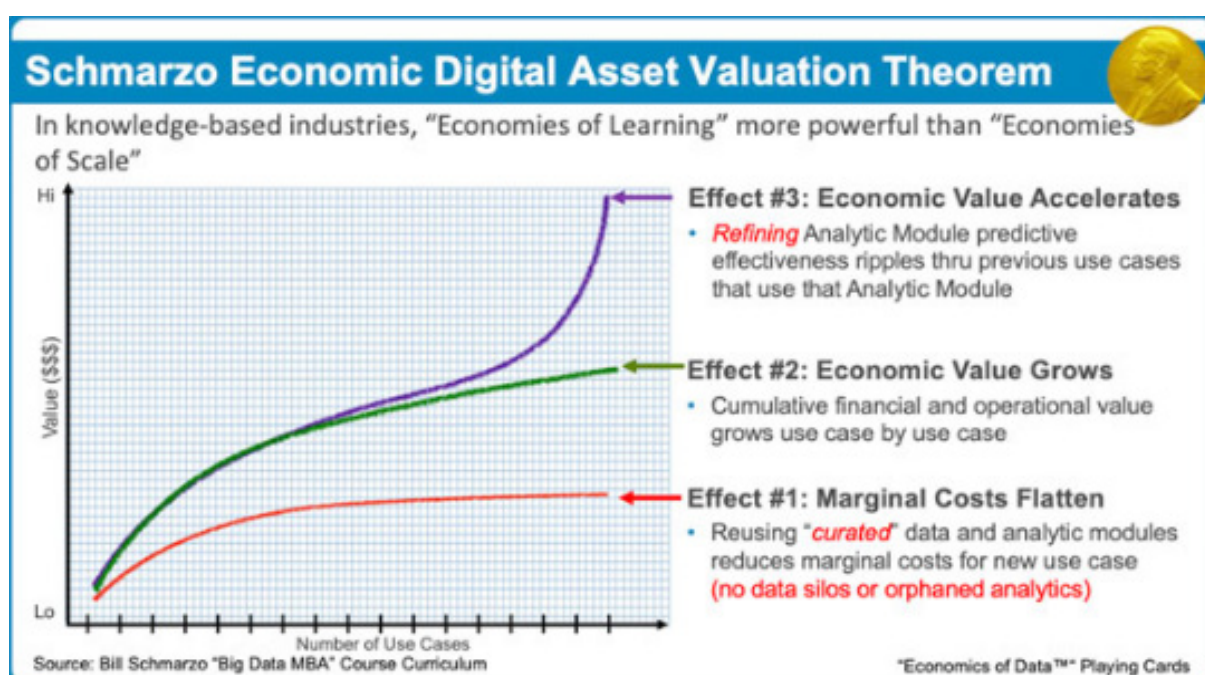

Рис. 4. Теорема Schmarzo об оценке экономических цифровых активов [15]

Теорема Schmarzo объясняет три ключевых экономических эффекта:

1. Предельные издержки выравниваются. Поскольку данные бесконечны и неисчерпаемы, не изнашиваются и могут повторно использоваться практически с нулевыми предельными издержками, предельные затраты на совместное использование и повторное использование таких данных и аналитических модулей (Solution Cores) выравниваются.

2. Экономическая выгода растет. Совместное использование и повторное использование данных и созданных аналитических модулей (ядер решений) сокращает время окупаемости и снижает риски последующих вариантов использования.

3. Экономическая ценность ускоряется. Экономическая ценность предыдущих вариантов использования увеличивается за счет аккумулятивной оценки (обучения) созданных аналитических модулей (ядер решения), что повышает ценность всех связанных вариантов использования [15].

Не стоит забывать, что инновации без инвестиций не бывает. Выбор правильных инвестиций в технологии является сложным процессом и требует глубокого анализа. Для решения этой проблемы стоит рассмотреть четыре основных технологических принципа, следование которым будет способствовать успешной цифровой трансформации и обеспечит оптимальную окупаемость инвестиций на микроуровне.

1. Целостная цепочка создания стоимости. Современные цифровые технологии должны приносить прибыль по всей цепочке создания стоимости, связанной с предприятием. Инвестиции в технологии должны обеспечивать цифровую интеграцию решений по проектированию, планированию и эксплуатации, управлению, визуализации, управлению информацией и эффективностью активов, чтобы создать полное представление о деятельности всего предприятия на всех уровнях.

2. Открытость и платформонезависимость. Функциональная совместимость и поддержка кроссплатформенности ускоряют путь к постоянному улучшению процессов.

3. Цифровые экосистемы. Инвестиции в технологии должны быть подкреплены многофункциональной экосистемой технологических партнеров.

4. Гибкая реализация. Адаптация к непредвиденным событиям становится автоматической, если использовать гибкую реализацию технологий.

Таким образом, цифровая трансформация – это инновационное преобразование, улучшение операционной деятельности и открытие беспрецедентных новых возможностей для повышения как эффективности в целом как на макроуровне, так и производительности на микроуровне;

б) интеграция. Данный процесс включает в себя согласование новых элементов цифровой трансформации на различных уровнях экономики с существующими базовыми элементами, которые позволяли до цифровой трансформации эффективно функционировать экономической системе.

Интеграция позволяет улучшить реализуемую цифровую трансформацию и создать как на макро-, так и на микроуровне цифровую стратегию развития, которая будет выступать в качестве основы для интеграции всего координирующего механизма, расстановки приоритетов и внедрения цифровой трансформации. И начиная с микроуровня субъекты экономики будут видеть эффект от внедренных изменений.

1.3. Результаты.

При завершении цифровой трансформации необходимо разработать индикаторы результативности проводимого процесса, т. е. обобщенные результаты, являющиеся ключевыми для всех сфер экономики.

Последствия цифровой трансформации, например, на микроуровне можно наблюдать как внутри организации в виде изменений в процессах, внедрения новых технологий, новых бизнес-моделей и т. д., так и за ее пределами в виде того, как хозяйствующий субъект является частью экосистем цифрового бизнеса, влияет на общество (например, киберугрозы, оцифрованные данные по групповым признакам потребителей и др.).

Изменение стиля управления также можно включить в процесс цифровой трансформации, поскольку прежний «цепной образ мышления» руководства на микроуровне не подходит по ряду критериев к сложившимся условиям, что уже приводит к изменению бизнес-операций и принятию новых бизнес-моделей, формированию более гибких организаций, процессов, управляемых данными, умных подключенных продуктов и компаний, мыслящих в специализированных терминах экосистем, а не линейных цепочек поставок, что позволяет говорить о трансцендентной составляющей данного процесса.

Далее выделим основные преимущества, которые несет цифровая трансформация всем хозяйствующим субъектам, и отразим это на рис. 5.

Рис. 5. Преимущества цифровой трансформации [3]

Реализуя принципы цифровой трансформации, правительство, общество и бизнес стремятся получить ряд преференций и конкурентные преимущества, выраженные:

- в снижении первоначальных затрат и сокращении времени окупаемости инвестиций в современные технологии, что повысит эффективность деятельности и отразится на росте прибыльности.
- повышении качества жизни населения, включая как материальный уровень, так и повышение качества социальной среды;
- радикальном расширении возможностей продления жизни и ее качества за счет средств развития медицины.

Итак, мы приходим к пониманию, что цифровая трансформация объединяет новейшие инновационные инструменты и процессы с внутриорганизационными знаниями. Это позволяет не только дополнить существующие данные, но и обновить их, получить практически полезную аналитическую информацию. Опираясь на новую информацию, бизнес может на некоторое время перестать стремиться

к улучшению бизнес-процессов, что в свою очередь, будет стимулировать внедрение разнообразных технологий и процессов для постоянного наращивания объемов выпуска с целью увеличения эффективности производства. Чтобы это произошло, каждый путь цифровой трансформации должен начинаться с критически важного осознания того, что информация и данные стали бесценным стратегическим активом как на микро-, так и на макроуровне.

В заключение стоит отметить, что цифровая трансформация – это сложный многомерный и многоступенчатый процесс, и что на всех уровнях экономики важно не только понимать данный процесс, но и создавать среду и адаптировать ресурсы для его реализации с целью создания базиса для цифровой экономики; успешно внедрять изменения, порожденные трансцендентным, и далее сопровождающийся (процесс цифровой трансформации) имманентным состоянием, соответствующим природе цифровизации.

Список литературы

1. Атурин В. В., Мога И. С., Смагулова С. М. Управление цифровой трансформацией: научные подходы и экономическая политика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-tsifrovoy-transformatsiey-nauchnye-podhody-i-ekonomicheskaya-politika> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Бонсак Р. Что такое цифровая трансформация? / пер. с англ. URL: <https://morethandigital.info/ru/chto-takoe-cifrovaja-transformacija-opredelenie-i-osnova-dlja-cifrovyh-izmenenij/> (дата обращения: 12.08.2022).
3. Вестерман Дж., Бонне Д., Макафи Э. Преимущества цифровой трансформации. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-advantages-of-digital-maturity> (дата обращения: 02.09.2022).
4. Грибанов Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». СПб, 2019. 40 с.
5. Зайченко И. М., Горшечникова П. Д., Левина А. И., Дубгорян А. С. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 205–212.
6. Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2004. 416 с.
7. Орешенков А. Глобальное старение населения и новая технологическая революция // Наука и инновации. 2018. № 6 (184). С. 61–64.
8. Питер Бендор-Самуэль. Почему цифровые преобразования терпят неудачу. URL: <https://enterpriseproject.com/article/2019/8/why-digital-transformations-fail-3-reasons?intcmp=7013a000002w1nTAAQ&page=0%2C1> (дата обращения: 01.09.2022).
9. Топ 10 самых прибыльных IT компаний мира в 2021 г. URL: <https://ru.fxssi.com/top-pribylnyx-it-kompanij> (дата обращения: 10.08.2022).
10. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская,

К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; науч. ред. Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник, К. О. Вишневский, Т. С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.

11. Цыгуров А. Кантовская система идеалистических аргументов / пер. с англ. А. С. Цыгурова // Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания, 2019. С. 19–28.

12. Что такое цифровая трансформация? URL: <https://enterprisersproject.com/what-is-digital-transformation/> (дата обращения: 01.09.2022).

13. Hanelt A., Bohnsack R. A Systematic Review of the Literature on Digital Transformation: Insights and Implications for Strategy and Organizational Change. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/joms.12639> (дата обращения: 18.08.2022).

14. Gerald C. Kane. “Digital Transformation” Is a Misnomer // MIT Sloan Management Review, August 07, 2017. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/digital-transformation-is-a-misnomer/> (дата обращения: 05.08.2022).

15. How AI Is Manipulating Economics to Create Appreciating Assets. URL: <https://www.hitachivantara.com/blog/how-ai-is-manipulating-economics-to-create-appreciating-assets> (дата обращения: 14.08.2022).

16. PwC Health Research Institute, Top health industry issues of 2021: Will a shocked system emerge stronger? 2020. December. URL: <https://www.pwc.com/us/en/industries/health-industries/top-health-industry-issues.html> (дата обращения: 25.08.2022).

Ю. Н. Мильшин,

кандидат юридических наук, профессор,
Саратовская государственная юридическая академия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности современных информационных технологий при осуществлении контрольной деятельности органами публичной власти. Аргументируется необходимость использования цифровых технологий при осуществлении контрольных процедур, что позволит оптимизировать механизм контроля. Информационные технологии позволяют уменьшить издержки подконтрольных субъектов и повысить эффективность и прозрачность контроля. Введение новых форм контрольной деятельности является важным условием, позволяющим органам публичной власти в онлайн-режиме проводить дистанционный мониторинг физических и юридических лиц и получать необходимую информацию о реальном положении дел.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, оптимизация, контрольная деятельность, публичная власть, мониторинг, усмотрение

INFORMATION TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF OPTIMIZATION OF CONTROL ACTIVITIES IN PUBLIC AUTHORITIES

Annotation. The article discusses the possibilities of modern information technologies in the implementation of control activities by public authorities. The necessity of using digital technologies in the implementation of control procedures is argued, which will optimize the control mechanism. Information technologies make it possible to reduce the costs of controlled entities and increase the efficiency and transparency of control. The introduction of new forms of control activities is an important condition that allows public authorities to conduct remote monitoring of individuals and legal entities online and receive the necessary information about the real state of affairs.

Keywords: Information technologies, Digitalization, Optimization, Control activities, Public authority, Monitoring, Discretion

Введение. Развитие современного общества невозможно представить без развития информационных технологий, которые расширяют горизонт для деятельности органов публичной власти при осуществлении своих полномочий. Информационные технологии сбора, обработки, хранения и передачи информации постоянно совершенствуются с учетом экономических и социальных потребностей общества, происходит количественный показатель новых информационных технологий и оптимизируется их качество [4. С. 31].

Цифровые технологии охватили самые различные сферы нашего государства (производство, образование, культуру, здравоохранение) и направлены на улучшение и оптимизацию управленческой деятельности в органах публичной власти, в конечном счете, на создание благоприятных условий по удовлетворению потребностей граждан.

Основная часть. Создана и функционирует цифровая платформа для контрольной деятельности, которая объединяет государственные структуры, связанные с данным видом деятельности, и обеспечивает аналитическую обработку этой информации в режиме реального времени на всей территории Российской Федерации. С июля 2021 г. в России функционирует Единый реестр видов государственного контроля (надзора), где содержится информация обо всех видах контрольной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В данном реестре закреплён исчерпывающий перечень органов, уполномоченных осуществлять конкретный вид контроля.

Ввиду проводимой в Российской Федерации реформы (регуляторной гильотины) в сфере контрольной деятельности органов публичной власти изменились подходы и к осуществлению цифровизации контрольной деятельности. Целью реформы является повышение уровня безопасности и устранение избыточной административной нагрузки на подконтрольные субъекты, построение новой системы обязательных требований, отвечающих современному уровню технологического развития и риск-ориентированному подходу, введение детальных правил, регламентирующих организацию контрольной деятельности.

Инструментом достижения поставленной реформой цели является «регуляторная гильотина», которая подразумевает под собой деятельность по инвентаризации всех действующих обязательных требований в многочисленных правовых актах. Если норма соответствует – то она остается, если не соответствует требованиям – отменяется либо изменяется. Многим доподлинно известно, что некоторые нормы, которые подвергаются правовому анализу через призму «регуляторной гильотины», были приняты еще в СССР.

Контроль является неотъемлемой функцией в системе органов публичной власти, направленной на проверку соответствия деятельности заданным параметрам. В современных условиях в компетенцию всех органов публичной власти входит функция контроля. К сожалению, эффективность данной функции в Российской Федерации пока остается на низком уровне. Так, в пенитенциарных учреждениях Саратовской области в 2021 г. были выявлены грубые нарушения, которые вызвали огромный резонанс в России. Ведь все эти нарушения совершались в течение многих лет, и контрольные органы ничего «не замечали». Контроль не должен осуществляться ради контроля, а должен своевременно реагировать на отклонения от заданных параметров.

В цифровом пространстве появляется возможность единого доступа органов публичной власти к результатам мониторинга деятельности объектов контроля, в частности, по устранению выявленных недостатков. Информационные технологии в контрольной деятельности позволяют обеспечить непрерывный процесс его проведения, прозрачность деятельности объектов контроля и органов, уполномоченных его осуществлять. В конечном счете снизится нагрузка на объекты контроля и появится возможность оперативно реагировать на потенциальные нарушения.

В результате анализа Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [2] можно предположить, что данный нормативный акт является примером прямого воплощения попытки законодателя урегулировать пределы усмотрения субъектов, которые наделены правом устанавливать обязательные требования в отношении подконтрольных объектов. Положениями вышеупомянутого закона определены общие пределы правотворческого и правоприменительного усмотрения в отношении субъектов, наделенных полномочиями устанавливать обязательные требования и производить оценку их применения. Пределы административного усмотрения в контрольной деятельности органов публичной власти в данном законе находят свое отражение в закрепленных принципах, условиях оценки проектов нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательные требования, оценке применения обязательных требований, даче официальных разъяснений установленным обязательным требованиям [1. С. 53].

В механизме публичного управления при осуществлении контроля важно соблюдать баланс частных и публичных интересов. Нельзя допускать в деятельности вышестоящих органов только существование «обвинительного уклона», т. е. отсутствие профилактической и предупредительной функции в контрольной деятельности органов публичной власти. Недопустимо сводить всю их деятельность к поиску допущенного подконтрольным субъектом нарушения с целью примене-

ния к нему мер принуждения. Первоочередной целью контроля должна стать профилактика нарушений законодательства в будущем.

Информационные технологии формируют новую реальность, доступ в которую возможен лишь при наличии определенного набора знаний и навыков. Важным условием цифровизации является развитие нового вектора в получении знаний, позволяющего получать достоверную информацию с учетом стратегических национальных приоритетов государства. Причем рассматриваемые технологии должны определять основные направления контрольной деятельности на современном этапе. Отставание темпов цифровизации контрольной деятельности негативно отражается на оперативности принятия управленческих решений.

В современный период созданы все предпосылки для того, чтобы вывести контрольную деятельность органов публичной власти на качественно новый уровень, расширяя дистанционные методы контроля. С 1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3], который легитимизировал технологии дистанционного взаимодействия с бизнесом и дистанционный порядок осуществления выездных проверок. Согласно положениям данного акта, каждому контрольному мероприятию будет присвоен QR-код, который наносится на все документы, связанные с проведением контрольных мероприятий. Это позволит подконтрольным лицам проверить наличие мероприятия в Едином реестре контрольных мероприятий, а также его предмет и другую информацию, которая позволит им обеспечить соблюдение своих прав.

Изменился вектор контрольной деятельности органов публичной власти, которые используют в ходе контрольных мероприятий менее затратные способы, не предполагающие непосредственное взаимодействие с контролируемыми субъектами. Расширился диапазон контрольных мероприятий (контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, наблюдение за соблюдением обязательных требований (мониторинг безопасности), выездное обследование).

Заключение. Следует отметить, что новые методы контрольной деятельности предполагают меньшие издержки для контролируемых субъектов. В частности, наблюдение и выездное обследование могут проводиться без взаимодействия с контролируемыми лицами, а инспекционный визит и выездную проверку можно осуществлять с использованием средств дистанционного взаимодействия, в том числе посредством аудио- или видеосвязи. Это особенно важно в условиях пандемии.

Цифровизация контрольной деятельности позволит снизить издержки физических и юридических лиц, повысить эффективность и прозрачность контроля. Все действия контролируемых органов должны быть доступны в информационных системах в режиме реального времени. Цифровизация контрольной деятельности дает возможность органам публичной власти в онлайн-режиме проводить дистанционный мониторинг контролируемых лиц, получить необходимую информацию о реальном положении дел и обеспечить непрерывность контрольных мероприятий [5. С. 63–67].

Думается, что использование новых информационных технологий органами публичной власти при осуществлении контрольной деятельности ускорит процесс принятия управленческих решений и предоставит широкий доступ населения к базам данных управленческих органов. К сожалению, современное российское общество не вполне готово к новым преобразованиям, которые обусловлены существующими реалиями. Оно не может в полной мере оценить те преимущества, которые несет за собой использование информационных технологий в осуществлении контрольной деятельности.

Список литературы

1. Мильшин Ю. Н. К вопросу о пределах административного усмотрения субъектами разрешительной системы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 52–56.
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 6 декабря 2021 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.09.2022).
3. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.09.2022).
4. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: коллективная монография: том 2 / под ред. Н. Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – 201с.
5. Фесько Д. С. Цифровизация контроля как гарантия прав граждан и организаций // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 63–67.

С. М. Миронова,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры финансового и предпринимательского права,
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В УСЛОВИЯХ ГИГ-ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Целью исследования является определение правовой природы цифровых платформ и их роли в условиях развития гиг-экономики. В статье приводятся разные виды цифровых платформ, которые создаются как на государственном уровне, так и посредством бизнес-моделей частными субъектами, выделяются их особенности. Особое внимание уделено цифровым платформам по оказанию финансовых услуг, которые направлены на развитие финансовой сфе-

ры. Делается вывод о необходимости дальнейшей правовой регламентации деятельности платформ, построенных на основе бизнес-моделей, а также правового регулирования взаимодействия всех участников правоотношений, возникающих с использованием цифровой платформы.

Ключевые слова: гиг-экономика, платформенная занятость, цифровые платформы, маркетплейсы, финансовые платформы, инвестиционные платформы, цифровые платформы труда

LEGAL NATURE AND THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS IN THE GIG ECONOMY

Abstract. The purpose of the study is to determine the legal nature of digital platforms, as well as their role in the development of the gig economy. The article presents different types of digital platforms that are created both at the state level and through business models by private entities, their features are highlighted. Particular attention is paid to digital platforms for the provision of financial services, which are aimed at developing the financial sector. The conclusion is made about the need for further legal regulation of the activities of platforms built on the basis of business models, as well as the legal regulation of the interaction of all participants in legal relations arising from the use of a digital platform.

Keywords: Gig economy; Platform employment; Digital platforms; Marketplaces; Financial platforms; Investment platforms; Digital work platforms

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>

Цифровая трансформация общества и экономики, происходящая в последнее время, приводит к появлению новых явлений в экономике, которые тесным образом связаны с использованием цифровых технологий непосредственно или изменением правоотношений между субъектами под влиянием таких технологий.

Появился новый термин – гиг-экономика, которую по-другому называют экономикой свободного заработка. Как отмечается в литературе, данная модель экономики характеризуется распространением частичной занятости, краткосрочными трудовыми договорами вместо долгосрочных трудовых отношений с работодателями [27]. Работники предпочитают наниматься не в штат на долгосрочный период, а заключать договор на время выполнения определенной работы.

Гиг-экономика (gig economy) схожа по ряду признаков с работой по запросу (work on-demand) или экономикой совместного использования (sharing economy) [39. Р. 185], но эти термины не являются синонимами, и все же имеют разное смысловое значение. Как отмечается в зарубежной литературе, «гиг-экономика считается идеальной формой труда, которая постепенно вытесняет условия традиционного трудового договора, сопряженные с более высокими затратами работодателя» [26. С. 12].

Все чаще взаимодействие между субъектами осуществляется через цифровые платформы. Построение новых бизнес-моделей, цифровых платформ, таких

как Убер, Алибаба, Яндекс и др., приводят к тому, что такие компании предпочитают не нанимать сотрудников в штат, а использовать работников на краткосрочный период, как правило, путем заключения гражданско-правовых договоров. Это существенно снижает издержки таких платформ.

В литературе также отмечается регуляторный потенциал онлайн-платформ как инструмента организации, контроля деятельности участников рынка как индикатор его состояния, а также инструмент оценки эффективности действующего законодательства, выдвигается тезис о необходимости дальнейшего регулирования деятельности платформ с учетом развития машиночитаемого взаимодействия между платформами и государством [33].

При этом бурно развивающиеся отношения с участием цифровых платформ, а также их операторов вызывает необходимость принятия новых норм, регламентирующих их деятельность. В то же время в литературе нет единства по вопросу, нужно ли выделять нормы, регулирующие деятельность цифровых платформ, в отдельный массив, путем создания платформенного права [23] или регулирование цифровых платформ не требует создания специального законодательства как обособленного правового массива [33].

Рассмотрим, что же из себя представляют цифровые платформы, и какую роль они играют в изменении экономики.

В настоящее время можно встретить различные цифровые платформы.

Это могут быть государственные цифровые платформы. На необходимость формирования собственных цифровых платформ обращал внимание в своем Послании Президент РФ [7], а затем это нашло отражение в Паспорте национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в котором предусматривается создание различных цифровых платформ [8]. Это предопределило последующие шаги по принятию концептуальных документов о создании цифровых платформ в разных сферах, необходимых для развития российской экономики и отдельных отраслевых направлений, например, таких как:

- единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [13];
- государственная информационная система «Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных» [12];
- цифровая платформа с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами [17];
- государственная информационная система «Единая цифровая платформа «Физическая культура и спорт» [18];
- цифровая аналитическая платформа [14];
- цифровая платформа «Российский экспортный центр» с целью поддержки экспортеров [16] и многие другие.

В большинстве случаев из названия и определения этих цифровых платформ следует, что они являются государственными информационными системами, а значит, в соответствии со ст. 14 Федерального закона № 149-ФЗ создаются в целях ре-

ализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами [4]. Закон предусматривает возможность их создания и в иных целях, предусмотренных федеральными законами. Представляется, что создание цифровых платформ в последние годы преследует именно такие цели, поскольку они направлены не только в целях обмена информацией между органами власти, но и в большей степени для взаимодействия между государственными органами и частными лицами, а также иными субъектами. Например, Цифровая платформа МСП (<https://мсп.рф>), созданная для государственной поддержки предпринимателей и самозанятых граждан дает возможности для названных лиц не только получать предусмотренные меры поддержки от органов государственной власти, но и использовать различные сервисы, направленные на развитие бизнеса. В то же время возникает противоречие между указанной нормой 14 Федерального закона № 149-ФЗ о том, что такие цели должны устанавливаться только Федеральным законом, и подзаконными нормативными правовыми актами, которыми в основном принимаются решения о создании цифровых платформ, представляющих собой государственные информационные системы.

Создание таких цифровых платформ (в том числе как государственных информационных систем) позволяет сделать вывод о развитии концепции «государство как цифровая платформа», которая предполагает развитие платформенных решений с целью увеличения количества государственных услуг, оказываемых в цифровом виде, что в целом будет способствовать ускорению технологического развития экономики и повышению производительности труда [19]. Таким образом, анализ создаваемых государством платформ позволяет сделать вывод, что многие из них направлены на взаимодействие между государством (в лице отдельных государственных органов) и частными лицами (как гражданами, так и хозяйствующими субъектами). Цифровая платформа может быть создана, как для взаимодействия с одним государственным органом (например, платформа «Работа в России» является проектом Федеральной службы по труду и занятости), так и для взаимодействия с различными органами государственной власти (например, цифровая платформа МСП).

При этом следует согласиться, что само понятие «платформа» («цифровая платформа» и иные возможные варианты, упоминаемые в нормативных документах) носят достаточно разрозненный и бессистемный характер [24], не имеют единой смысловой нагрузки, что зачастую затрудняет понимание используемой терминологии, не способствует эффективной реализации принимаемых норм.

В России также появляются специализированные цифровые платформы, создание которых предусматривается отдельными федеральными законами, – финансовые [1], инвестиционные платформы [2] и др. Особая значимость таких платформ, которая и обуславливает их подробное регулирование в первую очередь на законодательном уровне, а также формирование обширной подзаконной нормативной базы для их функционирования, вызывает необходимость их более подробного исследования с точки зрения их роли в развитии гиг-экономики.

Понятие финансовой платформы закрепляется Федеральным законом № 211-ФЗ [1], в соответствии с которым основное назначение такой информационной системы заключается в обеспечении взаимодействия финансовых организа-

ций или эмитентов с потребителями финансовых услуг для обеспечения возможности совершения финансовых сделок. Данные лица в совокупности именуются участниками финансовой платформы. Исходя из этого, платформа выступает площадкой, на которой происходит взаимодействие потребителя и поставщика. В литературе финансовые платформы именуются так же, как маркетплейсы [29], что обусловлено понятием маркетплейса, которого придерживается Банк России, под которым он понимает онлайн-сервис, с помощью которого граждане могут приобретать разные финансовые продукты на одной платформе в круглосуточном режиме [28]. Следует отметить, что в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 г. маркетплейс обозначается уже в другом значении – как открытая площадка, представляющая собой платформу, допуск участников на которую осуществляется в соответствии с публичными критериями, раскрываемыми платформой [15].

Понятие инвестиционной платформы, закрепленное Федеральным законом № 259-ФЗ [2] отличается от понятия финансовой платформы тем, что прямо не указывает на наличие взаимодействия субъектов, хотя это и вытекает из самого определения, поскольку эта информационная система используется для заключения договора инвестирования, который совершается между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции. Таким образом, следует сделать вывод, что инвестиционная платформа также выступает площадкой для взаимодействия субъектов между собой в связи с инвестированием и привлечением инвестиций.

Понятие электронной платформы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, вообще не содержит упоминания взаимодействия каких-либо субъектов между собой, хотя Федеральный закон № 161-ФЗ также закрепляет, например, понятие пользователя электронной платформы, который получает от оператора электронной платформы услугу расчетов по сделкам, совершенным с использованием электронной платформы [3].

Следует отметить подробную регламентацию организации и деятельности вышеуказанных платформ федеральными законами, а также подзаконными актами Банка России, установлению четких правил работы и взаимодействия субъектов на таких платформах, а также требования к операторам таких платформ (например, предъявление специальных требований к операторам информационных систем при выпуске цифровых финансовых активов [30]). Так, операторы финансовых платформ в соответствии с Федеральным законом № 211-ФЗ могут осуществлять свою деятельность только после включения их в реестр операторов финансовых платформ Центральным Банком РФ. Могут быть установлены и особые правила взаимодействия между субъектами с использованием цифровых платформ в финансовой сфере. Так, например, для финансовых платформ определяются особенности подачи заявления о возмещении по вкладам, которые открывались через финансовую платформу, устанавливается особый порядок обращения в таких случаях в Агентство по страхованию вкладов.

Такие цифровые платформы можно отнести, с одной стороны, к бизнес-платформам, поскольку они создаются частными субъектами и преследуют коммерческие интересы. С другой стороны, сфера финансовых услуг, в которой и соз-

даются такие платформы, вызывает необходимость особого контроля со стороны государства, а деятельность особых субъектов, оказывающих финансовые услуги потребителям через платформы, как участников финансового рынка подчинена большому числу ограничений и требований. Центральный Банк РФ выступает регулятором этих правоотношений и органом, осуществляющим надзор за операторами таких цифровых платформ.

Что касается цифровых платформ, которые создаются для развития бизнеса, реализации бизнес-моделей, здесь также наблюдается разнообразие точек зрения как на их правовую природу, так и классификации.

Например, в своем исследовании Ростелеком одним из основных критериев определения цифровой платформы называет взаимовыгодные отношения между независимыми участниками отрасли экономики, а также выделяет ряд иных признаков, характерных для цифровых платформ, а к основным типам платформ предлагается относить инструментальные, инфраструктурные и прикладные [35].

Содержащееся в Постановлении Правительства РФ от 30.04.2019 № 529 определение цифровой платформы определяется исходя из таких критериев, как: 1) совокупность информационных технологий и технических средств; 2) данные технологии и средства обеспечивают решение технологических задач и взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности [11]. Таким образом, наличие такого взаимодействия следует признать одним из ключевых признаков, характеризующих цифровую платформу.

Росстат в своем приказе от 22.08.2022 № 583 одним из признаков при определении цифровой платформы называет взаимодействие между двумя и более категориями независимых, но заинтересованных в таком взаимодействии пользователей цифрового решения [21]. При этом Росстат, выделяя модели взаимодействия, характерные для цифрового решения: «машина–машина», «машина–человек», «человек–человек»; в отношении последнего указывает на взаимодействие между поставщиком услуг (его представителем) и потребителем услуг (его представителем). Поставщики являются лицами, которые поставляют блага, распространяемые посредством цифрового решения, а потребители – потребляют блага, распространяемые посредством цифрового решения. Можно предположить, что под благами в данном случае понимаются товары, работы, услуги, которые будут поставляться или потребляться.

Также проводится классификация цифровых платформ в зависимости от того, для кого она предназначена. Росстат выделяет такие платформы, как коммунитарная, корпоративная, отраслевая, публичная [21].

Среди цифровых платформ выделяют также маркетплейсы – цифровые платформы, которые специализируются на продаже товаров или услуг [22].

В литературе можно встретить различные классификации цифровых платформ [24, 35, 40]. Также цифровые платформы можно разделить по их финансированию и источникам выделения средств, за счет которых такие платформы создаются и функционируют. Исходя из этого критерия, цифровые платформы можно разделить на те, которые полностью финансируются за счет государства; те, которые финансируются на условиях софинансирования (например, путем предостав-

ления субсидий из бюджета); те, которые полностью финансируются частными субъектами.

Те платформы, которые создаются государством и для государственных нужд, финансируются за счет бюджета, как правило, федерального.

Например, Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» предусмотрено создание единой цифровой платформы обеспечения деятельности Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, палат Федерального Собрания, Совета Безопасности Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Правительства Российской Федерации при осуществлении ими своих полномочий [8].

Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» предусматривает создание сегментов ЕЦП ОГВ в интересах поддержки деятельности и принятия управленческих решений (на 31.12.2024 – 24 шт.), что предполагает выделение средств из федерального бюджета [9].

Так, в федеральном бюджете на 2019 г. на эти цели было выделено 613 999,2 тыс. руб., в федеральном бюджете на 2020 г. – 799 999,7 тыс. руб. [5,6]. В то же время по информации Минфина России бюджетные ассигнования на создание данной цифровой платформы в федеральном бюджете на 2021 г. не предусмотрены [20.]

В тех случаях, когда государство заинтересовано в создании цифровых платформ, оно может предусматривать софинансирование расходов по их созданию, например, путем предоставлений субсидий или грантов. В настоящее время предусмотрено предоставление грантов в форме субсидий из федерального бюджета юридическим лицам на реализацию мероприятий по внедрению комплексов цифровых сервисов и решений, созданных на базе цифровых платформ, в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [10], а также субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции [11].

Большая часть цифровых платформ государством не финансируется и использует различные бизнес-модели, что позволяет в литературе делать выводы о том, что большинство технологических платформ ставит перед собой коммерческие цели [25].

В отличие от цифровых платформ государства, информация о которых в силу их принадлежности полностью находится в доступе государства, а также от тех цифровых платформ, деятельность которых обусловлена включением операторов таких платформ в специальный реестр (например, финансовые цифровые платформы), цифровые платформы, организуемые частными субъектами и реализующие различные бизнес-модели, не контролируются в настоящее время со стороны государства, поэтому точное их число назвать невозможно. В Интернете можно найти множество предложений по разработке маркетплейсов под ключ, что дает возможность получить «собственный Wildberries, Озон и Яндекс.Маркет».

Это актуально и с точки зрения понятия, сколько людей заняты в работе с использованием цифровых платформ, и условиях их занятости на этих платформах, и определения объема оказываемых услуг (выполненных работ), а также учета иных факторов.

Как отмечает Европейская комиссия, предлагая меры по улучшению условий труда на рабочих платформах и поддержке устойчивого роста цифровых трудовых платформ, государство зачастую испытывает сложности с доступом к данным о платформах и людях, работающих через них (особенно, когда платформа затрагивает несколько государств), что предопределяет необходимость для платформ предоставления органам государственной власти необходимой информации об их деятельности и работающих через нее людей [36]. Представляется, что получение таких данных актуально не только в отношении цифровых трудовых платформ, но и всех цифровых платформ, через которое происходит взаимодействие разных субъектов, с целью выявления проблем такого взаимодействия в условиях новых правоотношений с применением цифровых технологий, а также защиты их прав.

По этой причине в 2022 г. в России был принят приказ Росстата, в соответствии с которым предусмотрено проведение статистического наблюдения за использованием цифровых платформ [21]. Например, представляются сведения о назначении цифровых платформ, целях их создания, направленности на обслуживание определенной категории пользователей, а также сведения, позволяющие оценить охват целевых аудиторий как поставщиков, так и потребителей благ.

В соответствии с Приказом Росстата перечень юридических лиц, которые должны предоставлять сведения, определяет Минэкономразвития. Однако, по состоянию на 15.09.2022, такой перечень в открытом доступе отсутствует. В приложении к приказу содержатся названия 65 цифровых платформ, в отношении которых такие сведения будут предоставляться. Этот перечень является открытым, и сведения должны предоставляться об иных цифровых платформах. Следует предположить, что будет понятно, о каких именно платформах идет речь, тогда, когда появится перечень Минэкономразвития.

В перечень платформ, определяемых Росстатом, отнесены самые разнообразные платформы, например, российский сервис объявлений Юла, сервис поиска специалистов You Do, сервис курьерской доставки Dostavista, онлайн-сервис для поиска туров Level Travel и др. Большой блок представлен различными сервисами Яндекса – Яндекс.Недвижимость, Яндекс.Здоровье, Яндекс.Такси, Яндекс.Работа, Яндекс.Облако, Яндекс.Игры, Яндекс.Видео, Яндекс.Музыка, Яндекс.Афиша, Яндекс.Дзен, Яндекс.Кью, Яндекс.Еда. Представляя различные направления работы, используя разные бизнес-модели, платформы Яндекса будут строиться на разных принципах взаимоотношений между субъектами, но в целом направлены на взаимодействие между поставщиками и потребителями.

Особо внимание в научной литературе и исследованиях уделяется цифровым платформам труда, что связано с увеличением платформенной занятости как в России, так и в мире [31, 37, 40]. По данным Европейской комиссии доходы от платформенной экономики в ЕС в 2020 г. оцениваются в 20 млрд евро. При этом

в Европейском союзе действует более 500 цифровых платформ труда, а число лиц, работающих через цифровые платформы труда, оценивается как более 28 млн человек. Ожидается, что к 2025 г. их число достигнет 43 млн [38].

В России доля лиц, осуществляющих работу через платформы, также высока. Так, по данным Фонда «Центр стратегических разработок» (ЦСР), изучившего формы занятости курьеров, «для 65 % респондентов курьерская деятельность является единственным источником заработка, а 35 % совмещают ее с другой деятельностью (при этом 21 % курьеров отмечают, что она обеспечивает для них более 50 % дохода)» [34].

Работа через платформы как новая форма занятости зачастую не вписывается в традиционные правоотношения, которые делятся на трудовые правоотношения и самостоятельную деятельность, приносящую доход или предпринимательство. Таким образом, возникает необходимость создания соответствующего правового регулирования данных правоотношений между платформами, платформенными занятыми и потребителями их работ и услуг.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в настоящее время цифровые платформы имеют разную правовую природу, определяемую такими факторами, как кто и за счет какого финансирования их создает, кто управляет цифровыми платформами, и какие цели они реализуют. В наименьшей степени урегулированными нормами права остаются цифровые платформы, создаваемые частными субъектами, построенные на основе бизнес-моделей и которые влияют на изменение всей экономики в целом за счет «капитализма платформ» [32]. Это предопределяет необходимость скорейшей правовой регламентации деятельности таких платформ, а также правового регулирования взаимодействия всех участников правоотношений, возникающих с использованием цифровой платформы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета. 2020. № 162. – 24 июля.
2. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 172. 7 августа.
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. № 139. 30 июня.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.
5. Федеральный закон от 15.10.2020 № 314-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2019 год» // Российская газета. 2020. № 236. 20 октября.
6. Федеральный закон от 25.10.2021 № 361-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2020 год» // Российская газета. 2021. № 245. 27 октября.

7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. № 46. 2 марта.

8. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2022).

9. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2022).

10. Постановление Правительства РФ от 21.06.2021 № 948 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета юридическим лицам на реализацию мероприятий по внедрению комплексов цифровых сервисов и решений, созданных на базе цифровых платформ, в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5363.

11. Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 19. Ст. 2286.

12. Постановление Правительства РФ от 07.06.2022 № 1040 «О федеральной государственной информационной системе «Единая цифровая платформа «Национальная система пространственных данных» // Собрание законодательства РФ 2022 № 24. Ст. 4065.

13. Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» // Собрание законодательства РФ 2022. № 21. Ст. 3446.

14. Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2019 № 3074-р «Концепция создания цифровой аналитической платформы» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть II). Ст. 8054.

15. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (разработаны Банком России). URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

16. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов, утв. Минфином России. URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

17. Паспорт федерального проекта «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами», утв. Минэкономразвития России. URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

18. Концепция создания и функционирования государственной информационной системы «Единая цифровая платформа «Физическая культура и спорт», утв. Минспортом России 26.04.2021. URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

19. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020). URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

20. Информация Минфина России (ред. от 06.05.2021) «Сопоставительная таблица целевых статей расходов для составления и исполнения федерального бюджета на 2021–2023 годы, к применяемым в 2020 году». URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

21. Приказ Росстата от 22.08.2022 № 583 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за использованием цифровых платформ».

22. Приказ Росстата от 29.07.2022 № 538 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий». URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2022).

23. Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

24. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.

25. Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. – С. 25–28.

26. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. С. Щукиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 144 с.

27. Лапидус Л. В. Гигэкономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга / Л. В. Лапидус, Ю. М. Полякова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89.

28. Маркетплейс. URL: https://www.cbr.ru/fintech/market_place/ (дата обращения: 10.09.2022).

29. Прошунин М. М. Государственный цифровой финансовый контроль: правовая сущность // Финансовое право. 2021. № 5. С. 3–7.

30. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) 2021. № 9. С. 124–134.

31. Сидоренко Э. Л. Статус работника цифровой платформы: в поисках критериев определения // Мировой судья. 2022. № 7. С. 16–22.

32. Срничек Н. Капитализм. Платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019. 128 с.
33. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
34. Формы занятости на рынке курьерских услуг // Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/0c5/ztdvx4szis-8c19zipv3c6k76h41gvd8s.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).
35. Цифровые платформы: подходы к определению и типизации. URL: https://files.data-economy.ru/digital_platforms.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
36. Commission proposals to improve the working conditions of people working through digital labour platforms. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&newsId=10120> (дата обращения: 13.09.2022).
37. Digital labour platform in the EU. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8399&furtherPubs=yes> (дата обращения: 13.09.2022).
38. Improving working conditions in platform work. URL: <file:///G:/Downloads/Platform%20workers%20factsheet%20FINAL%20EN.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).
39. Miriam A. Cherry Are uber and transportation network companies the future of transportation (law) and employment (law)? // Texas A&M Law Review. 2017. Vol. 4.
40. Schmidt Florian A. Digital Labour Markets in the Platform Economy Mapping the Political Challenges of Crowd Work and Gig Work. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/wiso/13164.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).

Г. Н. Москалевич,

кандидат юридических наук, доцент,
Минский инновационный университет

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Статья посвящена проблемам внедрения системы электронного правосудия в Республике Беларусь. Цель статьи – выявить правовые проблемы внедрения электронного правосудия. Проанализированы возможности электронного обращения в суд, внедрения в практику интернет-трансляций судебных заседаний, что свидетельствует о существенном расширении возможностей электронного правосудия. Проведен анализ законодательства в сфере судопроизводства относительно правового регулирования процедуры обращения в суд в электронной форме. Рассмотрены проблемы, возникающие в системе электронного правосудия. Актуальность исследуемой темы обусловлена потребностью информационного общества в цифровизации судебной системы в целях обеспечения открытости и гласности правосудия, автоматизации работы судов. Развитие электронного правосудия Республики Беларусь базируется на внедрении концепции электронного правительства (е-правительства), согласно которой граждане

и правительство являются партнерами, а общественность принимает активное участие в принятии политических решений. Автор приходит к выводу о недостаточной развитости законодательства об электронном правосудии в сфере экономических судов и полном его отсутствии в сфере общих судов, о необходимости обязать государственные органы использовать только электронную форму подачи документов.

Ключевые слова: правовые проблемы, электронное правосудие, электронное обращение в суд, судебный процесс, информационная система, информационно-коммуникационные технологии, судебная система, информационное пространство, законодательство Республики Беларусь

LEGAL PROBLEMS IN THE SPHERE OF ELECTRONIC LEGAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article is devoted to the problems of implementing the e-justice system in the Republic of Belarus. The purpose of the article is to identify the legal problems of the implementation of e-justice. The possibilities of electronic appeal to the court, the introduction of Internet broadcasts of court hearings into practice are analyzed. This indicates a significant expansion of the possibilities of electronic justice. The analysis of the legislation in the field of legal proceedings regarding the legal regulation of the procedure for applying to the court in electronic form was carried out. The problems arising in the e-justice system are considered. The relevance of the topic under study is due to the need of the information society for the digitalization of the judicial system in order to ensure the openness and transparency of justice, automate the work of courts. The development of e-justice in the Republic of Belarus is based on the introduction of the concept of electronic government (e-government), according to which citizens and the government are partners, and the public takes an active part in political decision-making. The author comes to the conclusion about the insufficient development of the legislation on e-justice in the field of economic courts and its complete absence in the field of general courts, the need to oblige state bodies to use only the electronic form of filing documents.

Keywords: Legal problems, Electronic justice, Electronic appeal to the court, Litigation, Information system, Information and communication technologies, Judicial system, Information space, Legislation of the Republic of Belarus

Введение. В последнее десятилетие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стремительно развиваются и находят применение практически во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в судопроизводстве.

Цифровизация не оставила без внимания ни одну ветвь государственной власти, включая и судебную систему, широко использующую информационные технологии, с целью обеспечения открытости и гласности правосудия, автоматизации работы судов общей юрисдикции, информационной интеграции судебной деятельности в Республике Беларусь. Идет процесс создания так называемого электронного правосудия, основанного на применении ИКТ.

Благодаря данному процессу каждый гражданин Республики Беларусь может обратиться в суд с заявлением в электронной форме, что позволяет говорить об электронном правосудии, которое ранее было неизвестно населению. Такая форма обращения в суд стала доступной лишь в последние пять лет. При сравнении с возможностями электронного правосудия в других странах Республика Беларусь явно проигрывает в этой сфере.

Сказанное выше свидетельствует об актуальности данной темы исследования.

Основная часть. Под электронным правосудием М. Н. Зарубина и М. М. Новикова понимают способ, посредством которого осуществляется справедливость, способ, опирающийся на информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие гласность, открытость и доступность судопроизводства [7. С 5]. Аналогичного определения придерживаются и другие авторы [2. С 97; 4. С. 467].

Однако, раскрывая понятие электронного правосудия, нельзя ограничиваться только фактом использования информационно-коммуникационных технологий при обращении в суд и осуществлении необходимых процессуальных действий [6].

По мнению И. Ю. Носкова, электронное правосудие обладает более широкими возможностями, представляя собой целый комплекс способов осуществления справедливости при отправлении правосудия с применением «технических средств цифровой обработки данных» [9. С. 120].

В. В. Ярков видит предназначение электронной системы разрешения споров не только в размещении в сети «Интернет» всех судебных решений и создании веб-сайтов судов, но и, что не менее важно, в управлении процессом и судебным разбирательством [17. С. 145].

А. Т. Дышкова подчеркивает необходимость различать понятия «электронное правосудие» и «цифровое правосудие». Электронное правосудие имеет в виду носителей информации и их свойства, а цифровое правосудие подразумевает формы существования данных [5. С. 165].

Электронное правосудие в Республике Беларусь развивается, опираясь на внедрение концепции электронного правительства (е-правительства), согласно которой граждане и правительство являются партнерами, а общественность принимает активное участие в принятии политических решений. В соответствии с концепцией электронного правительства е-правительство должно обеспечить гражданам получение публичных цифровых услуг, включая электронные услуги, инфраструктуру, коммуникации и т.п.

Электронное правосудие Республики Беларусь опирается также на программу «Электронная Беларусь», которая функционировала в 2003–2005 гг., в 2016 г. на заменившую ее новую программу развития цифровой экономики и информационного общества. Таким образом, попытки создания е-правительства продолжают [15].

К сожалению, в Республике Беларусь на нормативном уровне до сих пор не получили законодательного закрепления понятия «электронное правительство», «электронная демократия» и «электронное управление». Вместо этих понятий чаще всего применяется один термин – электронное правительство.

Российские ученые Д. А. Ловцов, В. А. Ниесов справедливо подчеркивают, что в качестве ключевых целей перехода к электронному правосудию следует рассматривать следующие: расширить доступность правосудия, сократить временные и финансовые затраты на обращение в суд и участие в судебном процессе [8]. По мнению Л. Д. Бяшировой, обращение в суд в электронной форме упрощает жизнь судей и других участников судопроизводства [3. С 94].

Для того чтобы достичь указанные цели, необходимо решить соответствующие организационно-правовые вопросы, связанные с процессуальными процедурами обращения с исковыми заявлениями, поступившими в электронной форме.

Сегодня можно говорить лишь о развитии электронного правосудия в Республике Беларусь, поскольку о действующих сервисах нельзя сказать, что они осуществляют учет всех аспектов судопроизводства. Как следствие, возникает целый ряд проблем, которые можно определить, как: технические, правовые и социальные, для решения которых необходимо время, немалые материальные ресурсы и опыт передовых государств, задействовавших в своем судопроизводстве IT-резервы.

В качестве одной из основных правовых проблем в сфере электронного судопроизводства в Республике Беларусь можно назвать недостаточную разработанность в действующем законодательстве нормативных положений, регулирующих электронную подачу документов и электронный документооборот в целом.

Согласно ч. 2 ст. 7 Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК) Республики Беларусь «обращение в формах, указанных в части первой настоящей статьи, может быть подано в суд, рассматривающий экономические дела, в электронном виде в порядке, установленном законодательством» [14]. То есть законодатель предусмотрел пока просто дополнительную возможность передачи в суд электронных документов как дублирование на бумажных носителях, но это не означает, что, отправив процессуальное электронное обращение, на сайт экономического суда, нет необходимости предоставлять оригиналы на бумажных носителях.

Не урегулирована и проблема оплаты государственной пошлины через интернет, без предоставления оригинала платежного документа. Потому что экономические суды в целях недопущения «недобросовестного подхода» к уплате государственной пошлины субъектами хозяйствования заняли правовую позицию, согласно которой в качестве подтверждения факта уплаты государственной пошлины экономическим судом принимается оригинал платежного поручения, а в соответствии со ст. 9 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 357-3 «Об электронном документе» оригиналом электронного документа считается только машинописная версия [10].

Суд имеет право потребовать личную явку лица, указанного в обращении – для того, чтобы удостовериться, что полученные судом документы принадлежат именно этому лицу. Исходя из этого, можно сделать вывод, что нет полного исключения необходимости личного обращения в суд в случае отправки документов через сайт.

При разрешении ХПК подачи обращений в суд в электронном виде законодательством, однако, не регламентируется порядок такой подачи. Поэтому в ка-

честве эксперимента ВХС (ныне – Верховный суд Республики Беларусь) в мае 2012 г. было утверждено Положение об электронном обмене информацией, определяющее правовую базу для подачи электронных обращений и возбуждения дела в электронном формате, после заключения письменного соглашения с заявителем о производстве обмена электронными документами, пока только в порядке приказного производства.

Заключая Соглашение об электронном обмене информацией, стороны вправе изменить перечень документов, которые направляются в электронном виде. В этот перечень стороны могут включать документы в электронном виде, направляемые в адрес экономического суда лицом, участвующим в деле (стороной в исполнительном производстве).

Проверка и прием электронных сообщений по адресу электронной почты должны осуществляться лицами, участвующими в деле (сторонами в исполнительном производстве), как минимум, один раз в течение рабочего дня в период срока действия Соглашения об электронном обмене информацией.

Непосредственно после получения электронного сообщения лицом, участвующим в деле (стороной в исполнительном производстве) направляется в экономический суд электронное уведомление (ответ) о прочтении сообщения. Такая реакция должна последовать после получения каждого электронного сообщения, поступившего от экономического суда.

В случае непоступления в экономический суд уведомления о получении электронного сообщения секретарь судебного заседания – помощник судьи либо иное ответственное лицо экономического суда не позднее дня, следующего за днем отправления электронного сообщения суда принимает меры к установлению обстоятельств получения этого сообщения, при необходимости направляет документы путем почтового отправления в пределах срока, установленного ХПК Республики Беларусь (далее – ХПК) [14].

Сообщение об электронном обмене информацией суда и уведомление о его получении представляют собой средство фиксирования факта извещения лица, участвующего в деле (стороны в исполнительном производстве), о времени и месте судебного заседания, а также о вручении электронной копии соответствующего документа и приобщаются к материалам дела.

В случае если произошли какие-либо изменения (например, изменился адрес электронной почты одной из сторон), в обязанность данной стороны входит заблаговременное информирование о наступивших изменениях другой стороны и указание, с какой даты следует использовать новый адрес.

Предусмотрен и порядок расторжения Соглашения об электронном обмене информацией. Соглашение может быть расторгнуто экономическим судом тогда, когда лицо, участвующее в деле (сторона в исполнительном производстве), нарушила условия Соглашения. Второй стороне в этом случае предоставлено право расторжения Соглашения в одностороннем порядке посредством направления соответствующего уведомления с указанием наименования лица, расторгающего Соглашение об электронном обмене информацией, с указанием даты расторжения [10].

Можно предложить внедрить на законодательном уровне электронную подпись для аутентификации заявителя в электронном виде. Конечно, на начальном этапе в виде одного или пары обращений, а через какое-то время и определенный круг документов. На наш взгляд, – это можно внедрить при оплате государственной пошлины за подачу заявления в приказном производстве, ведь практически любой руководитель большой организации имеет электронный ключ для подписи электронных документов и законодательством определена его ответственность за удостоверение им документа таким способом. Поэтому на законодательном уровне осталось только дать возможность заявителям предоставить право выбора отправки в суд платежного электронного документа об уплате государственной пошлины с электронной цифровой подписью, либо отправить почтой платежный документ на бумажном носителе, предварительно обратившись в обслуживающий банк для заверения платежного документа подписью и «синей» печатью банка.

Поэтому аутентификация лица, направившего обращение в суд в электронном виде, довольно важный момент.

В нашей стране, согласно ст. 25 Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [11], владелец личного ключа обязан:

- хранить в тайне личный ключ;
- обеспечивать защиту личного ключа от случайного уничтожения или модификации (изменения);
- не использовать личный ключ, если соответствующий ему открытый ключ отозван или срок действия этого открытого ключа истек;
- отозвать открытый ключ в случае, если тайна соответствующего ему личного ключа нарушена.

В случае неисполнения владельцем личного ключа обязанностей, указанных в части второй настоящей статьи, на него возлагается возмещение причиненного вследствие этого вреда.

Практическим решением для экономических судов Республики Беларусь предоставляется возможность закрепления в нормативной базе обязанности судов публиковать аудиозаписи судебных заседаний в сети «Интернет» – с целью повышения прозрачности судопроизводства.

Для того чтобы избежать случаев, когда судьи позволяют себе выражать эмоциональные высказывания «не для протокола», полагаем целесообразным ввести в ХПК Республики Беларусь положение, предоставляющее участникам судебного процесса возможность осуществлять аудио- и видеозаписи заседаний и отдельных процессуальных действий.

В Республике Беларусь необходимо совершенствовать процессуальное законодательство, вносить в него необходимые изменения, без которых вряд ли удастся создать электронное правосудие.

Полагаем, что для судов общей юрисдикции Республики Беларусь необходима крупномасштабная компьютеризация. Следует создавать единые банки судебных дел и актов, разрабатывать системы доступа к ним. На наш взгляд, целе-

сообразно было бы создать сервис для пробной подачи электронных документов по электронной почте. С этой целью нужно внести изменения в соответствующие положения Гражданского процессуального кодекса, которые закрепляют право истца выбрать вид отправки обращения (электронный или бумажный вид), как это закреплено сегодня в ХПК.

Наряду с позитивной ролью электронных сообщений в развитии электронного правосудия Республики Беларусь имеются и негативные моменты, а также появляются некоторые сомнения. Так, возникает вопрос, могут ли технологические возможности повлиять на качество судебных решений? М. А. Селезнева отмечает возможность появления существенных рисков, сказывающихся на качестве правосудия, связанных с электронными технологиями. Автор сомневается, например, в возможности обеспечить информационную безопасность. Речь идет о подделке электронных документов, направляемых в суд, что не представляет особых затруднений [12. С. 296].

По мнению И. А. Табак и Р. А. Мелкумян, при использовании системы видео-конференц-связи при проведении судебного заседания, в котором участвуют свидетели и другие участники судебного процесса, возникает риск дачи ложных показаний, поскольку ложные показания, как утверждают авторы, психологически давать намного проще не лицом к лицу с судьями, а по видеосвязи. Система видео-конференц-связи «может приводить к искажению фрагментов показаний и как следствие – их неверной интерпретации» [13. С. 131]. С. Ф. Афанасьев и М. Н. Зарубина в связи с этим справедливо полагают, что объективный и справедливый подход к каждой ситуации возможен лишь при живом взаимодействии участников процесса. Судопроизводство должно оставаться гуманным, учитывая, что его долг – это защита прав и законных интересов человека [1. С. 375].

В Республике Беларусь уже свыше пяти лет действуют «Банк данных судебных постановлений» и «Электронное судопроизводство». Разработка первого сервиса посвящена оперативному извещению сторон о принятых судом решениях. При использовании онлайн-доступа каждому зарегистрированному пользователю предоставляется возможность бесплатно ознакомиться с судебными постановлениями по экономическим делам.

Посредством электронного судопроизводства можно совершить подачу в экономический суд иска, жалобы, заявления, ходатайства в электронном виде. За данную услугу необходимо оплатить государственную пошлину через ЕРИП.

Использование данных ресурсов позволит также ознакомиться с расписанием (с предстоящими датой, местом и временем) судебных заседаний всех коллегий Верховного Суда, областных (Минского городского) и экономических судов Республики Беларусь [16].

Заключение. В результате проведенного исследования сделаны следующие **выводы.**

Сегодня можно с уверенностью констатировать достаточно быстрое развитие электронного правосудия в большинстве стран мира, в том числе и в Республике Беларусь, а также его совершенствование, поскольку появляются все новые и новые разработки и новые сервисы, происходит активное развитие

законодательства в этой сфере. В связи с этим можно прогнозировать дальнейшее развитие и совершенствование электронного правосудия в Республике Беларусь. Активно осуществляющийся технологический процесс не может оставить суды без своего влияния, да и сами суды не хотят и не должны оставаться в стороне от технологического процесса. Однако это не обязывает общество полностью переводить судебную систему на формат дистанционного правосудия. Полагаем, что наиболее целесообразным будет разумное сочетание онлайн-суда и очного правосудия.

Следует учитывать, что существует ряд проблем, которые негативно сказываются на использовании возможностей электронного правосудия. Это, прежде всего, недостаточная развитость законодательства об электронном правосудии в сфере экономических судов и полное его отсутствие в сфере общих судов.

Проблемы электронного правосудия нуждаются в более пристальном внимании со стороны общества и судов, в частности, поскольку оно способствует обеспечению прозрачности и доступности судебного делопроизводства. В первую очередь, надо создать надлежащую правовую базу в данной сфере. Для этого можно на базе общих судов, разрешить принятие электронных обращений, и, как в экономических судах, осуществлять прием заявлений для возбуждения приказного производства в электронном виде, поскольку для этого не требуется больших материальных вложений и специальных программных разработок.

В системе правосудия можно обязать государственные органы, например, такие, как прокуратура, налоговая служба (при обращении в суд за защитой государственных и общественных интересов), пользоваться только электронной формой подачи документов, учитывая наличие штата квалифицированных работников в этих государственных органах, необходимой компьютерной техники, и их деятельность в данном направлении стимулировала бы обеспечение внедрения и развитие в Республике Беларусь электронного правосудия.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф., Зарубина М. Н. О некоторых гарантиях реализации общеправовых принципов гражданского процесса в условиях цифровизации правосудия // Сборник научных статей. 2021. № 026. С. 375–382.
2. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97–104.
3. Бяширова Л. Д. Электронное правосудие // Молодой ученый. 2021. № 34 (376). С. 94–96.
4. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467–489.
5. Дышкова А. Т. Электронное правосудие в гражданском судопроизводстве: преимущества и недостатки // Молодой ученый. 2022. № 14 (409). – С. 165–167.

6. Ельчанинова Н. Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-elektronного-pravosudiya-pravovye-problemy-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Зарубина М. Н., Новикова М. М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. С. 5–11.
8. Ловцов Д. А., Ниесов В. А. Правовая информатика в сфере электронного судопроизводства // Правовая информатика. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-informatika-v-sfereelektronного-sudoproizvodstva> (дата обращения: 10.09.2022).
9. Носков И. Ю. Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. 2011. № 10. С. 120–122.
10. Об электронном документе: Закон Республики Беларусь от 10.01.2000 № 357-5. ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
11. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 113-З: принят Палатой представителей 4 дек. 2009 г.; одобрен Советом Респ. 11 дек. 2009 г. (ред. от 8 ноября 2018 г.) // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
12. Селезнева М. А. Актуальные проблемы развития электронного правосудия в гражданском процессе // Эволюция российского права: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 27 апреля 2018 г. С. 296–298.
13. Табак И. А., Мелкумян Р. А. Электронное сопровождение гражданского судопроизводства как инструмент оптимизации деятельности судов на пути к становлению электронного правосудия в Российской Федерации // Сборник научных трудов. 2018. Вып. 6. С. 130–136.
14. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь 15 декабря 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г.; одобрен Советом Республики 26 ноября 1998 г. (ред. от 29.05.2021) // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
15. Электронное правительство в Беларуси: этапы формирования. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/elektronное-pravitelstvo-v-belarusi----etapyformirovaniya/> (дата обращения: 12.09.2022).
16. Электронное судопроизводство. URL: <https://www.fkp.by/elektronное-sudoproizvodstvo/> (дата обращения: 12.09.2022).
17. Ярков В. В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2016. № 41. С. 145.

А. Ю. Мохова,

кандидат политических наук, доцент,
Высшая школа международных отношений,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В. П. Демидов,

кандидат философских наук, доцент, Высшая школа юриспруденции
и судебно-технической экспертизы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Е. Долженкова,

кандидат политических наук, доцент, Высшая школа юриспруденции
и судебно-технической экспертизы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Реализация прав и свобод личности в настоящий период времени успешно осуществляется в том числе и в цифровом пространстве. Развитие информационных технологий активно влияет на объективные условия жизнедеятельности людей и ставит новые вызовы перед органами государственной власти в области правового регулирования прав и свобод личности с учетом тенденций всеохватывающей цифровизации. В данной статье актуализируются вопросы конкретного воплощения индивидуальных прав и свобод в условиях современной России исходя из концепции построения развитого гражданского общества, что выдвигает проблемы создания эффективных правовых механизмов, затрагивающих область цифровых технологий и создающих комплекс гарантий для защиты прав и свобод человека и гражданина в новых социально-технологических обстоятельствах. Особенностью данного исследования является комплексный подход к разработке вопросов использования цифровой среды в области практического применения конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, права и свободы, личность, субъекты, цифровая среда, реализация прав и свобод

REALIZATION OF RIGHTS AND FREEDOM IN THE PERIOD OF DIGITALIZATION

Abstract. The implementation of the rights and freedoms of the individual in the present period is successfully carried out, including in the digital space. The development of information technologies actively affects the objective conditions of people's life and poses new challenges to public authorities in the field of legal regulation of the rights and freedoms of the individual, taking into account the trends of all-encompassing digitalization. This article actualizes the issues of the concrete embodiment of individual rights and freedoms in the conditions of modern Russia, based on the concept of building a developed civil society, which puts forward the problems of creating effective legal mechanisms affecting the field of digital technologies and creating a set of guarantees

for protecting the rights and freedoms of man and citizen in new social – technological circumstances. A feature of this study is an integrated approach to the development of issues of using the digital environment in the field of practical application of constitutional rights and freedoms.

Keywords: Law, Digital technologies, Rights and freedoms, Personality, subjects, Digital environment, Realization of rights and freedoms

Введение. Современная человеческая цивилизация находится в периоде значительных преобразований многих отраслей деятельности общества, что объективно связано с большими изменениями, происходящими в сфере бурного технологического прогресса. То есть человек сталкивается с новыми вызовами, которые так или иначе значительно влияют на привычные области жизнедеятельности миллионов граждан различных государств на всем земном шаре. Информационная революция, происходящая в течение нескольких последних десятилетий, коренным образом меняет привычное представление о сложившихся традиционных отношениях между людьми и вызывает совершенно неожиданные последствия, оказывающие деформационные эффекты на привычные сферы общественной активности в производственной, культурной, научной, социальной и экологической областях. Данный процесс приобретает лавинообразный характер и специалисты, занятые прогнозированием важнейших граней существования человеческого социума, не могут с необходимой достоверностью предусмотреть те перемены, которые затрагивают наиболее значимые стороны социально-культурного бытия человека. Одним из важнейших воздействующих факторов современного технологического процесса на жизнь каждого члена общества является создание цифровой среды как эффективного способа использования передовых информационных достижений в рамках привычных отношений, складывающихся между людьми, юридическими лицами, государством.

Учитывая вышесказанное следует отметить, что такие технологические преобразования повседневной социальной активности не могут не оказать влияния на основные концепты прав и свобод личности, так как совокупность этих правомочий является краеугольным камнем развития современного демократического гражданского общества.

Основная часть. Рассматривая проблематику реализации прав и свобод личности в современный период времени, можно выделить несколько ключевых аспектов, обусловленных особенностями развития информационных технологий, существенно влияющих на осуществление любых видов прав и свобод (6).

Необходимо отметить, что личные права и свободы граждан любого государства испытывают деформационное воздействие со стороны новых достижений в области обработки, использования и передачи больших объемов сведений о разнообразных сторонах индивидуальной жизнедеятельности каждого человека [4. С. 89]. Данное обстоятельство является вектором, обуславливающим направление изменений в освоении личностью своих прав в рамках информационного пространства, в котором мы все присутствуем тем или иным образом.

Рассуждая о личных правах и свободах человека, следует, прежде всего, обратить внимание на тот объем возможностей, предоставляемых цифровыми тех-

нологиями каждому члену общества в осуществлении своих индивидуальных особенностей в конкретных сферах социально-экономической активности.

Во-первых, широкое применение цифровых подходов в образовании позволяет значительно большему количеству населения получить достаточно системные знания используя передовые технологии в области компьютерной техники и повсеместного внедрения Интернета в повседневную жизнь [2. С. 34].

Во-вторых, у каждого человека существенно расширяется поле выбора тех или иных видов деятельности в связи с фактом расширения доступа к информации, которая может представлять интерес для того ли иного члена общества исходя из его индивидуальных качеств.

В-третьих, наши современники, особенно представители молодого поколения, не представляют свою жизнь без использования технических средств, позволяющих им погрузиться в цифровую среду.

Вышеперечисленные аспекты жизнедеятельности существенно влияют на выработку поведенческих моделей и стереотипов. Этот фактор ярко проявляется в процессах воздействия на массовое сознание, особенно представителей молодежи, со стороны как государственных органов власти, так и различных социально-политических образований, то есть партий, общественных движений, неформальных сообществ [5, С. 4]. Поэтому представляется актуальным разработать комплекс эффективных правовых приемов и способов, позволяющих регулировать наполнение контента, как одного из важнейших элементов процесса цифровизации, влияющего на массовое сознание. Общество не может быть безразличным к тому, какие сведения и установки через информационные сети становятся доступными для миллионов пользователей электронных информационных ресурсов. Потому что влияние на мыслительную деятельность человека с учетом мощи современных процессов цифровизации может вызвать абсолютно негативную реакцию значительной аудитории на те или иные события или решения, принимаемые органами власти и местного самоуправления.

В этой связи представляется актуальным, чтобы правовые ограничения, применяемые со стороны государственной вертикали власти по отношению к информационным потокам, носящим негативный характер, были достаточно адекватными и учитывали специфику использования цифровой среды. В качестве примера можно проанализировать факты применения уголовно-правовых мер воздействия в прошлом десятилетии, в том числе в соответствии со ст. 282 УК РФ [1], к лицам, в поступках которых законодателем формально усматривались признаки состава преступления, что повлекло существенный рост уголовно-наказуемых деяний, к причастности в каковых было признано большое количество граждан Российской Федерации в связи с неприспособленностью уголовно-правового регулирования к сети «Интернет». То есть фактически их действия не несли значительной общественной опасности как обязательного признака уголовно-наказуемого деяния и данное обстоятельство не было объективно учтено при принятии указанной редакции статьи Уголовного кодекса.

Однако следует отметить, что высшие органы власти довольно оперативно среагировали на негативную массовую реакцию со стороны широкой обществен-

ности и частично декриминализировали текст статьи 282 УК РФ. Тем самым органы государственной власти в правовой плоскости предприняли шаги, необходимые для изменения законодательства исходя из объективной реальности.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в области реализации гражданами нашей страны такого концептуально важного права человека, как свобода слова, можно отметить, что внедрение передовых информационных технологий в повседневный быт населения повлекло за собой проявление новых факторов, ранее не свойственных жизнедеятельности общества [3. С. 62].

Массовое использование сети «Интернет», социальных коммуникаций, а также сотовой связи с применением новейших телекоммуникационных средств, повлекло за собой взрывной рост информации, затрагивающей любые аспекты политической, социальной, культурной, экономической активности населения, что существенно повлияло на возможность каждому человеку выразить свое отношение к событиям, фактам реальной действительности путем использования цифровых технологий в любой момент времени.

Так как все члены социума обладают разнообразными индивидуальными качествами, в социальных сетях можно наблюдать абсолютную разногласию мнений по тем или иным обстоятельствам, проявляющимся в повседневной жизнедеятельности органов власти, должностных лиц, различных общественных организаций. Очень часто на одно и то же событие граждане государства реагируют совершенно различно, что является конкретным воплощением свободы слова. Ведь любой человек может, используя передовые информационные достижения, разместить свои высказывания в социальных сетях, что делает их доступными для неограниченного количества лиц. Можно наблюдать, что даже те члены общества, которые не обладают специальными познаниями в определенных отраслях экономики, социальной сферы, экологии, выступают с категорическими предложениями, имеющими весьма слабую, отдаленную связь с реалиями, сложившимися в той или иной области активности социума. Данное обстоятельство, с одной стороны, выступает в качестве канала взаимодействия между политико-властными структурами и гражданами, представляющими разнообразные социальные общности, с другой стороны, оно делает потенциально возможным массовую негативную реакцию на до конца не взвешенную социальную политику государства при разрешении вопросов, имеющих актуальное значение для большого количества представителей населения.

Освоение цифровых технологий не только имеет положительное значение для расширения объема личных прав человека, но и оказывает явно выраженное негативное влияние на реализацию индивидуальных свобод личности. В информационном пространстве остаются на неопределенное время следы практической деятельности любого субъекта, в контенте которых можно собрать строго конфиденциальную информацию, характеризующую определенные личные грани гражданина, что создает предпосылки для эксплуатации сведений личного характера в целях, противоречащих реализации различных личных прав в современном социально-цифровом пространстве. Такие факты носят массовый характер, периодически происходят острые конфликты, нередко эти ситуации вызывают длительное разбирательство в судебных инстанциях и приводят к применению штрафных санкций.

Данное обстоятельство объективно требует совершенствования правовых механизмов, используемых для регулирования процессов цифровизации разнообразных областей жизнедеятельности населения

В Российской Федерации в связи с государственной программой цифровизации важнейших отраслей экономики, социальной, научной сферы, государственного управления, влияние информационных технологий существенно возросло в первые десятилетия XXI в. Российское общество столкнулось с проблемой обеспечения гарантированности прав и свобод личности, так как широкое применение цифровых приемов и способов объективно влияет на сохранение границ индивидуального информационного пространства, что является неременным атрибутом подлинно демократического гражданского общества.

Бурный прогресс современных технологий в нашей стране объективно вызывает увеличение возможностей вмешательства со стороны властных структур в личностное пространство.

Рассматривая вопросы защиты прав и свобод личности в связи с широким распространением цифровых технологий, следует сказать, что российское законодательство существенно отличается от нормативно-правовых подходов, реализуемых в многочисленных законодательных актах ведущих стран мира, посвященных данной актуальной проблематике в современных условиях социально-культурного бытия.

Вероятно, это связано, в первую очередь, с тем, что как не прискорбно, наша страна в определенной степени отстает от нескольких десятков государств мира, в развитии которых применение цифровых методов и приемов освоения информационного пространства занимает гораздо больший объем в рамках сложившихся общественных отношений. Данное обстоятельство объективно отражается на уровне разработанности нормативно-правовых актов в Российской Федерации в сфере применения передовых информационных подходов в разнообразных отраслях деятельности нашего общества в начале XXI столетия.

Осуществление прав и свобод человека с учетом фактора глобальной цифровизации многих аспектов общественных отношений сталкивается с совершенно неожиданными проблемами, ранее которых не могло быть в пространстве социальной активности членов общества, в связи с чем государства вынуждены обращать пристальное внимание на данные вопросы, используя при этом властные полномочия по разработке и введение в действие нормативно-правовых актов, способных урегулировать актуальные проблемы данной сферы взаимоотношений между различными субъектами.

Если рассматривать такие права человека как возможности заниматься предпринимательской деятельностью, то очевидно, что применение цифровых технологий значительно расширяет перечень видов хозяйственно-экономической активности любого гражданина, обладающего необходимыми знаниями в этой области. Цифровизация позволяет усилить взаимодействие между различными лицами, участвующими в процессе создания единого вида продукции. Однако, с другой стороны, использование информационных технологий в производственных операциях, создает реальные предпосылки для конкурирующих хозяйственных субъектов, чтобы без каких-либо законных правовых оснований почерпнуть важнейшие элементы техно-

логических и организационных процедур, что негативно сказывается на конкурентоспособности продукции, созданной с применением цифровых приемов и способов.

Следует сказать, что широкое распространение цифровизации в разных областях современной жизни граждан Российской Федерации объективно способствует более эффективному использованию своих социальных прав любым рядовым членом общества. Достаточно отметить, что повсеместное создание многофункциональных центров на всей территории нашего государства значительно упростило порядок обращения населения для конкретного решения актуальных вопросов в определенные моменты жизни. Данное обстоятельство позволяет гражданам государства, не тратя значительное время на получение тех или иных услуг, достаточно полно удовлетворить свои запросы в конкретных областях социальной действительности. В качестве примеров такого положительного воздействия процессов цифровизации на индивидуальную жизнедеятельность человека, можно привести факты очень быстрого получения различных юридически значимых документов, в том числе паспорта, что позитивно отражается на социальной активности каждого члена общества. Однако массовое использование в повседневной жизни таких процедур цифрового порядка несет в себе опасность, что к сведениям, характеризующим того или иного индивидуума, могут получить доступ лица, которые в определенных ситуациях приобретают возможности использовать незаконно полученные индивидуальные данные во вред конкретной личности.

Заключение. Подводя итоги изложенного выше, можно прийти к следующим выводам. Современная эпоха развития человеческого общества объективно подвела к широкому внедрению цифровых технологий в обыденную жизнь сотен миллионов людей, что наложило значительный отпечаток на все грани социального, экономического, культурного, политического бытия граждан Российской Федерации. Цифровизация в различных аспектах повседневной действительности позитивно влияет на реализацию прав и свобод каждого индивидуума нашей страны, что является последовательным эволюционным шагом в осуществлении конституционных правомочий, закрепленных законодательством нашей страны в основном документе. Однако наряду с положительным влиянием на комплексное использование прав и свобод человеком и гражданином на территории России, нельзя закрывать глаза на некоторые негативные элементы использования цифровых технологий в рамках общественных отношений, характерных для двух десятилетий XXI в. Поэтому для снижения отрицательного воздействия широкой информатизации общественной жизни государству необходимо принять ряд нормативно-правовых актов, ставящих целью защиту индивидуальных прав и свобод от незаконного вмешательства со стороны других юридических и физических лиц, а также от влияния со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.08.2022).
2. Валова Ю. И. Цифровизация современного общества // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. 2021. С. 34–39.

3. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Свобода слова в процессе цифровизации // Право и информация: вопросы теории и практики. 2021. С. 61–70.
4. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. № 9 (178). С. 88–101.
5. Тихомиров Ю. А. и др. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. №. 2. С. 4–23.
6. Чернышева Ю. А. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2019. Том 9, № 4. С. 90–102. doi:10.17759/psylaw.2019090407 (дата обращения: 17.08.2022).

С. А. Муратаев,

кандидат юридических наук,

Ташкентский государственный юридический университет

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются меры по упорядочению оценивания эффективности деятельности органов государственного управления путем широкого применения информационных технологий. Была предпринята попытка по обоснованию понятия сервисного государства и направленности публичной власти на удовлетворение интересов граждан. Приведены результаты некоторых ранее проведенных исследований по эффективности государственного управления путем развития электронного правительства и индикативного подхода деятельности публичного управления. Критически проанализированы некоторые нормативно-правовые акты Узбекистана, что, по мнению автора, позволит выявить проблемные моменты внутреннего законодательства страны.

Ключевые слова: эффективность деятельности государственного управления, цифровые технологии, теория правового государства, государственная служба, индикаторы эффективности, принципы деятельности органов публичного управления, принципы открытости, прозрачности и подотчетности

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN LEGAL REGULATION EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF STATE ADMINISTRATION BODIES IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The article discusses measures to streamline the evaluation of the effectiveness of public administration through the widespread use of information technology. An attempt was made to substantiate the concept of a service state and the orientation of public power to meet the interests of individuals. The results of some previously conducted studies on the effectiveness of public administration through the development of e-government and an indicative approach to public administration

activities are presented. Some of the legal acts of Uzbekistan are critically analyzed, which, in the author's opinion, makes it possible to identify problematic aspects of the country's domestic legislation.

Keywords: The efficiency of public administration, Digital technologies, Theory of the rule of law, Civil service, Indicators of efficiency, Principles of public administration, Principles of openness, Transparency, Accountability

Согласно договорной теории происхождения права и государства, основателями которого являются такие мыслители Нового времени, как Джон Локк, Луи Монтескье, Томас Гоббс и другие, право и само государство в целом формируются на основании общественного договора. То есть между наиболее способными, интеллектуально одаренными и владеющими организаторскими навыками слоями населения и всем остальным обществом заключается некий договор, коими в современных условиях являются конституции, декларации и законы.

Образно говоря, это тот же самый договор, где в частном праве две стороны договариваются, например, об оказании услуг, а другая сторона – о потреблении этих услуг. В нашем примере потребителями является народ, общество. Следовательно, как заказчик, народ имеет право требовать своевременность и качество оказания этих услуг, так как это прописано в договоре, т. е. в Конституции, в статье 2: «Государство выражает волю народа, служит его интересам. Государственные органы и должностные лица ответственны перед обществом и гражданами». Или же другая статья «договора» гласит, что «Каждый имеет право, как отдельно, так и сообща с другими лицами, обращаться с заявлениями, предложениями и жалобами в компетентные государственные органы, учреждения или к народным представителям» [1].

В современных условиях, все развитые и быстро развивающиеся страны относят себя и свою правовую систему естественным образом к договорной теории происхождения права, так как они олицетворяют интересы народа. Следует не забывать, что существуют и другие теории «диагностирующие» истоки происхождения права в том или ином обществе, такие как марксистская теория, теория насилия или расовая теория. Если придерживаться оптимистического настроения, то сегодня почти все страны декларируют демократию, права человека и другие благие намерения, и таким образом, по логике вещей, все они должны выстроить с помощью цифровых технологии прозрачную, объективную и подотчетную систему государственной власти и управления, основываясь на праве. Как утверждает известный русский ученый Ю. А. Тихомиров: «Уроки истории и современный опыт учат: от эффективного правового обеспечения управления во многом зависят результаты управленческой деятельности, следовательно, и развития экономики и социальной сферы» [9. С. 8].

В Узбекистане в настоящее время идут начальные попытки применения на деле вышеперечисленных демократических принципов. Так, в 2014 г. был принят Закон «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления», основной задачей которого является обеспечение доступа физических и юридических лиц к информации о деятельности органов государственной власти и управления. Был принят ряд норм, регулирующих вопросы парламентского

контроля, общественного контроля, противодействия коррупции, об электронном правительстве, электронном документообороте, административных процедурах. Кроме того, в новой редакции были приняты Закон об обращении физических и юридических лиц и многие другие нормы. Один из недавно принятых норм (принятия этого закона узбекская интеллигенция ждала почти четверть века) – Закон «О государственной гражданской службе», в статье 3 второй части которого перечислены ряд государственных служб, к которым не применяются нормы данного закона.

Все эти нормы направлены на обеспечение практического воплощения в жизнь принципов прозрачности, объективности и подотчетности системы государственной власти и управления в стране. В 2017 г. цифровая революция в глобальном масштабе преодолела знаменательный рубеж – к Интернету подключился каждый второй житель Земли [5. С. 23]. Внедрение информационных технологий, развитие гражданского общества, ужесточение требований потребителей к качеству предоставляемых услуг обусловило понимание необходимости повышения эффективности управленческого процесса, заинтересованность бюрократии в конечных результатах своей деятельности. Более того, субъекты – получатели публичных услуг (население, бизнес-структуры, институты гражданского общества) – стали требовать больше подконтрольности и подотчетности государственных структур [7. С. 28]. Однако, как показывает практика по индексу развития электронного правительства, несмотря на имеющийся потенциал, Узбекистан занимает по результатам 2020 г. 87 место [10] в мире, уступая в диджитализации соседнему Кыргызстану и Казахстану. Субъективно считаем это неприемлемым для страны, имеющей такой большой человеческий и ресурсный потенциал. Следовательно, нормы, принятые в пакете законов, остаются в бездействии и малоэффективны. Следует критически проанализировать эти нормы и попытаться найти реальные причины принятия подобных законов без соответствующих прогнозных показателей. Полагаем, что для повышения рейтинга страны в индексе электронного правительства нужна не столько средства, сколько воля и незамашированное желание обеспечить действительную прозрачность деятельности органов государственного управления путем развития цифровых технологий.

Как показывает мировая практика, пишет И. И. Смотрицкая, электронное правительство вносит значительный вклад в повышение эффективности государственного управления [8]. В последние два десятилетия вопросы повышения эффективности государственного управления выступают особым направлением научных исследований, итоги которых определяют принципы формирования новых моделей государственного управления. В первую очередь, это парадигма Нового государственного управления (new public management, далее – NPM), которая определяет государство как механизм сервисных функций, следовательно, деятельность государственных служащих сводится к оказанию услуг населению. И еще более поздняя – «Достойное управление» (good governance, далее – GG), означающая переход от понимания управления как исполнения функций к управлению как цепочке взаимоотношений государства и граждан: граждане принимают участие в принятии управленческих решений.

В повышении эффективности государственного управления каждый его элемент должен оказать направляющее воздействие на остальные органы как единый организм, в противном случае из-за дублирования функции друг другу и чрезмерного расширения управленческого аппарата оно запросто может парализовать себя, что в итоге может привести к нарушению обратной связи с населением. Так, за выполнением требований трудовых норм в органах управления, должно строго следить Министерство занятости и трудовых отношений, за выполнением экономического расхода средств внутри управленческой системы – Министерство финансов и так далее. В свою очередь, Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций должно контролировать развитие электронного взаимодействия не только между публичной властью и частной сферой, но и обеспечить внутреннее взаимодействие и подконтрольность, своего рода checks and balances, т. е. принцип сдержек и противовесов между органами государственного управления. Так, в случае не создания или же не функционирования на должном уровне требований об открытости и прозрачности деятельности определенного органа государственного управления у Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций должны быть соответствующие «рычаги» воздействия.

Однако, ни Закон «Об электронном правительстве», ни Положение о Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан не закрепили в себе норму о контроле органов управления по реализации общегосударственной политики по развитию информационных технологий. В Законе «Об электронном правительстве» предписано лишь то, что Уполномоченный орган в области электронного правительства в пределах своих полномочий:

- координирует деятельность государственных органов в области электронного правительства;
- осуществляет мониторинг в области электронного правительства, формирует и обрабатывает отчетные материалы об оказании электронных государственных услуг, а также при межведомственном электронном взаимодействии [2].

Вышеперечисленные полномочия Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций самые действенные по отношению к самой системе государственного управления.

В Положении о Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан, утвержденного Постановлением Кабинета Министров от 1 мая 2018 г., не установлена единая норма о полномочиях по воздействию в случае невыполнения или несвоевременного выполнения другими элементами государственного управления требований законодательства по цифровизации и расширению возможности электронного правительства. Контроль за реализацией политики по развитию информационных технологий в основном направлен на частные субъекты. Так, Министерство осуществляет следующие функции:

- лицензирование и контроль за деятельностью юридических лиц в области телекоммуникаций;

– организует мониторинг и контроль за соблюдением операторами, провайдерами почтовой связи правил внутреннего контроля за противодействием легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и финансированию терроризма посредством Инспекции по контролю в сфере связи, информатизации и телекоммуникационных технологий при Министерстве [4].

Иными словами, взаимодействие органов государственного управления по оказанию помощи населению в реальности функционирует не на должном уровне и бесконтрольно, т. е. не являются самокритичным и не совсем соответствует лозунгу «не народ должен служить государственным органам, а государственные органы должны служить народу» [11], который стал лозунгом последних лет. По крайней мере, в области развития информационных технологий наблюдается данный факт.

По аналогии права следует привести в качестве примера тот факт, что у Министерства юстиции имеются «рычаги» воздействия на другие министерства и ведомства. В случае введения в действие должностными лицами министерств, государственных комитетов и ведомств нормативно-правовых актов, не прошедших государственную регистрацию, Минюст уполномочен самостоятельно оформить протокол и наложить штраф в размере от семи до десяти базовых расчетных величин и от десяти до пятнадцати базовых расчетных величин в случае повторного действия в течение года после применения мер воздействия [3]. Конечно, нельзя назвать санкционную часть данной нормы эффективной и действенной. Однако сам факт существования реально действующей санкции по отношению к элементам самой системы, способствует снижению правонарушений в указанной сфере.

Другим примером служат полномочия Министерства финансов и его территориальных подразделений по выявлению нарушений порядка представления бюджетного запроса, смет расходов и штатных расписаний на регистрацию, а также финансовой отчетности и отчетов об исполнении бюджетов государственных целевых фондов. Другим «рычагом» главного финансового ведомства страны является выявление нарушений порядка обеспечения открытости бюджетного процесса.

Однако далеко не все органы управления имеют полномочия такого рода воздействия. Большинство имеющихся подобных «рычагов» воздействия на органы управления относятся к правоохранительным органам или тесно взаимодействующим с ними органам. Истоки подобного подхода присущи старой изжившей себя социалистической правовой системе, в условиях которой формировались и развивались органы исполнительной власти многих стран СНГ. В современных же условиях, когда процессы глобализации успели приобрести неотвратимый характер и на первое место выходит задача овладеть сознаниями людей, нежели территориями или какими-либо объектами.

Следовательно, любая современная публичная власть должна стремиться выработать критерии своей деятельности, индикаторы эффективности выполнения своих задач перед обществом. Однако эти критерии эффективности должны быть научно обоснованными, направить деятельность публичных органов управления на удовлетворение потребностей людей, а не для отчетности и уж тем более

не для того, чтобы она превратилась в «эффект кобры» [12]. Как в выработке действенных индикаторов эффективности в деятельности органов государственного управления, так и в отслеживании их выполнения, могут помочь цифровые технологии. Поэтому полагаем, что главный государственный уполномоченный орган в развитии цифровизации в стране, т. е. Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций, должен быть наделен соответствующими полномочиями в функционировании онлайн-системы отслеживания изменений процентного (промилле) изменения индикаторов эффективности деятельности органов государственного управления. Однако главная проблема заключается в выработке эффективных индикаторов эффективности. Как отмечают исследователи Э. Сидоренко, И. Барциц и З. Хисамова, механизм расчета индексов заключается в том, чтобы сначала найти критерии, отражающие эффективность электронного правительства, а затем создать систему оценки по каждому из этих критериев для преобразования данных, собранных из несоизмеримых критериев, в числовые значения, которые имеют одинаковую основу для сравнения. Затем каждому критерию присваивается вес, представляющий относительную важность, для получения взвешенной суммы, отражающей общие показатели каждой страны в отношении развития электронного правительства [6].

Следует подчеркнуть, что в мире пока отсутствует единая модель по измерению эффективности деятельности государственного управления, хотя данная тематика начала изучаться и с небольшим успехом была применена в Европейских странах в 80–90-х гг. прошлого столетия (выше мы упоминали их как New Public management (NPM) и Good governance (GG)). Так, на платформе эффективности правительства Великобритании («Predictiv») представлены значения показателей, характеризующих оказание государственных услуг. Каждая услуга оценивается на основе четырех показателей:

- 1) средняя стоимость транзакции;
- 2) доля заявителей, успешно получивших результат услуги;
- 3) общее число граждан, обратившихся за услугой;
- 4) уровень цифровизации.

Примечательно, что аналогичные показатели используются и для оценки предоставления государственных услуг на платформе результативности в Австралии. В Соединенных Штатах также используется специальное программное обеспечение (USA Performance) для оценки эффективности профессионализма государственных служащих федеральных служб.

Так, и для нового Узбекистана, полагаем, настало время, исходя из своих национальных интересов, выработать индикаторы эффективности деятельности органов государственного управления, коль отсутствуют универсальные индикаторы эффективности, которые можно было бы позаимствовать без особых затрат и исследований. И в этом процессе, как выше было подчеркнуто, нужно широко использовать возможности информационных технологий по внедрению и оперативному обновлению, а также отслеживанию динамики изменения этих индикаторов. При этом очень важно создать такую систему, где можно будет минимизировать человеческий фактор и влияние самого оцениваемого органа государственного

управления на процесс отражения объективной оценки на общедоступной платформе www.gov.uz или на специально созданной платформе. Справедливости ради, надо отметить, что кое-какие шаги предпринимаются в области выработки измерения эффективности органов публичного управления. Но все они, во-первых, отражены в подзаконных актах и, во-вторых, разработаны бессистемно и без учета фокуса на органы управления как на единое целое. Поэтому предлагаем воспользоваться возможностями информационных технологий через «рычаги» Министерства по развитию информационных технологий и коммуникаций.

Однако для выполнения такой общенациональной задачи Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций должно быть укомплектовано квалифицированными и добросовестными кадрами, отвечающими принципам меритократии, что подразумевает прежде всего реформирование государственной службы. Тут своего рода «палка о двух концах». Стоит отметить, что по Положению о Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций «оценка эффективности и результативности Министерства основывается на критериях оценки и рабочих индикаторах эффективности и результативности деятельности Министерства, утверждаемых руководителем курируемого комплекса Кабинета Министров Республики Узбекистан». Однако данная работа не ведется либо ведется с нарушением указанного Положения.

В положении предусмотрено, что порядок и методика оценки эффективности и результативности деятельности Министерства определяются законодательством, но, мы полагаем, на сегодняшний день пока не выработаны определенные порядок и методика оценки эффективности и результативности, доступные широкой общественности.

В ходе нашего исследования мы направили электронное обращение на имя Министра по развитию информационных технологий и коммуникаций в целях получения эмпирических данных на основании разработанных индикаторов эффективности министерства, а также сведений о результативности ведомства за 2019–2021 гг. Однако не получили ни положительного, ни отрицательного ответа, хотя прошли все установленные законодательством сроки по предоставлению ответа на обращение граждан.

Таким образом, по результатам нашего исследования мы пришли к промежуточным выводам, что ни в одном ведомстве страны пока не выработаны индикаторы эффективности деятельности, несмотря на установленные предписания в их Положениях.

Подытоживая все вышеперечисленные факты и доктринальные мнения, считаем, что в Узбекистане пока еще не утвердилась единая и слаженная система органов государственного управления, отвечающая принципу сервисного государства перед обществом, что может негативно сказаться в достижении обозначенных целей в недавно принятой Стратегии развития страны. Несмотря на принятие ряда законов, слабо разработаны правовые основы взаимодействия и взаимоконтрольности органов управления, что снижает уровень прозрачности и подотчетности перед населением.

Данный подход в государственном управлении, на наш взгляд, в среднесрочной перспективе может привести к большей дискредитации государственного управления в глазах общественности и снижению экономики страны.

Во избежание подобной нежелательной перспективы полагаем важным принять ряд мер как организационного, так и правового комплексного характера. Так, на высшем правовом (законодательном) уровне разработать основные базовые вопросы по выработке приемлемых для Узбекистана индикаторов эффективности деятельности органов государственного управления, где будут отражены исчерпывающие ответы на такие вопросы, как:

- цель закона, т. е. формирование эффективно действующего органа государственного управления;
- задачи закона, т. е. удовлетворение законных интересов населения, обеспечение эффективного взаимодействия органов государственного управления, обеспечение экономии затрат, сил и средств и др.;
- принципы по выработке индикаторов эффективности, например, такие как принцип законности, соразмерности, направленности на общественное благо и другие;
- степень важности индикаторов, такие как первая, вторая и третья группы индикаторов;
- сроки действия индикаторов.

В этой связи считаем, что для достижения той или иной цели индикаторы должны быть стабильными и, как правило, в течение пяти лет оставаться неизменными.

В целом, Закон можно именовать «Об индикаторах эффективности и оценки их достижимости органами государственного управления», где также будут предусмотрены правовые последствия в случае неисполнения установленных параметров и наоборот. Следует учесть, что в случае не выполнения ответственными лицами индикаторов эффективности в установленный срок не увольнять их из государственной службы, а применять ротацию в регионы или понижать в должности, дабы беречь кадры. Тем самым государственные служащие должны иметь «второй шанс» на проявление себя после накопления достаточного опыта.

Надо подчеркнуть, что разработку начального проекта данного закона нельзя поручать самим органам государственного управления, как это подразумевается на нормотворческой практике Узбекистана. В разработке должны принять решающую роль негосударственные некоммерческие организации, представители международных организации, ученые и эксперты высших учебных и научных заведений и средства массовой информации.

Список литературы

1. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/35869> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Закона Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» от 9 декабря 2015 г. № ЗРУ-395. URL: <https://lex.uz/ru/docs/2833855> (дата обращения: 12.09.2022).

3. Кодекс об административной ответственности Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/97661#2392706> (дата обращения: 12.09.2022).
4. Положение о Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан утвержденного Постановлением Кабинета Министров от 1-мая 2018 г. № 318.
5. Барциц И.Н. Развитие потенциала государственного потенциала управления в России: Правовые условия и критерии эффективности. С. 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-potentsiala-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-pravovye-usloviya-i-kriterii-effektivnosti> (дата обращения: 09.09.2022).
6. Сидоренко Э, Барциц И., Хисамова З. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2.
7. Смотрицкая И. И., Черных С. И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 23.
8. Смотрицкая И. И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски // Цифровая экономика. 2018. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10037
9. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М., 2007. С. 8.
10. Рейтинг стран по уровню развития электронного правительства. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/e-government>. (дата обращения: 08.09.2022).
11. Реформирование системы государственного управления. URL: https://minjust.uz/ru/library/own_publications/71169/ (дата обращения: 08.09.2022).
12. Эффект кобры описывает, как стимулы, предназначенные для улучшения системы, могут привести к непредусмотренным – а иногда и к извращенным – последствиям, которые могут усугубить проблемы, а не исправить их. URL: <https://tospeople.com/2022/05/effekt-kobry/> (дата обращения: 07.09.2022).

Д. У. Мухамеджанова,

Заместитель директора Высшей школы права,
Университет КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева

БИОМЕТРИЧЕСКАЯ АУТЕНТИФИКАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРАКТИКОЙ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В данной статье проведен анализ законодательства Республики Казахстан по части сбора и защиты биометрических данных, дактилоскопической и геномной регистрации. Рассмотрены примеры применения биометрической аутентификации в мировой практике, а также некоторые виды утечек персональных данных, угроз информационной безопасности и приватности. Также рассмотрена практика использования систем биометрической идентификации в Казахстане и практика применения международных стандартов в области биометрической идентификации в целях предотвращения нарушений прав человека. В заключении

представлены рекомендации по снижению рисков, связанных с угрозами утечек чувствительной информации, указаны пробелы действующего законодательства, отсутствие отдельного закона о защите биометрических данных в Республике Казахстан и другие аспекты, связанные с пробелами регулирования биометрических данных.

Ключевые слова: идентификация, биометрическая аутентификация, биометрические данные, приватность, персональные данные, неприкосновенность частной жизни

BIOMETRIC AUTHENTICATION IN KAZAKHSTAN AND RISKS ASSOCIATED WITH THE PRACTICE OF ITS APPLICATION

Abstract. This article will analyze the legislation of the Republic of Kazakhstan regarding the collection and protection of biometric data, fingerprint and genomic registration. The article will consider examples of the use of biometric authentication in the world and some types of personal data leaks, threats to information security and privacy. The practice of using biometric identification systems in Kazakhstan and the practice of applying international standards in the field of biometric identification in order to prevent human rights violations will also be discussed. In conclusion, recommendations to reduce the risks associated with the threats of leaks of sensitive information, the gaps in the current legislation, the absence of a separate law on the protection of biometric data in the Republic of Kazakhstan and other aspects related to the gaps in the regulation of biometric data will be indicated.

Keywords: Identification, Biometric authentication, Biometric data, Personal data, Privacy

Введение. Биометрическая идентификация, производимая при помощи биологических признаков субъекта, используется в различных сферах: при получении государственных услуг; документов, удостоверяющих личность с привязкой к биометрическим данным; паспорта с поддержкой NFC; цифровых документов; при установлении камер с функцией распознавания лица; проведении платежных операций, бесконтактной оплаты и др. Идентификация личности при помощи биометрии существенно повысила эффективность процесса экономии затрат, предотвращения мошеннических операций и коррупции, раскрытия преступлений, криминалистических расследований, она способствует расширению функций, направленных на упрощение и оптимизацию получения услуг.

В 2016 г. был принят Закон Республики Казахстан «О дактилоскопической и геномной регистрации», дата вступления в силу, которого было запланирована на 1 января 2021 г. [1]. Однако начало действия данного закона в части дактилоскопической регистрации было перенесено на 1 января 2023 г., перенос сроков Министерством внутренних дел Республики Казахстан было обусловлено пандемией COVID-19 и опасением развития эпидемиологической ситуации.

Дактилоскопии отпечатков пальцев будут подлежать граждане Республики Казахстан, достигшие 16-летнего возраста, иностранные граждане, лица без граж-

данства, постоянно проживающие в стране, иммигранты, прибывшие в Республику Казахстан в качестве домашних работников, иностранцы и лица без гражданства, подлежащие выдворению за пределы Республики Казахстан.

При получении паспорта и только с согласия и в присутствии опекуна дети в возрасте от 12 до 16 лет будут проходить добровольную процедуру сдачи отпечатки пальцев. Дети, не достигшие 12 лет, а также лица с физическими недостатками, такими как отсутствие всех пальцев либо папиллярных узоров на ногтевых фалангах всех пальцев на обеих рук не подлежат дактилоскопической регистрации [2].

Помимо всеобщей и обязывающей процедуры дактилоскопической регистрации, в 2020 г. в Казахстане вступил в силу Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан «Об утверждении Правил сбора, обработки и хранения биометрических данных физических лиц для их биометрической аутентификации при оказании государственных услуг» [3]. Также одним из существенных шагов применения биометрических данных в качестве элементов защитных действий при идентификации клиента стал Закон «О платежах и платежных системах», в котором было обозначено использование Face ID для входа в мобильный банкинг при удаленной выдаче кредитов и получении доступа к другим банковским и финансовым услугам, в том числе электронной цифровой подписи, шифрования, биометрических данных [4].

Также понятие биометрической идентификации как включающее комплекс мер, идентифицирующих личность на основании физиологических и биологических неизменных признаков было включено в 2019 г. в постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан в Правилах предоставления микрокредитов электронным способом [5]. В них также предусмотрены случаи отсутствия удаленной идентификации по биометрическим параметрам (Face ID).

Существенным шагом в развитии инициатив по введению и созданию инновационной экосистемы стало внедрение программы «Цифровой Казахстан», в рамках которой в развитие цифровых технологий, в том числе и биометрических данных, вовлечен малый и средний бизнес [6].

Остановимся на относительно недавно принятом документе в Республике Казахстан – Программе создания Национальной платформы цифровой биометрической идентификации на 2021–2024 гг. [7]. Инициатива связана с созданием национальной платформы цифровой биометрической идентификации, которая станет основой для дальнейшего безопасного, эффективного, удобного для граждан и бизнеса внедрения цифровых технологий. Программа должна способствовать обеспечению управлению собственными персональными данными, конкурентному развитию цифровых услуг, способствовать достижению целей экономического и социального развития. Программа направлена на процесс идентификации личности субъекта, созданию определенного жизненного цикла идентификации, к примеру, при оказании банковских услуг, платежных операций и др. [7].

Вышеуказанная подборка НПА подчеркивает наличие различных документов, регулирующих способы применения биометрической аутентификации, однако следует обратить внимание на то, что в законодательстве Казахстана отсут-

ствует отдельный нормативный правовой акт, регулирующий процесс обработки и хранения биометрических данных. Перечень биометрических данных носит сжатый характер описания. Отмечается дробление процесса применения биометрических данных в различных сферах.

Основная часть. В отличие от Казахстана в ряде государств приняты отдельные законы, регулирующие процесс обработки и хранения биометрических данных.

Если рассмотреть практику определения биометрических данных в рамках Европейского союза, можно привести пример ограничения использования биометрических данных Европейским парламентом. Так как использование систем искусственного интеллекта может привести к массовой слежке, нарушению ключевых принципов ЕС о пропорциональности и необходимости, внесено предложение по Регламенту об искусственном интеллекте [8], в том числе требующее полного запрета на алгоритмы использования искусственного интеллекта для автоматического распознавания лиц в общественных местах, по походке, отпечаткам пальцев, ДНК, голосу и иным биометрическим данным, создающим чрезвычайно высокие риски для основных прав и свобод.

Данный опыт ЕС по запрету алгоритмов использования искусственного интеллекта связан с наличием опыта использования технологии распознавания лиц правительством государств, нацеленных на чрезмерный контроль и установление определенных ограничений прав человека. К примеру, в Иранском правительстве запланировано использование камер с функцией распознавания лиц в общественном транспорте для выявления женщин, которые не соблюдают строгий закон о ношении хиджаба, режим предусматривает карательные меры по части ношения женской одежды. С 2015 г. иранское правительство поэтапно внедрило базу удостоверений личности, включающий биометрические данные, такие как сканирование радужной оболочки глаза, отпечатки пальцев и изображение лица. Общественники выражают опасения, что чувствительная информация будет использована для идентификации людей, которые нарушают обязательный дресс-код [9].

В Российской Федерации прорывом в части сбора биометрических данных стала Единая биометрическая система (ЕБС). В октябре 2018 г. оператор представил мобильное приложение «Ключ Ростелеком», позволяющее клиентам банков проходить удаленную биометрическую идентификацию при помощи смартфона. Система включает акцент на банковское обслуживание, ЕБС при идентификации, параметры определения данных изображения лица человека, полученные с помощью фото- и видеоустройств, данные голоса человека, полученные с помощью звукозаписывающих устройств [10]. Обеспечение безопасности, упрощение проведения платежных операций, к сожалению, не может служить в полной мере защитой от рисков, связанных с покупкой и продажей чувствительных данных. Повсеместный сбор биометрических данных может повлиять также на тотальный контроль над людьми. Обладание обширными базами идентификаторов и чрезмерными полномочиями может привести к нарушению баланса между обеспечением безопасности и защитой прав человека

Заключение. Применение биометрических данных создает существенные опасения и угрозы, способствующие нарушению прав человека, в частности права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных [11].

Технологические достижения позволяют при помощи биометрических данных устанавливать повсеместный контроль, это создает предпосылки для возникновения источников рисков и угроз приватности при операциях, связанных с обработкой классифицирующих биологических признаков. Данные проблемы могут оказать существенное влияние на личные свободы и права человека и, следовательно, должны подлежать оценке воздействия на защиту данных.

Следует более детально изучить и проанализировать опыт зарубежных государств, в частности, на способы досудебной и судебной защиты персональных данных, доступа к информации о самом себе, ситуаций, связанных с возможным злоупотреблением и получением избыточной информации, относящейся к субъекту.

Анализируя практику государств, внедривших биометрическую аутентификацию, следует вынести следующие рекомендации:

- уполномоченными органом, регулирующему сбор и обработку персональных данных, обеспечить мониторинг в отношении операторов государственного и частного сектора;
- недопущение избыточного сбора данных,
- ограничение сбора биометрических данных без письменного согласия субъекта;
- недопущение доступа к чувствительной информации правительствам или иным заинтересованным третьим лицам в контексте защиты основных прав и свобод человека,
- рассмотреть создание отдельного законодательства, регулирующего защиту биометрических данных в Казахстане, основанного на общепризнанных принципах защиты персональных данных и приватности.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 40-VI «О дактилоскопической и геномной регистрации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33276266 (дата обращения: 19.09.2022).
2. Обязательная дактилоскопия казахстанцев: зачем она нужна и как это работает? – URL: <https://cabar.asia/ru/zachem-vvoditsya-obyazatel'naya-daktiloskopiya-kazahstantsev> (дата обращения: 19.09.2022).
3. Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 27 октября 2020 года № 406/НК «Об утверждении Правил сбора, обработки и хранения биометрических данных физических лиц для их биометрической аутентификации при оказании государственных услуг». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32282402 (дата обращения: 19.09.2022).

4. О платежах и платежных системах. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z1600000011> (дата обращения: 19.09.2022); об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 03.09.2022).

5. Выдача онлайн-микрокредитов без биометрической аутентификации будет запрещена. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36831547 (дата обращения: 19.09.2022).

6. О платежах и платежных системах. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z1600000011> (дата обращения: 19.09.2022).

7. Отчет Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК «Об утверждении Программы создания Национальной платформы цифровой биометрической идентификации на 2021–2024 годы». URL: <https://legalacts.egov.kz/report?id=13895562> (дата обращения: 19.09.2022).

8. European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence | Shaping Europe's digital future. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence> (дата обращения: 19.09.2022).

9. Iranian authorities plan to use facial recognition to enforce new hijab law. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2022/sep/05/iran-government-facial-recognition-technology-hijab-law-crackdown> (дата обращения: 19.09.2022).

10. Биометрия в России: правовое регулирование и практика применения. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Biometrics-in-Russia#part3 (дата обращения: 19.09.2022).

11. Значимости проекта БиометрияKZ в академическом сообществе. URL: <https://erkindikqanaty.com/tpost/bj0n4n2vx1-znachimosti-proekta-biometriyakz-v-akade> (дата обращения: 19.09.2022).

Ю. А. Немчик,

кандидат военных наук,

Московский областной филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИНТЕРЕСАХ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. Эта обзорная статья показывает, на каких теоретико-правовых основах в России начали применяться и совершенствоваться информационно-коммуникационные технологии в процессе выполнения органами государственного управления функций по реализации властных полномочий, как изменялись цели и задачи правовой базы концепции создания Электронного правительства за период функционирования. Проанализированы основные итоги концепции электрон-

ного документооборота для целей социального развития страны, решение проблемных вопросов ее правового обеспечения.

Ключевые слова: теоретико-правовые основы, информационно-коммуникационные технологии, государственная программа, Электронное правительство, информационное общество, государственные услуги, государственные гражданские служащие

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE CREATION AND IMPROVEMENT OF THE E-GOVERNMENT IN THE INTERESTS OF THE SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Abstract. This review article shows on what theoretical and legal foundations information and communication technologies have begun to be applied and improved in the activities of state authorities and management in Russia, how the goals and objectives of the legal framework for the creation of e-Government have changed over the period from 2011 to the present, the results of the implementation of this concept for the purposes of the country's social development, the author's opinion on solving problematic issues of its legal support.

Keywords: Theoretical and legal foundations, Information and communication technologies, State program, e-Government, Informational society, Public services, State civil servants

Всеобщая цифровизация и глобализация общественных процессов, основанная на повсеместном внедрении и применении информационно-телекоммуникационных технологий в политической, экономической, социальной и других общественных сферах, коснулась и функционирования органов государственной власти и управления. Данная тенденция, развивающаяся особенно активно на протяжении последних двух десятилетий, получила распространение в большинстве стран мира. Процесс реализации институтами публичной власти властных полномочий на основе применения ИКТ называется «Электронное правительство» (e-Government).

Суть электронного правительства состоит в автоматизации и стандартизации процесса государственного управления (от принятия управленческого решения до отчета конечного исполнителя о достигнутых результатах) путем внедрения в деятельность органов государственной власти и управления современных информационно-телекоммуникационных технологий сбора, поиска и обработки информации. Конечной (стратегической) целью формирования и развития института электронного правительства является повышение эффективности государственного управления посредством снижения административных барьеров, основанного в свою очередь на установлении конструктивного диалогового интернет-пространства между властью и населением.

Функционирование электронного правительства в Российской Федерации осуществляется по двум основным взаимосвязанным направлениям: предоставление информации заявителем и оказание государственных и муниципальных ус-

луг. Получателями таких услуг могут быть, как органы государственной власти и местного самоуправления, так и бизнес-структуры и физические лица.

При этом широкое применение информационно-телекоммуникационных технологий позволяет свести к минимуму или в отдельных случаях совсем исключить личное взаимодействие между субъектом предоставления конкретной услуги и ее непосредственным получателем.

Правовой основой для разработки и реализации основных положений концепции электронного правительства в Российской Федерации стала государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная Распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации 20 октября 2010 г. № 1815-р [4] (далее – Программа «Информационное общество»).

В последние годы в ходе практической реализации в повседневной жизни программных целей и задач электронного правительства, завершения отдельных этапов реализации Программы «Информационное общество» в печатных изданиях, научных трудах, размещенных в глобальной сети «Интернет», все чаще можно встретить критические публикации в отношении социально-экономических последствий функционирования электронного правительства.

Анализ публикаций по теме исследования позволяет говорить о взаимосвязи концепции формирования и развития информационного общества и национального модернизационного проекта. Суть данного проекта состоит в цифровизации и автоматизации всех сфер человеческой жизнедеятельности на основе применения современных информационно-телекоммуникационных технологий. Ярким примером подобных преобразований могут стать реализуемые и широко освещаемые в последние годы проектные идеи «цифровая экономика» и «цифровая культура».

Одним из положений национального модернизационного проекта также является выстраивание устойчивых взаимоотношений институтов публичной власти и гражданского общества в информационно-коммуникационном пространстве. В тоже время, по мнению большинства исследователей, на настоящем этапе общественного развития научно-технологическая деятельность в Российской Федерации характеризуется относительно невысоким уровнем результативности, вследствие чего разрабатываемые информационно-телекоммуникационные технологии не отвечают вызовам, формируемым современным цифровым обществом [8. С. 10–11].

Полагаю, что с такой точкой зрения согласиться нельзя. Для того чтобы говорить о степени реализации правовой основы электронного правительства – государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», в том числе ее последствиях для социального развития России, необходимо, прежде всего, выяснить место данной программы в системе стратегического планирования в Российской Федерации, уяснить ее цель и задачи.

Анализ содержания Программы «Информационное общество» в редакции, действовавшей до 15 апреля 2014 г., показывает, что стратегическими приоритетами построения общества, в основе которого лежат информационные техноло-

гии, является обеспечение доступности информационных ресурсов для всех его членов, повсеместное и многоаспектное применение инновационных технологий, проведение коренных преобразований в организационной структуре государственного управления с целью повышения эффективности управленческих решений, формирование устойчивого информационного иммунитета как властных структур, так и общественных единиц и отдельных индивидов.

Таким образом, предполагалось, что использование физическими и юридическими лицами информационно-телекоммуникационных технологий позволит сформировать у них ряд устойчивых преимуществ, в том числе и конкурентных.

С 15 апреля 2014 г. действует новая редакция Программы «Информационное общество». Целью Программы, утвержденной Правительством Российской Федерации, является становление нового цифрового общества. Основным средством достижения общественных благ разных уровней выступают информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии, повсеместное применение которых, согласно основным положениям программы, будет способствовать повышению качества жизни, улучшению условий деятельности организаций, развитию экономического потенциала.

Достижение поставленных обозначенной программой информатизации общества целей возможно посредством решения ряда взаимосвязанных задач: разработки и реализации концепции принципиально новой инфраструктуры передачи данных, обладающей высокими конкурентными преимуществами (в приоритете при решении данной задачи использование российских разработок, созданных на базе отечественных научно-исследовательских центров); формирования и развития информационной среды, составной частью которой является открытая и доступная для всех членов общества медиасреда; формирования устойчивого информационного иммунитета, способного минимизировать риски информационного и цифрового характера, внедрения в деятельность предприятий и организаций разных форм собственности и сфер деятельности отечественных программных продуктов и технологий с целью достижения высокого уровня информационной безопасности; перевод части государственного управленческого процесса в электронный формат, в том числе предоставление ряда государственных и муниципальных социально-значимых услуг населению; достижения принципиально нового качества процесса государственного управления путем повышения оперативности принятия управленческих решений на основе применения информационных технологий [5].

Проведенный анализ стратегических целей, задач и приоритетов Программы позволяет сделать вывод о том, что создание высокоорганизованного автоматизированного информационного общественного сектора является базой для дальнейшей трансформации и перехода к постиндустриальному обществу: модернизации экономики и общественных отношений, обеспечения конституционных прав граждан и высвобождения ресурсов граждан для личностного развития.

Результатом выполнения Программы станет формирование у граждан и организаций конкурентных преимуществ от повсеместного широкого использования информационных технологий. Достижение данных преимуществ возможно при

соблюдении ряда условий: открытости и доступности информации, развития цифрового контента, широкого применения инновационных технологий в деятельности органов государственной власти. При всей масштабности и амбициозности поставленных задач, наличии проблемных вопросов проведена серьезная работа по правовому обеспечению функционирования электронного правительства, что позволило достичь впечатляющих результатов.

Оперативная и глубокая проработка организационно-правовых основ функционирования электронного правительства позволила активно внедрять в государственные управленческие процессы необходимые информационно-технические новации, сформировать в сроки, предусмотренные Программой «Информационное общество», институт электронного правительства, представляющего собой электронную платформу взаимодействия отраслевых органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению процесса предоставления государственных и муниципальных услуг населению.

Комплекс проведенных организационных и технико-технологических работ позволил сформировать институт электронного правительства как динамичную систему, объединившую три структурных сектора: (1) информационно-технологический, включающий Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), Единая система идентификации, авторизации и аутентификации (ЕСИА) органов и организаций, а также обращающихся за получением услуг физических и юридических лиц, единая Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); (2) организационно-технический, в состав которого включены центры общественного доступа, предназначенные для информирования заявителей о деятельности органов и организаций и обеспечения доступа к получению государственных и муниципальных услуг в электронной форме; (3) инженерный и вспомогательный (системы обеспечения информационной безопасности, информационно-телекоммуникационные сети, центры обработки данных и тому подобное).

Значительную роль в процессе повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг населению сыграло создание многофункциональных центров (МФЦ), эффективная реализация которыми технологии «одного окна» обеспечила гражданам возможность получения любых услуг в одном месте, рационально расположенном с территориальной точки зрения.

Функционирование сети МФЦ позволило свести к минимуму количество инстанций, которые гражданин должен посетить с целью решения того или иного вопроса. Кроме того, создание многофункциональных центров имеет ряд благоприятных социальных последствий, которые состоят в улучшении социального самочувствия и, как следствие, укреплении гражданского общества.

С момента создания электронного правительства началась постепенная цифровизация процесса взаимодействия между различными уровнями и ветвями власти по решению вопросов общегосударственного и местного значения. Согласно статистическим данным, доля электронного документооборота между органами государственного управления превысила 50 %, все большее количество организационной составляющей задач, выполняемых федеральными, региональными и местными центрами проводится в электронной форме. В настоящее время

успешно функционирует единая система межведомственного электронного взаимодействия предоставления государственных и муниципальных услуг. Ежегодно растет количество услуг, доступных к получению в электронном виде. Так, в 2009 г. сразу после введения портала в эксплуатацию для пользователей было доступно 110 федеральных и 200 муниципальных услугах, в данный момент времени их суммарное количество превысило 400. Тенденцию к увеличению также имеет количество государственных услуг, получаемых при помощи функционала единого портала. Наибольший рост по числу обращений к portalу наблюдался в 2020 г., пользователям было предоставлено более 230 млн государственных услуг различной специфики, что в два раза превышает показатель 2019 г. Положительная динамика также сохраняется по количеству зарегистрированных пользователей. По итогам 2019 г. портал государственных услуг содержал информацию о 65 млн подтвержденных учетных записях. В 2022 г. количество активных пользователей превысило отметку в 96,5 млн человек, что составляет почти 90 % от всех граждан России в возрасте от 15 до 70 лет, имеющих право регистрироваться на портале и получать услуги в электронном виде [3].

Если в самом начале существования портала, зарегистрированные пользователи неохотно прибегали к его функциональным возможностям, то в настоящее время граждане повсеместно обращаются к portalу с целью получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Наибольшей популярностью неизменно на протяжении нескольких лет являются: получение информации о пенсионных накоплениях, регистрации автотранспортного средства, запись в детский сад, оформление различных социальных пособий, выдача справок о наличии (отсутствии) судимости. Безусловным лидером рейтинга является услуга записи к врачу, как себя, так и несовершеннолетнего ребенка.

Несмотря на положительные аспекты внедрения и развития института электронного правительства в Российской Федерации сохраняется ряд проблемных вопросов, связанных с его функционированием. Во-первых, хотя предоставление государственных и муниципальных услуг населению осуществляется на основе применения цифровых технологий, в данном процессе преобладает ручной ввод данных, что обуславливает человеческий фактор и существенно повышает риск намеренного или случайного искажения информации. Во-вторых, подверженность цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий к стороннему воздействию обуславливает возможность «утечки» персональных данных, путем хакерских атак, целенаправленного взлома систем и так далее, следствием чего станет нарушение прав человека. В-третьих, существует риск сопротивления органов власти, особенно органов местного самоуправления, переходу от внутриведомственной формы хранения и обработки информации к надведомственной (платформенной, порталной). На этом фоне серьезной проблемой «цифровизации» органов государственной власти и управления является возникновение тотальной зависимости важнейших государственных институтов от работоспособности ИТ-систем.

Свой вклад в решение данных проблем должна внести работа по совершенствованию теоретико-правовых основ применения ИКТ, подготовки специалистов для системы электронного правительства.

Минимизации негативного воздействия человеческого фактора должны способствовать выработка эффективных правовых мер по профилактике правонарушений. На мой взгляд, они должны предусматривать не столько эффективные меры правовой ответственности за допущенные умышленные правонарушения в сфере информационно-коммуникационных технологий, сколько юридическое закрепление стандартов по отбору и допуску к критически важным элементам информационной системы наиболее ответственной категории работников – государственных служащих с профильным образованием.

И здесь правомерно говорить не только о государственном заказе для учебных заведений, готовящих специалистов в области цифровых технологий и производства, связанных с ними продуктов и услуг, но и о роли вузов в сопровождении, отборе и включении в специальную базу кандидатур наиболее достойных выпускников для последующего трудоустройства на профильную гражданскую службу. Считаю, что именно созданная соответствующая база данных наиболее мотивированных специалистов – гражданских служащих будет способствовать решению задачи развития ИТ-систем и защиты их наиболее важных данных. Безусловно, важное значение будет иметь введение стандартов проведения массового обучения и сертификации государственных служащих с целью повышение компьютерной грамотности и профилактики правонарушений в органах государственной власти.

Серьезным социальным фактором сдерживания функционирования электронного правительства является «информационное неравенство» отдельных категорий граждан, которое характеризуется физическим отсутствием у определенной части населения доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), либо чрезмерно высокой стоимостью этого доступа, что в конечном итоге приводит к разнице в качестве предоставляемых услуг. Причины «информационного неравенства» связаны прежде всего: с недостаточным на сегодня экономическим ресурсом страны, что влияет на непоследовательность государственной политики в области информационно-коммуникационных технологий, недостаточным объемом инвестиций в эту сферу, невысокой степенью участия в ней частного капитала, недостатками рыночной системы регулирования ценообразования; несоответствием уровня образования требуемому уровню ИКТ, что влияет на общий уровень грамотности и предопределяет недостаточную степень развития навыков, необходимых для пользования ИКТ. Все эти негативные явления отчасти обуславливаются и несовершенным характером правового регулирования доступа граждан к информационно-коммуникационным технологиям за счет мер социальной поддержки, что требует своего отдельного анализа и рассмотрения.

Для эффективного применения современных ИКТ предстоит еще очень многое сделать в плане упорядочения процессов и отношений в хозяйственных и управленческих системах электронного правительства, в том числе за счет совершенствования их правового обеспечения.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в интересах социального развития общества объективно требует постоянного совершенствования теоретико-правовых основ электронного правительства.

31 марта 2021 г. Правительством Российской Федерации утверждена новая редакция Программы «Информационное общество», действие которой продлено до 2024 г. Анализ новой редакции Программы «Информационное общество» показал, что ее целью определено повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Среди задач Программы предусмотрено создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи данных, в том числе на основе отечественных разработок; развитие информационной среды и обеспечение равного доступа граждан к медиасреде; предупреждение угроз в информационном обществе, обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства; обеспечение за счет использования информационно-телекоммуникационных технологий реализации в электронной форме полномочий государственных (муниципальных) органов власти, в том числе полномочий по предоставлению гражданам и организациям государственных (муниципальных) и иных социально значимых услуг (исполнению функций), а также повышение качества государственного управления и оперативности взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и организаций [6].

С 2022 г. Правительство существенно расширяет перечень услуг, которые граждане и организации смогут получить на портале «Госуслуги». Список пополняют 100 новых пунктов, в том числе: назначение ряда пособий на детей; проведение техосмотра самоходных машин и других видов техники; регистрация прав на недвижимость; прием деклараций по налогу на доходы физических лиц; предоставление выписки из государственного лесного реестра; получение различных лицензий и разрешений. Органы исполнительной власти субъектов РФ смогут разместить на портале дополнительные услуги по: аттестации педагогов школ; признанию граждан нуждающимися в социальном обслуживании; предоставлению бесплатного жилья; согласованию перепланировки квартир; выдаче разрешений на капитальное строительство и ввод объектов в эксплуатацию. В результате реализации мер социальной направленности предусмотрено до 2024 г. перевести 300 услуг (120 федеральных и 180 региональных и муниципальных) в электронный формат [1].

В этой связи закономерно возникает задача совершенствования правовых основ не только электронного правительства, но и в целом гражданской службы в интересах решения задач Программы «Информационное общество».

На наш взгляд, важно решить основные проблемные вопросы правового обеспечения, которые существуют: в инфраструктуре передачи данных; в межведомственном взаимодействии органов государственной власти и управления; в подготовке гражданских государственных служащих для практической деятельности в системе электронного правительства. Для каждого из перечисленных направлений приложения усилий, безусловно, существует целый перечень, комплекс задач, требующих своего решения.

Полагаю, что первостепенное значение для инфраструктуры передачи данных имеет разработка концепции создания новой Единой глобальной базы данных электронного правительства, сравнимой по структуре и принципам функционирования с DATA-центрами глобальной сети «Интернет».

Конечно, Единая глобальная база данных должна сосредоточить в себе всю информацию для выполнения задач электронного правительства, предусматривать безопасность хранения, обработки, передачи данных правомочным адресатам. В этой связи возникает необходимость физического устройства специальных хранилищ (серверов), объединенных в единую сеть и осуществляющих бесперебойную работу. Все это потребует серьезных научных проработок и капиталовложений. Такие хранилища информации потребуют потребления достаточного количества электроэнергии. Поэтому их размещение целесообразно предусматривать в тех регионах страны, где выработка и поставка электроэнергии потребует наименьших затрат, например, в Иркутской области, где среднегодовая температура составляет -1°C , что также важно учитывать при расчете затрат на охлаждение серверов.

Единая глобальная база данных имеет важное значение для межрегионального и межведомственного взаимодействия органов государственной власти и управления. Общеизвестно, что в субъектах Российской Федерации созданы свои региональные информационные базы, с помощью которых граждане получают определенный перечень государственных услуг. Однако такие информационные базы зачастую не предусматривают взаимный обмен данными или вообще не состыковываются между собой.

Например, общеизвестны случаи, когда постановлениями региональных органов государственной власти в состав присяжных заседателей судов общей юрисдикции включаются граждане-инвалиды, военнослужащие, другие категории граждан, освобожденные от исполнения указанной гражданской обязанности. Не стыкуются между собой региональные базы данных и в системе обязательного медицинского страхования. Так, например, житель Московской области имеет право прикрепиться на обслуживание в поликлинику города Москвы, другого региона России, получать в ней медицинскую помощь, при этом денежные средства будут поступать в бюджет поликлиники и по месту жительства данного гражданина, что приводит к неоправданному перерасходу денежных средств на обязательное медицинское страхование.

Разработка и реализация концепции создания Единой глобальной базы данных позволит решить множество проблемных вопросов, возникающих по причине разрозненности существующих информационных баз.

Единая глобальная база данных позволит не только оказывать государственные услуги в электронном виде со стороны органов власти, но и полностью перейти на получение государственных услуг в электронном виде гражданами России, исключит дублирование персональной информации по различным направлениям (вертикальным, горизонтальным связям) межведомственного взаимодействия, злоупотребления и фальсификации данных в системе документооборота между гражданами и органами публичной власти всех уровней.

На начальном этапе электронного взаимодействия граждане смогут получать необходимые государственные услуги с подтверждением в виде итогового электронного документа, имеющего свой уникальный QR-код, который при сканировании любым устройством, связанным с системой ГЛОНАСС автоматически будет перенаправлять пользователя на ресурс Единой глобальной базы данных для подтверждения информации, содержащейся в выданном электронном документе. Таким образом, исчезнет необходимость распечатывания документов на бумажных носителях, заверение их рукописными подписями, мастичными печатями, изготовления многочисленных копий на «все случаи жизни».

В последующем, на основе Единой глобальной базы данных, органы публичной власти смогут оказывать государственные услуги без необходимости подтверждения со стороны граждан каких-либо сведений, поскольку запрос и получение всех необходимых исходных данных будет осуществляться этими органами непосредственно через Единую глобальную базу данных.

Работа в системе электронного правительства потребует существенных изменений правовых основ подготовки государственных гражданских служащих. Приоритетными должны стать такие компетенции, как умелое владение актуальными информационно-коммуникационными технологиями, способность самостоятельно взаимодействовать с электронной средой: обращаться с электронными базами данных, быстро находить и обрабатывать исходные данные, выдавать конечный результат в интересах решения поставленных задач. Новые требования, обусловленные использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, потребуют изменения квалификационных требований к гражданским служащим, проведения их соответствующей переподготовки, повышения квалификации, периодических квалификационных испытаний.

Таким образом, за прошедший с 2011 г. период времени в России создана достаточно эффективная теоретико-правовая основа электронного правительства, обеспечившая необходимые условия для достижения впечатляющих результатов по информатизации российского общества, реализации приоритетных социальных задач государства, созданию гражданского общества. Внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий, достигнутые результаты и проявившиеся недостатки при реализации концепции электронного правительства требуют постоянного совершенствования правового обеспечения данного направления государственной деятельности.

Разработка и реализация новой концепции создания Единой глобальной базы данных неизбежно повлечет трансформацию электронного правительства, окажет положительное влияние на изменение квалификационных требований, качество подготовки и содержание деятельности государственных гражданских служащих, на характер их взаимоотношений с организациями и гражданами, неизбежно приведет к еще большему положительному результату в деятельности органов государственной власти и управления в интересах социального развития России.

Список литературы

1. Алпатова И. Почти 95 процентов госуслуг станут электронными к 2024 году // Российская газета. 2020. 8 сен. (№ 8254). URL: [http:// www.rg.ru](http://www.rg.ru) (дата обращения: 15.05.2022).
2. Информационное общество в Российской Федерации. 2020 : статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251> (дата обращения: 18.09.2022).
3. Капранов О. Порталом «Госуслуги» ежедневно пользуются 9,5 млн человек // Российская газета. 2022. 5 апр. (№ 8720). URL: [http:// www.rg.ru](http://www.rg.ru) (дата обращения: 15.05.2022).
4. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р (ред. от 02.12.2011, с изм. и доп. от 26.12.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2010. № 46. – Ст. 6026.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 31.03.2021 № 504-19 (ред. от 09.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 16 (часть II). Ст. 2760.
7. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник // Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О. и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
8. Швецов А. Н. От «электронного правительства» к «цифровому государству»: смысл и последствия новаций // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2019. № 12. С. 8–26.

В. В. Нурмухаметова,

кандидат философских наук, доцент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

КОНТУРЫ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье показано, что внедрение цифровых технологий оказало значительное влияние на правовую реальность и правовую систему, что привело к необходимости философско-правового осмысления новых явлений и тенденций. Среди наиболее дискуссионных вопросов особое место занимают проблемы сущности права, изменения его формы, содержания и компонентов в условиях цифровизации; сущности и особенностей цифрового права; удвоения правовой реальности; природы оцифровки права; специфики цифровых прав; особенности

цифровой идентичности; возникновения новых цифровых субъектов права; будущего права в эпоху цифры.

Ключевые слова: цифровизация, право, философия права, цифровое право, субъект права, идентификация, гибридная реальность

OUTLINES OF THE PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF LAW IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Annotation. The article shows that the introduction of digital technologies has had a significant impact on the legal reality and the legal system, which has led to the need for philosophical and legal understanding of new phenomena and trends. Among the most debatable issues, a special place is occupied by the problems of the essence of law, changes in its form, content and components in the conditions of digitalization; the essence and features of digital law; doubling of legal reality; the nature of digitization of law; the specifics of digital rights; features of digital identity; the emergence of new digital subjects of law; the future of law in the digital age.

Keywords: Digitalization, Law, Philosophy of law, Digital law, Subject of law, Identification, Hybrid reality

Активный процесс внедрения цифровых технологий в самые различные сферы общественной жизни, и сопутствующие им трансформации, происходящие в этих сферах под воздействием цифровизации, становятся предметом исследования социально-гуманитарных наук. Философская наука, нацеленная на выявление фундаментальных основ бытия, в том числе и социального, стремится осмыслить коренные изменения в социальных взаимодействиях, вызванные распространением цифровизационных процессов. Важнейшей сферой общества остается право, как универсальная система норм, регулирующих отношения между социальными субъектами [15]. Данную сферу не обошли стороной цифровые технологии, а процесс их внедрения и вызванные их распространением изменения стали предметом изучения правовой и философской наук.

Философия права как область философского знания, осмысливающая наиболее общие принципы существования и развития правовой реальности, а также ее познания, не могла остаться в стороне от исследования происходящих и грядущих изменений в правовой действительности под воздействием цифровизации. «В качестве междисциплинарной отрасли знания, философия права объединяет познавательные усилия метафизики, онтологии, гносеологии, юриспруденции, социологии, антропологии, психологии, культурологии и других социогуманитарных дисциплин в исследовании сущности правовых реалий, при анализе причинно-следственных связей, которыми они соединены с первоосновами сущего» [1. С. 31].

Отмечается недостаточная теоретическая проработка значения цифровизации для существования и развития правовой реальности при избыточном количестве исследований, рассматривающих конкретные ситуации использования цифровых технологий в праве [12, 14]. Поэтому в настоящее время в философии права сложился прогнозируемый тренд исследования права в условиях цифровизации.

В настоящее время в юридической науке возник огромный пласт публикаций, посвященных рассмотрению использования цифровых технологий в самых разных отраслях права. Следовательно, возникла необходимость применения теоретико-методологических подходов философии права к правопониманию в эпоху цифровизации, а также в выявлении и осмыслении новых философско-правовых вопросов, возникших в условиях перехода к цифре.

Важнейшим аспектом философии права становится переосмысление сущности, признаков и компонентов права в условиях внедрения цифровых технологий. Имеет место мнение, что в цифровую эпоху в уточнении нуждается понятие права и его компоненты, поскольку выделяемые в правовой теории основные признаки права теряют прежний смысл [7. С. 15]. При этом сохраняется и обосновывается и позиция о неизменной метафизической природе права как всеобщего блага, указывающая лишь на трансформацию его формы и содержания [5].

На волне цифровизации появляется цифровое право. Наряду с присущими ему сущностными признаками и особенностями права как такового, новая цифровая форма права предполагает возможности неограниченного копирования и распространения информации без каких-либо потерь и всеобщую доступность правовой информации; совместное использование правовой цифровой информации; нейтральность цифровой среды [6]. Существует мнение, что алгоритмизированное формализованное право способно по-другому взглянуть на вопросы толкования права, а также проблемы неоднозначности и двусмысленности правовых норм.

Важным представляется понимание сети «Интернет» как нового пространства общественных отношений, требующего правовой оценки, познания и регулирования. Происходит изменение понимания сферы действия права. Возникают виртуальные социальные взаимодействия, а значит необходимы новые нормы, регулирующие их.

Оцифровка права осмысливается как одна из сторон закономерного процесса развития человеческой цивилизации [11]. Так, в эволюции права можно выделить переход права из комплекса устного права в его письменный эквивалент, так и сегодня происходит постепенное замещение письменных средств выражения права цифровыми. Поэтому обсуждается вопрос о возможной перспективе полного вытеснения устного и письменного форматов выражения права цифрой [5]. Тем самым возникает необходимость адаптации современной правовой системы к цифровому формату.

Обосновывается необходимость и актуальность теоретической проработки процессов цифровизации права [6], которая предлагается к осмыслению в двух ракурсах: с одной стороны, создание новых правовых норм, регулирующих отношения в цифровой среде, а с другой, оцифровка самого права в виде автоматизации правовой отрасли и деятельности посредством использования ресурса искусственного интеллекта. Существует подход, согласно которому в настоящее время происходит не только формирование, но и функционирование «нормативного массива, образующего правовую основу цифровой экономики» [9]. Происходит так называемая «цифровая прививка», результатом которой становится трансформация различных отраслей права [9].

Удвоение реальности в качестве естественного результата цифровизации стало настоящим вызовом для правовой системы. Представляется необходимым осмыслить сущность гибридной цифровой правовой реальности и ее взаимодействие с объективной правовой реальностью, обозначить ее онтологические и антропологические аспекты. Исследователи выделяют такой аспект функционирования уже удвоенной правовой реальности в современных условиях как невозможность действия правовых принципов и правил без технических регуляторов [5]. Также стоит важная задача «разграничения правового регулирования мира реальных вещей и мира виртуальных вещей» [9. С. 95]. Необходимо осмысление понятия «виртуальной вещи», которая существует в процессе и результате функционирования компьютерных программ, чей жизненный цикл оставляет «цифровые следы».

В антропологическом дискурсе философии права обсуждаются аспекты дихотомии правового положения индивида в объективной и гибридной реальностях, возникновения и существования виртуального двойника социального субъекта. Не менее важными являются проблемы идентификации субъектов, объектов и социально-технических систем в киберфизическом мире [10, 13], которые носят междисциплинарный характер, но особую важность приобретают в разрезе правовых отношений. Сегодня идентификация в сети происходит по идентификатору (ID), причем он может быть присвоен чему угодно – человеку, вещи, алгоритму, техническому устройству, роботу и т.п. Другим широко обсуждаемым аспектом являются цифровые права человека, среди которых выделяют право на забвение, право на цифровую смерть, право работника на отключение цифровых устройств в нерабочее время, в отпуске [7]. После возникновения виртуального двойника, а, возможно, и нескольких виртуальных двойников, аккаунтов в самых различных сетях и системах, почтовых сервисов, начинается их гибридное существование в виртуальной реальности, отделенное от своего реального создателя. Это создает благодатную почву для виртуальных правонарушений, сущность и специфику которых также предстоит осмыслить. Также актуализируется в новых условиях понятие цифровой репутации человека.

Одним из самых дискуссионных аспектов цифровизации правовой реальности является трансформация классического понимания субъектов права в связи с появлением новых субъектов права [3, 6, 7]. Осмысление сущности цифровой личности и определение правового статуса искусственного интеллекта как нового субъекта правоотношений является насущной необходимостью [3]. Широко обсуждается вопрос об ответственности действий роботов [6]. Кто будет нести ответственность за ошибки искусственного интеллекта? Разработчик, владелец программного обеспечения, покупатель робототехнической системы? Еще одной частной стороной внедрения искусственного интеллекта в правовую реальность становится изменение статуса юриста, частичная замена его профессиональной деятельности виртуальным юристом.

Исследователями правовой сферы также отмечается, что одной из проблем, требующих понимания, стало будущее права в условиях цифровизации, поскольку внедрение цифровых технологий способствует глубинной трансформации всех социальных институтов [4]. Отмечается, что «правопознание предполагает методологию теоретического постижения права для выявления общих черт правовых

явлений, прогнозирования новых тенденций развития права» [2. С. 33]. Изменения в правовой реальности под воздействием цифровизации в настоящее время происходят так стремительно, что необходим своевременный теоретический анализ трансформационных процессов, а еще более важным представляется предвидение будущего права в условиях цифровизационных процессов. Также наблюдается повышенный интерес к проблеме прогнозирования со стороны юридической науки в части создания концепции развития законодательства, но подчеркивается односторонность такого подхода к предвидению будущего права, что основывается на признании необходимости создания «системы всеобъемлющего правового регулирования» [4. С. 88]. Следовательно, в основе такого конструкта необходима философско-правовая теоретико-методологическая основа понимания права, ведь «анализ процессов цифровизации позволяет прогнозировать изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования» [8. С. 15].

Таким образом, внедрение цифровых технологий в значительной степени оказало влияние на правовую реальность и трансформировало правовую систему. Философия права обладает широким теоретико-методологическим потенциалом осмысления происходящих глубинных изменений. Среди наиболее дискуссионных вопросов особое место занимают проблемы сущности права, изменения его формы, содержания и компонентов в условиях цифровизации; сущности и особенностей цифрового права; удвоения правовой реальности и сосуществования ее объективного и гибридного срезов; природы оцифровки права и «цифровой прививки»; специфики цифровых прав; особенности цифровой идентичности; возникновения новых цифровых субъектов права; будущего права в эпоху цифры. Предполагается, что философско-правовая рефлексия цифровизации правовой реальности не ограничивается перечисленными вопросами. В настоящее время идет разработка усовершенствованных технологий, которые ждет дальнейшее внедрение во все сферы жизнедеятельности, в том числе и правовую, поэтому философскую и юридическую науки ожидает перспектива осмысления и анализа все новых и новых глубинных трансформаций правовой сферы. Методологический потенциал философии позволяет создать теоретическую базу правопонимания в изменяющихся социальных реалиях. Тем не менее большинство вопросов, связанных с цифровизацией в праве, остаются остро дискуссионными.

Список литературы

1. Бачинин В. А. Философско-правовая методология: многообразие познавательных возможностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 2. С. 29–37.
2. Желдыбина Т. А. О некоторых актуальных вопросах современной философии права // Правосудие / Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 28–40. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.28-40
3. Попова А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14–24. DOI: 10.12737/art_2018_11_2.

4. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9. С. 87–96. DOI: 10.31857/S013207690006733-8
5. Сильченко Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 34–39.
6. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123. DOI: 10.31857/S013207690007824-8
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1
8. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1
9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7
10. Чеклецов В. В. Идентификация и идентичность в киберфизическом мире // Философские науки. 2017. № 8. С. 76–86.
11. Germain Claire M. Digitizing the World's Laws // Cornell Law Faculty Working Papers. Paper 72. – Ithaca, 2010.
12. McGinnis J.O., Russel G.P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services // Fordham Law Review. 2013. № 82. Pp. 3041–3066.
13. Pierbon M., Balasubramian S., Koucheryavy Y. The Internet of Bio-Nano-Things // IEEE Communications Magazine. 2015. Vol. 53. Issue 3.
14. Robot Law / eds. by R. Calo, A. M. Froomkin, I. Kerr. Cheltenham, 2016. URL: <http://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/22259/1/Robot%20Law.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).
15. Wieland W. Platón y la utilidad de la idea. Sobre la función de la idea del bien // Acta Philosophica: rivista internazionale di filosofia. 2021. Vol. 30, issue 1. Pp. 57–74.

М. Ю. Осипов,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,

Международная полицейская академия

Всероссийской полицейской ассоциации

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы классификации цифровых технологий в публично-правовой сфере. Автор делает вывод о том, что вопросы понимания и критериев классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере не получили должного освещения в юридической литературе. Предметом исследования в настоящей статье выступают такие закономерности использования тех или иных «цифровых технологий» в публично-правовой сфере, которые могут лежать в основе критериев их классификации. По мнению автора данной статьи, в качестве критериев классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере выступа-

ют: а) цель использования той или иной цифровой технологии в публично-правовой сфере, а также особенности протекания того или иного правового процесса, в ходе которого используется та или иная «цифровая технология»; б) субъект разработки той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере; в) способ распространения той или иной «цифровой технологии»; г) наличие или отсутствие вознаграждения за использование той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере. Также в статье рассматриваются факторы, влияющие на эффективность использования «цифровых технологий» в публично-правовой сфере.

Ключевые слова: «цифровые технологии», критерии классификации, правовые процессы, эффективность, оптимизация, алгоритм, публично-правовая сфера

ON THE QUESTION OF THE CLASSIFICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PUBLIC LEGAL SPHERE

Abstract. The article deals with the classification of digital technologies in the public law sphere. The author concludes that the issues of understanding and classification criteria for “digital technologies” in the public law sphere have not received adequate coverage in the legal literature. The subject of research in this article is such regularities in the use of certain “digital technologies” in the public law sphere, which may underlie the criteria for their classification. According to the author of this article, the criteria for classifying “digital technologies” in the public law sphere are: a) the purpose of using a particular digital technology in the public law sphere, as well as the features of the course of a particular legal process during which that or other “digital technology”; b) the subject of the development of a particular “digital technology” in the public law sphere; c) the method of distribution of one or another “digital technology”; d) the presence or absence of remuneration for the use of a particular “digital technology” in the public law sphere. The article also discusses the factors affecting the effectiveness of the use of “digital technologies” in the public law sphere.

Key words: Digital technologies, Classification criteria, Legal processes, Efficiency, Optimization, Algorithm, Public law sphere.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед российской правовой наукой, является проблема понятия и классификации цифровых технологий в публично-правовой сфере вообще и в публично – правовой сфере в частности. Об этой проблеме написано немало работ [1. С. 5–7; 2. С. 60–67; 3. С. 125–132]. Однако вопросы понятия и классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере не получили должного освещения в отечественной юридической литературе. Между тем данные аспекты активно обсуждаются в зарубежной литературе [4; 5]. Но тем не менее, несмотря на многочисленные исследования проблем цифровых технологий в публично-правовой сфере, в настоящий момент не существует единого и однозначного подхода к понятию и классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере.

Постараемся в настоящей статье восполнить данный пробел.

Для того чтобы методологически верно обозначить критерии классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере необходимо понять, а что же

представляют собой так называемые цифровые технологии в публично-правовой сфере.

Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо понять, что цифровые технологии в публично-правовой сфере представляют собой разновидность правовых технологий.

По сути дела цифровые технологии в публично-правовой сфере представляет собой программные комплексы, которые позволяют достичь субъекту права определенной цели в сфере публичного права.

Исходя из данного определения, можно классифицировать все «цифровых технологий» в публично-правовой сфере по следующим критериям:

В зависимости от целей, которые ставит перед собой субъект права и особенностей правового процесса, протекающего в правовой системе можно выделить следующие цифровые технологии.

А) цифровые технологии в правовом регулировании публично-правовых отношений;

Б) цифровые технологии в правотворчестве;

В) цифровые технологии в сфере реализации норм публичного права;

Г) цифровые технологии в сфере применения публичного права;

Д) цифровые технологии в сфере систематизации законодательства, регулирующего общественные отношения в публично-правовой сфере;

В зависимости от того, кем разработаны данные цифровые технологии можно выделить:

А) цифровые технологии в публично-правовой сфере, разработанные самим субъектом права для своих собственных нужд;

Б) цифровые технологии в публично-правовой сфере, разработанные субъектами права для удовлетворения потребностей других субъектов права.

В зависимости от способа распространения можно выделить:

А) цифровые технологии в публично-правовой сфере, не подлежащие распространению, размещенные на сайте того или иного субъекта права (on-line технологии в публично-правовой сфере);

Б) цифровые технологии в публично-правовой сфере, распространяемые в виде программ (off-line технологии в публично-правовой сфере);

В) гибридные цифровые технологии в публично-правовой сфере (часть элементов которых распространяется off-line, а часть размещается на сайте того или иного субъекта права).

В зависимости от наличия либо отсутствия вознаграждения за использования той или иной технологии можно выделить:

А) коммерческие цифровые технологии в публично-правовой сфере (цифровые технологии в публично-правовой сфере, распространяемые среди субъектов права с целью получения определенного вознаграждения, выплачиваемого пользователями разработчику данной технологии);

Б) не коммерческие цифровые технологии в публично-правовой сфере (цифровые технологии в публично-правовой сфере, использование которых не пред-

полагает получение разработчиком вознаграждения от пользователей данной технологии.

Таковы, на наш взгляд, основные критерии классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере.

Кроме того, возникает вопрос, какие же факторы влияют на эффективность использования той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере. По нашему мнению, к числу таких факторов можно отнести следующие факторы:

А) осознание субъектами того или иного правового процесса целей использования той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере;

Б) возможности той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере по достижению поставленных целей;

В) осознание субъектами того или иного правового процесса тех возможностей, которая представляет та или иная «цифровая технология» в публично-правовой сфере;

Г) наличие или отсутствие у субъектов того или иного правового процесса инструментальных средств разработки той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере»;

Д) наличие или отсутствие у субъектов того или иного правового процесса финансовых возможностей по закупке той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере»;

Е) наличие или отсутствие у субъектов того или иного правового процесса подготовленного персонала, готового работать с той или иной «цифровой технологией» в «публично-правовой сфере».

На основании этих факторов возможно сформулировать следующий алгоритм эффективного использования тех или иных «цифровых технологий» в публично-правовой сфере. Данный алгоритм включает в себя следующие шаги.

1) определен ли правовой процесс, в рамках которого используется та или иная «цифровая технология» в публично-правовой сфере;

2) определены ли «цели и задачи» использования той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере;

3) проанализированы ли возможности той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере по достижению поставленных целей;

4) проанализированы ли возможности по самостоятельной разработке или закупке той или иной «цифровой технологии» в публично-правовой сфере»;

5) проанализирован ли уровень подготовки «персонала» для работы с той или иной «цифровой технологией» в «публично-правовой сфере»;

В зависимости от ответов на данные вопросы должно приниматься то или иное решение по использованию той или иной «цифровой технологией» в «публично-правовой сфере».

Таковы вкратце особенности понятия и классификации «цифровых технологий» в публично-правовой сфере.

Список литературы

1. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. С. 5–7.
2. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. – 2021. – № 6. – С. 60–67.
3. Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 125–132.
4. Emelianova T. V. (2021) Affect of Artificial Intelligence Technologies and Digitalisation on Jurisprudence and Education. In: Dingli A., Haddod F., Klüver C. (eds) Artificial Intelligence in Industry 4.0. Studies in Computational Intelligence, vol 928. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-61045-6_12
5. Hermans T., Cools M. & Van den Abbeele A. The role of information accuracy and justification in bonus allocations. J Manag Control (2021). <https://doi.org/10.1007/s00187-020-00312-1>

С. А. Паламарчук,

старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал Российского
государственного университета правосудия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В РОССИИ И КИТАЕ: ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ УГРОЗА КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Целью статьи является исследование возможных перспектив введения системы социального кредита (Social Credit System) в Российской Федерации. В статье проанализирован аналогичный опыт в Китайской Народной Республике. В коммуникационной среде IT-специалистов, исследователей конституционно-правовой науки и граждан нашей страны часто можно услышать мнение, что огульная, лавинообразная, стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни и особенно таких важных для государства, как сферы здравоохранения и образования, приведет к тотальному контролю общества со стороны государства, инструментом которого, в частности, выступит система социального кредита. В статье методом сравнительного анализа китайского опыта и начальных попыток внедрения этой системы в России предпринята попытка дать аргументированный ответ на эти опасения. Дополнительно учитывается влияние уже существующих в Российской Федерации систем искусственного интеллекта, обрабатывающих персональные данные.

Ключевые слова: право, цифровизация, система социального кредита, конституционные права, персональные данные, искусственный интеллект, рейтинг, доверие

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL CREDIT SYSTEM IN RUSSIA AND CHINA: BUILDING A SOCIETY OF JUSTICE OR A THREAT TO THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY

Abstract. The paper deals with studying the possible prospects for the introduction of a social credit system in the Russian Federation. The article analyzes a similar experience in the People's Republic of China. In the communication environment of IT specialists, researchers of constitutional and legal science and citizens of our country, one can often hear the opinion that the indiscriminate, avalanche-like, rapid digitalization of all spheres of public life and, especially, such important for the state as health and education, will lead to total control of society by the state, the instrument of which, in particular, the social credit system will act. The article uses the method of comparative analysis of the Chinese experience and initial attempts to introduce this system in Russia to attempt to give a reasoned answer to these concerns. Additionally, the influence of artificial intelligence systems already existing in the Russian Federation that process personal data is taken into account.

Keywords: Law, Digitalization, Social credit system, Constitutional rights, Personal data, Artificial intelligence, Rating, Trust

Введение. Проблема цифровизации современного общества сегодня вышла на первый план. Совершенно очевидно, что объем информации, обрушивающийся в наше время на человека всего за один год, сравним с объемом информации, обрабатываемым и усваиваемым человеком в эпоху Средневековья примерно за половину жизни. С биологической же точки зрения человек изменился крайне незначительно, что приводит к тому, что современному гражданину все труднее и физически, и психически выдерживать бесконечный поток информации XXI в. Поэтому в обществе возникает страх потеряться в огромном цифровом мире, утратить свою значимость, свободу, неотъемлемые конституционные права во множестве информационных потоков, сервисов, площадок. Этот страх является причиной для поиска точки опоры в информационной сфере, для призывов ограничить, стабилизировать источники информации, ввести цензуру и сохранить личную информацию.

С другой стороны, значительная «виртуализация» конституционных прав человека, методов судебной защиты нарушенных прав, получение электронных государственных услуг с очевидностью приводят нас к выводу о том, что современный человек сможет в полной мере реализовать свои конституционные права и избежать печальной судьбы «объекта манипулирования» в цифровом пространстве – только если сможет ориентироваться как в современных правовых реалиях, так и в их проекциях в виртуальное пространство.

Основная часть. Следует подчеркнуть, что к 2022 г. информационные технологии проникли практически во все сферы жизни общества и государства. Выполняются цели, сформулированные в федеральных целевых государственных программах, например, национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и нацио-

нальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 (в том числе и в области внедрения искусственного интеллекта в механизм государственного управления, о чем не раз говорил Президент России).

17 августа 2022 г. заместитель председателя правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям Дмитрий Чернышенко отметил, что поручение Президента РФ выполняется и показатель внедрения систем искусственного интеллекта в отдельные отрасли уже достиг 20 %, а в перспективе (к 2024 г.) должен достичь 50 % [8].

Такие значительные успехи использования искусственного интеллекта вызывают дискуссии по поводу возможного использования в Российской Федерации системы социального кредитования. Подобная система успешно внедряется в Китайской Народной Республике с 2007 г. («Система социального кредита (доверия)» (шэхуй синьйон тиси / 社会信用体系) [4. С. 74].

Смысл подобной системы состоит в присвоении каждому гражданину персонального рейтинга (числа) в зависимости от того, какие поступки он совершает: общественно полезные или преступные. Соответственно, к гражданам с низким социальным рейтингом применяются различные санкции, ограничивающие или даже блокирующие их конституционные права, например, гражданин с низким социальным рейтингом не может купить билет на поезд или самолет (ограничение права на свободу передвижения), не может курить билет в кино на желаемый сеанс, ему может быть отказано в праве на образование в престижном учебном заведении, в выдаче кредита в банке (кстати, система кредитных банковских историй как раз и заложила основу для системы социального рейтинга). Наконец, наиболее серьезное ограничение – лишение возможности занимать высокооплачиваемые должности на государственной службе и вообще полный запрет на нахождение на государственной службе в принципе (напоминает вид санкции Уголовного кодекса Российской Федерации, когда налагается запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ)). Однако санкция в соответствии с УК РФ применяется только судьей после соответствующего судебного разбирательства, а в Китае для этого достаточно просто значения рейтинга, фактически числа.

Мы попытаемся оценить плюсы и минусы введения социального рейтинга, исследуя различные аргументы его сторонников и противников.

Сразу хочется отметить, что в самом Китае система социального кредитования хотя и не приобрела масштаб, охватывающий все территории Китая, но как пилотный социолого-политический проект активно внедряется на местах уже с 2014 г., т.е. уже более 8 лет. Учитывая различные точки зрения как зарубежных, так и китайских ученых, отметим, что в социологическом плане проводился опрос самих жителей Китая. Оказалось, что порядка 80 % населения страны (а это 1,2 млрд человек) поддерживают систему социального кредита и убеждены в ее справедливости [10. Р. 1565–1596]. Более того, в провинции Жунчэн, где система реально работает уже более 5 лет, наблюдается снижение споров и налоговых конфликтов на 23 %, а удовлетворенность населения составила величину более 96 % [11. Р. 72–81].

Одним из аргументов противников системы социального кредита состоит в том, что оценивать людей негуманно, люди пугаются низких оценок и почему-то особенно ужасным видится факт оценки гражданина со стороны такого субъекта, как государство. Здесь хотелось бы возразить тем, что с самого рождения в современном обществе человек так или иначе оценивается, причем как на бытовом, так и на общественном и государственном уровнях: школьники получают оценки в школе, студенты получают оценки в высших учебных заведениях, существуют ключевые показатели эффективности (Key performance indicators), которые применяются для мотивации и стимулирования сотрудников в бизнес-проектах, в трудовой деятельности применяется система поощрений в виде почетных грамот, благодарностей, выговоров, присуждения государственных наград, награждение медалями и т.д. Следовательно, мы видим, что вся жизнь современного человека пронизана теми или иными оценками его деятельности и поведения (причем уже довольно давно). Можно предположить, что противники систематизации и обобщения этих оценок в цифровой форме опасаются, что привыкшие нарушать закон «по пустякам» (а в некоторых социальных группах мелкие кражи, обман более доверчивых граждан и т.д. не только не порицаются, а выступают своеобразным предметом гордости) получат сильное снижение рейтинга и существенное ограничение в правах [6].

Единственной оговоркой, которую здесь можно сделать: в описанных нами примерах происходит оценка человека человеком и в случае ошибок, которые неизбежны в тех или иных процессах, предусмотрена возможность апелляции – исправления несправедливо выставленной оценки.

Совершенно иное дело, если единственным субъектом оценивания выступит искусственный интеллект либо нейронные сети. В этом случае о фактах оценивая и изменения баллов или рейтингов не будет знать никто, кроме информационной системы (для этого сегодня уже разработан целый спектр инструментов: в том же Китае применяется огромное количество видеокамер с возможностью распознавания лиц, а в некоторых случаях даже температуры тела гражданина). По некоторым оценкам к концу 2022 г. количество камер в Китае превысит 250 000 000 штук. Кстати, во время пандемии новой коронавирусной инфекции как раз в Китае предлагалось на основе данных датчиков тепловизоров задерживать и направлять в медицинские учреждения граждан, имеющих повышенную температуру тела.

Вероятность апелляции на решение искусственного интеллекта пока не очень проработана, и, самое главное, даже в случае ее осуществления она займет продолжительное время, как и любая известная на сегодняшний день апелляция, в то время как ограничения и запреты на основе решения искусственного интеллекта налагаются мгновенно, и вот уже гражданин, идущий с хорошим настроением на работу с удивлением обнаруживает, что он, например, не может снять деньги с карты, его не пускают в транспорт и т.д. Например, уже известен случай, к счастью, пока только в банковской сфере, когда на основе анализа кредитных историй жителей района системами искусственного интеллекта высчитывался «общий кредитный рейтинг района», на основании которого ко всем жителям этого района без учета индивидуальных обстоятельств применялась единая банковская кредитная политика с условиями и предложениями, зависящими от рейтинга

целого района [9. Р. 44]. Более того, более массовая практика анализа кредитных историй показывает, что при отказе гражданину в получении кредита со стороны кредитной организации решение принимает вовсе не человек (менеджер, топ-менеджер), а искусственный интеллект, затрачивая на это менее одной секунды времени и к тому же внося факт отказа в глобальную кредитную историю клиента по всем банкам, подключенным к ней. Для такого отказа не предусмотрено процедуры апелляции, и получить кредит можно только лишь обратившись в другой банк, который уже будет ориентироваться на испорченную кредитную историю, что, конечно, существенно снижает вероятность нового одобрения.

Таким образом, видится совершенно необходимым предусмотреть механизмы контроля за решениями искусственного интеллекта, в которых решающее слово нужно оставить все-таки за контролером-человеком. В противном случае, как бы странно это ни звучало, но гражданин может оказаться в ситуации, описанной в романе-антиутопии Сергея Лукьяненко «Черновик», когда все его цифровые документы удалены, его никто не помнит, а те, кто помнит, очень быстро забывают. Тем, кто посчитает такую ситуацию совершенно невозможной или же возможной в очень отдаленном будущем, напомним, что еще недавно вопросы искусственного интеллекта поднимались лишь на страницах научно-фантастических романов, а сегодня утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [5].

Подтверждение сформулированному тезису находим в исследовании профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессора, д.ю.н. М.А. Липчанской, которая аргументированно доказывает, ссылаясь на ст. 2 Конституции РФ, что именно человек, а не искусственный интеллект или искусственный разум признается в Российской Федерации высшей ценностью, и за человеком остается полное право обжаловать в судебном порядке решения государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и любых иных субъектов, которые своими действиями неправомерно ограничивают его конституционные права и свободы [2. С. 83].

Российские эксперты по развитию и внедрению информационных технологий справедливо отмечают, что «введение социального рейтинга в любых видах ведет к дискриминации граждан в зависимости от уровня их рейтингов. Фактически социальное рейтингование – это отказ от конституционного принципа равенства прав и обязанностей граждан (установленного ч. 2 ст. 6 и ст. 19 Конституции РФ)» [6].

Низкий социальный рейтинг, присвоенный гражданину, напрямую будет нарушать те или иные положения Конституции РФ, защищающие его конституционные права.

Разделяя справедливость утверждений уважаемых экспертов, укажем тем не менее, что приводимые аргументы не смущают граждан Китая. Такая терпимость к введению социального рейтинга, на наш взгляд, объясняется высоким уровнем доверия населения Китая своему государству [13]. Это положение сложилось по

двум причинам: первая – высшее руководство Китая по крайней мере задекларировало и по возможности постаралось следовать принципу, согласно которому государство Китая крайне серьезно оценивает глобальные вызовы XXI в. и перед их лицом оказывает всемерную поддержку каждому гражданину и не бросает его в случае трудностей; вторая – введение системы социального кредита аккуратно легло на почву уже давно существующих инструментов контроля и поддержки государства, и эта система даже не воспринимается гражданами как какая-то «особенная» или «исключительная».

Эта точка зрения находит свое подтверждение и в материалах статистических исследований, проводимых методом социологических опросов, согласно которым более 50 % китайских граждан испытывают доверие к государственным органам и коммерческим организациям по вопросу того, как они используют персональные данные [4. С. 74]. При этом, конечно, нужно избегать крайностей в понимании системы социального кредитования. Не следует сводить ее всего лишь к чуть усложненной системе формирования банковских кредитных историй, но не следует также абсолютизировать и демонизировать ее, сравнивая с демиургом тотальной слежки по Дж. Оруэллу.

Совершенно иная ситуация (это представляется очевидным, но к тому же также подтверждается данными статистики) складывается с уровнем доверия гражданам государству в Российской Федерации. Так, порядка 60 процентов граждан России признали, что не доверяют работу со своими персональными данными государству и тем более частным компаниям.

С другой стороны, опрошенные респонденты в России горячо поддержали идею опубликования так называемых «черных списков» в отношении преступников, лиц, не исполняющих обязательства по договорам, злостным неплательщикам алиментов и т.д. (за это высказались чуть более 65% опрошенных). Здесь, можем предположить, такой результат в некоторой степени может быть обусловлен особенностями национального менталитета (ведь каждый уверен на 100 %, что в подобном списке никогда не окажется).

Поэтому можно сделать вывод о взаимосвязи уровня доверия в обществе и возможности введения системы социального кредита – чем оно будет выше, тем легче будет перейти на эту систему. Еще раз подчеркнем, что подобная система действительно не является какой-то особенной. Те или иные рейтинги сегодня активно применяются как для физических, так и для юридических лиц. Так, например, пользователи, ведущие активную деятельность по покупке товаров в электронных интернет-магазинах, даже не станут рассматривать товар, имеющий низкий рейтинг от пользователей либо на который написаны отрицательные отзывы, что выражается в конкретном снижении прибыли для магазина.

Вообще любое юридическое лицо, имеющее собственный сайт в сети «Интернет», может выступить объектом для оценивания. Это ярко прослеживается сегодня на страницах сайтов высших учебных заведений: каждый сайт крупного учебного заведения предоставляет открытую возможность посетителям как выставлять оценки вузу, так и писать развернутые текстовые отзывы о работе вуза или условиях обучения в нем.

Закключение. Итак, проведя анализ введения системы социального кредита в России и Китае, приходим к следующим выводам.

1. В Китае пилотные проекты введения системы социального кредита оправдали себя и с успехом работают во многих провинциях. Такой эффект обусловлен высоким уровнем доверия населения Китая государству и общим менталитетом китайского народа. Попытки слепо скопировать этот опыт в российских политико-правовых условиях могут оказаться негативными как раз по обозначенным причинам – достаточно низким уровнем доверия населения в России государству, и особенно бизнес-сообществу, и опасностями усиления коррупционной составляющей в борьбе субъектов за «лучший» рейтинг.

2. Опросы граждан Китая показывают их удовлетворенность назначением им социального рейтинга за счет автоматической обработки их персональных данных, однако поспешные решения в этом направлении в Российской Федерации могут грубо нарушить конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни. Как справедливо указывает судья Конституционного суда РФ, д.ю.н., профессор Н. С. Бондарь, «информация, защита которой обеспечивается в рамках конституционного права на неприкосновенность частной жизни, охватывает все персональные данные» [1. С. 25–42]. Безусловное внедрение систем искусственного интеллекта может лишить граждан полноценного права управления своими персональными данными и создать угрозу манипулирования и иных злоупотреблений со стороны третьих лиц, включая коммерческие структуры.

3. Учитывая принятые государственные программы по внедрению искусственного интеллекта, совершенно очевидно, что прогресс не остановить и он будет охватывать все большее количество сторон общественной жизни. Но можно пересмотреть концепцию контроля за результатами наблюдений систем искусственного интеллекта, оставив решающее слово за человеком-экспертом.

4. Наиболее уязвимой категорией информации в третьей декаде XXI в. становятся персональные данные граждан. Поэтому нужно предусмотреть как дополнительные поправки в ФЗ «О персональных данных», повышающие их защиту, так и усилить возможности контроля за персональными данными со стороны самих пользователей (по крайней мере, не принуждать их предоставлять информацию о себе тогда, когда без этого можно обойтись).

Список литературы

1. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
2. Липчанская М. А., Заметина Т. В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 78–96.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 25.08.2022).

4. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.
5. Рувинский Р. З., Тарасов А. А. Система социального кредита: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена / Р. З. Рувинский, А. А. Тарасов // Национальная безопасность / nota bene. № 3. – С. 72–88.
6. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (декабрь 2021 г.). URL: president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx (дата обращения: 25.08.2022).
7. Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы: монография / колл. авт.; науч. ред. И. А. Ветренко. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 188.
8. Чернышенко рассказал о темпах внедрения искусственного интеллекта в России. URL: <https://iz.ru/1380790/2022-08-17/chernyshenko-rasskazal-o-tempakh-vnedreniia-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/> (дата обращения: 25.08.2022).
9. Dixon P., Gellman R. The Scoring of America: How Secret Consumer Scores Threat Your Privacy and Your Future. World Privacy Forum (2 April 2014). URL: www.pogowasright.org/the-scoring-of-america-how-secret-consumer-scores-threaten-your-privacy-and-your-future/ (дата обращения: 25.08.2022).
10. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. № 21(7). – Pp. 1565–1593.
11. Lee J. W. Your life is number // Psychology today. 2019. № 7–8. – Pp. 72–81.
12. Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M. M. Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // Policy & Internet. 2018. № 4(10). – Pp. 415–453.
13. Yu Z. China turns televisions and mobile phones in villages into surveillance terminals // Global Times. 27.06.2018. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml> (дата обращения: 25.08.2022).

К. М. Паронян,

кандидат юридических наук, доцент,

Таганрогский институт (филиал) имени А. П. Чехова Ростовского
государственного экономического университета

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. Целью статьи является исследование особенностей механизма реализации такого важного субъективного цифрового права, как право на забвение сквозь призму зарубежной правовой доктрины и правоприменительной практики, а также российского опыта. С помощью общенаучных методов, а также с использованием сравнительно-правового подхода автор исследует механизм реализации права на забвение в России в сравнении с западными аналогами и формулирует

выводы относительно перспектив его совершенствования. В статье обосновывается тезис о необходимости дальнейшего доктринального обсуждения различных аспектов права на забвение и совершенствования действующего российского законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: информация, информатизация, право на забвение, заявитель, оператор поисковой системы, свобода информации

THE MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL SUBJECTIVE RIGHT TO FORGET (INTERNATIONAL AND DOMESTIC EXPERIENCE)

Abstract. The purpose of the article is to study the features of the mechanism for implementing such an important subjective digital right as the right to be forgotten through the prism of foreign legal doctrine and law enforcement practice, as well as Russian experience. With the help of general scientific methods, as well as using a comparative legal approach, the author explores the mechanism for exercising the right to be forgotten in Russia in comparison with Western counterparts and formulates conclusions regarding the prospects for its improvement. The article substantiates the thesis about the need for further doctrinal discussion of various aspects of the right to be forgotten and the improvement of the current Russian legislation in this area.

Keywords: Information, Informatization, Right to be forgotten, Applicant, Search engine operator, Freedom of information

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий фундаментальное субъективное право на свободное получение, хранение и распространение информации приобретает зачастую гипертрофированные формы, что приводит к актуализации проблемы ограничения информации в XXI столетии. Подобным же образом не теряет актуальности, а, наоборот, с новой силой привлекает к себе исследователей проблема нахождения баланса между свободой средств массовой информации (в первую очередь сетевых, цифровых, распространяемых в Интернете) на распространение данных о конкретной личности, с одной стороны, и правом индивида на неприкосновенность частной жизни, на ограничение информации о себе, с другой.

То постоянно усиливающееся значение, которое приобретает в настоящее время информация, а также те угрозы, которые становятся реальным фактором внутренней и внешней политики современных государств, свидетельствуют о формировании конкретной политико-правовой стратегии управления информацией. Основной задачей настоящей статьи, таким образом, является анализ той политико-правовой цифровой стратегии, которая свойственна современной Российской Федерации, в отношении такого важного, хотя и сравнительно нового элемента правового статуса личности, как право на забвение.

Право на забвение (англ. *right to be forgotten*) приблизительно с начала 2000-х гг. относится к числу современных субъективных прав личности в информационной сфере. Поскольку одним из значений термина «забвение» является утрата

памяти о чем-либо [9], можно считать, что право на забвение есть субъективное право требовать удаления тех или иных сведений из определенных цифровых ресурсов, например из информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Для достижения указанной выше цели будет применяться комплекс общенаучных методов познания, а также использован сравнительно-правовой подход в оценке общих и отличительных признаков сложившегося механизма реализации права на забвение в зарубежной политико-правовой традиции и в российском праве.

В отечественной и зарубежной науке существует несколько подходов к пониманию и формулировке рассматриваемого субъективного правомочия. Так, ряд российских ученых называют его правом быть забытым или правом на забвение (понимая их тождественно [1, 2]), а в зарубежных исследованиях встречается указание на право удалить, стереть или уничтожить (англ. *right to erasure*). При этом, несмотря на имеющуюся дискуссию относительно понятия, все же представляется, что главным здесь следует считать не наименование, а суть этого субъективного цифрового права.

В этом плане Е. В. Герасимова в качестве особого признака права на забвение справедливо выделяет его дуалистический характер, проявляющийся, с одной стороны, в том, что право на забвение является элементом неприкосновенности частной жизни, а с другой – выступает как способ защиты ряда конституционных прав, например, права на свободное развитие личности [2. С. 170].

Здесь же важно помнить и еще об одном аспекте права на забвение, широко обсуждаемым сегодня в Западной Европе, а именно о соотношении права на забвение и частной жизни. Дискуссионным остается вопрос, является ли частью личной жизни право на забвение либо же это различные категории. В поддержку последней позиции выдвигается мнение о том, что право на конфиденциальность относится к информации, которая еще не была опубликована, а право на забвение превращает публичную информацию в частную и с определенного момента запрещает доступ к ней третьих лиц [10]. Этот аспект, как представляется, должен стать предметом доктринального обсуждения и в российской науке в ближайшее время, поскольку от его решения зависит дальнейшее направление правового регулирования в этой сфере.

Появление и активная реализация права на забвение в науке справедливо связывается со стремительным развитием сети Интернет, а также вызванной этим процессом практической неподконтрольностью информации, однажды попавшей в Сеть. Появление такой категории, как «цифровая память», которая, по меткому выражению современников, «помнит все», привело к тому, что информация, распространенная в сети Интернет, может храниться там всегда. Именно это и стало причиной своеобразного акта естественной самозащиты общества в XXI в. от «всепроникающей власти Интернета» [3. С. 316].

Либеральная европейская политико-правовая стратегия, как и в случае с иными проявлениями правового статуса личности, идет немного дальше отечественной, при этом оставаясь интересным объектом для изучения и дальнейшего совершенствования механизма реализации права на забвение. К примеру, французская модель права на забвение в числе прочих изначально была основана на понимании

права осужденного, уже отбывшего свой срок наказания, требовать прекращения публикации фактов о его тюремном прошлом. В английской традиции встречается упоминание об «исчерпанности» судебного приговора, сведения о котором с течением времени могут быть ограничены или удалены по требованию заявителя.

Вместе с тем можно отметить некоторые прогрессивные моменты и в современной российской консервативно-модернистской политико-правовой стратегии в отношении права на забвение. Так, если, к примеру, в современном французском или итальянском праве гражданам соответствующих государств разрешается направлять запросы на удаление информации «из поисковой выдачи», связанной исключительно с действиями конкретного лица, то в отечественном законодательстве допускаются запросы на удаление информации, связанной и с некоторыми событиями [4. С. 225].

Право на забвение нашло весьма широкое отражение в международно-правовых документах. Основу его составляют, например, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, запрещающая произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь индивида, ряд иных фундаментальных международных договоров о правах человека. Точкой отсчета для возникновения законодательной основы права на забвение можно считать судебное дело М. К. Гонсалеса против каталонской газеты *La Vanguardia* и компании Google, предметом которого стало требование удалить устаревшие сведения о продаже дома заявителя за долги, датированные 1998 г. В результате Европейский суд по правам человека признал правоту заявителя и обязал Google удалить все ссылки с именем М. К. Гонсалеса из поисковой системы [11].

Отечественный законодатель в целом воспринял западную модель. В частности, в ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ указывается на обязанность оператора поисковой системы, распространяющий в сети Интернет рекламу, направленную на привлечение внимания российских потребителей, по требованию гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя (данная норма была введена в действие 1 января 2016 г. Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и, по обоснованному мнению Е. А. Войниканис, явилась следствием влияния западной концепции цифровых прав в России [1. С. 72]).

Субъектом права на забвение является гражданин, физическое лицо. Из общей категории граждан исключаются специальные субъекты, например, государственные служащие, обязанностью которых в соответствии с Федеральным законом № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» является размещение общедоступной информации, не допускающей никаких ограничений к доступу. Соответственно, специальные субъекты не вправе требовать забвения.

В техническом плане реализация права на забвение не предполагает удаление из сети Интернет той или иной информации, к ней лишь затрудняется доступ. Поэтому говорить о том, что цифровое пространство может в буквальном смысле «забыть» ту или иную информацию, некорректно. В этом, на наш взгляд, можно видеть и проявление современного института цензуры: информация не удаляется, ограничивается лишь доступ к ней в интересах конкретного пользователя, субъекта права.

На практике право на забвение в соответствии с указанным ФЗ-149 реализуется путем удаления ссылок на информацию о конкретном пользователе в случае обращения к результатам поиска по фамилии и имени заявителя. При этом обращение заявителя с требованием о прекращении выдачи определенных сведений должно содержать данные о самом физическом лице (его имя, паспортные данные, полные контактные данные), объем информации, подлежащей ограничению, указатель страницы сайта, где эта информация находится и, наконец, согласие заявителя на обработку его персональных данных.

Оценить эффективность механизма реализации права на забвение, как элемента современной российской консервативно-модернистской политико-правовой стратегии, можно сквозь призму правоприменительной практики, которая наглядно демонстрирует сильные и слабые стороны анализируемой правовой конструкции. Так, первое судебное решение, обязавшее оператора поисковой системы прекратить выдачу ссылок на информацию, было вынесено в России в 2017 г. Истец (бывший министр сельского хозяйства РФ Е. Б. Скрынник) после отказа поисковой системы «Яндекс» удалить недостоверные сведения обратилась в суд, который в полной мере удовлетворил ее требования [6]. Также следует выделить и первое упоминание о праве на забвение, закрепленное в Определении Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) 2018 г. [7]. В соответствии с правовой позицией КС РФ право на забвение в сети Интернет есть производное субъективное право от таких особых конституционных прав, как право на неприкосновенность частной жизни и запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его непосредственного согласия.

Практика показывает, что в реализации права на забвение в России имеются определенные сложности, в первую очередь связанные с тем, что именно оператор поисковой системы (например, Google, Яндекс и т. д.) должен определить факт нарушения законодательства и, соответственно, подтвердить, что информация является недостоверной или неактуальной. При этом не всегда конкретный оператор системы может быть компетентен в решении оговоренных в законе вопросов. Таким образом, фактически операторам поисковых систем переданы несвойственные им полномочия, традиционно относимые к ведомству правоохранительных и судебных органов.

При этом если относительно понятия «недостоверная информация» в правоприменительной практике есть хоть какая-то определенность (очевидно, что это некоторые сведения, которые не соответствуют действительности), то в отношении неактуальной информации или утратившей значение для заявителя информа-

ции дело обстоит гораздо сложнее. В большинстве случаев вопрос об актуальности или неактуальности информации является субъективным, а потому указанная сфера требует дальнейшей регламентации. Правильные вопросы в этом плане задает Е. М. Подрабинок, а именно: как быть, если внешность человека изменилась в связи с возрастом, в связи с медицинским вмешательством и т. д. – может ли человек требовать удаления ссылок на свои фотографии, поскольку они уже не соответствуют действительности? [8. С. 296]. Эти вопросы остаются, к сожалению, на сегодняшний день риторическими, поскольку механизм реализации права на забвение в России требует доработки.

Можно привести в пример и еще одну проблему в реализации субъективного права на забвение. Как справедливо указывает Е. М. Подрабинок, говоря о ситуации с удалением негативных отзывов об оказываемых пользователем сети Интернет услугах, выполненных им работах, производстве им некачественных товаров, такая информация, по мнению самого пользователя, может быть недостоверной, неактуальной [8. С. 296], однако для потребителя негативные отзывы могут быть гораздо полезнее полного их отсутствия. Сюда же относятся и попытки удаления негативных отзывов о работе врачей, различных организаций, оказывающих услуги. Очевидно, что удаление подобной информации по запросу заинтересованных лиц существенно ограничивает объективность поиска достоверной информации [4. С. 225].

Субъективное отношение к оценке информации подтверждается и отчетами о работе самих операторов поисковых сетей. К примеру, в соответствии с опубликованными компанией «Яндекс» статистическими данными по использованию права на цифровое забвение, за период с января по июнь 2021 г. было получено 4405 запросов об удалении определенных сведений (или ограничения доступа к ним третьих лиц) о пользователе сети Интернет по причине неактуальности информации, из которых 2572 были отклонены оператором (что составляет 58 % заявлений), 3069 запросов содержали требование об удалении сведений по причине их недостоверности, 2352 заявления были отклонены (что составляет 77 % заявлений), 3113 запросов были связаны с распространением информации в нарушение законодательства, 2534 из них были отклонены (81 % заявлений) [12].

В свете указанных цифр представляется обоснованным мнение А. И. Минаевой о том, что механизм реализации права на цифровое забвение в настоящее время нельзя признать совершенным. Одним из ключевых факторов здесь выступает право операторов поисковых сетей самостоятельно формировать «поле» для собственного усмотрения, субъективного определения соответствия информации, на которую указывает субъект права на цифровое забвение, критериям, сформулированным в правовых нормах [5. С. 165]. Отсутствие четких критериев, по которым оператор поисковой системы определит неактуальность информации либо зафиксирует утрату значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, является одним из существенных недостатков российского механизма реализации права на забвение.

Следует согласиться с А. И. Минаевой в том, что, если исходить из известного принципа, что права одного человека заканчиваются там, где начинаются права других людей, ограничение потенциального потребителя в возможности ознако-

миться со всей возможной информацией о продавце товаров или исполнителе услуг будет нарушением его прав [5. С. 165]. Здесь также требуется вдумчивый анализ практики со стороны экспертного сообщества для выработки справедливого (насколько это возможно в сфере частноправовых, товарно-денежных отношений) решения.

Наконец, еще одной недоработкой действующего в России механизма реализации права на забвение является тот факт, что при обращении за реализацией своего права на забвение гражданин (заявитель) обязан в своем требовании указывать, в числе прочих, согласие на обработку своих персональных данных. Представляется, что этот пункт может определенным образом служить препятствием для реализации права на забвение: законодатель увязал реализацию права на забвение с согласием на обработку персональных данных заявителя, хотя в российской правоприменительной практике встречается немало случаев отказа от такой обработки. Все же реализация права на забвение не должна быть связана с обязательным получением от заявителя согласия на обработку его персональных данных, поэтому в законодательство целесообразно внести изменение, отменив п. 5 ч. 2 ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Анализ особенностей отечественного и зарубежного опыта применения механизма реализации цифрового субъективного права на забвение показал, что право на забвение можно считать непосредственным элементом современной консервативно-модернистской политико-правовой стратегии, тесно связано с цифровизацией всех сторон жизни современного общества. Появление в российском законодательстве подобного субъективного права следует признать позитивным и прогрессивным явлением.

Вместе с тем отечественный механизм реализации права на забвение требует доработки и совершенствования в силу следующих обстоятельств и по следующим направлениям:

1) доктринально не решен вопрос о соотношении права на забвение и конфиденциальности личной (частной) жизни. Если право на забвение качественно меняет публичную информацию (ранее опубликованные сведения, ставшие достоянием общества), превращая ее в частную с одновременным ограничением доступа к ней третьих лиц, то это должно быть отражено в законодательстве с одновременным указанием на критерии возможной трансформации информации;

2) операторам поисковых систем сегодня переданы несвойственные функции и полномочия, в частности, именно они должны определять факт нарушения законодательства, подтверждать факт недостоверности или неактуальности информации (традиционно это прерогатива суда и иных правоохранительных органов);

3) ограничение информации по запросу заявителей может ограничить права на доступ к информации иных лиц, что приводит к коллизии прав и законных интересов субъектов права. Следовательно, границы возможных ограничений в рамках реализации права на забвение нуждаются в дальнейшем уточнении;

4) следует конкретизировать законодательство в плане закрепления норм о порядке судебного обжалования действий операторов поисковых систем и первоначальных заявителей.

Список литературы

1. Войниканис Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление // Правоведение. 2016. № 3. С. 70–89.
2. Герасимова Е. В. Право на забвение в практике органов конституционного правосудия Российской Федерации и ФРГ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 3 (23). С. 170–187.
3. Керимханова Д. С. Право на забвение // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7. С. 316–317.
4. Логинова Т. Д. «Право на забвение» как способ обеспечения информационной безопасности личности // Актуальные проблемы преступлений и иных правонарушений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2 февраля 2018 г. / под ред. д-ра юрид. наук, доцента Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. № 16 (2). С. 225–226.
5. Минаева А. И. Право на цифровое забвение как субъективное право индивидуальных субъектов права: вопросы теории и практики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3. С. 162–166.
6. Мытищинский городской суд Московской области: официальный сайт. URL: http://mitishy.mo.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=103 (дата обращения: 04.07.2022).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3087-o> (дата обращения: 03.07.2022).
8. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.
9. Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7873> (дата обращения: 01.07.2022).
10. Чикишев Н. А. Право на забвение в европейском цифровом законодательстве (на примере Франции) // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2348> (дата обращения: 03.07.2022).
11. Google проиграл дело в суде ЕС о защите персональных данных. URL: <https://www.forbes.ru/news/257113-google-proigral-delo-v-sude-es-o-zashchite-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 04.07.2022).
12. Transparency Report («Яндекс»): Обращения по закону «о праве на забвение». URL: <https://yandex.ru/company/privacy/transparencyreport> (дата обращения: 01.07.2022).

И. П. Подмаркова,

кандидат экономических наук, доцент,
Донбасская юридическая академия

ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. Статья нацелена на оценку важности и необходимости решения проблемы актуальности правовой информации, размещенной в сети «Интернет», определение комплекса мер, направленных на решение указанной проблемы. Выделены отличительные особенности правовой информации, ее структура, проведена оценка степени актуальности и достоверности каждого из видов правовой информации в сети «Интернет». Выявлено, что рискам потери актуальности и достоверности в наибольшей степени подвержена неофициальная правовая информация. Определены основные свойства правовой информации. Отмечены важнейшие проблемы, связанные с поиском и использованием неофициальной правовой информации в интернете. Выделены основные группы пользователей правовой информации в интернете. Предложен ряд мер правового, технического, организационного и воспитательного характера, направленных на повышение актуальности и достоверности правовой информации в интернете.

Ключевые слова: интернет, право, правовая информация, актуальность, достоверность, полнота информации, цифровые технологии

THE PROBLEM OF THE RELEVANCE OF LEGAL INFORMATION ON THE INTERNET

Abstract. The article is aimed at assessing the importance and necessity of solving the problem of the relevance of legal information posted on the Internet, determining a set of measures aimed at solving this problem. Distinguishing features of legal information, its structure are singled out, an assessment of the degree of relevance and reliability of each type of legal information on the Internet is carried out. It was revealed that unofficial legal information is most susceptible to the risks of losing relevance and reliability. The main properties of legal information are determined. The most important problems associated with the search and use of unofficial legal information on the Internet are noted. The main groups of users of legal information on the Internet have been identified. A number of legal, technical, organizational and educational measures are proposed to increase the relevance and reliability of legal information on the Internet.

Keywords: Internet, Law, Legal information, Relevance, Reliability, completeness of information, Digital technologies

Введение. Глобальная сеть «Интернет» содержит огромные массивы информации обо всех сферах жизни и деятельности людей, которая имеет тенденцию постоянно увеличиваться с ростом числа пользователей и со временем. Накапливаемая в сети информация не всегда является полной, актуальной, достоверной и объективной. В ряде случаев она может быть небезопасной и даже

вредной, противоречить интересам как государства и общества в целом, так и отдельных групп людей и индивидов. Часть информации, размещенной в сети ранее, может быть устаревшей и не соответствовать современным реалиям. Особое значение имеет актуальность правовой информации, которая имеет тенденцию быстро устаревать и утрачивать свою актуальность для решения юридических вопросов.

Вопросы актуальности и достоверности правовой информации в сети «Интернет» в настоящий момент представляются недостаточно изученными. Среди российских исследователей данную проблему поднимала Е. А. Шульгина (2016) [10], которая проанализировала существующую по состоянию на 2016 г. правовую базу, регламентирующую условия размещения и использования правовой информации в сети «Интернет» и разработала ряд концептуальных предложений по обеспечению актуальности такой информации. Тем не менее данные предложения до сих пор никем не рассматривались и остались нереализованными. Проблема неупорядоченности правовой информации в интернете не только сохранилась, но и усилилась, поскольку ее стало значительно больше.

Вопросы использования информации из сети «Интернет» студентами и другими категориями обучающихся и выделения из имеющихся в интернете данных актуальной для обучения информации рассматривались в статьях А. А. Комаровой (2014) [3], А. Ю. Гузенко (2018) [2], Е. П. Матвеевой и Е. С. Кощеевой (2021) [4], а также ряда других авторов.

Ряд зарубежных исследователей, в частности, W. E. Nwagwu (Нигерия, 2020) [11], M. Van Orijnen, C. Santos (Нидерланды, Испания, 2017) [12] отмечают особенности юридической информации и проблемы, с которыми сталкиваются пользователи во время ее поиска и применения.

Таким образом, исследования по данной тематике очень немногочисленны, что пока не способствует осуществлению конкретных решительных шагов со стороны государства и общества в направлении обеспечения актуальности и достоверности информации в сети «Интернет», прежде всего информации правового характера.

Цель исследования – оценка важности и необходимости решения проблемы актуальности правовой информации, размещенной в сети «Интернет», определение комплекса мер, направленных на решение указанной проблемы.

Основная часть. Под правовой информацией традиционно понимается массив нормативных правовых актов и связанных с ними справочных, нормативно-технических, научно-практических, фактических, учебных и просветительских материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности. Правовая информация в узком смысле включает, прежде всего, совокупность нормативных актов и судебных решений, использование которых предопределяет решение той или иной правовой задачи или способствует ее решению. К правовой информации в широком смысле, размещаемой в сети «Интернет», можно отнести, помимо перечисленного, сайты юридических компаний и фирм, юридических вузов, блоги практикующих юристов, сайты издательств и библиотек, учебные и методические пособия по правовым дисциплинам, студенческие работы, шпаргалки и т. п.

К отличительным свойствам правовой информации можно отнести:

а) ее способность к использованию в решении практических правовых вопросов;

б) системность и взаимосвязанность (изменение даже одной правовой нормы, введение новой или отмена ранее действовавшей может повлечь за собой соответствующие изменения в ряде законов и подзаконных актов, судебной практике и др.), либо, при отсутствии таких изменений – возникновение правовых коллизий и/или пробелов;

в) быстрая заменяемость и обновляемость, вызванная формированием и обновлением законодательства (это характерно для постсоветских стран и молодых частично признанных республик, образованных на постсоветском пространстве, в отличие от стабильных и относительно консервативных правовых систем западных стран, имеющих историю формирования законодательства длиной в несколько столетий), что влечет за собой стремительное устаревание правовой информации;

г) использование неправильной (устаревшей, неполной или недостоверной) правовой информации может повлечь за собой существенные проблемы, ухудшающие качество жизни человека или положение субъекта хозяйствования (нарушения требований действующего законодательства, проигранные судебные процессы, штрафы, потерю имущества или его части, ограничение или лишение свободы, ликвидацию предприятия и т.п.);

д) возможность использования знания законов, в том числе «правовых лазеек» и коллизий для достижения незаконных, деструктивных целей, в надежде на безнаказанность.

Правовая информация традиционно подразделяется на официальную, неофициальную и информацию индивидуально-правового характера, имеющую юридическое значение (например, [9]). Структуру правовой информации можно представить на рис. 1.

Официальная правовая информация исходит от полномочных государственных органов, имеет юридическое значение и направлена на публичное регулирование общественных отношений. Она подразделяется на нормативную и не нормативную правовую информацию.

К нормативной правовой информации относятся официально опубликованные нормативные правовые акты, принятые соответствующими правотворческими органами в пределах их компетенции и направленные на установление, изменение и отмену правовых норм, а также стандарты, технические условия, регламенты и др. документы, разработанные для длительного и многократного применения.

В интернете такая информация может размещаться на официальном интернет-портале правовой информации (в РФ – <http://www.pravo.gov.ru/>, в ДНР – <http://пра.dnronline.su/>), а также в негосударственных справочно-правовых системах – «Консультант Плюс» и «Гарант» в России, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки [7], в государственной информационной системе нормативных правовых актов ДНР (ГИС НПА ДНР – <https://gisnpa-dnr.ru/>). В данных источниках правовая информация оперативно корректируется, ее актуальность и достоверность не вызывает сомнений.

Рис. 1. Структура правовой информации

Также законы и другие нормативные правовые акты могут публиковаться на официальных сайтах Президента РФ и Главы ДНР, на официальных сайтах высших законодательных органов – Государственной Думы РФ и Народного Совета ДНР, высших исполнительных органов – Правительств РФ и ДНР, на официальных сайтах министерств и ведомств, Центральных банков (Банка России и ЦРБ ДНР), судебных органов и др. И, если в Российской Федерации, как правило, проблема актуальности правовой информации законодательного характера на данном уровне в значительной степени решена, то в ДНР на официальных сайтах ряда государственных органов нормативные правовые акты приведены в формате .pdf на дату их принятия без внесения изменений в первоначальную редакцию документов, файлы с изменениями размещены отдельно. В этой ситуации пользователю, который постоянно не отслеживал изменения, внесенные в тот или иной акт, слишком сложно разобраться, подвергался ли каким-либо изменениям данный акт или нет, и насколько актуальна на сегодняшний день данная редакция документа. До недавнего времени на ряде официальных сайтов органов исполнительной власти ДНР размещались и утратившие силу нормативные правовые акты без соответствующей пометки об этом, либо были указаны как действующие. Несомненно, такое положение вносит определенную путаницу не только для лиц, не имеющих юридического образования, но и для ряда юристов, не специализирующихся на той или иной отрасли права.

Поэтому при принятии решений, имеющих юридическое значение, а также при подготовке справочных материалов, комментариев, консультаций, учебной

литературы, выполнении контрольных, курсовых и выпускных работ студентами юридических специальностей важно пользоваться только актуальными, своевременно обновляемыми версиями нормативных правовых актов.

Не нормативная официальная правовая информация включает: акты, принимаемые (издаваемые) с целью осуществления разовых организационных, контрольных или распорядительных мероприятий либо рассчитанные на иное однократное применение (распоряжения, приказы, приговоры и определения судов и т. д.). Сюда же относятся официальные обобщения судебной практики и разъяснения высших судов, судебная практика по конкретным делам, официальное толкование нормативных актов, а также официальные государственные реестры (например, кредитных организаций, страховых организаций, субъектов предпринимательства и т. д.) и кадастры (земельный, водный, лесной, особо охраняемых природных территорий и др.).

Достоверность такой информации, размещенной в интернете, как правило, не подвергается сомнению, поскольку изменения в нее практически не вносятся. При размещении не нормативных правовых актов в интернете важно правильно указывать все их основные реквизиты, прежде всего наименование органа, принявшего акт, дату принятия и номер.

Информация индивидуально-правового характера, имеющая юридическое значение, представляет собой информацию, исходящую от различных субъектов права, которые не имеют властных полномочий, направленную на создание (изменение, прекращение) конкретных правоотношений, то есть, влекущую за собой юридические последствия. Эти акты носят индивидуально-правовой (частно-правовой) характер и направлены на создание, изменение или прекращение конкретных правоотношений.

Такие документы, как правило, реже размещаются в интернете со всеми реквизитами, поскольку они не имеют публичного характера и в ряде случаев могут относиться к информации с ограниченным доступом: например, содержать информацию о персональных данных или сведения, составляющие коммерческую, налоговую, банковскую или другую профессиональную тайну. Размещение в открытом доступе документов индивидуально-правового характера допустимо, как правило, с согласия субъекта, к которому относится содержащаяся в них информация, кроме случаев, установленных законодательством.

Наибольший интерес в плане обеспечения актуальности, своевременности и достоверности правовой информации представляет неофициальная правовая информация.

Неофициальная правовая информация – это массив сведений о законодательстве и практике его осуществления (применения), которые не влекут правовых последствий и обеспечивают эффективную реализацию правовых норм.

Такую информацию можно условно подразделить на профессиональную, научно-исследовательскую, учебную, просветительскую и прочую неофициальную правовую информацию.

К профессиональной правовой информации, размещаемой в сети «Интернет», относятся:

- сайты профессиональных юридических объединений, компаний и фирм;
- личные сайты, блоги и страницы в социальных сетях профессиональных юристов – консультантов, адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих и др.;

- отчеты и аналитические обзоры судебных и правоохранительных органов;

К научно-исследовательской правовой информации относятся:

- официальные сайты юридических вузов и факультетов, научно-исследовательских институтов;

- научные журналы и сборники материалов конференций, круглых столов и других научных мероприятий, научные доклады, монографии;
- диссертации и авторефераты диссертаций;
- научно-практические комментарии и толкования нормативных правовых актов;

- материалы правовой статистики.

К правовой информации учебного характера относятся:

- учебники и учебные пособия по юридическим дисциплинам;
- учебно-методические материалы;
- программы переподготовки и повышения квалификации юридической направленности;

- учебные фильмы, презентации, наглядные пособия, тренажеры и т. п.

К правовой информации просветительского характера относятся:

- электронные журналы и газеты правовой направленности, издательства;
- библиотеки и публичные центры правовой информации (ПЦПИ) [1];
- сайты общественных и непрофильных образовательных организаций

К прочей неофициальной правовой информации относятся:

- дипломные, курсовые, контрольные работы, отчеты по практике, рефераты и другие работы обучающихся по юридическим дисциплинам;
- электронные шпаргалки, лекции;
- видеоблоги правовой направленности, и т.д.

Правовая информация должна обладать такими свойствами, как:

- достоверность – соответствие ее содержания действующему законодательству государства (некоторые размещенные в интернете рефераты и даже курсовые и дипломные работы низкого качества, а также консультации фальсифицируются путем, например, замены слов «законодательство РФ» или «законодательство Украины» на «законодательство ДНР» при неизменном содержательном аспекте);

- полнота – означает, что информация учитывает все важнейшие аспекты правового явления или объекта исследования, а не только один аспект или часть аспектов (примером неполноты может быть ситуация, когда при решении конкретного юридического вопроса в сфере банковской деятельности учитываются только нормы закона о ЦРБ ДНР, но не учитываются положения Гражданского кодекса и подзаконных актов);

- актуальность (своевременность) – информация должна быть действительна на дату обращения к ней, а не быть устаревшей (измененной или утратившей силу).

В качестве основных проблем, связанных с поиском и использованием неофициальной правовой информации в интернете, можно выделить следующие:

1. Сложность оценки достоверности правовой информации. На ряде сайтов могут быть не указаны необходимые реквизиты нормативного правового акта, а также дата публикации информации, в ряде случаев приводится неполное или искаженное наименование акта, не уточняется, в каком государстве он был принят.

2. Сложность в определении актуальности нормативного правового акта, вызванная прежде всего отсутствием даты публикации информации о нем.

3. Невозможность оценить полноту и всесторонность, например, текста юридической консультации, поскольку не всегда указываются конкретные нормативные правовые акты и их статьи (пункты), на которые ссылается автор текста, не ставится дата публикации.

4. Отсутствие механизма ответственности за размещение недостоверной правовой информации [10. С. 40].

5. В процессе поиска в результате поисковых запросов на первых позициях нередко могут оказываться сайты со студенческими работами, шпаргалками, неавторизованными лекциями и устаревшими учебными пособиями, а также тексты, имеющие высокий процент оригинальности, но в то же время – недостоверное или бессмысленное содержание.

6. Размещение в интернете рекомендаций по получению потенциальными клиентами желаемого в обход действующего законодательства или рекламы таких услуг (например, украинские беженки в католической Польше, где запрещены аборты, советуют друг другу совершить аборт по судебно-медицинским показаниям, сославшись на то, что они якобы были изнасилованы российскими солдатами; рекомендации о том, как на законных основаниях можно не выплачивать кредит и т. д.).

7. Ссылки на некоторые юридические консультации и учебные пособия, размещенные на непроверенных сайтах, содержат компьютерные вирусы и другие вредоносные программы.

Среди пользователей правовой информации можно выделить следующие основные группы:

1. Юристы, занимающиеся независимой профессиональной деятельностью (юрисконсульты, нотариусы, адвокаты).

2. Сотрудники судебной и правоохранительной системы.

3. Государственные служащие.

4. Юристы, работающие на предприятиях, в организациях, учреждениях.

5. Бухгалтеры, финансисты и налоговики.

6. Преподаватели юридических дисциплин и научные работники.

7. Обучающиеся (студенты, курсанты, слушатели и др.).

8. Граждане без юридического образования, желающие решить конкретный юридический вопрос лично для себя или для близкого человека.

9. Лица, желающие получить новые знания.

10. Преступные элементы для поиска возможных «лазеек» в действующем законодательстве.

Меры, направленные на повышение актуальности и достоверности правовой информации, размещенной в сети «Интернет», могут быть объединены в следующие группы.

1. Правовые. Направлены на создание, формирование и совершенствование правовой базы в сфере размещения информации в сети «Интернет», в том числе правовой. В России основа для создания такой базы была положена с момента принятия Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

В ДНР принят во многом аналогичный закон «Об информации и информационных технологиях» от 07.08.2015 № 71-ИНС. В Законе, в частности, определены основные понятия в сфере интернет-коммуникаций (ст. 2), обязанности организатора распространения информации в сети «Интернет» (ст. 11), особенности распространения блогером общедоступной информации (ст. 12), основы государственного регулирования в сфере применения информационных технологий (ст. 14), виды и основы функционирования информационных систем (ст. 15), в том числе государственных информационных систем (ст. 16), порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав (ст. 19), порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона (ст. 20), порядок ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Донецкой Народной Республики в области персональных данных (ст. 22), общие положения о защите информации (ст. 23) [5].

Однако действующее законодательство как России, так и ДНР не предусматривает даже минимальных требований к достоверности и актуальности правовой информации, размещаемой на интернет-ресурсах. К таким требованиям следует отнести: указание основных реквизитов нормативного правового акта (полное название, дата принятия, номер, каким органом принят, при наличии внесенных изменений – на какую дату актуален данный текст документа). Кроме того, целесообразно обязать владельца сайта, размещающего правовую информацию, с определенной периодичностью (например, не реже одного раза в месяц) проверять достоверность такой информации и при необходимости вносить коррективы.

Также целесообразно на законодательном уровне запретить распространение информации, содержащей способы ненаказуемого нарушения действующего законодательства, и рекламирование подобных услуг.

Определенную роль в упорядочении правовой информации должно сыграть и развитие цифрового права в целом.

2. Технические. Данная группа мер направлена на использование современных достижений в сфере цифровых компьютерных технологий прежде всего в трех основных направлениях: 1) объединение всей правовой информации государства в единую систему; 2) обеспечение безопасности и сохранности информации; 3) достижение стабильности и надежности работы системы.

Как отмечает Е. А. Шульгина, в России с 2015 г. положено начало объединению государственных ресурсов сети «Интернет» в единый российский государственный сегмент этой сети. Указом Президента Российской Федерации

от 22.05.2015 N 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» утвержден «Порядок подключения информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещения (публикации) в ней информации через российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Осуществление этой задачи возложено на Федеральную службу охраны Российской Федерации [10, с. 40].

А. В. Панова предлагает для наиболее полного устранения неопределенности в праве использовать современные достижения в области информационных технологий, посредством которых необходимо перейти к постепенной цифровизации законодательной системы Российской Федерации. Данный механизм предлагается реализовать при помощи создания специальных библиотек (сборников подпрограмм или объектов, используемых для разработки программного обеспечения), реализующих классы объектов правовых отношений [6].

Реализация указанных мер позволит упорядочить и объединить в единую систему все информационные системы различных государственных органов, содержащие официальную правовую информацию, а также другие сведения, используемые для реализации правовых норм. Практически все органы государственной власти и управления РФ сейчас имеют свои официальные сайты, но пока не все они вошли в единую систему.

3. Организационные. Эти меры направлены на создание условий для повышения актуальности и достоверности правовой информации в интернете и включают совокупность мероприятий по отбору, подбору, инструктированию и обучению персонала, разработка корпоративных и отраслевых правил и принципов размещения такой информации, этического кодекса по работе с правовой информацией. Целесообразно унифицировать соответствующие правила, принципы и нормы на уровне отраслевых объединений или саморегулируемых организаций. Также представляется перспективным развитие механизма добровольного общественного контроля за достоверностью и актуальностью юридической информации с возможностью выставления оценки для каждой публикации, указания в комментариях, в чем именно состоит несоответствие опубликованного текста действующему законодательству, и/или внесения пользователями правок в текст по аналогии с Википедией. За активное участие пользователей в оценке или правке текста возможно предоставление им каких-либо льгот и привилегий: моральное или финансовое поощрение, повышение ранга, бесплатный доступ к платной информации, бесплатная консультация юриста и т. п. М. Van Orijnen и С. Santos упоминают категорию юридической ценности информации, которая позволит сократить поиск наиболее релевантной (соответствующей конкретному запросу пользователя) информации юридического характера [12. Р. 84].

4. Воспитательные. Указанные меры актуальны прежде всего в отношении различных категорий обучающихся и направлены на выработку у них навыков культуры поиска, отбора и работы с информацией из сети «Интернет», в том числе правового характера. Так, А. А. Комарова в своем исследовании отмечает, что практически 100 % студентов основным способом поиска необходимых источни-

ков выбирают: «вбивая ключевые слова в поисковике, используя банки рефератов, курсовых», поскольку этот способ получения информации для них «наиболее простой и быстрый». В результате студенты пользуются недостоверной, искаженной, неполной, неоперативной информацией, а также теряют (или не приобретают) способность определять истинность информации, работать с печатной книгой, библиотечными каталогами. Далее автором была проведена работа по обучению студентов способам определения достоверности информации по таким критериям, как достоверность, объективность, актуальность, полнота, ценность и понятность, после чего большинство студентов стали подвергать сомнению истинность информации в Сети. Существенно уменьшился процент студентов, использующих при написании курсовых работ и рефератов информацию из Википедии (с 77 до 22 %), а процент студентов, никогда не использовавших литературу из библиотеки вуза, сократился с 54 до 12 % [3].

А. Ю. Гузенко отмечает важность развития способности критического оценивания информации у студентов, выделяя в рамках критического оценивания информации ценностно-мотивационный, когнитивный и информационно-деятельностный компоненты [2]. Е. П. Матвеева и Е. С. Кощеева по результатам проведенного ими исследования заключают, что полученные абитуриентами в школе умения правильно работать в интернете не закрепились. Лишь у небольшого процента студентов проявилось умение осуществлять поиск информации на высоком уровне. Поэтому для развития такого умения при организации занятий необходимо активнее использовать практико-ориентированные задания, задавать провокационные вопросы, побуждающие мыслительную деятельность, а не поиск в интернете готовых ответов [4].

И. А. Червяков и О. В. Солопов приводят перечень информационно-правовых порталов, справочных систем и реестров, которые могут быть полезны студентам при изучении гражданско-правовых дисциплин, подчеркивают важность правильного обозначения студентам направления поиска правовой информации, указания наиболее авторитетных источников и обучения правильной стратегии и тактике отбора правовой информации [8].

W. E. Nwagwu в своем исследовании отмечает такие основные необходимые меры для повышения доступности правовой информации для пользователей, выбранные респондентами (можно было выбрать несколько вариантов ответа), как:

- создание информационных центров (отметили 80,6 % опрошенных);
- обеспеченность интернет-средствами и обучение юристов работодателями (72,8 %);
- развитие информационно-коммуникационных технологий (71,8 %);
- предоставление актуальной и современной информации (66,0 %);
- создание хорошо оборудованных библиотек для юристов (59,2 %);
- предоставление переводных версий журналов, написанных на иностранных языках (54,4 %) [11. Р. 17].

Практически все из отмеченных мер (кроме третьей – технической) носят организационный характер, что определяет важность данной группы мер для условий Нигерии.

В условиях России и ДНР значимыми представляются все перечисленные группы мер, которые нужно реализовывать в комплексе. Основным условием для их эффективной реализации в современных условиях представляется цифровизация правовой информации.

Заключение. По результатам проведенного исследования проблем актуальности правовой информации в сети «Интернет» можно сделать следующие выводы:

1. Следует уяснить, что правовая информация является особой категорией информации, обладающей рядом отличительных свойств, поэтому при размещении ее в сети «Интернет» крайне важно обеспечить ее актуальность, достоверность и полноту.

2. Правовая информация подразделяется на официальную и неофициальную информацию, а также информацию индивидуально-правового характера, имеющую юридическое значение. Проблемы актуальности правовой информации в интернете выражены прежде всего в отношении неофициальной информации, а также отчасти – в официальной информации, что особенно актуально для ДНР, где собственное законодательство начало формироваться относительно недавно в условиях военных действий и нехватки ресурсов.

3. Среди основных проблем, связанных с поиском и использованием неофициальной правовой информации в интернете, следует выделить: сложность оценки достоверности и актуальности правовой информации в случае отсутствия основных реквизитов нормативного правового акта и даты его размещения на сайте; невозможность оценить полноту и всесторонность информации; отсутствие механизма ответственности за размещение недостоверной правовой информации; недостаточно релевантные результаты поиска; размещение в интернете противозаконных правовых рекомендаций; наличие компьютерных вирусов и других вредоносных программ на ненадежных сайтах, где размещена информация юридического характера.

4. Меры, направленные на повышение актуальности и достоверности правовой информации, размещенной в сети «Интернет», могут быть объединены в следующие группы: правовые, технические, организационные и воспитательные. Все эти меры следует реализовать в комплексе. Основным условием для их эффективной реализации в современных условиях представляется цифровизация правовой информации.

Список литературы

1. Антоненко А. А. Особенности развития публичных центров правовой информации на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8 (123). С. 31–33.
2. Гузенко А. Ю. Умение критически оценивать информацию как ключевая компетенция в системе высшего образования // Управление образованием: теория и практика. 2018. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umenie-kriticheski-otsenivat-informatsiyu-kak-klyuchevaya-kompetentsiya-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 16.09.2022).

3. Комарова А. А. Развитие у студентов умения анализировать и отбирать информацию в сети Интернет // Дискуссия. 2014. № 6(47). С. 81–85.
4. Матвеева Е. П., Кошечева Е. С. Проблемы поиска достоверной информации студентами в сети Интернет // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-poiska-dostovernoy-informatsii-studentami-v-seti-internet> (дата обращения: 16.09.2022).
5. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 71-ІНС (ред. на 29.06.2022). URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 17.09.2022).
6. Панова А. В. Цифровизация законодательной системы Российской Федерации как инструмент решения проблемы неопределенности в праве // Современное право. 2021. № 7. С. 5-9.
7. Таннинг Ж. Ф., Петрова И. А. Особенности применения элементов экспертной системы для управления правовой информацией // Актуальные вопросы развития науки на современном этапе: сборник статей / под общ. ред. Г. Н. Гужиной. – М., 2019. С. 66–72.
8. Червяков И. А., Солопов О. В. Особенности преподавания гражданского права в условиях работы студентов с большими массивами правовой информации // Разработка учебно-методического обеспечения для внедрения инновационных методов обучения при реализации ФГОС ВО 3++: материалы XLVI научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, соискателей ТГПУ им. Л. Н. Толстого / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; под общей редакцией В. А. Панина. Тула, 2019. С. 401–402.
9. Шавыркин Б. Б. Информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие. Донецк: ДЮА, 2019. – 333 с.
10. Шульгина Е. А. Проблемы достоверности и актуальности правовой информации в сети Интернет // Научный обозреватель: научно-аналитический журнал. 2016. № 12 (72). С. 39–41.
11. Nwagwu W. E. Information Needs, Information Sources, Information Uses and Information-seeking Behaviours of Lawyers in Oyo State Nigeria // South African Journal of Information Studies. 2020. December. 22 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.20430.69444. URL: https://www.researchgate.net/publication/346719623_Information_Needs_of_Lawyers (дата обращения: 18.09.2022).
12. Van Opijnen M., Santos C. On the concept of relevance in legal information retrieval // Artificial Intelligence and Law. 2017. Volume 25. P. 65–87. DOI 10.1007/s10506-017-9195-8. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10506-017-9195-8.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).

К. А. Пономарева,

доктор юридических наук, доцент,

Научно-исследовательский институт

Министерства финансов Российской Федерации

НАЛОГ НА ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ: ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены подходы международных организаций к налогообложению цифровых бизнес-моделей, опыт отдельных зарубежных стран, имплементировавших в национальное законодательство идею налогообложения цифровых услуг, а также возможные подходы к использованию зарубежного опыта налогообложения цифровых услуг в Российской Федерации. В основу исследования положен сравнительно-правовой метод. Сделан вывод о том, что опыт зарубежных стран свидетельствует о наличии тренда принятия странами собственных цифровых налогов. Однако они обладают множеством отличий друг от друга, что приводит к двойному налогообложению, не устранимому на основе существующих международных налоговых соглашений и национального законодательства.

Ключевые слова: налогообложение, цифровая экономика, налог на цифровые услуги, налоговое регулирование, налоговая политика, налоговое администрирование, ОЭСР, ООН

DIGITAL SERVICES TAX IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL TAX REFORM: THE PRACTICE OF FOREIGN COUNTRIES AND PROSPECTS OF INTRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the approaches of international organizations to the taxation of digital business models, as well as the experience of foreign countries that have implemented the idea of taxation of digital services into national legislation. Possible approaches to the use of foreign experience of taxation of digital services in the Russian Federation are considered. The research is based on the comparative legal method. It is concluded that the experience of foreign countries indicates that there is a trend of countries adopting their own digital taxes. However, they have many differences from each other, which leads to double taxation, which cannot be eliminated on the basis of existing international tax agreements and national legislation.

Keywords: Taxation, Digital economy, Digital services tax, Tax regulation, Tax policy, Tax administration, OECD, UN

Введение. Развитие цифровой экономики существенно меняет налоговое регулирование во всем мире. Рассматриваемая проблематика весьма актуальна для Российской Федерации. Необходимость обеспечить соблюдение фискальных интересов государства в условиях цифрового уклада экономики требует трансформации подходов к регулированию налоговых отношений как в контексте определения

правовых форм для регламентации налоговой базы, облагаемой в России, так и для воздействия на международную налоговую политику с целью использования преимуществ, предоставляемых международной налоговой кооперацией, и нейтрализации угроз, вызываемых международной налоговой конкуренцией. Эти задачи сохраняют свою актуальность и в современных условиях санкционных ограничений.

Поскольку предприятия во всех секторах экономики все больше вовлечены в процессы цифровизации, ключевым становится вопрос о том, как предприятия должны облагаться налогом и как этот налог распределяется между юрисдикциями. На этот вопрос государства, несомненно, должны искать общий ответ: любые фундаментальные изменения в глобальных международных налоговых правилах должны основываться на консенсусе, чтобы уменьшить налоговые разногласия и конфликты. Однако другой стороной этой медали является необходимость обеспечить соблюдение фискальных интересов государств с различными особенностями их экономик. Это потребует трансформации подходов к нормативно-правовому регулированию системы налогов и сборов, принципов налогообложения, элементов налогообложения, налогового администрирования.

Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Европейский союз (далее – ЕС) являются ключевыми международными объединениями, формирующими повестку для обсуждения скоординированных реформ, направленных на решение налоговых проблем цифровой экономики. Если говорить о новой взаимосвязи, основанной на цифровом присутствии, то речь идет не только о противодействии размыванию налоговой базы и выводу прибыли, но и, в первую очередь, о новом распределении налоговых прав [4].

В отсутствие консенсуса многие государства начали формулировать односторонние правила налогообложения цифровой экономики. Эти практики усложняют определение юрисдикции, уполномоченной облагать налогом цифровую международную группу компаний.

Целью мер, предложенных ОЭСР и ООН для решения налоговых проблем цифровой экономики, является определение налогооблагаемой связи (пересмотр концепции постоянного представительства и оценка того, приводят ли сбор данных и их монетизация к созданию стоимости для целей трансфертного ценообразования). Большинство налоговых соглашений основаны либо на Типовой конвенции ООН для урегулирования налоговых отношений между развитыми и развивающимися странами [28] (далее – Типовая конвенция ООН), либо на Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал [22] (далее – МК ОЭСР), в которых используется традиционная концепция постоянного представительства.

Иностранное предприятие подлежит налогообложению только в том случае, если оно имеет физическое присутствие, которое в широком смысле определяется как место, где полностью или частично осуществляется деятельность данного предприятия. Государство может облагать налогом компании только в том случае, если установлена налоговая привязка (*nexus*) к данной юрисдикции. Однако цифровизация позволяет компаниям осуществлять экономическую деятельность без физического присутствия в юрисдикции. Это может привести к ситуации, когда

налоги не отражают стоимость и прибыль, создаваемые предприятием. Активы цифрового бизнеса можно легко перемещать из одной юрисдикции в другую, чтобы избежать налогооблагаемого присутствия в тех странах, где налоги выше. Кроме того, такие виды деятельности как сбор местных данных или размещение товаров, которые ранее считались чисто вспомогательными по своему характеру, как правило, лишь незначительно увеличивали прибыль бизнеса и поэтому игнорировались для целей распределения прибыли, в эру цифровой экономики выходят на первый план [12].

Налоги на цифровые услуги: опыт стран ОЭСР. Опыт многих стран ОЭСР свидетельствует о тенденции введения национальных цифровых налогов. В настоящее время они введены в Австрии, Франции, Венгрии, Италии, Польше, Португалии, Испании, Турции и Великобритании. Бельгия, Чешская Республика и Словакия опубликовали предложения о введении налогов на цифровые услуги, а Латвия, Норвегия и Словения официально объявили о намерениях ввести такие налоги [15].

Однако эти налоги обладают множеством различий, что приводит к двойному налогообложению, отсутствию правовой определенности и искажению конкуренции. Например, в Австрии и Венгрии облагаются налогом только доходы от онлайн-рекламы. Налоговая база во Франции гораздо шире, включая доходы от предоставления цифрового интерфейса, таргетированной рекламы и передачи данных, собранных о пользователях в рекламных целях. Налоговые ставки варьируются от 1,5 % в Польше до 7,5 % в Венгрии и Турции (хотя налоговая ставка в Венгрии временно снижена до 0 %) [14].

На протяжении последних лет международные организации неоднократно высказывали мнение, что существующая международная налоговая система не отражает тенденции цифровизации экономики. Эти опасения широко обсуждаются в российских и иностранных исследованиях по налоговой тематике [3. С 29-33, 5, 8, 14, 16, 23, 24, 28]. Согласно действующим международным налоговым правилам транснациональные корпорации обычно платят корпоративный подоходный налог по месту физического присутствия, а не там, где находятся потребители или, говоря о цифровом секторе, пользователи. Таким образом, классические правила налогообложения по территориальному и резидентскому принципам уже не актуальны для цифровых компаний.

Для решения этих проблем ОЭСР был разработан двухкомпонентный подход к решению налоговых проблем, возникающих в связи с цифровизацией экономики [29].

По состоянию на июль 2022 г. этот подход был согласован с представителями 139 стран. Первый компонент направлен на адаптацию международной системы подоходного налогообложения к новым бизнес-моделям путем внесения изменений в правила распределения налога на прибыль между странами. Второй компонент касается глобального минимального налога: его основной идеей является мировая минимальная налоговая ставка 15%.

Как отмечается в отчете Генерального секретаря ОЭСР от 11 июля 2022 г., разработаны и готовы к внедрению странами глобальные минимальные налоговые правила второго компонента, а ключевые правила первого компонента были

обнародованы для консультаций с общественностью. Новый срок предусматривает завершение работ к первой половине 2023 г. [13].

Секретариат ОЭСР 11 июля 2022 г. опубликовал отчет о ходе работы по Сумме А первого компонента [27].

В отчете указано, что правила Суммы А не вступят в силу в 2023 г., как это было запланировано в рамках Инклюзивной структуры ОЭСР/G20 по BEPS, поскольку предстоит проделать дополнительную работу. Сумма А – это новое налоговое правило, которое применяется к части остаточной прибыли крупных и высокорентабельных предприятий в пользу юрисдикций, в которых поставляются товары или услуги или находятся потребители (страны-рынки). Это правило действует как дополнение к существующим правилам распределения прибыли и включает механизм согласования различных систем распределения прибыли и предотвращения двойного налогообложения. Правила Суммы А подробно описаны в заявлении ОЭСР от 8 октября 2021 г. [29].

В дополнение к правилам Суммы А Многосторонняя конвенция будет содержать положения, требующие отмены всех существующих налогов на цифровые услуги и аналогичных мер в отношении всех компаний. Также указанная конвенция будет предусматривать обязательство для стран не вводить новых налогов на цифровые услуги или аналогичных мер. Июльский отчет ОЭСР не содержит каких-либо изменений в этой части в свете новых сроков вступления в силу правил Суммы А.

1. Поскольку цифровые налоги в основном затрагивают американские компании и воспринимаются ими как дискриминационные, США отреагировали на эту политику тарифными угрозами. Как показал пример Франции, существует высокий риск возникновения международной напряженности при одностороннем введении цифрового налога. Правительство США в июле 2020 г. объявило о решении ввести 25-процентные пошлины на французские сумки и косметику, однако фактически не стало их вводить. В январе 2021 г. было заявлено, что введение пошлин будет отложено [32]. Пошлины так и не были введены.

2. В совместном заявлении Австрии, Франции, Италии, Испании, Великобритании и США 21 октября 2021 г. был изложен план по отмене налогов на цифровые услуги и ответных тарифных угроз, как только будут введены в действие правила первого компонента [21, 22].

3. Налоги на цифровые услуги обычно рассматривались как временные меры. Кроме того, в 2018 г. Европейская комиссия предложила ввести трехпроцентный цифровой налог с местной выручки ИТ-гигантов, но из-за разных подходов государств – членов ЕС достичь компромисса так и не удалось [17]. В 2021 г. Европейская комиссия выступила с инициативой по введению в ЕС цифрового сбора, однако инициатива пока также не получила развития [7].

В то же время Организация Объединенных Наций (ООН) добавила специальные положения о доходах от автоматизированных цифровых услуг в Типовую налоговую конвенцию ООН (статья 12В), которая будет применяться к участникам договора, согласившимся на ее включение [28].

Таким образом, около половины европейских стран ОЭСР либо объявили о введении цифровых налогов, либо уже ввели их. На сегодняшний день страны, применяющие налоги на цифровые услуги, пока их не отменили.

НДС на электронные услуги. Развитие цифровых технологий изменило способы предоставления и получения товаров и услуг. Стороной контракта теперь зачастую является онлайн-платформа, а не местный поставщик услуг [6].

В 2019 ОЭСР был выпущен отчет о роли цифровых платформ в сборе НДС и налога с продаж при онлайн-торговле (далее – отчет ОЭСР 2019 г.) [30].

Электронная торговля становится предметом регулирования не только на национальном, но и на наднациональном уровне. В соответствии с пакетом документов ЕС по электронной торговле, которые вступили в силу с 1 июля 2021 г., в ЕС введены новые правила НДС, которые охватывают дистанционные продажи товаров и любые виды трансграничных услуг [11–13]. Их цель состоит в том, чтобы упростить обязательства по уплате НДС для налогоплательщиков, осуществляющих трансграничные продажи товаров или онлайн-услуг конечным потребителям, а также обеспечить правильную уплату НДС государству – члену ЕС, которое является страной назначения.

Европейская комиссия опубликовала пояснения, касающиеся новых правил электронной торговли с НДС [18]. Новые правила должны применяться, в частности, к малым и средним предприятиям, поставщикам или электронным интерфейсам, участвующим в электронной торговле.

Как известно, переход на систему единого центра в качестве точки контакта для документации, отчетности и оплаты «Одного окна» (One stop shop – OSS) является основой европейской реформы НДС. OSS предназначен для разработки процедуры Мини-единого окна (MOSS), упрощения торговли внутри Союза и унификации налогообложения по принципу страны назначения при стоимости поставки в размере 10 тыс. евро. До этого порога налогообложение осуществляется в стране происхождения товара. Цель установления этого порога – поддержка микропредприятий.

Идея OSS заключается в том, что поставщик должен удерживать НДС с клиентов из ЕС в момент продажи. Однако поставщику необходимо будет зарегистрироваться только один раз. Это должно устранить необходимость регистрации и декларирования НДС в каждом государстве – члене ЕС, которое будет страной назначения. OSS позволяет налогоплательщикам декларировать свои операции, подпадающие под действие схемы, в специальной декларации по НДС и централизованно направлять эту декларацию по НДС только в один налоговый орган.

Правила MOSS ранее охватывали только телекоммуникации, вещание и услуги, предоставляемые в электронном виде, но с 2021 г. распространены в рамках OSS на все виды трансграничных услуг B2C. Как правило, в случаях с клиентами B2B НДС взимается с помощью механизма обратного начисления, как рекомендовано Международными руководящими принципами ОЭСР по НДС и налогам с продаж [19]. Хотя этот механизм хорошо работает в контексте B2B, он не столь эффективен в секторе B2C. Это усложняет сбор НДС, что также становится все более актуальным из-за увеличения количества онлайн-сделок B2C.

Процедура предназначена для налогоплательщиков, которые зарегистрированы в государстве – члене ЕС и предоставляют услуги потребителям (частным лицам) в государствах – членах ЕС, в которых они не созданы, осуществляют дистанционные продажи товаров внутри ЕС или предоставляют электронный интерфейс, с помощью которого поддерживают поставку товаров в пределах государства-члена неустановленным лицом, облагаемым налогом, и поэтому к ним относятся так, как если бы они сами поставляли товары.

Кроме того, процедура предназначена для налогоплательщиков, которые не зарегистрированы в ЕС и у которых есть внутреннее предприятие, такое как склад, с которого товары поставляются частным лицам в других государствах – членах ЕС.

Сбор НДС на цифровых платформах. Что касается продаж через цифровые платформы, многие юрисдикции уже внедрили положения, которые предполагают ответственность цифровых платформ за исчисление, сбор и перечисление НДС. Это рассматривается так, как если бы с НДС было две операции: во-первых, продавец продает товар на торговой площадке, освобожденной от НДС по В2В, и, во-вторых, торговая площадка продает товар потребителю, применяя ставку НДС страны нахождения потребителя.

Поэтому онлайн-платформы должны вести учет поставок и услуг. Записи должны быть достаточно подробными, чтобы налоговые органы государства – члена ЕС, в котором эти товары и услуги подлежат налогообложению, могли определить, правильно ли уплачен НДС. Цифровая платформа может нести «единоличную» обязанность за сбор и уплату НДС или нести эту обязанность от имени и по поручению соответствующего поставщика, который использует цифровую платформу для осуществления онлайн-продаж.

Многие государства ЕС, входящие в ОЭСР, основываясь на факультативном правиле, установленном ст. 205 Директивы Совета ЕС об общей системе налога на добавленную стоимость [10], уже много лет применяют в национальном законодательстве подобные правила, которые часто обозначаются как «ответственность перед третьими сторонами».

В свете развития платформенной экономики растет актуальность правил солидарной ответственности по НДС; вопрос о том, как применять НДС к экономике платформ, в настоящее время находится на повестке дня ОЭСР, ЕС и отдельных государств по всему миру. В отчете ОЭСР 2019 г. рассматриваются различные уровни интеграции онлайн-платформ в процесс соблюдения требований и сбора НДС: полный режим ответственности по НДС, режимы солидарной ответственности, обязательства по обмену информацией и обучению поставщиков, продающих на платформе.

В отчете ОЭСР отмечается: «Страны, возможно, пожелают рассмотреть возможность закрепления в законодательстве положений о солидарной ответственности в качестве средства содействия соблюдению требований по взиманию НДС при онлайн-продажах. Эти положения могут применяться к цифровым платформам в случаях, когда платформа не несет ответственности за НДС при онлайн-продажах, которые были осуществлены через ее платформу. Такая „солидарная ответственность“, как правило, не считается основным инструментом обеспечения сбора НДС при онлайн-продажах, поскольку либо платформа, либо базовый по-

ставщик будут нести установленную законом обязанность по уплате НДС. Однако такое положение может быть полезным в качестве инструмента поддержки налоговых органов в случаях несоблюдения требований и действительно может сдерживать поведение, не соответствующее требованиям» [30, п. 158–159].

Единые правила, касающиеся платформ, вероятно, будут применяться в сочетании с правилами о солидарной ответственности, принятыми отдельными государствами. Следует признать: если все государства введут свои национальные режимы ответственности, нагрузка на платформы станет чрезмерно высокой. По мнению европейских исследователей, может быть достаточно оснований для введения солидарной ответственности, основанной на модели социальной ответственности, которую применяют отдельные государства, поскольку эта модель основана на сотрудничестве с платформами. Тем не менее должно быть ясно, какие платформы могут быть привлечены к ответственности, по каким сделкам и при каких обстоятельствах [20].

Кроме того, важно уточнить, когда и за что платформы несут ответственность, и, насколько это возможно, предотвратить случайное попадание платформ в сферу действия национальных правил ответственности. Если платформа не приняла мер в установленный срок и получила официальное уведомление, исследователи считают оправданным привлечение платформы к ответственности за неуплаченный НДС.

Общие тренды налоговых реформ в части налогообложения цифровых бизнес-моделей в странах БРИКС. Проблематика развития цифровой экономики является относительно новой для БРИКС, а сами участники объединения обладают разными показателями развитости компонентов цифровой экономики [2. С. 31–62]. Между государствами существуют различия не только в географическом положении, структуре экономики и численности населения, но и в формах правления, правовых системах, в том числе в налоговых. Имеет место и неравномерность в развитии, распределении ресурсов, а как следствие – и в налоговых потенциалах [1]. Различаются также и национальные политики государств в сфере международного налогообложения.

В рамках БРИКС постоянно ведется работа по углублению сотрудничества в сфере налогообложения и налогового администрирования. Вместе с тем государства по-разному подходят к налогообложению цифровой экономики и введению цифровых налогов: так, в Индии введен ряд специфических налоговых мер и введен институт существенного экономического присутствия, в Китае же, напротив, пока осторожно подходят к налогообложению цифровых услуг и используют общие нормы, регулирующие взимание НДС [9]. В Бразилии уже несколько лет налогообложение цифровых услуг остановилось на стадии законопроектов [26].

Перспективы введения национального налога на цифровые услуги в Российской Федерации

1. Все обсуждаемые сегодня новации могут оказать влияние и на российские правила налогообложения. В этом контексте наиболее актуальными на сегодня являются два возможных инструмента развития российского налогового законодательства:

1) введение в России односторонних мер в условиях развития первого компонента ОЭСР;

2) внесение изменений в двусторонние соглашения между Российской Федерацией и странами-партнерами.

2. Следует отметить, что оба указанных инструмента могут гибко сочетаться, в том числе с учетом меняющихся условий и фрагментации системы международного экономического сотрудничества. В случае введения односторонних мер, направленных на налогообложение прибыли в условиях цифровизации, полагаем целесообразным учитывать следующие новации в рамках развития механизма первого компонента ОЭСР:

1) определение автоматизированных цифровых услуг и предприятий, ориентированных на потребителя;

2) исключения из охвата первого компонента (в первую очередь, для предприятий добывающей промышленности);

3) установление пороговых значений для налогообложения по масштабам экономической деятельности.

3. Ключевым риском в случае внедрения российского одностороннего налога в условиях его сосуществования с глобальной методологией налогообложения прибыли (первый компонент ОЭСР) является то, что такой налог приведет к существенным барьерам для бизнеса. При этом проблема устранения двойного налогообложения не будет решена, поскольку российский налог не будет приниматься к зачету странами, участвующими в механизме первого компонента ОЭСР, по причине несовместимости двух систем.

4. Акцент в налоговой политике России на эволюционное обновление сети российских налоговых соглашений через внедрение положений статьи 12В Типовой конвенции ООН может стать сбалансированным решением в новых условиях фрагментации системы глобального регулирования. Несмотря на то, что такое решение не сулит быстрых результатов, а перезаключение международных соглашений требует времени, этот путь соответствует идее развития взаимовыгодной системы международной кооперации России в сфере налогообложения с максимальным количеством стран, в том числе развивающихся стран и стран БРИКС.

Заключение. На протяжении многих лет страны принимали различные решения, чтобы уменьшить или устранить проблему двойного налогообложения в трансграничных сделках. Они варьируются от односторонних до двусторонних и многосторонних. С появлением новых бизнес-моделей пробелы в существующих двусторонних соглашениях только увеличиваются, а ранее существовавшие различия усугубляются.

Заявленная цель ОЭСР состоит в том, чтобы решить нерешенные технические вопросы и достичь соглашения с внедрением нового подхода к 2024 г. Хотя этот график кажется амбициозным, необходимо иметь в виду, что в отсутствие действий по первому компоненту все больше и больше стран движутся к принятию одностороннего решения – в частности, к использованию налогов на цифровые услуги.

Как показывает анализ национального законодательства различных стран, отсутствие международной координации и сотрудничества в отношении единого определения цифровых товаров и услуг привело к неопределенности, особенно для иностранных компаний. Ответственность за определение того, как юрисдик-

ция определяет цифровые товары и услуги, была фактически возложена на иностранных поставщиков. Соответственно, иностранные поставщики должны ознакомиться с законодательством о налоге на потребление в каждой стране поставок, чтобы убедиться в его соблюдении.

Ситуация с налогами на цифровые услуги довольно неоднозначна. Опыт зарубежных стран свидетельствует о наличии тренда принятия странами собственных цифровых налогов. Однако они обладают множеством отличий друг от друга (отсутствие унификации в данной сфере), что приводит к двойному налогообложению, не устранимому на основе существующих международных налоговых соглашений и национального законодательства. Кроме того, такой подход приводит к снижению прозрачности и определенности для бизнеса, искажению как международной, так и локальной конкуренции.

Этот опыт может быть использован и в России. Однако наладить диалог с ИТ-корпорациями можно лишь в том случае, если они откроют представительство в России. В противном случае будет иметь место неравенство российских и иностранных цифровых компаний, причем в худшем положении окажутся именно российские компании, прибыль которых облагается налогом.

Кроме того, основным риском в случае введения налога на цифровые услуги и отказа от принятия механизмов первого компонента ОЭСР станет создание существенных барьеров для бизнеса, поскольку такой налог не будет приниматься к зачету странами, присоединившимися к подходу ОЭСР.

Таким образом, оптимальным направлением развития налогообложения цифровых услуг в России видится применение действующих механизмов НДС для электронных услуг и внимание к международным процессам, протекающим в рамках обсуждения двухкомпонентного подхода ОЭСР и обновления Типовой налоговой конвенции ООН.

Список литературы

1. БРИКС: контуры многополярного мира: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2015.
2. Игнатов А. А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 1. С. 31–62.
3. Милоголов Н. С., Пономарева К. А. Международная кооперация налоговых администраций при налогообложении цифровых бизнес-моделей: миф или реальность? // Налоги. 2021. № 3. С. 29–33.
4. Пономарева К. А. Концепции правового регулирования трансграничных налоговых отношений в условиях цифровой экономики // Правоведение. 2019. – Т. 63, № 1. С. 157–171.
5. Пономарева К. А. Налог на цифровые услуги в ЕС: внутренний рынок и односторонние национальные меры // Налоговед. 2020. № 4. С. 79–89.
6. 2021 Global Guide to VAT on Digital Services.pdf. URL: <https://www.dlapiper.com/~media/files/insights/publications/2021/12/2021-global-guide-to-vat-on-digital-services.pdf> (дата обращения: 10.08.2022).

7. A fair & competitive digital economy – digital levy. URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12836-A-fair-competitive-digital-economy-digital-levy_en (дата обращения: 10.08.2022).
8. Becker J., Englisch J. Taxing Where Value Is Created: What's 'User Involvement' Got to Do with It?' *Intertax*. 2019. Vol. 47, iss. 2. P. 161–171.
9. China's position on the digital services tax. URL: <https://www.china-briefing.com/news/chinas-position-on-the-digital-service-tax/> (дата обращения: 10.08.2022).
10. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax / OJ L 347. – 11.12.2006.
11. Council Directive (EU) 2017/2455 of 5 December 2017 amending Directive 2006/112/EC and Directive 2009/132/EC as regards certain value added tax obligations for supplies of services and distance sales of goods / OJ L 348, 29.12.2017.
12. Council Directive (EU) 2019/1995 of 21 November 2019 amending Directive 2006/112/EC as regards provisions relating to distance sales of goods and certain domestic supplies of goods / OJ L 310, 2.12.2019.
13. Council Implementing Regulation (EU) 2019/2026 of 21 November 2019 amending Implementing Regulation (EU) No 282/2011 as regards supplies of goods or services facilitated by electronic interfaces and the special schemes for taxable persons supplying services to non-taxable persons, making distance sales of goods and certain domestic supplies of goods / OJ L 313, 4.12.2019.
14. Devereux M. & Vella J., Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform. *Intertax*. 2018. Vol. 46. Iss. 6/7. P. 161–171.
15. Digital Tax Update: Digital Services Taxes in Europe. URL: <https://taxfoundation.org/digital-tax-europe-2020/> (дата обращения: 10.08.2022).
16. Dimitropoulou C. The Proposed EU Digital Services Tax: An Anti-Protectionist Appraisal Under EU Primary Law'. *Intertax*. 2019. Vol. 47. Iss. 3. P. 268–281.
17. European Commission, Proposal for a Council Directive on the Common System of a Digital Services Tax on Revenues Resulting from the Provision of Certain Digital Services, COM (2018) 148 final (21 Mar. 2018).
18. Explanatory Notes on VAT e-commerce rules. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/vatecommerceexplanatory_28102020_en.pdf (дата обращения: 10.08.2022).
19. International VAT/GST Guidelines, OECD Publishing Paris. 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264271401-en> (дата обращения: 10.08.2022).
20. Janssen A. The Problematic Combination of EU Harmonized and Domestic Legislation regarding VAT Platform Liability. *International VAT Monitor*. 2021. September/October 2021. P. 231–239.
21. Joint Statement from the United States, Austria, France, Italy, Spain, and the United Kingdom. Regarding a Compromise on a Transitional Approach to Existing Unilateral Measures During the Interim Period Before Pillar 1 is in Effect. Oct. 21, 2021. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0419> (дата обращения: 10.08.2022).
22. Joint Statement from the United States and Turkey Regarding a Compromise on a Transitional Approach to Existing Unilateral Measures During the Interim Period

Before Pillar 1 Is in Effect,” Nov. 22, 2021. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0500>. (дата обращения: 10.08.2022).

23. Kofler G., Mayr G., Schlager C. Taxation of the Digital Economy: ‘Quick Fixes’ or Long-Term Solution? // European Taxation. 2017. Vol. 57, No. 12. Pp. 523–532.

24. Kofler G., Mayr G., Schlager G., Taxation of the Digital Economy: A Pragmatic Approach to Short-Term Measures // European Taxation. 2017. Vol. 58. No. 4. Pp. 123–129.

25. Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version. OECD, 2017. URL: http://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 05.06.2022).

26. Piscitelli T., Canen D. Taxation of Cloud Computing in Brazil: Legal and Judicial Uncertainties // Bulletin for International Taxation. 2018. Vol. 72. P. 72–79.

27. Progress Report on Amount A of Pillar One, Two-Pillar Solution to the Tax Challenges of the Digitalisation of the Economy, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. OECD, Paris, 2022. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/progress-report-on-amount-aof-pillar-one-july-2022.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).

28. Sinnig J. Die steuerrechtlichen Herausforderungen der digitalen Wirtschaft – Was passiert in Europa? In: Tagungsband Herbstakademie 2017: Gestaltung digitaler Veränderungsprozesse durch Recht 899 / J. Taeger (ed.), OIWR. 2018. P. 903–915.

29. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. OECD, 8 October 2021. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).

30. The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales, OECD, Paris, 2019. URL: www.oecd.org/tax/consumption/the-role-of-digital-platforms-in-the-collection-of-vat-gst-on-online-sales.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

31. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2017 Update, UN, New York. URL: <https://doi.org/10.18356/cc8f6035-en> (дата обращения: 05.06.2022).

32. US suspends tariffs on French goods in digital tax dispute. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210107-us-suspends-tariffs-on-french-goods-in-digital-tax-dispute> (дата обращения: 10.08.2022).

Б. Ж. Рахметов,

доктор философии (PhD), ассистент-профессор,
Казахский гуманитарный юридический университет
имени М. С. Нарикбаева

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСТАНА: РЕГУЛИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье проанализированы нормативно-правовые акты Республики Казахстан, регулирующие цифровую отрасль и определяющие основные направления цифровой трансформации и внедрения современных технологий в производственные процессы. Особое внимание уделено государственным проектам, использующим цифровые технологии, такие как анализ больших данных

(big data) и искусственный интеллект, и проекту «электронное правительство», являющимся успешным продуктом проводимой в стране цифровизации. В статье также рассмотрены основные проблемы и вызовы, препятствующие эффективной и своевременной реализации цифровой трансформации Казахстана.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая трансформация, Казахстан, электронное правительство, большие данные, искусственный интеллект

DIGITAL TRANSFORMATION OF KAZAKHSTAN: REGULATION, DEVELOPMENT, AND CHALLENGES

Abstract. This article analyses Kazakhstan's regulatory and legal acts that regulate the digital field and determine the main directions of digital transformation and introduction of modern technologies into production processes. Specific attention is paid to state projects, which use digital technologies such as big data and artificial intelligence, and the "e-government" project, which is a successful product of ongoing digitalization in the country. The article also discusses key problems and challenges that hinder the effective and timely implementation of Kazakhstan's digital transformation.

Keywords: digitalization, digital technologies, digital transformation, Kazakhstan, e-government, big data, artificial intelligence

Введение. Цифровизация и применение современных технологий стали глобальными трендами, затрагивающими многие сферы жизнедеятельности общества и социально-экономического развития государства. Казахстан, следуя мировым трендам, также решил присоединиться к цифровой гонке, начав цифровизацию экономики и общества и адаптацию действующего законодательства под новые и быстро развивающиеся технологические явления, такие как большие данные, блокчейн, цифровые активы, «умный город», искусственный интеллект.

На сегодняшний день концептуальные и правовые основы цифровой трансформации и регулирования цифровых технологий отражены в следующих нормативно-правовых актах Казахстана: Программа «Цифровой Казахстан» (2017 г.), Национальный план развития страны до 2025 года (2021 г.), Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций» (2021 г.), Закон «Об информатизации» (2015 г.), Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» (2020 г.).

В данной статье анализируются вышеуказанные документы, отражающие важность проводимой в стране цифровизации и определяющие основные направления развития цифровой отрасли Казахстана, а также описывается ряд пилотных государственных проектов, в которых используются цифровые технологии. В конце статьи рассматриваются основные проблемы, затрудняющие процесс цифровой трансформации в стране. Несмотря на то, что Казахстану еще предстоит работа по завершению цифровизации экономики и общества и эффективному внедрению современных технологий в производственные процессы, начало цифровой трансформации было положено.

Основная часть. В законодательном поле Казахстана все большее внимание уделяется вопросам цифровизации и применения цифровых технологий. Основные концептуальные положения и траектории цифровой трансформации казахстанской экономики и общества были заложены в государственной программе «Цифровой Казахстан», утвержденной в декабре 2017 г. [1]. Заявленная цель программы – рост экономики и уровня жизни населения с дальнейшим переходом на цифровую экономику будущего.

С учетом дополнений от 1 октября 2020 г. были разработаны десять основных направлений цифровизации посредством развития и внедрения цифровых технологий в различные сферы экономики. Данные направления включают цифровизацию сферы социальных отношений, традиционных отраслей экономики (Индустрия 4.0), сельскохозяйственной отрасли и сферы охраны окружающей среды и природных ресурсов (AgriTech), деятельности госорганов (GovTech), органов внутренних дел, финансовой сферы (FinTech) и развитие ИКТ инфраструктуры, «умного города», искусственного интеллекта и инноваций. Таким образом, программа «Цифровой Казахстан» обозначила важную роль цифровизации в росте экономики и благосостояния населения и определила главные направления государственной политики в цифровой сфере.

Многие аспекты начавшейся в Казахстане цифровизации нашли свое отражение также в Национальном плане развития страны до 2025 г., утвержденном в феврале 2021 г. [2]. Национальный план уделяет особое внимание цифровизации, развитию и внедрению цифровых технологий в следующих сферах: здравоохранение (создание единого цифрового пространства, внедрение дистанционных медицинских услуг и искусственного интеллекта, разработка мобильных приложений, запуск электронного паспорта здоровья); образование (создание единой образовательной онлайн-платформы и цифровых институтов образования, подготовка специалистов в сфере ИКТ (искусственный интеллект, большие данные, виртуальная реальность, интернет вещей)); государственное управление (100 % государственных услуг в онлайн-формате, цифровые центры обслуживания населения); экономика («умный город», 100 % охват 5G, строительство дата-центров, внедрение искусственного интеллекта, использование big data).

В октябре 2021 г. Правительство Казахстана также утвердило Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций» [3], основной задачей которого является цифровая трансформация государства и развитие отечественной науки в течение 2021–2025 гг. По итогам реализации проекта ожидается создание 100 тысяч новых рабочих мест, увеличение ВВП в сфере ИКТ (с 3,7 % в 2021 г. до 5 % в 2025 г.), количества ученых (с 25 тыс. в 2021 г. до 34 тыс. в 2025 г.) и налоговых поступлений от криптоиндустрии (с 4 млрд тенге в 2021 г. до 79 млрд тенге в 2025 г.). Одним из ключевых направлений проекта является развитие цифровых инструментов для комфортной жизни населения, включающих в себя предоставление социальных услуг (дистанционные медицинские услуги, социальная помощь, прозрачность трудовых отношений) и обеспечение общественной безопасности (установка 150 тысяч видеокамер).

В дополнение к государственным программам цифровая среда и информационно-коммуникационная отрасль Казахстана регулируются принятым в ноябре 2015 г. Законом «Об информатизации» [4]. Уполномоченным органом, ответственным за цифровизацию в стране, является Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Казахстана (МЦРИАП), созданное в октябре 2016 г. В основные задачи государства, согласно вышеуказанному закону, входят развитие информационного общества и платформы «электронное правительство», повышение цифровой грамотности населения, создание условий для развития и внедрения цифровых технологий в производственные процессы, помощь в развитии отечественной отрасли цифровых технологий, а также создание государственных информационных систем.

В июне 2020 г. в Закон «Об информатизации» были внесены изменения и дополнения в соответствии с Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» [5], согласно которым были введены следующие понятия: блокчейн¹, интеллектуальный робот², цифровой актив³, цифровой майнинг⁴, цифровой токен⁵.

Данные изменения и дополнения от июня 2020 г. также определяют права и обязанности собственника и владельца интеллектуального робота и правовой режим оборота цифровых активов и устанавливает компетенции уполномоченного органа (МЦРИАП) по определению порядка и правил выпуска и оборота обеспеченных цифровых активов. Так, согласно закону, цифровые активы не являются средствами платежа. Установлены два вида цифровых активов: обеспеченные (цифровые токены и другие цифровые активы, являющиеся цифровым средством удостоверения имущественных прав на товары и/или услуги) и необеспеченные (цифровые токены, полученные как вознаграждение за участие в поддержании консенсуса в блокчейне). При этом на территории Казахстана запрещены выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов, а право на цифровой актив фиксируется записью в блокчейне.

¹ «Информационно-коммуникационная технология, обеспечивающая неизменность информации в распределенной платформе данных на базе цепочки взаимосвязанных блоков данных, заданных алгоритмов подтверждения целостности и средств шифрования».

² «Автоматизированное устройство, совершающее определенное действие или бездействующее с учетом воспринятой и распознанной внешней среды».

³ «Имущество, созданное в электронно-цифровой форме с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся финансовым инструментом, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав».

⁴ «Процесс проведения вычислительных операций с использованием компьютерных, энергетических мощностей согласно заданным алгоритмам шифрования и обработки данных, обеспечивающий подтверждение целостности блоков данных в объектах информатизации посредством блокчейна».

⁵ «Вид цифрового актива, являющийся цифровым средством учета, обмена и удостоверения имущественных прав».

Вышеуказанные изменения и дополнения также дополняют действующее законодательство⁶ понятием «аналитика данных»⁷, определяемое как процесс обработки данных с целью получения информации и выводов для принятия решения. Стоит отметить, что такие дополнения являются своевременными, так как на данный момент в Казахстане реализуется ряд проектов с использованием технологии анализа больших данных (big data). Например, правительством создана и запущена информационно-аналитическая система Smart Data Ukimet, предназначенная для формирования единого пространства данных с целью предоставления аналитической информации по деятельности государственных органов. Данная система собирает, хранит и анализирует данные, накапливаемые в информационных системах министерств и акиматов. К Smart Data Ukimet подключены 57 баз данных информационных систем министерств национальной экономики, труда и социальной защиты населения, здравоохранения, финансов, цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности, юстиции, образования и науки, индустрии и инфраструктурного развития, акимата г. Алматы.

Технология big data используется и в сфере здравоохранения. Так, профильным министерством был запущен электронный паспорт здоровья, содержащий персональные медицинские данные пациента (анализы, история болезней, осмотр врачей, диагнозы, аллергии, вакцинация, выписанные лекарства, госпитализация). Все данные содержатся в единой базе, к которым лечащие врачи имеют доступ. Самим гражданам паспорт здоровья доступен через сайт электронного правительства. Таким образом, цифровизация сферы здравоохранения не только облегчает систематический сбор медицинской информации о пациентах в единую базу данных и уменьшает объем бумажного документооборота, но и позволяет проводить анализ медицинских данных для профилактики и предупреждения заболеваний.

Также на сегодняшний день в Казахстане разрабатываются Национальная стратегия развития искусственного интеллекта и Национальная платформа искусственного интеллекта – технологическая платформа, предназначенная для сбора, обработки, хранения и распространения наборов данных и предоставления услуг в области искусственного интеллекта (согласно Закону 2021 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам восстановления экономического роста» [6]). Для этой цели был создан Фонд поддержки исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта, ставший оператором платформы.

Тем не менее искусственный интеллект уже постепенно внедряется в Казахстане, например в сфере здравоохранения. Так, на базе Казахстанского на-

⁶ Всего были внесены изменения и дополнения в 32 статьи Закона «Об информатизации», 118 статей Гражданского кодекса Казахстана и 39 статей Предпринимательского кодекса Казахстана.

⁷ Порядок доступа и анализа цифровой информации государственными органами определяется Правилами по сбору, обработке, хранению, передаче электронных информационных ресурсов для осуществления аналитики данных в целях реализации функций государственными органами, утвержденные приказом Министра ЦРИАП от 21 октября 2020 года № 394/НК.

учного института онкологии и радиологии (г. Алматы) в пилотном режиме была запущена разработанная IBM когнитивная платформа Watson for Oncology. Данная система искусственного интеллекта помогает врачу принимать решение при лечении онкологического заболевания, обобщая характеристики пациента, анализируя данные о пациенте на основе медицинской научной литературы и практики, оценивая риски развития болезни и предлагая список возможных методов лечения.

В свою очередь, на базе Больницы Медицинского центра Управления делами Президента Республики Казахстан (г. Нур-Султан) была внедрена роботизированная хирургия. Клинический робот Senhance ассистирует врачам при проведении общехирургических, урологических и гинекологических операций, устраняя эффект дрожания рук хирурга и необходимость больших порезов, предоставляя трехмерное наблюдение за операцией, увеличивая изображения оперируемых органов и минимизируя риск заражения и большой кровопотери.

Стоит отметить, что проводимые цифровизация и внедрение цифровых технологий показывают результаты не только в сфере здравоохранения. Одним из успешных продуктов цифровой трансформации страны является запущенный в 2006 г. проект «электронное правительство» (egov), который представляет единый механизм взаимодействия государства и граждан. На сегодняшний день более 10 миллионов граждан являются пользователями онлайн-платформы egov, имея доступ к 580 видам услуг и 120 сервисам. При этом государственные услуги можно получать через мобильное приложение egov mobile (более 60 услуг и сервисов) и Телеграм-бот @EgovKzBot2.0 (18 услуг и сервисов).

В результате внедрения и четырехэтапного развития электронного правительства были значительно сокращены очереди в государственные органы и упрощены процедура и время получения справок, свидетельств и других документов. Эффективность электронного правительства подтверждается международными рейтингами: в 2020 г. Казахстан занял 29-е место во всемирном рейтинге ООН «Индекс развития электронного правительства», опередив Россию (36-е место), Беларусь (40-е место), Кыргызстан (83-е место) и Узбекистан (87-е место). Для сравнения, в 2008 г. Казахстан был на 81-м месте.

Стоит также отметить создание в 2018 г. Международного технопарка IT-стартапов Astana Hub, занимающегося формированием благоприятных условий для инновационных проектов в сфере цифровых технологий и развитием прорывных технологических компаний. С момента создания стартапы технопарка, пользующиеся налоговыми льготами и упрощенным визовым режимом для иностранных сотрудников, смогли привлечь инвестиций на сумму в 126 млрд тенге. В 2019 году в Нур-Султане также открылся университет Astana IT University, готовящий специалистов по актуальным IT-программам (анализ больших данных, кибербезопасность, компьютерные науки, смарт-технологии и другие).

Тем не менее, несмотря на вышеуказанные проекты и то, что Казахстан начал адаптацию законодательства под новые технологические явления и принял ряд нормативно-правовых актов, ориентированных на цифровую трансформацию и регулирование цифровых технологий, существует ряд проблем, препятствующих успешной цифровизации. Так, одной из проблем является отсутствие кон-

кретного ориентира и точечных инструментов для измерения достижения целей цифровизации (экономический рост, повышение уровня жизни населения, переход на цифровую экономику будущего). Таким образом, не разработана эффективная система измерения и оценки влияния цифровизации на социально-экономические процессы, что затрудняет полную оценку проводимой цифровой трансформации казахстанской экономики и общества.

При проведении массовой цифровизации также существует риск утечки персональных данных граждан. Так, уязвимость в компьютерных системах может привести к случайному или целенаправленному попаданию личных данных в открытый доступ и/или в руки злоумышленников, что неоднократно случалось в Казахстане. Например, в 2019 г. произошла утечка данных 11 миллионов казахстанцев с баз Центральной избирательной комиссии Казахстана – т. е. личная информация о практически всех совершеннолетних гражданах страны попала в Интернет. В 2020 г. были обнаружены утечки личных данных казахстанцев и иностранцев из информационной системы Генеральной прокуратуры Казахстана и персональных и медицинских данных из Системы контроля качества в сфере здравоохранения. В 2021 г. была обнаружена уязвимость сайта одной из казахстанских лабораторий, позволяющей получить доступ к результатам анализов около 7 миллионов человек.

Еще одна проблема при проведении цифровизации – это закуп государственными органами готового программного обеспечения, что ставит казахстанскую цифровую сферу в зависимость от зарубежных IT-продуктов и разработок. Связанным, и не менее важным вызовом является также недостаток квалифицированных кадров в области современных цифровых технологий. Несмотря на то, что важность замещения иностранного программного обеспечения отечественными разработками и должной подготовки и переподготовки необходимого количества IT-специалистов находят свое отражение в государственных программах, нехватка кадров и локального софта все еще являются вызовами, существенно затрудняющими и замедляющими процессы цифровой трансформации страны.

Закключение. Казахстан положил начало цифровой трансформации экономики и общества. Программа «Цифровой Казахстан», принятая в 2017 г., задавала тон начатой цифровизации, обозначив основные направления государственной политики в цифровой сфере. Национальный план развития страны до 2025 г. и Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций», оба утвержденные в 2021 г., продолжили курс на цифровизацию, подчеркивая важность развития и внедрения цифровых технологий в здравоохранении, образовании, государственном управлении, экономике и других сферах. При этом действующее законодательство адаптируется под новые технологические явления. Так, Закон «Об информатизации» 2015 г. регулирует цифровую и информационно-коммуникационную отрасли, а Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» 2020 г. определяет и регулирует использование цифровых технологий.

Правительство Казахстана может также отметить реализацией ряда проектов с использованием технологий анализа больших данных (Smart Data Ukimet,

электронный паспорт здоровья) и искусственного интеллекта (Watson for Oncology, роботизированная хирургия). Проект «электронное правительство», представляющий механизм взаимодействия государства и граждан, вместе с созданием Международного технопарка IT-стартапов Astana Hub и открытием университета Astana IT University также являются успешными продуктами проводимой в Казахстане цифровизации.

Тем не менее существует ряд вызовов, затрудняющих и замедляющих процесс цифровой трансформации Казахстана. К ним можно отнести отсутствие действенной системы оценки проводимой цифровизации и ее эффектов на экономику и общество, риск утечки личных данных граждан, зависимость от зарубежных IT-продуктов и разработок и недостаток квалифицированных IT-специалистов. Таким образом, правительству Казахстана, ответственному за проведение цифровизации в стране, еще предстоит работа по адаптации действующего законодательства к быстро развивающимся технологическим процессам и внедрению цифровых технологий в различные государственные отрасли.

Список литературы

1. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 03.09.2022).
2. О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан»: Указ Президента Республики Казахстан от 26.02.2021 № 521. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000521#z6> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Об утверждении национального проекта «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.10.2021 № 727. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000727> (дата обращения: 03.09.2022).
4. Об информатизации: Закон Республики Казахстан от 24.11.2015 № 418-V (ред. от 14.07.2022). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 03.09.2022).
5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий: Закон Республики Казахстан от 25.06.2020 № 347-VI. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000347> (дата обращения: 03.09.2022).
6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам восстановления экономического роста: Закон Республики Казахстан от 02.01.2021 № 399-VI. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000399> (дата обращения: 03.09.2022).

Н. Ю. Рашева,

кандидат юридических наук, доцент,
Мурманский арктический государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Цифровизация в системе государственного управления при реализации полномочий публичных субъектов позволит повысить эффективность в борьбе с коррупцией. Цель работы – выявить особенности применения отдельных инструментов антикоррупционной цифровизации, на примере ведения реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия; «цифровых прав», как вида имущества, подлежащего учету; борьбы с киберпреступностью; введения в действие государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон»; использования социальных сетей как формы общения населения с публичными субъектами; применения цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработки мер по противодействию коррупции в рамках Национального плана противодействия коррупции и др.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровизация, антикоррупционная цифровизация, информационно-коммуникационная система борьбы с коррупцией, социальные сети, Посейдон, Блокчейн, Национальный план противодействия коррупции

SOME ASPECTS OF ANTI-CORRUPTION DIGITALIZATION

Abstract. Digitalization in the system of public administration in the exercise of the powers of public entities will increase efficiency in the fight against corruption. The purpose of the work is to identify the features of the use of certain anti-corruption digitalization tools, using the example of maintaining a register of persons dismissed due to loss of trust; «digital rights» as a type of property subject to accounting; combating cybercrime; the introduction of the state information system in the field of anti-corruption «Poseidon»; the use of social networks as a form of communication of the population with public entities; the use of digital technologies in order to combat corruption and the development of anti-corruption measures within the framework of the National Anti-Corruption Plan, etc.

Keywords: digital assets; digitalization; anti-corruption digitalization; anti-corruption information and communication system; social networks; Poseidon; blockchain; National Anti-Corruption Plan

О цифровых активах и цифровизации уже шла речь в публикациях автора [20; 21; 25], вопросам противодействия коррупции в условиях цифровизации государства, права и экономики посвящена коллективная монография ученых Южного федерального университета [17]. В настоящей работе остановимся на отдельных аспектах антикоррупционной цифровизации. К числу основных проблем, стоящих перед органами законодательной (представительной) власти, правоприменительными органами и учеными в рассматриваемом нами вопросе, можно выделить следующие трудности [6; 7; 18; 19; 23]:

1. Пробелы в правовом регулировании единой информационно-коммуникационной системы борьбы с коррупцией и нормативной регламентации и защиты в данной сфере.

2. Законопроектная работа в части правового регулирования цифровых прав (цифровых финансовых активов, иных цифровых прав, цифровой валюты) как антикоррупционного рычага нуждается в совершенствовании.

3. Недостаточное вовлечение институтов гражданского общества через информационные ресурсы для осуществления антикоррупционного контроля.

4. Совершенствование форм киберпреступности.

Рассмотрим отдельные особенности реализации указанных проблем.

Нормативная база, сформированная в процессе реализации Национальной программы «Цифровая экономика РФ» [7], включая Концепцию цифрового профиля гражданина, влияют на правовое регулирование публичной службы. План мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы РФ на 2019–2021 гг., утвержденный распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2019 г. № 1646-р [9], регламентирует «формирование цифрового профиля гражданского служащего и цифрового профиля должности гражданской службы» в единой информационной системе.

Работа по формированию цифровых профилей публичных субъектов может быть синхронизирована с деятельностью по формированию цифрового профиля гражданина, в том числе по следующим направлениям [25. С. 140]:

«1) определение порядка использования удостоверения личности гражданина, а также идентификаторов, позволяющих достоверно определить соответствующее физическое лицо в качестве государственного служащего;

2) регламентация процедуры допуска уполномоченных представителей органов власти и отдельных организаций к цифровым профилям государственных гражданских служащих, а также порядка актуализации сведений, входящих в цифровой профиль;

3) выстраивание комплексного взаимодействия с иными государственными и муниципальными базами данных, в том числе формируемыми в рамках реестровой модели предоставления государственных и муниципальных услуг;

4) создание контрольной системы, позволяющей отслеживать должностное поведение государственных гражданских служащих, в том числе на предмет соблюдения запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также требований по предотвращению и урегулированию конфликта интересов».

В соответствии с ст. 15 Федерального закона «О противодействии коррупции» [2], сведения о применении к лицу взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, подлежат включению в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр. Реестр подлежит размещению на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы в сети «Интернет».

Включение в реестр сведений о лице, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, исключение из реестра сведений о лице, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, размещение реестра на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы в сети «Интернет» осуществляются на основании Постановления Правительства РФ от 05.03.2018 № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» [10].

В 2019 г. в нашем правовом поле появилась новая категория «цифровое право». Так, в 2019 г. принят федеральный закон о регулировании краудфандинга в России [1], в котором сформулированы правила отношений по привлечению средств юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, с использованием возможностей инвестиционных платформ. Законодателем введено правовое понятие «инвестиционная платформа» и «утилитарные цифровые права», регламентированы правовые основы деятельности платформ и т. д. Согласимся с мнением, что «к сожалению, закон не содержит важных положений связанных с конвертированием вложений в доли, замораживанием инвестиций, регулированием отношений инвесторов и площадки и других. Для практического применения акта потребуется, как минимум: отрегулировать деятельность оператора инвестиционной платформы, определить порядок ведения реестра операторов инвестиционных платформ, сформулировать критерии и обязанность по установлению лиц, с которыми операторы заключают договоры, установить порядок принятия инвестиционных предложений и пр.» [23. С. 203–204].

Важную роль в исследуемом вопросе играют технологии вовлечения населения в общественное обсуждение значимых проектов, в деятельность региональных общественных палат и общественных советов, с возможностью организации и координации их работы, в том числе дистанционно, посредством интернет-ресурсов и мобильных приложений. В качестве примера в данном направлении может выступить краудсорсинг – привлечение к выполнению задач институты гражданского общества, как правило, дистанционно (интернет-ресурсы, мессенджеры, мобильные приложения и т.д.).

Важную роль в свете указанного играет борьба с киберпреступностью.

Сегодня важно осуществление национального интерактивного механизма отчетности для предотвращения коррупционной киберпреступности. Учеными предлагается «создание системы онлайн-сети отчетности для моментального сообщения о попытке киберугрозы, что позволит иметь четкое представление о коррупционной киберпреступности, которая влияет на организацию работы в киберпространстве» [24].

Для надлежащего правового регулирования борьбы с коррупционной киберпреступностью в виртуализированном пространстве важно установить такие нормы права, в рамках которого киберпространство не становилась бы способом уменьшения его использования.

Государство проводит активную политику в борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, однако, меры, направленные на предупреждение и предотвращение подобных преступлений недостаточно эффективны. В целях решения проблем с коррупционной киберпреступностью важно повысить эффективность методов борьбы, направленную на ее предупреждение и предотвращение. Отдельными учеными для решения указанных проблем предлагается разработка Концепции уголовной политики в области защиты общества и государства от преступлений коррупционной направленности в области высоких информационных технологий [16. С. 98].

Важным направлением в развитии антикоррупционной цифровизации следует считать принятие Указа Президента РФ от 25.04.2022 № 232, которым введена в действие государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон» [4]. Согласно п. 2 Положения о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» (далее – Положение), система «Посейдон» создана для информационно-аналитического обеспечения деятельности федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ, органов публичной власти и территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус», Банка России, иных организаций по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования.

Система включает в себя (п. 8 Положения): а) программно-аппаратный комплекс центрального сегмента системы «Посейдон»; б) программно-аппаратный комплекс многоцелевого назначения «Посейдон-Р»; в) специальное программное обеспечение «Справки БК».

Пользователей регистрирует оператор системы – Федеральная служба охраны. Доступ к сведениям они получают бесплатно.

Проверка достоверности и полноты сведений, представляемых госслужащими, теперь будет проводиться, в том числе, с использованием «Посейдона», соответствующие изменения внесены Постановлением Правительства РФ от 19.07.2022 № 1301 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» [8]. Также, в числе прочего, в данном документе уточняется порядок определения стоимости подарка, получаемого отдельными категориями госслужащих. Установлено, в частности, что в случае, если в отношении подарка, изготовленного из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, не поступило заявление о выкупе либо поступил отказ от выкупа, такой подарок подлежит передаче в Гохран России.

В данном направлении развивают свое законодательство и регионы. Так, в Мурманской области, в целях реализации Указа Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента

Российской Федерации» внесены изменения [12] в Положение об Управлении по реализации антикоррупционной политики Мурманской области, утвержденное постановлением Правительства Мурманской области от 15.11.2019 № 511-ПП [13]. Установлено, что в целях исполнения функций в установленной сфере деятельности Управление по реализации антикоррупционной политики Мурманской области имеет право пользоваться государственной информационной системой в области противодействия коррупции «Посейдон».

Таким образом, можно сделать вывод, что система «Посейдон», в частности, на основе собранных данных отразит, соблюдал ли госслужащий, иной сотрудник ограничения, запреты и требования, установленные с целью противодействия коррупции. Этими данными, в том числе, будут пользоваться комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Важную роль в исследуемом вопросе играют Центры управления регионом, которые осуществляют свою работу преимущественно через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и социальные сети [18; 19; 22; 27]. Такие Центры стали формироваться для того, чтобы оперативно реагировать на жалобы россиян не только по прямому обращению в органы власти, но и на информацию в социальных сетях, газетах и иных общедоступных источниках. Так, Центр управления регионом в Мурманской области – это единый пункт мониторинга, в который поступают и оперативно отрабатываются проблемные вопросы жителей по всем направлениям, связанным с жизнью региона, формируются аналитические материалы, характеризующие социально-экономическую ситуацию в области, и вырабатываются предложения по дальнейшему развитию.

Основное его преимущество – куда бы не обратился гражданин с своей проблемой: на горячую линию какого-либо министерства, в приемную правительства Мурманской области, на портал «Наш Север» [15], социальные сети, – его обращение, без лишней бюрократии, незамедлительно направляется соответствующему отраслевому ведомству для решения. Оно находится на контроле до тех пор, пока вопрос не будет решен. При помощи этого сервиса предотвращаются проблемы жителей Мурманской области и не имеется возможность не допускать их в будущем.

Центр помогает контролировать ход исполнения планов и программ, достижения целевых показателей деятельности региональных органов власти. Ресурсы новой структуры позволяют решать задачи Ситуационного центра. Центр управления регионом обеспечивает обратную связь с жителями области по волнующим их вопросам. Это сообщения, которые поступают от северян через различные каналы: портал «Наш Север», социальные сети, а также в интернет-приемные губернатора Мурманской области, на сайты министерств. Все эти обращения консолидируются на уровне Центра, что немаловажно обеспечен централизованный контроль их рассмотрения в строго установленные сроки, вплоть до информирования о наличии просрочки по решению вопроса руководителей области, что позволяет повысить качество обработки и реагирования на реальные запросы жителей Мурманской области [22. С. 10].

Безусловно, работа Центра управления регионом предотвращает коррупционные проявления в работе с населением.

Открытость информации как антикоррупционная мера в современном обществе приобретает еще более актуальный характер. Это особенно проявляется при обмене информационными данными между публичными субъектами и гражданами. Это взаимодействие предполагает оптимальное сочетание таких правовых механизмов и способов, как создание и совершенствование специальных информационно-правовых режимов и их нормативно-правовое регулирование.

Согласимся с мнением, что сегодня требуется глубокий, всесторонний анализ международной и отечественной законодательной деятельности, а также организационно-правовых форм государственной практики, использующей потенциалы мирового положительного опыта и технологий цифровой экономики, направленных на реализацию правовых норм при осуществлении борьбы с коррупцией и мошенничеством. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что, только преодолев разногласия и противоречия, в существующих ныне законодательных системах различных стран мира, можно обеспечить эффективность борьбы с коррупцией [23. С. 206–207].

Изложенное позволяет сделать вывод, что уровень правового развития системы мер противодействия коррупции не в полной мере отвечает современным потребностям общества. Действующая нормативная база и правоприменительная практика только идут на встречу к внедрению актуальных инновационных информационно-телекоммуникационных механизмов.

На необходимость внедрения в практику цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработки мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий, указывается в Разделе XVI Указа Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы» [5] (далее – Национальный план).

В частности, Генеральной прокуратуре РФ представить предложения по совершенствованию правового регулирования вопросов, связанных с выявлением и пресечением преступлений коррупционной направленности, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права, цифровая валюта, а также с обнаружением, арестом и последующим возвращением потерпевшим и (или) обращением их в доход государства (п. 50 Национального плана).

Следственному комитету РФ, Министерству внутренних дел РФ и Федеральной службе безопасности РФ ежегодно, до 1 марта, представлять в Администрацию Президента РФ сводный аналитический отчет о новых формах проявления коррупции, связанных с использованием цифровых технологий (п. 51 Национального плана).

Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ с участием Министерства труда и социальной защиты РФ (п. 52 Национального плана):

а) рассмотреть вопрос о создании и внедрении цифровых технологий, позволяющих осуществлять в электронной форме прием сведений о доходах, автоматическую обработку, анализ таких сведений и их хранение;

б) принять меры по расширению информированности граждан о возможности их участия в осуществлении общественного контроля с использованием государственных интернет-ресурсов (www.regulation.gov.ru, www.vashkontrol.ru, www.roi.ru);

в) рассмотреть вопрос о развитии существующих и создании новых интернет-ресурсов в целях расширения участия граждан в осуществлении общественного контроля за нормотворческой и иной деятельностью публичных субъектов.

Министерству финансов РФ с участием Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и Центрального банка РФ (п. 53 Национального плана):

а) подготовить предложения о порядке осуществления проверки достоверности и полноты сведений о владении цифровыми финансовыми активами, иными цифровыми правами, цифровой валютой;

б) проанализировать практику применения цифровых технологий при оказании публичных услуг, реализации контрольно-надзорных функций, осуществлении закупок для обеспечения публичных нужд в целях выявления, минимизации и устранения коррупционных рисков, связанных с применением таких технологий, и подготовить предложения по совершенствованию правового регулирования в этой сфере, а также обзор типовых способов совершения коррупционных правонарушений, связанных с использованием цифровых технологий при осуществлении указанных видов деятельности;

в) проанализировать и обобщить правоприменительную практику, касающуюся представления сведений о владении цифровыми финансовыми активами, иными цифровыми правами, цифровой валютой, осуществления проверки достоверности и полноты таких сведений, а также осуществления контроля за расходами на их приобретение, в целях выявления проблем в этой сфере.

Заметим, что «данную информацию СМИ трактуют как будущую меру, применяемую только в отношении чиновников» [14. С. 27]. Однако, исходя из субъектного состава преступлений коррупционной направленности, следует отметить, что к таковым относятся и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в НКО (без участия публичной власти) [11]. Более того, к преступлениям коррупционной направленности относятся и некоторые преступления «при наличии определенного условия», к которым относятся и ст. 174 Уголовного кодекса РФ [3] (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем).

На основании изложенного можно сделать вывод, что использование современных цифровых технологий, применение практики электронного публичного управления являются одним из эффективных инструментов антикоррупционной политики в цифровом пространстве. Сегодня представляется актуальны разработка, принятие и реализация современных законодательных основ внедрения и применения инновационных цифровых технологий противодействия коррупции.

Предоставление доступа к информации и услугам с применением портала «Госуслуг» повышает прозрачность и уровень доверия граждан к публичным субъ-

ектам, позволяют ограничить (в некоторых случаях исключить) применение публичного субъективного усмотрения при принятии юридически значимых решений и действий. Законодательные инициативы, исходящие от институтов гражданского общества, должны стать ориентиром для законодателя в части разработки актуальной в цифровом пространстве нормативной базы. Общество заинтересовано этим.

Повсеместное использование цифровых технологий в сферу реализации полномочий публичных субъектов в рамках осуществления кадровой политики на государственной и муниципальной службе, сбора информации и подбора публичных служащих, контроля за их деятельностью, позволит повысить эффективность в борьбе с коррупцией.

Список литературы

1. Ермолаева В. А. Токенизация недвижимости: от демократизации рынка до новых правовых вызовов // Право и бизнес. 2021. № 4. С. 25–29.

2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2728380AC43E464A6B55E9AA95E7CC7F&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&base=LAW&n=382494&rnd=zRYW8Q#4fo6oDTuYB5kn5D31> (дата обращения: 07.08.2022).

3. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: Постановление Правительства РФ от 19.07.2022 № 1301. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=627EF6B5E6D95428F3400A7A29B3A2D0&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&base=LAW&n=422558&rnd=zRYW8Q#sx36oDTEZa6xKG4s3> (дата обращения: 07.08.2022).

4. О внесении изменений в Положение об Управлении по реализации антикоррупционной политики Мурманской области: Постановление Правительства Мурманской области от 26.07.2022 № 596-ПП. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D7F0DB359075AC3CA18B9C153DCCBD BA&SORTTYPE=0&BASENODE=23639-3&ts=7TD7oDT2xeGSESbC1&base=RLAW087&n=116838&rnd=0T47oDT48aGsrRdr#j5F7oDTk2ac8dRZR> (дата обращения: 07.08.2022).

5. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента РФ (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»): Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

6. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

7. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 172. 07.08.2019.

8. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) // Российская газета. № 266. 30.12.2008.

9. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия (вместе с «Положением о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия»): Постановление Правительства РФ от 05.03.2018 № 228 (ред. от 30.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 12. Ст. 1678.

10. О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

11. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы РФ на 2019 – 2021 годы: Распоряжение Правительства РФ от 24.07.2019 № 1646-р (ред. от 16.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4669.

12. Об утверждении Положения об Управлении по реализации антикоррупционной политики Мурманской области: Постановление Правительства Мурманской области от 15.11.2019 № 511-ПП (ред. от 24.11.2020). URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C7E035DE2CA60B0E155BE59D25D2C441&SORTTYPE=0&BASENODE=23639-3&base=RLAW087&n=116912&rnd=0T47oDT48aGsrRdr#1jX7oDTSGqAsv8C21> (дата обращения: 07.08.2022).

13. Осипов Г. Д. Проблема киберпреступлений, связанных с коррупцией // Трибуна ученого. 2021. № 10. С. 95–98.

14. Официальный портал «Наш Север». URL: <https://nashsever51.ru> (дата обращения: 22.07.2022).

15. Программа «Цифровая экономика РФ» (вместе с «Паспортом национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика РФ» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 04.06.2019 № 7. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A8F254F75AC5E663DD8660B3184C69C8&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&base=LAW&n=328933&rnd=zRYW8Q#Ltf5oDTwFA3EwYPv> (дата обращения: 07.08.2022).

16. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государства, права и экономики: концептуальные и институциональные аспекты: монография / С. А. Воронцов, А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. Г. Кравченко, А. А. Сенник; под ред. А. И. Овчинникова. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 178 с.

17. Рашева Н. Ю. Правовые особенности и перспективы развития участия общественности в противодействии коррупции // Современное право. 2020. № 10. С. 25–39.

18. Рашева Н. Ю. Роль общественного контроля как меры противодействия коррупции // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1-1. С. 266–283.

19. Рашева Н. Ю., Чиркова О. И. Особенности правового регулирования оборота цифровых активов // Международный научный журнал «Национальная Ассоциация Ученых». 2022. № 81. С. 42–45.

20. Рашева Н. Ю., Чиркова О. И., Смирнова Ю. С. Анализ правового регулирования отношений, связанных с цифровыми финансовыми активами / Теоретические и практические проблемы современного правопонимания: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Мурманск, 16–19 ноября 2021 года / отв. редактор Н. Ю. Рашева. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2022. С. 127–136.

21. Рашева Н. Ю. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе органов, осуществляющих общественный контроль: проблемы и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 12-1. С. 7–17.

22. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

23. Федоров А. Г. Законодательное обеспечение эффективной борьбы с коррупцией и мошенничеством // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. № 12-1. С. 201–207.

24. Хайрутдинова Л. Р. Образование коррупционной киберпреступности в виртуализированном пространстве // Политика, государство и право. 2014. № 4 (28). URL: <https://politika.snauka.ru/2014/04/1583> (дата обращения: 07.08.2022).

25. Цирин А. М., Севальнев В. В. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 133–142.

26. Чиркова О. И. Особенности правового регулирования цифровых прав на современном этапе // Теоретические и практические проблемы современного правопонимания: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Мурманск, 16–19 ноября 2021 г. / отв. редактор Н. Ю. Рашева. – Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2022. С. 179–187.

27. Шедий М. В. Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. № 2(32). С. 123–130.

Р. З. Рувинский,

кандидат юридических наук, доцент,

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: КАК И ЗАЧЕМ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМИРУЮТ ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ?

Аннотация. Исследование посвящено долгосрочным перспективам внедрения новейших цифровых технологий в сферу публичного управления и формирования модели так называемого «платформенного» или «датафицированного» государства. Выявлены основные направления трансформаций современной го-

сударственности при переходе от проектов электронного правительства к экосистемам цифровых платформ. Описаны возможные последствия цифровой трансформации публичного управления для конституционализма, существования гражданского общества и места индивида в рамках формирующегося правопорядка.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, гражданское общество, государство-платформа, конституционализм, публичное управление, система социального кредита, цифровой профиль, цифровая трансформация

REGENERATION OF THE STATE: HOW AND WHY DO DIGITAL PLATFORMS TRANSFORM THE PUBLIC ADMINISTRATION?

Abstract. The study is devoted to the long-term prospects for the introduction of the latest digital technologies in the field of public administration and the formation of a model of the so-called “platform” or “datafied” state. The main directions of transformations of modern statehood during the transition from e-government projects to ecosystems of digital platforms are figured out. The possible consequences of the digital transformation of public administration for constitutionalism, the existence of civil society and the place of the individual within the emerging legal order are described.

Keywords: Algorithmic governance, Civil society, Platform state, Constitutionalism, Public administration, Social credit system, Digital profile, digital transformation

Введение. Одной из наиболее острых тем, обсуждаемых сегодня юристами, управленцами, экономистами и социологами, несомненно, является цифровизация. Цифровизация, понимаемая как внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий в практику государственного и муниципального управления, в образование, организацию трудовой деятельности и иные сферы общественной жизни, как-то незаметно заменила другой влиятельный концепт – глобализацию, которую также широко обсуждали полтора–два десятилетия назад. Сегодня о глобализации вспоминают редко: с одной стороны, в условиях войны международных санкций и закрытия границ кажется, что мы становимся свидетелями обратной тенденции, тенденции к изоляционизму государств; с другой стороны, быть может, глобализационные процессы стали незаметны именно по той причине, что они успешно и в полной мере реализованы, и тот мир, который мы видим перед собой, является их порождением. Пожалуй, обсуждаемая нами цифровизация также является порождением глобализации мировой экономики, интернационализации и унификации управленческих трендов: об этом свидетельствует хотя бы то, что программы цифровой трансформации публичного сектора в настоящее время продвигаются параллельно практически во всех развитых странах мира, независимо от их идейных ориентиров и отношений друг с другом.

Все новое и эффективное у большинства людей вызывает немалый энтузиазм. Не будет преувеличением сказать, что почти все мы в какой-то степени очарованы новыми технологиями, зачастую не задумываясь о том трансформирующем эффекте, который они оказывают на социальные институты. При этом, вопреки распространенным взглядам, склонным рассматривать техно-социальные изменения как объективно-предзаданные, а прогресс как линейный, такие, вызываемые

развитием науки и техники трансформации социального могут быть достаточно опасны.

В последние годы среди ученых и практиков все более активно обсуждаются идеи переустройства системы публичного (государственного и муниципального) управления, придания государству нового облика, чему должно поспособствовать внедрение прорывных информационно-коммуникационных технологий, и прежде всего – технологий сбора, хранения и алгоритмического анализа больших массивов данных, обмена данными. В ряду новейших идей переустройства системы публичного управления – цифровое профилирование (создание так называемых «цифровых двойников») граждан и организаций, развитие средств риск-ориентированной предиктивной аналитики, широкое применение алгоритмов искусственного интеллекта. Предполагается, что развитие проектов электронного правительства (e-government), стартовавших в передовых странах мира в конце 1990-х гг. и предусматривавших изначально в основном ускорение и упрощение документооборота в государственных органах и учреждениях [18], на сегодняшний день позволяет произвести скачок в сторону сложных и сквозных интеллектуальных экосистем цифрового управления. В научной литературе уже можно встретить и своеобразные термины, подходящие для обозначения того образа управления, той модели государственности, к которой, по мнению энтузиастов «цифровой трансформации», следует двигаться: «государство-как-платформа» (platform state, Government-as-a-Platform) [4; 13], «датафицированное государство» (datafied state) [17], «цифровое государство» (digital state) [19; 22] и т. п.

Целью настоящей работы является выявление долгосрочных перспектив перехода к такой «платформенной», датафицированной модели государства, что, в свою очередь, требует проведения анализа качественных трансформаций современного государственно-организованного правового порядка и рисков «цифровой трансформации» для правового статуса гражданина и существования самого гражданского общества.

Платформенное государство: основания. Современные системы цифрового публичного управления вырастают на базе проектов электронного правительства, однако имеют уже качественные отличия от того, что понималось под цифровизацией госсектора на заре этих проектов. Развитие проектов электронного правительства изначально предполагало в первую очередь перевод документооборота государственных ведомств из аналоговой формы в цифровую, возможность оперативной межведомственной передачи информации об интересующих лицах, удаленный доступ граждан к государственным и муниципальным услугам. Разрабатываемые сегодня системы значительно расширяют данный функционал: уже не отдельные взаимодействия физических и юридических лиц с государством должны осуществляться в электронной форме – сама жизнедеятельность современных субъектов должна перенестись в цифровой формат. По задумке проектантов и идеологов архитектуры цифрового публичного управления, как можно большая часть поведенческих актов субъектов должна осуществляться в цифровом формате, с помощью соответствующих программных средств (мобильных приложений, интернет-порталов и т. д.); поведенческие акты, осуществляемые в ре-

альном, материально-осязаемом мире, т. е. в аналоговом формате, должны быть преобразованы в формат цифровой – тогда и управление поведением субъектов, контроль за их поведением также можно будет в значительной мере перевести в цифровую форму, передав эти функции полностью или частично автоматизированным системам, интеллектуальным алгоритмам. Если ранние проекты цифровизации госсектора были направлены преимущественно на перевод аналоговых процессов в электронный формат и выступали лишь вспомогательными средствами в руках бюрократических институтов государства, нынешние системы цифрового публичного управления (проектируемые как экосистемы микросервисов, основанных на единых стандартах и едином массиве данных) нацелены на то, чтобы в корне изменить сам характер такого управления.

Прежде чем задаться вопросом о том, какие последствия, помимо ожидаемых и широко рекламируемых адептами цифровизации (снижение финансовых и временных издержек, сокращение бюрократии), может иметь для современного правового порядка трансформация хорошо знакомого нам государства в государство платформенное, датафицированное, попытаемся разобраться с тем, что представляет из себя новая модель управления, на чем она должна основываться, какую инфраструктуру и какой функционал должна в себя включать.

Все современные проекты цифрового публичного управления основываются на работе с данными, касающимися лиц, находящихся в объективе управленческой (в т. ч. регуляторной и контрольно-надзорной) деятельности государства. Необходимым элементом «цифровизованного государства», таким образом, оказывается система сбора, хранения, фиксации, обмена и анализа (оценки) данных репутационного (биографического) характера о физических и юридических лицах, а также значимых характеристик, касающихся их (например, сведений о размере собственных денежных средств организации, о наличии у гражданина того или иного имущества, гражданства иностранного государства и т. п.). Работа с данными предполагает профилирование адресатов регуляторных и административных мер органов власти, иными словами – учет значимых данных о них в рамках инфраструктуры цифровых профилей («цифровых двойников»): субъект права в таком случае олицетворяется записями (или файлами) в соответствующих официальных базах данных, обмен между которыми организован в рамках экосистемы цифрового публичного управления. Логичным следствием программы цифрового профилирования является применение инструментов алгоритмического анализа данных к содержимому цифровых профилей: такой анализ предполагает оценку поведения и иных характеристик управляемых лиц, осуществляемую по тем или иным критериям. Результаты такой оценки в перспективе ведут к дифференциации регуляторных и административных мер в отношении субъектов с различным статусом в рамках инфраструктуры цифрового профилирования, иными словами – речь может идти о социальном ранжировании, проводимом в той или иной форме (это может быть оценка субъекта как «добросовестного» или «недобросовестного», исполнившего или не исполнившего некую обязанность, допускаемого или не допускаемого к определенным социальным благам / видам деятельности, наконец – это может быть балльное рейтингование).

Системы идентификации лиц и раскрытия информации (обмена информацией), инфраструктура цифровых профилей и интеллектуальные инструменты предиктивной аналитики, о которых авторы доклада Института стратегических исследований говорят как о необходимых составляющих «государства-как-платформы» [4], формируют вполне определенный модус развития управленческих механизмов: дифференцирование регуляторно-административных мер, дифференцирование перечня и объема публичных услуг, социальное ранжирование и выстраивание системы допусков и ограничений, в рамках которой допуск к тем или иным благам, общественным местам, рынкам и т. д. будет обусловлен содержанием официальных баз данных и результатами их алгоритмической оценки. Все это звучит уже не так благодушно, как может показаться на первый взгляд при не критичном ознакомлении с докладами, посвященными цифровой трансформации. Параллели с наделавшим много шума мегапроектом строительства в КНР так называемой «системы социального кредита» [15] напрашиваются сами собой, и это отнюдь не внешнее сходство.

По большому счету, руководство КНР реализует в настоящее время ту же самую программу радикальной трансформации публичного управления, что и весь цивилизованный мир за пределами Китая (убедиться в этом можно, ознакомившись, например, с докладами и отчетами влиятельных международных институтов и «мозговых центров» [9–12; 20]. Конечно, в зависимости от исторических и культурных особенностей той или иной страны, в зависимости от политического режима и принятых правовых стандартов, формы и способы осуществления такой трансформации государственно-правовых институтов могут серьезным образом различаться. В Китае недобросовестных, «подрывающих доверие» граждан, допустивших правонарушения или не исполняющих судебные постановления, не просто включают в черные списки, ограничивающие им участие в отдельных сферах правоотношений, но также публично изобличают и порицают [14. С. 90–91]. Это, очевидно, не соответствует традициям европейской правовой культуры, достаточно трепетно склонной относиться к раскрытию персональных данных. Тем не менее, если отрешиться от отдельных экзотических практик, ассоциирующихся в массовом сознании с системой социального кредита, если не видеть в китайской системе социального кредита одну лишь идею рейтинговой оценки граждан (на самом деле, на сегодняшний день в КНР рейтингование осуществляется лишь в качестве эксперимента на уровне отдельных муниципальных образований [21. С. 1050], оказывается, что китайский «социальный кредит» является не больше не меньше чем разновидностью той модели государственности, которая вырастает буквально на наших глазах практически по всему миру. Кстати, о том, что социально-кредитные механизмы (т. е. средства регулирования и контроля поведения субъектов, процедуры их наказания и стимулирования, основанные на учете биографической, репутационной информации о них) могут сделаться моделью для других стран, основой для формирования некой новой версии конституционализма, уже предсказывалось в исследованиях ученых [5; 21].

Каков же тот новый конституционализм, тот новый режим управления и модель государственности, которые формируются в рамках проектов по выстраива-

нию «государства-как-платформы», датафицированного государства, «репутационного государства» (reputation state) [16] и системы социального кредита?

Направления трансформаций. Все имеет свою цену, и в любом достижении содержится как благо, так и угроза. Удобство взаимодействия с государственными органами через цифровые платформы электронного правительства, как оказалось, имеет свою цену: распространение цифровизации и расширение областей общественной жизни, опосредуемых системами сбора и обработки данных, коренным образом меняет модель публичного управления, а вместе с ней также – существующие балансы взаимоотношений между властью и обществом, характер таких взаимоотношений, место и роль гражданина в формирующемся правовом порядке.

Экосистема цифровых платформ публичного управления с едиными стандартами, с максимальной заменой чиновников алгоритмами искусственного интеллекта, со сведением человеческого фактора к минимуму – т. е. все то, что сегодня принято ожидать от нового, «платформенного» государства – требует внедрения в госсектор подходов и наработок, реализуемых в настоящее время крупнейшими коммерческими IT-компаниями. Такой подход, в рамках которого система публичного управления из набора взаимосвязанных, но относительно обособленных государственных ведомств постепенно трансформируется в набор связанных друг с другом микросервисов, уже, как мы можем видеть, реализуется в современных проектах цифровизации государства: в российской платформе «Госуслуги», в украинской платформе «Дія», французской платформе “FranceConnect”, датском портале гражданина “Borger” и др. подобных. Судя по всему, от государства ожидают еще большего сближения с моделью коммерческой корпорации [6. С. 127–156], и, очевидно, это сближение затрагивает отнюдь не только внешнюю форму управленческой деятельности, ведь уже сегодня многие технологические решения в области цифровизации госсектора разрабатываются и воплощаются в жизнь частными коммерческими компаниями: однажды может наступить момент, когда будет не ясно, кто занимается регуляторной и административной деятельностью – государство или корпорации. Впрочем, неясным будет, по-видимому, и то, что представляет собой государство, какой смысл мы должны будем вкладывать в это понятие.

У цифровой трансформации публичного управления, сопряженной с внедрением цифрового профилирования, предиктивной аналитики, выстраиванием системы допусков и ограничений, при всех ее удобствах обнаруживаются следующие последствия:

1. Цифровизация публичного управления de facto предполагает передачу административных (а отчасти также регуляторных и судебных) функций от традиционных бюрократических ведомств к цифровым платформам. Алгоритмизация правоприменительной деятельности означает движение в сторону постепенного уменьшения роли человека-госслужащего/судьи в процессе принятия решений. Судя по всему, бюрократия должна сохраниться, но преимущественно на верхних этажах власти, т. е. там, где принимаются принципиальные решения стратегического плана; на нижних же этажах она постепенно должна свестись к IT-специалистам, призванным обеспечивать бесперебойную работу цифровых систем и сред, и мелким чиновникам, все еще вынужденным подписывать офи-

циальные документы, все большая часть которых должна формироваться в автоматизированном режиме. Данная тенденция не опровергается тем фактом, что в нынешний переходный период размеры бюрократического аппарата могут даже расти: очевидно, что это необходимо для решения задач перехода, после совершения которого чиновничий класс должен будет попасть под масштабные сокращения. Между прочим, то, что в КНР система социального кредита направлена в том числе на оценку работы госслужащих и структурных элементов госаппарата, а в России, например, вводится в действие государственная информационная система противодействия коррупции «Посейдон» [1], предполагающая анализ деятельности, доходов и расходов госслужащих, красноречивым образом свидетельствует о том, что курс на сокращение и сдерживание бюрократии уже взят.

2. Управление, переведенное в цифровые платформы, является управлением обезличенным. Человеческое измерение отправления власти в различных ее проявлениях делается незримым, незаметным. В своей повседневной жизни индивид все чаще и чаще должен сталкиваться не с чиновником или полицейским, а с технологическими интерфейсами, т. е. безличными инструментами управления. Меры государственного принуждения, сколь бы они ни были суровы, перестают ассоциироваться с конкретными государственными служащими и применяются к соответствующим адресатам автоматически, в рамках основанных на работе с репутационными данными систем принятия решений.

3. Поскольку цифровизация управления предполагает цифровое дублирование субъекта, создание его цифрового профиля, т. е. сведение к набору данных в официальных базах, граждане как субъекты права рано или поздно должны из субъектов превратиться в объекты – объекты осуществления контроля, объекты «подталкивания» (nudging) к определенному поведению, объекты оценки со стороны риск-ориентированных инструментов предиктивной аналитики.

Лицо, сведенное к набору данных о нем и выступающее для институтов публичного управления в качестве некоего цифрового профиля или файла, не просто так перестает являться субъектом права. Формально, конечно, никто не отнимает у него качества субъекта правоотношений, наделенного правоспособностью, однако это качество, с сущностной стороны, теряет значительную долю своего смысла. Единица, сведенная к набору данных, не является активным действующим лицом, автором публичных правоотношений, но становится лишь тем, кем (вернее, *чем*) управляют. Эта единица еще по большей части остается субъектом частных правоотношений, потребителем товаров и услуг, либо их поставщиком, однако в области публичного права ее статус *de facto* сведен к статусу управляемого объекта.

Можно было бы возразить на это, что гражданин как субъект права всегда являлся адресатом регуляторных мер, индивидуальных и нормативных предписаний, всегда был обязан подчиняться законным предписаниям носителей власти. Это действительно так, но – по крайней мере, в рамках нововременного социального уклада – он также служил исходной величиной государственно-организованного правопорядка, его предпосылкой, и в этой связи являлся не только носителем обязанностей по отношению к властным институтам, но и обладателем гарантированных прав. Сегодняшний «субъект», если о нем еще допустимо говорить

таким образом, не может похвастаться тем, что ему что-либо гарантировано, и что он сам является сколь-либо значимой величиной складывающегося на наших глазах правопорядка. У него есть конституционные права и свободы, но достаточно какого-нибудь правительственного декрета или даже решения местных, либо региональных властей, как он не может сделать ни шага без сертификата о вакцинации от нового опасного вируса, мультипасса или «паспорта болельщика». Достаточно постановления уполномоченного министерства, и ему будет отказано в приобретении определенных, не изъятых из гражданского оборота товаров, выезд за рубеж или пользование объектами общественной инфраструктуры. Апелляция к праву и отстаивание своих свобод перед судом также становится все менее перспективным занятием, учитывая то, что все чаще внеконституционные запреты и ограничения, а также делегирование регуляторных и правоприменительных функций алгоритмическим системам обосновываются хитроумными отсылками к неким чрезвычайным или близким к чрезвычайным обстоятельствам (разумеется, без введения режимов чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации), а также жонглированием максимально невнятными по содержанию законодательными нормами, якобы допускающими принятие правоограничительных подзаконных актов. Если в условиях превращения кризиса и чрезвычайного положения в господствующую управленческую парадигму [2. С. 9] нормативно-правовое регулирование все в большей степени тяготеет к исключительным, чрезвычайным по своей сути установлениям [6. С. 197–211], то оно одновременно также открывает дорогу новым, основанным на работе с большими данными способам и формам воздействия на членов общества. Хроническая чрезвычайщина идет рука об руку с цифровой трансформацией.

Как можно понять из представленных выше тезисов, новые социально-кредитные и алгоритмические системы публичного управления предполагают вымывание человеческого фактора, человеческой субъектности сразу с двух сторон: с одной стороны, это уменьшение роли госслужащего и судьи в принятии решений, с другой – превращение гражданина из субъекта публичного права в объект администрирования, утрата прежних позиций в рамках государственно-организованного правопорядка. Данные перемены являются симптомом крайне важного перехода, коренным образом меняющего существующую модель государственности и балансы отношений правящих и управляемых.

Перерожденное государство. Для того, чтобы понять, какие трансформации претерпевает современная модель, или тип государственности в результате внедрения инструментов профилирования, предиктивной аналитики и алгоритмического анализа репутационных данных в практику публичного управления, необходимо сказать несколько слов о том, что же представляет из себя государственность в том виде, в котором мы привыкли о ней думать. Не уяснив для себя специфики уходящей модели, невозможно понять сущность изменений, увидеть качественную новизну в той управленческой модели, которая еще только формируется на наших глазах.

Мы привыкли понимать под государством суверенное территориально-замкнутое политико-правовое образование, конструирующее нацию из населяющих

соответствующую территорию людей. Такое понимание (и само государство, описываемое указанными характеристиками) является порождением эпохи Нового времени (так называемого «модерна», или *modernity*). Это конкретно-историческое понятие, которое мы привыкли использовать как парадигмальное, обозначая им даже те политико-территориальные образования более ранних эпох, которые по тем или иным признакам не соответствуют классическому пониманию *stato* [8. С. 213]. При этом государственность может быть представлена в более широком смысле и расположена на гораздо более широкой временной шкале: в таком случае, следуя за английским государствоведом Бобом Джессопом, мы можем охарактеризовать государство как «общую трансисторическую форму политической организации» [3. С. 364]. Если следовать этому, более широкому, подходу, логичным будет вывод, согласно которому фундаментальные типы государственности исторически изменчивы, и для каждого такого типа, которые возникали ранее и, очевидно, будут возникать в будущем, характерны различные режимы управления.

Несмотря на то, что «современный» (т. е. относящийся к эпохе модерна) тип государственности вбирает в себя достаточно разноплановые по форме правления и территориального устройства, идеологии и политическим режимам государственные образования, для него в целом характерен ряд объединяющий черт: территориальная замкнутость, суверенитет, тесная связь с понятием нации, различение власти и собственности, а также противопоставление правящих и управляемых (т. е. государства и граждан) друг другу. В качестве наиболее известных и ярких государственных моделей в рамках современного типа государственности могут быть названы модели полицейского государства (*Polizeistaat*), правового государства (*Rechtsstaat*), социального государства (*Sozialstaat*, *welfare state*). Каждая из этих моделей обладает своей спецификой и происходит из специфических социальных условий, однако, что объединяет их всех, что объединяет либерально-демократические и авторитарные режимы, государства социалистической ориентации и теократии, республики и даже монархии, так это опора на идею народного суверенитета. В данном случае речь не идет о том, что органы власти всех государств, относящихся к указанного нами типу, обязательно должны формироваться путем выборов и действовать прозрачно для избирателей. Речь лишь о том, что нация официально или полуофициально, фактически или лишь формально ставится в роли источника учредительной власти в государстве, в качестве источника существующего правового порядка, главного адресата и причины всех государственных усилий и действий, обосновывающего любые, даже самые спорные правительственные инициативы внутри страны и на международной арене.

Эпоха модерна поставила «духовную идентичность нации», если говорить в терминах Майкла Хардта и Антонио Негри [7. С. 98], в сердце государственности; отправление государственной власти сделалось имманентным обществу, тогда как в эпоху премодерна ситуация была принципиально иной: власть средневековых королей, античных римских императоров и древневосточных деспотов или обожествлялась, или обосновывалась отсылкой к некоему трансцендентному порядку, а появление современного государства-нации в XVI–XVIII вв. превратило саму национальную общность, нацию, в обоснование и внутренний движитель осуществ-

вления государственной власти. К настоящему дню мы привыкли к тому (и часто не задумываемся об этом, принимая как должное), что «народное благо», как бы абстрактно и лицемерно порой ни звучало это словосочетание, выступает в качестве принципиального императива и обоснования функционирования государства: закрепление такого понимания государственности мы можем встретить в текстах конституций, в государственных доктринах или, по крайней мере, в самой политической практике (ни один даже самый авторитарный правитель государства современного типа никогда не признает публично, что его политика преследует сугубо частный интерес и что его решения не связаны с интересами всего общества). Каким бы странным это ни казалось на первый взгляд, но опора на дискурс народного суверенитета присуща как либеральным, так и нелиберальным государственным режимам эпохи модерна, не исключая режимы социалистические и теократические. Традиция говорить от имени народа, разумеется, легко может быть объяснена желанием правительств легитимировать свою деятельность перед самими гражданами и международными акторами, однако на самом деле она значит куда больше. Выступление от имени народа отражает часто недооцениваемый факт: современное государство теснейшим образом связано с гражданским обществом и «является всего лишь одной из частей сложного социального порядка» [3. С. 181]. Не бог, не царь и даже не какой-то отдельный социальный класс или этнос, а гражданин – или, более правильно, граждане как обобщенное множество – является отправной точкой и наиболее значимой фигурой на поле современной государственности.

В мире государственности эпохи модерна (т. е. той государственности, которая только и известна нам и признаки которой мы привыкли экстраполировать на другие эпохи и типы) нация служит воображаемым телом государства. Отсюда – парадоксальное, но вполне логичное следствие: в рамках такого государственно-организованного порядка граждане являются одновременно и объектами управления, и носителями прав по отношению к государству. Именно в эту часть порядка цифровая трансформация публичного управления привносит необратимые изменения.

С одной стороны, как уже отмечалось выше, использование средств алгоритмического управления, цифровое профилирование и социальное ранжирование ведут к постепенному превращению субъектов права в объекты контроля. Индивид из гражданина превращается в пассивного получателя команд, требующих исполнения: важнее оказываются не законодательно закрепленные за ним права и не его качества гражданина (т. е. единицы в обладающем учредительной властью множестве), а то, какая информация о нем зафиксирована в официальных базах данных и как эта информация может быть оценена соответствующими алгоритмическими системами. Над зданием законодательно гарантируемых прав и свобод надстраиваются конструкции дополнительных (чаще всего, обременительных для индивида) требований, обязанностей и запретов: пройти вакцинацию, получить разрешение для посещения футбольного матча, самоизолироваться у себя дома, отдельно сортировать мусор, не допускать сексистских и гомофобных высказываний, и т. п. С появлением все новых требований, в т. ч. выходящих за пределы положений законодательных актов: морально-этических императивов, профессиональных

стандартов и различных «защищаемых ценностей», – индивид волей-неволей превращается в своего рода программируемый автомат, и в этом смысле он уже не является хоть в мельчайшей степени источником устанавливаемых норм, он становится лишь дрессированным исполнителем искусственно насаждаемых ритуалов.

С другой стороны, в мире социального ранжирования, дифференцирования управленческих мер, дифференциации перечня и объема публичных услуг в зависимости от социального ранга (или рейтинга) исчезает само гражданское общество как общество равноправных. Если объем правомочий лица определяется в большей степени данными его цифрового профиля, нежели положениями равным образом действующих для всех законов, если для реализации индивидом свои прав и законных интересов ключевое значение приобретает то, к какому множеству (классу, грейду и т. д.) его отнесли алгоритмы искусственного интеллекта, тогда и ценность каждого индивида в рамках государственно-организованного правопорядка не может быть даже формально одинаковой. На смену гражданскому обществу приходит ранжированное общество [23]. Здесь можно было бы поспорить с указанием на гражданское общество как характерный элемент государственно-организованного правопорядка эпохи модерна и вспомнить историю дискриминации отдельных категорий граждан со стороны тоталитарных режимов XX в., однако данная аналогия не является подходящей в контексте обсуждения последствий цифровой трансформации: тогда как тоталитарные режимы прошлого были склонны к исключению отдельных групп населения из тела нации (т. е. из состава гражданского общества), новые режимы датафицированного управления никого не исключают, но нацелены на перманентное ранжирование и перманентную (пере)оценку объектов регулирования и контроля. Вместо категоричных бинарных оппозиций («арийцы» / «неарийцы», «трудящиеся» / «враги народа» и т. п.) в цифровую эпоху, судя по всему, приходит разделение на потенциально бесконечное количество прозрачных и проницаемых множеств. *Modus operandi* нового режима управления – не исключение, а, напротив, включение всех и вся (в «цифровую контур», цифровую среду) с последующим ранжированием.

Как уже отмечалось выше, управление, перенесенное на цифровые платформы, является обезличенным и предстает как-бы-нейтральным. Гражданин реже сталкивается с чиновником, а общается с государством все чаще через специальные электронные интерфейсы. Это удобно, однако в перспективе это означает фактическую невозможность для граждан донести свои требования до носителей власти. Становится непонятным, к кому требования должны быть обращены, кого винить в провалах и неудачах государственной политики, против чьих решений протестовать. Какая-либо связь между правящими и управляемыми пропадает, а остается лишь кажущийся объективным посредник. Отправление публичной власти делается анонимным: в то время как физические, юридические и остающиеся на нижних этапах властной вертикали должностные лица должны быть максимально прозрачны и предсказуемы для правящей элиты, сама эта элита, будучи скрытой в тени цифровых платформ и ассистентов, может быть совершенно недоступна какому-либо контролю снизу. Граждане, фактически переставшие быть гражданами, оказываются в положении бессловесных единиц в поголовье скота: их по-прежнему может что-то

не устраивать, они могут заявлять о своих законных правах, но их шансы получить на свои заявления какую-либо положительную реакцию становятся равными нулю.

Заключение. Цифровая трансформация государства имеет целый ряд удобств и выгод, но это выгоды, в основном, для правящих, а не управляемых. Безусловно, массы, поставленные под контроль основанных на анализе данных систем публичного управления, должны сделаться более предсказуемыми и послушными, что означает перспективу упрощения управления и снижения управленческих издержек. Повышение предсказуемости социальных взаимодействий означает возможность снижения преступности и укрепления общественного порядка, однако также означает практическую невозможность борьбы граждан за свои права и интересы в будущем. Системы датафицированного управления воплощают собой как-бы-нейтральную, объективную технику, выступать против которой не имеет смысла. Можно предположить, соответственно, что эта кажущаяся объективность однажды будет использована правящими кругами для того, чтобы свести на нет все те права и свободы, которые являются завоеваниями прошлых эпох.

Цифровая трансформация управления – это одновременно и трансформация всего существующего правопорядка, вместе с известными нам конституционализмом и системой публично-правовых отношений. Сегодня большинство из нас, к сожалению, некритично воспринимают новейшие технологические изменения, но, возможно, самое время задаться старинным вопросом: «*Qui prodest?* Кто, в долгосрочной перспективе, оказывается в выигрыше от удобных изменений сегодня?». Так или иначе, тревожные перспективы, открывающиеся вместе с активным внедрением технологий Четвертой промышленной революции в сферы государственного управления, правового регулирования и правоприменения, уже сегодня должны стать основанием для широчайшей и предельно острой дискуссии о целеполагании, выгодоприобретателях, дизайне и пределах ожидаемых изменений. В конце концов, не следует забывать, что технологии не внедряются сами по себе – их внедряют.

Список литературы

1. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3053.
2. Агамбен Дж. Номо сасер. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.
3. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.
4. Петров М., Буров В., Шкляр М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. – М.: Институт стратегических разработок, 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 07.09.2022).
5. Рувинский Р. Система социального кредита в Китае: модель конституционализма для кризисной эры // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. – № 3 (142). С. 63–85.

6. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. – СПб.: Алетейя. 2020. – 350 с.
7. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
8. Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // Логос. – 2012. № 5 (89). С. 205–215.
9. A Blueprint for Digital Identity / World Economic Forum, 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_A_Blueprint_for_Digital_Identity.pdf [Access 16 February 2022].
10. Digital Government 2020: Prospects for Russia / World Bank, 2016. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24402/Digital0govern0prospects0for0Russia.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
11. Digital Identity: Towards Shared Principles for Public and Private Sector Cooperation / World Bank, 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24920/Digital0identi0e0sector0cooperation.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
12. Technology Landscape for Digital Identification / World Bank, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31825/Technology-Landscape-for-Digital-Identification.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
13. Alauzen M. The platform state and digital identification of users: The FranceConnect design process // Réseaux. 2019. № 1 (213). P. 211–239.
14. Blomberg M. The Social Credit System and China's rule of law // Mapping China Journal. 2018. No. 2. P. 77–162.
15. Creemers R. China's Social Credit System: an evolving practice of control // SSRN Electronic Journal. 2018. – May 9. URL: <https://ssrn.com/abstract=3175792> (дата обращения: 12.09.2022).
16. Dai X. Toward a reputation state: a comprehensive view of China's Social Credit System project // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. – Wiesbaden: Springer Gabler. 2020. P. 139–164.
17. Dencik L. The datafied welfare state: A perspective from the UK // New Perspectives in Critical Data Studies. 2022. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-96180-0_7 (дата обращения: 12.09.2022).
18. Grönlund Å., Horan T. A. Introducing e-Gov: History, definitions, and issues // Communications of the Association for Information Systems. – 2005. – Vol. 15. – P. 713–730.
19. Kassen M. Building digital state: Understanding two decades of evolution in Kazakh e-government project // Online Information Review. 2019. – № 2 (43). – P. 301–323.
20. Karippacheril G., et al. Bringing Government into the 21st Century: The Korean Digital Governance Experience. – Washington, D.C.: World Bank, 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24579/9781464808814.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
21. Mac Síthigh D., Siems M. The Chinese Social Credit System: A model for other countries? // Modern Law Review. 2019. No. 6 (82). P. 1034–1071.

22. Tomlinson J. Justice in the Digital State: Assessing the next revolution in administrative justice. – Bristol: Policy Press, 2019.

23. Yu K. Towards graduated citizenship: A study of social credit systems in China // Critique: a worldwide student journal of politics. 2020. – Spring. P. 28–55.

А. В. Рыбин,

аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

СРАВНИМО ЛИ ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ С ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГОМ?

Аннотация. В статье приводится анализ преимуществ и недостатков дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ), как новой формы голосования. Основной формой предлагается считать голосование на участке в единый день голосования. Иные формы рассматриваются, как производные от основной. ДЭГ предлагается отнести к производным формам. Из существующего законодательного регулирования автором выводится российская модель ДЭГ, как формы голосования. Далее приводится определение интернет-банкинга, как формы взаимоотношений между клиентом и банком, основанной на договоре между равными субъектами, осознающими риски расчетов в интернет-среде и готовыми к их негативным последствиям. Сравниваются черты сходства и различия интернет-банкинга и ДЭГ, из чего делается вывод о том, что ДЭГ существенно отличается от онлайн-банкинга: избирательные отношения возникают в публичной сфере между неравными субъектами в процессе реализации народом-сувереном своей власти путем выборов народных представителей, которые будут удостоены ее осуществления от имени народа. Цена риска ДЭГ принципиально выше, поэтому нельзя автоматически переносить модели интернет-банкинга в ДЭГ. В избирательной сфере следует действовать осторожней.

Ключевые слова: выборы, формы голосования, дистанционное электронное голосование, результаты волеизъявления избирателей, интернет-банкинг, риск, законодательное регулирование

IS REMOTE E-VOTING COMPARABLE TO INTERNET BANKING?

Annotation. The article provides a brief analysis of the advantages and disadvantages of remote electronic voting (hereinafter – REV), as a new form of voting. It is proposed to consider voting at the polling station on a single voting day as the main form. All other forms are considered as derivatives of the main one. REV is proposed to be classified as a derivative form of voting. From the existing legislative regulation, the Russian model of the REV is derived as a form of voting. The following is a definition of Internet banking as a form of relationship between a client and a bank, based on an agreement between equal entities that are aware of the risks of settlements in the Internet environment and are ready for their negative consequences. The similarities and differ-

ences between Internet banking and REV are compared, from which it is concluded that the REV differs significantly from online banking: elective relations arise in the public sphere between unequal entities in the process of the sovereign people exercising their power through the election of people's representatives who will be honored by its implementation on behalf of the people. The price of risks in the REV is fundamentally higher, and therefore it is impossible to automatically transfer Internet banking models to the REV. In the electoral sphere, one should act more carefully.

Key words: Elections, Forms of voting, Remote electronic voting, Results of the will of voters, Internet banking, Risk, REV

Интернет меняет ожидания людей в отношении скорости и удобства, с которыми должны предоставляться все услуги. Интернет широко используется для покупок, банкинга, общения в социальных сетях, а также для коммуникации с государством и его органами. Последнее обстоятельство в немалой степени способствовало рождению такого политико-правового явления, как электронная демократия, которое является предметом пристальных научных исследований [4. С. 45–57; 11. 38–49]. В связи с развитием различных аспектов электронной демократии у граждан появился спрос на онлайн-голосование (прим. автора – настоящем исследовании понятия «онлайн-голосование», «интернет-голосование» и «дистанционное электронное голосование» (ДЭГ) используются, как идентичные).

На протяжении последних двух десятилетий разные страны экспериментировали с интернет-голосованием. Пожалуй, наиболее успешный эксперимент проведен в Эстонии, где обсуждение интернет-голосования началось в 2001 г., а с 2005 г. оно стало юридически обязательной формой голосования [12].

Интернет-голосование направлено на то, чтобы сделать акт голосования максимально удобным, и оно имеет большие перспективы для улучшения доступности, особенно для тех, кто по тем или иным причинам находится вне пределов своего участка или у кого есть проблемы с мобильностью.

Исследователи ДЭГ отмечают ряд преимуществ этой формы голосования: привлечение молодежи и преодоление абсентеизма населения в целом в отношении выборов; экономическая выгода за счет снижения стоимости организации голосования; быстрота подведения итогов голосования; повышение явки избирателей; повышение продуктивности голосования за счет снижения порчи бюллетеней; исключение таких нарушений как многократное голосование и голосование не-избирателей; тайна голосования; экологичность и др. [5. С. 218–222; 13. С. 37–47; 1. С. 53–62; 18. С. 90–104].

Вместе с тем эстонский и канадский опыт интернет-голосования показал, что для внедрения ДЭГ необходим ряд системных предпосылок: подробное законодательное регулирование и восприимчивая к новому политическая и правовая культура общества. Онлайн-голосование в этих странах вопреки ожиданиям оказалось популярно среди старшего населения и почти не повысило участие молодежи, оно также не оказало значимого влияния на явку и не привело к экономии бюджетных средств [19].

Не отрицая ряда преимуществ ДЭГ, следует признать, что эта форма голосования характеризуется рядом проблем и создает риски для некоторых фундаментальных принципов демократической системы.

Свободные выборы в конечном счете материализуются в результатах волеизъявления избирателей, которые должны быть достоверными. Достоверность их достигается в том случае, когда действительная воля избирателей совпадает с их волеизъявлением. По смыслу пунктов 1 и 2 статьи 3 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав [15] волеизъявление избирателей реализуется в процессе тайного голосования. В статьях 64 – 66 названного закона регулируются процедуры голосования в различных его формах. Анализ этих нормативных положений позволяет сделать вывод, что форма голосования на выборах – это совокупность норм избирательного права процедурного характера, гарантирующих реализацию свободного волеизъявления избирателей и его достоверный учет.

Традиционно основной формой голосования считается голосование избирателей на участках в помещении для голосования в течение одного дня путем личной явки, заполнения бюллетеня и опускания его в ящик для голосования. Другие формы голосования, включая ДЭГ, определяются как производные. Их производность заключается в том, что они возникли исторически позже основной формы, но имеют с ней тесную связь. Эти формы голосования направлены на то, чтобы привлечь к участию в выборах тех, кто по тем или иным причинам не может или не хочет прийти на участок в день голосования.

Дистанционное голосование – это процесс принятия решения путем голосования с применением специальных электронных средств голосования и подсчета голосов [16. С. 1–11]. А.В. Павлушкин и А.Е. Постников предложили рассматривать ДЭГ как разновидность электронного голосования [9. С. 8].

В законодательстве ДЭГ определяется, как голосование без изготовления бюллетеня на бумажном носителе с использованием программно-технического комплекса, доступ к которому участнику ДЭГ предоставляется на портале, размещенном в сети «Интернет» (подпункт 621 статьи 2 и статья 641 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав [15]).

То есть, признаками российской модели ДЭГ являются: 1) электронный способ голосования; 2) применение избирателем персонального «гаджета» (мобильного или стационарного компьютерного устройства); 3) отсутствие бумажного бюллетеня; 4) наличие программно-аппаратного комплекса у организатора выборов; 5) коммуникацию избирателя с организатором выборов через сеть интернет; 6) голосование в неконтролируемой среде; 7) голосование в произвольном месте, 8) использование организатором выборов специального сайта (портала), имеющего связь со всемирной сетью.

ДЭГ может осуществляться в двух вариантах с т.з. его контроля [8]. Интернет-голосование в контролируемой среде осуществляется в местах, где возможен контроль избирательных органов и наблюдателей за голосованием. Однако этот вариант нивелирует ключевой фактор привлекательности онлайн-голосования – удобство. Другой вариант – это дистанционное электронное голосование, которое позволяет избирателям передавать свои голоса из любой точки интернет-подклю-

чения (например, с домашнего компьютера, из публичной библиотеки, гостиницы, со своего смартфона и т. д.). ДЭГ не требует от избирателей идти куда-то голосовать, снижает их затраты и максимизирует фактор удобства, что делает его особенно привлекательным. Тем не менее мировая практика внедрения ДЭГ показывает, что немногие страны применяют эту форму голосования (на общегосударственных выборах его применяют только Россия и Эстония), большинство же стран смотрят на ДЭГ с осторожностью или скептически.

Е. Н. Босова и Д. А. Реут возражают скептикам, полагая, что широкое применение онлайн-банкинга является предпосылкой и обоснованием внедрения в электоральную сферу ДЭГ [1. С. 57].

Однако демократические выборы имеют коренные отличия от коммерции и банкинга, которые нуждаются в более подробном прояснении.

Экономическое обоснование онлайн-банкинга основывается на том, что степень вероятного мошенничества при проведении расчетных операций компенсируется снижением операционных расходов и удобством для клиентов.

Банком России, являющимся согласно банковскому законодательству [14] регулятором в данной сфере, легализовано понятие дистанционного банковского обслуживания (ДБО), которое также именуется онлайн- или интернет-банкингом. Интернет-банкинг – способ дистанционного банковского обслуживания клиентов, осуществляемого кредитными организациями в сети «Интернет» и включающего информационное и операционное взаимодействие с ними [10].

Банк России отмечает многочисленные риски ДБО, в частности, причинами возникновения операционного риска при применении систем интернет-банкинга могут являться: ненадлежащая организация обеспечения информационной безопасности как в самой кредитной организации, так и у провайдеров; ошибки и (или) сбои в работе аппаратно-программного обеспечения применяемых кредитной организацией систем интернет-банкинга; действия в отношении кредитной организации в виде неправомерного доступа с применением интернет-технологий к ее информационным ресурсам; ошибки служащих кредитной организации и др. [10].

Однако, несмотря на многочисленные риски, благодаря ДБО у клиента банка появляется возможность не только дистанционно распоряжаться своими счетами, но и без визита в отделение кредитной организации заключать различные договоры. Обязательства по осуществлению безналичных расчетов в договоре об использовании ДБО регулируются в соответствии с общими и специальными нормами об обязательствах и договорах, предусмотренных гражданским законодательством [17; 2; 3]. Таким образом, интернет-банкинг, как правовое явление, возникает в сфере частных отношений, между субъектами, обладающими автономией воли на добровольных началах и действующих на свой страх и риск.

Реальность такова, что мошенничество в онлайн-банкинге растет быстрыми темпами. Всего за январь–март 2021 г. мошенники украли путем несанкционированных переводов у граждан и компаний в России 2,9 млрд руб. [7]. И банки тратят значительные ресурсы на возмещение клиентам убытков от мошенничества и на разработку новых стратегий для устранения уязвимостей безопасности [6].

Выборы же являются краеугольным камнем демократии. Избирательные отношения возникают в публичной сфере и характеризуются наличием властвующего субъекта и слабой стороны – гражданина, избирателя. Причем избирательные отношения характеризуются наивысшей степенью политизации, в ходе их реализации решается вопрос о власти, и народ-суверен доверяет ее осуществление в руки лучших своих представителей. Успешное и точное завершение каждого акта волеизъявления избирателя в ходе голосования имеет решающее значение для честности выборов и, в конечном счете, для легитимности избранных лиц. Банковские операции происходят между частными субъектами, и последствия спора между ними не влияют на государственные институты. Если услуга интернет-банкинга недоступна, клиент может просто повторить попытку позже. Кульминация выборов приходится на один или несколько дней голосования, что означает ограниченную доступность граждан к инфраструктуре голосования. Если произошел сбой в системе ДЭГ (прим. автора – в целях настоящего исследования под «системой ДЭГ» понимается программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий голосование, а также средства сетевой коммуникации между участником и организатором голосования), это может лишить избирателей их права голоса, гарантированного в ст. 32 ч. 2 Конституции.

Банковские операции требуют аутентификации (прим. автора – под «аутентификацией» понимается проверка подлинности пользователя, запросившего доступ в некую систему. При этом пользователь ранее прошел идентификацию и была подтверждена его личность для участия в системе. В целях исследования в понятие «аутентификация» включена и процедура авторизации, т.е. проверка права пользователя на совершение определенного действия в системе) клиента с помощью паролей и PIN-кодов, причем личность клиента неотрывно следует за расчетной сделкой. Голосование на выборах отличается требованием как аутентификации избирателя, так и обеспечения его анонимности в момент и после завершения акта волеизъявления.

В банковском деле все операции на каждом счету клиентов учитываются, по ним ведутся записи бухгалтерией банка. Если в отношении какой-то операции возникает подозрение в мошенничестве, эта операция может быть проанализирована по записям, возможно аннулирование операции и восстановление положения по состоянию «до нарушения». Клиенты могут в любое время получить у банка отчет по счету и проверить его правильность.

Акт волеизъявления на голосовании обеспечивается гарантиями тайны голосования, которая требует разрыва связи между личностью избирателя и его голосом. Это значительно усложняет меры защиты от мошенничества и выявление его факта. Если есть доказательства фальсификации в ДЭГ, то нет возможности вернуться к состоянию «до нарушения», чтобы решить проблему. Избиратели лишены подтверждения своего голоса, которое позволило бы им доказать, как они голосовали.

Отношения между банком и клиентом защищаются банковской тайной. Однако действия клиента и банка прозрачны для них, а тайна относится к третьим лицам. Напротив, тайна голосования распространяется на сам акт волеизъявления избирателя, все остальные избирательные действия подчиняются принципу публичности.

Прозрачность достигается в основной форме голосования тем, что акт голосования и подсчет голосов проводятся в условиях, где межпартийный состав избирательной комиссии и наблюдатели, представляющие конкурирующие на выборах силы, а также журналисты могут видеть, как совершаются все действия. Наблюдение рождает доверие. Электронная же технология заключает голосование и подсчет голосов в «черный ящик», что приводит к принципиальному снижению прозрачности и, в конечном счете, провоцирует общественное недоверие и подозрения в мошенничестве.

Таким образом, это небольшое исследование показывает, что при определенной схожести некоторых процедур ДЭГ и онлайн-банкинга между ними имеются кардинальные различия. Стремительное и широкое внедрение банковских расчетов через интернет не должно нас вводить в искушение столь же стремительно и широко начать применять интернет-технологии для реализации фундаментальных демократических принципов. Как показал предыдущий анализ риск утраты имущества при совершении онлайн-сделки несопоставим с риском утраты голоса на выборах. Если имущественную потерю можно восстановить, то потеря политического права может быть невозможной.

Список литературы

1. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Law Enforcement Review. 2019. Vol. 3, no. 3. Рр. 53–62.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
4. Григорьев А. В. Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2020. № 2. С. 45–57.
5. Мостовая М. Ю. Электронная демократия в избирательной системе Украины: долгожданная реальность или утопия? // Вісник Маріупольського Державного Університету, серія: Право. 2013. Вип. 5. С. 218–222.
6. «Мошенники все активнее используют онлайн-банкинг для кражи денег» // «Ведомости». 2014. 21 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/01/21/moshenniki-vse-aktivnee-ispolzuyu-onlajn-banking-dlya-krazhi> (дата обращения: 11.09.2022).
7. «Объем украденных мошенниками денег со счетов вырос в 1,5 раза» // «РБК». 2021. 9 июл. URL: <https://www.rbc.ru/finances/09/07/2021/60e845c39a794772e1d0e21e> (дата обращения: 11.09.2022).
8. Отчет Европейской Комиссии за демократию через право (Венецианская Комиссия) «О совместимости удаленного голосования и электронного голосования с стандартами Совета Европы» (принят Венецианской комиссией на

58-й пленарной сессии, Венеция, 12–13 марта 2004 г.). 2004. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)012-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)012-e) (дата обращения: 11.09.2022).

9. Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 8.

10. Письмо Банка России от 31.03.2008 № 36-Т «О Рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем Интернет-банкинга» // Вестник Банка России. 2008. № 16. 9 апр.

11. Постников А. Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 38–49.

12. Совместный отчет Венецианской Комиссии и Дирекции по информационному обществу и противодействию преступности Генеральной Дирекции по правам человека и верховенству права (DGI) «О цифровых технологиях и выборах» (одобрен Советом по демократическим выборам на 65-м заседании, Венеция, 20.06.2019, Венецианской комиссией на 119-й пленарной сессии, Венеция, 21–22.06.2019). 2019. 22 июня. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)016-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)016-e) (дата обращения: 11.09.2022).

13. Турищева Н. Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 37–47.

14. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

15. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

16. Фирсова С. А., Вдовин П. С., Карпушкина И. С. Применение технологии блокчейн для дистанционного голосования // Огарев-Online. 2020. № 13 (150). С. 1–11.

17. Хадеева М. В. Реализация принципа свободы договора в области правового регулирования новых банковских технологий (на примере дистанционного банковского обслуживания) // Банковское право. 2017. № 4. С. 63–67.

18. Ярыгин Г. О. Электронное и интернет-голосование в избирательном процессе США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 9 (561). С. 90–104.

19. Nicole Goodman, Leah C. Stokes. Reducing the Cost of Voting: An Evaluation of Internet Voting's Effect on Turnout / Cambridge University Press. 2018. P. 1156–1169. 17 may. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/6FF8DA77C59806F0175656D66DE66907/S0007123417000849a.pdf/reducing_the_cost_of_voting_an_evaluation_of_internet_votings_effect_on_turnout.pdf (дата обращения: 11.08.2022).

Н. И. Рыжова,

доктор педагогических наук, профессор,
Институт стратегии развития образования
Российской академии образования

О.Н. Громова,

кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Учитывая тренды развития российского общества, а также существующий опыт разработки проблематики цифровой трансформации различных его сфер, в статье актуализируется проблематика цифровой трансформации современного права. Затрагивая вопросы совершенствования правовых основ и профилактики киберугроз в современном социуме, авторы намечают тенденции и актуальные задачи профессиональной подготовки современных специалистов. В частности, среди них особо выделяется цифровая трансформация права, которая, по мнению авторов, является сегодня не только одним из актуальных трендов развития профессиональной подготовки в области юриспруденции, но и определяет важные аспекты профессиональной адаптации современного юриста к деятельности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация общества, киберугрозы, информационная безопасность, кибербезопасность, виктимологическая профилактика, вызовы современности, цифровая трансформация права

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF MODERN SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW AND DIGITALIZATION OF SOCIETY

Annotation. Taking into account the trends in the development of Russian society, as well as the existing experience in developing the problems of digital transformation of its various spheres, the article actualizes the problems of digital transformation of modern law. Touching upon the issues of improving the legal framework and prevention of cyber threats in modern society, the authors outline trends and current tasks of professional training of modern specialists. In particular, the digital transformation of law stands out among them, which, according to the authors, is today not only one of the current trends in the development of professional training in the field of jurisprudence, but also determines important aspects of the professional adaptation of a modern lawyer to work in the conditions of digitalization.

Keywords: Digitalization of society, Cyber threats, Information security, Cybersecurity, Victimological prevention, Challenges of modernity, Digital transformation of law

На цифровизацию как явление современного общества возлагаются большие надежды в связи с необходимостью обработки больших объемов информации. В процесс цифровизации активно вовлекается и право, в первую очередь, как эффективный ресурс, создающий предпосылки к формированию нормативных правовых основ, создающих особый правовой режим использования цифровых технологий и цифровизации, способствующей записи и обработке информации. Вовлечение в общественные процессы искусственного интеллекта также требует правовой регламентации.

С другой стороны, широкое использование цифровых технологий является перспективным направлением отправления правосудия, в том числе позволят контролировать большой объем судебной практики, генерировать судебные решения, а также осуществлять обнаружение и фиксацию правонарушений.

Глобальные вызовы современности всегда сопровождают процессы развития общества. Не является исключением и российское общественное развитие, современное устройство которого закономерно сопровождает процесс цифровизации путем внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека. Идея цифровой трансформации всех сфер общественного жизнеустройства затронула и правовую сферу. «В условиях «цифровой революции» сфера права преобразуется («форматируется») под влиянием возможностей современных цифровых технологий, что находит отражение... во множестве новых правовых явлений, связанных с появлением новых субъектов и объектов правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, осмысления понятия и содержания цифровых прав...» [8. С. 18].

Правовой механизм цифровизации общества сегодня находится в начальной стадии. Законодателю еще предстоит выработать определенную стратегию в отношении цифровизации, которая обладает огромным потенциалом для трансформации правовой сферы, в том числе и в части ранее сложившихся общественных отношений. Учеными ведется активная дискуссия относительно перспектив цифровизации права, позволившая определить наиболее актуальные угрозы и риски, причиняющие существенный вред субъектам общественных отношений, а также отсутствие эффективных механизмов их противодействия [4–5].

Не менее актуальными являются вопросы профессиональной подготовки специалиста к деятельности в условиях цифровизации, способного быстро адаптироваться в постоянно меняющейся среде, в том числе и при наличии угроз и вызовов современности [6–7].

Принимая во внимание результаты анализа и интерпретации современной нормативно-правовой базы, определяющей правовой механизм цифровизации, в данной работе остановимся на актуальных аспектах и тенденциях профессиональной подготовки специалистов в области кибербезопасности, в частности, являющихся также важными аспектами в плане профессиональной адаптации юриста к деятельности в условиях цифровизации.

В ноябре 2017 г. большое оживление вызвала публикация в газете «Коммерсантъ» о предложении департамента проектной деятельности правительства по цифровизации нормотворчества и правоприменения. Авторы проек-

та посчитали, что создание «электронных кодексов» по французскому образцу, генерация типовых судебных решений при помощи искусственного интеллекта и создание автоматизированной системы контроля судебной практики позволят преодолеть проблемы, связанные с устаревшим, непрозрачным и избыточным регулированием, возможностью неоднозначного толкования правовых норм, затянутостью сроков рассмотрения дел и коррупцией [15].

Не вдаваясь в подробности замены юриста-человека искусственным интеллектом, хотелось бы обсудить роль последнего в реализации юридической практики.

Ключевым явлением современного мира является цифровизация общества, предполагающая использование технологий искусственного интеллекта. Понятие цифровизации или цифрового развития мы обнаружили в Приказе Минкомсвязи России «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Согласно Приказу цифровизацией или цифровым развитием признается процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий [10]. Цифровая среда определена как среда логических объектов, в которой информация представлена в виде битовой строки – набора нулей и единиц [13].

Непосредственная связь цифровизации и искусственного интеллекта подчеркнута в Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»), где искусственным интеллектом признается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

А обозначенный комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [17].

Профессия юриста предполагает наличие регулярных рутинных процессов по поиску необходимой информации, источниковой базы, анализу и обзору большого количества нормативных правовых актов и судебных решений. Сегодня реальностью для юристов и их клиентов стал рынок технологических решений (legal technologies), позволяющий оптимизировать рабочие процессы за счет специальных программ, платформ, определенных продуктов и инструментов.

Вызывает сомнение утверждение о том, что широкое применение чат-ботов (виртуальный онлайн-консультант) способно обеспечить замену юриста при осуществлении удаленного юридического консалтинга. Но при этом виртуальный помощник способен ответить на организационные вопросы и сориентировать клиен-

та в последовательности его дальнейших действий. Цифровизация юридического документооборота значительно облегчит доступ к правосудию.

Отметим, что на современном этапе сбор данных становится все объемнее и сложнее. Потребность в технологиях, позволяющих обрабатывать помимо прочей также и юридическую информацию, сохраняет свою актуальность. Важнейшим инструментом в решении этого вопроса являются Большие данные (Big Data) – структурированные или неструктурированные массивы информации большого объема, обработанной при помощи специальных автоматизированных инструментов, позволяющие в юридической практике рассматривать любой вопрос на качественно новом уровне. Технологии и процессы обработки Больших данных влияют на точность принятия решений и снижение рисков в деятельности юристов.

Немаловажным является процесс получения знаний и умений в области использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для получения необходимой информации, ее структурирования и анализа. Этот процесс облегчают цифровые навыки (digital skills), под которыми понимают устоявшиеся, доведенные до автоматизма модели поведения, основанные на этих знаниях и умениях [9].

Изменение киберпространства привело к экспоненциальному развитию различных концепций и технологий, повсеместной цифровизации и переходу большинства структур в рамки онлайн-общения при организации своей деятельности. Однако развитие и внедрение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека не всегда порождают исключительно позитивные изменения в обществе. В этих условиях наблюдается появление новых форм киберугроз.

«Группа Позитив» (Positive Technologies) [1] регулярно проводит исследования киберугроз. Проводилось такое исследование и по итогам 2021 г. в сфере кибербезопасности, в результате которого спрогнозированы вызовы на 2022 г. и отмечены следующие тенденции:

1. Произошел рост числа атак шифровальщиков, последствиями которых являются кражи информации, обеспечение сбоев в работе государственных ИТ-систем, систем умного города. Жертвами атак с использованием программ вымогателей чаще всего становятся госучреждения, медицинские учреждения, промышленные компании.

2. Выявлены уязвимости в корпоративных сервисах, используемые злоумышленниками для хакерских атак.

3. Выявлена уязвимость промышленных предприятий, основанная на низком уровне их защищенности, повышающая возможность атаковать предприятия методами фишинговых рассылок (56 %) и хакинга (35 %).

4. Замечен всплеск онлайн-мошенничества в банковском секторе путем хищения денежных средств у компаний.

5. Ожидается дальнейшее увеличение числа атак на государственные учреждения, в том числе на их веб-ресурсы.

6. Продолжается «охота» за уязвимостями нулевого дня. Здесь предполагается своеобразное соревнование компаний и преступников. Кто первый выявит

уязвимость и что первое будет опубликовано – эксплойт или патч. Дальнейшие результаты будут зависеть от выбора организации – установление патча или устранение результатов взлома.

7. Возникнет необходимость компенсации экспертов по информационной безопасности посредством технологий защиты, позволяющих автоматизировать ряд процессов этих служб.

8. Одной из главных целей злоумышленников становятся клиенты банков, пользующихся онлайн-банкингом. При помощи банковских троянов, стилеров и RAT они получают доступ к учетным данным и устройствам жертв и могут обходить многофакторную аутентификацию.

9. Продолжаются компьютерные атаки, в результате которых происходят утечки конфиденциальной и приватной информации, компрометация данных.

10. Популярной для мошенников стала социальная инженерия – таргетированный фишинг делового письма, при помощи которого предпринимаются атаки на финансовый сектор. Реалии современного периода развития общества требуют повышения уровня защищенности информационных ресурсов, достижения результативности кибербезопасности. Для обеспечения этих процессов требуется подготовка грамотных специалистов.

В этих условиях роль и значение права также как и самой профессии юриста следует рассматривать в трех их значениях.

Во-первых, становление цифрового общества, реализация соответствующих программ, в том числе информационной и кибербезопасности, требуют регламентации и регулирования всех процессов. И, как правило, порождают необходимость принятия целой системы нормативных правовых актов, разработки новых правовых механизмов регулирования.

Во-вторых, цифровизация возможна только при строгом соблюдении принципа законности, основанного на реальном действии права в государстве, на соблюдении правил, закрепленных в соответствующих нормативных правовых актах.

В-третьих, происходит трансформация и самой профессии юриста. По мнению доктора юридических наук А. А. Саурина, «...следует признать, что правовой рынок начинает испытывать на себе трансформационные процессы (disrupt), и переосмыслению подвергаются многие традиционные практики. Юристы на основе предиктивного анализа больших данных уже могут строить свои стратегии ведения дел; упрощается сбор и анализ данных; развиваются юридические маркетплейсы и роботизированные конструкторы договоров. И хотя качество сдвигов еще слабое, неизбежность внедрения передовых практик уже мало кем оспаривается. Воздействие цифровизации на государственные правовые институты значительно ярче проявляется в отраслях, эффективность которых зависит от качества сбора, хранения и анализа информации: налоговое право, избирательное право, информационное право, криминалистика и т.д.» [14].

Но при этом, на наш взгляд, совершенно безосновательными являются рассуждения о необходимости сохранения самой профессии юриста, о ее постепенном вытеснении искусственным интеллектом. Юридическая практика настолько

многогранна и противоречива, что во многих случаях исключает применение сухого алгоритма для разрешения юридически значимой ситуации; и требует человеческого логического мышления, психологического анализа человеческой деятельности либо экспертной оценки применения правовой нормы к конкретной жизненной ситуации. Хотя сегодня уже имеется опыт исключения юристов за счет роботизации некоторых процессов их деятельности, в частности, Сбербанком, который ежегодно инициирует подачу в суд большого количества однотипных исков. Такая практика полезна для жилищных организаций, налоговых органов и др.

Совершенно справедливыми являются рассуждения *Н.С. Бондаря* о роли и месте новых технологий в общественном устройстве человечества, который считает, что: «Определять это место должны не творцы-технократы, даже самые выдающиеся, поскольку это проблемы не столько научно-технические и инновационно-технологические, сколько гуманистические, затрагивающие основы человеческого бытия в современном обществе. Роль права он видит не только в качестве «распределителя» технологических достижений между их потребителями, но и в какой-то мере как регулятор технологических процессов, социально оправдывающий вторжение человека в искусственный мир новых технологий» [3. С. 25].

Еще одну проблему вызывают риски, возникающие в связи с реализацией функций конкретной профессии. Их определенную систему сформулировали ученые применительно к развитию цифровой экономики [16. С. 3–5].

1. Отсутствие квалифицированных кадров. В условиях цифровизации существенно повышается ответственность учебных заведений за конечные результаты образовательной деятельности в части преодоления дисбаланса между потребностями рынка и содержанием профессионального образования. Учитывая это, считаем, что профессиональная готовность юриста определяется методом познания не одной, а сразу нескольких предметных областей и в их связи с самой профессиональной сферой. Содержанием профессиональной готовности к юридической деятельности в условиях цифровизации способствуют:

- личностные качества, состоянием которых является набор интегрированных знаний, а также ценностей, субъективное восприятие и присвоение которых личностно значимо и на основе которых формулируются принципы организации своей профессиональной деятельности и механизмы преобразования действительности, а также определяются технологии ее реализации;

- мотивационные качества, обусловленные потребностями внутреннего побуждения, вызывающего стремление к деятельности, ориентированной на достижении конкретных целей при решении профессиональных задач. Побуждения к действию современного специалиста формируются не только когнитивной, но и мотивационной составляющей, обеспечивающей осознанность поведения, направленного на достижение целей;

- теоретические знания, определяющие готовность профессиональной деятельности и способствующие развитию системного мышления и умения воспринимать, перерабатывать и использовать информацию различной степени сложности для решения профессиональных задач;

– технологические умения, навыки и профессиональные качества позволяют использовать разнообразие приемов профессиональной деятельности, способствующих реализации этой деятельности.

2. Социальные риски. Присутствие искусственного интеллекта в профессиональной деятельности способствует высвобождению работников ряда профессий. Полагаем, частично этот процесс коснется и юристов, особенно в тех областях, которые не требуют серьезной аналитической работы и присутствия человеческого интеллекта. Однако, робототехника не может в полной мере заменить труд человека в условиях сложности и многогранности юридической практики.

3. Правовые риски. Должны быть разработаны правовые механизмы регулирования, обеспечивающие безопасность граждан и организаций.

4. Психологические риски. По мнению ученых, «внедрение робототехники приводит к развитию «клипового», машинного мышления, Человек становится на 100 % заменяем, как любой микрочип компьютера» [14. С. 3–5]. Полагаем, что для юристов эти риски не являются актуальными.

5. Риск отсутствия ответственности. В условиях цифровизации автоматически обрабатываются огромные пласты информации, передаваемой человеку в готовом виде, которую последний воспринимает как заведомо легитимную.

Автоматизация юридической деятельности способна значительно облегчить труд юристов, повысить профессионализм и качество выполняемых услуг. Использование в работе искусственного интеллекта способно анализировать большой объем информации, в том числе и содержание нормативно-правовых актов, находить необходимую информацию, анализировать ее и прогнозировать исход дела.

Подытоживая сказанное, отметим, что реализация потребностей деятельности юриста в условиях трансформации права с учетом информатизации и цифровизации пространства должна происходить, по нашему мнению, посредством следующих мероприятий и средств:

- проведения фундаментальных научных исследований, позволяющих получить новые знания о возможностях юридической деятельности с использованием информационно-цифровых технологий;

- правового обеспечения, выражающегося в формировании системы нормативных правовых актов, регулирующих сами процессы цифровизации, использование искусственного интеллекта и других инновационных явлений в сложившихся общественных отношениях;

- содействия деятельности образовательных организаций;

- формирования и распространения научных и правовых знаний в области цифровизации;

- формирования специальной профессиональной компетентности у современных специалистов в условиях цифровизации общественных процессов и конкретно экономики;

- содействия трансформации права в условиях тотальной цифровой реальности;

- выявление киберугроз и разработка мер, направленных на обеспечение кибербезопасности;

– выявления рисков профессиональной деятельности и разработки мер по их минимизации.

В заключение отметим, базируясь на собственном опыте [4–7, 2, 11–12], что в данном контексте особую актуальность приобретает проблематика научно-методических исследований в области юриспруденции, педагогики и психологии по вопросам подготовки будущих специалистов к деятельности в информационно-цифровом пространстве, в том числе, и в контексте виктимологической профилактики киберугроз.

Список литературы

1. Баранов Д. Кибербезопасность: новые принципы для изменившегося мира / posi.отчет Positive Technologies – 2021 [Текст: электронный]. URL: https://ar2021.ptsecurity.com/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_pt_2021.pdf/ (дата обращения: 04.08.2022).
2. Башмакова Н. И., Громова О. Н., Залялютдинова З. А., Рыжова Н. И. Актуальность развития и основные подходы к определению содержания правовой компетентности современного специалиста гуманитарного профиля // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 510. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19264/> (дата обращения: 05.08.2022).
3. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
4. Громова О. Н. Виктимология преступности в сфере экономической деятельности: базовые понятия и признаки // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 146–155.
5. Громова О. Н., Рыжова Н. И. Виктимологическая профилактика и защита как основа профессиональной виктимологической подготовки специалистов для новой экономики // Мир науки, культуры, образования. 2015. №1. С. 8–13.
6. Громова О. Н. Результаты анализа проблем профессиональной виктимологической подготовки в вузе будущих специалистов для экономической сферы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/130-23942/> (дата обращения: 03.08.2022).
7. Громова О. Н., Рыжова Н. И. Критерии профессиональной готовности специалиста экономической сферы к виктимологической деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26008/> (дата обращения: 03.08.2022).
8. Карцхия А. А., Макаренко Г. И., Сергин М. Ю. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 18–22.
9. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики. Аналитический отчет к III Международной конференции «Больше чем обучение: как развивать цифровые навыки», Корпоративный университет Сбербанка. М.: АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2018. 122 с.

10. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.08.2022).

11. Рыжова Н. И., Громова О. Н. Тенденции и актуальные задачи кибербезопасности в контексте вызовов современности // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы V Международной научной конференции (Красноярск, 21–24 сентября 2021 г.). В 2-х частях / под общей редакцией М. В. Носкова. Красноярск, СФУ, 2021. С. 441–447.

12. Рыжова Н. И., Громова О. Н. Киберугрозы цифрового социума и их профилактика в рамках виктимологической деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2020. Т. 17, № 3. С. 254–268.

13. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: Принт, 2020. 304 с.

14. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.08.2022).

15. Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017. 13 ноября. URL: <https://kommersant.ru/doc/3466185/> (дата обращения: 24.11.2017).

16. Тимиргалеева Р. Р., Гришин И. Ю., Коротичкая В. В. Риски в условиях развития цифровой экономики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 6. Июнь. С. 3–5.

17. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

О. Г. Савицкая,
кандидат юридических наук,
Рязанский государственный
радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти, а также их роль в реализации ключевых форм непосредственной демократии институтами гражданского общества. Автором исследуются различные подходы к определению термина «цифровая демократия», проводится классификация цифровых

форм непосредственной демократии по различным основаниям. На примере регулятивной формы непосредственной демократии – правотворческой инициативы граждан предлагаются различные варианты использования цифровых технологий в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровая демократия, нормотворчество, формы непосредственной демократии, правотворческая инициатива, общественные обсуждения

DIGITAL FORMS OF DIRECT DEMOCRACY IN THE NORMATIVE ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES

Abstract. The article examines the features of the use of digital technologies in the rule-making activities of public authorities, as well as their role in the implementation of key forms of direct democracy by civil society institutions. The author explores various approaches to the definition of the term «digital democracy», classifies digital forms of direct democracy on various grounds. Using the example of the regulatory form of direct democracy – the law-making initiative of citizens, various options for using digital technologies in rule-making activities are given.

Keywords: Law, Digital technologies, Digital democracy, Rule-making, Forms of direct democracy, Law-making initiative, Public discussions

В настоящее время цифровая трансформация затронула практически все ключевые сферы государственного и муниципального управления, включая и нормотворческую деятельность органов публичной власти. Отдельные этапы нормотворческой деятельности, в частности оценка регулирующего воздействия, антикоррупционная и общественная экспертизы, уже на протяжении нескольких лет проводятся с использованием специализированных интернет-платформ.

Правовой фундамент для развития цифровых нормотворческих процессов был заложен Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [10]. В данном документе впервые декларировалась поэтапная автоматизация отдельных процессов нормотворчества и правоприменительной практики, в том числе путем использования инновационных технологий.

В Паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» также сделан акцент на использовании современных цифровых технологий в нормотворческой деятельности [11]. Перечень перспективных отечественных технологий установлен Правительством Российской Федерации [9].

Следующим шагом стало утверждение Концепции развития технологий машиночитаемого права, в которой приводится ряд преимуществ данных технологий в сфере нормотворчества и говорится о работе над платформой «Нормотворчество» [5].

Следует отметить, что в качестве наиболее актуальных примеров технологий машиночитаемой формы права можно выделить: работа-юриста «Сбера», сервис «Цифровой юрист» компании «Мегафон», работающий с помощью нейросети и технологии распознавания символов.

На сегодняшний день контракт, заключенный Минэкономразвития России с ФГАУ НИИ «Восход», предметом которого являлись услуги по разработке платформы «Нормотворчество», расторгнут по соглашению сторон, в качестве причин расторжения указана невозможность достижения целей, установленных государственным контрактом и техническим заданием, а также изменение нормативной правовой базы (заключение МСЦ РАН от 22.07.2021 №11Д-05/3089).

В текущем году ведомственной программой цифровой трансформации 2022–2024 предусмотрено создание объекта учета – электронной платформы регуляторных решений (ГИС «Нормотворчество»). Данная платформа станет основой для последующего развития машиночитаемого права в сфере нормотворческой деятельности к 2024 г. [1].

30 августа 2022 г. Минэкономразвития России заключен новый государственный контракт на разработку платформы ГИС «Нормотворчество». Согласно условиям контракта исполнитель (ООО «АйТиТуджи») обязуется в срок по 30 сентября 2023 г. выполнить работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество»), целями выполнения работ являются обеспечение исполнения в электронной форме полномочий по нормотворческой деятельности органов государственной власти Российской Федерации за счет перевода в электронный вид процессов, связанных с разработкой, согласованием, подготовкой к хранению и хранением правовых актов в установленной сфере деятельности; повышение открытости, эффективности и качества функционирования механизмов проектной работы органов государственной власти Российской Федерации за счет предоставления инструментов планирования на долгосрочную перспективу рассмотрений проектов нормативных правовых актов на заседаниях и совещаниях; повышение эффективности выполнения органами государственной власти Российской Федерации функций государственного управления за счет повышения эффективности работы пользователей, повышения качества разрабатываемых документов, в том числе в части предоставления возможности одновременной работы при рецензировании и согласовании замечаний к проектам нормативных правовых актов.

Безусловно современные цифровые технологии радикально изменили не только управленческие, но и политические и демократические процессы. В связи с чем, не менее важным вопросом является внедрение цифровых технологий, обеспечивающих реализацию основных форм непосредственной демократии на всех этапах нормотворческого процесса.

В последние годы в научной литературе все чаще стал появляться термин «цифровая демократия», постепенно вытесняющий такие термины как «электронная демократия», «облачная демократия», «кибердемократия», «медиа-демократия» и пр. В частности, О. Ю. Власова, Е. Ю. Киреева, А. В. Луконин, Ю. В. Никулина, Е. Фурсеев, Р. Янковский и др. в своих исследованиях неоднократно обращались к правовой сущности данного понятия [2, 4, 6, 7, 14, 15].

Основываясь на позициях вышеуказанных авторов, в рамках настоящей статьи предлагаем к обсуждению следующее определение рассматриваемого термина: цифровая демократия – это форма демократии, характеризующаяся использовани-

ем цифровых технологий при реализации непосредственных форм участия институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении.

Полагаем, что несомненный плюс цифровой демократии будет заключаться, прежде всего, в обеспечении доступности основных форм непосредственной демократии для широких слоев общества. Также нельзя не отметить и факт привлечения молодежи к участию в управленческих процессах. К сожалению, политическая активность в молодежной среде продолжает снижаться, полагаем, что внедрение цифровых технологий положительным образом скажется на уровне правовой культуры молодежи.

Как отмечается в Исследовании Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «Обзор электронного правительства 2020», успешные инициативы по электронному участию представляют комплексные «пакеты» онлайн и офлайн-мероприятий в таких областях как электронное нормотворчество, оценка воздействия на окружающую среду, меры по борьбе с изменением климата и инициативное бюджетирование и пр. [16].

В рамках настоящей статьи, исходя из различных оснований, проведем классификацию основных форм цифровой демократии в нормотворческой деятельности органов публичной власти:

- 1) согласно цели проведения, направленные на:
 - выявление мнения институтов гражданского общества в отношении отдельных вопросов, нуждающихся в дополнительном правовом регулировании (опросы, анкетирование, голосование и пр.);
 - обсуждение проекта акта или его концепции (общественные обсуждения, публичные слушания);
 - обсуждение практики применения и контроль за действующим актом (общественные обсуждения, опросы, обращения граждан и пр.);
- 2) в соответствии с этапом нормотворческой деятельности реализуемые:
 - при формировании плана нормотворчества (внесение предложений при формировании планов нормотворческой деятельности);
 - при внесении проекта в уполномоченный на его принятие орган публичной власти (правотворческая инициатива);
 - при проведении экспертиз и обсуждений (оценка регулирующего воздействия, антикоррупционная и общественная экспертизы и пр.);
 - при осуществлении контроля за исполнением принятого правового акта (опросы, анкетирования, обращения граждан, проведение оценки фактического воздействия и пр.);

3) по количественному составу:

- индивидуальные (опросы, анкетирования, обращения граждан и пр.);
- коллективные (правотворческая инициатива, обращения граждан и пр.).

На сегодняшний день одной из наиболее востребованных форм участия граждан в принятии и исполнении управленческих решений являются общественные обсуждения. Для цифровизации данного гражданского правового института органами власти всех уровней используются либо специализированные порталы, либо, что встречается чаще, официальные сайты самих органов публичной вла-

сти. Однако, официальные сайты органов публичной власти зачастую перегружены информацией и ссылками на федеральное законодательство и иные официальные сайты (сервисы) или федеральные новости. При этом, в большинстве случаев, официальные сайты не имеют доступного и удобного интерфейса, что затрудняет поиск нужного проекта пользователем.

В рамках настоящего исследования приведем несколько успешных проектов использования цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти.

Так, в г. Москве в качестве цифровой платформы для общественных обсуждений выступает портал «Активный гражданин». Данный портал одним из первых среди всех IT-проектов стал использовать технологию блокчейн, позволившую обеспечить прозрачность и легитимность процедуры общественных обсуждений. Проект насчитывает 6 155 389 участника, которые за 12 месяцев 2021 г. внесли более 400 тысяч замечаний и предложений [12].

Отличительной особенностью портала является то, что общественные обсуждения выделены в отдельный сервис, позволяющий жителям города не только знакомиться с проектами в градостроительной сфере, но и задавать вопросы разработчикам, что несомненно, повышает юридическую значимость данной процедуры.

Интересным с точки зрения удобства и простоты использования гражданами представляется сервис Татарстана – ИС «Общественные обсуждения», на котором в полном объеме отражаются этапы общественных обсуждений по любым вопросам государственной политики региона. Идентификация пользователей на портале осуществляется при помощи распространенного государственного сервиса – Единого портала государственных услуг [3].

Для сравнения, в г. Санкт-Петербурге, как и в большинстве регионов, общественные обсуждения проводятся на официальных сайтах уполномоченных органов государственной власти. В городе Ростове-на-Дону общественное обсуждение проектов осуществляется как на официальных Интернет-порталах органов власти, так и в информационной системе «Сервис «Активный ростовчанин» [13].

Таким образом, в настоящее время при создании специализированных сервисов, предназначенных для работы с гражданами, одним из проблемных вопросов является необходимость разработки единых требований к порталам, позволяющих обеспечить их унификацию и доступность использования для различных институтов гражданского общества.

Рассмотрим также возможности применения цифровых технологий на примере реализации одной из важнейших для муниципального правотворчества регулятивной формы непосредственной демократии – правотворческой инициативы граждан.

Правотворческая инициатива на местном уровне закреплена в статье 26 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8].

Однако, на сегодняшний день практически во всех регионах данная форма непосредственной демократии не имеет широкого применения. Это связано со следующими моментами:

- сложность в подготовке проекта, который должен отвечать широкому кругу требований;
- отсутствие гарантий принятия правового акта;
- отсутствие у населения правовых знаний, необходимых для подготовки и реализации такой формы народовластия;
- большое количество оснований для отказа в принятии инициативы.

Полагаем, что внедрение передовых цифровых технологий на всех этапах рассмотрения правотворческой инициативы позволит сделать данную форму непосредственной демократии более доступной для институтов гражданского общества, в частности:

- создание на официальных сайтах уполномоченных органов местного самоуправления «Единого окна» – сервиса подачи правотворческой инициативы, содержащего унифицированные требования к структуре и алгоритму работы данного сервиса на всех сайтах;
- возможность использования форм и шаблонов, а также технологий искусственного интеллекта (с использованием технологии машиночитаемого права), позволяющих обеспечить единство терминологии и реализацию принципа системности правовых актов;
- автоматическая проверка соблюдения правил юридической техники, выявление коррупциогенных факторов, анализ перечня актов, требующих изменений после принятия;
- электронный сбор подписей путем авторизации пользователя при помощи Единого портала государственных услуг, использования ЭЦП, полученных для работы с органами публичной власти;
- возможность автоматического включения проекта акта в план нормотворческой работы органа публичной власти;
- обеспечение «прозрачного» согласования проекта уполномоченными структурными подразделениями с указанием замечаний и предложений и возможностью их обоснования инициаторами;
- проведение в онлайн режиме необходимых экспертиз в отношении поступившего проекта: оценка регулирующего воздействия, образовательная, информационная, экологическая экспертизы и пр.;
- размещение на сайтах информации о практике применения принятого документа и оценке фактического воздействия.

Данные механизмы не только позволят обеспечить открытость и прозрачность на всех этапах прохождения правотворческой инициативы, но и обеспечить изначальное соблюдение инициаторами проекта правил юридической техники.

В целом следует отметить, что в настоящее время одним из проблемных аспектов участия институтов гражданского общества в нормотворческой деятельности органов публичной власти является отсутствие возможности в онлайн режиме получать доступ ко всем этапам нормотворчества.

Основным электронным ресурсом для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения является официальный портал

regulation.gov.ru. Несмотря на то, что данная платформа предполагает и размещение проектов региональных актов, не все регионы имеют право доступа к работе на данном федеральном портале, а муниципальным образованиям такое право во все не предоставлено. В связи с чем одним из актуальных вопросов по-прежнему является создания муниципальных интернет-платформ, отражающих все этапов нормотворческой деятельности, в том числе контроль за исполнением правовых актов и оценку их эффективности, а также предоставляющих возможность гражданам и институтам гражданского общества путем применения цифровых технологий реализовывать основные формы непосредственной демократии.

Убеждены, что наряду с традиционными формами поэтапное введение цифровых способов реализации непосредственной демократии, безусловно, положительно скажется на демократическую систему страны в целом.

Список литературы

1. Ведомственная программа цифровой трансформации 2022–2024. URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D779A6555FEE366AF492D2B909E1431E&SORTTYPE=0&BASENODE=11&ts=XHQ4aGTG6XTeXfnm1&base=LAW&n=409306&rnd=Dx3byA#sJR4aGTME8jlY7P6/> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Власова О. Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы. URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-avtoritarizm-i-elektronnaya-demokratiya-soderzhanie-i-granitsy/> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Информационная система «Общественные обсуждения». URL: <https://dispute.kzn.ru/> (дата обращения: 31.08.2022).
4. Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность. URL: // <https://urfac.ru/?p=2590/> (дата обращения: 01.09.2022).
5. Концепция развития технологий машиночитаемого права: протокол Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 15.09.2021 № 31. URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=w8y4aGT5MP3cvNyT&cacheid=3D50971FB3A69B54519D536B91A121D3&mode=splus&rnd=Dx3byA&base=LAW&n=396491#1h75aGTdNVTZGp1Q/> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Луканин А. В., Еремина Е. Л. Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации // Власть. 2012. № 12. С. 22–25.
7. Никулина Ю. В. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2016. № 15. С. 97–104.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=GGizZGTE3dXvjhav&cacheid=E0DE61730DFD81EBE2EA448E06762C6C&mode=splus&rnd=Dx3byA&base=LAW&n=405832#EvizZGTsTfxOcbhg1/> (дата обращения: 01.09.2022).

9. Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750. URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fdm1aGTwVKg90Dqf1&cacheid=57DAC6F06E8273FB12FEF40527C91019&mode=splus&rnd=Dx3byA&base=LAW&n=366246#jUP2aGTEOBG19Oh41/> (дата обращения: 01.09.2022).

10. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: протокол заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7. URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fdm1aGTwVKg90Dqf1&cacheid=A42C37A428B07DAEDB4B87C10F6E702E&mode=splus&rnd=Dx3byA&base=LAW&n=328854#7Hn1aGTGzOQS074Y/> (дата обращения: 01.09.2022).

11. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019 № 9. URL: <http://www.consultant.ru/document/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ejV3aGTIbSFoa0zU1&cacheid=68B835266E4676358859C2344A839299&mode=splus&rnd=Dx3byA&base=LAW&n=328938#t8Z3aGTKZqw3JpKn/> (дата обращения: 01.09.2022).

12. Портал «Активный гражданин». URL: <http://ag.mos.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

13. Сервис «Активный ростовчанин». URL: <https://ar.rostov-gorod.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

14. Фурсеев Е. Государственная программа «Электронная Беларусь»: электронная демократия и правящая элита // Палітычная сфера. 2009. № 13. С. 63–79.

15. Янковский Р., Вашкевич А., Иванов А., Наумов В., Незнамов А., Щекин Д. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10. С. 20–26.

16. E-Government Survey 2020 // UNITED NATIONS. New York, 2020. URL: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf/](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf/) (дата обращения: 01.09.2022).

Н. В. Сидорова,

кандидат юридических наук, доцент,

Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Основная цель настоящей статьи – провести анализ казахстанской модели цифровизации судебной власти, на основе обобщения отечественного опыта внедрения цифровых ресурсов в судебную систему. Проведенное исследование позволило проследить основные этапы цифровизации судебной системы, опреде-

лить ключевые приоритеты внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность казахстанских судов, обозначить их влияние на формирование транспарентной и независимой системы правосудия, доступной для граждан.

Ключевые слова: казахстанская модель цифровизации, судебная система, судебная власть, цифровые инструменты, судопроизводство, электронный зал судебных заседаний, судебный кабинет, e-COT, IT-технологии

KAZAKHSTAN MODEL OF DIGITALIZATION OF THE JUDICIARY

Abstract. The main purpose of this article is to analyze the Kazakh model of digitalization of the judiciary, based on a generalization of domestic experience in introducing digital resources into the judicial system. The study made it possible to trace the main stages of the digitalization of the judicial system, to determine the key priorities for the introduction of information and communication technologies in the activities of Kazakhstani courts, to determine their impact on the formation of a transparent and independent justice system accessible to citizens.

Keywords: Kazakhstani model digitalization, Judicial system, Judiciary, Digital tools, Legal proceedings, Electronic courtroom, Court office, e-COT, IT technologies

Введение. Важнейшим направлением правовой политики Республики Казахстан является цифровая модернизация судебной власти, в направлении которой делаются активные шаги в последнее десятилетие. Президент Республики Казахстан К.К. Токаев особое внимание уделяет важнейшим составляющим судебной системы – независимость и открытость судебной системы, а также профессионализм судей всех уровней [6]. Направленность реформ судебной системы в сторону открытости и прозрачности для общественного мониторинга достигается через процессы цифровизации. Основной программный документ в сфере цифровизации – это «Цифровой Казахстан» [2]. Результат реализации этой программы на данном этапе – это 29 место в Глобальном рейтинге ООН по электронному правительству, которое занимает Республика Казахстан из 193 стран ООН.

Основная часть. Модернизация судебной системы началась много раньше, чем принятие программы «Цифровой Казахстан». На IV съезде судей в 2013 г. объявлен курс на внедрение цифровизации в судебную систему [1]. Стратегия ИКТ (цифровизации) судебной власти размещена на сайте Верховного Суда Республики Казахстан [5].

Цифровые инструменты, реализуемые в судебной системе и в судопроизводстве Республики Казахстан, представлены следующими информационно-коммуникационными технологиями:

1. Роботизация процессов судопроизводства (автоматизированное санкционирование ограничения выезда за рубеж; вынесение судебного приказа о взыскании алиментов).

2. Виртуальный суд (видеоконференцсвязь (ВКС), мобильная видеоконференцсвязь (МВКС), удаленные рабочие места для судей и сотрудников, 381 ВКС-комнаты в государственных учреждениях).

3. Электронное извещение участников процесса (PUSH-уведомления на мобильном приложении, гибридная почта (бумажная и электронная), уведомления через онлайн-сервисы, уведомления через SMS и e-mail).

4. Цифровые сервисы (цифровая аналитика судебной практики, суды-GIS, цифровой помощник «КОМЕК», сервис доступа к судебным актам через платформу «SMART BRIDGE») [3].

«Сервисная модель» государственных услуг, государственного управления, реализуется через систему «одного окна». Таким «окном в правосудие» является цифровой проект «Судебный кабинет», запущенный в эксплуатацию в 2014 г. на единой цифровой площадке судебных органов.

Наиболее активный процесс модернизации «Судебного кабинета» начался в 2018 г. [5], когда были объединены 32 сервиса по отправке заявлений и ходатайств по гражданским и уголовным делам; запущены 5 видов ходатайств и заявлений; запущен сервис для судебного урегулирования споров «е-примирение», в рамках которого упрощается процедура выбора медиатора и подачи заявки.

В 2019 г. запущено еще пять новых сервисов: 5 видов ходатайств и заявлений в кассационную инстанцию; сервис «суды-GIS»; сервис «онлайн-беседа»; сервис «проверка легитимности судебного акта»; сервис «проверка о наличии судебных дел и материалов».

В 2020 г. пандемия COVID-19 актуализировала значение и востребованность «Судебного кабинета». В 2020 г. введен новый функционал для авторизации и подписания документов посредством QR-кода; в динамике были внедрены – жалобы, ходатайства, исполнительные листы для истории процесса; была создана мобильная версия «Судебный кабинет». Всего в 2020 г. посредством мобильной версии было проведено 340564 судебных заседания (4,5 тыс. процессов в день, до пандемии 150)

В 2021 г. «Судебный кабинет» модернизирован в соответствии с потребностями современных реалий. В частности – создан конструктор по подаваемым заявлениям в электронном виде; по-новому оптимизирован дизайн «Судебного кабинета»; создан раздел «Административное судопроизводство» и расширен перечень подаваемых документов в электронном виде (включены документы: административный иск (производство в суде первой инстанции), заявление по инвестиционным спорам (производство в суде первой инстанции), подача ходатайства (производство в суде первой инстанции), ходатайство о предоставлении копии аудиозаписи судебного заседания (производство в суде апелляционной инстанции), отзыв (производство в суде кассационной инстанции, производство в суде апелляционной инстанции), апелляционная (частная) жалоба (производство в суде апелляционной инстанции), ходатайство о пересмотре судебного акта в кассационном порядке (производство в суде кассационной инстанции) [3].

Цифровой ресурс «Судебный кабинет» позволяет пользователям электронных гаджетов, не выходя их дома, направить в суд более 100 видов электронных сообщений, проследить регистрацию сообщения, его статус в суде, получить судебный акт, а также видеозапись заседания. Оперативность и безопасность «Судебного кабинета» проверена за прошедшие годы, экономическая эффектив-

ность сервиса направлена на экономию времени, расходов на документооборот, почтовые услуги, поездки и передвижения [1].

С 2018 г. электронное судопроизводство ведется в упрощенном порядке, посредством которого письменное производство заменено на электронный формат. Другой инструмент, направленный на обеспечение качества правосудия – это аудио и видеофиксация судебных процессов, который сменил бумажный протокол заседания. Особенность данной электронной версии протокола заключается в том, что она не подлежит никаким техническим вмешательствам и исключает правки протокола. Снижение количества обжалований действий судей, наглядно продемонстрировал эффективность внедрения данного функционала с судопроизводством Республики Казахстан. Сегодня электронным протоколом фиксируется 92,5% судебных дел в республике. Удаленное участие в судебном заседании стало доступно благодаря внедрению мобильной видео конференцсвязи.

Статистически электронное судопроизводство по годам представлено следующими показателями:

1. Судебный кабинет:

– всего поступило документов: в 2018 г. – 1245 тыс.; в 2019 г. – 1011 тыс.; в 2020 г. – 1068 тыс.; в 2021 г. – 915 тыс.;

– в том числе исковые заявления о вынесении судебного приказа, в порядке особого и особого искового производства: в 2018 г. – 814 тыс.; в 2019 г. – 512 тыс.; в 2020 г. – 383 тыс.; в 2021 г. – 321 тыс.

2. Электронное гражданское дело:

– заявление о вынесении приказа: в 2018 г. – 214 тыс.; в 2019 г. – 61 тыс.; в 2020 г. – 33 тыс.; в 2021 г. – 37 тыс.;

– исковые заявления в порядке упрощенного производства: в 2018 г. – 206 тыс.; в 2019 г. – 162 тыс.; в 2020 г. – 90 тыс.; в 2021 г. – 49 тыс..

3. Электронное уголовное дело:

– дела небольшой тяжести (одноэпизодные): в 2018 г. – 5038 тыс.; в 2019 г. – 9023 тыс.; в 2020 г. – 11813 тыс.; в 2021 г. – 14590 тыс. [3].

В цифровой повестке дня судебной системы большое значение имеет вопрос коммуникации с населением, упрощение процессов информирования граждан, о расположении судов, об их работе, осуществлять оповещения участников процесса и др. Для этого созданы специальные цифровые инструменты:

– судебные извещения о дате и времени судебного процесса (PUSH-уведомления на мобильном приложении, гибридная почта (бумажная и электронная), уведомления через онлайн-сервисы, уведомления через SMS и e-mail);

– Telegram bot – @smart_court_bot, к которому привязаны все Telegram-каналы судов, зайдя на которые можно через ИИН получить различные судебные услуги, в том числе судебные акты, или через оператора получить помощь в коммуникации с судами;

– Digital Agent, это мобильное приложение позволяющее связываться с администраторами судов, направлять жалобы и предложения, оценивать работу персонала судов, сервис, качество услуг, качество судебных процедур и др.;

– Суды-Gis, цифровая карта, на которой расположены все данные и контакты судов, а также медиаторов, адвокатов, нотариусов, располагающихся в конкретном регионе.

«Төрелік», единая информационная система судебных органов. Система позволяет контролировать процессуальные сроки, их продление, выявляет нарушения сроков. Через подключение к этой системе можно получить информацию о судебных актах, результатах рассмотрения жалоб и заявлений и др. Дополнительная функция системы – формирование статистических отчетов.

Внутренний мониторинг качества правосудия также частично перенесен в цифровой формат. В 2017 г. начал работать ситуационный центр при Верховном Суде Республики. Основная миссия центра – сбор информации о состоянии судопроизводства в стране, ее мониторинг, оперативное реагирование на имеющиеся проблемы и сбои в работе судов. Основные индикаторы, по которым осуществляется сбор информации: судопроизводство, применение аудиовидеофиксации, делопроизводство, информационная безопасность.

Приоритетные направления цифровизации судебной власти связаны с разработкой новых функционалов, а также с дальнейшей модернизацией имеющихся цифровых инструментов:

- дальнейшее развитие информационной системы «ТӨРЕЛІК»;
- второй этап роботизации судебного процесса в рамках которого будет осуществляться реинжиниринг бизнес-процессов по рассмотрению представлений судебного исполнителя;
- дальнейшее развитие смарт-помощника судьи с элементами искусственного интеллекта в судопроизводстве [3].

Еще одно направление цифровизации – это IT-аналитика, основная направленность которой связана с мониторингом жизненного цикла судебного акта; интеллектуального поиска судебных решений, прогноз исхода дела. Данные IT-продукты разрабатываются совместно с Национальной палатой предпринимателей «Атамекен», в том числе с целью создания благоприятного и предсказуемого инвестиционного климата.

Внедряемые IT-технологии в деятельность судов Республики Казахстан и проводимые реформы по модернизации судебной власти оказывают непосредственное влияние на высокие позиции эффективности казахстанского правосудия в международных рейтингах:

Согласно отчету Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) охватывает 2018–2020 гг., опубликованному 22 октября 2020 г., эффективность применения судами современных информационно-коммуникационных технологий составляет 9,23 балла, что является весьма высоким показателем;

«Глобальный индекс конкурентоспособности «независимость судебной системы» – 71-е место;

«Индекс верховенства права» – 66-я позиция из 136 стран;

«Ведение бизнеса (doing business) «обеспечение исполнения контрактов» – 4-е место;

«Индекс качества судопроизводства» – 16 баллов из 18 [4, С. 70–74].

Закключение. Проведенный анализ казахстанской модели цифровизации судебной системы позволяет сделать вывод, что внедрение цифровых технологий в судебную систему развивается в соответствии с программными документами, имеет системный и структурированный характер, затрагивает не только вопросы организации и деятельности судебной системы, но и вопросы судопроизводства. Апробированные цифровые продукты судопроизводства показали свою эффективность и направленность на транспарентность правосудия, повышение уровня доверия граждан и бизнес сообщества к судебной власти.

Список литературы

1. Благодаря цифровизации Казахстан занимает 4-е место в Doing Business по «Обеспечению исполнения контрактов» А. Алехова, INFO.KZ, 29.04.2021 // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/blagodarya-cifrovizacii-kazahstan-zanimaet-4-e-mesto-v-doing-business-po-obespecheniyu> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: постановление Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Правосудие Казахстана. Реалии, тренды, перспективы. Март, 2022 // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/node/274032> (дата обращения: 15.09.2022).
4. Sidorova N. V., Buebaeva G. T., Albekova M. G. Modernization of the judiciary – the basis for strengthening the State of law // Журнал «ХАБАРИШЫ – ВЕСТНИК» Карагандинской академии МВД РК им. Баримбека Бейсенова. 2022. № 1 (75). – С. 70–74.
5. Стратегия информационно-коммуникационных технологий (цифровизации) для судебной системы Республики Казахстан // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/content/cifrovizaciya> (дата обращения: 15.09.2022).
6. Токаев К. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 16 марта 2022 год // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 15.09.2022).

В. С. Синенко,

кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

НОРМОТВОРЧЕСКИЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена проблемным вопросам, которые возникают в связи с продолжающейся информатизацией нашего общества, в том числе его правовой составляющей. Обращается внимание на основные этапы внедрения информационных технологий в правотворческую и правоприменительную деятельность. Формируется вывод о том, что основной задачей на данном этапе является разработка научной концепции правовых процессов в условиях развития цифровых технологий. Данная концепция должна быть направлена на выработку такого механизма установления и реализации правовых норм, который приведет систему права в машиночитаемый вид.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровое право, информационные технологии, нормотворческий процесс, алгоритмизация права

LAW-MAKING AND LAW-APPLICATION PROCESSES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Abstract. This article is devoted to problematic issues that arise in connection with the ongoing informatization of our society, including its legal component. Attention is drawn to the main stages of the introduction of information technologies in law-making and law enforcement activities. The conclusion is formed that the main task at this stage is the development of a scientific concept of legal processes in the context of the development of digital technologies. This concept should be aimed at developing such a mechanism for establishing and implementing legal norms that will bring the system of law into a machine-readable form.

Keywords: Law, Digital technologies, Digital law, Information technologies, Rule-making process, Algorithmization of law

Цифровизация практически всех аспектов общественной жизни достигла таких масштабов, что игнорировать ее просто невозможно. В настоящее время создаются предпосылки для нового технологического уклада. Хотим мы этого или нет, но право как абстрактная идеальная модель нашего общества не может оставаться в стороне от этих процессов. Более того, в этом отношении следует учитывать, что новые технологии создают новые возможности в различных сферах, в том числе и правовой. Полагаем, что к настоящему времени назрела настоятельная необходимость обобщения достигнутого уровня цифровизации юридической деятельности, а также определение ближайших перспектив, которые станут реальностью в самые ближайшие годы и десятилетия.

Внедрение информационных технологий в правовые процессы в своем развитии проходит определенные стадии. На первоначальном этапе происходило первоначальное накопление нормативного материала в рамках информационных систем. Так, в середине 90-х гг. XX в. активно начали развиваться справочные информационно-правовые системы, такие как: «Консультант Плюс», «Гарант», «Кодекс». Несмотря на постоянное пополнение этих систем, их интеллектуальное развитие затормозилось на уровне начала 2000 гг. Данные системы накапливают огромный массив материала, однако при этом он структурирован не в должной мере. Изменилась форма представления юридической информации, а также отчасти механизм взаимодействия между участниками юридической практики. Существенно упростился механизм поиска нужного нормативного правового акта или иного источника, однако сам механизм осуществления различных сторон правовой деятельности остался практически неизменным.

Рассуждая о воздействии процессов цифровизации на область права, прежде всего необходимо иметь ясное представление о возможной трансформации как форм представления самого права в качестве регулятора общественных отношений, так и реализации его регуляторных возможностей. В научной литературе иногда говорят об определенных этапах воздействия информационных технологий на правовые процессы. В частности, В. Ю. Рассолов, характеризуя данные процессы, выделяет четыре уровня проникновения информационных технологий в правовое пространство, на основе которых можно определить современное состояние цифровизации государственно-правовых явлений. К их числу отнесены следующие: 1) совершенствование законодательства в связи с появлением новых объектов и общественных отношений; 2) внедрение цифровых технологий в сферу юридической практики; 3) перевод нормативной основы правового регулирования в форму программного кода; 4) создание принципиально новой нормативной системы, которая будет самостоятельным социальным регулятором наряду с правом в классической его трактовке. По результатам такой проработки В. Ю. Рассолов приходит к выводу, что в настоящее время идет активное освоение первого уровня и плавная реализация мероприятий второго. На третий уровень можно будет выйти только через весьма значительный период времени (не менее 20–30 лет). Четвертый уровень может рассматриваться только в качестве наиболее отдаленной перспективы [3. С. 71].

Совершенствование законодательства в связи с цифровизацией общественных отношений можно наблюдать уже достаточно долгое время. Речь, в частности, идет о внедрении в теорию права такого понятия, как цифровые права, смарт-контракты, электронно-цифровая подпись и многое другое. Также можно наблюдать активное внедрение информационных технологий в плоскость юридической практики. Вместе с тем можно констатировать, что в настоящее время использование информационных технологий носит по сути технический (вспомогательный) характер. Например, когда речь идет о так называемом электронном правосудии, то в самом широком смысле под этим понимается такое осуществление главной функции судебной власти, которое основывается на использовании электронных информационно-коммуникационных средств. «Электронное правосудие» всего

лишь предполагает использование информационных технологий применительно к сугубо технической стороне процесса. В частности, это удаленная подача документов в электронном виде, извещение путем использования СМС и Интернета, фиксация заседаний с помощью средств аудио- и видеозаписей и др. [1. С. 110–111; 5. С. 59]

Нетрудно заметить, что информационные средства в судебном процессе используются для упрощения и ускорения процедуры прохождения дела через суд. Такие технологии придают судебному процессу как правоохранительному элементу в механизме правового регулирования несомненные преимущества по сравнению с традиционной процедурой. Однако они не затрагивают само существо механизма правового регулирования.

Такой же характер носит и большинство информационных продуктов, созданных для юристов. Это, в частности, программные продукты для организации юридической деятельности и автоматизации работы юридических компаний и др. Краткий анализ рынка продуктов показывает, что это направление LegalTech развивается весьма интенсивно [2]. Такие высокие показатели развития являются следствием относительной простоты работы этих программных продуктов. В сущности, речь идет об электронных органайзерах с учетом специфики юридической деятельности.

Более сложной является работа онлайн-сервисов по разработке документов, используемых в юридической деятельности (договоры, исковые заявления и др.). Этот род информационного продукта уже сталкивается с необходимостью анализа правовых норм, регулирующих соответствующие отношения. Данное направление LegalTech также развивается, хотя и в существенно меньшем объеме, нежели направление, которое описано нами выше. Дальнейшее развитие видится за счет автоматизации юридических процедур, основанных на стереотипных правилах поведения, в частности, регистрации юридических лиц, а также прав на недвижимое имущество, сдачи налоговых деклараций и отчетов, заключения простых договоров и т. п.

Следующий уровень развития программных средств – это разработка экспертно-аналитических систем, которые с высокой долей вероятности могут определять исход судебного дела, давать юридические консультации и заключения. На этом уровне разработчику приходится учитывать не только состояние законодательства, но и огромный пласт судебной практики. Совокупность этих условий дает возможность реализовать механизм правоприменения как процесс наложения юридической нормы на факт жизни. Именно на данном уровне создается такой алгоритм, который можно именовать «искусственным интеллектом» в юридической сфере.

Однако для того, чтобы процесс правоприменения с использованием искусственного интеллекта протекал в наиболее комфортном виде, необходимо особое состояние системы права и законодательства. Она должна характеризоваться строгой системностью и иерархичностью. Для адекватного восприятия нормы со стороны алгоритма необходимо придать правовой норме машиночитаемый характер. Вследствие этого и возникает потребность в проведении инвентаризации и кодификации законодательства.

Такая задача уже была поставлена, причем на самом высоком уровне. Начиная с 2018 г. ведется работа по формированию национальной системы разработки и принятия регуляторных решений. Такая работа возложена на Министерство экономического развития РФ. Одним из направлений данной деятельности является совершенствование процесса правотворчества за счет использования цифровых технологий. Результаты этого могут выразиться, в частности: а) в облегчении взаимодействия субъектов нормотворчества за счет отказа от использования бумажных носителей; б) использовании электронных приложений для совместного редактирования проектов нормативных правовых актов; в) разработке механизма проверки эффективности результатов принятых решений; г) создании условий для открытого обсуждения законопроектов [4].

Как видно, планируемые результаты предполагают некоторое облегчение процесса нормотворческой деятельности, но не меняют принципиальных подходов к его осуществлению. Подобные изменения возможны в условиях развития самой технологии правообразования. В этой связи стоит отметить знаковое в этом отношении событие, а именно утверждение в 2021 г. Правительством РФ «Концепции развития технологий машиночитаемого права». В соответствии с данным документом машиночитаемое право рассматривается как один из наиболее эффективных способов объективации правовых норм, что обеспечивает их непротиворечивость, а также максимальный комфорт и удобство в правоприменении для всех участников данного процесса.

Машинное (программное) представление правовых норм меняет форму изложения, но не может изменить их логику. В любом случае нормативные дозволения, предписания и запреты должны будут распространяться на заранее предусмотренные фактические ситуации, предусмотренные в упорядоченном системном виде. Вследствие этого представление нормативных правил в форме машинного кода не исключает необходимости анализа и систематизации фактического основания правового регулирования.

Анализ научных источников по данной тематике приводит к выводу о том, что состояние исследований в данной области находится в зачаточном состоянии. Фундаментальных научных исследований в области возможности и перспектив алгоритмизации современного права и законодательства до настоящего времени не проводилось.

Однако консолидирующего исследования возможностей алгоритмизации законотворческой и правоприменительной деятельности до настоящего времени не проводилось.

Фундаментальной научной задачей, которая в настоящее время стоит перед учеными-юристами, является формирование научной концепции реализации нормотворческого и правоприменительного процессов в условиях развития цифровых технологий. Данная концепция должна быть направлена на выработку такого механизма установления и реализации правовых норм, который приведет систему права в машиночитаемый вид. Можно выделить ряд задач, успешное решение которых позволит достичь искомого результата.

1. Сформировать теоретическое обоснование проводимого исследования. Для этого необходимо осуществить следующее:

А. Определить преимущества и перспективы приведения отдельных правовых норм и законодательства в целом в машиночитаемый вид. Такие преимущества лежат в плоскости возможности привлечения «искусственного интеллекта» к процессу нормотворчества и правоприменения. Сама замена человека как нормотворца и правоприменителя на программный код (алгоритм) не может быть самоцелью. Этот процесс выступает не более чем средством на пути к достижению иных общественно полезных целей.

Б. Выявить риски, которые могут возникать в процессе привлечения «искусственного интеллекта» к формированию отдельных элементов механизма правового регулирования. Автоматизация права предполагает создание норм права в таком виде, чтобы они могли быть прочитаны на языке машинного кода. Для этого предлагается создать специальный юридический язык программирования.

2. Разработать методику преодоления изъянов современной юридической терминологии в целях возможности ее использования в программном обеспечении. Проблемы юридической терминологии связаны, в частности, со следующими обстоятельствами:

- неоднозначность терминологического аппарата (ситуации, в которых один термин может обозначать различные понятия (многозначность термина) и, наоборот, использование различных терминов для обозначения одного и того же правового явления);
- нарушение законов формальной логики при формировании отдельных правовых конструкций;
- неоднозначное толкование отдельных правовых норм;
- оценочный характер отдельных правовых категорий, которые могут толковаться применительно к определенным жизненным ситуациям.

3. Разработать алгоритм действий по переводу правовых норм в машиночитаемый вид. Возможность разработки такого алгоритма обусловлена тем, что норма права обладает качеством системности. Последнее проявляется в структурном построении нормы, в специализации и кооперации различных отраслей и институтов права.

4. Сформировать концепцию развития нормотворческого и правоприменительного процессов в условиях развития цифровых технологий, содержащую методику решения следующих задач.

Решение данного рода задач способно вывести правотворческий и правоприменительный процессы на новый уровень, который будет согласовываться с глобальной задачей реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Е. Е. Смирнова,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент Департамента налогов и налогового
администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. Целью статьи является выделение наиболее дискуссионных понятий, которые используются при применении налоговыми органами налогового контроля, особенно при планировании и проведении выездных налоговых проверок, а также предложения по конкретизации в нормативных правовых документах с целью устранения налоговых споров. Дается характеристика предпроверочного анализа, контрольно-аналитической работы, работы по выявлению необоснованной налоговой выгоды и конкретные примеры их проведения.

Ключевые слова: цифровые технологии, налоговый контроль, налог, налоговые проверки, правовое регулирование, НДС, налог на прибыль организаций

LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF TAX CONTROL

Abstract. The purpose of the article is to highlight the most controversial concepts that are used when tax authorities apply tax control, especially when planning and conducting field tax audits, as well as proposals for specifying in regulatory legal documents in order to eliminate tax disputes. Characteristics of pre-inspection analysis, control and analytical work, work to identify unreasonable tax benefits and specific examples of their implementation are given.

Keywords: Digital technologies, Tax control, Tax, Tax audit, Legal regulation, VAT, Corporative income tax

В настоящее время налоговый контроль относится к важным направлениям деятельности ФНС России, при этом наиболее эффективной формой является выездная налоговая проверка.

Основной нормативный правовой документ, который регулирует функционирование налоговых органов, – Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) [1], однако в своей деятельности при осуществлении налогового контроля используют и иные документы (Минфина России и ФНС России), а также судебную практику. В этом и заключается проблема – налогоплательщики не всегда понимают, как трактуют налоговые органы те или иные понятия, не закрепленные на законодательном уровне, при проведении налоговых проверок и при рассмотрении результатов.

Отметим, что большие данные (англ. big data) рассматриваются как огромные объемы многообразной информации, обрабатываемые программными продуктами на определенных принципах. По налогам идет речь о централизованной

базе данных, основанной на системе федерального центра обработки данных. При этом должны соблюдаться общие требования относительно объема данных, скорости обработки, разнообразия информации, достоверности. Следует отметить, что достоверность основана в первую очередь на данных, которые отражены в отчетности налогоплательщиков (налоговых деклараций), таким образом, если отдельные операции не нашли отражения, работа по их выявлению, как правило, ведется в рамках контрольно-аналитической деятельности, чтобы при возможности назначить тематическую выездную налоговую проверку по НДС.

Цифровизация в налоговых органах проявляется в следующих случаях:

- автоматизация процесса поиска зеркальных операций покупателя, а также продавца;
- автоматизация процессов анализа налогоплательщиков и их контрагентов с целью выявления лиц, выездные налоговые проверки которых будут наиболее результативными;
- автоматизация процессов, которые связаны с направлением плательщикам налога требований о предоставлении пояснений;
- автоматизация взаимодействия с коммерческими банками по истребованию выписок и справок по движению средств;
- сопоставление денежных и товарных потоков между собой финансовых и товарных потоков и выделение выгодоприобретателей по цепочке операций.

В список современных информационных технологий, успешно используемых в налоговых органах, включаются:

- анализ больших данных, применение которых позволяет проследить взаимосвязи, тенденции изменения определенных процессов, а также позволяет осуществить прогнозирование;
- облачные технологии, которые характеризуются распределенной обработкой цифровых данных. С их помощью пользователям предоставляются компьютерные ресурсы в качестве онлайн-сервиса;
- электронный документооборот, благодаря которому организация может сэкономить финансовые и трудовые ресурсы. Также электронный документооборот способствует экономии времени, что является немаловажным фактором в управленческой деятельности хозяйствующих субъектов. Таким образом, повышается эффективность управления компанией, создаются условия для максимально бережного хранения бумажных документов, на основе которых создаются электронные архивы. Однако налогоплательщик должен помнить о сроках хранения документов и возможности истребования именно подлинников документов (как правило, подлинники используют при проведении экспертизы);
- электронные цифровые подписи, при этом важно выявлять случаи передачи неуполномоченным лицам (это выявляется путем проведения допросов руководителей организаций, когда в свидетельских показаниях отмечается полное незнание деятельности);
- радиочастотная идентификация, которая способствует получению данных, не контактируя с их носителем;

– технологии искусственного интеллекта. При использовании искусственного интеллекта в налогообложении обрабатываются налоговые уведомления, сканированные фотографии счета превращаются в тексты, затем робот считывает их и заносит в базу данных. В данном случае необходимо отмечать только ту информацию, которую надо будет извлечь из документа. Прогнозируя остатки по счетам и ведомостям, возможно более точное исчисление налоговой базы, определение вычетов. А в случае необходимости возможно внести необходимые корректировки.

Технологии искусственного интеллекта способны взять на себя сложную работу по уплате налога на прибыль организаций, начиная с поиска нужной информации, заканчивая подачей налоговой декларации.

Отдельно следует отметить сайт ФНС России, который называют наиболее информативным и полезным среди других органов исполнительной власти. «Прозрачный бизнес» позволяет проверить контрагента, в том числе и потенциального, а также проанализировать показатели деятельности с учетом безопасности по основным критериям (налоговая нагрузка, рентабельность) на основе сравнения с отраслевыми показателями. «Личный кабинет налогоплательщика» позволяет осуществлять взаимодействие с налоговыми органами без визита в налоговый орган, а также подать жалобу.

Основные направления цифровизации, которые вызывают наибольшее количество вопросов налогоплательщиков и не регулируются НК РФ, следующие:

- автоматизированная система контроля «НДС-2» (входит в информационную автоматизированную систему АИС «Налог-3»);
- контрольно-аналитическая работа (осуществляется вне рамок налоговых проверок с учетом всех данных о налогоплательщике и его контрагентах);
- предпроверочный анализ (как правило, осуществляется по окончании камеральной налоговой проверки для выявления налогоплательщиков, которых целесообразно включить в план выездных налоговых проверок);
- работа с необоснованной налоговой выгодой (возникает в результате неуплаты сумм обязательных платежей, которые должны были быть уплачены налогоплательщиком, если бы злоупотреблений не было).

Автоматизированная система контроля представляет собой программу, позволяющую проводить анализ деятельности налогоплательщика на предмет правильности исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость, определять уровень налогового риска проверяемого лица и выявлять налоговые разрывы. В Письме ФНС России от 05.05.2016 № ЕД-4-15/8122 «О программном комплексе «АСК НДС-2» отмечается, что ввод пояснений в ПК «АСК НДС-2» служит одним из механизмов устранения выявленных расхождений, а также необходим для определения последующих действий налогового органа в отношении налогоплательщика (в том числе при определении необходимости направления Требования контрагенту) при проведении камеральной налоговой проверки декларации по НДС. Принцип работы «АСК НДС-2» заключается в анализе и сравнении данных об операциях в декларациях НДС, счетов-фактурах, книг покупок и продаж продавца и покупателя. Налогоплательщик не вправе отказывать предоставлять сотрудникам ИФНС те или иные документы лишь на основании своего субъективно-

го суждения об относительности/неотносительности каждого из истребованных документов к предмету проверки.

Программа ищет расхождения, если покупателем был заявлен вычет, а поставщик не начислил НДС (в Москве в два раза выше доля расхождений, чем в целом по Российской Федерации и за время работы). Другими словами, автоматическим образом происходит проверка контрагентов по всем декларациям по налогу на добавленную стоимость.

Разрыв на втором и последующих звеньях в цепочке движения товаров – сложный, становится причиной углубленной проверки. АСК НДС-2 отслеживает цепочки до седьмого звена. Инспекторы выявляют выгодоприобретателя – организацию, которая уклонилась от налогов и получила налоговую выгоду. Есть несколько маркеров, с помощью которых легко найти выгодоприобретателя: у него будет штат сотрудников; сравнительно большие обороты по данным бухгалтерской и налоговой отчетности. Чтобы найти выгодоприобретателя, формируется отчет «дерево связей», определяя роль каждого налогоплательщика в цепочке поставщиков и покупателей. После установления выгодоприобретателя начинается сбор доказательной базы – факты взаимозависимости, аффилированности и подконтрольности всех участников движения цепочки товара, осведомленность проверяемого лица о заведомо неправомерных действиях контрагентов (ст. 93.1 НК РФ). Если собрать доказательную базу не удастся, назначается выездная налоговая проверка.

Предпроверочный анализ, являясь одним из элементов налогового контроля, представляет собой комплекс мероприятий, направленных на всестороннее исследование функционирования проверяемого лица. При этом не только выявляются налоговые правонарушения, но и исследуются данные о финансовом положении руководителя и учредителей, а также членов их семей. Особенно важно выявить факты несоответствия расходов полученным доходам, участие в организациях, которые являются контрагентами проверяемой организации. Важную роль играют сведения о денежных средствах на счетах и имуществе, чтобы в случае необходимости привлечь к субсидиарной ответственности, доказав непосредственное влияние на проведение операций.

У налогоплательщика есть возможность самостоятельно провести анализ своей финансово-хозяйственной деятельности на предмет вероятности включения в план выездных налоговых проверок благодаря установленным на законодательном уровне 12 общедоступным критериям риска, между тем остальные критерии не находятся в свободном доступе, в т.ч. на сайте ФНС России.

Следует отметить, что налоговые органы при осуществлении предпроверочного анализа рассчитывают предполагаемую сумму доначислений, однако алгоритм расчета, естественно, не закреплен в документах.

Если имеются отклонения показателя рентабельности проданных товаров (работ, услуг) организации от среднеотраслевых значений в меньшую сторону, предусмотрен определенный алгоритм для расчета доначислений по налогу на прибыль организаций (табл. 1).

Как правило, доначисления по итогам выездной налоговой проверки составляют около 75 % от запланированной суммы. [5. С. 276].

Результаты расчета приведены в табл. 1.

Таблица 1

Предполагаемые доначисления по результатам предпроверочного анализа

Передовые производственные технологии	Значения показателей	
	у налогоплательщика	по отрасли
Прибыль от продаж, тыс. руб.	1 745,6	3 517,08 (41870 * 8,4%)
Затраты на производство, тыс. руб.	41 870	41 870
Рентабельность продаж, %	4,17 (1745,6/41870)	8,4 (9,3%*90%)
Доначисления налога на прибыль организаций, тыс. руб.	354,296 (3 517,08 – 1 745,60) * 20%	–

Помимо определенной недоимки, у налогоплательщика возникает обязанность по уплате штрафа в размере 20 % или 40% по ст. 122 НК РФ (в зависимости от наличия умысла) неуплаченной суммы налога и пеней за каждый день просрочки. Но если налогоплательщик готов скорректировать налоговые обязательства самостоятельно и доплатить налог и пени, штрафные санкции не применяются.

Контрольно-аналитическая работа является также важным направлением, особенно в условиях цифровизации, потому что ее развитие обусловлено использованием программных продуктов, разработанных ФНС России. Результаты работы направлены на добровольное побуждение налогоплательщиков исполнить налоговые обязательства путем подачи уточненной налоговой декларации и доплаты суммы налогов и пени при устранении «сомнительных операций». В противном случае может быть принято решение о проведении выездной налоговой проверки.

Выделим основные направления анализа для выявления рисков неуплаты налогов:

Проводится анализ:

- выписок банка (выявляются: смена контрагентов, расчеты с недобросовестными контрагентами, операции с ценными бумагами, значительные займы, отсутствие выручки при наличии ККТ, снятие с расчетного счета сумм больше, чем требуется на выплату заработной платы);

- документов и деятельности контрагентов (выявляются: несоразмерная численность, отсутствие материально-технической базы для ведения деятельности, массовость, «миграция», неадекватный вид основной деятельности, формулировки в договорах);

- основных показателей налоговой и бухгалтерской отчетности (выявляются: рост расходов, превышающий рост доходов, снижение стоимости основных средств, снижение дебиторской и рост кредиторской задолженности, большой оборот наличных, несовпадение выручки в налоговых декларациях (по НДС и налогу на прибыль организаций).

Например, налоговые органы расценивают полученную от контрагента неустойку как элемент ценообразования и доначисляют НДС, если в договоре предусмотрено повышение цены за счет штрафных санкций. Особенно это можно наблюдать в случае, если условия договора относительно неустойки не соответствуют обычаям делового оборота [4. С. 54]. Особое место занимают договоры с самозанятыми лицами или фрилансерами, хотя в НК РФ еще не внесена соответствующая глава, регулирующая налогообложение их доходов [6].

При этом выявляются операции, наличие которых может быть рассмотрено как дополнительный критерий для планирования выездных налоговых проверок: «дробление» бизнеса, использование «однодневок», «убыточных» организаций. Отметим, что данные понятия встречаются исключительно в письмах ФНС России и судебных решениях, что создает дополнительные разногласия между налогоплательщиками и налоговыми органами. Под «фирмой-однодневкой» в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации, и т. д. Например, встречается определение «технические» компании – организации, которые не осуществляют деятельность в своем интересе и на свой риск, не обладают необходимыми активами, не выполняют реальных функций, и принимают на себя статус участников операций с оформлением документов от их имени в противоправных целях.

Относительно работы с необоснованной налоговой выгоды, следует отметить, что налоговые органы проверяют, сделано ли исполнение обязательства надлежащим лицом; устанавливают и оценивают умышленные действия налогоплательщиков, направленные на использование ими формального документооборота с участием «технических» компаний; оценивают обстоятельства, характеризующие выбор контрагента, в силу которых налогоплательщик должен быть знать о формальном документообороте с участием «технических» компаний; выявляют изменение юридической квалификации операций (в т.ч. притворные сделки); оценивают основной мотив операции (критерий деловой цели); анализируют модели ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц, в которую входят налогоплательщики, применяющие специальные налоговые режимы.

Также вызывают вопросы неоднозначные трактовки понятий «персонифицированные доходы», «недобросовестный налогоплательщик», «осмотрительность».

Например, Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 НК РФ (утв. Президиумом ВС РФ 21.10.2015) содержит такую формулировку: «полученная в натуральной форме выгода подлежит налогообложению, если она не носит обезличенного характера и может быть определена в отношении каждого из граждан, являющихся плательщиками НДФЛ». Однако налоговые органы высказывают мнение, что организация должна принимать все возможные меры по оценке и учету экономической выгоды (дохода), получаемой сотрудниками.

Таким образом, необходимо дополнить НК РФ такими понятиями, охарактеризовав их, чтобы устранить разногласия между налогоплательщиками и налоговыми органами, приводящими к налоговым спорам: необоснованная налоговая выгода, осмотрительность налогоплательщика, недобросовестность, «однодневки», персонифицированные доходы.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.08.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок (ред. от 10.05.2012): Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Налоговое право: учебник / коллектив авторов; отв. ред. Г. Ф. Ручкина, М. И. Березин. М.: Проспект, 2021. 800 с.
4. Смирнова Е. Е., Хуснатдинов И. А. Модернизация работы территориальных налоговых органов в условиях пандемии // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 5. С. 52–56.
5. Смирнова Е. Е. Использование больших данных при изучении налогового администрирования // Большие данные в образовании: анализ данных как основание принятия управленческих решений: сборник научных статей I Международной конференции 15 октября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Фиофановой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 275–282.
6. Smirnova E., Okhrimenko I. & Zakharova A. Review of Best Practices in Self-Employment Taxation. Public Organiz Rev (2022).

A. Sh. Sodikov,

PhD in law, senior lecturer of
Tashkent State University of Law

SOME ISSUES OF DIGITALIZATION OF LAW-MAKING PROCESS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The article analyzes the idea of digital technology, which aids to submit legislative acts (laws and resolutions of chambers of the Oliy Majlis) to parliament in electronic form, to monitor the activity of law-making in real time. In addition, the electronic system called “E-law”, which put forward in the article, will serve to reflect automatically the chronological stages of law-making activities and strengthen the transparency. In order to prove the necessity of the launch of the system, the author justifies the idea with scientific research analyzing opinion, views, approaches of lawyers, scientists and experts as well as that developed foreign practice researched in-depth. In addition, relevant amendments to the current laws and adoption of new legislative acts were proposed basing on the scientific research.

Keywords: Electronic systems, Digital technologies, Information, Support with information, Freedom of Information, Legislative acts, Laws, Resolutions of parliamentary chambers, Electronic law, Parliament

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. В статье анализируется идея цифровой технологии, позволяющей вносить законодательные акты (законы и постановления палат Олий Мажлиса) в парламент в электронном виде, контролировать законотворческую деятельность в режиме реального времени. Кроме того, предлагаемая в статье электронная система «E-law» послужит для автоматического отражения хронологических этапов законотворческой деятельности и усиления прозрачности. Для обоснования необходимости запуска системы автор обосновывает свою идею научными исследованиями, анализируя мнения, взгляды, подходы ученых-юристов и экспертов, а также детально исследуя развитую зарубежную практику. Также, на основе научных исследований предложены соответствующие изменения в действующие законы и принятие новых законодательных актов.

Ключевые слова: электронные системы, цифровые технологии, информация, информационное обеспечение, свобода информации, законодательные акты, законы, постановления палат парламента, электронный закон, парламент

The development trends of modern digital technologies have brought public-legal relations to a new stage, requiring the use of certain effective tools for provision state bodies with information, storage, analysis, and processing in all areas, including the law-making process.

If we focus on the scientific views of the following scholars such as O. Akhmedova and Kh. Khasanov outlined the advantages of using cryptographic tools in decision-making [56. P. 45–51], A. Miriam noted the fact that cryptographic information exchange between governmental bodies will serve to increase the level of quality of the law-making [12. P. 1057], B. Fox compared the data as a result of the development of information technology [6. P. 90], G. L. Pedraza-Farinya and R. Whalen researched the importance of information flows through “network systems” in decision-making [29. P. 67], L. Rodriguez emphasized the importance of digital technologies in favor of reduction in subjective factors [31. P. 1860], A. Goodman noted that digital technologies can serve to increase effectiveness in data storage [8. P. 23].

In fact, it can be seen from the opinions of the above-mentioned scientists that the introduction of digital technologies into the law-making process can lead to many effective results. However, in this regard, some issues that need to be implemented in the Republic of Uzbekistan are waiting for their solution.

In particular, submitting draft laws, resolutions of parliamentary chambers (hereinafter – legislative acts) to the parliamentary chambers in electronic form, monitoring the status of the draft legislative acts in real (online) time, automatic reflection of the chronological stages of the drafts until its official announcement, strengthening the transparency

of law-making activities and providing law-making process with necessary information remain one of the unsolved issues in Uzbekistan and many other countries as well.

In economically developed countries, digital technologies have been already applied in law-making process in order to support with necessary information and transparency of the activity. For instance, “red tape challenge”, “cutting red tape”, “focus on enforcement” [25], as well as “online intermediary platforms for discussion of draft directives” [3. P. 164-169] have been launched in recent years. The “E-Parliament” program [27] in the EU, which has been launched in 2019, provided complete electronic exchange of information and served other countries as a model. In addition, the use of artificial intelligence in the provision law-making process with information and the use of modern technologies have been introduced in the EU too. In particular, the European Action Plan for 2019–2023 [28] was developed in order to apply artificial intelligence in terms of registration and preparation of reports on monitoring legislative acts.

Also, the strategies of electronic exchange of information in law-making activities have already adopted and tested in practice. In particular, it is possible to cite as an example of such systems as “E-Recht” – “Electronic Law” in Austria [26], “E-Government Act” in the USA [9], “ParlWork” in Australia [22], “De-bureaucratisation Program” in Denmark [2. P. 33], in the Russian Federation the “Legislative support system” (Система обеспечения законодательной деятельности – “АСОЗД”) [51]. According to Article 91s of the German Constitution, the Federation and Lander (local subject of the federation) should agree to establish standards and security requirements necessary for data exchange through their information technology systems [36. P. 140]. In Sweden, a necessary database [24] was created for the effective support law-making process with information, and the possibility of obtaining legal information from XVI, XVII and XVIII centuries was also provided [30. P. 1–12].

Although the Conception of improvement of rule-making in the Republic of Uzbekistan [20], laws “On Electronic Documentation” [18], “On Electronic Digital Signature” [19] and strategy concerning “Digital Uzbekistan – 2030” [4] were adopted by the Oliy Majlis parliament (hereinafter – parliament), digitalization of law-making process was not mentioned in these normative legal acts. Thus, the problem of digitization of the law-making process in our country is slightly distanted. For instance, according to the Conception of improvement of rule-making, “Introduction of modern information and communication technologies in the process of rule-making” is marked as one of the promising areas. However, it has not included solutions to address the following issues:

- introduction of electronic submission of draft legislative acts to the parliamentary chambers (Legislative Chamber and Senate of the Republic of Uzbekistan);
- complete electronization of the system of informational support of law-making activity;
- real-time (online) monitoring of the draft legislative acts by general public;
- automatic reflection of the chronological stages of the adoption of legislative acts;
- carrying out public discussions on the draft legislative acts in a single electronic system;
- ensuring complete transparency of law-making process.

It is appropriate to analyze the above cases gradually, connecting them with the analysis of scientific research and practice.

When discussing the issue of submission of legislative acts to the parliamentary chambers, it is necessary to observe the statistics of the law-making initiatives made by the special subjects with the right to legislative initiative within 2015–2019.

Table 1

Information concerning the legislative initiative during the third convocation of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan (2015–2019) [53. P. 9]

Rank	Special subjects with the right to legislative initiative	Number of draft laws	In percentage (%)
	Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan	288	54,9 %
	Deputies of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan	88	16,8 %
	President of the Republic of Uzbekistan	53	10,1 %
	Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan	51	9,7 %
	Supreme Court of the Republic of Uzbekistan	40	7,6 %
	Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan	3	0,6 %
	Regional Council of Karakalpakstan	0	0 %

According to Article 83 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan [14], the seven subjects in the table are titled as the subjects with the right to legislative initiative.

In this regard, K. A. Lastochkina noted that rule-making process cannot be realized without the support of special subjects with the right to legislative initiative [45. P. 148–149], I. Yu. Bogdanovskaya [41. P. 407], B. N. Sabirov emphasized that “interest groups” (lobby groups) play a leading role [50. P. 83], L. W. Martin and G. Vanberg [11. P. 14], R. R. Khakimov [55. P. 83], H.U.Turdiyev researched that the executive power plays the main role in providing law-making process with information [52. P. 22], Y. Yang analyzed the necessity to increase the participation of “think tanks” in this regard [37. P. 25–26], F. Kh. Otakhonov supported the idea that legal service of state authorities and governmental bodies are essential in the participation of law-making activities [49. P. 32], Sh. Kh. Zulfiqorov studied the issues of providing deputies with information [42. P. 21]. We also cannot refuse the important role of all governmental bodies, but in order to improve law-making process in terms of provision all necessary information electronically.

The main point in Table 1 above is that the pivotal problem in the exercise of the right to legislative initiative is carried out using the material or physical means. To com-

prehend the idea of material or physical means delivering information, in the following words we make an attempt to develop the definition as follows;

“material or physical means – measures of information exchange through correspondence, documents, information-analytical materials and other physical resources with a specific material form, which are created as a result of certain actions”.

In our opinion, the progress of modern information and communication technologies, increasing the speed and quality of information exchange, in order to reduce excessive transaction costs (time, material supply and other efforts) there is necessity to gradually abandon material or physical means of information supply.

However, in the Republic of Uzbekistan, there is not availability of unique electronic system which services to monitor law-making activity, electronic submission of draft legislative acts, automatic reflection of the chronological stages of the adoption of legislative acts, carrying out public discussions on the draft legislative acts, ensuring complete transparency of law-making activity.

Table 2

Effective electronic systems in the rule-making process in the Republic of Uzbekistan

Title of the system	Official web page	Legal basis
The portal for discussion of draft normative legal acts	https://regulation.gov.uz	Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. RP-3666, April 13, 2018 [16]
The electronic system for the development and agreement of draft normative legal acts	https://project.gov.uz	Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No DP-5997, May 19, 2020 [17]
The electronic system for development, agreement and registration of resolutions of local governmental bodies	https://e-qaror.gov.uz	Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 218, April 14, 2020 [15]
The platform of public initiatives	https://meningfikrim.uz	Joint resolution of the Council of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan and the Council of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan No. 2310-III, February 2, 2019 [13]

However, as mentioned above, such electronic systems are new systems for Uzbekistan, which especially launched last 5 years. The draft legislative acts are not submitted and monitored through a unique electron system that allow them to submit in electronic form and allow to observe the status of the draft in real time.

If we pay attention to the scientific views of scholars in this regard, T. Kerikmae, T. Hoffmann and A. Chochia [10. P. 91–112] noted that digital technology helps to conduct law-making management, process a large number of actions (predictive analysis, management and maintenance of big data).

According to M. B. Stuart, “e-rulemaking initiatives” can be valued more in terms of information acquisition and evaluation than economic benefits [34. P. 893–941].

According to H. T. Odilkoriyev, the wide introduction of modern information and communication technologies is important in the rational organization of activities in this regard [48. P. 73].

L. V. Magdilova noted that advanced information exchange serves to implement the concept of “new public management” in the law-making process [44. P. 178], J. S. Angeyo and P. Jehopio explained that the law-making process involves the use of reliable information to find an optimal solution, the search for information and their appropriateness and compatibility with the draft of the normative legal acts under consideration require modeling and implementation in information systems. [1. P. 55].

American lawyer P. Frank analyzed the use of artificial intellect algorithms to classify the information in law-making process [7 P. 1927], S. I. Nosov emphasizes that countries such as the United States, China, Japan, German, Korea, India have a legal basis for effective use of artificial intelligence [47. P. 11].

In Austria, basing on the research by E. Schweighofer research [32. P. 486–497], the system of “Konterm” – automatic representation of document structure and contents, was launched to developed rule-making process in terms of linguistic analysis of the draft laws. Having supported the idea that electronic technologies outweigh disadvantages there is necessity to launch “E-law” system.

Such software tools can serve not only to exchange, collect and process information for the law-making activity, but also to ensure the rights of the general public to receive information on legislative affairs. We believe that it is appropriate to take into account the experience of the USA in the consistent and complete keeping of statistics and chronological history of legislative acts in our national legislation. Because, through the “GovTrack.us” platform of the USA [23], statistics of the legislative activities of the Congress, shows detailed chronological monitoring, provides comprehensive, open data in conducting scientific research.

According to the official web page of the “electronic democracy” (E-democracy site to improve quality of rulemaking decisions) to improve the quality of decisions, the electronic action in this regard saved \$ 94 million due to the electronic facilities [5. P. 1]. The main reason to achieve such a result is an online document systems (“online docket systems”), the reduction of paper and reducing other administrative costs.

Therefore, the US Office of Management and Budget encourages other government agencies and bodies to create information systems and resources aimed at developing electronic document circulation.

In the UK, it has been developed a necessary information database for the law-making, which is open to the general public. For instance, the portal www.data.gov.uk has formed more than 5,000 databases [35]. According to “the Freedom of Information Act”, all governmental bodies shall regularly publish information on their law making

activities for the public, which this serves to formulate general statistics by the National Statistics Bureau [21].

In addition, the use of digital technologies in provision the process with necessary information also has its own negative aspects as well as the advantages. In particular, the creation of such software systems requires great resources. For instance, A. Singh noted that software systems increase attention to information security [33. P. 78-101], R. A. Abdusalomov noted that the loss of communication in the processing of information is also linked to the level of information technology in regions [38. P. 172.].

In our opinion, the goal of providing the law-making process with information, introducing of legal acts electronically, and increasing the level of complete transparency of law-making process can overcome other disadvantages.

Taking into account the above, it is necessary to introduce the “E-law” electronic system. For this, first of all, we consider that the Article 4 of the Law of the Republic of Uzbekistan “On the Procedure for Preparing and Submitting Draft Laws to the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan” should be stated as follows:

“Article 4. Exercise of the right to legislative initiative

The right to legislative initiative is exercised when the subjects of the right to legislative initiative submit draft laws, as well as information-analytical materials and other information attached to them to the Legislative Chamber through the “E-law” electronic system”.

Then it is necessary to launch the electronic system “E-law” together with the Ministry of Information Technologies and Communications Development of the Republic of Uzbekistan and “Single integrator to create and support the state information services” (UZINFOCOM LLC).

The legal basis of this single electronic system is required to develop a joint resolution of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan and the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan.

In this draft of the joint decision, it is necessary to define the priority tasks of the “E-law” electronic system as follows:

- online submission of draft legislative acts to the parliament in real-time by subjects of legislative initiative;
- reflection of the chronological stages from the introduction of legislative acts to the parliament and to the official announcement in real time;
- online translation of the parliamentary discussions;
- public discussion of draft laws;
- real-time management, monitoring and control of all actions on the implementation of draft laws and resolutions of chambers submitted to the parliament;
- obtaining, operation, storage, processing of all information submitted to the parliament and the chambers;
- saving time, costs and labor resources spent by the subject of the legislative initiative and the work carried out on the draft;
- supporting the general public with information on legislative affairs;

- automatic formation of (monthly, yearly) rankings of activists in the parliament, active officials of the subjects of legislative initiative and active members (in online discussions) of society.

The application of digital technologies to the process of law-making requires professional development of officials, and in turn, employees working in the subjects of the right to legislative initiative. If employees do not obtain practical skills in use of the “E-law” system, it will eliminate the prospects of this system.

After all, you can find many opinions of national lawyer scholars on this matter:

Sh. X. Zulfikarov noted that the need to further increase the scientific potential of law enforcement [42. P. 26], H. S. Khaitov emphasized that experts involved in the process of law-making should have the necessary knowledge and skills [54. P. 14-19], Sh. N. Berdiyarov [40. P. 24], Z. S. Israilova [43. P. 53] and others focused on increasing the capacity of relevant officials in scientific research.

Also, B. Alimov and O. Makhamov noted that officials need to receive education based on the principle of lifelong learning (Life Long Learning) [39. P. 116], Q. Rakhmanov studied that the need to organize online classes in this regard [46. P. 125–132].

Supporting the approaches of the above-mentioned scientists, we consider that it is appropriate to implement the following measures for the effective use of the “E-law” system:

- preparing printed and electronic methodological instructions and manuals by the Institute of Legislative Problems and Parliamentary Research on the formation of the skills of using the electronic system for the responsible employees of the subjects of the right to legislative initiative;

- preparing short videos containing explanations for the use of the “E-law” system for the general public by the Institute of Legislative Problems and Parliamentary Research in cooperation with the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan;

- organizing online educational training on the use of the “E-law” system at the Academy of Public Administration of the Republic of Uzbekistan for newly elected deputies to the Parliament;

- organizing distance educational trainings on the use of the “E-law” system by the Legal Training Center under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan for legal service employees of the ministries, state committees, local governmental bodies and other responsible agencies.

At this point, it should be noted that the organization, implementation and coordination of the activities of the unified electronic system should be entrusted to the Institute of Legislative Problems and Parliamentary Research under the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. Hence, the main activities of this institute are compatible with the measures to introduce the “E-law” system.

In this regard, it is necessary to determine the main tasks and directions of activity of the Institute of Legislative Problems and Parliamentary Research:

- taking measures to quickly connect all subjects of the right to legislative initiative to the system in order to introduce the procedure for introducing draft legislation to the parliament through the electronic system “E-law” in a timely manner;

- on a systematic basis conducting seminars, training to explain the essence and procedure of working through the electronic system for the relevant employees of the subjects of the right to legislative initiative;
- preparing proposals for the improvement of legal acts regulating the issues of electronic submission of draft laws to the parliament through the electronic system, public and expert discussion of draft laws;
- taking measures to provide the responsible employees of all subjects with the right to legislative initiative with an electronic digital signature for their full operation within the system;
- submitting draft laws to the parliament electronically by the subjects of the legislative initiative, automatic reflecting of the chronological stages of the bill until its official announcement, continuous monitoring of the process of strengthening the transparency of law-making activities and increasing the effectiveness of providing the necessary information to the law-making process;
- improving the procedure and mechanism of work through the electronic system, including preparation of proposals and recommendations for integration into electronic document circulation;
- taking measures to provide high-quality and continuous operation of the electronic system, as well as its technical maintenance;
- providing information to the Council of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan and subjects of the right of legislative initiative on the issue of applying legal liability measures to the responsible employees of the subject of the right of legislative initiative and other persons who violated the requirements of the relevant legislation when using the system;
- submitting information to the Council of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis no later than the tenth day of each month on the transparency of law-making activities and the effectiveness of providing the necessary information to the law-making process.

Thus, in order to increase the effectiveness of providing the necessary information to the law-making process, introduce electronic submission of draft laws to the parliament by subjects of the right to legislative initiative, monitor the status of the draft, reflect automatically the chronological stages of the draft until its official announcement, strengthen the transparency of law-making activities, form automatically (monthly, yearly) rankings of activists in the parliament, active officials of the subjects of legislative initiative and active members of society, “E-law” electronic system is in line with the spirit of the current era. Although the introduction of this electronic system initially requires a lot of resources, in the end it has a significant positive effect on increasing labor efficiency, saving excessive costs, time and quality of information exchange. Also, it was proposed that the issue of amendments and additions to the relevant legislative acts, the concept of the draft joint resolution of the Legislative Chamber and the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan.

Reference

1. Fox B. Closing the information gap: informing better medical decision making through the use of post-market safety and comparative effectiveness information // Food and Drug Law Journal, 2012. Vol. 67. No. 1. Pp. 83-101.
2. Frank P. Data-informed duties in AI development // Columbia Law Review, 2019, No. 7. Pp. 1927-1940.
3. Goodman A. Predictive coding: a better way to deal with electronically stored information // Litigation. 2016. Vol. 43, No. 1. Pp. 23-27.
4. URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ347/PLAW-107publ347.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
5. Innovation // Croat. Int. Relat. Rev. 2018. No. 24. Pp. 91-112.
6. Martin L. W., Vanberg G. Policing the bargain: coalition government and parliamentary scrutiny // American Journal of Political Science. 2004. No. 48(1). Pp. 13-27
7. Miriam A. Blockchain technology for environmental compliance: towards a 'choral' approach // Environmental Law. 2020. Vol. 50, No. 4. Pp. 1055-1103.
8. National database of legislative acts, 02.02.2019, No. 04/19/2310-III/КК-503-III/2795.
9. National database of legislative acts, 09.02.2021, No. 03/21/671/0093.
10. National database of legislative acts, 15.04.2020, No. 09/20/218/0429.
11. National database of legislative acts, 18.03.2022., No. 06/22/89/0227.
12. National database of legislative acts, 20.05.2020, No. 06/20/5997/0634.
13. National database of legislative acts, 21.04.2021, No. 03/21/683/0375.
14. National database of legislative acts, 21.04.2021, No. 03/21/683/0375.
15. National database of legislative acts, 30.04.2021, No. 06/21/6218/0398.
16. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk> (дата обращения: 15.09.2022).
17. Official platform of the Australian Parliament. URL: <https://parlwork.aph.gov.au> (дата обращения: 15.09.2022).
18. Official project of Civic Impulse LLC. URL: <https://www.govtrack.us/about> (дата обращения: 15.09.2022).
19. Official web page of Sweden Riksdag. URL: <http://data.riksdagen.se/data/dokument/> (дата обращения: 15.09.2022).
20. Official web page of the UK government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/red-tape-challenge> (дата обращения: 15.09.2022).
21. Official webpage of the Austrian system E-Recht. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 15.09.2022).
22. Official webpage of the EU. URL: <https://europa.eu/digitec/news/eparliament-project> (дата обращения: 15.09.2022).
23. Official webpage of the EU Legislative Database. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XG0313\(02\)&rid=6](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019XG0313(02)&rid=6)
24. Pedraza-Fariña L.G., Whalen R. A network theory of patentability // The University of Chicago Law Review. 2020. Vol. 87, No. 1. Pp. 63-144.

25. Riedl J. Uncovering legislative pace in Germany: A methodical and computational application to answer temporal questions of law-making // *Government Information Quarterly*. 2019. No. 36. Pp. 1–12.
26. Rodriguez L. All data is not credit data: closing the gap between the fair housing act and algorithmic decisionmaking in the lending industry // *Columbia Law Review*. – 2020. Vol. 120, No. 7. Pp. 1843–1884.
27. Schweighofer E. Legal expert system KONTERM – automatic representation of document structure and contents // *DEXA*. – 1993. Vol. 720. Pp. 486–497.
28. Singh A. Data protection: India in the information age // *Journal of the Indian Law Institute*. 2017. Vol. 59, No. 1. Pp. 78–101.
29. Stuart M. B. Evaluating e-rulemaking: public participation and political institutions // *Duke Law Journal*. – 2006. Vol. 55. Pp. 893–941.
30. The Coalition: our programme for government. 2010. P. 16.
31. Tomuschat C., David P., Donald P., Raymond K. The basic Law of Federal Republic of German. – Berlin: Language Service of the German Bundestag, 2019. Pp. 140.
32. Yang Ye Feasible paths of development for think tanks in China, Think Tanks in Policy Making – Do They Matter? // *Briefing Paper Special Issue Shanghai*. 2011. Pp. 25–26.
33. Абдусаломов Р. А. Проблемы совершенствования национального облачного законодательства // *Закон и право*. 2019. №10. С. 172–173. [Abdusalomov R.A. Problems of improving national cloud legislation // *Acts and Law*. 2019. No. 10. Pp. 172–173].
34. Алимов Б., Махкамов О. Бошқарув кадрларини ўқитишнинг ҳуқуқий асослари ва таълим жараенини такомиллаштириш истиқболлари // *Жамият ва бошқарув*. 2020. № 2 (88). – Б. 112–117. [Alimov B., Makhkamov O. Legal basis of training management personnel and prospects for improving the educational process // *Society and management*. 2020. No. 2. (88) – Pp. 112–117.]
35. Бердияров Ш. Н. Икки палатали парламент шароитида қонунчилик техникаси: 12.00.01. ю.ф.н. илмий даражасини олиш учун тақдим этилган диссертация автореферати. Т.: ТДЮИ. 2009. 24 б. [Berdiyarov Sh. N. Legislative technique in the conditions of the bicameral parliament: 12.00.01. Ph.D. Dissertation abstract submitted for obtaining a scientific degree. – Т.: TSIL, 2009. Pp. 24.]
36. Богдановская И. Ю. Законотворческий процесс в странах «общего права»: сравнительные аспекты // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2015. № 52. 407 с. [Bogdanovskaya I. Yu. Legislative process in the countries of “common law”: comparative aspects // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2015. No. 52. Pp. 407.]
37. Зулфиқоров Ш. Х. Олий Мажлис Қонунчилик палатаси депутати фаолиятининг ташкилий-ҳуқуқий асослари: 12.00.02. – ю.ф.н. илмий даражасини олиш учун езилган диссертация автореферати. Т.: ТДЮИ, 2008. 26 б. [Zulfiqorov Sh.Kh. Organizational and legal basis of activity of the deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis: 12.00.02. PhD Dissertation abstract. Т.: TSIL, 2008. 26 p.]
38. Исраилова З. С. Ўзбекистонда маҳаллий давлат ҳокимияти вакиллик органлари фаолиятининг самарадорлигини баҳолаш механизмини

такомиллаштириш: 12.00.02 – ю.ф.ф.д. (PhD) диссертацияси автореферати. Т.: ДБА, 2020. – 53 б. [Israilova Z.S. Improving the mechanism for evaluating the effectiveness of the representative bodies of local state power in Uzbekistan: 12.00.02 – Doctor of Philosophy in Legal Sciences (PhD) thesis abstract. Т.: DBA, 2020. 53 p.]

39. Магдилова Л. В. Правовые основы информационного взаимодействия органов государственной власти и граждан при оказании публичных услуг // Закон и право. 2019. №10. С. 177–179. [Magdilova L. V. Legal basis for information interaction between state authorities and citizens in the provision of public services // Law and law. 2019. No. 10. P. 177–179.]

40. Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых. Минск, 14-15 апрель 2016 г. / редкол.: В. В. Манкевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2016. С. 148–149. [Materials of the XIX International Scientific Conference of Young Scientists, Minsk, April 14–15, 2016 / editorial board: V. V. Mankevich (editor-in-chief) [and others]. Minsk: GIUST BSU, 2016. P. 148–149.]

41. Махкамов О., Рахмонов Қ. Ўзбекистонда бошқарув кадрларини тайерлаш, қайта тайерлаш ва малакасини оширишда масофавий таълимни такомиллаштириш масалалари // Жамият ва бошқарув. 2019. №3 (85), – Б. 125–132. [Makhkamov O., Rakhmanov Q. Issues of improving distance education in the training, retraining and upgrading of managerial personnel in Uzbekistan // Society and management. 2019. No. 3 (85). Pp. 125–132.]

42. Носов С. И. Право и информатизация // Юрист. 2019. №4. С. 6–13. [Nosov S. I. Law and Informatization // Lawyer. 2019. No. 4. P. 6–13.]

43. Одилқориев Х. Т. Ўзбекистон давлати ва жамияти инновацион ривожланишининг ҳуқуқий жиҳатлари. – Т.: Innovatsion rivojlanish nashriyot matbaa uyi, 2019. 362 б. [Odilkoriyev H.T. Legal aspects of innovative development of the state and society of Uzbekistan. Т.: Innovative development publishing house, 2019. P. 362.]

44. Отахонов Ф. Х. Ўзбекистон Республикасида юридик хизматнинг назарий-ҳуқуқий муаммолари: 12.00.02 ю.ф.д. (DSc) диссертацияси автореферати. Т.: ДБА, 2019. – 47 б. [Otakhanov F.Kh. Theoretical and legal problems of legal service in the Republic of Uzbekistan: 12.00.02 Doctor of legal science (DSc) thesis abstract. Т.: DBA, 2019. P. 47.]

45. Сабиров Б. Н. Теоретические аспекты противодействия нелегальной лоббистской деятельности в Республике Узбекистан: монография. Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, 2020. 140 с. [Sabirov B. N. Theoretical aspects of counteracting illegal lobbying activities in the Republic of Uzbekistan: monograph. Karakalpak State University named after Berdakh, 2020. P. 140.]

46. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> [Legislative activity support system – <https://sozd.duma.gov.ru/>] (дата обращения: 15.09.2022).

47. Турдиев Х. У. Парламент ва ҳукумат муносабатларининг ташкилий-ҳуқуқий механизмини такомиллаштириш масалалари: 12.00.02. – ю.ф.ф.д. (PhD) диссертацияси автореферати. Т.: ТДЮУ, 2021. 47 б. [Turdiyev H.U. Issues of improving the organizational-legal mechanism of parliamentary and government relations:

12.00.02. – Doctor of Philosophy in Legal Sciences (PhD) thesis abstract. T.: TSUL, 2021. P. 47.]

48. Учинчи чакириқ Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Қонунчилик палатасининг фаолияти тўғрисида Ахборот. Т., 2019. 44 б. [Information on the activities of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan of the third convocation. T., 2019. P. 44.]

49. Хайитов Х. С. Қонун ижодкорлиги экспертлик таъминоти: миллий ва хорижий тажриба // Юридик фанлар ахборотномаси. Т.: ТДЮУ, 2018. № 2. Б. 14–19. [Khaitov Kh.S. Expert provision of law-making: national and foreign experience // Bulletin of legal sciences. T.: TSUL, 2018. No. 2. Pp. 14–19.]

50. Хакимов Р. Р. Давлат ҳокимияти тизимида парламент: назария ва амалиёт муаммолари: 12.00.21 – ю.ф.н. илмий даражасини олиш учун езилган диссертацияси. Т.: ТДЮИ, 2009. 83 б. [Khakimov R. R. Parliament in the system of state power: problems of theory and practice: 12.00.21 – DSc. dissertation written for a degree. T.: TSIL, 2009. P. 83.]

51. Хасанов Х., Ахмедова О. Ахборот хавфсизлигини таъминлашда криптографик воситалари // Жамият ва бошқарув. Т.: ДБА, 2015. № 2. Б. 45–51. [Khasanov Kh., Akhmedova O. Cryptographic tools in information security // Society and management. T.: PMA, 2015. № 2. P. 45-51.]

А. А. Соколова,

кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский национальный технический университет;
профессор-эмеритус, Европейский гуманитарный университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Активное внедрение цифровых технологий приводит к серьезным трансформациям в социальном мире. Праву, как атрибуту человеческого бытия, надлежит обеспечить надежные регулирующие механизмы для новой технологической реальности. В статье предложено авторское размышление о теоретико-методологической модели правового регулирования в условиях современных технологий. Автор предприняла попытку модернизировать теорию правовой регламентации применительно к новым технико-правовым отношениям: взаимодействию человека и «машины». Рассмотрела вопросы теоретической реконструкции ряда правовых понятий и категорий: провела уточнение нюансов природы права, источников, формирующих право, техники законотворческого процесса, расширения круга участвующих в нем акторов. Акцентировала внимание на перспективности совместного с официальными структурам правотворчества технического сообщества, его международную направленность. Изложила свои соображения в отношении формирования в государствах с развивающимися информационными технологиями новой комплексной отрасли права – технологического права. Автор пришла к заключению о необходимости объединения

интеллектуальных усилий юридического и технологического научных сообществ для всестороннего теоретического осмысления новых явлений с тем, чтобы не противодействовать новейшим технологиям, а «сотрудничать» с ними, находить правовые основания для взаимодействия.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, искусственный интеллект, «техно-социо-экономико-экологическая» система, технико-правовые отношения, совместное правотворчество, технологическое право

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW: CHALLENGES, PROBLEMS, PROSPECTS OF INTERACTION

Abstract. The active introduction of digital technologies leads to serious transformations in the social world. Law, as an attribute of human existence, should provide reliable regulatory mechanisms for the new technological reality. The article proposes the author's reflection on the theoretical and methodological model of legal regulation in the conditions of modern technologies. The author made an attempt to modernize the theory of legal regulation in relation to new technical and legal relations: the interaction of man and "machine". She considered the issues of theoretical reconstruction of a number of legal concepts and categories: she clarified the nuances of the nature of law, the sources that form the law, the technology of the law-making process, expanding the circle of actors involved in it. She focused on the prospects of the technical community jointly with the official structures of lawmaking, its international orientation. She outlined her views on the formation in states with developing information technologies of a new complex branch of law – technological law. The author came to the conclusion that it is necessary to combine the intellectual efforts of the legal and technological scientific communities for a comprehensive theoretical understanding of new phenomena in order not to oppose the modern technologies, but to "cooperate" with them, to find legal grounds for interaction.

Keywords: law, digital technologies, artificial intelligence, "techno-socio-economic-ecological" system, technical and legal relations, joint lawmaking, technological law

Введение. Человечество XXI в. столкнулось с новыми вызовами: с одной стороны, стремительное развитие цифровых технологий, систем искусственного интеллекта (ИИ), что ощутимо изменяет картину мира; с другой стороны, системным кризисом, проявления которого заметны во многих сферах: экономике, экологии, международных отношениях, национальной безопасности, системах здравоохранения, образования. В этой ситуации в самых разных областях публичной и частной жизни (в государственном управлении, политике, судебной деятельности, бизнесе, финансовых рынках) возникают проблемы обеспечения культуры прав человека, механизма их защиты. Право, как выразительный атрибут человеческого бытия, и в целом правовая система, с одной стороны, испытывает воздействие современных технологий, как положительное, так подчас, и негативное. С другой стороны, именно праву, на мой взгляд, принадлежит гу-

манитарная миссия обеспечить регулирующие механизмы для новой технологической реальности, минимизировать риски глобальных кризисов и в целом замирить социальную среду.

Современная жизненная реальность приобрела характер сложной социально интерактивной «техно-социо-экономико-экологической» системы [10], исследование которой требует поиска новых методов исследования. Одним из которых, на мой взгляд, является применение новой междисциплинарной модели познания, особенность которой проявляется в том, что исследовательская технология не ограничивается рамками отраслей правового знания или диапазоном правовых и иных гуманитарных и социальных наук, а проникает «в пограничье» гуманитарного, социального и новейшего технического знания. Современная научно-технологическая повестка требует и формирования интегративного мышления, синтезированного на основе взаимодействия, взаимопроникновения гуманитарных, социальных и технических наук. Формирующаяся новая технологическая культура не может отвергать накопленную мудрость гуманитарного знания, напротив, она должна оставаться основой для грядущих культурно-технологических трансформаций. Современные запросы жизненного мира, тесное взаимовлияние всех его составляющих, социальных и природных, требуют интеграции научного знания и формирования целостного мировоззрения. Речь идет о разработке единой интегративной концепции, позволяющей сканировать воздействия технологических процессов на облик современного общества, контролировать их и предупреждать негативные последствия. Необходимо объединение усилий представителей гуманитарного и технического знания, поиск языка их общения, координации, установления «диалога» между технологией и обществом [5].

Основное исследование. Использование технологий искусственного интеллекта нацелено на достижение позитивных эффектов в «техно-социо-экономико-экологической» системе. Однако возникает резонный вопрос, всегда ли их результат безупречен, возможны ли ошибки (технические, организационные, юридические) и, в целом, существуют ли риски для безопасности человека, его свободы и автономности при использовании систем ИИ? Как обеспечить безопасность человека при соприкосновении с инновациями? Проблемы взаимодействия общества и современных технологий состоят в объективной возможности наступления негативных последствий при воздействии на мир человека, его безопасность, права и автономию. Для обеспечения статуса безопасности личности, ее прав и свобод необходимо смоделировать и «запустить» механизм правовой регламентации взаимодействия человека и «машины», основными элементами которого, на мой взгляд, должны являться:

- своевременное надлежащее правовое регулирование отношений между социальным миром и развивающимися технологиями;
- проведение предварительной оценки проекта новой модели ИИ (технико-правовой экспертизы) [6];
- систематический мониторинг последствий применения цифровых технологий в глобальном мире и адекватная реакция на них со стороны технического и юридического сообщества;

– подготовка поколения юристов с новыми интегративными компетенциями.

Подробно становимся на проблеме правового регулирования отношений между социальным миром и развивающимися технологиями. Перед представителями юридической науки ставится задача теоретической реконструкции ряда правовых понятий и категорий. В частности, уточнение нюансов природы права, источников, формирующих право, техники законотворческого процесса, его социализации и т. д. Анализ и уточнению в новой технологической реальности подлежат и положения отраслевых правовых наук.

Доминирующим направлением в современной теории права является признание его социальной природы, обусловленности действием ряда социальных факторов, которые оказывают воздействие на правовые режимы и соответственно испытывают их воздействие. Основоположником идеи факторного анализа природы законотворчества является Шарль Луи Монтескье, французский философ, правовед, просветитель. В своем трактате «О духе законов» Монтескье утверждает, что законы должны соответствовать климату, географическим особенностям государства, качеству почвы, обычаям народа. Теория современного законотворчества принимает это важное требование: при разработке проектов правовых актов учет социальных факторов необходим для последующего эффективного воздействия на социальную сферу. Однако картина технологической реальности исходит из существования интегративной техно-социо-экономико-экологической системы и нового порядка отношений в ней – технико-правовых, регулирующих отношения между социальным миром и современными технологиями. Речь уже идет не только о факторном анализе при разработке моделей поведения, но о «погружении» в новую среду. Использование технологии искусственного интеллекта в медицине, сельском хозяйстве, экономике, образовании, строительстве, на производстве, транспорте порождает новый вид отношений, они приобретают технико-правовой характер, обусловленный интегрированностью применения технических норм и норм социальных – этических, моральных, правовых. Какова природа этого вида норм, кто является актором их создания? Каков механизм их обеспечения? Ответы на эти вопросы требует объединения интеллектуальных усилий специалистов различного профиля – технического и юридического. Гуманитарии иных направлений – философии, психологии, политологии, экономики, внесут свой вклад в гуманистическое обоснование содержания новых концептов.

Взаимодействие технологии и права формирует, на мой взгляд, новую отрасль права – технологическое право, имеющее свой предмет и метод правового регулирования. Нормативное регулирование разработки и применения новых технологий – важная и актуальная область права и юридической науки, которая должна ответить на вызовы развивающихся технологий, разработать новые подходы для решения актуальных правовых проблем, с ними связанных. Основные области применения технологического права: коммерческие транзакции, деятельность правоохранительных органов, медицинские технологии, киберпреступность, интеллектуальная собственность, социальные сети, в которые «проникли» новейшие технологии, системы искусственного интеллекта. Уникальная

особенность управления этими секторами – объединение потенциала технического знания и юридического, создающего интегративный механизм действия технико-правовых норм.

Итак, попытаемся разобраться в вопросе о природе и источниках происхождения технико-правовых норм.

Во-первых, следует учитывать пространство, в котором участвуют акторы-нормотворцы. Это социо-экономико-экологическая система, в которую осуществляется «интервенция» достижений современных технологий: позитивных, способствующих эффективному улучшению/обновлению секций системы (экономики, экологии, социальной сферы) и качественному сдвигу человеческого бытия, или негативных. Безусловно, акторы, выполняющие задачу урегулировать отношения, создать правовой режим для разработки и применения цифровых технологий, а также предупредить, минимизировать риски их воздействия, должны обладать интегральным мышлением, совмещающим различного рода знания – технические и гуманитарные, и, в частности, юридические. Иными словами, в нормотворчестве таких правил-требований должен участвовать ансамбль широкого круга современных специалистов.

Во-вторых, активную позицию в современном международном нормотворчестве занимают акторы негосударственного сектора: исследовательские центры и институты, профильные международные организации, профессиональные технические организации, некоммерческие фонды и др. Такова реальность: техническая общественность «опережает» государственные структуры в разработке правил и стандартов поведения, этических принципов взаимодействия человека и робота. Анализ деятельности ряда международных организаций в области компьютерно-информационных технологий, демонстрирует их нормотворческую практику по разработке нормативных документов.

К примеру, Институт инженеров электротехники и электроники – IEEE (англ. Institute of Electrical and Electronics Engineers) – международная некоммерческая ассоциация специалистов в сфере техники, является мировым лидером в области разработки правил, обеспечивающих стандарты проектирования, разработки, использования систем ИИ. На мой взгляд, этот своеобразный источник международного нормотворчества можно отнести к разряду неформального (социального) права: нормы признаны техническим сообществом и общеобязательны для них [9].

Наиболее влиятельным информационно-аналитическим ресурсом в настоящее время является запущенная в феврале 2020 г. Обсерватория ОЭСР по политике в области искусственного интеллекта. Разработанные сетью экспертов OECD. AI Принципы ОЭСР в отношении искусственного интеллекта поддерживают такие ценности, как справедливость, прозрачность, безопасность и подотчетность; продвигают искусственный интеллект (ИИ), как инновационный, заслуживающий доверия и уважающий права человека и демократические ценности инструмент. Особенность Принципов ИИ ОЭСР заключается в том, что эти документы подписаны правительствами. Они включают конкретные рекомендации по государственной политике и стратегии, их можно применять к разработкам в области ИИ по всему миру [12].

Таким образом, можно утверждать, что продвижение продуктов инновационного развития цифровых технологий связано с эффектом официализации – публичного признания норм и требований цифровыми корпорациями и государственными структурами. Представляется, что негосударственное («неформальное») и совместное с государственными органами нормотворчество имеют перспективное развитие для своевременного надлежащего урегулирования технико-правовых отношений. Кроме того, этот комплекс норм приобретает статус международных, глобальных, применяемых к разработкам в области искусственного интеллекта по всему миру и значимых для всего обновляющегося сообщества. Наблюдается устойчивая тенденция активного взаимодействия национального и международного права и сочетания их регуляторов [7. С. 536].

Крайне важные для юридической науки вопросы правового регулирования технико-правовых отношений нашли отражение в работах российских ученых. В частности, в статье доктора юридических наук Алексея Владимировича Минбалеева представлены основные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта, требующие своего осмысления и законодательного решения. К основным тенденциям в регулировании использования искусственного интеллекта он относит: «...сочетание различных механизмов социального регулирования использования ИИ (правового, этического, технического, локального и иных механизмов регулирования, саморегулирования и сорегулирования, а также их синтез; создание принципиально новых синтезированных механизмов регулирования, основанных на многоуровневой командной системе действия норм); обязательность обеспечения безопасности человека и его прав при использовании искусственного интеллекта, исключение рисков уничтожения человечества...» [4. С. 85]. Этические и правовые подходы к регулированию технологии искусственного интеллекта рассмотрены кандидатом юридических наук Дмитрием Валерьевичем Бахтеевым в монографии «Искусственный интеллект. Этико-правовые основы» [1]. О необходимости разработки правовых и этических норм взаимодействия систем искусственного интеллекта с человеком, обозначенных в программных документах международного и национального характера, применительно к трудовому законодательству говорится в статье кандидата юридических наук Ирины Анатольевны Филиповой «Стратегия развития искусственного интеллекта и последствия ее реализации для трудового права». Трансформация трудового законодательства, полагает автор, «...зависит от многих факторов, но в первую очередь от степени адекватности реагирования и обеспечения системности в проведении преобразований материи трудового права» [8. С. 25].

Интерес к проблеме правового регулирования взаимодействия инновационных технологий и человека – очевиден. Справедливы замечания ученых о фрагментарности правового регулирования в области роботизации, необходимости сформировать его системное правовое обеспечение [7. С. 535, 532]. Возникает вопрос об отраслевой принадлежности принципов, норм, правил, стандартов, регулирующих область техно-правовых отношений. Рассматривая набор функций, которые передаются роботам («...однообразные механические повторяющиеся действия; повторяющиеся варианты действий; выбор вариантов решений

и действий по заданной программе; расчетные варианты действий; самообучение роботов...»), авторы статьи «Роботизация: динамика правового регулирования» Ю. А. Тихомиров и Сариа Б. Нанба утверждают, что «...почти все отрасли права участвуют в механизме правового обеспечения роботизации, у всех находится свой предмет регулирования и, соответственно, свои методы регулирования» (нормы конституционного, административного, гражданского, трудового права) [7. С. 534]. Для предотвращения правовых рисков авторы предлагают постепенную и поэтапную трансформацию правовой регламентации в сфере роботизации и переход от административно-правового регулирования к системному, многоотраслевому [7. С. 545]. Речь идет, на мой взгляд, о формировании в государствах с развивающимися информационными технологиями комплексной отрасли права, которую можно определить, как технологическое право. Предметом правового регулирования, как было отмечено выше, являются техно-правовые отношения, то есть комплекс отношений, возникающих при взаимодействии человека и «машины» (при использовании робототехники, технологий цифрового производства, аддитивных технологий, инженерного программного обеспечения и др.). Методы правового регулирования имеют комбинированный характер, в основном используется диспозитивный метод (возможность выбора модели поведения, согласование, сотрудничество, кооперация) и элементы административно-правового, предусматривающего императивность действия принципов и регламентов в отношении разработки и применения робототехники, ответственности за вред, причиненный при ее использовании и т. д. Особенность новой формирующейся отрасли права состоит, на мой взгляд, в природе регулятивных норм – в их разработке зачастую принимают участие официальные (государственные) и неофициальные (например, технологические сообщества, цифровые корпорации). Юридическая сила таких норм исходит не только из факта государственного утверждения, но и общественного признания, авторитета акторов их создающих.

Технологическое право (Technology Law) приобрело статус самостоятельной отрасли права в ряде современных государств. В самом широком смысле технологическое право определяется как совокупность законов, регулирующих государственное и частное использование технологий; охватывает все способы воздействия современных устройств и методов коммуникации на общество. Источниками технологического права, например, в США, являются федеральные законы, законы штатов, нормы международного права [13]. Технологическое право (Technology Law) – актуальная отрасль правовых систем многих современных государств (стран Европейского союза, США, Южной Кореи, Австралии).

Технологическое право, как учебный курс преподается в университетах многих государств. Доктор Маркус Смит, старший преподаватель права Университета Чарльза Стерта, Австралия (Charles Sturt University, Australia), помимо исследований в области правового регулирования, опубликовал учебник «Technology Law: Cases, Commentary and Materials. An essential resource on technology regulation in Australia» [14]. Размещенные в нем материалы и комментарии охватывают основные области технологического права в Австралии, включая бизнес, здравоохранение, правоохранительные органы, коммуникации, интеллектуальную собственность.

Содействие международному сотрудничеству в области взаимодействия технологий и права осуществляют многие международные организации: обеспечивают освещение теоретических перспектив благополучного для человека использования цифровых технологий, новелл законодательства их регулирующих, актуальных проблем развивающейся отрасли технологического права. Одной из них является ITechLaw [11] – ведущая международная организация юристов, специализирующихся на технологиях и праве во всем мире. Миссия организации – создавать беспрецедентные возможности для международного общения и обмена юридическими знаниями в связи с развитием, производством, маркетингом, приобретением и использованием информационных и коммуникационных технологий. К примеру, для обмена опытом планируется проведение Всемирной конференции по технологическому праву (24–26 мая 2023 г., Торонто, Канада).

Таким образом, в мире современных технологий роль права в их надлежащем регулировании значима и актуальна: новая отрасль права – технологическое право, имеет много нерешенных пока теоретических вопросов, к обсуждению которых приглашаю всех заинтересованных специалистов юридического и технологического сообщества.

И еще один момент, связанный с «идентификацией» новой отрасли права, ее отличием от права технического. Понятие «техническое право» стало активно использоваться в начале XXI в. В широком смысле под ним понимается совокупность правовых, технических и этических норм, обеспечивающих общественную безопасность в сфере профессиональной инженерной деятельности. Анализируя переход Российской Федерации на новую систему технического регулирования в соответствии с требованиями Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», Андрей Николаевич Лоцманов, заместитель Председателя Комитета по техническому регулированию, стандартизации и оценке соответствия, отметил, что «вместе с переходом к новой системе технического регулирования формируется, по существу, новая отрасль права, а именно – техническое право» [3 С. 16]. Можно согласиться с мнением автора: за прошедшие годы были приняты десятки технических регламентов и правовых актов, формирующий комплекс норм образует новую отрасль права, имеет свой предмет и методы регулирования.

В Республике Беларусь отношения, возникающие при разработке, установлении и применении технических требований к продукции, иным объектам технического нормирования и объектам стандартизации, других связанных с ними отношений, а также определение правовых и организационных основ технического нормирования и стандартизации, единой государственной политики в этой области, регулируются Законом Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З (в редакции 5 января 2022 г. № 148-З) «О техническом нормировании и стандартизации» [2]. В ст.1 Закона представлены дефиниции основных используемых терминов. Например:

– технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации – технические регламенты Республики Беларусь;

технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты, общегосударственные классификаторы, технические условия, стандарты организаций;

– технический кодекс установившейся практики – технический нормативный правовой акт, разработанный в процессе стандартизации, утвержденный республиканским органом государственного управления или Национальным банком и содержащий основанные на результатах установившейся практики технические требования к процессам разработки, проектирования, изысканий, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации (использования), хранения, перевозки (транспортирования), реализации и утилизации продукции или к выполнению работ, оказанию услуг;

– технический регламент Республики Беларусь – технический нормативный правовой акт, разработанный в процессе технического нормирования, утвержденный Советом Министров Республики Беларусь и содержащий обязательные для соблюдения технические требования к объектам технического нормирования.

Можно утверждать, что постепенно складывающийся массив нормативно-правовых актов (научно-технических стандартов, кодексов, регламентов, стандартов и др.), регулирующих общественные отношения в сфере создания и применения продуктов инженерного творчества, – основа для формирования и развития новой отрасли – технического права. И сделать общий вывод:

Стремительное развитие современных технологий, систем искусственного интеллекта, инженерного творчества, всех новаций XXI в. тесно связано с необходимостью параллельного правового сопровождения их внедрения в социальный мир, созданием механизма своевременного правового регулирования. Результатом «активного» правотворческого процесса (разработки правовых рамок, моделей, стандартов, регламентирующих их создание, производство, использование) является постепенное формирование новых отраслей права, таких, как техническое, технологическое, энергетическое право и др.

Создаваемый для обеспечения безопасности и автономности личности механизм правовой регламентации взаимодействия человека и «машины» должен содержать еще один важный, выполняющий контрольную/обеспечительную функцию элемент: предварительную оценку проекта новой модели ИИ, междисциплинарное экспертное исследование, содержание которого должно включать экологический, экономический, медицинский, технологический, этический и другие компоненты (технико-правовую экспертизу) [6].

Очевидно, успешным, эффективным, безопасным правовое взаимодействие цифровых технологий с человеком посредством правовых инструментов будет при условии «обустройства» его ансамблем профессионально подготовленных специалистов. Возникает вопрос, кто может стать членом этого «ансамбля»? Какие усилия (организационные, финансовые, интеллектуальные и пр.) следует применить для адекватного реагирования на кадровые потребности в регулировании новой технологической реальности? Очевидно, что в связи с инновационным развитием и изменяющейся средой исследовательской и профессиональной практики, современное юридическое образование должно основываться на новых подходах к модели под-

готовки специалистов, включать более широкий спектр гуманитарных и технических знаний. В частности, речь идет о следующих подходах: междисциплинарном подходе, формировании у выпускников интегративного мировоззрения: осознании интерактивности социальных и технологических систем, комплексной картины их видения и нормативного регулирования. Подход «human rights approach» («подход, основанный на правах человека»), достаточно новый подход международной и европейской политики, предписывающий осуществлять все виды государственной и общественной деятельности с позиции соблюдения принципа прав человека. Подход, основанный на IT-подготовке: включении в образовательную программу блока учебных дисциплин по Основам информационных технологий с целью формирования навыков использования методов искусственного интеллекта, цифровых инструментов в юридической практике. Юридическое образование в любой стране – индикатор социального образа государства, а юристы – проводники государственной правовой политики и активные акторы публичной сферы. Юридическое образование может быть представлено в различных моделях и конфигурациях, но процесс его реформирования должен основываться на новой – междисциплинарной парадигме.

Заключение. Мир, юридический в том числе, ожидает глобальное переформатирование. Вызовы современных технологий, ожидание положительных эффектов их применения и готовность предотвратить негативные, нежелательные последствия вынуждают академическое, научное мировое сообщество сосредоточить свое внимание на праве, правовых инструментах, как на основных регулирующих механизмах новой технологической реальности. Консолидация ученых различного профиля, гуманитарного и технического, диалог между юридическими и технологическими корпорациями необходим. Предстоит решить многие теоретико-правовые проблемы: реконструировать правовые понятия, категории, концепции; усовершенствовать механизм правового регулирования; модернизировать процесс правотворческой деятельности, расширить круг участвующих в нем акторов, признать юридическую общеобязательность норм, создаваемых технологическими сообществами, использовать опыт международных корпораций; модернизировать юридическое образование и совершить ряд других исследовательских действий. Оценивая потенциальные последствия будущих технологических достижений, признавая неизбежность юридических споров и дискуссий, автор приглашает к всестороннему междисциплинарному обсуждению проблемы: человек и «машины» в техно-социо-экономико-экологическом обществе.

Список литературы

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект. Этико-правовые основы: Монография. М.: Проспект, 2021. 176 с.
2. Закон Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З (в ред. 5 января 2022 г. № 148-З) «О техническом нормировании и стандартизации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10400262> (дата обращения: 15.09.2022).

3. Лоцманов А. Н. Техническое право: о системных причинах кризисных явлений в ходе российской технической реформы // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 15. URL: [file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/tehnicheskoe-pravo-o-sistemnyh-prichinah-krizisnyh-yavleniy-v-hode-rossiyskoy-tehnicheskoy-reformy%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/tehnicheskoe-pravo-o-sistemnyh-prichinah-krizisnyh-yavleniy-v-hode-rossiyskoy-tehnicheskoy-reformy%20(3).pdf) (дата обращения: 15.09.2022).
4. Минбалеев А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 4. С. 85.
5. Соколова А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: междисциплинарная модель познания // Юридическая техника. Ежегодник, «Юридические инновации: доктрина, практика, техника». 2021. № 15. С. 245–249.
6. Соколова А. А. Техничко-правовая экспертиза в эпоху современных технологий // Юридическая техника. «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)». 2022. № 16. С. 359–364.
7. Тихомиров Ю., Нанба С. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Право. Т. 11, Вып. 3. С. 532–549. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.301> (дата обращения: 12.09.2022).
8. Филипова И. А. Стратегия развития искусственного интеллекта и последствия ее реализации для трудового права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Право. 2022. Т. 13, Вып. 1. С. 5–27. URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/6409/9228> (дата обращения: 13.09.2022).
9. IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers). URL: <https://www.ieee.org/> (дата обращения: 08.09.2022).
10. Helbing D. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. 2011, available at: URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (дата обращения: 06.09.2022).
11. ITechLaw. URL: <https://www.itechlaw.org/about> (дата обращения: 14.09.2022).
12. OECD AI Policy Observatory. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 08.09.2022).
13. Legal Career Path. URL: <https://legalcareerpath.com/technology-law/> (дата обращения: 14.09.2022).
14. Smith M. Technology Law: Cases, Commentary and Materials. An essential resource on technology regulation in Australia. Chatswood, NSW: LexisNexis Australia, 2022, available at: URL: https://store.lexisnexis.com.au/products/technology-law-cases-commentary-and-materials-skutechnology_law_cases_commentary_and_materials (дата обращения: 14.09.2022).

С. В. Соловкин,

аспирант,

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В ЭПОХУ КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ

Аннотация. Обладая некоторыми достоинствами, обработка цифровых следов тем не менее может представлять угрозу для прав и интересов физических лиц. Повсеместное использование киберфизических систем и возникновение новых цифровых сред обуславливает необходимость расширения понятия «цифровой след физического лица» и разработки соответствующего правового регулирования в рамках информационного права России. В работе предложено широкое толкование понятия «цифровой след» для целей его легального закрепления и применения в долгосрочной перспективе, а также даны рекомендации по выстраиванию соответствующего регулирования на законодательном и подзаконном уровнях.

Ключевые слова: цифровые следы; персональные данные; киберфизические системы; защита данных; информационные технологии; искусственный интеллект; цифровая среда; умная среда; умный город

DIGITAL FOOTPRINTS IN THE ERA OF CYBER-PHYSICAL SYSTEMS: RETHINKING OF CONCEPT AND SIGNIFICANCE FOR DATA PROTECTION

Abstract. While providing obvious benefits, digital footprint processing can pose a threat to rights and interests of individuals. The ubiquitous use of cyber-physical systems and the emergence of new digital environments necessitate a wider meaning for the concept of an “individual’s digital footprint” and appropriate adjustments to information law regulation. This paper proposes a wider definition of a “digital footprint” concept to be incorporated into the legal framework, as well as gives recommendations as regards the creation of necessary laws and by-laws.

Keywords: Digital footprints; Personal data; Cyber-physical systems; Data protection; Information technologies; Artificial intelligence; Digital environment; Smart environment; Smart city

Введение и постановка проблемы. Традиционное значение понятия «цифровой след» состоит в накапливаемом в цифровом пространстве массиве информации о совершенных человеком действиях. Накопление цифрового следа является следствием цифрового присутствия физических лиц. Такое присутствие состоит как в целенаправленных действиях человека по размещению информации в свободном доступе, например, в активном ведении социальных сетей, публикации отзывов, коммуникации с другими пользователями посредством персональной учетной записи и т.д. (так накапливается активный цифровой след), так и в иных

действиях пользователей, которые своей первоочередной целью не ставят предоставление каких-либо сведений третьим лицам, но фактически приводят к этому, например, в веб-серфинге с учетом сохранения на интернет-сайтах информации о пользовательской активности, метаданных (так накапливается пассивный цифровой след или цифровая тень) [15].

Важно отметить, что цифровой след человека может быть, как общедоступным, накапливаемым преимущественно в виде активного цифрового следа, так и ограниченным в доступе третьих лиц, накапливаемым преимущественно в виде пассивного цифрового следа [3. С. 84].

Бесспорным достоинством цифрового следа является персонализация предлагаемых пользователю товаров, сервисов и рекламы, что делает процессы использования различных информационных ресурсов, а также потребление благ более удобными и полезными. Кроме того, с позиции правоохранительных органов цифровые следы не только помогают в раскрытии уже совершенных правонарушений, но и потенциально позволяют предотвращать и пресекать неправомерную деятельность на ранних стадиях [2; 16]. Анализ научной литературы показывает, что тема цифровых следов активно изучается также в сфере образования, кредитно-финансовой сфере и других областях деятельности.

Однако, наряду с достоинствами, накопление цифрового следа также несет с собой потенциальную опасность для прав и интересов физических лиц. Так, сбор и аналитика цифрового следа физических лиц открывают простор для разнообразных недобросовестных практик социальной инженерии [14], в частности, позволяют не только устанавливать паттерны поведения людей, но и прогнозировать, а также, вероятно, влиять на них при наличии соответствующих рычагов воздействия (самый простой пример – таргетированная реклама) и использовать полученные данные в противоправных целях [5].

С юридической точки зрения правовая система России выработала относительно действенные механизмы обеспечения и защиты прав физических лиц в части сбора, использования и иной обработки их персональных данных.

Вместе с тем происходящая сегодня цифровая трансформация всех сфер жизни общества приводит к возникновению и активному использованию физическими и юридическими лицами, а также государственными органами новых цифровых сред в том числе, дополненной/виртуальной реальности, метавселенных, а также различных киберфизических систем, под которыми понимаются сложные комплексы синергетически и взаимно интегрированных цифровых и физических элементов, которые, среди прочего, активно извлекают и обрабатывают данные, в том числе из окружающей среды, и используют их для осуществления какой-либо деятельности, принятия решений, эффективного управления и др. Уже сегодня можно привести примеры существующих простых киберфизических систем (например, Интернет вещей, фитнес-трекеры) и сложных киберфизических систем (управляемые искусственным интеллектом системы видеонаблюдения в городских пространствах и умные города в целом). В результате взаимодействия людей с традиционными цифровыми средами и с такими системами возникают связанные с людьми данные, не являющиеся персональными. Для обозначения таких

персональных данных и иных данных, связанных с людьми, будем использовать термин «данные о человеке».

С учетом вышеизложенного считаем необходимым поставить следующие проблемные вопросы:

1. Необходимо ли расширить понятие «цифровой след», дополнив его данными о человеке, извлекаемыми и используемыми при взаимодействии физических лиц и новых цифровых сред, в т.ч. киберфизических систем?

2. Насколько законодательство о персональных данных применимо для целей защиты цифровых следов физических лиц?

Цифровые следы и киберфизические системы. Многие исследователи занимают весьма радикальную позицию, описывая цифровое будущее, которое может сложиться в ближайшей перспективе. Так, авторы «Онлайф Манифеста» (The Onlife Manifesto) отмечают, что информационные технологии, активно влияя на все сферы жизни общества, приведут к возникновению гиперсвязанного мира (hyperconnected world), в котором окажутся размытыми границы между реальным и виртуальным, между человеком, машиной и природой [21]. В литературе также разрабатывается теория датификации жизни, согласно которой весь мир и происходящие в нем процессы будут отражены в данных, которые будут собираться и обрабатываться везде и всегда [19], а также концепция повсеместного применения структур (систем), управляемых данными (data-driven agency), то есть особого типа искусственного интеллекта, основанного на обработке огромных объемов цифровых данных и способного воспринимать окружающую среду, воздействовать на нее [18].

Высказываемые предположения могут быть сведены к утверждению о том, что в будущем общество будет существовать в цифровой интеллектуальной среде, имеющей тенденцию повсеместно извлекать данные из реального мира, адаптироваться в режиме реального времени к пользователям, а также прогнозировать их поведение и, вероятно, управлять ими [20]. Такая цифровая среда будет наполнена киберфизическими системами.

Безусловно, данные взгляды подвергаются обоснованной критике со стороны научного сообщества, полагающего указанные предположения весьма экзотичными, не отвечающими реальным технологическим условиям [17].

Вместе с тем представляется, что непозволительно недооценивать предлагаемые в доктрине сценарии технологического развития общества. Соответствующим примером может послужить реализуемая в Москве программа умного города. Она подтверждает, что городское пространство российской столицы уже можно отнести к категории «умная среда» (smart environment), в которой собираемые и обрабатываемые данные играют колоссальную роль. Так, информация о передвижениях и местонахождении жителей (а значит, и о местах, времени и продолжительности посещения, траекториях, паттернах перемещения) собирается посредством разветвленной и обширной системы городского видеонаблюдения (более 160 тысяч камер), публичных сетей wi-fi, умного транспорта (в том числе технологии face-pay, реализованной в московском метрополитене); существенная часть взаимодействия с государственными органами и учреждениями, подразумевающего использование данных о человеке, осуществляется в режиме онлайн посредством

специальных платформ (сайт Госуслуг, портал mos.ru и др.); образовательный процесс, затрагивающий данные школьников, осуществляется с применением платформы «Московская электронная школа» [13]. Полагаем, что многие из реализуемых в Москве систем можно отнести к киберфизическим, в частности, если говорить о системе наблюдения за передвижением людей посредством камер, сетей сотовой связи и wi-fi сетей, а также иных технологических средств.

Собираются ли данные о людях при их взаимодействии с киберфизическими системами? Безусловно. Более того, эти данные накапливаются и обрабатываются.

Представляется, что ключевые операторы указанных процессов – это государственные органы и организации. Однако, помимо государственных, применяются и системы, принадлежащие частным лицам, к которым можно отнести сотовых операторов, провайдеров продуктов категории «умный дом» и товаров Интернета вещей в целом, частных владельцев систем видеонаблюдения и др. Все указанные лица накапливают данные о людях (пусть даже и не идентифицируя их во всех ситуациях) и могут использовать их в собственных интересах.

Полагаем, что в современных условиях возникновения «умной среды» и активного использования киберфизических систем необходимо концептуально переосмыслить категорию «цифровой след» и вывести его за рамки традиционной цифровой среды. Классическое понимание цифрового следа предлагается квалифицировать как цифровой след в узком смысле (или в собственном смысле), то есть данные о человеке, накапливаемые при использовании сети «Интернет» и цифровых платформ. При этом цифровой след в широком смысле дополнительно включает в себя данные о человеке, накапливаемые при взаимодействии физических лиц и новых цифровых сред, в первую очередь, киберфизических систем. Тем самым, цифровой след пользователя социальной сети будет приравнен к цифровому следу жителя умного города, указанные категории должны восприниматься как однопорядковые.

Широкое толкование понятия «цифровой след» также поддерживает коллектив авторов пособия «Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования» [15], однако они опять же упускают, что сегодня и в ближайшем будущем цифровые следы физических лиц фактически выйдут за границы традиционных цифровых сред.

Переосмысление понятия «цифровой след» посредством указанного расширения представляется не исключительно формальной, а сущностной задачей. Как будет показано далее, понятие цифровых следов тесно соседствует с категорией «персональные данные», а правовое регулирование процессов обработки персональных данных является достаточно разработанным и относительно эффективным для целей обеспечения и защиты прав физических лиц на данные о них. Однако сегодня отсутствует объективная возможность утверждать о том, что физические лица защищены при обработке их цифрового следа, что свидетельствует о наличии правового пробела, нуждающегося в восполнении.

Таким образом, регулирование процессов, связанных со сбором и обработкой цифровых следов (данных о человеке), должно выстраиваться единообразно для цифровых следов как в узком, так и в широком смысле этого понятия.

Цифровые следы и законодательство о персональных данных. Понятие цифрового следа в целом знакомо российскому законодательству и судебной практике. В частности, данное понятие упоминается в некоторых подзаконных актах и документах Правительства РФ [10], Минтруда России [7; 8], Минспорта России [9], Минобрнауки России [6] и других органов.

Вместе с тем в контексте персональных данных цифровые следы упоминаются лишь в Методических рекомендациях по организационной защите физическим лицом своих персональных данных, подготовленных Консультативным советом при Роскомнадзоре. Совет подготовил указанные рекомендации для «снижения рисков безопасности в условиях «транзитного мира» и эффективного перехода к цифровой эпохе» в целях просвещения населения [5]. Среди прочего, указанный документ содержит определения многих терминов, в том числе «цифровой след», «цифровая тень», «цифровое присутствие».

Вопросы обработки цифровых следов и защиты данных физических лиц трагируются в отечественной правовой доктрине.

Позиция И. М. Рассолова, С. Г. Чубуковой и И. В. Микуровой приводит к выводу о том, что персональные данные и цифровые следы являются смежными категориями, их предметы пересекаются и напрямую связаны с процессами идентификации человека [11].

А. Ю. Романова указывает, что цифровые следы физических лиц могут содержать персональные данные, а обработка цифровых следов осуществляется без контроля субъекта, что составляет угрозу его безопасности [12].

А. В. Гапанович, исходя из узкого толкования цифрового следа и цифровой тени – в границах традиционных цифровых сред, – квалифицирует их как персональные данные физических лиц [1].

Е. А. Кириллова отмечает, что кроме личной информации заинтересованные компании могут получать информацию и о передвижениях, транзакциях и других действиях, при которых личные данные не используются, но используются другие идентификаторы, в которых заинтересованы сервисы бизнеса [4].

Коллектив авторов пособия «Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования» полагает, что модель правового регулирования цифрового следа граждан должна развиваться в направлении ограничения нежелательного воздействия на пользователя [15].

Представляется, что цифровые следы в широком смысле и персональные данные как категории лишь пересекаются, то есть цифровой след может содержать персональные данные по смыслу действующего законодательства, но помимо них могут накапливаться и иные данные о людях, не подпадающие под понятие персональных данных. Так, система видеонаблюдения общественного пространства, снабженная искусственным интеллектом, не фиксируя изображения конкретных людей, может собирать данные о том, какие категории посетителей присутствуют в месте в определенное время, сколько времени они там присутствуют, какие траектории движения выстраиваются, на основе чего она может строить прогнозы и делать выводы для дальнейшего принятия уполномоченными лицами управленческих решений.

Таким образом, та часть цифровых следов, которая содержит персональные данные, подпадает под соответствующее регулирование и, значит, в данной части права и интересы физических лиц можно считать обеспеченными.

Вместе с тем законодательство о персональных данных не должно применяться к процессам обработки цифровых следов, как минимум, ввиду предметного различия. Следовательно, возникает потребность в выстраивании правового регулирования процессов обработки цифровых следов, в том числе установления способов правовой защиты в ситуациях обработки цифровых следов в части, не содержащей персональные данные.

В первую очередь, считаем необходимым закрепить правовую конструкцию цифрового следа (в широком смысле) в действующем законодательстве об информации, дав ей легальное определение, а также определив критерии отнесения данных к цифровому следу. Среди таких критериев можно указать следующие: возникшие (собранные) и существующие в цифровом виде данные, полученные в результате использования физическим лицом информационно-телекоммуникационных сетей, сетей связи, информационных ресурсов и технологий (систем, продуктов, сервисов и др.), а также в результате умышленного или неумышленного взаимодействия физического лица с технологическими системами, извлекающими данные посредством анализа окружающей среды, не относящиеся к персональным данным, но связанные с физическим лицом. Кроме того, необходимо определить статусы оператора цифровых следов и лица, связанного с цифровым следом, в результате действий которого цифровой след возник.

Далее, полагаем необходимым обеспечить принцип открытости процессов обработки цифровых следов государственными органами и организациями, частными физическими и юридическими лицами. Для этого необходимо обязать указанных лиц публиковать на своих информационных ресурсах состав обрабатываемых данных о физических лицах, формирующих цифровые следы, а также цели и способы сбора и аналитики цифровых следов, сроки их хранения и другие аспекты обработки.

Кроме того, необходимо определить способы защиты прав и интересов физических лиц, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, нарушенных в результате обработки их цифровых следов. Среди таких способов могут быть указаны не только взыскание убытков и компенсации морального вреда, но и иные способы, например, возможность взыскания компенсации, аналогичной компенсации за нарушение исключительных прав на некоторые результаты интеллектуальной деятельности.

Уполномоченным органом по обеспечению прав и интересов физических лиц в ситуациях обработки цифровых следов считаем необходимым определить Роскомнадзор. Указанному органу под руководством Минцифры России рекомендуется выработать основы подзаконного регулирования отношений в сфере обработки цифровых следов и соответствующей контрольно-надзорной деятельности. В частности, рекомендуется определить примерный перечень технологий (в широком смысле), при взаимодействии с которыми могут появляться цифровые следы, а также определить перечень основных угроз безопасности физических

лиц, которые могут иметь место при обработке цифровых следов. При возникновении таких случаев на практике от операторов цифровых следов необходимо требовать прекращения обработки цифровых следов до момента устранения соответствующей угрозы. Для случаев установления фактов обработки цифровых следов в отсутствие опубликования соответствующей информации рекомендуется определить конкретные меры административной ответственности.

Заключение. С учетом вышеизложенного отметим следующее.

Цифровая трансформация общества влечет за собой внедрение информационных технологий во все сферы жизни. При этом данные, в том числе связанные с физическими лицами, становятся одним из ключевых факторов развития, ведения бизнеса, принятия решений и т.д. Такие данные генерируются и обрабатываются, среди прочего, киберфизическими системами, с которыми взаимодействуют физические лица.

Возникновение новых цифровых сред приводит к необходимости переосмысления традиционного понятия цифрового следа для целей обеспечения прав и интересов физических лиц. В настоящей работе предложен способ расширительного толкования указанного понятия, расширения его смысла с учетом новой реальности и прогнозируемого технологического будущего.

Законодательство о персональных данных не должно иметь своей дополнительной целью регулирование отношений по обработке цифровых следов физических лиц, поскольку категории «персональные данные» и «цифровые следы» являются пересекающимися, но не взаимозаменяемыми. В этой связи предложено разработать специальное регулирование процессов обработки цифровых следов в рамках информационного права России.

Выработка данного регулирования должна осуществляться при тесном взаимодействии государственных органов и представителей соответствующих отраслей бизнеса, а также представителей общественности для построения содержательного диалога и выработки эффективного регулирования для его применения в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Гапанович А. В. Цифровые следы и цифровые тени: правовая квалификация // Юрист. 2022. № 6. С. 2–7.
2. Жижилева А. А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 913–918.
3. Зайцева С. А., Смирнов В. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79–87.
4. Кириллова Е. А. Правовой статус и принципы использования технологии больших данных (Big Data) // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 68–69.
5. Методические рекомендации по организационной защите физическим лицом своих персональных данных (подготовлены Консультативным советом при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных). URL: <https://pd.rkn.gov.ru/library/p195/> (дата обращения: 18.09.2022).

6. Письмо Минобрнауки России от 25.07.2019 № МН-296/ДС «О цифровизации образования» // СПС КонсультантПлюс.
7. Приказ Минтруда России от 26.10.2020 № 744 «Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования» // СПС КонсультантПлюс.
8. Приказ Минтруда России от 09.07.2021 № 462н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа"» // СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ Минспорта России от 24.09.2021 № 730 // СПС КонсультантПлюс.
10. Распоряжение Правительства РФ от 06.02.2021 № 255-р «Об утверждении Концепции подготовки кадров для транспортного комплекса до 2035 года» // СПС КонсультантПлюс.
11. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Анализ возможного применения к регулированию отношений по поводу генетической информации институтов персональных данных, личной тайны, врачебной тайны // Lex russica. 2020. № 4. С. 143-151.
12. Романова А. Ю. Правовое регулирование общедоступных данных в законодательстве зарубежных стран // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 65-70.
13. Слияние реального и виртуального. Как работает умный город? Информационные технологии в Москве. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/smartcity/> (дата обращения: 18.09.2022).
14. Соловкин С. В. Обеспечение прав физических лиц при автоматизированном извлечении (скрейпинге) персональных данных в сети Интернет // Роль права в обеспечении благополучия человека: сборник докладов XI Московской юридической недели: XX Международная научно-практическая конференция XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 5 ч. Москва, 23-26 ноября 2021 г. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 472-475.
15. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
16. Цифровые следы преступлений / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: ООО «Проспект», 2021. 168 с.
17. Gellert R. Personal data's ever-expanding scope in smart environments and possible path(s) for regulating emerging digital technologies // International Data Privacy Law. 2021. Vol. 11, № 2. P. 196-208.
18. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Edward Elgar Publishing, 2016. 296 p.; Hildebrandt M. Law as Information in the Era of Data-Driven Agency: Law as Information // The Modern Law Review. 2016. Vol. 79, № 1. Pp. 1-30.

19. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution that Will Transform how We Live, Work, and Think. Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 242 p.

20. Purtova N. The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law // Law, Innovation and Technology. 2018. Vol. 10. № 1. Pp. 40-81.

21. The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era / Ed. Floridi L. Springer Open, Cham, 2015. 264 p.

П. В. Соловьев,

старший преподаватель,

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРИНЦИПА НАУЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. В статье исследуются возможные направления развития механизма реализации нормотворческого принципа научности через использование достижений цифровизации государства и права. Обосновано внедрение открытого электронного банка данных нормотворческих предложений ученых, краудсорсинговых технологий во взаимодействии научного сообщества и нормотворческих органов по вопросам подготовки и экспертной оценке нормативных правовых актов. Также обращено внимание на обеспечение информационной открытости научной деятельности в нормотворчестве.

Ключевые слова: правотворчество, цифровизация правотворчества, нормотворческая деятельность, принципы нормотворчества, принцип научности, правовая наука, краудсорсинговые технологии

IMPLEMENTATION OF PRINCIPLE OF SCIENCE IN RULE-MAKING FROM POSITION OF DIGITALIZATION OF STATE AND LAW

Abstract. The article explores the directions of development of the mechanism for implementing the rule-making principle of science through the use of elements of digitalization of the state and law. There is a proposal for an open electronic database of scientists' rule-making proposals, for crowdsourcing technologies in the interaction of the scientific community and rule-making bodies on the preparation and peer review of legal acts. The article also contains a proposal on the information openness of scientific activity in rule-making.

Keywords: Law-making, Digitalization of law-making, Rule-making activity, Principles of rule-making, Principle of science, Legal science, Crowdsourcing technologies

Сегодня правовое регулирования должно оперативно реагировать на постоянную динамику общественных отношений. Возникают новые, усложняются и изменяются существующие общественных отношений. Правовое регулирование в таких условиях требует от субъектов права, вовлеченных в нормотворче-

скую деятельность, высокого научного и профессионального уровня подготовки. Нормотворчество становится интеллектуально емким видом юридической деятельности. В этой связи в систему основных принципов нормотворчества включается принцип научности, актуализируется вопрос о механизмах его реализации. Как представляется, ряд направлений воплощения данного принципа в нормотворческой практике следует развивать с учетом современных достижений в цифровизации государства и права.

Нормотворческий принцип научности – это осуществление нормотворческой деятельности во взаимодействии с юридической и иными науками в целях принятия научно обоснованных нормотворческих решений, отражения в нормативных правовых актах современных достижений науки.

Данный принцип является частью развивающейся в настоящее время концепции доказательной политики (англ. evidence-based policy) [3. С. 92], которая предполагает осуществление государственной политики (в т.ч. и нормотворческой деятельности) на основе результатов научных исследований, с использованием научно обоснованных фактов. В основе данной концепции лежит тезис о том, что такое осуществление государственной политики призвано повысить его качество и минимизировать негативные последствия субъективных, идеологически ангажированных и тому подобных решений. Это актуализирует необходимость правового и организационного обеспечения механизмов реализации нормотворческого принципа научности, поскольку напрямую связано с обеспечением конституционного права граждан на хорошее управление (англ. right to good administration).

Помимо доктринального признания нормотворческий принцип научности имеет тенденцию к нормативному признанию в законодательстве о нормотворческой деятельности в странах-участниках СНГ. Например, ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» [1] включает научность в перечень основных принципов нормотворческой деятельности и называет ряд направлений по реализации принципа научности: 1) вовлечение научного сообщества в нормотворческую деятельность и использование результатов научных исследований при разработке и экспертизе проектов нормативных правовых актов; 2) использование научно обоснованного планирования в нормотворческом процессе; 3) использование научно обоснованного прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов. Ряд других положений указанного Закона закрепляют нормы, также направленные на реализацию принципа научности в нормотворчестве: учет результатов научных исследований при подготовке планов проектов нормативных правовых актов (ст. 38); учет результатов научных исследований в области права при подготовке проектов нормативных правовых актов или их концепций (ст. 42, 43) и др.

С позиций цифровизации государства и права можно предложить ряд новых направлений реализации принципа научности в нормотворчестве.

1. Реализация принципа научности на стадии нормотворческой инициативы предполагает наличие и функционирование правовых механизмов, позволяющих научному сообществу направлять свои предложения в нормотворческие органы

через субъектов нормотворческой инициативы или самим выступать субъектом нормотворческой инициативы.

Например, в Республике Беларусь данный механизм закреплен в ст. 40 Закона «О нормативных правовых актах», которая допускает признание в качестве субъектов нормотворческой инициативы как различные научные организации, так и отдельных ученых. При этом, если данные лица не являются субъектами нормотворческой инициативы в некоторых видах нормотворческого процесса, то они имеют права вносить проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения через субъектов, которые таковыми являются. Данное правило применяется в законотворческом процессе.

В целях усиления взаимодействия научного сообщества с нормотворческими органами видится разумным создание открытого электронного банка данных нормотворческих предложений ученых. Открытый банк данных нормотворческих предложений ученых будет системно (например, по отраслям законодательства и (или) в привязке к конкретному нормативному правовому акту) аккумулировать в себе проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учеными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения. Использование данного банка данных нормотворческими органами при планировании нормотворческой деятельности, подготовке нормотворческих инициатив и при разработке проектов нормативных правовых актов будет способствовать реализации принципа научности и в конечном счете должно повысить качество нормотворческой деятельности. В свою очередь открытость такого банка данных также окажет позитивное воздействие на развитие правовой науки в части разработки предложений по совершенствованию законодательства: предложения будут подвергаться научному обсуждению, будут проводиться дальнейшие научные изыскания. С позиций государственной поддержки науки банк данных нормотворческих предложений ученых может стать одним из инструментов более эффективного распределения грантов на выполнение исследований в области права.

2. В нормотворческой доктрине основной стадией, где происходит воплощение принципа научности в жизнь, считается подготовка проекта нормативного правового акта. Здесь реализация принципа научности может осуществляться через участие представителей научного сообщества в разработке проектов нормативных правовых актов (как в качестве членов рабочих групп, консультантов и т.д., так и в качестве самостоятельных авторов).

Как представляется, потенциал принципа научности может быть раскрыт через внедрение краудсорсинговых технологий. Краудсорсинг – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на базе информационных технологий, что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью. Краудсорсинг имеет множество граней – это и инструмент решения сложных проблем и задач; также новая форма организации труда или форма занятости; при этом инструмент генерации креатива,

инноваций, поиска и сбора больших данных; главным образом, социальная технология гражданского участия и открытого правительства [2. с. 86]

Видится необходимым внедрения краудсорсинговых технологий во взаимодействие государства и научного сообщества в сфере нормотворческой деятельности. Необходимо реализовать новую систему взаимодействия субъектов нормотворчества, предусматривающую совместное осуществление нормотворческой деятельности (ученые и государственные органы), в том числе на стадиях нормотворческой инициативы, планирования и подготовки проекта. Это может быть специализированный портал обсуждения проектов, которые позволяют голосовать за или против проекта в целом, его отдельные статьи, размещать замечания по проекту, формулировать к проекту предложения, которые также могут быть оценены другими пользователями-учеными.

3. Реализация принципа научности может быть усовершенствована также путем усиления взаимосвязи с нормотворческим принципом гласности. Он предполагает информационную открытость нормотворческого процесса на всех стадиях, и в современных условиях цифровизации государства и права информация должна предоставляться на условиях бесплатности, оперативности, удобства.

В этой связи можно предложить обеспечение доступности для общественности текстов предложений и замечаний, направленных представителями научного сообщества в процессе работы над проектом, экспертных заключений по проекту, прогнозов предполагаемых последствий принятия нормативного правового акта и т. п. Такая информация могла бы представлять собой самостоятельный общедоступный электронный банк данных, взаимосвязанный с государственной системой правовой информации.

Подобный подход будет способствовать проведению дальнейших научных исследований по совершенствованию законодательства, а также должен оказать позитивное воздействие на формирование правоприменительной практики, которая проектировалась в процессе создания нормативного правового акта. Главным образом, реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом гласности будет способствовать воплощению в жизнь принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности. Открытость сведений о научных организациях (ученых), принимавших участие в разработке и экспертной оценке проекта, доступность текстов проектов и замечаний, предложенных учеными в процессе разработки нормативного правового акта, будут выступать одним из механизмов, обеспечивающих реализацию принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности, поскольку работа ученых будет подвергнута общественной оценке. Такая система дополнительно стимулирует представителей научного сообщества, включенных в нормотворческий процесс, выполнять свои обязательства надлежащим образом. В этой связи актуализируется вопрос о развитии конституционно-правовой ответственности в сфере нормотворчества.

В заключении отметим, что с конституционно-правовых позиций реализация принципа научности в нормотворчестве – это один из ресурсов, обеспечивающих устойчивое конституционно-правовое развитие государства. Нормотворческая деятельность без опережающего научного обеспечения продуцирует дефектные

нормативно-правовые решения, что в конечном счете оказывает негативное воздействие на конституционный правопорядок, на реализацию конституционных прав и свобод граждан и личности, прав и законных интересов организаций, на порядок функционирования государственной власти и т.п. В этой связи должны использоваться все имеющиеся достижения цифровизации государства и права.

Список литературы

1. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
2. Сафиуллин М. Р., Бурганов Р. Т., Бурганова А. Р. Краудсорсинг как новый драйвер цифровой экономики и инструмент гармонизации интересов участников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. № 1. С. 85–112.
3. Шахрай И. С. Филиппенко Е. П. Формы участия ученых в нормотворческой деятельности: проблемы правового закрепления и перспективы развития // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. В 2 т. Т. 2 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-ут экономики НАН Беларуси; ред. кол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2019. С. 92–97.

С. П. Степкин,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДАЧИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье анализируются проблемы регламентации подачи обращений граждан в социальных сетях, статистика, труды специалистов и ученых, а также судебная практика. Несмотря на развитие информационных технологий, граждане продолжают предпочитать личное общение с чиновниками. Автором отмечаются случаи недобросовестного поведения граждан в социальных сетях, необходимость аутентификации и идентификации пользователей, размещающих сообщения, а также нецелесообразность признания сообщений, размещаемых в социальных сетях обращениями, при этом, не отрицая их важность в качестве барометра настроений общества. Публикация подготовлена на основе общенаучного диалектического метода. Специальными методами, использованными при подготовке публикации, являются: системно-структурный, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой. Под обращениями граждан в настоящей статье подразумеваются обращения граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц.

Ключевые слова: обращения граждан, право на обращение, социальные сети, троллинг, кибербуллинг, хейтинг, дискредитация в Интернет, обращения в соцсетях

LEGAL PROBLEMS OF SUBMITTING CITIZENS' APPEALS IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. In the article, the author analyzes the problems of regulating the submission of citizens' appeals in social networks, statistics, the works of specialists and scientists, as well as judicial practice. Despite the development of information technology, citizens continue to prefer personal communication with officials. The author notes cases of unfair behavior of citizens in social networks, the need for authentication and identification of users posting messages, as well as the inexpediency of recognizing messages posted on social networks as appeals, while not denying their importance as a barometer of public sentiment. The publication was prepared on the basis of the general scientific dialectical method. The special methods used in the preparation of the publication are: system-structural, formal-legal, logical and comparative-legal. The appeals of citizens in this article mean appeals of citizens, associations of citizens, including legal entities.

Keywords: Appeals of citizens, The right to appeal, Social networks, Trolling, cyberbullying, Heiting, Discrediting on the Internet, Appeals in social networks.

В современном мире большинство людей уже не может представить свою жизнь без информационных технологий и конечно без использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Эта сеть открыла гражданам возможность в любое время и практически из любого уголка планеты использовать средства коммуникации с государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами, осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами. Сегодня через нее можно подать обращение в форме электронного документа на сайте органа, через «Единый портал государственных и муниципальных услуг», в некоторых органах и организациях по электронной почте, а также вступить в коммуникацию с чиновниками в социальных сетях и даже по смс. Количество российских аккаунтов социальных сетей превышает 900 млн [8].

Популярность информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не вызывает сомнений даже с учетом отключения ряда платформ, в том числе зарубежных, постоянно появляются новые. По состоянию на 2019 г., 81 % граждан входят в сеть «Интернет», из них 65 % делают это ежедневно. В связи с этим Институтом развития Интернета анонсировано централизованное обучение, где чиновников научат «вести официальные сообщества в соцсетях, отвечать на обращения пользователей, в том числе на жалобы» [9], ведь их количество стремительно растет из года в год.

Согласно опросу, проведенному редакцией «Парламентская газета», 44,7 % граждан предпочтут общаться с чиновниками во время личных приемов и встреч, 10,5 % граждан предпочтут общение с чиновником в социальных сетях, 5,3 % – через СМИ и 2,6 % – используя письменные обращения [9]. Показатель в более 10 % хоть и уступает востребованности личных контактов, но свидетельствует о популярности социальных сетей, как площадок для общения с чиновниками.

Ю. Ю. Лекторова и А. Ю. Прудников проводя мониторинг обращений граждан в системе связей с общественностью в органах власти, считают площадки сообществ в социальных сетях вспомогательным электронным ресурсом для приема обращений граждан и относят его к одной из трех моделей подачи обращений в электронной форме (первая – поддомен официального сайта, вторая – отдельный сайт интернет-приемной) [4]. В тоже время С. М. Зубарев и С. В. Сабаева справедливо считают, что размещенное в социальных сетях сообщение не является обращением в понимании Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [10] (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ), и соответственно выделение, как способа подачи обращения гражданина, размещение сообщения в социальных сетях является искусственным [3. С. 12–17].

Однако следует отметить, что размещение подобных сообщений является зачастую весьма эффективным способом решения вопросов граждан. Наиболее активно работающими с комментариями граждан в социальных сетях отмечены Росавтодор, Минэнерго России, ФАС России, Минобороны России и Роструд, при этом только 18 ведомств осуществляют такое взаимодействие по состоянию на 2021 г. [6].

В 2019 г. при помощи Цифровой платформы обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» (далее – ПОС), реализуемой в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» нацпроекта «Цифровая экономика», в социальных сетях выявлено 1 257 742 инцидентов, в 2020 г. – 2 458 971, в 2021 г. – 2 993 356. Из 5 млн обращений, поступивших в ПОС, по состоянию на 19 августа 2021 г. по 46% из них решения приняты в десятидневный срок [11].

В целях совершенствования развития коммуникаций с обществом в феврале 2022 г. депутатом Государственной Думы А. Е. Хинштейном был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части создания официальных страниц государственных органов, органов местного самоуправления или подведомственных организаций), зарегистрированный за № 68371-8. Согласно заявлений в СМИ [13] и пояснительной записки отмечается то, что официальных сайтов органов уже недостаточно, социальные сети более привычны и востребованы у граждан, их интерфейсы изучены и привычны населению, в связи с чем предлагалось обязать органы и организации создать и вести в социальных сетях свои официальные страницы с возможностью управления ими посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций). 29 июня 2022 г. законопроект получил новое наименование: «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», 30 июня закон принят Государственной Думой, 8 июля одобрен Советом Федерации, 14 июля т.г. подписан Президентом Российской Федерации и опубликован [13]. И если в тексте первоначально внесенного законопроекта стра-

нице давалось определение: «официальная страница государственного органа, органа местного самоуправления или подведомственной организации – персональная страница в информационных системах и (или) программах для электронных вычислительных машин, осуществление деятельности по обеспечению функционирования которых осуществляется организатором распространения информации в соответствии со статьей 10.1 настоящего Федерального закона, содержащая информацию о деятельности указанных органов и организаций», то в итоговом тексте документа она изменилась на: «официальная страница – персональная страница в определенных Правительством Российской Федерации информационных системах и (или) программах для электронных вычислительных машин, соответствующих требованиям, предусмотренным статьей 10⁶ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», созданная государственным органом, органом местного самоуправления или подведомственной организацией и содержащая информацию об их деятельности.» [14]. Безусловно, такое законодательное введение нового понятия «официальная страница» является важным шагом вперед, однако, ни первоначальный, ни итоговый тексты не содержат прямых указаний на социальные сети, а перечень систем и программ предстоит утвердить Правительству Российской Федерации. Таким образом, законодатель ушел от прямого регулирования, но в тоже время дополнил статью 10 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ) частью 1.2 согласно которой: «Государственные органы, органы местного самоуправления и подведомственные организации осуществляют размещение информации на своих официальных страницах, получают доступ к информации, размещаемой на официальных страницах, и осуществляют взаимодействие с пользователями информацией на официальных страницах...». Порядок такого взаимодействия также не определен, но однозначно можно сказать, что эта норма касается пользователей информацией (запроса информации), а не обращений граждан.

Предполагалось, что создание страниц в социальных сетях позволит гражданам подавать свои обращения на этих страницах, получая на них ответы непосредственно в социальных сетях. Вместе с тем, социальные сети с одной стороны индивидуализируют и очеловечивают обращения граждан к конкретному лицу и создают иллюзию общения с чиновником в прямом диалоге, так как функцию поддержания общения в основном выполняют в лучшем случае помощники, и со временем ответы доходят до шаблонных, а в худшем искусственный интеллект. Но, с другой стороны, нужно понимать, что вступление в переписку с пользователями социальных сетей подразумевает общение в онлайн формате «вопрос-ответ» и любое промедление с ответом будет вызывать недовольство граждан, к кому же граждане, понимая отсутствие их аутентификации и идентификации в социальных сетях и возможность создать фейковый аккаунт, нередко злоупотребляют своими правами при общении в сети.

Практикующий адвокат Д.В. Медведев, рассматривая направление жалоб через социальные сети, отмечает неэффективность такого действия и создание чи-

новниками аккаунтов в социальных сетях, прежде всего, в целях освещения своей деятельности [15].

В современном мире с учетом восприятия гражданами соцсетей, как свою недостижимость и безнаказанность, сложность правового регулирования социальных сетей, активное распространение в них хейтинга («хейт» с англ. – «ненависть»), троллинга (форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении), кибербуллинга и т. п. в них не исключены провокации и издевательства.

Троллинг заключается в нарушении морально-этических и поведенческих норм и единственной целью ставит разжигание конфликта и дискредитацию собеседника. Изучению его распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» посвящены работы многих авторов: М. М. Акулич [1. С. 47–54], А. О. Мозговая [5. С. 119–131], Л. Н. Синельниковой [7. С. 17–27] и др. О распространенности троллинга и даже зарождении в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» некой троллинг-культуры указывают в своем исследовании Л. М. Гриценко и Т. А. Демидова [2. С. 29–42].

ЮНИСЕФ определяет кибербуллинг, как «запугивание и травлю с использованием цифровых технологий, цель которых напугать, разозлить или опозорить тех, кого преследуют» [16].

О «заказе» дискредитации в сети заявляли такие известные личности, как Мария Шукшина [17], певица Пелагея [18], блогер Надежда Стрелец [19] и др. О фиксации попыток дискредитировать главу муниципального образования жалобами в социальных сетях заявлял генеральный директор АНО «Диалог» А. Гореславский, являющийся разработчиком системы «Инцидент», позволяющей собирать и обрабатывать сообщения граждан в сети [20].

Обращения граждан по итогам прочитанных ими в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сообщениях о наличии у сенаторов, депутатов, государственных и муниципальных служащих иностранного гражданства, счетов в иностранных банках и т. д. ежемесячно рассылаются гражданами по различным органам, при этом ответственность за распространение таких сообщений никто не понес. Для борьбы с оскорбительными и агрессивными комментариями ряд СМИ вынужден использовать специальные инструменты [21].

Однако отсутствие официального статуса обращения у сообщений, размещаемых гражданами в социальных сетях, не препятствует их размещению в них и государство вынуждено на них реагировать, иное может привести к созданию и последующему взрыву социальной напряженности. Так в апреле 2018 г. в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных была внесена «Автоматизированная система управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент Менеджмент»» [22], которая обеспечила поиск, сбор и направление сообщений, обращений и комментариев граждан, открыто размещенных в социальных сетях, в различные органы, к компетенции которых отнесено их разрешение, после чего система размещает комментарий с результатом рассмотрения под сообщением гражданина. Сегодня эта информация передается в созданные в субъектах Российской Федерации Центры управления

регионами. Но проводится эта работа вне рамок Федерального закона № 59-ФЗ, что автору представляется верным.

Подводя итог настоящего исследования, приходится констатировать, что приведенная статистика свидетельствует о неготовности общества отдать преимущество общению с властью в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Большинство граждан предпочитают все-таки личное общение с чиновниками. А приведенные случаи недобросовестного поведения в сети говорят о неготовности части современного общества к конструктивному и корректному диалогу с властью на просторах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В связи с чем запрашивать информацию о деятельности органа в порядке Федерального закона № 8-ФЗ через социальные сети возможно, а вот реализация конституционного права на обращение, помимо способов прямо предусмотренных Федеральным законом № 59-ФЗ, при помощи социальных сетей, на взгляд автора, лишь дискредитирует данный институт. Совершенно очевидно, что случаям размещения в социальных сетях недостоверной и оскорбительной информации должно уделяться больше внимания со стороны правоохранительных органов, а вопрос обязательной идентификации и аутентификации пользователей социальных сетей, желающих размещать в них сообщения, требует правовой регламентации, и будет способствовать добросовестному поведению граждан в сети.

Список литературы

1. Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2012. № 8. С. 47–54.
2. Гриценко Л. М., Демидова Т. А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. – С. 29–42.
3. Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12–17.
4. Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю. Электронный мониторинг обращений граждан в системе связей с общественностью в органах власти // Медиаскоп. 2018. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2465> (дата обращения: 20.08.2022). DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.3
5. Мозговая А. О. Провокационные стратегии троллинг и хейтинг в немецкоязычных интернет-текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). – С. 119–131.
6. Нурмагомедова З., Качура М., Безручко Е. Каким ведомствам можно задать вопрос в социальных сетях и как долго придется ждать ответа // Журналист. – 2021. № 6. URL: <https://jrnlist.ru/feedback-2021> (дата обращения: 03.09.2022).
7. Синельникова Л. Н. Сетевой троллинг: попытка системного описания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 40. – С. 17–27.

8. Медиалогия. Мониторинг соцсетей и СМИ. URL: https://www.mlg.ru/about/pdf/MLG_For_PR_SMM.pdf (дата обращения: 27.08.2022).

9. Парламентская газета. Чиновники будут общаться с гражданами по-новому. URL: <https://www.pnp.ru/politics/chinovniki-budut-obshhatsya-s-grazhdanami-po-novomu.html> (дата обращения: 20.08.2022).

10. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. 05.05.2006. № 95.

11. Презентация Платформы обратной связи (ПОС). URL: <https://eos.ru/upload/od2021/Pos1.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

12. В Госдуме предложили обязать госорганы создавать страницы в соцсетях // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/02/2022/6204112a9a79471c0063c624>; В законодательстве может появиться норма, обязывающая органы власти создавать официальные паблики в соцсетях. Соответствующий законопроект мной внесен сегодня в Госдуму. URL: <https://t.me/Hinshtein/1805> (дата обращения: 23.08.2022).

13. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/68371-8> (дата обращения: 23.08.2022).

14. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 14.07.2022.

15. Главная причина не отправлять жалобы через социальные сети. URL: <https://www.9111.ru/questions/7777777771076090/> (дата обращения: 20.08.2022).

16. Юнисэф. Интернет-травля: что это такое и как с ней бороться? URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/Новостные-заметки/интернет-травля-что-это-такое-и-как-с-ней-бороться> (дата обращения: 23.08.2022).

17. Вести Подмосковья. Мария Шукшина утверждает, что ее «заказали». URL: https://vmo24.ru/news/mariya_shukshina_utverzhdet_chno_ee_zakazali (дата обращения: 23.08.2022).

18. Беларусь сегодня. Пелагея пожаловалась на фейки и заявила, что ее заказали. URL: <https://www.sb.by/articles/pelageya-pozhalovalas-na-feyki-i-zayavila-chno-ee-zakazali.html> (дата обращения: 23.08.2022).

19. Блогер Надежда Стрелец сообщила о заказах на ее дискредитацию в телеграм-каналах. URL: <https://ctnews.ru/post/blogger-nadezhda-strelec-soobschila-ozakazah-na-ee-diskreditaciyu-v-telegram-kanalah> (дата обращения: 23.08.2022).

20. РБК+ Добро пожаловать в соцсети. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5fdc32547a8aa9a39af166e7> (дата обращения: 02.09.2022).

21. РБК запустил бот «Эшелон», чтобы снизить градус агрессии в комментариях. URL: https://t.me/rbc_news/43875 (дата обращения: 23.08.2022).

22. Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. URL: https://reestr.digital.gov.ru/request/194901/?sphrase_id=1854718 (дата обращения: 27.08.2022).

Е. Ю. Тихалева,

кандидат юридических наук, доцент,
Среднерусский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

УМНЫЕ ГОРОДА: СУЩНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Целью проведения научного исследования являлся анализ тенденций развития концепции «умных городов» (smart cities). В статье дается характеристика основ правового регулирования «умных городов», ключевых направлений и принципов их формирования и функционирования. Приводятся примеры успешных практик из деятельности российских муниципальных образований. Выделяются возможные проблемы реализации данного проекта в нашем государстве на современном этапе.

Ключевые слова: цифровизация, национальные проекты, умный город, современные информационные технологии, цифровая платформа, экосистема, участие населения

SMART CITIES: THE ESSENCE AND POTENTIAL OF DEVELOPMENT

Abstract. The purpose of the research was to analyze trends in the development of the concept of smart cities. The article describes the fundamentals of the legal regulation of smart cities, the key directions and principles of their formation and functioning. Examples of successful practices from the activities of Russian municipalities are given. The possible problems of the implementation of this project in our state at the present stage are highlighted.

Keywords: Digitalization, National projects, Smart city, Modern information technology, Digital platform, Ecosystem, Public participation

Введение. В настоящее время все более перспективной становится идея появления так называемых «умных городов» с широким использованием современных информационных технологий. Она захватывает умы политических деятелей всего мирового сообщества, в том числе и России. «Умные города» могут стать фактором преодоления многих имеющихся социально-экономических проблем, а также способствовать экономическому росту. В основу идеи положена концепция возможности для самореализации каждого человека.

Ярким примером является опыт Индии. Здесь происходит появление новых городов между урбанистическими центрами с целью избежать перенаселения в крупных городах, привлекающих своими перспективами людей из глубинки. В качестве мотивации выступают заманчивые перспективы новых «умных городов» (smart city) с передовой инфраструктурой, легкой и доступной в использовании [5. С. 78].

Основная часть. Еще в 2016 г. на Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию пристальное внимание было уделено необходимости использования концепции «умный город».

В России «умный город» развивается в рамках ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства (Паспорт национального проекта «Цифровая экономика»; Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда») с 2018 г. [2]. Соответствующая строка расходов включена в федеральный бюджет. Список пилотных городов проекта включает 79 наименований (изначально – 33).

На подзаконном уровне закреплено определение дефиниции «умный город» как подхода к развитию города, применяющего цифровые технологии с целью повышения уровня жизни, качества услуг и эффективности управления при обязательном удовлетворении потребностей населения [3]. Также выделены основные направления реализации данного подхода:

- городская среда;
- безопасный город;
- цифровое городское управление;
- инвестиционный климат;
- благосостояние людей.

За рубежом выделяются такие направления smart city, как [7, 8]:

- smart care (умное обслуживание, мониторинг);
- smart energy (умная энергетика);
- smart society (умное общество);
- smart office (умный офис);
- smart mobility (интеллектуальная мобильность);
- smart space (умное пространство);
- smart infrastructure (умная инфраструктура);
- smart transportation (умный транспорт);
- smart data (интеллектуальные данные).

Основными принципами концепции «Умный город» являются [3, 4]:

1) ориентация на человека (данный принцип обусловлен приоритетом осуществления прав и свобод человека и гражданина, необходимостью обеспечения возможностей для реализации каждого индивида и решения его проблем по месту жительства, то есть главная цель – повышение качества жизни граждан);

2) формирование устойчивой и безопасной среды (на первый план выходит безопасность жителей, обеспечение работы налаженных информационных сетей, комфортность городской среды, доступность социальной инфраструктуры; этот принцип предполагает активное развитие систем общественного наблюдения, общественной и экологической безопасности, интеллектуального городского освещения; повсеместное установление средств фото- и видеофиксации на дорогах, формирование интеллектуальных транспортных систем);

3) соблюдение баланса интересов, принципов развития и возможностей (указанный принцип подразумевает учет общественного мнения при принятии решений, влияющих на городскую среду (проведение голосований, опросов); вовлечение населения в формы самоорганизации на местном уровне, совместную реализацию общественных проектов; достижение консенсуса между интересами муниципалитета, предпринимательских структур и местных жителей);

4) доступность и удобство сервисов и услуг (реализация принципа обеспечивается интернетизацией города, предоставлением многих услуг через электронные ресурсы (например, портал госуслуг, электронные приемные); при этом осуществляется учет потребностей разных групп населения в зависимости от возраста, пола, образования, профессии, и т. п.);

5) интегрированность, взаимодействие и открытость (соответствующий принцип относится к механизму действия городских сервисов, предполагающему сбор и анализ всех необходимых данных, исключение их дублирования, предоставление заинтересованным лицам);

6) непрерывное совершенствование качества управления (принцип достигается за счет: деятельности высоко профессиональных служащих, в первую очередь. менеджеров; анализа проблемных моментов; создания баз и реестров данных, отвечающих мировым стандартам; использования различных подсистем в формировании рационального управления);

7) акцент на экономической эффективности (этот принцип позволяет оценить инвестиционную привлекательность города, его инвестиционный климат (наличие бизнес-инкубаторов, технопарков и т.п.), что способствует созданию новых рабочих мест, повышению производительности труда; подразумевает необходимость обеспечения финансовой независимости города посредством активного развития ключевых направлений инвестиционной деятельности);

8) главенство долгосрочных решений над краткосрочными выгодами (данное направление обеспечивает экономический рост на перспективу, позволяет избежать негативных последствий сиюминутных решений);

9) применение наилучших доступных технологий (принцип предполагает оценку технологии с точки зрения требований стоимости, сложности внедрения и обоснованности). Также существует Интернет-ресурс «Банк решений умного города», аккумулирующий перспективные проекты с использованием цифровизации, который может применяться на уровне муниципалитетов или субъектов Российской Федерации (URL: <https://russiasmartcity.ru>). В частности, в сфере жилищно-коммунального хозяйства размещен проект комплексной автоматизации управления зданием благодаря созданию виртуальной диспетчерской управляющей компании. В сфере транспорта предлагаются автоматизация въезда-выезда транспорта, умный пешеходный переход, и т.п.

Лидером по реализации указанных технологий в Российской Федерации является Москва (в 2020 г. – по результатам глобального рейтинга «умных городов» – 56 место; в рейтинге умных городов компании Z/Yen – 44 место).

Кроме того, Минстрой России ежегодно определяет рейтинг IQ городов, то есть эффективность цифровой трансформации городского хозяйства, позволяющий установить перспективные направления цифровизации. Так, по результатам 2021 г. Москва также имеет наиболее высокий IQ среди крупнейших городов. В муниципальных образованиях менее 100 000 человек лидирующая позиция отдана городу Саров (административный центр в Нижегородской области).

Очевидно, что параллельно с функционированием муниципальных программ по формированию «умных городов» необходима реализация программ по

энергосбережению и повышению энергетической эффективности, формированию современной городской среды [6].

Если говорить о препятствиях, стоящих на пути развития «умных городов», сюда можно отнести [1.С. 150]:

- дотационность большинства муниципальных образований;
- нехватку квалифицированных кадров на местах;
- пассивность местного населения и органов власти, нежелание внедрять инновации;
- существующий разрыв между крупными городами и небольшими муниципальными образованиями, не позволяющий последним использовать в полном объеме достижения научно-технического прогресса;
- недооценку комплексного подхода к реализации целей формирования «умных городов», отсутствие необходимой координации действий.

Заключение. Таким образом, «умный город» выступает в роли некой экосистемы, определяющей как комфортные, так и безопасные условия для проживания людей. Тем самым основной целью является повышение качества жизни населения, что достигается посредством обеспечения непрерывного взаимодействия местных властей и населения с вовлечением последнего в решение насущных проблем по месту жительства. Концепция проекта «умный город» может стать одним из важных направлений развития местного самоуправления, обеспечивая реализацию его основных принципов, в частности принципа народовластия.

Список литературы

1. Калькова Н. Н. Умный город – императив городского социума и дуализм проблем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9 (часть 2). С. 147–153.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. – Ст. 2817.
3. Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»: Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2021. № 1–2.
4. Паспорт федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (утв. протоколом заседания проектного комитета по национальному проекту «Жилье и городская среда» от 21.12.2018 № 3). URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2022).
5. Стрельникова С. А., Цуциев М. А. Пространственное развитие России: вопросы стратегии (интервью с П.А. Чистяковым, вице-президентом Центра экономики инфраструктуры) // Бюджет. 2017. № 2. С. 76–79.
6. Худжатов М. Б. Муниципальные программы. 2022. URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2022).

7. Maddox T. Smart cities: 6 essential technologies. – 01.08.2016. URL: <http://techrepublic.com/article/smart-cities-6-essential-technologies> (дата обращения: 21.07.2022).

8. Marr B. The smart cities of the future: 5 ways technology is transforming our cities. 02.07.2020. URL: <http://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2020/07/02/the-smart-cities-of-the-future-5-ways-technology-is-transforming-our-cities/?sh=781277c673f8> (дата обращения: 21.07.2022).

В. Ю. Турагин,

доктор юридических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

В. В. Нестеренко,

студент юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Цифровизация в юридическом образовании является одним из перспективных направлений его модернизации в условиях информационного общества. Однако в силу своей специфики она влечет за собой необходимость пересмотра существующих подходов к организации образовательного процесса. Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных проблем, связанных с цифровизацией в юридическом образовании и определении возможных перспектив его дальнейшей цифровой трансформации. Особое внимание авторы уделяют поиску новых инновационных методов организации процесса изучения юридических дисциплин, которые в симбиозе с классическими методами могут создать условия для эффективного усвоения материала.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, инновации, коммуникация, юридическое образование, образовательный процесс, юридические дисциплины

DIGITALIZATION IN LEGAL EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. Digitalization in legal education is one of the promising areas for its modernization in the information society. However, due to its specificity, it entails the need to revise existing approaches to the organization of the educational process. The purpose of this study is to identify the main problems associated with digitalization in legal education and to identify possible prospects for its further digital transformation. The authors pay special attention to the search for new innovative methods for organizing the process of studying legal disciplines, which, in symbiosis with classical methods, can create conditions for effective assimilation of the material.

Keywords: Digitalization, Information technologies, Innovations, communication, Legal education, Educational process, Legal disciplines

В условиях стремительного развития общественных отношений крайне важную роль играет формирование нового юридического образовательного пространства, позволяющего осуществлять качественную подготовку студентов-юристов. Отметим, что цифровизация стала неотъемлемой частью развития современного общества, она пронизывает буквально все сферы его жизнедеятельности. Цифровой «вызов» был брошен и сфере юридического образования.

В настоящее время использование информационных технологий позволяет студентам-юристам быть в курсе актуальных событий, налаживать коммуникацию с преподавателями на расстоянии, организовывать процесс непрерывного обучения и не только. Применение различных интерактивных форм вызывает интерес и помогает лучше усваивать материал. Более того, обладание выпускником навыками поиска и обработки информации, работы с виртуальными программами делает его конкурентоспособным на рынке труда. Однако, несмотря на наличие многих положительных сторон, на практике все же выявляются и определенные проблемы, связанные с цифровизацией в юридическом образовании.

Одной из видимых является проблема самого восприятия инноваций. Некоторые информационные технологии органично вписались в образовательный процесс, стали своеобразным помощником как для преподавателей юридических дисциплин, так и студентов-юристов. Так, не один десяток лет в учебном процессе активно используются электронные базы данных и библиотечные системы, справочно-правовые системы, программы для создания текстов, рисунков, презентаций и прочее. Однако прогресс не стоит на месте, и с течением времени возникает необходимость в апробации новых разработок. Например, достаточно неоднозначную реакцию вызвали технологии дистанционного обучения, которые получили повсеместное применение в течение последних нескольких лет, что было вызвано объективной необходимостью, а именно распространением коронавирусной инфекции. Многие оказались не готовы к такому формату, в том числе психологически, поскольку социальное взаимодействие практически сошло на нет. Однако стоит констатировать, что с течением времени напряжение, в некоторой степени, снизилось. Соответственно, вопрос адекватного восприятия инноваций является делом времени – одни из них зарекомендовывают себя в надлежащем виде, другие же оказываются невостребованными.

Другой проблемой является влияние цифровизации на качество юридического образования. Одни информационные технологии помогают сделать обучение более интересным для студентов, помочь им в решении различных образовательных задач. Например, это презентации, сопровождающие изложение материала на лекциях или использование интерактивных панелей на практических занятиях. Другие же инновации могут оказывать отрицательное влияние. Снова в качестве примера можно привести дистанционное обучение. С одной стороны, переход на него позволил не прерывать образовательный процесс в условиях распространения коронавирусной инфекции, продолжить освоение образовательных программ.

С другой стороны, хоть это и временная мера, нельзя отрицать некое снижение уровня качества знаний студентов-юристов и их мотивации к получению новых знаний. Например, в таком формате затруднительно осваивать прикладные юридические дисциплины, в частности, криминалистику, требующую отработку навыков на криминалистических полигонах и в специализированных кабинетах с технико-криминалистическими средствами и материалами. Некоторые вузы оказались в должной мере не готовы к срочному переходу на дистанционное обучение ввиду отсутствия необходимых разработок. Не следует отрицать и тот факт, что в условиях домашней обстановки некоторыми студентами могло допускаться попустительство по отношению к выполнению той или иной образовательной задачи.

Другая проблема касается материальной базы юридических вузов, институтов и факультетов. Важно обеспечить оснащение аудиторий всеми техническими устройствами, необходимыми для организации занятий в интерактивной форме. Однако стоит отметить, что на эту проблему обращено внимание на федеральном уровне, и она находится на стадии постепенного разрешения. Так, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации реализуется программа «Приоритет-2030», ставящая одной из своих задач обеспечение условий для формирования цифровых компетенций и навыков использования цифровых технологий у обучающихся [4]. В ее рамках в вузах осуществляется создание современных проектных и образовательных пространств. Помимо этого, реализуются и иные программы, что является несомненным плюсом. Однако несколько иная ситуация состоит с технической оснащенностью самих обучающихся. Как показал период дистанционного обучения, не у всех из них имеются равные возможности. Например, одной из явных проблем выступила нестабильность доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в отдаленных и труднодоступных местностях. Также у некоторых возникла необходимость в приобретении дополнительных устройств – веб-камер, наушников с микрофонами и т.п., что относится уже к финансовой стороне упомянутой проблемы.

Р. В. Пузиков и И. М. Максимова справедливо отмечают, что «цифровизация – это то, что способствует формированию конкурентоспособных профессионалов» [5. С. 47]. Действительно, обладание выпускником навыками поиска и обработки информации, работы с виртуальными программами делает его конкурентоспособным на рынке труда, поскольку без работы с техническими устройствами не обойтись уже ни в государственных органах, ни на предприятиях. Однако отсутствие целенаправленного плана по формированию таких компетенций выступает негативной тенденцией. Как справедливо отмечает Е. В. Алферова, «важно иметь стратегию для продвижения соответствующего представления о цифровой среде в процессе обучения студентов-юристов и определить, какие инициативы могли бы составить возможные изменения» [3. С. 19]. Для этого целесообразны разработка и принятие соответствующего документа, например, Концепции развития юридического образования в условиях цифровизации. Особое внимание в нем, на наш взгляд, следовало бы сакцентировать на важности изучения и методике преподавания дисциплин «Информатика и информационные технологии»,

«Информационные технологии в юридической деятельности». Перспективным направлением также выступает подготовка юристов в сфере цифрового права, в связи с чем можно предусмотреть открытие нового профиля обучения. Однако внимание нужно уделить не только совершенствованию навыков по работе с информационными технологиями студентов-юристов, но и преподавателей как субъектов передачи им знаний. В условиях «старения» преподавательского корпуса это особенно актуально. Необходимо не допустить возникновения «цифрового разрыва» между ними для возможности эффективного построения коммуникации.

В то же время не следует отрицать и тот факт, что излишняя цифровизация в юридическом образовании может отразиться на личности будущих специалистов, например, повлечь за собой снижение их мыслительных и коммуникативных навыков. Соответственно, в использовании инновационных и классических методов обучения важно соблюдать баланс. Только в своем симбиозе они могут создать условия для эффективного усвоения материала. Например, перспективным является использование виртуальных образовательных игр для преобразования полученных теоретических знаний в практические. В. К. Шайдуллина характеризует подобные инновации как «обучение через опыт» [7. С. 131]. На наш взгляд, виртуальная образовательная игра была бы крайне полезна при изучении вопросов избирательного права и процесса, на примере чего и прокомментируем эту идею. Суть состоит в том, что в виртуальной реальности студенты могли бы апробировать на себе роль избирателя, кандидата, члена участковой избирательной комиссии, наблюдателя, представителя средств массовой информации на примере той или иной избирательной кампании путем выбора нескольких действий для решения предлагаемых кейсов, основанных на реальных ситуациях, – будь то предъявление не того документа члену участковой избирательной комиссии или порча избирательного бюллетеня. Вследствие этого у студентов-юристов имелось бы представление о правовом статусе того или иного субъекта избирательного процесса, путях разрешения определенных критических ситуаций, с которыми он может столкнуться, пребывая в этой роли. Более того, подобный формат заставляет думать и не исключает возможность общения между собой.

Помимо этого, достаточно интересной нам представляется точка зрения Н. В. Александровой, которая считает перспективным освоение студентами-юристами технологий LegalTech [2. С. 93]. Они представляют собой технологические решения, направленные на повышение эффективности оказания юридических услуг. С их помощью можно проверить контрагента, составить юридический документ, подобрать судебную практику и не только. Действительно, это выступит полезным дополнением в системе инструментов формирования профессиональных навыков. Особенно это актуально для будущих бизнес-юристов. Как минимум, знание основ работы с ними будет для них крайне полезно. Однако, на наш взгляд, подобные технологии также должны применяться умеренно. Они должны стать своеобразным помощником в решении профессиональных задач, но не полностью заменять работу юриста.

В связи с тем, что право – достаточно динамическая система, для студента-юриста не менее важно умение создавать условия для своего непрерывного

образования. Как справедливо отмечают Р. А. Абдусаламов, Л. В. Магдилова, Д. А. Рагимханова, «суть непрерывного обучения в юридическом образовании заключается в постоянном, добровольном и самомотивированном поиске правовых знаний» [1. С. 8]. Здесь без информационных технологий, конечно, тоже не обойтись. Полагаем, что востребованным в этом направлении может стать использование образовательных чат-ботов. Например, возможно внедрение чат-бота, отслеживающего актуальные изменения в действующем законодательстве и отбрасывающего их ежедневно в информативной сводке. Для организации непрерывного обучения также будут полезны онлайн-курсы, качество которых растет с каждым годом. Так, например, теперь многие из них включают не просто тесты, но и кейсы, проектирование и творческие задания.

Конечно, всего множества инноваций, используемых в организации образовательного процесса, охватить невозможно, однако нами рассмотрены те из них, которые являются наиболее обсуждаемыми. Завершая исследование, согласимся с мнением Ю. А. Хватика, который констатирует следующее: «затрагивая тему обучения юристов навыкам использования технических средств и информационных систем, следует отметить, что мы не стоим на позиции того, что юристы должны уметь программировать. Однако они должны понимать, как работают цифровые технологии» [6. С. 174].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что цифровизация в юридическом образовании – это процесс неизбежный и, во многом, необходимый. Однако, в то же время, не стоит пренебрегать классическими методами преподавания юридических дисциплин, которые нужно уметь грамотно сочетать с инновациями, тем самым создавая условия для эффективной организации образовательного процесса. Важным шагом на этом пути должна стать разработка Концепции развития юридического образования в условиях цифровизации, которая определила бы новые векторы его совершенствования.

Список литературы

1. Абдусаламов Р. А., Магдилова Л. В., Рагимханова Д. А. Некоторые проблемы совершенствования юридического образования в условиях цифровизации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 31, № 3. С. 7–10.
2. Александрова Н. В. Некоторые вопросы высшего юридического образования в условиях цифровизации // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2021. № 4 (27). С. 89–95.
3. Алферова Е. В. Дилеммы юридического образования в контексте цифровизации // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18, № 2 (63). С. 14–21.
4. Программа «Приоритет-2030» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030> (дата обращения: 16.09.2022).
5. Пузиков Р. В., Максимова И. М. Цифровизация юридического образования как необходимая составляющая подготовки квалифицированного специали-

ста в области права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 47–49.

6. Хватик Ю. А. Методологические аспекты цифровизации юридического образования // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2 (18). С. 172–182.

7. Шайдуллина В. К. Направления совершенствования юридического образования в условиях цифровизации // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 130–132.

Л. М. Файзрахманова,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация системы налогового администрирования под влиянием цифровых технологий. Представлен анализ действующих высокотехнологических разработок Федеральной налоговой службы России в виде автоматизированных информационных систем, дистанционных налоговых сервисов. Проанализировано влияние цифровых технологий на результаты деятельности налоговых органов. Обосновывается вывод о том, что дальнейшее внедрение автоматизированных систем способствует эффективному функционированию налоговой системы в условиях промышленной трансформации.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, налоговое администрирование, налоговый сервис, налоговый орган, налоговый контроль, налоговая система, налогоплательщик, цифровые технологии

TAXATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL REALITY

Abstract. The article discusses the transformation of the tax administration system under the influence of digital technologies. The analysis of the current high-tech developments of the Federal Tax Service of the Russian Federation in the form of automated information systems, remote tax services is presented. The influence of digital technologies on the results of the activities of tax authorities is analyzed. The conclusion is substantiated that the further introduction of automated systems contributes to the effective functioning of the tax system in the conditions of industrial transformation.

Key words: Automated information system, Tax administration, Tax service, Tax authority, Tax control, Tax system, Taxpayer, Digital technologies

В эпоху четвертой промышленной революции происходит глобальное внедрение высоких цифровых технологий во все сферы жизни общества. Особого внимания заслуживает их применение в деятельности органов государственной власти. Важной вехой в активной интеграции этих технологий стал Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития

информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» [6], которым была четко регламентирована модель развития цифровой экономики.

Но пионером цифровизации в системе органов публичной власти в РФ является ФНС РФ. Причем не только в национальном, но и в международном масштабе [2. С. 56]. Трансформация системы налогового администрирования под влиянием цифровых технологий началась значительно раньше 2017 г.

За последнее десятилетие разработана модель системы налогового администрирования, которая полностью отвечает вызовам цифровой экономики. За это время в деятельности ФНС РФ по осуществлению налогового контроля произошли качественные изменения. Перед ФНС РФ стояли реальные задачи по повышению качества обслуживания плательщиков и расширению сервиса предоставляемых налогоплательщику услуг посредством развития, прежде всего, информационных сервисов, повышения прозрачности и открытости деятельности;

Для наиболее эффективной реализации налогового администрирования получила масштабное развитие сервисно-ориентированная модель взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов. Так, сайт ФНС РФ насчитывает более 60 электронных сервисов, которые значительно облегчают частно-правовым субъектам налоговых правоотношений осуществлять свои налоговые обязанности.

Построение такого механизма налогового администрирования оказалось возможным благодаря тому, что в деятельность налоговых органов РФ были внедрены современные информационные технологии, которые успешно функционируют в течении последних двадцати лет. Развитие Интернета позволило воплотить в жизнь многие инновационные разработки. Только по итогам 2021 года ФНС РФ заключила 7 государственных контрактов на развитие АИС «Налог-3», ФГИС «ЕГР ЗАГС» и ФГИС «ЕРН» на общую сумму 5,94 млрд руб. и 2 контракта на сопровождение АИС ФНС России на сумму 2,41 млрд руб. [3].

Путем трансформации того, как страны собирают и обрабатывают информацию, цифровые технологии могут изменить способ разработки и осуществления правительствами своих налоговых и макрофинансовых политик [7. С. 343].

В настоящее время на службе ФНС РФ множество высокотехнологических разработок, таких как:

- автоматизированная информационная система (АИС) «Налог-3»;
- базовая платформа цифрового интеллектуального риск-ориентированного налогового контроля «АСК НДС» благодаря которой эффективно осуществляется контроль обоснованности заявленных вычетов по НДС;
- автоматизированная система контроля по применению ККТ (АСК ККТ);
- налоговые сервисы «Личный кабинет налогоплательщика», «Личный кабинет для плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятые)» и др.

Так, по состоянию на 1 мая 2022 г. в личном кабинете налогоплательщика-ИП зарегистрировано 3,3 млн человек, в личном кабинете юридических лиц – 1,3 млн организаций соответственно, а в личном кабинете налогоплательщиков-физических лиц зарегистрировано 43,3 млн Налогоплательщиков [4].

С каждым годом их количество только увеличивается, и налогоплательщики сами заинтересованы в этом сервисе.

Данные новшества позволили существенно изменить, усовершенствовать работу налоговых органов. Так, за последние десять лет ФНС РФ изменила стратегию планирования контрольной работы, осуществив переход к целевому направленному отбору налогоплательщиков.

По данным ФНС России, в настоящее время охват выездными проверками составляет менее 1% от общего числа налогоплательщиков. В отношении малого предпринимательства этот показатель еще меньше – 0,5%.

Выездному контролю теперь, как правило, предшествует анализ информации, поступающий в налоговую службу от цифровых платформ, автоматизированных систем и иных информационных систем ФНС. В рамках налогового администрирования налоговикам приходится обрабатывать огромные объемы информации [5. С. 73]. В новых реалиях, налоговые органы наделены широкими полномочиями в информационном плане, поскольку им открыт доступ к большим объемам данных, которые поступают от сторонних организаций в рамках налогового регулирования.

Теперь в основе взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками лежит так называемый принцип бесконтактной работы друг с другом благодаря внедрению цифровых технологий.

Особое место в организации налогового контроля отводится автоматизированной информационной системе (АИС) «Налог-3». Именно она позволяет осуществить анализ всех налогоплательщиков. Компьютер систематизирует все сведения о налогоплательщиках и выявляет незаконные налоговые схемы. Эта платформа включает в себя подсистемы, представленные на рис. 1.

Рис. 1. Схема автоматизированной информационной системы (АИС) «Налог-3»

В системе АИС «Налог-3» имеется продукт «Программа администрирования физических лиц», который, по мнению, автора представляет интерес для простого обывателя. В частности, налогоплательщика – физического лица. Данный программный продукт может анализировать в автоматическом режиме соответствие фонда оплаты труда организации и ее отчислений в страховые фонды и суммы НДФЛ и ежемесячные суммы расходов сотрудников этой организации. В случае массового системного расхождения доходов работников и их расходов, налоговая может начать осуществлять более пристальный налоговый контроль за соответствующим работодателем, подозревая его в «конвертных» схемах. Также в 2021 г. ФНС начинает задавать вопросы официально безработным лицам о легальности происхождения их доходов в случае, например, покупки ими объектов недвижимости. ФНС сможет видеть доходы и расходы родственников и займодателей.

Цифровые технологии меняют мир на наших глазах и постепенно вытесняют привычные формы восприятия мира [1. С. 57].

Так, например, благодаря приложению «Мой налог», который предназначен для плательщиков налога на профессиональный доход в настоящее время чуть более 3 млн граждан получили статус самозанятых граждан. Данное приложение призвано помочь легализовать доходы многомиллионной армии официальных безработных граждан РФ и начать уплачивать налоги с этих доходов. Количество граждан, которые официально не осуществляют трудовую деятельность в России сложно подсчитать, их цифры разнятся. Так, Минтруд России называет цифру 16 млн человек, а Росстат – 25 млн человек. Эти граждане, находясь в трудоспособном возрасте, попросту паразитируют на добросовестных налогоплательщиках, поскольку не платят налоги, не уплачивают страховые взносы, но вместе с тем претендуют на все социальные гарантии, которые предусмотрены Конституцией РФ.

Наконец, в стремлении увеличить доходы бюджета, государство в 2018 г. обратило внимание на налоговый статус самозанятых граждан, приняв соответствующий закон. Был установлен в порядке эксперимента специальный налоговый режим, который первоначально ввели в четырех регионах России.

Эксперимент оказался успешным и с 2021 г. налог на профессиональный доход распространил свое действие на территории 82 субъектов РФ.

Для того, чтобы зарегистрироваться в статусе самозанятого гражданина достаточно всего лишь загрузить Приложение «мой налог» и зарегистрироваться в нем (заявление, паспорт. данные и фотографию) либо через личный кабинет налогоплательщика). Декларацию подавать не нужно, налогоплательщик ничего не заполняет. Льготы в виде налоговых вычетов, ставки режима, а также иные особенности расчета представлены в автоматизированном режиме. У налогоплательщика лишь одна обязанность – составлять чек по полученным доходам. О причитающейся к уплате сумме налога должен проинформировать налоговый орган.

Таким образом, создание и внедрение цифровых технологий в жизнь способствует эффективному функционированию налоговой системы РФ в условиях промышленной трансформации. Согласно Плану действия ФНС России на 2021 г., утвержденному 19 февраля 2021 г. Министром финансов РФ ФНС РФ продолжает модернизировать автоматизированные системы контроля, в частности:

- систему контроля за возмещением НДС-3 (АСК НДС3);
- (АИС «Налог-4»);
- введение в эксплуатацию единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении РФ (ФГИС ЕРН), который должен содержать более 30 видов сведений о гражданах);
- создание сервиса упрощенного получения налоговых вычетов налогоплательщиками-физлицами.

Вместе с тем эксплуатация автоматизированных систем контроля требует дополнительной квалификации со стороны сотрудников налоговых органов. В связи с этим ФНС РФ запустила 2 учебных модуля на специальной платформе на основе дистанционного обучения:

- 1) Основы цифровой трансформации;
- 2) Современные цифровые технологии.

Благодаря происходящим изменениям инновационного характера в налоговом администрировании, теперь во многом по-новому организуется взаимодействие хозяйствующих субъектов, происходят положительные изменения в бизнес-процессах.

Таким образом ФНС России, являясь лидером цифровой трансформации, успешно реализует схему идеального цифрового администрирования. Подобно космическому кораблю пристыковывает новые платформы, позволяющие бесконтактно взаимодействовать с частно-правовыми субъектами финансовых отношений и вместе с тем плотнее осуществлять финансовый контроль с помощью цифровых и аналитических инструментов.

Список литературы

1. Гончаренко Л. И., Вишневский В. П., Гурнак А. В. Особенности налогового регулирования в контексте четвертой промышленной революции // Экономика. Налоги. Право. 2020. С. 57.
2. Деева Т. В. Высокие технологии как платформа стабильной работы налоговой системы Российской Федерации // Экономика и социум: современные модели развития. 2021. Том 11, № 3. С. 56.
3. Итоги деятельности ФНС РФ за 2021 год / <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 20.07.2022).
4. Итоги деятельности ФНС РФ за 1 квартал 2022 года. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 10.08.2022)
5. Кобзарь-Фролова М. Н. Цифровизация – путь к повышению качества налогового администрирования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. №8. С. 72–77.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 25.08.2022).
7. Gupta S., Keen M., Shah A. Verdier G., eds. Digital revolutions in public finance. Washington, DC. International Monetary Fund; 2017. 343 p.

Н. А. Фальшина,

кандидат юридических наук, доцент, преподаватель,
Южный федеральный университет

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Аннотация. В статье исследуется современное развитие цифровых технологий, оказывающих существенное влияние на трансформацию института прав и свобод. Указанный процесс имеет свои закономерности, которые, в первую очередь, обусловлены природой и особенностями национального института прав и свобод человека. Указанные аспекты обозначили абсолютно иные горизонты развития национального института прав и свобод. Целью настоящей статьи является попытка проанализировать трансформацию прав и свобод человека, в условиях интенсивного развития цифровых технологий, выявить дефекты современного законодательства и представить способы разрешения соответствующих проблем. Система принципов и методов, разработанных и анализируемых в настоящей статье, позволяет понять и обозначить современное направление научного обоснования теории цифровых правоотношений. Научная и практическая значимость материала, изложенного в настоящей статье состоит в том, что на современном этапе развития юридической науки нет четкого понимания каким образом возможно обосновать необходимость учреждения на конституционном уровне цифровых прав человека. Представленные в исследовании выводы позволяют научно обосновать необходимость учреждения цифровых прав человека на конституционном уровне.

Ключевые слова: институт прав и свобод, правоотношения, национальное право, цифровые технологии, реформирование, цифровые и информационные ресурсы

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AND NATIONAL FEATURES OF DIGITALIZATION OF LAW

Annotation. The article examines the current development of digital technologies that have a significant impact on the transformation of the institution of rights and freedoms. This process has its own patterns, which, first of all, are due to the nature and characteristics of the national institution of human rights and freedoms. These aspects have outlined completely different horizons for the development of the national institution of rights and freedoms. The purpose of this article is to analyze the transformation of human rights and freedoms, in the context of the intensive development of digital technologies, to identify defects in modern legislation and to present ways to solve the relevant problems. The system of principles and methods developed and analyzed in this article allows us to understand and designate the modern direction of scientific substantiation of the theory of digital legal relations. The scientific and practical significance of the material presented in this article lies in the fact that at the present stage of development of legal science there is no clear understanding of how it is possible to justify the need to establish digital human rights at the constitutional level. The findings presented

in the study make it possible to scientifically substantiate the need to establish digital human rights at the constitutional level.

Keywords: Rights and freedoms; Legal relations, National law, Digital technologies, Institution, Reform; Digital and information resources

Введение. Современное право образует стройную систему норм и правил, которые призваны регулировать общественные отношения. Указанная совокупность имеет такие хрестоматийные характеристики как общеобязательность, формальная определенность, универсальность, гарантированность государством. В России система права представляет собой развитую, современную конструкцию, которая существенно трансформировалась в сторону обновления, в связи с интенсивным развитием цифровых технологий, внесенной в Основной закон государства поправкой, развитием современных социальных отношений, отношений между государством и личностью. Принципиально иной характер отношений государства и личности обусловлен развитием и внедрением во все сферы социальных связей цифровых технологий. Особенностью указанных отношений является взаимное влияние друг на друга указанных категорий. Развитие цифровых технологий оказывает безусловное влияние на право, как систему, правовое регулирование и его формы и методы, на правосознание. Право, в свою очередь влияет на развитие цифровых технологий и внедрение соответствующих ресурсов в жизнедеятельность общества.

Основная часть. Правовое регулирование представляет собой сферу, частью которой сегодня выступает цифровое пространство, несмотря на то, что право здесь обнаруживает низкую регуляторную способность. Так, государственное управление в Российской Федерации, сегодня подверглось существенным изменениям в части компетенций, по причине интенсивного внедрения в работу государственных органов цифровых ресурсов. Не является исключением сфера экономических, политических, академических отношений, сфера услуг, торговли.

В этой связи, важно отметить, что предмет правового регулирования активно, что называется осовременивается, но социальная миссия права оставаясь неизменной, не всегда вовремя имеет возможность отреагировать на вызовы со стороны объективной реальности. Таким образом, одной из основных особенностей современной российской системы права в условиях развития цифровых технологий – это неспособность вырабатывать законодательные нормы, регулирующие современные общественные отношения, на опережение, что обуславливает его низкую регуляторную возможность.

Предмет правового регулирования, при этом, приобретает ранее неизвестное содержание, что оказывает существенное влияние на российское отраслевое законодательство. Так, фрагментарно закрепляются нормы цифрового права в конституционном [10. С. 12], гражданском [2. С. 3–4], трудовом [14. С. 45], административном законодательстве [8. С. 56–57], в процессуальных отраслях российского права, что также демонстрирует еще одну особенность. Фрагментарность закрепления норм цифрового права в российском отраслевом законодательстве свидетельствует о его неопределенной отраслевой и институциональной принадлежности. Сегодня это скорее всего межотраслевой институт российского права,

которому только предстоит стать самостоятельной отраслью права, что не позволяет полноценно взаимодействовать гражданам, бизнесу и государству, в условиях стремительного развития и применения цифровых технологий.

Помимо закрепления норм о применении цифровых технологий в разных сферах общественных отношений отраслевым законодательством, в России принят ряд документов, которые принято считать базовыми. В 2017 г. в Российской Федерации была принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [15. С. 2], сегодня российское государство активно реализует программу «Информационное общество» [12. С. 4], важнейшим фундаментальным документом является «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [16. С. 3], в 2020 г. был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» [17. С. 4–5]. Советом при Президенте Российской Федерации по развитию института гражданского общества и правам человека совместно с Правительством Российской Федерации был разработан проект Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве России [5. С. 15]. Указанный документ был подготовлен с целью понимания и исполнения пункта 3 поручений Президента Российской Федерации от 28.01.2021 № Пр-133. Указанная Концепция позволит преодолеть все вызовы, связанные с угрозами институту прав и свобод человека в России, появляющиеся в условиях интенсивного развития цифровых технологий. Юридическое сообщество в России, ученые и политическая элита все чаще высказывается о сложности цифрового пространства, о непредсказуемости ее развития, высокой скорости формирования и расширения, о разрыве между скоростью ее формирования и осознания происходящих процессов населением, бизнесом и государственными структурами. Цифровая среда часто становится сегодня, пространством для процветания мошенничества, коррупции, продвижения собственных экономических, политических интересов транснациональных корпораций, которые контролируют глобальные цифровые платформы. Конституция Российской Федерации, на современном этапе развития общества и государства, не устанавливает принципы, цели, задачи и механизмы обеспечения защиты прав и свобод человека в цифровой среде России. Разработанная и предложенная Концепция существенно сможет повлиять на реализацию правовой политики российского государства в вопросе развития цифровых технологий и их влияния на российский институт прав и свобод человека.

Отметим, что многие подобные документы и законы находятся в процессе постоянного реформирования и дополнения, поскольку развитие цифровых технологий на современном этапе развития государства и общества стремительно. Однако необходимо системное реформирование.

Полемика. Нам представляется целесообразным обозначить позиции современных ученых, которые так или иначе, исследовали вопросы формирования цифрового права как отрасли. Так, Е. В. Войниканис приходит к выводу о том, что цифровое право сегодня – неотъемлемая часть новой правовой парадигмы, обозначив цифровое право, как часть целого [1 С. 67–72]. И. М. Конобеевская размышляя о правах человека, анализирует категорию цифровых прав [9. С. 127–129]. По мне-

нию ученого, цифровые права на некоторые объекты не являются правами в собственном смысле этого слова, поскольку имеют свои особенности, в частности, способ их фиксации. При этом Конобеевская подчеркивает особую роль подзаконного правового регулирования в вопросе о цифровых правах [9. С. 127–129]. Позиция ученых Алтайского государственного университета сводится к тому, что в цифровую эпоху происходит масштабная трансформация правоотношений, в следствии активного внедрения цифровых ресурсов в общественные отношения и роботизации многих производственных процессов. Так, невозможно рассчитывать на объективное решение, которое примет робот, поскольку он будет, в первую очередь, объектом, находящимся в чьей – либо собственности, что предполагает некоторую зависимость, при этом он будет всегда принимать решение в соответствии с той программой, которая заложена и отслеживается техническим специалистом. Задачи и решения в сфере экономики и юриспруденции, по мнению ученых, не могут приниматься по заранее запрограммированным алгоритмам. Ученые высказывают опасение о том, что, подобная цифровая трансформация способная привести к не только к таким общественным изменениям как безработица, дегуманизация общественных отношений, но и изменить биологию современного человека, который станет не способен сострадать, сопереживать, отзываться на чужую беду. Таким образом глобализм влечет развитие цифрового пространства как альтернативной формы социального общения [13. С. 77–79]. А. А. Дорская полагает, что цифровизация неизбежно влечет трансформацию национальной системы права, и государства, которая выражается в изменении взаимоотношений власти и населения, в активном применении органами власти в своей деятельности цифровых технологий, а также в развитии новой формы реализации власти – цифровой демократии [4. С. 243–246]. Таким образом, цифровизация, в сущности, открывает новые возможности для национальных институтов демократии, взаимодействия власти и общества, одновременно обнажая такие проблемы как безопасность, нарушение прав человека, неготовность части населения к взаимодействию в цифровом пространстве. Указанные тенденции не могут не влиять на развитие права, существенным образом его трансформируя.

А. А. Карцхия считает, что цифровые технологии создают иную среду для системы национального права, имеющую технологический характер. Автор данной позиции считает, что цифровые технологии создают определенные условия, которые сегодня нельзя не учитывать, а правовая среда должна быть адаптирована к этим условиям. Цифровые технологии стимулируют возникновение новых правоотношений, основным признаком которых является наличие цифровых объектов, что предполагает особые способы защиты, возникновения и передачи цифровых прав. По этой причине А. А. Карцхия считает, что сегодня существуют объективные предпосылки для создания принципиально нового направления правового регулирования – цифрового права [6. С. 79–88]. Указанное направление должно создать систему нормативных актов, которые будут регулировать вопросы, связанные с правообладателями цифровых прав, однако ученый ведет речь исключительно о гражданском праве. При этом ученый характеризуя свой подход, подчеркивает, что он будет оправдан в том случае, если внедрить комплекс

цифровых технологий, то есть цифровую платформу, способную синтезировать возможности различных цифровых технологий. Так же, как и И. М. Конобеевская, Карцхия А. А. считает, что цифровые права должны быть выделены в самостоятельную категорию, в частности в правовой институт, поскольку не являются правами в привычном смысле. По мнению ученого, сегодня цифровое пространство представляет собой не просто информационное поле для обмена информацией, а инструмент регулирования такими сферами как экономика, право, политика, культура, что порождает возникновение новых терминов, тесно связанных с цифровыми отношениями. По этой причине национальное гражданское право сегодня не сможет обойтись без института цифровых прав [6. С. 127–129, 9. С. 79–88].

А. В. Минбалеев считает цифровые правоотношения, возникающие сегодня повсеместно, правовым феноменом, который имеет безусловно правовую природу. По его мнению, активное развитие цифровых технологий связано с формированием пласта нормативного материала, позволяющего регулировать правоотношения, возникающие в цифровом пространстве, что ведет к неизбежному становлению института цифрового права, имеющего комплексный или межотраслевой характер. При этом ученый отмечает, что цифровое право нуждается в обеспечении базовыми правовыми нормами, методологией, принципами регулирования, категориальным аппаратом [11. С. 104–1112]. Формируясь на базе российского законодательства, которое эволюционирует, и междисциплинарного усовершенствования, институт цифрового права способен сформировать уникальную систему способов, приемов и средств регулирования различных отраслевых отношений с использованием технических методов [11. С. 104–112].

В Конституцию Российской Федерации в 2020 г. была внесена поправка, которая ознаменовала новый виток в направлении развития российского законодательства. Принятая в 2020 г. конституционная норма о применении информационных технологий и обороте цифровых данных, может в сущности выступать как базовая конституционная норма. Она позволяет в дальнейшем выработать единые правила хранения и обмена персональных данных, стандарты их защиты и использования [10. С. 12].

Однако нам представляется важным вопрос такой вопрос как ответственность за ошибки и правонарушения, которые совершаются техническими специалистами, операторами и владельцами цифровых платформ при использовании, создании и применении цифровых технологий, поскольку указанные лица не обладают соответствующим правовым статусом, законодательно урегулированным и позволяющим считать их полноценными субъектами цифровых правоотношений, что является объективной особенностью влияния развития цифровых технологий на национальную систему права России. Этот вопрос сегодня приобретает особую актуальность для законодателя, поскольку действия технических специалистов часто могут повлечь за собой нарушение прав личности. Однако решать данный вопрос необходимо поэтапно и с учетом взаимозависимости процессов традиционного правового регулирования и процессов, связанных с развитием и внедрением во все сферы жизнедеятельности человека цифровых технологий. Формируя

нормативно-правовой материал, подходы к правовому регулированию, желательно принимать во внимание объективную реальность цифрового общества, где постепенно стираются границы между физическим и цифровым пространством. Нежелание учитывать указанные особенности, порождает поверхностное законодательное регулирование, что приводит к принятию не работающих законов, имеющих имитационный характер. Указанные признаки, являются еще одной особенностью современного российского законодательства, регулирующего цифровые правоотношения. Субъектный состав цифровых правоотношений, несомненно, должен быть расширен с учетом специфики современных правоотношений, в которые вторгаются инновационные технологии в силу объективного развития общества и государства.

Немаловажным является вопрос, который должен учитывать национальный законодатель – это адаптация всех потенциальных субъектов цифровых правоотношений. В частности, население, представители бизнеса, должностные лица, государственные служащие и все те, кто создает цифровое пространство, вступая в соответствующие правоотношения, выполняют определенную социально-правовую роль не всегда полноценно адаптируются к новым условиям, которые диктует цифровая среда. Готовы ли субъекты цифрового пространства, пусть даже потенциальные, в полной мере пользоваться этим пространством, осваивать большие объемы информации, обладать соответствующими навыками и знаниями, которые позволят расширить спектр профессионализма, деятельности, собственной активности. Национальный законодатель, с целью выработать эффективный правовой материал, фактически работающий, объективно гарантирующий реализацию прав субъектов цифрового пространства, должен учитывать и просчитывать возможные риски. По этой причине каждый в нашей стране должен иметь право ограничивать и контролировать собственную цифровую идентификацию, человеческий интеллект, однозначно, должен доминировать над искусственным, что обусловлено необходимостью обеспечить цифровое равенство, с недопустимостью использования цифровых технологий в ущерб правам и положению субъекта, необходимо закрепить норму на конституционном уровне регулирования о невозможности принятия самостоятельного решения технологией искусственного интеллекта в отношении человека. Все граждане должны иметь право на отказ от использования цифровых технологий, при этом обладая объективной возможностью реализовать свои права вне пределов цифрового пространства, без обязательного применения технических средств, наличия необходимых навыков и знаний, гражданин должен иметь правовую возможность на отказ от собственной цифровой идентичности. Аналитика современного российского цифрового законодательства, а также опыта, связанного с их внедрением в государственное управление, образование, медицину, национальную экономику демонстрирует потребность в достаточно высоком уровне цифровой грамотности пользователей, отсутствие которой часто оборачивается для граждан невозможностью реализовать элементарные права и свободы, что также, является одной из актуальных характеристик современного цифрового права. Немаловажным аспектом цифровых правоотношений в России выступает отсутствие соответствующих материальных

возможностей у потенциальных субъектов данных правоотношений и как следствие элементарной технической базы, обеспечивающей реализацию прав и свобод в цифровой форме.

Интерес представляет, в части рассматриваемой проблемы, влияние сферы международного права на формирование цифрового законодательства, а именно соотношение и взаимосвязь национального и международного права. Безусловно, международное публичное право не имеет правовых механизмов, позволяющих регулировать внутренние цифровые правоотношения, поскольку оно может только дополнять в указанной части национальное право, но оно может выступать организационным механизмом с целью вступления стран в международное научно-техническое сотрудничество, которое предполагает совместные проекты и обмен информацией. Интенсивное развитие цифровых технологий способствует глобальным изменениям в обществе, а современное международное публичное право становится важным регулятором достижений технологического прогресса.

Заключение. Таким образом, речь идет об интеграции государств в международное сообщество с целью развития и регулирования национальных цифровых отношений, формирования полноценного цифрового права, приоритетом которого являются права человека, заимствования базовых цифровых технологий и передового опыта. Именно международное сотрудничество в области цифровых прав позволяет не просто улучшить, а выработать эффективное национальное законодательство, соотнести национальную и международную координацию по развитию международных принципов института цифровых прав, что позволит сохранить как фундаментальную ценность традиционные права человека и одновременно артикулировать права личности, обусловленные новым технологическим укладом современного общества. Также, национальному законодателю нельзя не принимать во внимание необходимость адаптироваться гражданам в условиях интенсивно развивающихся технологий, уровень их цифровой грамотности, отсутствие правового статуса у технических специалистов и владельцев цифровых платформ.

Список литературы

1. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013. С. 67–72.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 05.07.2022).
3. Дмитрик Н. А. Цифровая трансформация: правовое измерение // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 28–46.
4. Дорская А. А. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии. Казань. 2020. С. 243–246.

5. Информация Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 01.12.2021 «СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/72194.html/> (дата обращения: 11.07.2022).

6. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. 2019. С. 79–88 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Karzhiya/karchiyaaa_dissertaciya.pd/ (дата обращения: 02.01.2022).

7. Касимов Т. С. Теоретико-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 78–100.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d00189f9b00d6dd470e4e89a7db3e264a00538a3/ (дата обращения: 05.07.2022).

9. Конобеевская И. М. Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве // Юридические науки. 2020. № 10. С. 127–129.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Статья 71 Конституции России // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://konstrf.ru/71> (дата обращения: 26.05.2022).

11. Минбалеев А. В. Цифровое право, как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4. С. 104–1112.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ст. 2159.

13. Сорокин В. В. Правовое развитие обществ в цифровую эпоху. Трансформация права в цифровую эпоху. Барнаул, 2020. С. 77–79.

14. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/6dda95f9b6acsf89a431a0737944b9443695b9df9/ (дата обращения: 05.07.2022).

15. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

16. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.

Н. А. Чайков,

аспирант кафедры отраслевого и проектного менеджмента,
Кубанский государственный технологический университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация. Вопросы цифровизации в сфере физической культуры и спорта приобретают особую актуальность. Цифровые технологии частично становятся инструментом управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта. В материалах статьи автор предпринимает попытку расширить представления о цифровых технологиях в сфере физической культуры и спорта. Дана характеристика эффектов от внедрения цифровых технологий в сферу физической культуры и спорта (спорт высших достижений и массовый спорт); представлены особенности внедрения единой цифровой платформы ГИС «Физическая культура и спорт», состав ее участников; отмечаются положительные и отрицательные стороны использования цифровых технологий, как инструмента управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: цифровые технологии, публично-правовые отношения, физическая культура и спорт, управление, инструменты управления, ресурсы, социально-экономическое развитие

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR MANAGING PUBLIC-LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Abstract. The issues of digitalization in the field of physical culture and sports are becoming particularly relevant. Digital technologies are partially becoming a tool for managing public-legal relations in the field of physical culture and sports. In the materials of the article, the author attempts to expand the understanding of digital technologies in the field of physical culture and sports. The author characterizes the effects of the introduction of digital technologies in the field of physical culture and sports (high-performance sports and mass sports); the features of the introduction of the unified digital GIS platform “Physical Culture and Sport”, the composition of its participants are presented; the positive and negative sides of the use of digital technologies as a tool for managing public-legal relations in the field of physical culture and sports are noted.

Keywords: digital technologies, public-legal relations, physical culture and sports, management, management tools, resources, socio-economic development

Введение. В XXI в. все сферы социальной и экономической жизни государства и человека претерпевают изменения под натиском цифровых технологий, массовым использованием информационно-коммуникационных технологий. Не исключение и сфера физической культуры и спорта, которая активно стала внедрять цифровые технологии, как инструмент управления публично-правовыми отношениями.

Цель исследования рассмотреть существующие возможности применения цифровых технологий как инструмента управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта. Задачами исследования являются: определение специфики в цифровых технологиях, как инструмента управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта; определение плюсов и минусов цифровых технологий, как инструмента управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта; разработка предложений по внедрению цифровых технологий управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта.

Основная часть. Цифровые технологии, как инструмент управления давно используются организациями и домохозяйствами в своей повседневной деятельности. К цифровым технологиям в рамках нашего исследования мы относим программные продукты, мобильные приложения, сервисы государственных и муниципальных услуг, которые обеспечивают работу органов государственной и муниципальной власти в сфере физической культуры и спорта. Основными характеристиками, которые определяют качество и эффективность работы государственной и муниципальной власти в сфере физической культуры и спорта можно обозначить через: прозрачность деятельности, оперативность доступа к информации у населения, доступность плановых и отчетных мероприятий по деятельности органов государственной и муниципальной власти, оперативная возможность публикации принимаемых решений в сфере физической культуры и спорта органами государственной и муниципальной власти и др.

Выдвинутая тема исследования имеет свои наработки, в числе которых можем отметить Ю. Б. Алмазову [1] и ее исследование в сфере развития массового спорта в вузе с использованием соревнований нового типа на основе цифровых технологий. П. К. Петров [2] в своей работе раскрывает цифровые информационные технологии в контексте нового этапа развития физкультурного образования и сферы физической культуры и спорта. В. Ю. Путилина, М. В. Шилова, М. А. Петров, Л. Ю. Петрова [3] в своей работе раскрыли основные направления цифровой трансформации физической культуры и спорта в России. Д. А. Тельных [4] в своем исследовании показывает критическое отношение к цифровым технологиям в спорте. Т. Н. Шутова [6, 7] анализирует новые электронные и цифровые сервисы по физической культуре и спорту и показывает передовой зарубежный опыт внедрения информационных и цифровых технологий в образовании, физической культуре и спорте.

Отметим, что публично-правовые отношения в сфере физической культуры и спорта – это отношения в двух плоскостях, первая из них характеризуется отношениями органов государственной (муниципальной) власти и гражданами субъектов федерации, которые реализуют свое право заниматься физической культурой и спортом на территории субъекта федерации или в рамках государственных спортивных мероприятий и событий. Вторая плоскость публично-правовых отношений в сфере спорта предполагает представление о том, что между органами государственной (муниципальной) власти и представителями бизнеса могут развиваться организационно-экономические отношения по удовлетворению потребностей индивидов в сфере занятий физической культурой и спортом на определенной территории субъекта федерации или в рамках всего государства на спортивных мероприятиях.

Положительные эффекты от внедрения цифровых технологий управления в сфере физической культуры и спорта представлены на рисунке рис. 1 [6].

Рис. 1 Эффекты от внедрения цифровых технологий в сферу физической культуры и спорта: спорт высших достижений и массовый спорт

Данные рис. 1 говорят о том, что современная сфера физической культуры и спорта делится на «спорт высших достижений» и «массовый спорт» [5]. В спорте высших достижений за счет внедрения цифровых технологий управления публично-правовыми отношениями получится добиться ускорения внутренних процессов в отрасли, при одновременном обеспечении удобства и прозрачности; стимулирования межведомственной и внутренней экспертизы результатов физической культуры и спорта; улучшить спортивные результаты при помощи информационной аналитики.

Массовый спорт предполагает улучшение мотивации граждан к занятию спортом, упрощение доступа к занятиям физической культурой и спортом, развитие аналитической работы по оценке занимающихся граждан спортом.

Сегодня цифровая трансформация и трансформация публично-правовых отношений в сфере спорта включает в себя внедрение единой цифровой платформы ГИС «Физическая культура и спорт» (рис. 2) [3]. ГИС «Физическая культура и спорт» объединяет в себе:

- до 300 тыс спортивных объектов;
- около 4 млн спортсменов;
- примерно 400 тыс тренеров и специалистов физической культуры и спорта;
- примерно 500 университетов и научных организаций;
- примерно 50 тыс школ и организаций дополнительного образования школьников;
- примерно 5 тыс школ спортивной подготовки;
- до 10 тыс спортивных федераций на федеральном и региональном уровне;
- 85 РОИВ в сфере физической культуры и спорта.

Цифровая трансформация физической культуры и спорта в 2021–2023 гг.

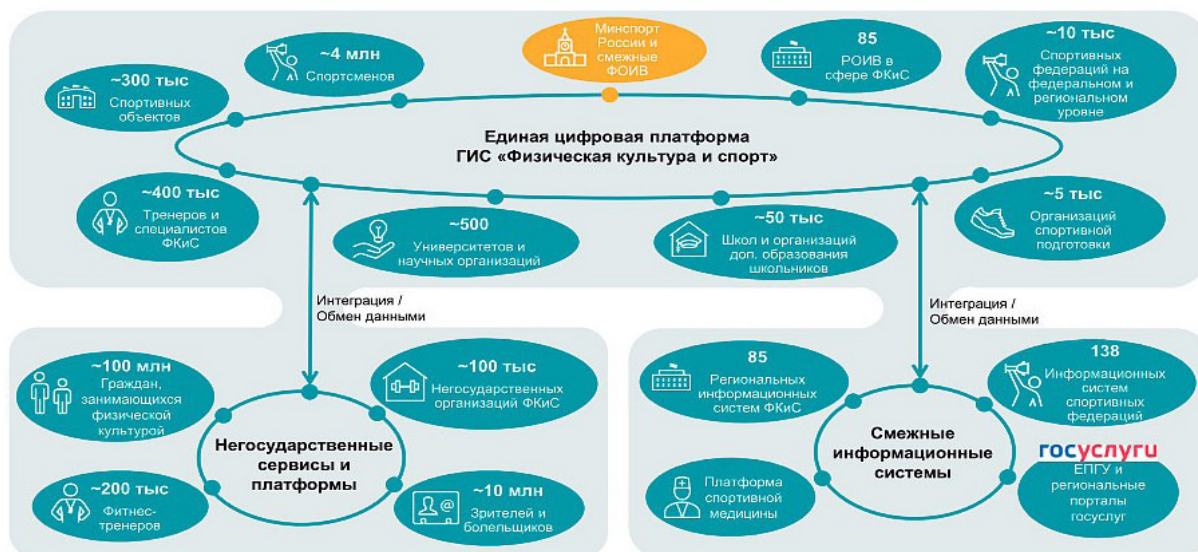

Рис. 2 Направления цифровой трансформации и публично-правовых отношений в сфере спорта в 2021–2023 гг.

Также рис. 2 показывает, что единая цифровая платформа ГИС «Физическая культура и спорт» интегрируется с негосударственными сервисами и платформами и смежными информационными системами.

Негосударственные сервисы и платформы включают в себя: 100 млн граждан, занимающихся физической культурой и спортом, 200 тыс фитнес-тренеров, 100 тыс. негосударственных организаций и учреждений сферы физической культуры и спорта, 10 млн зрителей и болельщиков.

Смежные информационные системы – это 85 региональных информационных систем в сфере физической культуры и спорта, платформа спортивной медицины, 138 информационных систем спортивных федераций, сервисы информационной системы «Госуслуги».

Отметим положительные стороны использования цифровых технологий, как инструмента управления публично-правовыми отношениями в сфере физической культуры и спорта:

- возможность быстрого доступа к необходимой информации у населения;
- прозрачность деятельности органов государственной и муниципальной власти сфере управления физической культурой и спортом;
- сайты органов государственной муниципальной власти в сфере управления физической культурой и спортом стали электронной площадкой для общения и обмена мнениями;
- цифровые технологии меняют деятельность органов государственной муниципальной власти и повседневную деятельность людей в сторону оптимизации процессов и явлений привычной жизни, добавляют актуальную информационную составляющую;

- официальный сайт органов государственной муниципальной власти сегодня становится базой данных, где конечный пользователь информации может найти требуемый нормативно-правовой документ, статистическую информацию по направлениям деятельности, может задать интересующие вопросы по направлению деятельности.

Однако при всех положительных особенностях внедрения цифровых технологий в публично-правовые отношения они имеют и свои отрицательные стороны:

- отсутствие доступа у всех заинтересованных пользователей к цифровым технологиям;

- существование определенного деления субъекта публично-правовых отношений, на обладающих компетенциями использования цифровых технологий и не обладающих компетенции использования цифровых технологий, что заведомо делит конечного потребителя услуг физической культуры и спорта на «пользователя» и «не пользователя» цифровых технологий. Проявляется дискриминация;

- увеличение профессиональных обязанностей для представителей органов государственной и муниципальной власти. В целом, для всех профессий сегодня добавилось требование – наличие компетенций использования в профессиональной сфере информационно-коммуникационных технологий.

- необходимость увеличения бюджетов на управление и администрирование цифровых технологий публично-правовых отношений сферы физической культуры и спорта.

Сегодня появились многочисленные решения использования цифровых технологий и программных продуктов управления публично-правовыми отношениями в сфере спорта, назовем некоторые из них: «спорттех», реализуются в рамках комплексной работы предприятий «Цифровая экономика» совместно с Министерством спорта РФ. Это платформенное решение прошло апробацию в Ульяновской области и в Республике Северная Осетия-Алания [3]. Одной из главных проблем использования этого ресурса является интеграция нормативного и правового обеспечения сферы физической культуры и спорта, и коррелирование между собой государственных и негосударственных инициатив, программ развития регионального и федерального уровня.

Заключение. Для домохозяйств использование цифровых технологий сфере физической культурой и спорта будет удобно чтобы:

- получить упрощенный доступ к записям на занятия физической культуры и спорта;

- информирование о всевозможных спортивных секциях и мероприятиях в рамках своего муниципального образования;

- для органов местной власти работа граждан с цифровыми технологиями и официальным сайтом муниципальной власти позволит быстро и эффективно систематизировать информацию в сфере физической культуры и спорта, подготавливать отчетность и видеть реальные результаты по вовлечению населения на муниципальном уровне в сферу физической культуры и спорта.

Список литературы

1. Алмазова Ю. Б. Развитие массового спорта в вузе с использованием соревнований нового типа на основе цифровых технологий // Культура физическая и здоровье. 2019. № 4 (72). С. 21–23.
2. Петров П. К. Цифровые информационные технологии как новый этап в развитии физкультурного образования и сферы физической культуры и спорта // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3. С. 86.
3. Путилина В. Ю., Шилова М. В., Петров М. А., Петрова Л. Ю. Основные направления цифровой трансформации физической культуры и спорта в России // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2021. № 9. С. 100–105.
4. Тельных Д. А. Критическое отношение к цифровым технологиям в спорте // Региональный вестник. 2020. № 13 (52). С. 33–34.
5. Чайков Н. А. Особенности концепции «спорт для всех» в современных условиях ограничений «спорта высших достижений». Сборник статей и тезисов докладов VIII международной междисциплинарной конференции. Ставрополь, 20-21 мая 2022 г. / под. ред. Р. Веласко, В.С. Новикова. Таганрог: ДиректСайнс (ИП Шкуркин Д. В.) – ЭльДирект – ЮРЦ ПКип, 2022. 146 с.
6. Шутова Т. Н. Новые электронные и цифровые сервисы по физической культуре и спорту // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 6 (184). С. 410–413.
7. Шутова Т. Н. Передовой зарубежный опыт внедрения информационных и цифровых технологий в образовании, физической культуре и спорте // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 9. С. 86–91.

В. Е. Чеботарев,

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой морского права и международного права,
Российский университет транспорта

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИКТ-СРЕДЕ

Аннотация. В свете знаковых изменений законодательства автором детально анализируются избирательные технологии как комплекс методов, используемых для воздействия на электорат, и как способ реализации избирательного права. Затрагивается вопрос правового регулирования внедрения технологии дистанционного электронного голосования. Исследуется проблематика вмешательства в избирательный процесс и нарушения суверенитета. Формулируется ряд выводов о целесообразности последовательного проведения системы взаимосвязанных организационно-правовых мероприятий, с целью предотвращения и минимизации возможных угроз и рисков в процессе избирательной информационной кампании в условиях современной информационно-коммуникационной технологической среды.

Ключевые слова: избирательная информационная кампания, информационно-коммуникационная технологическая среда, правовое обеспечение, технологии дистанционного электронного голосования, информационные технологии, избирательные технологии, интернет-ресурсы, технология блокчейн, информационная безопасность, электоральный суверенитет

ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF ELECTORAL INFORMATION CAMPAIGN IN THE MODERN INFORMATION TECHNOLOGY ENVIRONMENT

Abstract. On the basis of legislative changes, the author analyzes in detail the electoral technologies as a set of methods used to influence the electorate, and as a way of exercising the electoral right. The author addresses the issue of legal regulation of the introduction of remote electronic voting technology. Researches the problem of interference in the electoral process and violation of sovereignty. The study formulated conclusions on the expediency of consistent implementation of a system of interrelated organizational-legal measures to prevent and minimize possible threats and risks in the electoral information campaign in a modern information and communication technology environment.

Keywords: Electoral information campaign, Information and communication technology environment, Legal support, Remote electronic voting technologies, Information technologies, Selective technologies, Internet resources, Blockchain technology, Information security, Electoral sovereignty

Введение. На фоне мирового развития информационного общества все проводимые научные изыскания правовых проблем, которые возникают в области информации и коммуникации, требуют пристального изучения.

Все в большей степени формируются в результате информационного воздействия в информационно-коммуникационной технологической среде и предпочтения избирателей в ходе избирательных кампаний. При этом доступ к процессу формирования предпочтений избирателей имеют различные субъекты информационного воздействия, вне зависимости от местонахождения, целей и источников финансирования. Стремительно эволюционирующие информационные технологии существенно расширяют возможности и эффективность информационного воздействия на избирателей. Вместе с тем, существующее законодательство Российской Федерации не отвечает вызовам и угрозам избирательному процессу, которые сегодня объективно существуют.

Основная часть. В контексте заявленной темы предпринятого исследования – вопроса правового регулирования избирательной информационной кампании в современной информационно-коммуникационной технологической среде – остановимся на последних знаковых изменениях законодательства, имеющих значение для решения поставленных задач. Таким образом, не затрагивая всего комплекса регулирования, предметно остановимся на развитии законодательства в 2021–2022 гг.

Также отметим заметное реформирование законодательства в связи с внедрением технологии дистанционного электронного голосования. Так, один из первых экспериментов был осуществлен 8 сентября 2019 г., когда дистанционное электронное голосование проводилось в трех избирательных округах на выборах депутатов в Московскую городскую Думу, а также дистанционное электронное голосование в Москве и Нижегородской области по поправкам в Конституцию РФ с 25 июня по 30 июня 2020 г.

Остановимся чуть подробнее на последующих совершенствованиях законодательства в рамках заявленной темы исследования.

9 марта 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Изменения затронули три федеральных закона:

- «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»;
- «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Подобные новации в федеральное законодательство было необходимо уже давно вносить. Прежде всего, предпосылками к таким шагам стало то, что в мире, и в нашей стране, в частности, произошло быстрое развитие информационной среды, происшедшее на фоне прогресса в сфере информационных технологий, развития новых методик информационного влияния, переменами в способах восприятия информации общества нашей страны. Автор исследования и ранее уже уделял огромное внимание целому ряду подобных аспектов в своих работах и исследованиях.

Согласно нововведениям, Роскомнадзор имеет право, по запросам ИК устанавливать ограничение трафика разных интернет-ресурсов с момента начала предвыборной компании и до 5 дней после окончания выборов в том случае, если данные площадки применяют агитацию, которая находится в публичном доступе в сети, но она нарушает нормы законодательства. Также следует отметить, что, в новых версиях закона, произошли замены понятий: к примеру, слово «выпуск» заменено на «изготовление».

Внимательное исследование показывает, что все новации в законодательстве не могут в полной мере охватить все аспекты, имеющие отношение к организации и проведению избирательной компании.

Согласно законодательству, протяженность компании агитации, может составлять около 3,5 месяцев. Вести агитационные действия в СМИ, можно начинать за 28 дней до проведения голосования. Но если смотреть на имеющиеся практические примеры, мы видим, что в сети «Интернет» информация используется любыми способами, многие из которых, противоречат законодательным актам. Замечено, что агитация здесь длится постоянно, каждый день в году, сутками, без перерыва, что способствует такому явлению, как формирование информации о выборах и кандидатах до официального начала ИК. На практике, процесс организации голосования, создает такую ситуацию, когда агитация приходится на се-

зон летнего отдыха, что приводит к тому, что многие граждане просто не уделяют внимание традиционным средствам информации, где ведется агитация. Люди, которые отдыхают, все больше используют сеть «Интернет», где могут получить разнообразную информацию, представленную с разных точек зрения, что помогает гражданам сделать правильный выбор. Традиционные СМИ, такие, как печатные газеты и журналы, радио и телевидение, ведут агитацию согласно всем нормам законодательства, а вот сеть Интернет, может использовать любые техники, которые только возможно применить в современных условиях развития информационных технологий. Согласно статистике, Интернет стал тем местом, которое занимает почти 90 % внимания граждан страны, в возрасте от 18 до 50 лет [12].

В законодательстве РФ сегодня нет четко определенных инструментов, с помощью которых возможно провести классификацию современных методов ведения информационных предвыборных кампаний в рамках избирательного процесса:

- Иностранные СМИ, которые публикуют материалы на свое усмотрение, что приводит к формированию определенных предпочтений. Такие издания зачастую имеют немалое влияние на избирательные предпочтения граждан;

- Иностранные сообщества, обладающие достаточным весом, публикующие свои выводы и обзоры;

- Директ-агитация;

- Мнения иностранных обозревателей, публичных лиц;

- «Тролли», создающие фейковую информацию, направленную на снижение авторитета оппонентов посредством обработки самых активных пользователей в сети «Интернет»;

- Социальные сети;

- Применение инструментов контекстной рекламы;

- Мировые видеохостинги;

- Мессенджеры;

- Известные блогеры;

- Новостные площадки без аккредитации СМИ;

- Мобильные приложения;

- интернет-маркетинг;

- Виртуальные игры и т.д.

Известные события, связанные с попытками блокировки Телеграмм, показывают, насколько слабо развиты инструменты законодательной базы, которая не смогла справиться с такой задачей. Аналогичная ситуация – с социальной сетью Твиттер и действиями по замедлению трафика. Цель таких мероприятий заключается в том, чтобы оказывать влияние на те интернет-ресурсы, которые предоставляют гражданам свободный доступ к разнообразной информации, а не той, что показывают официальные СМИ. Поэтому появляется вопрос о том, стоит ли наносить вред популярным сайтам и социальным сетям, чтобы влиять на формирование мнения общества. Ведь ответная реакция пользователей сетей, может быть разной и не факт, что такие меры блокировки, смогут позитивно сказаться на мнении избирателей.

Кроме всего вышеописанного, следует принимать во внимание и такой момент, как финансовый вопрос: траты на ИК, могут поддаваться контролю только в том случае, если в компании принимают участие только официальные СМИ. А вот контролировать финансовый вопрос в сети «Интернет», само по себе довольно затратно и требует к себе наличия массы новейших технологий, огромной аналитической работы. Да и доказать расходы финансов каждого кандидата в сети вообще невозможно. Данный аспект создает такую ситуацию, когда один кандидат, обладающий большими финансовыми возможностями чем другой, сможет провести в сети «Интернет» более эффективную рекламу своей кандидатуры и победить на выборах.

В итоге необходимо отметить, что в настоящее время агитационные процессы в рамках ИК имеют множество критических уязвимостей, которые позволяют влиять на него, минуя действующие законодательные нормы. Это требует, на первом этапе, своевременного совершенствования норм избирательного права, соответствующего реальной структуре и особенностям современной информационной среды.

Также добавим, что принимаемые в последние годы поправки в избирательное законодательство не содержат позиции, которые отвечают современным условиям ведения избирательных кампаний. Законы о выборах в РФ продолжают регулировать избирательный процесс, не включая новые субъекты и информационные технологии.

Необходимо сразу сделать акцент на конструкции, которую автор использует в заголовке темы исследования – «избирательная информационная кампания». Предлагается понимать под этим не только агитацию, обозначенную в законодательстве России о выборах, но принять реальное положение вещей – то, что влияние на выборы в современной информационной среде человека происходит не только в агитационный период, очерченный избирательным законодательством, а непрерывно и, используя множество новых необычных методов и в значительно более интенсивной форме, доводящей порой до массовой истерии большую долю активных избирателей.

В качестве одного из выводов/предложений, по мнению автора, необходимо ввести новое понятие – «избирательная информационная кампания» – и понимать под ней непрерывный процесс информационного воздействия на избирателей, формирующий информационную повестку, убеждения, предпочтения, отношение избирателей к субъектам процесса «от выборов до выборов». Это понятие предлагается закрепить в избирательном законодательстве Российской Федерации.

В контексте исследуемой темы важен вопрос определения понятия «избирательные технологии». Избирательные технологии можно представить и как комплекс методов, используемых для воздействия на электорат, и как способ реализации избирательного права путем совершения юридически значимых действий (методов, приемов) для привлечения голосов избирателей.

Технологии, применяемые в этой сфере сегодня можно определить в качестве целого комплекса методик, которые способны эффективно влиять на избирателей. В такой совокупности методик, также присутствуют и инструменты, юридически

значимые действия, с помощью которых возможно привлечь большое количество голосов в ходе избирательной компании.

Многие исследователи, изучавшие данный вопрос, попытались создать определенную классификацию применяемых инструментов в процессе избирательной компании. Загайнов С.В., определил, что все технологии можно распределить по трем основным группам. В первой будут находиться законные избирательные технологии. Во вторую группу он отнес те, которые характерны разным этапам проведения компании, а третья состоит из дополнительных мер, с помощью которых возможно оперативно реагировать на все процессы компании [8. С. 48]. Если рассматривать высказывания Купцова О.П., то он утверждает, что все технологии возможно сгруппировать в две группы: правовые, и не правовые [9. С. 148].

Также среди научных работ, можно часто встретить мнение о том, что разделение всех информационных технологий на белые и черные, соответственно на юридически обоснованные и противоправные, как раз и показывает все механизмы проведения избирательной информационной компании. И именно исходя из практического опыта, видно, что широко применяется последний вариант технологий, которые, в принципе нельзя обозначить как формально правонарушающие, но они могут обладать негативным воздействием. Чаще всего к таким методам относятся те, в процессе применения которых, заметны нарушения прав, а сами участвующие в процессе могут проявлять неправильное поведение. Исходя из данного опыта, возможно выделить правомерные избирательные технологии, проведение которых, тем не менее, зиждется на злоупотреблениях правом [4. С. 63].

Еще один важный вопрос заключается в том, что существует некоторая проблема с электронным голосованием. Следует понимать, что современное законодательство РФ дает не очень корректное пояснение данному понятию [6. С. 30]. Данный термин введен в российское избирательное законодательство в 2005 г. Согласно п. 62 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» «электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы».

В случае практической реализации данной методики, гражданин определяется тем «устройством» и «программным обеспечением», которое и будет голосовать. Говорить о мобильности в данном случае, даже не приходится. Рассматривая положительный опыт электронного голосования во многих странах мира, мы обнаруживаем, что данный процесс довольно качественно и эффективно организован, граждане могут голосовать из любого места, где возможно выйти в сеть «Интернет», будь то дом, офис, парковая зона. И в данном случае, это довольно практично и эффективно, что и доказывают те примеры, которые иллюстрируют такое голосование в других государствах. Многие страны экспериментируют с таким видом электронного голосования, выстроенному на базе блокчейна. К примеру, удовлетворены результатами такого голосования Испания, Эстония, которая очень широко применяет такой вариант голосования [10. С. 36], Япония и прочие

страны. В Эстонии система электронного голосования разработана на основании цифрового профиля граждан: в личных документах жителей этой страны находится электронная подпись, которая является официальным и полным аналогом личной подписи каждого гражданина государства. С помощью такого электронного ключа, возможно проводить массу официальных действий в удаленном доступе. Это идентификатор личности.

Но и наше государство демонстрирует интересные и эффективные шаги, которые продуктивно развивают электронную систему голосования. Так, в России в марте 2022 г. приняли закон о том, что электронное голосование [2] в дистанционном виде, возможно проводить при помощи системы ГАС «Выборы» и иных электронных систем государства, обладающих лицензиями. Для того, чтобы отдать свой голос в пользу того или иного кандидата, необходимо будет пройти идентификацию, аутентификацию и подтвердить свою личность. Согласно закону, голосование проходит полностью анонимно, голоса подвергаются шифрованию. После окончания голосования, все голоса расшифровывают. Система также не позволит голосовать одному гражданину несколько раз.

Нельзя не согласиться, что «эффективное правовое регулирование избирательного процесса имеет огромное значение для любого демократического государства. Даже самые развитые страны, имеющие многовековую историю проведения избирательных кампаний, сталкиваются с многочисленными трудностями на этом пути, что наглядно продемонстрировали прошедшие недавно президентские выборы в США. Ситуация усугубляется общественным резонансом, сопровождающим избирательный процесс любого уровня, и значимостью его политических последствий» [13. С. 61].

Напомним, что в США, в 2019 г., принят так называемый DETER Act («Закон о защите выборов от троллей, представляющих враждебные режимы») запрещающий выдачу визы и въезд в США тем, кого уличили во вмешательстве в выборы, а канадский законопроект законодательно запретил финансирование предвыборных кампаний из иностранных средств. Партии обяжут сообщать, какие данные они собирают на избирателей.

Прежде всего, необходимо отметить самостоятельность подходов зарубежных стран в целом в вопросе регулирования реализации гражданами избирательных прав. О чем свидетельствует и судебная практика. Так, «ЕСПЧ по делу «Hirst v. United Kingdom» было вынесено постановление, признававшее нарушение положений Конвенции [3] в связи с установлением полного запрета на осуществление активного избирательного права для лиц, находящихся в местах лишения свободы, и указывающее на необходимость изменения британского законодательства в соответствии с данным решением. В свою очередь, Великобритания отказалась от исполнения этого решения, поскольку реализация предусматриваемых в нем мер свидетельствовала бы об ограничении суверенитета британского Парламента, который является исключительным субъектом, правомочным принимать политико-правовое решение о реализации гражданами избирательных прав» [16. С. 127].

Последние несколько лет были неординарными и в связи с пандемийными процессами и в связи с мощнейшим развитием цифровой экономики в целом.

Первый аспект повлиял на то, что многодневное голосование было признано лучшей международной практикой в период пандемии COVID-19. В западноевропейских странах «такая практика распространена в Великобритании, Германии, во Франции, в Швеции и др. Многодневное голосование является нормальным международным стандартом. В Швеции, например, граждане имеют право голосовать в течение 18 дней до дня основного голосования. В США в зависимости от штата такое голосование может длиться от 4 до 45 дней. Как отмечают эксперты, практика многодневного голосования хорошо зарекомендовала себя во время выборов в США и странах западной Европы, где ее используют уже не один год» [13. С. 68].

Что касается второго. В связи с активным развитием сквозных цифровых технологий активно внедряется технология блокчейна в избирательный процесс зарубежных стран, в связи с чем развивается и соответствующая правовая основа. Исследователи отмечают, что уже несколько лет во многих странах «проводятся эксперименты по дистанционному электронному голосованию на базе блокчейна. Среди них Австралия, Испания, Италия, Канада, Мексика, США, Франция, Швейцария, Эстония, Япония и др. Наиболее широко дистанционное электронное голосование применяется в Эстонии. Однако назвать эту систему достаточно надежной, к сожалению, нельзя, что дает повод для ее критики как в самой Эстонии, так и за ее пределами. Группа независимых экспертов опубликовала данные, из которых следует, что эстонский E-Voting имеет огромные недостатки, что превращает эту систему просто в открытую дверь на пути самых разных манипуляций. Что касается других названных стран, то эксперименты с дистанционным электронным голосованием, в том числе с использованием технологии блокчейн, чаще всего носят достаточно фрагментарный характер и проводятся на местном уровне» [10. С. 36].

Что касается подходов в целом к пониманию избирательной информационной кампании в современной информационно-коммуникационной технологической среде в зарубежных странах, приведем еще примеры.

Так, учеными кафедры политологии Университета Осло, Норвегии (П. Э. Лангсетер, Х. Гьерлев, М. Г. Сойландо), в журнале «Electoral Studies» опубликован материал «Всякий ли пиар – хороший пиар? Как содержание освещения в СМИ влияет на популярность кандидата» [17]. В исследовании учеными подтверждается, что освещение в СМИ напрямую влияет на рост политической популярности. Авторы проанализировали сотни тысяч статей в СМИ, отсортировали их по содержанию с помощью автоматического моделирования тем, тем самым создав уникальный набор данных о политических кандидатах, их популярности, а также характере освещения в СМИ, которое получают кандидаты. Проведя такой анализ, ученые обнаружили, что внимание СМИ действительно является электоральным активом. Кроме того, ими отмечается, что избиратели вознаграждают политиков за политически значимую демонстрацию, в то время как неполитическая демонстрация игнорируется или даже наказывается. Особое внимание ученые Норвегии в своей статье уделили анализу различных медийных эффектов. Они выделили разные типы политических медийных эффектов. Один из них, к примеру, эффект кадрирования. Это относится к тому, как СМИ освещают одни

аспекты проблемы, игнорируя другие, или используют разные слова и фразы для описания одного и того же явления таким образом, что это может повлиять на то, как аудитория воспримет историю. Эти медиа-эффекты могут объяснить, как освещение в СМИ может повлиять на электоральную судьбу отдельных партий или кандидатов. Например, если средства массовой информации постоянно изображают иммиграцию как проблему и побуждают избирателей заботиться об этом при голосовании, кандидаты от правых популистов могут стать более популярными. Однако эти эффекты не могут легко объяснить, почему повышенное внимание средств массовой информации в обществе связано с большим количеством голосов. Большое количество данных, полученных из политических наук и исследований в области СМИ, подтверждает мнение о том, что воздействие средств массовой информации ведет к повышению политической популярности. Так, ученые обнаружили, что партийные лидеры, которые были более заметны в средствах массовой информации, получили больше голосов на национальных выборах в Нидерландах в 1998 г. Также отметили, что освещение в СМИ более важно для популярности кандидата на общенациональных выборах в Бельгии, чем расходы на предвыборную кампанию. Чем больше внимания СМИ получает кандидат, тем больше голосов он получает. Но почему? Дело в том, что граждане в первую очередь знакомятся с политическим миром через средства массовой информации, и именно там они получают информацию о кандидатах. Почти очевидно, что доступ к информации о кандидатах жизненно важен, если избиратели хотят отдать предпочтение одному кандидату перед другим. Кандидаты могут посылать всевозможные сигналы через средства массовой информации: политическая позиция, политическая значимость, ценности, личные черты характера и т. д. Подводя итог своему исследованию, ученые кафедры университета Осло приходят к выводам, что весь пиар не обязательно хороший пиар. Они отмечают, что для оценки общего влияния, которое СМИ могут оказать на избирательную политику, их следует сравнивать с другими соответствующими источниками информации, к которым имеют доступ избиратели. Они предположили, что разные сегменты голосующего населения по-разному реагируют на разные типы освещения в СМИ. Возможно, эффект зависит от уровня образования или других переменных социального фона. Кроме того, разные категории кандидатов, например, мужчины и женщины, могут получать вознаграждение за разное освещение в СМИ.

Угрозы суверенности избирательного процесса в информационно-коммуникационной технологической среде напрямую связаны с проблематикой вмешательства (возможного вмешательства) извне на избирательный процесс того или иного государства.

Проанализируем ряд работ зарубежных авторов. К примеру, работу Йенса Дэвида Охлина «Вмешательство в выборы: реальный вред и единственное решение» [16]. Ученый утверждает, что информационная война в социальных сетях является незаконной не потому, что она представляет собой незаконное вмешательство против суверенитета государства, а скорее потому, что она представляет собой нарушение коллективного права народа на самоопределение. Понятие самоопределения обычно использовалось для обозначения права на отделение в си-

туациях, когда народное самоопределение не реализуется в рамках их нынешнего политического устройства. Но право на самоопределение гораздо больше и глубже. Оно включает в себя право народа выбирать свою политическую судьбу, в силу этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Йенс Дэвид Охлин идет гораздо дальше в своих рассуждениях, надеясь ответить на различные возражения о том, что вмешательство в выборы не представляет собой ничего более тревожного, чем осуществление права на свободу слова или право на участие в политическом процессе: «Если американцы могут выражать политические взгляды в Твиттере, то почему этого не могут делать русские? В частности, что не так с фермой троллей в России, нанимающей большую группу людей для публикации заявлений и мнений в Твиттере и Фейсбуке? Почему такое поведение ставит под угрозу коллективное право на самоопределение? Ответ на этот вопрос требует более полного представления не только о самоопределении, но и об определении внешних границ политической общности, т. е. кто является членом полит. Только после того, как у нас будет полный отчет о членстве в политической жизни – о том, кто является инсайдером, а кто – аутсайдером, и кто сможет дать определение этим терминам, – мы сможем понять ту роль, которую выборы играют в праве на самоопределение в соответствии с международным правом».

Так является ли вмешательство в выборы нарушением «народного суверенитета»? В политической теории и политологии понятие «народный суверенитет» относится к осуществлению политической воли нации или народа, и эта идея имеет гораздо больше общего с самоопределением, чем с техническое определение суверенитета, используемое юристами. Частью проблемы является сложность перевода: понятия, используемые юристами, политическими теоретиками и политиками, не всегда точно совпадают. Это не должно вызывать удивления, учитывая, что «суверенитет» – это что-то вроде групповой концепции, объединяющей множество различных идей. Но нам должно быть абсолютно ясно, что в контексте вмешательства в выборы ссылки на народный суверенитет находятся на правильном пути.

Следует отметить, что реальный вред вмешательства в выборы исходит от посторонних, участвующих в политическом процессе другого государства, но притворяющихся инсайдерами. Выборы должны быть выражением коллективной воли этого государства, как осуществление их коллективного права на самоопределение, а вмешательство извне искажает дискурс и угрожает трансформировать то, что в противном случае было бы выражением воли государства с выражением воли какого-либо другого государства. При этом скрытый характер вмешательства в выборы является неотъемлемой частью его вреда, потому что деструктивным во вмешательстве является участие внешних сил, маскирующихся под членов государства.

Ученый Йенс Дэвид предлагает некое решение, касающееся проблематики вмешательства в избирательный процесс и нарушения суверенитета. Автор утверждает, что решение будет проще, чем многие могли подумать. Поскольку вред исходит от аутсайдеров, притворяющихся инсайдерами, нет необходимости полностью устранять вмешательство в выборы – размещение мнений в Твиттере,

Фейсбуке и других социальных сетях. Все, что нужно сделать, это разоблачить вмешательство как чуждое по своей природе. Другими словами, кампании в социальных сетях должны быть идентифицированы как исходящие из-за пределов государства и признаны тем, чем они являются: аутсайдерами, маскирующимися под инсайдеров.

В условиях текущей геополитической ситуации вопросы международного взаимодействия по регулированию информационных кампаний в ходе избирательного процесса в Российской Федерации усложняются.

В связи с этим присоединимся к одной из высказанных позиций более 15 лет назад, но актуальной и сегодня: «Сегодня приходится констатировать, что в настоящее время отсутствуют конкретные и четкие юридические международные обязательства государств в избирательном процессе, а имеются только декларативные политические обязательства, которые по-разному трансформируются в нормы национального права, что по своей природе является допустимым и возможным с позиции современного международного публичного права, базирующегося на принципах политической независимости, суверенности, равенства и самоопределения» [5].

Действительно, в отсутствие четких критериев и норм проведения электоральных процедур в международных актах «оценка соответствия (или несоответствия) выборов и референдумов международным обязательствам государства зачастую носит ярко выраженный политический характер, не отражающий сущностных процессов, происходящих на территории того или иного государства. Международные мониторинговые миссии, к сожалению, работают не «на результат», предполагающий объективную оценку фактических обстоятельств организации проведения выборов и референдумов, а осуществляют сбор фактуры, обосновывающий предполагаемые выводы, исходя прежде всего из политической целесообразности.

Кроме того, по сути, верно отмечается, что в целом «государство не пользуется полной свободой в установлении места международно-правовых норм в собственном правовом порядке, будучи связанным и международными, и внутренними конституционными обязательствами» [14. С. 29]. И нельзя не согласиться с М. Лихачевым, что «проблема соотношения международного и внутригосударственного права уникальна: она эвристически неисчерпаема и бесконечно утилитарна. Неизбежной и самоценной глобализации неотступно противостоят регионализация и национализация внутригосударственных систем. Конкуренция международного и национального права так же объективна, как и их сопряжение. Таков контекст взаимодействия обеих систем права» [11. С. 31].

В настоящее время появляется все больше научных работ, посвященных вопросу электорального суверенитета, идее развития принципа ограничения иностранного вмешательства в избирательный процесс, причем в условиях современной информационно-коммуникационной технологической среды этот вопрос актуализируется еще больше.

И. Б. Борисов, заслуженный юрист России и член ЦИК, абсолютно точно подмечает, что в условиях распространения информационно-коммуникационных

технологий в особую разновидность скрытого вмешательства следует выделить те его формы, которые могут быть реализованы через социальные сети и в целом Интернет. Опасность вмешательства такого вида состоит в его фактически безграничном и неконтролируемом воздействии на избирателей за рамками установленных правил ведения кампаний. Наиболее часто используется метод преднамеренного искажения информации с «побуждающим эффектом» с последующим ее тиражированием и преумножением фальсифицированных данных» [5].

Вообще же, рассуждая о вопросах правового обеспечения суверенитета и информационной безопасности государства и общества (так называемого цифрового суверенитета), вопросах о применимом праве в ходе проведения избирательных информационных кампаний в условиях современной информационно-коммуникационной технологической среды, можно согласиться с мнением о том, что «о проблемах с территориальным действием законов юристы пишут уже давно, особенно при рассмотрении вопроса о праве, применимом к отношениям в киберпространстве. Среди слов, которые использовались и используются для описания этой проблемы, главных два – сложность и неопределенность. Это символически замыкает круг развития суверенитета как правовой категории. Созданный в XVII в. для увеличения правовой определенности и упрощения решения вопроса о применимом праве, в XXI в. суверенитет лишь порождает сложность и неопределенность в том, какими правовыми нормами руководствоваться субъектам» [7. С. 66].

Заключение. В качестве генерального вывода, определим, что эффективность организационно-правового обеспечения избирательной кампании в условиях информационной среды требует комплексного подхода при формировании системы мониторинга, включающего автоматизированную аналитику, на основе больших данных, с помощью специальных алгоритмов. Данное предложение основывается на целесообразности последовательного проведения системы взаимосвязанных организационно-правовых мероприятий, с целью предотвращения и минимизации возможных угроз и рисков в процессе избирательной информационной кампании в условиях современной информационно-коммуникационной технологической среды.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378687/ (дата обращения: 05.09.2022).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411443/ (дата обращения: 20.09.2022).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.09.2022).

4. Балаян Э. Ю., Гацко Д. В. Злоупотребление правом в избирательном процессе: теоретико-конституционный аспект // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 63.
5. Борисов И. Б. Проблемы международной легитимации выборов // Право и политика. 2006. № 10.
6. Гонтарь С. Г. Электронное голосование – новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 30.
7. Дмитрик Н. А. Государства в своем праве // Закон. 2021. № 11. С. 65–77.
8. Загайнов С. В. Избирательный процесс в современной России: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп: Московский открытый социальный университет, 2006. С. 48–49.
9. Купцов О. П. Виды избирательных технологий с точки зрения юриспруденции // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 146.
10. Либанова С. Э., Былинкина Е. В. Технология блокчейн: возможности и риски применения в избирательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 36.
11. Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 31.
12. Медиапотребление в России – 2020: исследовательский центр компании Делойт. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).
13. Петрыкина Н. И., Адигамов А. И. К вопросу об эффективности применения мер административной ответственности за нарушения законодательства о выборах // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 61.
14. Троицкая А. А. Дороги, которые мы выбираем: международные стандарты по взаимодействию органов государственной власти и местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 29.
15. Турищева Н. Ю. Активное избирательное право: развитие форм реализации // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 38.
16. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
17. Egge Langsæther, Haakon Gjerløw, Martin G.Søyland. Is all PR good PR? How the content of media exposure affects candidate popularity // Electoral Studies. Vol. 57. February 2019. P. 143–152.
18. Jens David Ohlin, Election Interference. International Law and the Future of Democracy: Cambridge University Press. Online publication date: June 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/election-interference/62027877A63505C5B6D93F485C5208B5> (дата обращения: 10.08.2022).

А. А. Чеботарева,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового обеспечения
государственного управления и экономики,
Российский университет транспорта

Е. А. Нестеров,

кандидат юридических наук,
директор Юридического института,
Российский университет транспорта

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО, ЦИФРОВОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. Исследуются особенности цифрового/технологического/информационного суверенитета применительно к транспортному комплексу. На основе исследования сформированных отечественных подходов и зарубежного опыта предпринимается попытка оценить степень сформированности технологического, цифрового и информационного суверенитета применительно к транспортному комплексу, выявив сильные и слабые стороны процессов цифровизации на транспорте в целом. Определяются основные направления формирования цифрового суверенитета в условиях организационно-правового обеспечения комплексной безопасности на транспорте. Под цифровым суверенитетом транспортного комплекса предлагается понимать такой уровень развития правового, технологического, экономического и информационного взаимодействия внутри транспортной инфраструктуры, который позволяет самостоятельно осуществлять цифровую трансформацию, формировать и управлять цифровой экосистемой всего транспортного комплекса, обеспечивать безопасность критической информационной инфраструктуры, исключая при этом любую возможность воздействия на ее устройство и устойчивость

Ключевые слова: информационный суверенитет, цифровой суверенитет, информационная безопасность, технологический суверенитет, транспортный комплекс, критическая информационная инфраструктура, обеспечение комплексной безопасности на транспорте

ON SOME FEATURES OF INFORMATION, DIGITAL AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE TRANSPORT COMPLEX

Abstract. The article studies peculiarities of digital/technological/information sovereignty applied to transport complex. On the basis of the study of the formed domestic approaches and foreign experience, an attempt is made to assess the degree of formation of technological, digital and information sovereignty in relation to the transport complex. Strengths and weaknesses of digitalization processes in transport as a whole are being identified. The basic directions of formation of digital sovereignty under condi-

tions of organizational and legal provision of complex security in transport are defined. By the digital sovereignty of the transport complex it is proposed to understand such a level of development of legal, technological, economic and information interaction within the transport infrastructure, which allows to independently carry out the digital transformation, To create and manage the digital ecosystem of the entire transport complex, as well as to ensure the safety of the critical information infrastructure, without any possibility of impact on its design and sustainability.

Keywords: Information sovereignty, Digital sovereignty, Information security, Technological sovereignty, Transport complex, Critical information infrastructure, Comprehensive transport security

Введение. Принятые новые документы стратегического планирования в сфере развития транспортного комплекса – Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. [2], принятая в июле 2022 г. Морская доктрина Российской Федерации [1] – по сути являются «цифровыми», предполагающими мощнейшую оцифровку многих его составляющих. И, несмотря на отсутствие непосредственной отсылки в данных документах к понятию суверенитета, задача по его формированию четко прослеживается, при этом речь и о технологическом суверенитете, и о цифровом, и об информационном в целом. Учитывая вышеобозначенное, целью настоящей статьи является исследование особенностей государственной политики в области формирования технологического, цифрового и информационного суверенитета применительно к транспортному комплексу. В процессе достижения этой цели решим следующие задачи: осветим сформированные теоретические подходы к пониманию категорий «технологический», «цифровой» и «информационный» суверенитет, в том числе на основе зарубежного опыта, оценим степень сформированности технологического, цифрового и информационного суверенитета применительно к транспортному комплексу, выявив сильные и слабые стороны процессов цифровизации на транспорте в целом, и определим основные направления развития цифрового суверенитета в условиях организационно-правового обеспечения комплексной безопасности на транспорте.

Основная часть. В связи с заложенным в обозначенной теме исследования вопросом – суверенитет информационный, цифровой или технологический, и что лежит в основе этих понятий – попытаемся на основе отечественных и зарубежных сложившихся подходов сформулировать ряд выводов. В этой связи интересны подходы ученых зарубежных стран к самому понятию цифрового/информационного суверенитета, в том числе поиск ответа на вопрос – а различают ли наши коллеги-ученые эти понятия?

Прежде всего, заметим – тематика цифрового суверенитета достаточно частая в прослеживаемых научных публикациях коллег-ученых различных стран. Это означает, что решению вопроса цифрового суверенитета придается определенное значение и очевиден запрос/потребность в изучении. Это связано со многими факторами.

Так, одним из лейтмотивов, с которым связывают понятие цифрового суверенитета, выступает тренд на устойчивое развитие и стабильность. Авторы статьи

«Digitale Souveränität und Resilienz: Voraussetzungen, Treiber und Maßnahmen für mehr Nachhaltigkeit» особо подчеркивают девиз Digital Summit 2020 – «Через цифровизацию к большей устойчивости», отмечая также значение Повестки дня Организации Объединенных Наций (ООН) в области устойчивого развития на период до 2030 г. [5]. Объединяя в целом 17 отдельных целей, Повестка дня ООН направлена на обеспечение глобального устойчивого развития на экономическом, экологическом и социальном уровнях. При этом отдельное внимание в документе уделяется вопросу о том, как цифровизация может способствовать повышению устойчивости и какую роль в этом играют цифровой суверенитет и устойчивость/стабильность.

Авторы вышеобозначенного научного исследования «Digitale Souveränität und Resilienz: Voraussetzungen, Treiber und Maßnahmen für mehr Nachhaltigkeit» предприняли попытку проанализировать драйверы, в числе которых государство, экономика, наука и общество, и которые могут оказывать положительное влияние на цифровой суверенитет и устойчивость. В результате ученые приходят к выводам, основывающимся на том, что при условии принятия соответствующих мер, эти значимые движущие силы способны создать эффективную динамику, которая положительно повлияет на как достижение общих целей устойчивого развития, так и на развитие цифрового суверенитета. Как итог – доказывается неразрывная связь между цифровым суверенитетом и устойчивым развитием. Однако указывается и на ряд проблем, в числе которых – различные виды цифровых зависимостей, которые ограничивают суверенитет на экономическом, государственном и социальном уровнях. Зависимость от цифровых технологий стала особенно очевидной во время коронакризиса, а цифровые «отставания» (например, в системе образования) были особенно очевидны. Тем не менее, по мнению авторов научного исследования, «цифровой суверенитет и цифровая устойчивость являются неперенными предпосылками самостоятельных новаторских действий бизнеса и правительства не только для решения проблем во время кризиса, но и для реализации долгосрочных политических стратегий» [11]. Применительно к Германии и Европе обозначаются несколько принципов, на которых должны основываться будущая жизнеспособность Германии и Европы, цифровой суверенитет и устойчивое развитие: 1) создание безопасных и устойчивых цифровых инфраструктур и обеспечение их надежности и прозрачности; 2) укрепление инновационного и инвестиционного потенциала правительства и бизнеса; 3) развитие цифровых навыков.

Есть и другие подходы. Так, исследуя проблематику цифрового суверенитета подростков, творческий коллектив авторов – Jane Müller, Mareike Thumel, Mareike Thumel, Katrin Potzel, Rudolf Kammerl [9] – на основе проведенного исследования, включающего и интервьюирование групп подростков на предмет сформированности индивидуального цифрового суверенитета, пришли к ряду неоднозначных выводов. С одной стороны, подростки сегодня обладают огромными возможностями для реализации своих собственных «шагов» в отношении своей безопасности в условиях цифровизации. Однако результаты исследования ученых показывают, что большинство подростков имеют лишь расплывчатое представление о своих собственных данных (персональных данных) и об их использовании, о характере так называемых «цифровых следов». На группу 100 с лишним подростков прихо-

дится лишь 7 человек, выделяющихся своим необыкновенным пониманием особенностей распространения информации в сети «Интернет», спецификой цифровых СМИ, социальных сетей и пр.

Если соотнести понятия информационный/цифровой/технологический суверенитет, можно заключить, что информационный суверенитет – понятие более широкое, поскольку оно предполагает объект – информацию. А цифровой – уже подразумевает технологию, связанную с обработкой этой информации.

Цифровой суверенитет государства подразумевает национальный Интернет, информационные системы, прежде всего, государственные, каналы доступа к базам данных.

Информационный же суверенитет – это цифровой суверенитет, плюс сам массив информации (включающий средства массовой информации – независимо от того, аналоговые они или цифровые, предвыборная агитация, информация о предпочтениях покупателей и пр.).

В свою очередь, используется сегодня активно также понятие технологического суверенитета, при этом отмечается, что «на сегодняшний день перед Россией на пути к достижению технологического суверенитета стоит несколько основных вызовов: ответ на «зеленую» повестку, создание собственного техноэкономического блока, экспортного пакета продукции сельского хозяйства, нового поколения транспортных логистических коридоров между Россией и странами Азии, экспорт глобальной безопасности и решение проблемы человеческого капитала» [7].

В целом, нельзя не заметить, что проблематика технологического суверенитета побуждает ученых практически всех стран на научный поиск в данном направлении. Среди таких научных работ отметим книгу и материалы конференций «Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky» [8] (Технологический суверенитет как способность, а не автаркия⁸) и «Technological sovereignty: Missing the point?» [10] (Технологический суверенитет: упускаете суть?) и др. В последней из них авторами детально исследуются многие составляющие технологического суверенитета, включая такие технические решения, как новые подводные кабели, шифрование и локализованное хранилище данных, также поддержка отечественной промышленности, международные кодексы поведения и законы о защите данных. Проведенный в этом исследовании анализ, основанный на технических предложениях, демонстрирует, что большинство из них не обеспечивают эффективной защиты от внешнего наблюдения. В конечном счете безопасность данных зависит в первую очередь не от того, где они хранятся изначально, а от того, как они хранятся далее и как передаются.

Исследование научных работ коллег-ученых других стран, мы пришли к выводу, что чаще всего по отношению к транспорту ими применяется понятие технологического суверенитета, что вполне оправдано и понятно. Встречаются отдельные монографии, как, к примеру «Technology, Sovereignty and International law» под авторством

⁸ Прим.: Авτάρκεια (от др.-греч. αὐτάρκεια — самообеспеченность; самодостаточность) система замкнутого воспроизводства сообщества, с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой.

Francis Lyall [12], где исследуются вопросы развития международного права в свете развития технологий. Авторы конкретно концентрируются на проблемах морское право, морского права, воздушного права, космического права, телекоммуникаций и стандартизации. При этом Лайалл отмечает, что догма суверенитета государства, вытекающая из Вестфальского мира, лежит в основе большей части современной международной системы. Однако развитие современных технологий привело к отходу этой идеологии от реальности. Обзор морского права, воздушного транспорта, телекоммуникаций, почтовых служб, космического права показывает, как в каждой из этих областей взаимодействие между государственным суверенитетом и развитием технологий привело к значительным правовым изменениям. Ученый подчеркивает значение государственного суверенитета во все более глобализованном мире.

Проанализировав основные нормативные правовые акты, можно проследить следующие тенденции. Так, в числе целей Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 № 1693-р утвержденной комплексной программы развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 г. [3] значится обеспечение технологического суверенитета в авиатранспортной отрасли Российской Федерации.

А в приказе Минтранса России от 19.07.2012 № 243 (ред. от 05.09.2014) «Об утверждении Порядка формирования и ведения автоматизированных централизованных баз персональных данных о пассажирах и персонале (экипаже) транспортных средств, а также предоставления содержащихся в них данных» [4] подчеркнуто, что в целях принятия мер по обеспечению национального суверенитета над информационными потоками на транспорте и выполнения требований транспортной безопасности обеспечивается ведение соответствующих информационных банков (баз) данных, в том числе их первичное формирование, российскими юридическими лицами с размещением необходимого для их ведения оборудования на территории Российской Федерации.

В Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. [2] при перечислении вызовов для транспортного комплекса, связанных с обороноспособностью страны и мобилизационной готовностью транспортного комплекса, сделан акцент на том, что условиях цифровой трансформации транспортного комплекса возрастает роль систем информационной безопасности, обеспечивающих защиту информационных ресурсов и цифровых сервисов транспортной системы, критически важных для бесперебойного функционирования различных видов транспорта.

А, раскрывая принципы развития транспортных услуг, важным направлением обозначено обеспечение требований транспортной безопасности на условиях приоритета состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства над экономической мотивацией и сервисными ожиданиями пользователей.

Вообще же вопросам цифровизации и цифровых технологий в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. отведено приоритетно много внимания, достаточно заметить, что понятия «цифровизация» и «цифровой» встречаются в документе 51 и 210 раз соответственно. При этом прямых отсылок к понятию суверенитета документ не содержит.

В отличие от Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. принятая совсем недавно Морская стратегия России [1] трижды упоминает про суверенитет и его значение, и связано это напрямую с содержанием национальных интересов Российской Федерации в мировом океане:

- независимость, государственная и территориальная целостность Российской Федерации, незыблемость суверенитета страны, распространяющегося на внутренние морские воды, территориальное море, их дно и недра, а также на воздушное пространство над ними;

- национальные интересы формируются с учетом вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации в Мировом океане, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, а также с учетом суверенитета и национальных интересов других государств;

- жизненно важные районы (зоны) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане непосредственно связаны с развитием государства, защитой его суверенитета, территориальной целостности и укреплением обороны, критически влияют на социально-экономическое развитие страны. Утрата контроля над ними может поставить под угрозу национальную безопасность Российской Федерации и само существование государства.

В условиях цифровой трансформации транспортного комплекса возрастает роль систем информационной безопасности, обеспечивающих защиту информационных ресурсов и цифровых сервисов транспортной системы, критически важных для бесперебойного функционирования различных видов транспорта.

Несмотря на употребление в основных документах стратегического планирования и нормативных правовых актах двух понятий – «технологический суверенитет» и «цифровой суверенитет» – по нашему мнению, применительно к транспортному комплексу сегодня скорее уместно применение термина «цифровой суверенитет», подразумевая объединение в этом понятии и цифрового, и технологического суверенитета. При этом, относительно содержания этого концепта, ближе всего определение цифрового суверенитета, данное исследователями Барановой А.Ф. и Шмагун Е.С. по отношению к ЕАЭС: «такой уровень развития производственного, правового, экономического и информационного взаимодействия стран-участниц, который позволяет самостоятельно осуществлять цифровую трансформацию, формировать и управлять цифровой экосистемой на территории Союза, исключая при этом любую возможность воздействия на устройство и устойчивость такой экосистемы извне» [6. С. 31]. Экстраполируя, можно сформулировать понятие цифрового суверенитета транспортного комплекса как такой уровень развития правового, технологического, экономического и информационного взаимодействия внутри транспортной инфраструктуры, который позволяет самостоятельно осуществлять цифровую трансформацию, формировать и управлять цифровой экосистемой всего транспортного комплекса, обеспечивать безопасность критической информационной инфраструктуры, исключая при этом любую возможность воздействия на ее устройство и устойчивость.

Заключение. На основе предпринятого анализа сформированных теоретических подходов к пониманию категорий «технологический», «цифровой» и «информационный» суверенитет, включающего исследование зарубежного опыта, нами выявлена специфика технологического, цифрового и информационного суверенитета применительно к транспортному комплексу, определены основные направления развития цифрового суверенитета в условиях организационно-правового обеспечения комплексной безопасности на транспорте. Сделан вывод, основанный в том числе и на содержательном характере основных стратегических документов, что применительно к транспортному комплексу сегодня более применим термин «цифровой суверенитет», при этом в целом формирование цифрового суверенитета транспортного комплекса – важнейшая составляющая обеспечения комплексной безопасности на транспорте.

Список литературы

1. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423278/ (дата обращения: 12.08.2022).
2. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (дата обращения: 12.08.2022).
3. Об утверждении комплексной программы развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 № 1693-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420200/ (дата обращения: 15.08.2022).
4. Об утверждении Порядка формирования и ведения автоматизированных централизованных баз персональных данных о пассажирах и персонале (экипаже) транспортных средств, а также предоставления содержащихся в них данных: Приказ Минтранса России от 19.07.2012 № 243 (ред. от 05.09.2014) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135431/ (дата обращения: 15.08.2022).
5. ООН: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ). СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.ohchr.org/ru/sdgs/about-2030-agenda-sustainable-development> (дата обращения: 12.08.2022).
6. Баранова А. Ф., Шмагун Е. С. Цифровой суверенитет ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 31.
7. Песков Д. Почему для России важен технологический суверенитет // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 01.09.2022).
8. Christoph March, Ina Kathrin Schieferdecker. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // SSRN Electronic Journal Follow journal. January 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3872378

9. Jane Müller, Mareike Thumel, Mareike Thumel, Katrin Potzel, Rudolf Kammerl. Digital Sovereignty of Adolescents // Medien Journal. 2020. 44 (1): 30–40. DOI: 10.24989/medienjournal.v44i1.1926. URL: https://www.researchgate.net/publication/345904193_Digital_Sovereignty_of_Adolescents (дата обращения: 22.08.2022).

10. Tim Maurer, Isabel Skierka, Robert Morgus, Mirko Hohmann. Technological sovereignty: Missing the point? // Conference: 2015 7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace (CyCon). May 2015. DOI: 10.1109/CYCON.2015.7158468

11. Thomas Bendig, Peter Ganten, Peter Ganten, Elmar Geese, Thomas Schauf. Digitale Souveränität und Resilienz: Voraussetzungen, Treiber und Maßnahmen für mehr Nachhaltigkeit // Conference: Digital Gipfel 2020At: online. December 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/353346959_Digitale_Souveranitat_und_Resilienz_Voraussetzungen_Treiber_und_Massnahmen_fur_mehr_Nachhaltigkeit (дата обращения: 12.08.2022).

12. Francis Lyall. Technology, Sovereignty and International law // London. Routledge. 2022. DOI 10.4324/9780429293368. P. 234.

Т. Ю. Чекалова,

аспирант,

Московский финансово-юридический университет

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование порядка дистанционного электронного голосования, анализ его преимуществ и недостатков, оценка отношения избирателей к применению на практике нового вида голосования с использованием сети «Интернет». Настоящая работа направлена на разработку предложений по эффективному сокращению имеющихся минусов в процедуре дистанционного электронного голосования, а также усовершенствование его действующей системы.

Ключевые слова: избирательное право, активное избирательное право, цифровые технологии, онлайн-голосование, дистанционное электронное голосование, ДЭГ

REMOTE ELECTRONIC VOTING: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Abstract. The purpose of this article is to study the procedure for remote electoral voting, analyze its advantages and disadvantages, consider the opinion of the election commission on the practice of a new type of voting using the Internet. The present work aims to develop proposals for the rapid reduction of benefits on benefits in procedures on preferential terms, as well as to improve its current system.

Keywords: Suffrage, Active suffrage, Digital technologies, Online voting, Remote electronic voting, DEG

На сегодняшний день цифровые технологии достаточно глубоко проникли во все сферы жизнедеятельности общества, и государственное управление, частью которого является избирательное право, не стало исключением. Так, с 2019 г. в Российской Федерации на выборах в качестве эксперимента применяется система дистанционного электронного голосования (ДЭГ) – голосования без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения [9]. Такая форма голосования реализуется на основе технологии блокчейн, основные характеристики которой, по мнению ряда исследователей, устраняют недостатки, препятствующие развитию электронного голосования, а именно связанные с обеспечением безопасности и одновременно открытости данных [10].

Для проведения ЦИК России для проведения ДЭГ имеет право образовывать территориальные избирательные комиссии дистанционного электронного голосования (далее – ТИК ДЭГ), исходя из предложений, поданных политическими партиями, выдвинувшими списки кандидатов, допущенными к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, законодательном органе соответствующего субъекта РФ, а также иных политических партий и общественных объединений, Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов РФ, где проводится дистанционное электронное голосование. Для подачи таких предложений установлен десятидневный срок, при этом не обозначены даты/события, которые ограничивают начало и окончание указанного срока.

Для реализации своего активного избирательного права посредством участия в дистанционном электронном голосовании избирателям следует подать соответствующее электронное заявление (одно по всем выборам, референдумам, на которых имеется право голосовать) на едином портале государственных услуг Российской Федерации (при наличии на нем действующей подтвержденной учетной записи, данные из которой сопоставлены с Регистром избирателей, участников референдума ГАС «Выборы» на комплексе средств автоматизации ЦИК России (КСА ЦИК России) в период не ранее чем за 45 дней и не позднее 24.00 по московскому времени за 3 дня до дня голосования. При подаче указанного заявления личность избирателя подтверждается путем введения им кода подтверждения.

После обработки таких заявлений не позднее чем за один день до дня голосования данные для составления списков участников ДЭГ записываются на внешний носитель информации, упаковываемый в конверт с целью сохранения конфиденциальности и неприкосновенности вложения, направляемый впоследствии в ТИК ДЭГ, где загружаются в распределенную базу данных для составления списков избирателей дистанционного электронного голосования в электронном виде.

В день голосования избиратель отдает свой голос на портале vybory.gov.ru, в том числе с использованием мобильного приложения, где получает доступ к ДЭГ, предварительно пройдя процедуры идентификации (сопоставление иден-

тификаторов введенного и имеющегося на едином портале государственных услуг Российской Федерации), аутентификации (верификация оригинальности введенного идентификатора, а также проверка взаимосвязи между последним и голосующим), подтверждения личности, а также ознакомления с техническими условиями дистанционного электронного голосования, без чего доступ к голосованию предоставлен быть не может. Пятизначный код, сгенерированный по запросу избирателя средствами программного обеспечения ДЭГ, и направленный на номер телефона, содержащийся на едином портале государственных услуг РФ, должен быть корректно введен на экранной форме, что представляет собой процедуру подтверждения личности, после прохождения которой осуществляется переход к электронному бюллетеню, с помощью которого избиратель отдает свой голос, при этом повторное волеизъявление не допускается.

По окончании времени голосования посредством программного обеспечения ДЭГ по команде председателя ТИК ДЭГ в электронном виде формируются списки участников ДЭГ по каждому избирательному округу, которые хранятся на внешнем носителе информации, помещаемом в сейф либо иное специально приспособленное для хранения документов место, в целях недопущения доступа к нему находящихся в помещении ТИК ДЭГ лиц. Из отдельных частей осуществляется сборка ключа расшифрования по окончании работы со списками участников ДЭГ, а затем с его использованием непосредственно расшифрование результатов дистанционного электронного голосования и, как результат, формирование электронного протокола об его итогах, подписанного электронной подписью каждым присутствующим членом ТИК ДЭГ, с последующим его размещением на официальном сайте ЦИК России и портале наблюдения ПТК ДЭГ.

В случае наличия нарушений в ходе дистанционного электронного голосования, которые не позволяют определить подлинность его результаты, итоги ДЭГ признаются недействительными, о чем в протоколе ТИК ДЭГ делается отметка.

Представляется, что разработка и внедрение новых форм осуществления активного избирательного права, в частности с использованием сети «Интернет», позволяет расширить возможности обеспечения участия граждан в управлении делами государства, а равно и улучшить позиции Российской Федерации в рейтинге стран по уровню сетевой готовности. Так, согласно докладу «Глобальные информационные технологии» Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике (индекс сетевой готовности NRI) [3].

Безусловно, внедрение голосования с использованием сети «Интернет» продиктовано уровнем развития цифровой среды и в первую очередь необходимо обозначить неоспоримые его преимущества такие, как удобство голосования, выраженное в отсутствии необходимости явки на избирательный участок, предоставлении избирателям возможности отдать свой голос в любом удобном для них месте, и как вытекающее из названного преимущество – повышение электоральной явки на выборы. Так, в выборах различного уровня, проходивших в семи регионах, а именно Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской областях, а также на муниципальных выборах в Москве, 11 сентября 2022 г. с использованием системы ДЭГ, приняли участие более 86 %

избирателей, которые были зарегистрированы для участия в дистанционном электронном голосовании [2].

Помимо указанного среди плюсов дистанционного электронного голосования стоит отметить автоматизацию подсчета голосов и статистики явки на выборы, возможность сведения к минимуму скопления большого числа избирателей на одном избирательном участке, что в условиях пандемии коронавируса было весьма актуально, а также искоренение голосования на дому за отсутствием необходимости его применения. Однако, как и в любом другом случае преимущества неразрывно связаны с наличием тех или иных недостатков.

Как указывалось выше, впервые в экспериментальном формате в городе Москве в 2019 г. было применено дистанционное электронное голосование на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва, при этом до его использования в несколько этапов было проведено его тестирование, и лишь два из четырех проведенных этапа были окончены без сбоев в работе цифровых избирательных участков. Помимо этого, по результатам пробных тестов обнаружились недочеты шифрования, отмечалось чрезмерно лишнее образование цифровых избирательных участков как причина возможности несоблюдения принципа тайного голосования, в частности по статистике эксперимента было выявлено 103 случая из 600, когда на конкретном участке оказывался всего лишь один избиратель из конкретного региона. В данном случае голосование на избирательном участке одного избирателя фактически исключает возможность соблюдения процедуры анонимизации (процесс, в результате следования которому представляется невозможным установить принадлежность отданного голоса конкретному лицу), что свидетельствует о явном нарушении принципа тайного голосования и ставит под сомнение итоги голосования как таковые. Таким образом, представляется целесообразным уменьшение количества цифровых избирательных участков до числа территориальных избирательных комиссий, а в крупных городах – меньше численности ТИКов.

По вопросу соблюдения принципа тайного голосования в ходе дистанционного электронного голосования существует несколько позиций, в том числе критикующих ДЭГ в этой части. С административным исковым заявлением о признании недействующим решения Московской городской избирательной комиссии от 18 июля 2019 г. «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» [8] в Мосгорсуд обращался кандидат в депутаты И.В. Ульянов. В обоснование требований иска кандидат в депутаты заявлял о том, что Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлено личное участие в голосовании без возможности использования в данном случае каких-либо альтернатив, чему противоречит Закон г. Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» [1], которым на членов избирательной комиссии не возложена обязанность по удостоверению личности избирателя непосредственно перед

голосованием. Кроме того, административный истец заявлял о том, что дистанционное электронное голосование, проведенное в качестве эксперимента, давало возможность голосовать за избирателя другому лицу [7]. Решением Московского городского суда административное исковое заявление оставлено без удовлетворения. Не согласившись с указанным решением, кандидат в депутаты обратился с апелляционной жалобой в вышестоящую инстанцию. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в ходе рассмотрения указанной жалобы проверила процедуру принятия оспариваемого решения на соответствие требованиям законодательства, предъявляемым к порядку принятия и опубликования такого рода актов, а непосредственно его текст был проанализирован в части не противоречия нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой, отсутствия нарушений прав административного истца в результате его применения. Проверая довод апелляционной жалобы о том, что применяемое программное обеспечение, не соответствующее автоматизированной системе ГАС «Выборы», не способно сохранить тайну выборов, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о предположительном его характере. На основании полученных выводов в удовлетворении апелляционной жалобы было отказано, решение Московского городского суда от 26 июля 2019 г. оставлено без изменений.

На нарушение тайны голосования и вмешательство в подсчет голосов посторонних лиц в качестве доводов административного искового заявления об оспаривании решений Московской городской избирательной комиссии «О проведении голосования на выборах в течение нескольких дней подряд», «О дистанционном электронном голосовании на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве 11 сентября 2022 г. указывал и зарегистрированный кандидат в муниципальные депутаты московского района Лефортово Ф. Кузин, однако решением Московского городского суда в удовлетворении указанного административного иска отказано, поскольку оспариваемый порядок дистанционного электронного голосования соблюдает принцип тайны голосования, а также предусматривает процедуру точной идентификации личности избирателя, в доказательство чего она детально изложена в рассматриваемом судебном акте. Отклоняя довод административного истца о вмешательстве в подсчет голосов посторонних лиц в ходе дистанционного электронного голосования, суд указывает на то, что оспариваемое Положение не содержит положений, позволяющих вмешательство посторонних лиц в подсчет голосов избирателей. Напротив, Порядок содержит положения об исключении такого вмешательства, предусматривая использование специального программного обеспечения для формирования ключей зашифрования и расшифрования результатов волеизъявления избирателей, а также для разделения ключа расшифрования на заданное количество частей и последующей сборки ключа расшифрования из предоставленных частей [6].

В январе 2022 г. стало известно о том, что Комитет Государственной Думы Федерального Собрания РФ по государственному строительству и законодательству рекомендовал к принятию в первом чтении законопроект о правилах дистанционного электронного голосования, предложенным партией «Единая Россия» в декабре

2021 г. Вместе с тем указанная законодательная инициатива не была поддержана абсолютным большинством политических партий, в частности КПРФ высказалась против законопроекта, мотивировав свой протест недоверием к действующему порядку проведения ДЭГ со ссылкой на правоприменительную практику ФРГ, а именно запрет в Германии Верховным судом онлайн-голосования по причине невозможности сохранения принципа тайного голосования. Помимо указанного представители КПРФ в качестве причины недоверия к дистанционному электронному голосованию обозначали отсутствие прозрачности выборов таким способом и, как результат, выступили с предложением по запрету дистанционного электронного голосования как такового. Представители «Единой России» в части доводов о невозможности обеспечения прозрачности процедуры голосования заявили о вероятной доработке проекта закона во втором чтении путем внесения в него регламентации порядка наблюдения за ДЭГ со ссылкой на поддержку выдвинутого к рассмотрению законопроекта Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и Общественной палатой Российской Федерации, высказанной в ходе его обсуждения. В марте 2022 г. соответствующие поправки в законодательство, регламентирующее избирательный процесс без детализации процедуры наблюдения за дистанционным электронным голосованием были приняты Государственной Думой РФ. Несмотря на то, что пробел в части отсутствия правовой регламентации порядка наблюдения за ДЭГ был восполнен с принятием Постановления Центральной избирательной комиссии от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем»[5], вопрос наличия угрозы соблюдения принципа тайного голосования при проведении выборов с использованием ДЭГ на сегодняшний день остается открытым.

До 10 сентября 2022 г. в преддверии единого дня голосования 11 сентября 2022 г. Центральной избирательной комиссией Российской Федерации зафиксированы более двадцати девяти тысяч потенциально опасных воздействий и 94 DoS-атаки на серверы и сайты ЦИК России, о чем на пресс-конференции сообщила председатель ЦИК Элла Памфилова [1].

Проведенное в июле 2020 г. по результатам голосования по поправкам к Конституции РФ совместно Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Центром политической конъюнктуры исследование на предмет анализа мнения избирателей в части применения голосования с использованием сети «Интернет» как форму реализации активного избирательного права показало следующие результаты. Респонденты в качестве минуса дистанционного электронного голосования отмечают простор для фальсификаций (21 %), риск утечки данных (15 %) и отсутствие Интернета/слабый Интернет (12 %) [3], где первые два недостатка обуславливают низкий уровень доверия избирателей к процедуре выборов, а последний связан с недоработками в области цифровизации избирательного процесса, при этом все недостатки взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой.

Помимо возможных проблем с Интернетом в части пробелов, обнаруживаемых при внедрении цифровых технологий в избирательные процедуры, можно от-

метить отсутствие единства среди порталов, обеспечивающих проведение ДЭГ. Так, в городе Москве дистанционное электронное голосование реализуется через портал <http://mos.ru>, а в иных регионах, где применялось ДЭГ, избиратели могли отдать свой голос через сервис <http://vybory.gov.ru>. На выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, прошедших 17 сентября 2021 г., имели место сбои в работе московского портала, которые спровоцировали создание «электронных очередей», появление сообщений о превышении количества одновременных запросов к системе, предложений принять участие в голосовании позднее. В работе сервиса, примененного в субъектах РФ, таких неполадок выявлено не было, вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что это может быть единичным случаем, а в дальнейшем в ходе последующих избирательных кампаний исключено выявление подобных сбоев. При таких обстоятельствах представляется актуальной необходимость совершенствования работы порталов, на площадках которых проходит дистанционное электронное голосование, в том числе создания условий, при которых будет сведена к минимуму возможность перегрузки сервиса даже при условии участия в выборах посредством дистанционного электронного голосования большего числа избирателей, чем на традиционных избирательных участках.

Также следует отметить, что дистанционное электронное голосование в рамках избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, проходившей в сентябре 2021 г., было регламентировано порядком онлайн-голосования, который предусматривал некоторые различия между платформами, используемыми для голосования в Москве и иных регионах России, такие как предоставление голосующим в столице возможности изменения своего уже сделанного выбора, что спровоцировало трудности в подсчете голосов и, как следствие, оспаривание результатов выборов, и обусловило необходимость разработки единых требований для ДЭГ для всех субъектов Российской Федерации, о чем высказалась председатель ЦИК России Эллы Памфилова [2; 8].

Применение таких мер в первую очередь обусловлено необходимостью обеспечения доверия со стороны избирателей и кандидатов к такой форме голосования, а выявление вышеупомянутых сбоев порождает сомнения в достоверности результатов выборов, что само собой провоцирует снижение количества избирателей, принимающих участие в выборах, и, как следствие, несоблюдение принципа всеобщности голосования в Российской Федерации. Так, в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, проходивших в сентябре 2021 г., по сообщению председателя ЦИК России Эллы Памфиловой, принял участие 51,72 % общего числа избирателей, при этом стоит обратить внимание, что голосование длилось три дня (17–19 сентября), как мера в борьбе с коронавирусной инфекцией, предполагающей обеспечение возможности проголосовать, сократив при этом массовое скопление граждан на избирательных участках. Безусловно, на процент явки повлияла сложная эпидемиологическая обстановка в стране, но вместе с тем очевидно, что это не могло стать первопричиной того, что в выборах не приняла участия практически половина общего числа граждан РФ, обладающих активным избирательным правом. В первую очередь такая низкая избирательная

активность обусловлена отсутствием заинтересованности избирателей в участии в выборах по причине укоренения в массах мнения о невозможности влияния на их результаты, которые предрешены до их начала. Кроме того, равнодушие граждан РФ к участию в управлении делами государства обуславливает отсутствие важного условия для признания выборов состоявшимися, как соблюдение определенного порога явки (установленного на законодательном уровне количества избирателей, явившихся на выборы и проголосовавших, от общего числа избирателей, в случае недостижения которого результаты выборов не могут быть признаны легитимными). Представляется, что повышение уровня доверия со стороны избирателей к дистанционному электронному голосованию позволит повысить явку на выборы, а равно соблюсти принцип всеобщности голосования на выборах в РФ. Так, согласно позиции Конституционного Суда РФ, накопленный современными государствами опыт в сфере избирательного законодательства в том числе в части голосования по сети «Интернет», свидетельствует о том, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует и росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности [4].

Подводя итоги проведенного анализа дистанционного электронного голосования, стоит отметить сложность его использования, в частности среди возрастного населения, в связи с отсутствием разработанных рекомендаций и инструкций по участию в такой форме голосования, кроме того у таких категорий избирателей могут отсутствовать личный кабинет на портале «Госуслуг», необходимый для регистрации, возникать проблемы в пользовании гаджетами.

Таким образом, дистанционное электронное голосование – закономерная стадия развития форм реализации активного избирательного права в Российской Федерации, обусловленную определенным уровнем цифровизации общества, позволяющую повысить явку избирателей на выборы, тем самым обеспечить соблюдение принципа всеобщности выборов и одновременно повысить степень доверия граждан к процедуре формирования тех или иных органов государственной власти. Одновременно с положительными своими сторонами ДЭГ кроет в себе ряд рисков, таких как угрозу сохранения принципа тайного голосования (одного из основополагающих принципов проведения выборов в России), препятствия в осуществлении наблюдения за ходом голосования, иными словами под сомнением находится прозрачность процесса сбора и подсчета голосов. Наряду с возможными нарушениями принципов выборов, которые могут поставить под сомнение их легитимность, имеют место такие недостатки дистанционного электронного голосования, как недоверие к независимости его результатов, сложность для отдельных категорий избирателей его использования, несовершенство платформ проведения голосования посредством сети «Интернет», что, как представляется, дает основания считать целесообразной необходимость сохранения некоего переходного периода, в который будут применяться одновременно традиционное голосование на избирательных участках и дистанционное электронное голосование, что позволит искоренить имеющиеся технические недостатки ДЭГ и адаптировать избирателей к новому формату голосования.

Список литературы

1. В России завершилось трехдневное голосование. Первые итоги выборов. URL: <https://rtvi.com/news/v-rossii-zavershilos-trehdnevnoe-golosovanie-pervye-itogi-vyborov/> (дата обращения: 13.09.2022)
2. Минцифры подвело итоги работы цифровых сервисов на выборах 2022 года // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41956/> (дата обращения: 13.09.2022)
3. Наблюдателей впишут в ДЭГ. Официальный сайт газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5172944> (дата обращения: 13.09.2022).
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
5. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим решения Московской городской избирательной комиссии от 18.07.2019 N 102/3 «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: Решение Московского городского суда от 26.07.2019 по делу № 3а-4301/2019 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KyYbWDTqQYTj8eWx&cacheid=99DD93944A9EC49B45F4B283E55C5644&mode=splus&rnd=1jDmUQ&base=AOCN&n=10521399#XZzbWDT0SDS95xsB1> (дата обращения: 13.09.2022).
6. О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем: Постановление ЦИК России от 08.06.2022 N 86/716-8 // Вестник ЦИК России. 2022. № 5.
7. О признании незаконными и недействующими решения от 24 июня 2022 г. № 11/1 «О проведении голосования на выборах в течение нескольких дней подряд», решения от 21 июля 2022 г. № 15/2 «О дистанционном электронном голосовании на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве, назначенных на 11 сентября 2022 года», решения от 28 июля 2022 г. № 17/8 «О порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве, назначенных на 11 сентября 2022 г.: Решение Московского городского суда по делу № 3а-4078/2022 по административному исковому заявлению Кузина Филиппа Александровича к Московской городской избирательной комиссии» // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/1422d950-1d2f-11ed-8e9f-cb74553b9e4e?participants=%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 13.09.2022).
8. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: Закон г. Москвы от 22 мая 2019 г. № 18 // Официальный сайт Московской Городской Думы. URL: <http://www.duma.mos.ru/> (дата обращения: 08.08.2022 г.).

9. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г.) // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

10. Пионеры интернет-выборов. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov> (дата обращения: 11.08.2022).

11. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.04.2014. № 16. Ст. 1922.

12. Против электронного голосования. В Мосгорсуде состоится слушание административного дела по иску кандидата в депутаты Мосгордумы И. В. Ульянченко. Пресс-служба МГК КП РФ, 25 июля 2019 г. URL: <https://kprf.ru/activity/elections/186859.html/print> (дата обращения: 11.08.2022).

13. Шушания Ш. С. Цифровизация избирательного процесса и избирательные права в цифровую эпоху // Юрист. 2022. № 1. С. 55–61.

С. А. Шавров,

кандидат технических наук, доцент,

Белорусский государственный технологический университет

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНСАЛТИНГ В ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты посевной стадии стартап-проекта платформы функционально-правового консалтинга. Особенность предложенной цифровой технологии консалтинга в том, что она осуществляется ИТ-платформой системы, основанной на процессном подходе. Проект рассчитан на лиц, нуждающихся в е-услугах консалтинга в силу правовой неосведомленности по исполняемому ими или с их участием конкретному бизнес-процессу. Консалтинг осуществляется в проактивном режиме, в реальном масштабе времени. Проект имеет целью содействовать снижению числа разрешения жизненных ситуаций в судебном порядке, имеет практически неограниченные перспективы развития, что связано с большим количеством бизнес-процессов и с их постоянным реинжинирингом в цифровой экономике. Проект планируется положить в основу проектно- и практико- ориентированного обучения студентов, магистрантов, аспирантов при разработке моделей бизнес-процессов для базы знаний системы.

Ключевые слова: цифровые технологии и право, консалтинговые платформы, процессный подход, информационный, функциональный и правовой консалтинг, мгновенный консалтинг, проактивные услуги, правовая помощь, практико- и проектно-ориентированное обучение

FUNCTIONAL-LEGAL CONSULTING IN THE PLATFORM ECONOMY

Abstract. The article discusses the results of the seed stage of the functional legal consulting platform start-up project. The features of the proposed digital consulting technology is that it is carried out by the IT platform of the system based on the process approach. The project is designed for people who need an e-consulting service due to legal ignorance of the specific business process they are executing. Consulting is carried out proactively, in real time. The project aims to help reduce the number of resolution of life situations in court, has almost unlimited development prospects, which is associated with a large number of business processes and their constant reengineering in the digital economy. The project is planned to be used as the basis for project- and practice-oriented training of students, undergraduates, postgraduates in the development of business process models for the knowledge base of the system.

Keywords: Digital technologies and law, Consulting platforms, Process approach, Information, Functional and legal consulting, Instantaneous consulting, Proactive services, Legal assistance, Practice and project-oriented training

Введение. Проблемно-ориентированный консалтинг – консалтинг, ориентированный на решение существующих проблем. Известна классификация проблемно-ориентированного консалтинга на три вида: 1) правовой консалтинг по общеюридическим вопросам, 2) функциональный консалтинг по конкретному виду деятельности (по производственной функции), 3) маркетинговый консалтинг. Последний – означает деятельность по консультированию продуцентов, продавцов, покупателей по вопросам деятельности предприятия, оценки торгово-политических условий, экспортно-импортных операций, по оценке и разработке ТЭО на внедрение новых технологий и производств [1].

Одна из основных функций правового консалтинга – предоставлять справки по юридическим вопросам в аспекте отрасли или подотрасли права; видов норм права; документов (формы права); дат (фактов) принятия норм права; организации, принявшей конкретную норму права. Пример – система Консультант Плюс. Справочная правовая система ГАРАНТ построена по модульному принципу и включает в себя 40 специализированных блоков по всем разделам российского законодательства и 145 блоков по законодательству субъектов РФ [2]. В [3] обозначен перспективный проект системы «Правовая помощь» предназначенный для правового информирования и правового просвещения населения, а также предоставления равного доступа к квалифицированной бесплатной юридической помощи. Проектом предусматривается создание единой платформы, обеспечивающей подключение всех участников и реализующей: сервисы для граждан (поиск НПА по жизненным ситуациям, поиск поставщиков помощи и ее получение онлайн (все этапы); сервисы для поставщиков помощи (запись на прием, оказание помощи онлайн, учета факта оказанной помощи); межведомственное взаимодействие для подтверждения категории гражданина (интеграция с инфраструктурой больших данных электронного правительства) и т. п. Граждане могут получить рекомендованный алгоритм действий, сведения

о необходимом НПА, о государственной организации, ответственной за данную сферу. Цель проекта – обеспечение правового просвещения населения и контроль качества юридической помощи.

Ниже рассматриваются результаты посевной стадии стартап-проекта системы ИТ-платформы, объединяющей правовую и функциональный консалтинг в единой электронной услуге (далее – проект).

Основная часть. В основу проекта положены следующие идеи:

1. Идея процессного подхода. Процессный подход – подход к анализу деятельности любого института, основанный на выделении и рассмотрении его бизнес-процессов, каждый из которых протекает во взаимосвязи с другими бизнес-процессами или внешней средой. Такой подход означает существование моделей бизнес-процессов, представленных на специальных языках. Бизнес-процессы обычно составляются бизнес-аналитиками, обладающими, в том числе, знаниями законодательства по конкретному виду деятельности.

2. Идея проактивной услуги. Проактивная услуга в рассматриваемом проекте – услуга, которая по каждому выбранному бизнес-процессу предлагает совокупность действий сама, без специальных запросов, объясняет их правовой регламент.

3. Идея мгновенного консалтинга. Заключается в том, что консультация по тому или иному потоку, событию или действию бизнес-процесса готовится специалистом-консультантом (бизнес-аналитиком) заранее, а услуга консалтинга оказывается за секунды в текстовой, речевой или видео-форме по схеме 24/7.

Концептуальная схема системы функционально-правового консалтинга приведена на рис. 1.

Классификатор бизнес-процессов. Обеспечивает выбор пользователем предмета функционального консалтинга. Предметом консалтинга может быть, например, бизнес-процесс исполнения административной процедуры, бизнес-процесс заключения и исполнения договора об отчуждении недвижимой собственности, бизнес-процесс разрешения спора в той или иной жизненной ситуации и т. п.

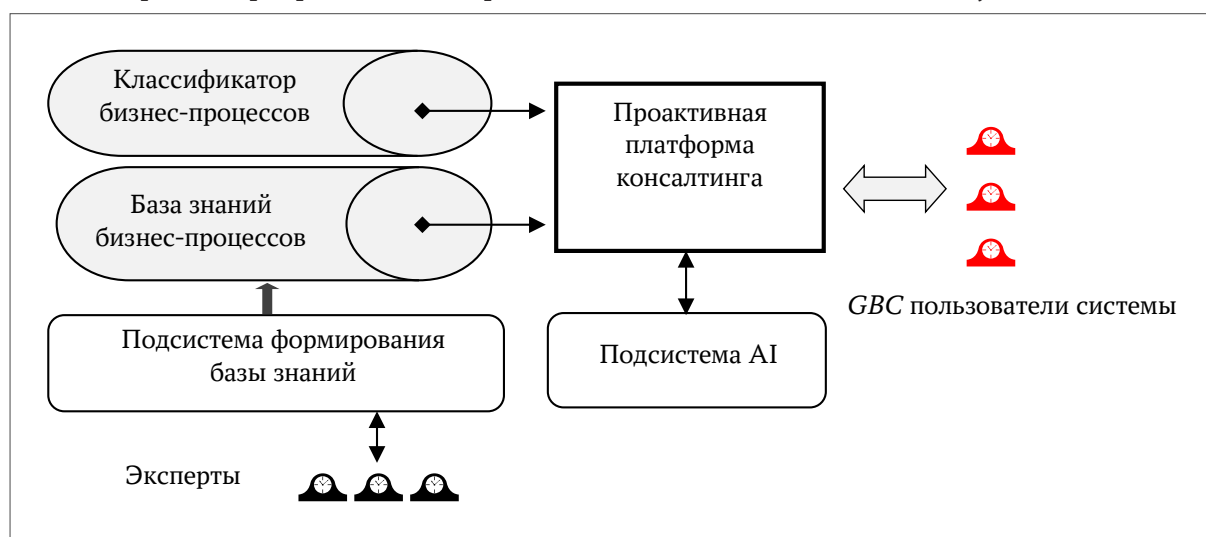

Рис. 1. Концептуальная схема системы функционально-правового консалтинга

База знаний бизнес-процессов. База знаний хранит совокупность моделей бизнес-процессов на языке BPMN. Обеспечивает исполнение консалтинга по шаблону, предлагаемому моделью процесса. Язык содержит такие сущности (базовые объекты), как событие (event), действия (activity), шлюзы (gateway), потоки (flow), данные (data), дорожки (swimlane), пулы (pool) и др. Одним из базовых объектов модели, имеющий ключевое значение для правового консалтинга, является объект под названием «артефакт» (artefact). Это объект, не являющийся действием. Это могут быть любые документы, данные, информация, которые не влияют напрямую на исполнение процесса, но связанные с ним. Артефакты применяют для различных уточнений к диаграмме бизнес-процесса. Это могут быть комментарии, пояснения, ссылки на тексты правовых актов, которые определяют действие, ссылки на видео- или аудио файлы записи любых консультаций. Артефакты модели обеспечивают правовой консалтинг по каждому обозначенному объекту в контексте бизнес-процесса в целом. Место, содержание, связь артефактов с объектами модели определяет специалист, автор модели бизнес-процесса.

Подсистема формирования базы знаний. Базу знаний бизнес-процессов формируют бизнес-аналитики по схеме: предмет консалтинга (консалтинговая услуга) – кластер основных и вспомогательных бизнес-процессов предмета консалтинга – BPMN-модели бизнес-процессов кластера – законодательство, определяющее регламенты бизнес-процессов – текстовые, аудио, видео файлы правового консалтинга, определенные артефактами. Творческая деятельность эксперта бизнес-аналитика осуществляется не после возникновения правоотношений с пользователем-заказчиком услуги, а до того, применительно к конкретному объекту бизнес-процесса.

Подсистема интеллектуального агента AI системы. Это программа, самостоятельно выполняющая функцию консалтинга. Поведение агента основано на модели бизнес-процессов согласно схеме на рисунке 2. AI предлагает пользователю графический образ модели, спрашивает имеется ли у пользователя интерес к консалтингу по отдельному объекту модели, согласно ссылкам артефактов, осуществляет консалтинг на основе файлов консалтинга, скрытых в базе знаний или на внешних носителях. Это могут быть формы определенных документов, выдержки из законодательных актов или технических стандартов, аудио или видеозаписи лекции экспертов. Фактически AI поясняет пользователю кто, как, когда, почему должен выполнить то или иное действие процесса и как это все защищено законодательством.

Проактивная платформа. Обеспечивает предоставление пользователю электронной услуги консалтинга AI по конкретному бизнес-процессу через сеть Интернет.

GBC пользователи системы. Пользователи e-услуг функционально-правового консалтинга – это, прежде всего, лица, нуждающиеся в них в силу правовой неосведомленности по исполняемому бизнес-процессу (государство, бизнес, граждане).

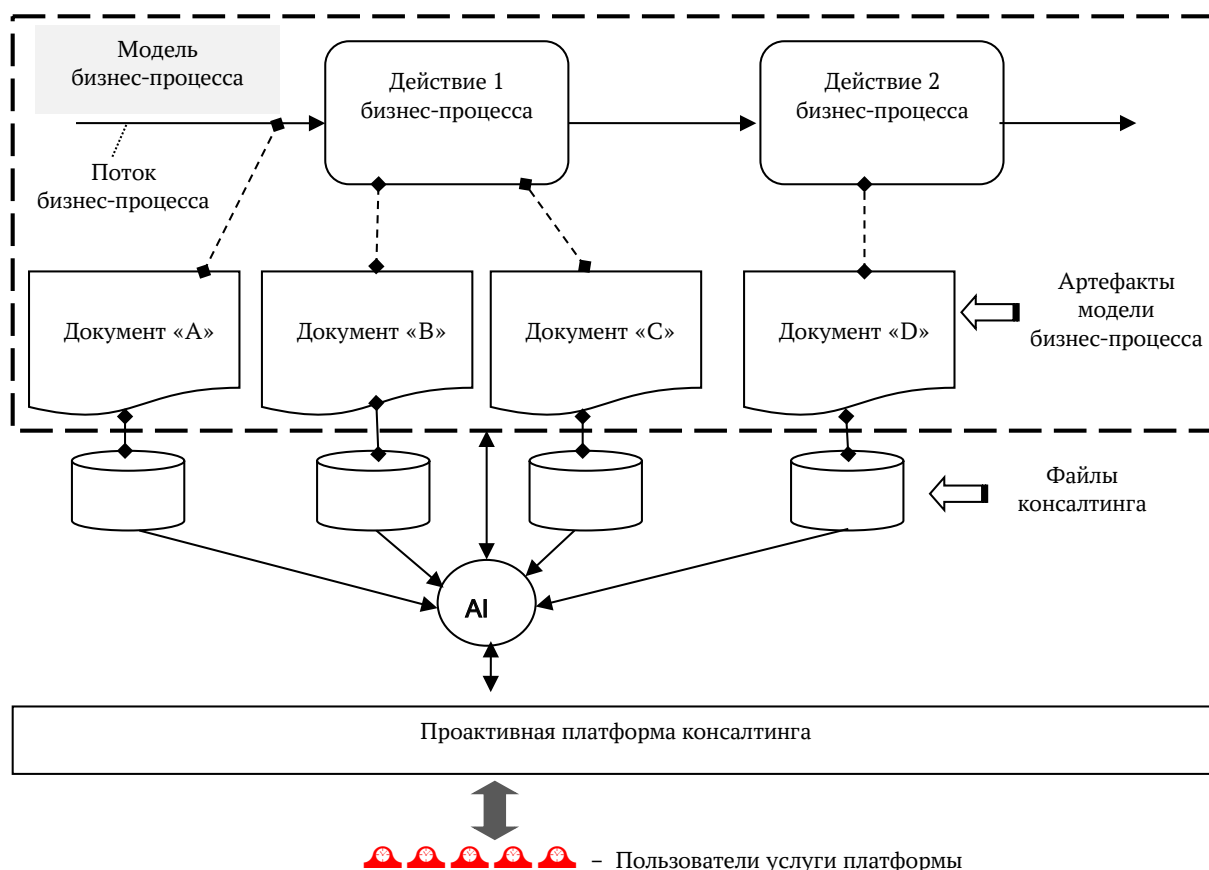

Рис 2. Концептуальная схема взаимодействия интеллектуального агента AI с пользователями консалтинговых услуг

Закключение. Проект функционально-правового консалтинга имеет неплохие перспективы, в силу своего несколько уникального воздействия на общество, а именно:

- 1) если платформа приобретет статус «национальной», то все население страны будет действовать по единым регламентам исполнения бизнес-процессов и иметь возможность юридического самообразования по ним;
- 2) проект будет содействовать снижению риска правонарушений, количества обращений граждан в суд в силу информированности населения о правовой основе действий по разрешению их жизненных ситуаций;
- 3) платформа имеет практически неограниченные перспективы развития, что связано с большим количеством бизнес-процессов и с их реинжинирингом в цифровой экономике;
- 4) проект может быть положен в основу проектно- и практико- ориентированного обучения студентов, магистрантов, аспирантов, будущих бизнес-аналитиков, менеджеров, экономистов, юристов при подготовке моделей бизнес-процессов для базы знаний системы.

Список литературы

1. Данелян Т. Я., Квятковский А. В. Информационные технологии в сфере юриспруденции // URSS. 2017. 104 с.
2. Даценко Ю. Н. Перспективные проекты цифровой трансформации в сфере деятельности Министерства Юстиции РФ // Информационные технологии и право: правовая информация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф (г. Минск, 28 окт. 2021) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 43-52.
3. Правовая система ГАРАНТ // НТПЦ. URL: <https://ntpc.ru/garant> (дата обращения: 05.08.2022).

И. В. Шахновская,

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой конституционного права
и государственного управления,
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Цель исследования – определить основные пути эволюции конституционного права в условиях цифровизации. В статье исследуются важные направления теоретических исследований в области цифровизации права, ставится акцент на наличии пробелов в конституционной доктрине в данной сфере. Выделяются основные направления эволюции конституционно-правовых институтов (основы конституционного строя, институт прав и свобод человека, государственный суверенитет) под воздействием информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация, эволюция, конституционно-правовой институт, цифровое государство, информационный суверенитет, право на информацию, конституционная реформа

EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. The purpose of the study is to determine the main ways of evolution of constitutional law in the context of digitalization. The article explores important areas of theoretical research in the field of digitalization of law, focuses on the presence of gaps in the constitutional doctrine in this area. The main directions of the evolution of constitutional and legal institutions (the foundations of the constitutional system, the institution of human rights and freedoms, state sovereignty) under the influence of information technologies are highlighted.

Keywords: digitalization, evolution, constitutional and legal institution, digital state, information sovereignty, right to information, constitutional reform

Введение. Актуальность исследования цифровизации отдельных институтов конституционного права обусловлена объективным развитием конституционно-правовых отношений, требующих нового теоретического переосмысления и правового регулирования. В настоящий момент ведутся дискуссии в части определения понятий «цифровое государство», «информационный суверенитет», «цифровые права» и др. В то же время данные категории не получили должного понимания в науке конституционного права.

Основная часть. Юридические аспекты цифровизации права в современный период рассматриваются с различных позиций. В частности, отдельный блок исследований посвящен изучению вопросов о развитии права под воздействием информационных технологий (Э. В. Талапина, А. А. Карцхия, А. А. Саурин и др.). Так, интересной позиции придерживается Э. В. Талапина в части акцентирования внимания на том, что «классическая» теория права находится под угрозой в современный период по причине воздействия информационных технологий на право в целом. При этом автор указывает на трансформацию субъекта правовых отношений, сущности правовых отношений (к примеру, за счет появления новых юридических фактов – виртуальных действий) и др. [7. С. 6].

Ряд исследований касается переосмысления цифровизации права в рамках юридической доктрины, а также рисков в праве, обусловленных происходящими информационными процессами (А. И. Николаев, А. И. Овчинников и др.). Нам близка позиция А. И. Николаева, который в числе рисков цифровизации права учитывает следующие из них:

А) смена менталитета субъектов в правотворческой и правоприменительной деятельности;

Б) определенные трудности правового регулирования виртуальных правовых отношений;

В) возрастающие риски совершения правонарушений и преступлений в сети «Интернет», обусловленные сложностями в их выявлении и предотвращении [3. С. 46].

Место личности и искусственного интеллекта в правовых отношениях в условиях цифровизации права были исследованы такими учеными, как А. В. Холопов, С. А. Воронцов, А. А. Васильев, А. С. Александров и др.). К примеру, А. В. Холопов придерживается весьма негативной позиции о влиянии цифровых технологий на личность в части «торможения» развития у последнего когнитивных и познавательных качеств за счет внедрения системы искусственного интеллекта [10. С. 9]. Отметим свою неприверженность такому подходу, поскольку, на наш взгляд, с развитием системы искусственного интеллекта возрастает неизбежность возникновения конкурентных правоотношений, где личность вступает в борьбу с искусственным интеллектом за право выступать в качестве субъекта правовых отношений. Следствием этого, наоборот, будут выступать процессы развития познавательных навыков у человека.

Нельзя оставить без внимания вопросы исследований трансформации прав человека в условиях цифровизации. Наиболее частыми аспектами правовых исследований в данной области стали цифровые права личности (идеи об их возникновении или отрицание этой идеи), трансформация порядка реализации прав

человека под воздействием информационных технологий, а также место прав человека в условиях цифровой трансформации. Данные вопросы рассматриваются в трудах М. С. Бурьянова, Ю. А. Чернышева, Е. Г. Стребковой и др.

Однако, неизбежно, что отдельные исследования «заходят в тупик», оканчиваются лишь указанием на то, что в современный период необходима разработка блока информационного законодательства в части регулирования отношений, связанных с разными аспектами цифровизации права. Такая ситуация объяснима, поскольку в настоящий момент отсутствует устоявшееся доктринальное понимание понятийно-категориального аппарата цифровизации права. В частности, не разработан единый подход к понятию «цифровизация права», «цифровое государство», «цифровые права личности», «информационный суверенитет» и др.

В настоящий момент сущность цифровизации становится предметом исследования различных научных трудов. К примеру, Т. А. Полякова предлагает понимать цифровизацию в двух аспектах: узком и широком. Так, первый предполагает процесс преобразования информации в определенную цифровую форму. В широком смысле цифровизация представлена в качестве общемирового тренда развития всех сфер общественной жизни посредством преобразования в цифровую форму [6, С. 54].

Кроме этого, в теории права нет четкого представления о пределах цифровизации права. Так, в контексте права важно четко очертить круг возможного вмешательства цифровизации в правовую действительность, определить, какие процессы в праве могут быть «оцифрованы». В данном направлении весьма рознятся европейские подходы и исследования российских и белорусских ученых. Первые из них отдают предпочтение использованию понятия «цифровизация в праве» [1. С. 5], в то время как российские исследователи оперируют понятием «цифровизация права» [4. С. 257]. В данном вопросе нам близка позиция Ю. А. Тихомирова, который обращает внимание на то, что предмет правового регулирования преобразуется при одновременном сохранении функций права и его воздействии на общественные отношения. То есть право в условиях цифровизации сохраняет свою основную функцию – регулятивную [8. С. 7]. Ю. А. Тихомиров отмечает также, что важно рассматривать вопросы совпадения цифровизации и правовой сферы регулирования. В сущности, речь и идет о необходимости исследования вопросов пределов вмешательства права в процессы цифровизации.

Среди отраслевых исследований в области цифровизации права лидирующее место занимает блок гражданско-правовых исследований, связанных с определением особенностей цифровой экономики, особенностями правового регулирования криптовалюты и др. В то же время исследование базовых институтов конституционного права и их трансформации под воздействием информационных технологий «не пользуются популярностью». Как правило, исследованию подвергаются конституционные права и свободы человека и их изменения в условиях цифровой реальности. Чаще всего в литературе акцентируется внимание на трансформацию таких прав, как право на образование, право на участие в управлении делами общества и государства, право на защиту персональных данных. В то же время основные институты конституционного права, связанные с определением

основ конституционного строя, конституционными обязанностями личности, общества и государства, определением виртуальной личности как субъекта конституционных правоотношений исследуются в незначительной степени.

Интересную позицию среди конституционалистов занимает Т. Я. Хабриева, изучая характерные особенности виртуальной личности как субъекта правоотношений. В частности, ученый придерживается подхода, согласно которому под «виртуальным лицом» понимается совокупность цифровых данных о реальной личности. При этом такой субъект распределяется на составные части, которые воссоединяются в случае возникновения спора о праве [9. С. 94].

Эволюция конституционного права представляет собой процесс непрерывного изменения количественных показателей, следствием которых выступают качественные изменения, выраженные в изменении сущности устоявшихся категорий и институтов. При этом эволюция конституционного права происходит по двум направлениям:

1. Нормативная эволюция конституционного права;
2. Доктринальная эволюция конституционного права.

Нормативная эволюция конституционного права имеет место в случае проведения конституционных реформ в определенном государстве. Такая эволюция носит национальный характер и ограничена действием конституционных норм отдельного государства. Причины проведения конституционных реформ могут быть различны по своему характеру и целям, например, необходимость перераспределения политических сил в государстве, необходимость перераспределения полномочий в рамках действующей и закреплённой системы сдержек и противовесов, установления нового конституционного правопорядка после возникшего ранее юридического конфликта в системе государственных органов и др. При этом причины таких реформ в рамках настоящего исследования не имеют значения. Нам важно акцентировать внимание на отражении цифровизации в праве на уровне Основного закона государства, внедрить элементы цифровизации в действующие конституционно-правовые нормы. Отметим, что последняя конституционная реформа в Республике Беларусь в 2022 г. закрепила обязанность государства в области создания условий по защите персональных данных личности.

Доктринальная эволюция конституционного права характеризуется развитием научных идей, не свойственных устоявшейся теории конституционного права, связанных с новым подходом в понимании конституционно-правовых институтов. В данном направлении ведущее место занимают такие ученые, как Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева, Г. А. Василевич и др.

Выделим несколько эволюционных изменений в содержании конституционно-правовых институтов:

1. Необходимость качественного преобразования конституционного строя. Согласно конституциям большинства стран мира, основными характеристиками государства являются «социальное, правовое, демократическое, светское, унитарное (федеративное)». На наш взгляд, такая характеристика государства, как «цифровое государство» остается без внимания законодателя. При этом на национальном уровне многих государств правительством утверждаются концепции,

стратегии развития информационного общества и построения цифрового государства (электронного правительства).

Вопросы построения и развития цифрового государства стали предметом исследования ряда политических, социальных, экономических и юридических наук, к примеру, таких авторов, как Р. А. Ромашов, И. Ю. Панкратов, Н. А. Боброва, А. И. Агеев, М. Н. Сатолина, Д. Н. Баранов, Е. Зиновьева, В. С. Осипов и др.

В частности, И. Ю. Панкратов под цифровым государством понимает следующую стадию после цифровизации, где осуществлен полный переход услуг в электронный формат и преобразованы в новые структурные формы органы государственного управления [5. С. 41]. Следовательно, цифровое государство выступает определенным «конечным продуктом» «оцифровки» всех стадий преобразований государства и общества в цифровой формат.

По мнению Д. Н. Баранова, под цифровым государством понимается государство, которое работает с цифровой трансформацией – с новыми цифровыми реалиями в экономике и обществе, причем использует при этом новые цифровые инструменты и процессы [2. С. 16]. Такой подход заслуживает критики по причине смешения терминов «цифровое государство» и «электронное правительство». Анализ данной позиции позволяет сделать вывод, что автор подразумевает именно последний феномен.

Под цифровым государством следует понимать вектор развития государства, который требует с учетом новой «информационной реальности» правового закрепления. На наш взгляд, такую характеристику государства, как «цифровое государство» следует закрепить в конституциях ряда государств по аналогии с правовым, социальным и демократическим государством. Сразу отметим, что данное предложение исходит из поддержки позиции относительно того, что определенные характеристики государства (правовое, социальное, демократическое) не являются констатацией факта, а представляют собой норму-цель, те приоритеты, на построение и обеспечение которых должен быть направлен вектор государственного развития. В данном случае, цифровое государство будет выступать конечным результатом перевода всех сфер общественной жизни в информационное пространство, что займет достаточно большой период времени.

Показательным примером в области цифровизации основ конституционного строя как основного конституционно-правового института выступает Франция. В 2016 г. в данном государстве принят Закон Французской Республики «О цифровой республике», в рамках которого урегулирован ряд положений, связанных с цифровизацией государства и общества.

2. Эволюция конституционного права происходит также по пути трансформации субъекта конституционно-правовых отношений. Здесь трансформация проходит по ряду направлений. Во-первых, увеличение круга субъектов конституционных отношений за счет включения «виртуальной личности» и электронных коллективных объединений в сети «Интернет». При этом такого рода объединения могут носить как формализованный (электронные объединения, группы пользователей), так и неформализованный характер (инициативы граждан по принятию ряда решений). Во-вторых, вопросы определения субъекта консти-

туционно-правового отношения. В частности, для участника любого правового отношения важна его идентификация. При этом не имеет значения складываются ли такие отношения в сети «Интернет» или нет.

Идентификация субъекта в сети «Интернет» влечет за собой ряд проблемных аспектов, связанных, как правило, с:

- 1) нарушением порядка защиты персональных данных;
- 2) ограничением прав и свобод других участников правоотношений.

Отдельные авторы предлагают свои подходы к решению указанных проблем. К примеру, Э. В. Талапина видит развитие идеи о презумпции предполагаемого лица, при которой его окончательная идентификация невозможна [7. С. 7].

3. Эволюция прав и свобод человека как института конституционного права. Отметим свою консервативность к устоявшейся теории прав человека и отсутствии необходимости в выделении цифровых прав и свобод. Цифровизация, безусловно, накладывает отпечаток на порядок реализации прав человека. Вместе с этим, содержание ранее известных прав остается неизменным. В качестве исключения можем привести только право на забвение и право на доступ в Интернет. При этом последнее является весьма дискуссионным в рамках теории права.

Отметим, что отдельные конституционные права и свободы пошли по принципиально новому пути развития и защиты. В частности, можно выделить отдельные направления развития права на информацию в современных условиях:

1. Переход от права на доступ к информации к праву на доступ к взаимосвязанной информации. По сути, здесь происходит появление нового права человека – права на доступ к информационным ресурсам как определенной совокупности взаимосвязанных документов. Отметим, что по такому принципу построена работа всех правовых информационно-поисковых систем.

2. В связи с развитием информационных технологий происходит постепенное превращение права на доступ к личной информации в определенный «продукт общественного пользования».

4. Эволюция государственного суверенитета как института конституционного права. Традиционное понимание суверенитета государства в современный период трансформируется в части смещения акцента в сферу обеспечения информационной безопасности государства. Под информационным суверенитетом следует понимать полноту и независимость государственной власти в информационной сфере. Отметим, что в Республике Беларусь на необходимость разработки концепции информационного суверенитета было обращено Конституционным Судом Республики Беларусь еще в 2018 г. При этом законодателем не были приняты должные меры реагирования. В настоящий момент действует Стратегия развития информатизации на 2016–2022 гг., где определены общие положения в части обеспечения информационного суверенитета. Однако на уровне конституционного законодательства до настоящего времени существует пробел в конституционно-правовом регулировании данного вопроса. На наш взгляд, разумно было бы разработать на международном уровне единый документ (Конвенцию, Декларацию) об основных стандартах в области информационной безопасности и обеспечения информационного суверенитета. Кроме этого, важно закрепить на конституцион-

ном уровне государств принцип информационного нейтралитета, который будет выступать конституционной гарантией проведения внешней политики.

Заключение. Исследование направлений эволюции конституционного права следует проводить точно, изучая отдельно взятый конституционно-правовой институт. При этом под эволюцией в конституционном праве следует понимать процесс преобразования конституционно-правовых институтов, следствием чего является качественное изменение их содержания.

Список литературы

1. Radvan M. Guest Editor's Note on Digitalization in Law // BRICS Law Journal. 2020. №7(2). Pp. 5-9.
2. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1, Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 15–23.
3. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. 2019. №4. С. 44–48.
4. Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
5. Панкратов И. Ю., Свертилова Н. В., Лидэ Е. Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба. 2018. № 1. С. 38–43.
6. Полякова Т. А., Незнамов А. В. Трансформация права в цифровую эпоху : монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
8. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
10. Холопов А. В. Человек в условиях цифровизации права: проблемы и пути развития // Юридическая наука. 2020. № 6. С. 8–12.

Е. П. Шульгин,

кандидат юридических наук,
Карагандинская академия Министерства внутренних дел
Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова

ОСВЕЩЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассмотрены отдельные положения проявления цифровизации на стадии досудебного расследования уголовных правонарушений. При этом началом досудебного расследования в Республике Казахстан

является факт внесения информации о совершенном уголовном правонарушении в базу Единого реестра досудебных расследований. Автор ставит перед собой цель определить пути придания правоохранительной системе посредством внедрения современных инновационных технологий новых качественных характеристик, направленных на оптимизацию и совершенствование этой деятельности.

Ключевые слова: Республика Казахстан, цифровизация, правоохранительная деятельность, досудебное производство, организация деятельности

COVERAGE OF CERTAIN PROVISIONS OF DIGITALIZATION IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. Within the framework of this article, certain provisions of the manifestation of digitalization at the stage of pre-trial investigation of criminal offenses are considered. At the same time, it should be understood that the beginning of a pre-trial investigation in the Republic of Kazakhstan is the fact of entering information about a committed criminal offense into the database of the Unified Register of Pre-Trial Investigations. The author aims to identify ways to give the law enforcement system, through the introduction of modern innovative technologies, new qualitative characteristics aimed at optimizing and improving this activity.

Keywords: The Republic of Kazakhstan, digitalization, law enforcement, pre-trial proceedings, organization of activities

Введение. В контексте внедрения в правоохранительную деятельность Республики Казахстан элементов цифровизации, информационно-коммуникационных технологий, передовых средств получения и фиксации информации и т. д. следует отметить, что данная деятельность выступает в качестве своеобразного реципиента достижений технологической составляющей развития общества.

Правоохранительная сфера является одной из наиболее консервативных в плане динамики внедрения инновационных методов и форм. Сам по себе досудебный процесс сложно представить без четкой формальной структуры и формальных критериев оценки (процессуальные формы, сроки, алгоритмы и последовательность действий, принципы оценки и использования доказательств и т. д.).

Основная часть. За последние годы в Республике Казахстан стадия досудебного производства заметно преобразилась, так как век информатизации заставляет переосмыслить многие устаревшие механизмы в работе правоохранительных органов. Как известно с 2018 г. в Казахстане стало возможным осуществление досудебного производства в электронном формате, что в каком-то плане перевернуло сознание большей части населения страны.

При этом то, что мы назвали рецепцией электронно-цифровых технологий в деятельности органов правопорядка, – это не есть непосредственно сам электронный формат досудебного расследования в том контексте, в котором он определен УПК Республики Казахстан. Рецепция электронно-цифровых технологий случилась гораздо раньше, когда должностные лица, осуществляющие досудеб-

ное расследование, стали применять электронно-цифровые технологии. В одном случае это произошло планомерно и «добровольно», когда речь идет о применении компьютерного набора текста процессуальных документов, а также их тиражирования и т. д. В другом случае обращение с электронно-цифровыми носителями информации стало своего рода «вынужденным» фактором в деятельности лиц, осуществляющих досудебное расследования (здесь речь идет, в частности, о необходимости работы с электронными доказательствами).

Если обратиться к вопросу о скорости рецепции электронной формы документооборота в досудебном производстве, то следует отметить, что первоначально электронная форма документооборота появляется в сферах так называемых «административных процедур», на чем справедливо акцентируют внимание исследователи [1. С. 57]. И это вполне объяснимо, поскольку, во-первых, эти процедуры имеют гораздо более простой характер (оформление документов, получение подтверждающих справок и т. д.), а во-вторых, следует признать, что возникновение сбоев в работе соответствующих систем, риск недостоверности или недоступности тех или иных данных в контексте административных процедур представляется гораздо менее значимым, нежели в осуществлении расследования по уголовному делу. Очевидно, по этой же причине электронная форма документооборота быстрее была адаптирована к потребностям судебной системы, нежели к деятельности по досудебному расследованию.

Значение цифровизации в правоохранительной деятельности Республики Казахстан выражается в совершенствовании механизмов взаимодействия органов досудебного производства с прокурором на стадии расследования, что позволяет существенно улучшить эффективность производства по уголовному делу. Кроме того, элементы цифровизации помогают избежать многочисленных процедур, связанных с бумажным оборотом документов, обеспечивают возможность оперативного доступа к важным процессуальным документам и становятся логическим продолжением налаживания таких механизмов, которые используются в судебной системе, что в итоге будет положительно сказываться на соблюдении прав участников уголовного производства.

Что же касается электронного формата расследования, то он также касается и формирования необходимой базы значимой для расследования информации, и самого порядка доступа, идентификации, подтверждения и иных процедур, непосредственно связанных с работой с соответствующей документацией. В этом смысле, производство досудебного расследования в электронном формате в большей степени соотносимо с понятием «электронный документооборот» в уголовном процессе.

Во всей этой деятельности ключевым звеном выступает следователь, должностное лицо, которое выполняя возложенные на него организационно-распорядительные функции, непосредственно осуществляет досудебное производство.

По мнению М. О. Медведевой, «организация деятельности, а также и сама деятельность по производству предварительного расследования носит познавательно-информационный характер и включает два компонента, содержание которых заключается, с одной стороны, в поиске и сборе доказательственной

информации, а с другой стороны, в ее последующей систематизации и анализе» [3. С. 91].

Безусловно, первая из приведенных трактовок является более объемной, хотя, на наш взгляд, и в ней не отражены все основные аспекты анализируемой деятельности. Фактически, в повседневной работе следователя по досудебному расследованию имеет место сочетание всех обозначенных процитированными авторами аспектов. Однако не случайно на первом месте отмечена именно познавательная деятельность с характерными для нее методами.

Познавательный аспект деятельности по расследованию преступлений связан с непосредственной мысленной реконструкцией событий, имевших место в ретроспективе (обстоятельства совершенного преступления), а также связанных с ними текущих событий для правильной оценки событий, которые должны получить надлежащую юридическую квалификацию.

Творческая, преобразовательная, исследовательская деятельность преимущественно трактуется в теории в двух самостоятельных аспектах: она либо имеет характер преобразования действительности, направленного на выявление новых явлений, связей, взаимодействий; либо данная деятельность связана с репродукцией тех или иных закономерностей, применением их в контексте конкретной ситуации, применительно к соответствующему объекту воздействия [2. С. 94].

Если применить соответствующую трактовку к деятельности по расследованию преступлений, то она, конечно, в большей степени связана с прикладным аспектом по применению (учету) тех или иных объективных закономерностей. Хотя в этом случае может иметь место и корреспондирующий процесс: в частности, меняющиеся, новые обстоятельства совершения преступлений могут привести к особому, эвристическому пути установления тех или иных новых связей и закономерностей, которые в последующем формируют новые знания о явлениях, закономерностях.

Безусловно, весьма значительна и роль коммуникации в работе по расследованию преступлений. Причем, в работе следователя коммуникация имеет значительное количество вариаций (мы имеем в виду только те коммуникации, которые возникают по поводу расследования преступлений).

Так, преобладающий объем коммуникативных взаимодействий будет складываться с участниками уголовного процесса. Характер данных коммуникаций различный – это и необходимые контакты с лицами носителями информации о совершенном преступлении, и служебные взаимодействия (руководитель следственного подразделения, прокурор, эксперт и др.).

Полагаем, что обозначенные структурные элементы деятельности по расследованию преступлений нуждаются в еще одном, весьма значимом аспекте, который фактически является результатом и предметом оценки всех упомянутых выше видов деятельности. Причем, в контексте традиционного понимания уголовного процесса этот аспект деятельности является весьма значимым, одним из наиболее важных критериев эффективности всего процесса по расследованию преступлений. Речь идет о фактографически-фиксирующем характере деятельности субъектов, сопровождающих весь процесс расследования преступлений. Значение такого обстоятельства, как соблюдение формы процессуального документа, основных его

реквизитов трудно переоценить. Неслучайно авторы современных исследований вопросы документооборота и делопроизводства включают в систему критериев, определяющих научные основы организации деятельности следователя [4. С. 39].

В этом смысле формат ведения материалов уголовного дела (бумажный, электронный, смешанный и др.) не может принципиально отразиться на таком критерии, как оценка формы и качеств материалов на предмет их соответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Безусловно, и до введения электронного формата досудебного расследования следователи широко использовали электронные формы документации, причем, ее удобство было неоспоримо. Так, в частности, один и тот же описательный элемент процессуального документа может быть успешно скопирован и добавлен во вновь создаваемый документ без какого-либо ущерба в процессуальном смысле. Однако единственно легитимным, значимым форматом существования реального уголовно-процессуального документа был бумажный формат, без наличия которого электронная копия текста не имела никакого значения.

И ведь действительно в настоящее время правоохранительная деятельность осуществляется в условиях стремительного развития информационного общества.

Инновации, современные информационно-телекоммуникационные технологии все глубже проникают в различные сферы деятельности правоохранителей и тем более органов досудебного производства, работа которых объективно сопряжена с большими объемами документооборота. В аналогичных условиях трудятся сотрудники служб и подразделений, осуществляющих управленческую и обеспечивающую деятельность, без чего невозможно достичь успеха в борьбе с преступностью, охране общественного порядка и безопасности. Казалось бы, использование инноваций в документационном обеспечении – закономерный выход из создавшегося положения, естественный способ рационализации выполнения правоохранительных функций органов внутренних дел и оптимизации протекающих внутри этой сложной социальной системы управленческих процессов.

На деле же парадоксальная ситуация – массовая компьютеризация отнюдь не привела к сокращению традиционного «бумажного» документооборота. Точное количество документов, обращающихся сегодня в правоохранительной сфере, не берется оценить ни один специалист. «Взрывное» увеличение объемов документооборота способно парализовать управление любого госоргана, подразделения, учреждения.

Учитывая, что органы внутренних дел сейчас работают в условиях коренного реформирования системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан, становится понятным, что залогом эффективности их деятельности и неотъемлемой частью проводимой модернизации, является совершенствование документационного обеспечения управления. Однако то, что лишь таким образом можно не допустить негативного развития ситуации, на сегодняшний день понимается слабо.

Как результат – большое количество действительно необходимых документов, требующих немедленного принятия руководителем органа внутренних дел управленческих решений, теряются среди второстепенных бумаг, либо из-за непрофессионализма ответственных лиц, видоизменяют свой первоначальный смысл. Именно

поэтому, в системе МВД Республики Казахстан особую актуальность приобретают вопросы совершенствования организации работы с документами, рационального документационного обеспечения. Это, в свою очередь, потребует оптимизации системы документационного обеспечения, в том числе повсеместного внедрения инновационных технологий, обучения руководителей и личного состава органов внутренних дел полноценно использовать управленческие инновации в служебной деятельности.

Недостатки, присущие системе документационного обеспечения деятельности правоохранительных органов, и намеченная автором цель – определение путей придания этой системе, посредством внедрения современных инновационных технологий, новых качественных характеристик, позволяющих эффективно решать стоящие перед ней задачи, позволили выдвинуть гипотезу о том, что оптимизация системы документационного обеспечения, является одним из способов повышения эффективности правоохранительной деятельности, в том числе и системы МВД Республики Казахстан.

Более того система МВД Республики Казахстан в настоящее время выбрала путь дебюрократизации, прилагая для этого большие усилия. Одним из этапов дебюрократизации как раз и является перевод большей части документооборота в электронно-цифровой формат.

Заключение. Таким образом, определение процессуального характера электронных документов в досудебном производстве не имеет тех или иных принципиально отличительных оснований, за исключением того обстоятельства, что они имеют несколько иной режим составления, передачи и хранения. В данном случае следует учитывать тот факт, что первоочередное значение имеет информация, содержащаяся в документе (независимо от его формы), нежели реквизиты. Вместе с тем вопрос о реквизитах процессуальных документов возникает именно по причине введенного электронного формата судопроизводства в деятельность должностных лиц органов досудебного расследования.

Список литературы

1. Клещина Е. Н. О совершенствовании уголовно-процессуального закона в условиях развития информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 56–58.
2. Козловский П. В. Планирование расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 90–97.
3. Медведева М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 250 с.
4. Можаяева И. П. Структура научной организации деятельности следователя // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 37–39.

М. В. Яковлев,

доктор политических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ДАРКНЕТ КАК ПРОБЛЕМА ПРАВА

Аннотация. В статье ставится цель определить концептуальную призму для рассмотрения Даркнета и его актуальное значение в измерении права. Делается вывод о том, что основным фактором трансформации Даркнета стала экспансия государств и корпораций в интернет-пространстве. Основным результатом исследования является тезис о том, что Даркнет трансформируется в особую социально-техническую систему, находящуюся вне сферы международного и государственного права, где все взаимодействия осуществляются только посредством частных соглашений между клиентами, где на основе криптовалют сформирована альтернативная мировая платежная система.

Ключевые слова: Даркнет, Интернет, интеллектуальное право, киберпространство, право, хактивизм, цифровое сопротивление

DARKNET AS A PROBLEM OF THE LAW

Abstract. The article aims to determine the conceptual prism for the consideration of the Darknet and its actual significance in the dimension of law. It is concluded that the main factor in the transformation of the Darknet was the expansion of states and corporations in the Internet space. The main result of the research is the thesis that the Darknet is being transformed into a special socio-technical system that is outside the sphere of international and state law, where all interactions are carried out only through private agreements between clients, where an alternative world payment system is formed based on cryptocurrencies.

Keywords: Darknet, Internet, intellectual law, cyberspace, law, hacktivism, digital resistance

Введение. Даркнет («Темная сеть», Dark web) становится все более просторным и вместительным участком киберпространства, где скрытно группируются и набирают мощь разного рода силы, которые выступают за анонимность, приватность, свободный доступ к общественно значимой информации и противостоят корпорациям и системам власти, стремящимся к установлению контроля над контентом и действиями пользователей. В последнее время они попали в поле зрения и отечественных исследователей: по ним на сегодняшний день в базе данных Elibrary содержится более 160 научных публикации на русском языке [1, 2].

Обзор материалов показывает изрядную неразбериху с определением Даркнета (его путают с «Глубоким интернетом», ошибочно называют сайтом и т. д.). Также имеется большое количество заблуждений о структуре и характере этой сети. При прочтении того, что пишется многими авторами о клиентах и контенте Даркнета на ум приходит сравнение со средневековыми картами, на которых население Terra Incognita изображалось в виде кентавров, людей с песьими голо-

вами и пр. В связи с недостатком точных и достоверных знаний о текущем статусе Даркнета в политике в статье ставится цель определить концептуальную рамку для его аналитического рассмотрения и выявить его актуальное место и перспективы в политической деятельности.

Для достижения цели используется сравнительно-исторический метод, который позволяет определить причины и время рождения Даркнета; для общей характеристики его функционирования и для выявления его значения как структурной единицы делаются контент-анализ его ресурсов и системный анализ; уточняется понятийно-категориальный аппарат исследования.

Основная часть. В сугубо технической интерпретации Даркнет – это общее название для одноранговых (P2P) компьютерных сетей (даркнетов), располагающих собственными псевдодоменами верхнего уровня (onion, i2p, freenet и др.), доступ в которые возможен (если они, конечно, не полностью изолированы) только посредством особого программного обеспечения, специальной авторизации, нестандартных протоколов и портов [22].

Как следует из приведенного определения, Даркнет имеет две специфики. Во-первых, его узлы равны друг другу, каждый из них одновременно может являться и клиентом, и сервером, при этом выделенные серверы часто отсутствуют. Во-вторых, его сетевой протокол основан на многократном независимом шифровании и маршрутизации по нескольким случайно выбранным узлам (прокси-серверам), что позволяет скрыть («затемнить») личность пользователей, местоположение узлов и контента, в отличие от Видимой сети. Именно так выстроена архитектура анонимной прокси-сети с анонимизированным соединением Tor. Другими наиболее известными примерами являются I2P (проект «Невидимый Интернет») и Freenet. Эти аппаратно-программные конфигурации располагаются в третьем секторе Всемирной сети (как TOR), после Видимой сети (Surface web – часть, контент которой находится в общем доступе и обрабатывается поисковыми машинами) и Глубокой сети (Deep web – сегмент, содержание которого закрыто и не индексируется поисковиками) [18, 21], или поверх Всемирной сети (как I2P). Хотя некоторые авторы полагают, что Даркнет входит в состав Глубокой сети, однако, это не совсем верно, т.к. для подключения к Глубокой сети не требуются специальные программные средства, чего нельзя сказать о Даркнете.

Таким образом, предикат «Темная», который напугал общественность и мистифицировал эту сеть (точнее, группу сетей под общим названием), на поверку оказывается не определением правового статуса ее информационного содержания и клиентов, а является метафорической технической характеристикой ее специфики.

В одной из первопроходческих работ по Даркнету определяются три базовых положения его функционирования: доступность любого объекта для широкого распространения, возможность свободного копирования любого объекта, высокоскоростное соединение [17]. Очевидно, что речь здесь идет о файлообменниках, отделенных от сетей общего доступа. Действительно, даркнет был задуман и построен именно таковыми в 1970-е гг. Столь же узкие и простые задачи они выполняли на протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. – в период бурного самораз-

вития Интернета, архитектуру которого создавали, главным образом, независимые добровольцы-программисты и продвинутые пользователи, руководствовавшиеся принципами свободы, открытого исходного кода, бескорыстного обмена знаниями, технического совершенствования для общественного прогресса, что обстоятельно описано в литературе [8. С. 22–50].

С начала 2000-х гг. значение Даркнета начинает меняться. Причину этого можно определить с помощью сравнительно-исторического метода, который демонстрирует связь между трансформацией Даркнета (увеличением его политического потенциала) и расширением государственного и корпоративного контроля и слежки в Видимой сети. Так, по мере роста интернет-экспансии государства и корпораций, даркнетов превращаются в наполненные разнообразными ресурсами полностью зашифрованные участки киберпространства, функционирующие на основе полной конфиденциальности. Сравнительно-исторический метод помогает определить время полноценного вхождения Даркнета в социально-политическую реальность и сферу права – около 2010 г. Точная дата обсуждается, однако, именно в 2010 г. активисты «Арабской весны» начали массово и постоянно использовать TOR для общения по социально значимым вопросам, протестной самоорганизации, безопасного информирования с целью содействовать демократизации и увеличению степени влияния общественности на консолидированные автократии. К 2012 гг. на мировой арене в качестве самостоятельного актора прочно утвердилось использующее Даркнет международное движение хакеров-активистов, которое включает оформившиеся в конце 1990-х гг. группы социально активных хакеров. В 2013 г. интерес к Даркнету резко возрос в связи с разоблачением Э. Сноуденом массовой слежки за гражданами, ведущейся системами власти: информация об американской системе шпионажа PRISM была передана в редакции The Guardian и Washington Post через TOR (последний, кстати, проектировался при весомой финансовой помощи правительства США).

Итак, давление государств, естественным образом стремящихся к поддержанию своих систем власти и доминирования в киберпространстве (в первую очередь, в национальных доменных зонах), а также наступление корпораций под знаменем защиты авторских и прочих прав (в т.ч. права на копирование) на привыкшее мыслить себя свободным и независимым интернет-сообщество породила в последнем сильное недовольство, быстро переросшее в сопротивление. В соответствии с общественным запросом инфраструктура и база даркнетов стремительно эволюционировали, они на очень высоком уровне начали предоставлять собственную DNS (систему доменных имен) для конфиденциального размещения контента и создания зеркал сайтов. Так, в I2P появились возможности расположить любые интернет-службы (чаты, блоги, форумы, IP-телефония, IP-телевидение, электронная почта, файловый хостинг, потоковые сервисы и др.), создать платформу (открытую или приватную), построить другие одноранговые сети (файлообменники BitTorrent, eDonkey и др.). В свою очередь TOR позволил анонимно посещать сайты, в т.ч. заблокированные, вести блоги, обмениваться данными в Видимой сети, а его скрытый функционал дал возможность, как и в I2P, создавать собственные интернет-ресурсы, сохраняя в тайне их местоположение и их владельцев. На его

базе сегодня работают Electronic Frontier Foundation (Фонд электронных рубежей – американская некоммерческая организация по защите прав пользователей в Интернете), Strongbox (служба приема компромата издания The New Yorker), MafiaLeaks (база данных об итальянской мафии), Indymedia (информационная сеть альтерглобалистов), ProPublica (сайт независимой журналистики расследований) и др.

Отдельно стоит отметить форумы наподобие DWF, Raid, Dread, Nulled, 4chan, служащие площадками для социально активных пользователей и хактивистов.

В наши дни общественное значение Даркнета повышается, он становится все более значительным феноменом социальной реальности. Одним из важнейших факторов развития Даркнета как действительно важного социально-политического явления является хождение криптовалюты на его просторах. Последняя предстает одной из наиболее существенных перспективных угроз для современного государства, чье могущество и суверенитет во многом держится на монопольном праве денежной эмиссии.

Контент-анализ сайтов современного Даркнета позволяет опровергнуть широко распространенное мнение о его преимущественно криминальной направленности. Исследования определенно указывают, что темы оружия, наркотиков, компьютерных взломов не являются определяющими и первостепенными в Даркнете. Например, рассмотрение 13 600 страниц в TOR показало, что 52% контента можно классифицировать как легальный согласно законодательствам Великобритании и США. Удельный вес сайтов, на которых продаются наркотики и оружие, составили, соответственно, 4 % и 0,3 %. Около трети ресурсов – это сервисы по обмену файлами. Содержание другой трети сайтов – это данные, изъятые из закрытых баз. 12 % сайтов связаны с финансовыми махинациями. Другое исследование демонстрирует в общих чертах схожие результаты. Из генеральной совокупности проанализированных 2723 сайтов сети TOR 43 % оказались законными, среди оставшихся 15 % связаны с наркотиками, 12 % – с финансами, 7 % – с прочими нарушениями, 1,5 % – с оружием [23, 24]. Хотя две этих работы различаются и по объему генеральной совокупности (в первой рассматриваются все найденные и функционирующие интернет-страницы, во второй – лишь часть сайтов), и по поставленным задачам, однако, обе они рассеивают предрассудки и позволяют заключить о том, что Даркнет нисколько не является криминальным кибер-гетто.

Аналитическое рассмотрение Даркнета в политическом измерении требует особой концептуальной призмы. Ряд базовых аспектов теоретического исследования политического измерения Даркнета заложили М. Кастельс и некоторые другие авторы, которые сформулировали несколько основоположений о власти и контрвласти в сетевом обществе. Во-первых, современные конфликты представляют собой борьбу среди связанных сетью акторов, привлекающих и мобилизующих сторонников с помощью мультимедийного общения. Во-вторых, изменение доминирования власти и сопротивления этому доминированию в современных условиях основаны на «сетевой конструкции и сетевых стратегиях нападения и защиты». В-третьих, сопротивление власти осуществляется посредством аналогичных механизмов, что и установление самой власти в сети, а именно при помощи «про-

граммы сетей» (точнее, путем введения новых команд и новых кодов) и «переключения между сетями». При этом наиболее радикальная стратегия предполагает полную замену основополагающих принципов сети («ядра программного кода») [7. С. 66–68].

Р. Гель предложил оригинальную и применимую к Даркнету (и вообще ко всем политическим институтам и процессам в Сети) трактовку власти как систему наблюдения, слежения, алгоритмического регулирования и ограничения архитектуры [20].

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт ввели в оборот концепт ноополитика, который обозначает стратегию, охватывающую киберпространство и все информационные системы (включая медиа) [15], направленную на установление и/или поддержание гегемонии.

Применение этих положений для обобщения эмпирических фактов, связанных с функционированием Даркнета, позволяет прийти к следующим результатам.

Длительное время (1980–1990-е гг.) Интернет создавался добровольцами-программистами и продвинутыми пользователями как свободная среда технико-технологических новаций и творческого обмена данными без ограничений, надзора, принуждения. Вторжение государств и корпораций в эту среду, установление ими слежки и контроля вызвало недовольство среди большого числа тех, кто непосредственно участвовал в ее формировании в соответствии со своими интересами и ценностями. Дальнейшее введение ограничений и давление на интернет-сообщество усилило это недовольство и породило сопротивление, которое в силу своей интенсивности обрело политическую окраску. Вспомним, что согласно К. Шмитту политическое возникает в случае конфликтного разделения на группы «друг/враг» и выраженного острого противостояния по какому-либо общественно значимому вопросу [12. С. 301, 305, 312]. Впоследствии связанные сетью несогласные объединились в «цифровое сопротивление» и ушли в современное подполье – Даркнет. В ходе их противостояния с государством как системой власти и доминирования (и состоящими в союзе с ним корпорациями, извлекающими прибыль из монопольного производства и распространения информационно-технологической и медиапродукции) сформировались сетевые группы наподобие Anonymous и LulzSec, использующие базу и средства Даркнета для реализации сетевой защиты и продвижения своих интересов. Со стороны государства последовали ответы в виде преследований хакеров-активистов, блокировок ресурсов, замедлений трафика, построении мощных файрволов, ограничивающих нормативных правовых актов и т.п. Одновременно с этим государства в рамках ноополитики начали мощную информационную кампанию, в которой под лозунгом борьбы за безопасность осуществляется постепенная смена основополагающих принципов Сети, а именно – замещение некогда преобладающих установок на добровольность, бескорыстное участие, свободный доступ к общественно ценной и значимой информации (включая научные тексты, произведения литературы, музыки, живописи и пр.), открытый исходный код и т.д. ориентацией на аутентификацию, шифрование, платный доступ к контенту. Эту пропагандистскую кампанию активно поддержали корпорации (медиаконгломераты).

Закключение. На основе изложенного можно заключить, что первопричиной политизации и трансформации Даркнета стала естественная устремленность государств к суверенному контролю над киберпространством, а также желание корпораций сохранить и защитить источник доходов (от копирайта и т. п.). Экспансия систем власти и доминирования в Интернете обусловила реакцию его пользователей, придерживающихся установок на конфиденциальность, свободный доступ, открытость социально значимых данных и исходного кода, побудила программистов к созданию собственного «цифрового бастиона» в виде Даркнета, а также инициировала «цифровое сопротивление» хактивистов и сочувствующих. Побочным эффектом этого процесса стало внедрение в Даркнет криминального элемента.

Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, в настоящее время в рамках Даркнета последовательно выстраивается порядок, в котором государство и корпорации не играют заметной роли (что их весьма беспокоит, т.к. подрывает суверенитет первых и угрожает монопольному положению вторых в деле извлечения прибыли из информационной деятельности). Возможно, мы наблюдаем за становлением абсолютно новой социальной технической системы, находящейся вне сферы международного и государственного права, где все взаимодействия осуществляются только посредством частных соглашений между клиентами, где на основе криптовалют сформирована альтернативная мировая платежная система, где пользователи пребывают не в гражданском состоянии, а в естественном.

С одной стороны, развитие Даркнета является серьезным вызовом для современных систем власти (особенно автократических) и корпораций, подрывающим их суверенитет и монопольное положение. При этом следует помнить, что сами государства используют Даркнет для ведения кибервойн. С другой стороны, Даркнет позволяет пользователями и заинтересованным группам действовать свободно, независимо, конфиденциально, участвовать в общественно-политических переговорах и массовых собраниях даже в тех случаях, когда таковые, фактически, запрещены.

Сейчас становится все более ясной траектория развития Даркнета как интенсивно формирующейся независимой международной среды для тайного и частного общения по имеющим государственную и политическую важность вопросам. На его базе не только наращивается потенциал сопротивления государствам и корпорациям, но и в будущем может наметиться своеобразная (виртуальная) альтернатива им. И в этом заключается основная проблема для действующей системы права.

Список литературы

1. Александров А. Г., Сафронов А. А. Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 156–160.
2. Арчаков В. Ю., Баньковский А. Л., Зенченко Е. В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // Право.by. 2021. № 6. С. 5–10.
3. Бартлетт Дж. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо. 2017. 352 с.

4. Билтон Н. Киберпреступник № 1. История создателя подпольной сетевой империи. М.: Эксмо, 2017. 447 с.
5. Бронников И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 269–285.
6. Жмуров Д. В. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1. С. 89–98.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
8. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-фактория, 2004. 328 с.
9. Пучков О. А. Мотивация действий хакеров в современной цифровой среде: междисциплинарный подход // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–3. С. 306–309.
10. Тормосева В. С. Политическая активность аудитории Постмодерна: коммуникативный аспект // Via in Tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 3. С. 647–657.
11. Чернышев Р. С., Рашкован А.А. Киберпространство – новая сфера военных действий в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3. С. 134–159.
12. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
13. Acar H., Pekcandanoglu M. Analysis of Russia's cyber security and cyber espionage policies // Turkish journal of Russian studies. 2020. № 3. Pp. 167–189.
14. Anjum A., Kaur Ch., Kondapalli S., Hussain M. A Mysterious and Darkside of The Darknet: A Qualitative Study // Webology. 2021. 18 (4). Pp. 285–294.
15. Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy. RAND Corporation, 1999. 102 p.
16. Bachrach P., Baratz M. S. The two faces of power // American political science review. 1962. № 56. Pp. 947–952.
17. Biddle P., England P., Peinado M., Willman B. The Darknet and the Future of Content Distribution // Microsoft Corporation. The Wyndham City Center Washington DC: ACM Workshop on Digital Rights Management, 2002.
18. Devine J., Egger-Sider F. Beyond Google: The invisible web in the academic library // The Journal of Academic Librarianship. 2021. № 30 (4). Pp. 265–269.
19. Gayard L. Darknet: Geopolitics and Uses. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018. 158 p.
20. Gehl R. W. Power/Freedom on the Dark Web: A Digital Ethnography of the Dark Web Social Network // New Media and Society. 2016. – 18(7). Pp. 1219–1235.
21. Hamilton N. The Mechanics of a Deep Net Metasearch Engine // Proceedings of the IADIS International Conference on e-Society. – 2019–2020. Pp. 1034–1036.
22. Mansfield-Devine S. Darknets // Computer Fraud & Security. 2009. № 12. Pp. 4–6.

23. Moore D., Rid T. Cryptopolitik and the Darknet // Survival. 2016. № 57 (1). Pp. 7–38.
24. Tzanetakis M. The Darknet's anonymity dilemma // Encore 2017. The Annual Magazine on Internet and Society Research. Pp. 118–125.
25. Wood J. The Darknet: A Digital Copyright Revolution // XVI Rich. J.L. & Tech. 14 (2010). URL: <http://jolt.richmond.edu/v16i4/article14.pdf> (accessed: 11.04.2022).
26. Zakariye M. O., Jamaluddin I. An Overview of Darknet, Rise and Challenges and Its Assumptions // International Journal of Computer Science and Information Technology. 2020. Vol. 8, Issue 3. Pp. 110–116.

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ |
DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC-LEGAL
(STATE-LEGAL) RELATIONS

<i>Абламейко М. С.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА <i>Ablameiko M.</i> DIGITAL TRANSFORMATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LAW	6
<i>Алферова А. А.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА. ВОПРОСЫ ПРАВА <i>Alferova A.</i> DIGITALIZATION AND BEHAVIORAL ECONOMICS. LEGAL ISSUES	13
<i>Анисифорова М. В.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ <i>Anisiforova M.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE PROCESS	26
<i>Афонин Д. Н.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ТОВАРОВ ПРИ ТАМОЖЕННОМ КОНТРОЛЕ <i>Afonin D.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TRACEABILITY OF GOODS UNDER CUSTOMS CONTROL	30
<i>Базилев А. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ СВОБОДНЫХ ЛИЦЕНЗИЙ ПРИ ДИСТРИБЬЮЦИИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ <i>Bazilev A.</i> PROSPECTS OF STATE ENFORCEMENT OF THE REQUIREMENTS OF FREE LICENSES IN SOFTWARE DISTRIBUTION	34
<i>Бакирова Д. М.</i> РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В АСПЕКТЕ ДИНАМИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА <i>Bakirova D.</i> DEVELOPMENT OF THE LEGAL FACTS THEORY IN THE PROCESS DIGITALIZATION OF THE LEGAL SPACE	44
<i>Белякова А. В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА <i>Belyakova A.</i> IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ACCESS TO JUSTICE IN A “DIGITAL” STATE	50
<i>Бойко Н. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНО-СПРАВОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТА СТРУКТУРЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА <i>Boiko N.</i> FEATURES OF THE UNIFIED SYSTEM OF REGULATORY AND REFERENCE INFORMATION AS ONE OF THE ELEMENT OF THE ELECTRONIC GOVERNMENT STRUCTURE.....	57

<i>Большакова В. М.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ <i>Bolshakova V.</i> FUNCTIONING OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE NEW DIGITAL REALITY: REGULATION I LAW ENFORCEMENT	62
<i>Брянцева О. В., Брянцев И. И.</i> ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ <i>Bryanceva O., Bryancev I.</i> PUBLIC-LEGAL FEATURES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ELECTION CAMPAIGNS: REGIONAL SPECIFICS AND FEDERAL TRENDS	66
<i>Волков Ю. В.</i> УРОВНЕВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Volkov Yu.</i> LEVEL REGULATION OF DIGITAL RELATIONS.....	73
<i>Голоманчук Э. В., Астафурова О. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ <i>Golomanchuk E., Astafurova O.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION: SEPARATE DIRECTIONS AND FEATURES OF IMPLEMENTATION	77
<i>Жочкина И. Н.</i> ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ / <i>Zhochkina I.</i> GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN PROVIDING ENVIRONMENTAL EXPERTISE	85
<i>Зайкова С. Н.</i> КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ <i>Zaikova S.</i> CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN TRANSPORT SECURITY: DIGITAL TECHNOLOGIES	90
<i>Заславская Н. М.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ) <i>Zaslavskaya N.</i> INFORMATION PROVISION IN A DIGITAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE STATE ENVIRONMENTAL GOVERNMENT)	97
<i>Зиновьева В. В.</i> АНАЛИЗ ИНЦИДЕНТОВ НАРУШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ И МИРЕ В I ПОЛУГОДИИ 2022 ГОДА. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ <i>Zinoveva V.</i> ANALYSIS OF CONFIDENTIAL INFORMATION BREACH IN RUSSIA AND IN THE WORLD IN THE 1H 2022. LEGAL PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY AND SOLUTIONS.....	107

<i>Золотарев Н. С.</i> ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО <i>Zolotarev N.</i> DIGITAL ECONOMY, DIGITAL LAW AND PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS.....	113
<i>Ивакин В. И.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО DIGITAL TECHNOLOGIES AND MUNICIPAL LAW <i>Ivakin V.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AND MUNICIPAL LAW	118
<i>Казанцев Д. А.</i> АВТОМАТИЗАЦИЯ ЗАКУПОК И ВОПРОСЫ ПРАВСУБЪЕКТНОСТИ <i>Kazansev D.</i> AUTOMATION OF PURCHASING AND ISSUES OF LEGAL PERSONNESS	124
<i>Казаченок В. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ <i>Kazachenok V.</i> DIGITALIZATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES	135
<i>Казьмина Е. А.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Kazmina E.</i> TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION FUNCTION OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....	139
<i>Камалова Г. Г.</i> ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ <i>Kamalova G.</i> INFORMATION AND LEGAL RISKS	144
<i>Кислый О. А., Исаева М. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ИНСТИТУТА ЭЛЕКТРОННЫХ ВИЗ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Kislyi O., Isaeva M.</i> SOME ISSUES CONSIDERED BY THE INSTITUTE OF ELECTRONIC VISAS IN THE RUSSIAN FEDERATION	153
<i>Коновальчиков Я. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПАРТОГЕНЕЗЕ <i>Konovalchikov Ya.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN PATHOGENESIS	161
<i>Костенюк Е. А.</i> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ <i>Kostenyuk E.</i> PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC JUSTICE	170
<i>Крохина Ю. А.</i> ОШИБКИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЛОГОВОМ КОНТРОЛЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ <i>Krohina Yu.</i> ERRORS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TAX CONTROL: LEGAL CONSEQUENCES AND RESPONSIBILITY.....	175
<i>Кудряшов Е. Ю.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА <i>Kudryashov E.</i> DEVELOPMENT PROSPECTS AND REGULATORY REGULATION OF THE STATE ELECTRONIC DOCUMENT FLOW	181

<i>Кукеев А. К.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ <i>Kukeev A.</i> LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF ADMINISTRATIVE SERVICES THROUGH DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN COUNTRIES	192
<i>Куликов М. А.</i> МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПРАВОМ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ <i>Kulikov M.</i> MANIPULATION BY MEANS OF LAW IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE.....	199
<i>Курьякова В. Ф.</i> К ВОПРОСАМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ <i>Kuryakova V.</i> ON THE ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION ABOUT CULTURAL HERITAGE OBJECTS	203
<i>Лазарев В. В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СВЕТЕ ПЕРСПЕКТИВ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Lazarev V.</i> LEGAL SCIENCE IN THE LIGHT OF THE PROSPECTS OF DIGITALIZATION.....	213
<i>Латышев О. Ю., Луизетто М., Ибрагим Г.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Latyshev O., Luizetto M., Ibragim G.</i> LEGAL STATUS OF THE PERSON IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION	216
<i>Лескина Э. И.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ BIG DATA В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ <i>Leskina E.</i> APPLICATION OF BIG DATA TECHNOLOGY IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES	226
<i>Лолаева А. С.</i> ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА <i>Lolaeva A.</i> ELECTRONIC DEMOCRACY AS A BASIC ELEMENT OF THE INFORMATION SOCIETY	233
<i>Лопатина Т. М.</i> ПАРАДИГМА ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Lopatina T.</i> THE PARADIGM OF DIGITAL SOCIETY: ETHICAL RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	242
<i>Машевская О. В.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ИММАНЕНТНОЕ ИЛИ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ? <i>Mashevskaya O.</i> THE DIGITAL TRANSFORMATION: IMMANENT OR TRANSCENDENT?.....	248

<i>Мильшин Ю. Н.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ <i>Milshin Yu.</i> INFORMATION TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF OPTIMIZATION OF CONTROL ACTIVITIES IN PUBLIC AUTHORITIES	260
<i>Миронова С. М.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В УСЛОВИЯХ ГИГ-ЭКОНОМИКИ <i>Mironova S.</i> LEGAL NATURE AND THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS IN THE GIG ECONOMY	264
<i>Москалевич Г. Н.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ <i>Moskalevich G.</i> LEGAL PROBLEMS IN THE SPHERE OF ELECTRONIC LEGAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS	275
<i>Мохова А. Ю., Демидов В. П., Долженкова Е.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Mohova A., Demidov V., Dolzhenkova E.</i> REALIZATION OF RIGHTS AND FREEDOM IN THE PERIOD OF DIGITALIZATION.....	284
<i>Муратаев С. А.</i> РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН <i>Murataev S.</i> HE ROLE OF DIGITALIZATION IN LEGAL REGULATION EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF STATE ADMINISTRATION BODIES IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN	290
<i>Мухамеджанова Д. У.</i> БИОМЕТРИЧЕСКАЯ АУТЕНТИФИКАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРАКТИКОЙ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ <i>Muhamedzhanova D.</i> BIOMETRIC AUTHENTICATION IN KAZAKHSTAN AND RISKS ASSOCIATED WITH THE PRACTICE OF ITS APPLICATION	298
<i>Немчик Ю. А.</i> ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИНТЕРЕСАХ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ <i>Nemchik Yu.</i> THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE CREATION AND IMPROVEMENT OF THE E-GOVERNMENT IN THE INTERESTS OF THE SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA.....	303
<i>Нурмухаметова В. В.</i> КОНТУРЫ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Nurmuhametova V.</i> OUTLINES OF THE PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF LAW IN THE ERA OF DIGITALIZATION	313
<i>Осипов М. Ю.</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ <i>Osipov M.</i> ON THE QUESTION OF THE CLASSIFICATION OF “DIGITAL TECHNOLOGIES” IN THE PUBLIC LEGAL SPHERE.....	318

<i>Паламарчук С. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В РОССИИ И КИТАЕ: ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ УГРОЗА КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ <i>Palamarchuk S.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL CREDIT SYSTEM IN RUSSIA AND CHINA: BUILDING A SOCIETY OF JUSTICE OR A THREAT TO THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY	322
<i>Паронян К. М.</i> МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ) <i>Paronyan K.</i> THE MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL SUBJECTIVE RIGHT TO FORGET (INTERNATIONAL AND DOMESTIC EXPERIENCE).....	329
<i>Подмаркова И. П.</i> ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ <i>Podmarkova I.</i> THE PROBLEM OF THE RELEVANCE OF LEGAL INFORMATION ON THE INTERNET	337
<i>Пономарева К. А.</i> НАЛОГ НА ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ: ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Ponomareva K.</i> DIGITAL SERVICES TAX IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL TAX REFORM: THE PRACTICE OF FOREIGN COUNTRIES AND PROSPECTS OF INTRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	349
<i>Рахметов Б. Ж.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСТАНА: РЕГУЛИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЫЗОВЫ <i>Rahmetov B.</i> DIGITAL TRANSFORMATION OF KAZAKHSTAN: REGULATION, DEVELOPMENT, AND CHALLENGES	359
<i>Рашиева Н. Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Rasheva N.</i> SOME ASPECTS OF ANTI-CORRUPTION DIGITALIZATION	367
<i>Рувинский Р. З.</i> ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: КАК И ЗАЧЕМ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМИРУЮТ ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ? <i>Ruvinskii R.</i> REGENERATION OF THE STATE: HOW AND WHY DO DIGITAL PLATFORMS TRANSFORM THE PUBLIC ADMINISTRATION?.....	376
<i>Рыбин А. В.</i> СРАВНИМО ЛИ ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ С ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГОМ? <i>Rybin A.</i> IS REMOTE E-VOTING COMPARABLE TO INTERNET BANKING?	389

<i>Рыжова Н. И., Громова О. Н.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Ryzhova N., Gromova O.</i> TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF MODERN SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW AND DIGITALIZATION OF SOCIETY	396
<i>Савицкая О. Г.</i> ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ <i>Savickaya O.</i> DIGITAL FORMS OF DIRECT DEMOCRACY IN THE NORMATIVE ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES	404
<i>Сидорова Н. В.</i> КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ <i>Sidorova N.</i> KAZAKHSTAN MODEL OF DIGITALIZATION OF THE JUDICIARY.....	411
<i>Синенко В. С.</i> НОРМОТВОРЧЕСКИЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Sinenko V.</i> LAW-MAKING AND LAW-APPLICATION PROCESSES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC RELATIONS	417
<i>Смирнова Е. Е.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ <i>Smirnova E.</i> LEGAL REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IMPLEMENTATION OF TAX CONTROL	422
<i>Sodikov A. Sh.</i> SOME ISSUES OF DIGITALIZATION OF LAW-MAKING PROCESS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN <i>Sodikov A. Sh.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	428
<i>Соколова А. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ <i>Sokolova A.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW: CHALLENGES, PROBLEMS, PROSPECTS OF LEGAL INTERACTION.....	440
<i>Соловкин С. В.</i> ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В ЭПОХУ КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ <i>Solovkin S.</i> DIGITAL FOOTPRINTS IN THE ERA OF CYBER-PHYSICAL SYSTEMS: RETHINKING OF CONCEPT AND SIGNIFICANCE FOR DATA PROTECTION.....	451

<i>Соловьев П. В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРИНЦИПА НАУЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА <i>Solovev P.</i> IMPLEMENTATION OF PRINCIPLE OF SCIENCE IN RULE-MAKING FROM POSITION OF DIGITALIZATION OF STATE AND LAW	459
<i>Степкин С. П.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДАЧИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ <i>Stepkin S.</i> LEGAL PROBLEMS OF SUBMITTING CITIZENS' APPEALS IN SOCIAL NETWORKS.....	463
<i>Тихалева Е. Ю.</i> УМНЫЕ ГОРОДА: СУЩНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ <i>Tihaleva E.</i> SMART CITIES: THE ESSENCE AND POTENTIAL OF DEVELOPMENT	470
<i>Туранин В. Ю., Нестеренко В. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Turanin V., Nesterenko V.</i> DIGITALIZATION IN LEGAL EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS	474
<i>Файзрахманова Л. М.</i> НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ <i>Faizrahmanova L.</i> TAXATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL REALITY.....	479
<i>Фальшина Н. А.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА <i>Falshina N.</i> PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AND NATIONAL FEATURES OF DIGITALIZATION OF LAW	484
<i>Чайков Н. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА <i>Chaikov N.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR MANAGING PUBLIC-LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS	492
<i>Чеботарев В. Е.</i> ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИКТ-СРЕДЕ <i>Chebotarev V.</i> ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF ELECTORAL INFORMATION CAMPAIGN IN THE MODERN INFORMATION TECHNOLOGY ENVIRONMENT	497
<i>Чеботарева А. А., Нестеров Е. А.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО, ЦИФРОВОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА <i>Chebotareva A., Nesterov E.</i> ON SOME FEATURES OF INFORMATION, DIGITAL AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE TRANSPORT COMPLEX.....	510

Чекалова Т. Ю. ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ <i>Chekalova T. REMOTE ELECTRONIC VOTING: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES</i>	517
Шавров С. А. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНСАЛТИНГ В ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ <i>Shavrov S. A. FUNCTIONAL-LEGAL CONSULTING IN THE PLATFORM ECONOMY</i>	526
Шахновская И. В. ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Shahnovskaya I. EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION</i>	531
Шульгин Е. П. ОСВЕЩЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН <i>Shulgin E. COVERAGE OF CERTAIN PROVISIONS OF DIGITALIZATION IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN</i>	537
Яковлев М. В. ДАРКНЕТ КАК ПРОБЛЕМА ПРАВА <i>Yakovlev M. DARKNET AS A PROBLEM OF THE LAW</i>	543

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 2

*Под редакцией И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило,
И. А. Филиповой, А. А. Шутовой*

Главный редактор Г. Я. Дарчинова
Редакторы: Г. А. Тарасова, Е. А. Маннапова
Технический редактор О. А. Аймурзаева
Дизайн обложки: Г. И. Загреддинова

ISBN 978-5-8399-0768-3

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 60×84/16
Гарнитура PT Astra Serif, 9. Усл. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 39,76
Тираж 2000 экз. Заказ № 107

Издательство «Познание» Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42; тел. (843) 231-92-90; e-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «ТЦО «Таглимат»
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ

JOURNAL OF DIGITAL
TECHNOLOGIES AND LAW

ХАЙТЕК

International Journal of
Law in Changing World

РАПСИ Российское агентство
правовой и судебной информации

